

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ
ЛИНГВИСТЫ
XX ВЕКА**

ЧАСТЬ 1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ
ЛИНГВИСТЫ
XX ВЕКА

СБОРНИК СТАТЕЙ

Часть I
А – Л

Москва, 2002

ББК 81
О-82

Серия
“Теория и история языкознания”

**Центр гуманитарных научно-информационных
исследований**

Отдел языкознания

Редакционная коллегия:

Ф.М. Березин – д-р филол. наук (отв. редактор)
А.М. Кузнецов – д-р филол. наук
Е.О. Опарина – канд. филол. наук
С.А. Ромашко – канд. филол. наук

О-82 **Отечественные лингвисты XX века: Сб. статей // РАН
ИНИОН. Центр гуманит. научн.-информ. исслед. Отд.
языкознания; Редкол.: Березин Ф.М. (отв. ред.) и др. – М.,
2002. – Ч. I: (А – Л). – с. – (Сер.: Теория и история
языкознания).**
ISBN 5-248-00137-4

В предлагаемом вниманию читателей первой части сборника “Отечественные лингвисты XX века” (сборник будет состоять из трех частей) анализируются работы выдающихся русских лингвистов послереволюционного периода, внесших огромный вклад в разработку проблем структурного членения языка, его функционирования и внешних связей, проблем знаковости языка и положения языка среди других языковых систем. В трех частях сборника (ч. I (А – Л), ч. II (М – С), ч. III (Т – Я)) будут рассмотрены теоретические концепции 33 отечественных языковедов, начиная от Р.И. Аванесова и кончая В.Н. Ярцевой.

Издание предназначено для лингвистов, интересующихся историей отечественного языкознания.

ББК 81

ISBN 5-248-00137-4

© ИНИОН РАН, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Ф.М.БЕРЕЗИН. Советское языкознание XX века: Задачи, проблемы, решения.....	5
В.В.ПОТАПОВ. Рубен Иванович Аванесов	51
М.Б.ПАРЕНКО. Виктор Иванович Борковский	77
Ю.А.БЕЛЬЧИКОВ. Виктор Владимирович Виноградов	92
Л.Г.ЛУЗИНА. Григорий Осипович Винокур.....	125
Е.О.ОПАРИНА. Николай Николаевич Дурново	144
С.А.РОМАШКО. Виктор Максимович Жирмунский	165
Л.Д.ЗАХАРОВА. Григорий Андреевич Ильинский.....	180
А.М.КУЗНЕЦОВ. Соломон Давидович Кацнельсон.....	197
Ф.М.БЕРЕЗИН. Петр Саввич Кузнецов	217
Ф.М.БЕРЕЗИН. Борис Александрович Ларин	232
Н.Н.ТРОШИНА. Тимофей Петрович Ломтев.....	255
В.И.ПОСТОВАЛОВА. Алексей Федорович Лосев	268

Ф.М.Березин

СОВЕТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ XX ВЕКА: ЗАДАЧИ, ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ

В предлагаемой вниманию читателей первой части сборника “Отечественные лингвисты XX века” (сборник будет состоять из трех частей) анализируются работы выдающихся русских лингвистов послереволюционного периода, внесших огромный вклад в разработку проблем структурного членения языка, его функционирования и внешних связей, проблем знаковости языка и положения языка среди других знаковых систем. На материале русского, славянских, германских, романских языков ученые выдвинули оригинальные идеи в области фонетики и фонологии, лексикологии и лексикографии, морфологии, словообразования, синтаксиса, стилистики и культуры речи, литературного языка и его развития.

В работах этих ученых формировались основные черты советского теоретического языкознания — интерес к проблематике социологии языка, его типологии, внимание к содержательной стороне языка, стремление к изучению динамики языковых процессов, выявлению внутрисистемных языковых связей, изучение истории языка в связи с историей народа, говорящего на данном языке и т.п. В анализируемых работах эти характерные особенности получили разное преломление в зависимости от конкретной тематики, индивидуальных интересов, что и стремились показать авторы статей о том или ином ученом.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции вызвала грандиозную ломку не только в сфере общественно-экономических отношений, но и в области науки. Наука, в том числе и языкознание, была привлечена к служению народу, новому обществу, практические нужды которого она была призвана обслуживать. Наука о языке приобретает громадное практическое значение. В первую очередь это было обусловлено тем, что огромные массы безграмотных ранее людей получили доступ к русской и мировой культуре. Изменилась функциональная роль русского языка, который стал языком межнационального общения.

Начавшееся массовое распространение грамотности, расширение сферы употребления русского и национальных языков, практические задачи создания новых литературных языков, отражение грандиозных революционных процессов в языке – все это поставило перед языковедами такие задачи и проблемы, с которыми прежде отечественное языкознание и не сталкивалось.

Известные советские языковеды Лев Рафаилович Зиндер (р. 1910) и Т.В.Строева вспоминают, что атмосферу, царившую в советском языкознании 20–30-х годов, можно определить как период поиска. “Это был поиск новых тем, нового материала, новых путей, а главное – новых методологических основ, которые лингвисты стремились черпать из материалистической марксистской философии” (Зиндер, Строева, 1999: 206).

Характерной чертой того времени было желание извлечь непосредственно практическую пользу из всякого исследования. А задач было множество: это и создание письменности для множества бесписьменных и по существу неисследованных языков, это и распространение литературного языка в среде трудящихся, и методика преподавания иностранных европейских языков, широко внедряемых в массы, и другие задачи.

Л.Р.Зиндер и Т.В.Строева отмечают, что созданный в 1930 г. и просуществовавший до 1937 г. Институт речевой культуры (ИРК) в Ленинграде отражал всю множественность теоретических и практических задач, стоящих перед советским языкознанием.

В период, предшествующий революции, русское языкознание в постановке и разработке проблем в работах отечественных лингвистов было далеко впереди зарубежного языкознания. Показательны в этом отношении слова Е.Д.Поливанова (1891–1938): “...в деле разработки

общелингвистических проблем русские и польские ученые предшествующего поколения не только были наравне, но и намного опередили современных им, да и современных нам западноевропейцев (позволю себе привести один пример: посмертная книга Ф. де Соссюра, которая многими была воспринята как некое откровение, не содержит в себе буквально ничего нового в постановке и разрешении общелингвистических проблем по сравнению с тем, что давным-давно уже было добыто у нас Бодуэном и бодуэновской школой” (Поливанов, 1931: 3-4).

Вообще для русского дореволюционного языкознания характерной особенностью в освещении общезыковедческой проблематики была философская направленность, заключающая в себе мысль о том, что все явления мира, в том числе и язык, могут быть рассмотрены как различные формы материи.

Сразу после революции, когда перед языковедами встал вопрос о поисках тех путей, по которым должно развиваться новое марксистское языкознание, необходимо было правильно решить вопрос о преемственности старого и нового.

Крупный ученый дореволюционной России, много и плодотворно занимавшийся проблемами армяно-грузинской филологии, Николай Яковлевич Марр (1864–1934) полагал, что старое индоевропейское языкознание, обязанное своим появлением буржуазной идеологии, зашло в тупик, поскольку занималось изучением вымышленного, никогда не существовавшего праязыка. Исходя из идеи “единства глоттогонического (языкового) процесса”, он считал, что языки, особенно индоевропейские, возникают в результате схождения, скрещивания и смешения первоначально разнородных языков. Занимаясь кавказским языкознанием, он обратил внимание на влияние кавказского субстрата на индоевропейский армянский язык. Этот субстрат он назвал яфетическим, и элементы этого субстрата Марр стремился найти не только в армянском, но и в языках всего мира.

Субъективно Марр стремился стать марксистом, принять активное участие в становлении революционной общественной науки. Объективные причины (недостаток философской подготовки, отсутствие настоящей лингвистической школы) привели его к упрощенному, вульгарно-социологическому истолкованию сложных явлений и процессов языкового развития. Он выдвинул тезис о том,

что язык является идеологической надстроечной категорией, возникшей на базе производства и производственных отношений, игнорируя положение о том, что язык есть важнейшее средство человеческого общения.

Из представления о языке как надстроечной категории Марр сделал и другие, в корне ошибочные выводы. Во-первых, поскольку всякой идеологической надстройке присуща классовая сущность, то язык тоже является классовым. Во-вторых, язык развивается стадийно, в результате смены общественных формаций. Марр полагал, что переход общества из одной формации в другую должен сопровождаться переходом языка из одного состояния в другое, при этом структура языка резко меняется и возникает новая, качественно отличная система языка. В-третьих, пути развития всех языков едины (теория единства глоттогонического процесса). Марр полагал при этом, что, поскольку в развитии общества наблюдаются одни и те же закономерности, постольку и в развитии языка выявляются общие закономерности, связанные со сменой формаций общества.

Положения “нового учения” о языке вызвали более чем скептическое отношение со стороны некоторых языковедов того времени, поскольку противоречили фактам языка. Но справедливы слова о том, что «понять Н.Я.Марра периода “нового учения о языке” можно только в контексте революционной эпохи» (Абаев, 1960: 99). Популярности “нового учения о языке” способствовали боевой дух и пафос преобразований советской этики, которые пронизывали всю деятельность Марра. Как писал тот же Василий Иванович Абаев (1899–2001), “проблематика Марра и общее направление его исследовательских устремлений... отражали по-своему боевой дух и революционный размах советской эпохи” (Абаев, 1960: 96).

Не следует думать, что “новое учение о языке” Марра господствовало повсюду. Зиндер и Строева свидетельствуют: «“Новое учение о языке” Марра присутствовало в ИРКе (Институте речевой культуры. – Ф.Б.) с самого начала, но оно не насаждалось в обязательном порядке и не было ведущей линией. Такие его положения, как учение о четырех элементах, совсем не находили отражения в трудах ИРКа. Большая часть работ... вообще основывалась на других методах и идеях. Эта широта и терпимость ко всякой мысли, которая стремилась к созданию материалистического воззрения на язык, может быть и была той притягательной силой,

которая привлекала к себе большое количество ученых, очень разных по объему их исследований, по возрасту и по научному темпераменту» (Зиндер, Строева, 1999: 210).

Произвольное оперирование языковым материалом в намечаемых Марром стадийных схемах вызывало их неприятие, выражаемое, правда, не в печатной форме из-за боязни репрессий. Так, видный представитель русского сравнительно-исторического языкознания, ученик И.А.Бодуэна де Куртенэ, Василий Алексеевич Богородицкий (1857–1941) писал в одной из своих рукописей, датированной 1938 г.: «При всех своих сравнениях акад. Марр опирается всегда на собственную, им составленную яфетическую фонетику, базирующуюся на многочисленных вариациях указанных четырех звуковых комплексов¹ и их переходов... Не будет ошибки, если скажем, что в общем в сопоставлениях акад. Н.Я.Марра, в связи с многочисленностью допускаемых им звукоизменений, значительно больше свободы по сравнению с приемами арио-европейского языкознания...» (Богородицкий Архив. Л. 3-4).

Анализ того, как Марр сумел превратить свое учение в официальную догму, получившую поддержку сверху и снизу и господствовавшую в советской лингвистике с первой половины 20-х годов до развенчания и гибели 20 июня 1950 г., дан в обстоятельной и фундаментальной книге В.М.Алпатов «История одного мифа» (1991).

Черной страницей в истории советского языкознания было так называемое «дело славистов». Это дело было сфабриковано Секретно-политическим отделом ОГПУ в конце 1933 – начале 1934 г. Его жертвами оказались известные ученые и специалисты, среди которых Н.Н.Дурново, Г.А.Ильинский, А.М.Селищев, В.В.Виноградов, Н.П.Сычев, П.Д.Барановский, В.Н.Сидоров и др., и наряду с ними скромные музейные работники, краеведы, врачи, агрономы. Дело было одним из звеньев кампании против старой русской интеллигенции в годы «культурной революции» в СССР. Целью этой кампании было не столько уничтожение, сколько запугивание и унижение людей, воспитанных в иной системе ценностей по сравнению с господствовавшей. Однако в 1937–1938 гг. не менее

¹ Имеются в виду четыре постулируемых Марром звуковых элемента: sal, ber, jon, goš. – Ф.Б.

трети осужденных по делу, еще находившихся в системе ГУЛАГ'а, было уничтожено, а несколько человек еще ранее не выдержали страданий. “В то же время другой части осужденных удалось вернуться к работе, а изменившаяся в военные и послевоенные годы конъюнктура оказалась благоприятной для некоторых из них” (Ашнин, Алпатов, 1994: 3). В книге подробно разбираются судебные дела упомянутых выше лингвистов и прослеживается их судьба в те тяжелые годы.

Хотя абсолютизация “нового учения о языке” сужала творческие возможности советских языковедов в 20–30-е годы, в этот период они, продолжая традиции отечественных дореволюционных лингвистов, занимаются выявлением множественности причин изменения языка, указанием на социальную обусловленность языковых изменений. В этот период интересы советских лингвистов обращаются прежде всего к социолингвистической проблематике, к изучению того, какое отражение нашли в языке социально-политические сдвиги, обусловленные революцией.

В 20–30-е годы появляется ряд работ, посвященных социолингвистической проблематике. Это книга Р.О.Шор (1894–1939) “Язык и общество” (1926), книга А.М.Селищева (1886–1942) “Язык революционной эпохи” (1927), статья М.Н.Петерсона (1885–1962) “Язык как социальное явление” (1927), работа Е.Д.Поливанова (1891–1938) “Революция и литературные языки Союза ССР” (1927), статьи Б.А.Ларина (1893–1964) “О лингвистическом изучении города” (1928) и “К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок)” (1928). Эти работы советских языковедов заложили основы нового оригинального направления советского языкознания, известного под названием “социальная диалектология”, которое позднее переросло в социолингвистику. Социальная диалектология требовала изучать языковые явления в тесной связи с территориальными и социально-групповыми изменениями носителей данного языка, а также языковые изменения внутри различных группировок этих носителей.

Проблемы социологии языка получили теоретическое осмысление в работах Е.Д.Поливанова. В круг проблем социологической лингвистики он включал определение языка как социального исторического факта, описание языков и диалектов с социологической точки зрения, изучение причинных связей между

социально-экономическими и языковыми явлениями, выработку языковой политики. Подводя итоги развитию советского языкознания за 1917–1927 гг., Поливанов писал: “...наука о языке должна быть наукой социологической... Первая, существеннейшая особенность... это перенос центра тяжести на социологическую сторону в изучении языка... Революция в области лингвистики выразилась у нас прежде всего в появлении новых – именно социологических тем и задач исследования” (Поливанов, 1968: 51–53).

Отличительная черта советского языкознания 20-х годов состояла в том, что лингвисты активно участвовали в практической деятельности – в создании письменности для бывших “иностранческих” народностей, не имевших ранее своей графики, составлении описательных грамматик, словарей, учебников и букварей для бесписьменных народов.

В 30-е годы в нашей многонациональной стране началась подлинная культурная революция, одной из составных частей которой было языковое строительство. Для практического руководства языковым строительством были созданы научные центры – Всесоюзный центральный комитет нового алфавита, Комитет нового алфавита народов Севера и др. Основная деятельность этих комитетов заключалась в определении фонетических и графических основ алфавитов, определении базы создания литературных языков, разработке терминологии. В создании письменности, в формировании новых литературных языков большую роль сыграли такие языковеды, как Е.Д.Поливанов, Н.Ф.Яковлев (1892–1974) и др. Разработка алфавитов и орфографии, научных и практических грамматик, общих и специальных орфографических словарей посвящены такие работы Яковлева, как “Краткая грамматика адыгейского (кяхского) языка” (1930), “Краткая грамматика кабардино-черкесского языка” (1938), в которых он приводит в стройную систему грамматические особенности этих языков. Основные принципы по унификации алфавитов для горских языков Кавказа изложены в его работе “Математическая формула построения алфавита” (1928).

Деятельность советских языковедов по созданию новых литературных языков привела к углубленному практическому и теоретическому изучению самых разнообразных языков нашей

страны, расширила диапазон исследовательской работы, поставила перед советскими лингвистами новые специфические задачи.

В 30-е годы социалингвистические исследования, формально не запрещенные, явно идут на спад, можно отметить лишь ряд конкретных и обращенных в прошлое работ В.М.Жирмунского, К.Н.Державина и других ученых, в 40-е годы и они почти исчезают. Еще в конце господства “нового учения о языке” отмечалось полное прекращение работ по социальной дифференциации языков советской эпохи, освоению русского языка нерусскими (Алпатов, 1991: 200).

Сформировавшаяся с середины 50-х годов как самостоятельная отрасль языкознания социалингвистика (социология языка) стала охватывать полностью или частично систему “плоскостных” членений языка, обусловленных воздействиями общества, в частности и в особенности воздействиями социального членения человеческих коллективов. Она стала интенсивно заниматься изучением условий функционирования языка в обществе, влияния общества на изменения в языке, которое не осуществляется прямо, непосредственно, автоматически, а проявляется в его внутренней структуре. Советские лингвисты, занимавшиеся вопросами социалингвистики (Б.А.Ларин, Е.Д.Поливанов, В.М.Жирмунский, Ф.П.Филин), подчеркивали, что общественная природа языка определяет все его функции, проявляется на всех уровнях языковой структуры.

В 1958 г. В.В.Виноградов (1895–1969) и С.И.Ожегов (1900–1964) выдвинули в качестве первоочередной тему “Русский язык и советское общество”, в рамках которой предполагалось исследование развития русского литературного языка в связи с происходящими в обществе социальными изменениями.

За последние 40–50 лет своего развития отечественная социалингвистика прошла большой и сложный путь. Она ставит своей целью исследование природы языка как социального явления, его места и роли в общественном развитии; разработку методов социалингвистических исследований и выработку понятийного аппарата социалингвистики; выяснение роли социальных факторов в развитии языка; изучение социальной дифференциации языка и соотношение языка и общества в развитых и развивающихся странах; исследование проблем развития общественных функций языка.

Не следует думать, что в период господства “нового учения о языке” происходило сужение и обеднение тематики лингвистических исследований. Борьба за повышение культуры речи, задачи создания литературных языков, вопросы нормализации языка также способствовали возбуждению интереса к этой проблематике. “Проблема формирования и развития национальных языков привлекла внимание советских лингвистов в 30-е годы нашего столетия и разрабатывалась как на материале русского языка (работы Л.П.Якубинского, многочисленные труды В.В.Виноградова и его учеников), так и на материале западноевропейских языков (раньше всего в работах В.М.Жирмунского по немецкому языку). Для работ этих лет было характерно усиленное внимание к социально-экономическим факторам в развитии языков, а в области процесса формирования общенационального языка – выделение особой роли письменно-книжной речи” (Ярцева, 1968: 50).

В 30-е годы у лингвистов еще нет четкого разграничения понятий литературного и национального языков, нет ясности и в разработке этих понятий. Отсутствовало и понятие нормы как специфической проблемы литературного языка. В этот период разработка теоретических проблем литературного языка велась в основном в вульгарно-социологическом аспекте, утверждалась прямолинейная зависимость становления литературных языков от социально-экономических факторов. Особенно это проявилось в книге Ан.М.Иванова и Л.П.Якубинского (1892–1945) “Очерки по языку” (1932), где авторы выделяют классовые языки крестьянства и пролетариата, и в книге В.М.Жирмунского (1891–1971) “Национальный язык и социальные диалекты” (1936). “В концепции В.М.Жирмунского (также как и в предшествующей ей и очень сильно повлиявшей на нее концепции проф. Л.П.Якубинского) остро ощущаются вульгарно-социологические оттенки понимания языка как в своем существе и в своей основе общественного явления и всех процессов его исторического развития” (Виноградов, 1967: 22–23).

Л.В.Щерба (1880–1944) в статье “Современный русский литературный язык” (1939) пытается теоретически осмыслить понятие “литературный язык”, рассматривая литературный язык в его противопоставленности другим формам существования языка. Главным признаком литературного языка Щерба считает монолог, ибо всякий монолог, по его мнению, есть литературное произведение

в зачатке. Щерба очень тонко подмечает еще одну, кроме нормы, особенность литературного языка — его наддиалектный характер, общеобязательность для всех членов языкового коллектива. Литературный язык в концепции Щербы является своеобразным барьером против стихии устно-разговорных форм, сохраняющим язык как систему.

Методологически важные положения были разработаны при исследовании истории русского литературного языка в работах В.В.Виноградова (1895—1969), С.П.Обнорского (1888—1962), Л.П.Якубинского (1892—1945), Р.И.Аванесова (1902—1982), Ф.П.Филина (1908—1982), Г.О.Винокура (1896—1947), М.Н.Петерсона (1885—1962), Б.А.Ларина (1893—1964) и других, в которых много внимания было уделено вопросу соотношения церковнославянского и древнерусского элементов в различные периоды письменной традиции в России.

В 40—50-е годы ведутся исследования теоретических и практических вопросов формирования и развития литературных языков народов Советского Союза. Большое внимание обращается на соотношение литературного, национального, общенародного языков, на формулировку этих понятий, на определение диалектной базы конкретного литературного языка и отношение литературного языка к заимствованиям, особенно диалектным.

При решении вопроса о диалектной базе литературного языка в работах Ф.П.Филина было сформулировано важное положение об исторической изменчивости отношений между самими местными диалектами и между литературным языком и диалектами. Эти отношения меняются потому, что функции литературного языка различны на разных этапах развития общества. Новой в советском языкознании была и проблема вариативности литературного языка, т.е. о его отклонениях от допустимой нормы.

На материале русского языка в работах В.В.Виноградова были выражены важные критерии определения таких понятий, как “язык литературы”, “литературный язык”, “язык писателя”, и взаимосвязь между ними, подчеркнута различие между письменно-книжной и устно-разговорной формами литературного языка. Основными признаками национального литературного языка он считает тенденции к всенародности или общенародности и нормативность.

На материале германских языков проблемы формирования немецкого литературного языка рассматривались в работах

В.М.Жирмунского “Национальный язык и социальные диалекты” (1936), “История немецкого языка” (5-е изд. 1965), в которых он отмечает, что опорой для процесса языковой унификации явилось закрепление формирующейся национальной нормы немецкого языка в письменной форме литературного языка. «...Исследование В.М.Жирмунского “Национальный язык и социальные диалекты” является важным этапом в разработке советской проблематики теории и истории национальных литературных языков. Оно было несправедливо забыто в 40-е и особенно в 50-е годы, когда были выдвинуты новые точки зрения на этот обширный цикл историко-лингвистических вопросов» (Виноградов, 1967: 24).

В области романского языкознания на материале испанского языка Г.В.Степанов (1919-1986) в таких работах, как “Роль Сервантеса в становлении испанского национального литературного языка” (1951), “О национальном языке в странах Латинской Америки” (1960), “Испанский язык Америки в системе единого испанского языка” (1965), разрабатывает понятие языковой нормы, что предполагает выработку единой общенациональной наддиалектной нормы.

Очень подробно, на материале различных языков, теорию и практику изучения национальных и литературных языков подытоживает В.В.Виноградов в монографии “Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития” (1967).

Специфику советских исследований в области появления и развития литературных языков В.Н.Ярцева видит в следующем: “Таким образом, достижением советских лингвистов в изучении истории литературных языков является не только описание тех конкретных исторических условий, в которых совершается формирование и развитие литературной нормы национального языка, но и обнаружение связей и зависимостей между развитием структуры языка и общественными условиями его функционирования” (Ярцева, 1968₂: 58-59).

После лингвистической дискуссии 1950 г. в советском языкознании “не осталось иного методологического оружия, кроме сравнительно-исторического языкознания, да притом еще в явно младограмматической трактовке, поскольку предписывалось осуществлять преимущественно исторический подход к изучению языков и обнаруживать в них внутренние (или иные) законы их развития. Такой подход и обрел статус материалистического” (Звегинцев, 1989:20).

Но традиции компаративистики в период господства “нового учения о языке” были подорваны, преподавание сравнительного языкознания в высших учебных заведениях прекратилось. “Гонение на компаративистику, в котором научное убеждение зачастую смыкалось с ретивым администрированием, переключало интересы огромного большинства советских языковедов в сторону, далекую от сравнительно-исторических изысканий. В итоге целое поколение, может быть даже два поколения советских лингвистов утратили, за незначительными исключениями, необходимую для этого подготовку” (Стаблин-Каменский, 1968:9).

Но уже с середины 50-х годов исследования советских языковедов в области сравнительно-исторического языкознания сопровождаются постановкой ряда методологических и методических проблем. Прежде всего стали разрабатываться вопросы, связанные с дополнением сравнительно-исторической методики приемами внутренней реконструкции, данными ареальной лингвистики. Расширение языкового материала индоевропейских языков за счет привлечения фактов других языков привело к более тесному соединению сравнительно-исторической проблематики с идеями и методами типологического языкознания, что особенно проявилось в синтаксической типологии И.М.Мещанинова (1883–1967).

Советские языковеды стремятся заменить плоскостную реконструкцию индоевропейского праязыка выделением его временных пластов — раннего и позднего этапов развития индоевропейского языка; соответственно реконструкция расчленяется на “дальнюю” и “ближнюю”. Восстановление индоевропейского праязыка сейчас не является конечной целью компаративистских исследований. В работах советских языковедов-компаративистов неоднократно подчеркивается, что реконструкция праязыковой схемы должна рассматриваться как своеобразная точка отсчета при изучении истории языков. В этом заключается научно-методическое значение реконструкции языка, поскольку реконструированная праязыковая схема позволяет нагляднее представить историю развития конкретной группы родственных языков или отдельного языка.

Сравнительно-историческое изучение различных языковых групп в советском языкознании получило неодинаковое развитие. Высокого уровня достигло сравнительное славянское языкознание.

Продолжая и развивая идеи А.А.Шахматова (1864–1920) о генезисе славянства вообще, советские славяноведы достигли значительных успехов в разработке теории балто-славянской языковой общности, ее содержания в языковом и этногенетическом аспектах, в вопросах формирования восточной, западной и южной ветвей славянства. При реконструкции большее внимание стало уделяться привлечению данных хронологии фонетических, морфологических, синтаксических и лексических процессов. Показательными в этом плане являются монографии Ф.П.Филина (1908–1982) “Образование языка восточных славян” (1962), “Происхождение русского, украинского и белорусского языков” (1972), обобщившие все достижения советского и зарубежного сравнительно-исторического славяноведения за последние десятилетия и по-новому освещающие происхождение восточнославянских языков. Делая упор на выявление диалектных явлений в области фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса, Филин уточняет вопрос о природе славян, ареале распространения восточнославянских языков, периоде распада общеславянского языка, формах контактирования славянских языков. Выявленные автором различные зоны диалектных явлений, существовавшие до возникновения восточнославянских языков, привели его к важному выводу о том, что начала современных наречий каждого из них старше самих языков.

Этой же тематике посвящены и глубокие исследования Н.И.Толстого (1923–1996), который в статьях “Об образовании восточнославянских национальных литературных языков” (1959), “К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян” (1961), а особенно в обобщающей монографии “История и структура славянских литературных языков” (1988) указывает на важность изучения древнеславянского литературного языка, считая его важным звеном в образовании типологически различных языковых ситуаций в разные периоды развития славянских литературных языков. Славянские литературные языки, полагает он, демонстрируют целую гамму разнообразных отношений с другими стратами (идиомами) в пределах одного языка (просторечием, говорами, языком фольклора).

В области германского языкознания уже в ряде исследований во второй половине 30-х годов были проблемы, связанные с типологической характеристикой германских языков, с приемами

внутренней реконструкции. В таких работах, как “История немецкого языка” (1938), “Развитие строя немецкого языка” (1935), особенно в монографии “Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков” (1964), В.М.Жирмунский главной задачей сравнительной грамматики считает не реконструкцию модели праязыка, а раскрытие внутренних закономерностей (тенденций) развития родственных языков.

В монографиях В.Н.Ярцевой (1906–1999) “Историческая морфология английского языка” (1960), “Исторический синтаксис английского языка” (1961) новым для описания истории английского языка является строго синхронический анализ морфологической и синтаксической систем каждого из периодов в истории английского языка. Монография С.Д.Кацнельсона (1907–1985) “Сравнительная акцентология германских языков” (1966) открывает новую главу в сравнительной грамматике германских языков; в ней реконструируется общий ход развития германской просодической системы в ее исторической последовательности.

Многолетние исследования советских германистов нашли свое выражение в четырехтомной “Сравнительной грамматике германских языков” (1962–1966). «С публикацией “Сравнительной грамматики германских языков”, – писал У.Леман, – германское историческое языкознание в целом вступает в новую эру» (Леман, 1965: 122).

Менее разработаны принципы сравнительно-исторического метода в области синтаксиса, одной из главных причин этого является трудность реконструкции синтаксических архетипов. С некоторой степенью достоверности можно восстановить определенную синтаксическую модель, но нельзя реконструировать ее материальное словесное наполнение, если под этим наполнением понимать слова, встречающиеся в одной и той же синтаксической конструкции. В исследованиях по сравнительно-историческому синтаксису преимущественное внимание обращается на анализ средств выражения синтаксических связей в родственных языках.

Мало исследований посвящено исторической лексикологии. В этом плане заслуживает внимания небольшая монография Ф.П.Филина “Историческая лексикология русского языка” (1984), вышедшая уже после смерти автора. Эта книга, а также его статья “Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по

материалам летописей)» (1949) стимулировали развитие исследований по истории русской лексики.

Многообещающим в работах советских компаративистов следует признать широкое использование типологических критериев в сравнительном языкознании, поскольку такое использование делает более надежными выводы сравнительно-исторических исследований. Большая заслуга в создании типологического изучения языков принадлежит И.И.Мещанинову.

Вместо марровской теории единства глоттогонического процесса И.И.Мещанинов выдвигает синтаксическую стадиальную теорию, нашедшую отражение в его работах «Новое учение о языке. Стадиальная типология» (1936), «Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения» (1940) и в более поздних работах «Члены предложения и части речи» (1945) и «Глагол» (1949). На материале различных языков народов Советского Союза И.И.Мещанинов анализировал выражение субъектно-объектных отношений в языке и на основе способов их выражения выделял три стадии — пассивную (эта стадия характерна для чукотского, алеутского, нивхского и других палеоазиатских языков, где нет различия субъекта и объекта), эргативную (характерную для кавказских языков, в которых субъект действия стоит в особом эргативном падеже, а объект — в именительном) и активную, где ведущим синтаксическим признаком является наличие субъекта в именительном падеже. В дальнейшем И.И.Мещанинов ставил под сомнение стадиальный характер развития синтаксических типов, но идея проведения синтаксических исследований, построенных на изучении сходств и различий в выражении синтаксических отношений в родственных и разносистемных языках, была новой для советского языкознания 30-х годов и знаменовала становление типологического изучения языков, а сам И.И.Мещанинов может быть назван основоположником типологического изучения языков в советском языкознании.

На материале германских языков, используя данные разнообразных языков неиндоевропейского типа, С.Д.Кацнельсон в монографии «К генезису номинативного предложения» (1936) стремился показать, что ряд явлений германских языков является реликтом эргативного строя.

Правда, следует отметить, что в первой половине 50-х годов типологическая проблематика не пользуется вниманием советских языковедов, однако позднее возрождение интереса к типологии было связано с бурным развитием сравнительно-исторических исследований.

Критическое отношение молодых советских языковедов к сравнительно-историческому языкознанию зачастую приводило в первые годы после революции к отрицанию всего, что было накоплено мировой лингвистикой. В условиях революционного преобразования мира нужно было определить проблематику советского языкознания в духе новой эпохи.

К числу ведущих языковедов, занимавшихся разработкой общелингвистических проблем, принадлежал Л.В.Щерба. По свидетельству В.В.Виноградова, Щерба “с середины 30-х годов все... более и более склоняется к материалистической философии языка, к диалектическому материализму” (Виноградов, 1975: 489).

Щерба был убежден в большой практической ценности языкознания для общества, подчеркивая, что язык есть деятельность человека, направленная к определенной цели.

С позиций общего языкознания Щерба рассматривал все вопросы: о системе языка, проблемах фонетики и фонологии, о роли сравнительно-исторического языкознания, о задачах синтаксиса. Общелингвистические взгляды Щербы полнее всего изложены в статье “О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании” (1931), где он излагает свои взгляды на систему языка. Различая речевую деятельность (т.е. процессы говорения и понимания), языковой материал (т.е. совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или иную эпоху данной общественной группы) и систему языка, Щерба основную задачу лингвистики видел в изучении системы языка. В языковой системе он видит некую социальную данность, нечто единое и общеобязательное для всех членов данной общественной группы в условиях ее жизни. В языковую систему входят слова, образующие в каждом языке свою очень сложную систему, а также схемы или правила построения различных языковых единств. Языковую систему, т.е. словарь и грамматику данного языка, по мнению Щербы, следует выводить из соответствующих текстов, т.е. из соответствующего языкового материала.

Щерба намечает путь анализа функционирующих языков, заключающийся в выяснении того, соответствуют ли полученные гипотетическим путем выводы действительным языковым фактам. Такую проверку Щерба и называет экспериментом в языкознании, позволяющим проникнуть в специфику языка.

Общетеоретические проблемы, в частности проблемы языкового развития, были поставлены в работе Е.Д.Поливанова (1891–1938) “Где лежат проблемы языковой эволюции” (1931). Причины языковых изменений Поливанов усматривал не только во внутренних закономерностях функционирования речевого механизма, в развитии и изменении фонетического и морфологического строя языка, но и в определенном влиянии на язык социально-экономических факторов. Изучению условий языкового изменения Поливанов придавал настолько большое значение, что предлагал выделить особую отрасль языкознания – лингвистическую историологию, или учение об эволюции языка, которая должна была заниматься всем комплексом входящих сюда проблем.

В послевоенный период большую роль в истории советского языкознания сыграла книга И.И.Мещанинова “Члены предложения и части речи” (1945). В этой работе Мещанинов начал разрабатывать учение о так называемых понятийных категориях. Речь идет о том, что в различных языках земного шара существуют общие представления, например, представления о субъекте, предикате, атрибуте, о предметности процесса и т.д., которые грамматически выражаются по-разному. Так, общее для всех языков понятие субъекта выражается грамматическим понятием подлежащего, которое может передаваться либо существительным, либо глагольной формой, либо другой частью речи. Понятийных категорий в языке немного, а разнообразие способов их передачи грамматическими средствами очень велико. Например, понятия субъекта и предиката лежат в основе громадного большинства языков мира, и способы их выражения различны. Мещанинов пришел к выводу об универсальном характере понятийных категорий, их всеобщности для подавляющего большинства языков. Идея Мещанинова о сочетании типологических исследований с выяснением языковых универсалий, к сожалению, не привлекла внимания современных лингвистов. А ведь Мещанинов в 1947 г. высказал глубокую мысль, что “прослеживаемые в языке... понятийные категории и являются в

первую очередь тем связующим звеном, которое объединяет языки” (Мещанинов, 1975: 323), положив тем самым начало изучению языковых универсалий, которые в зарубежной лингвистике стали исследоваться с начала 60-х годов. Теоретические построения Мещанинова основывались на огромном языковом материале, зачастую ранее не использованном, в частности на материале языков народов Севера. Это придавало его выводам особую убедительность.

Одной из важнейших теоретических проблем, привлекавших внимание советских языковедов, была проблема двойственного характера языка как объекта изучения. Оригинальный подход к решению этой проблемы осуществил в начале 50-х годов Александр Иванович Смирницкий (1903–1954). Касаясь вопроса о взаимоотношении языка и речи, Смирницкий в работе “Объективность существования языка” (1954) отметил, что язык действительно и полно существует в речи, являясь ее важнейшей составной частью. Но язык не только существует в речи, – он создается и пополняется за счет создаваемых речью произведений. Язык как средство общения извлекается из речи. Речь как средство общения есть ее использование в конкретных условиях и с определенными целями для выражения реальной возникающей мысли.

Смирницкий считает, что разграничение языка и речи у Ф. де Соссюра проведено неправильно. По его мнению, крайне важно различать речь как материал и язык как заключенный в нем предмет языкознания. Отсюда следует, что основной единицей речи, по Смирницкому, является предложение, а основными единицами языка – слово, интонационное единство, формы употребления слов в предложении. После “извлечения” из речи языка в ней остается “сверхязыковой остаток”, включающий в себя случайные ошибки в произношении, особенность голоса, звуковую (произносительную) стилистику. И если Соссюр считал речь сугубо индивидуальным явлением, то “сверхязыковой остаток”, по словам Смирницкого, включает в себя и индивидуальные, и социальные признаки. Смирницкий сделал попытку диалектически осмыслить соотношение между языком и речью. Между языком и речью есть качественные различия, но между ними существует и диалектическая связь, суть которой, по Смирницкому, в том, что отдельные особенности речи могут превращаться в черты языка и отдельные произведения речи могут превращаться в единицы языка.

Смирницкий выделяет три формы существования языка: полное действительное существование (язык как средство общения), неполное действительное существование (односторонность процесса общения) и неполное существование в форме действующего знания (внутренняя речь) – со специфическими особенностями единиц в каждой из форм. Такой подход позволяет поставить вопрос о соотношении этих форм в различных коммуникативных ситуациях и тем самым понять механизм функционирования языка.

Проблеме взаимодействия языка и речи посвящена работа Тимофея Петровича Ломтева (1906–1972) “Язык и речь” (1961). Ломтев анализирует эти категории не как разные явления, подлежащие изучению разными науками, а как разные стороны одного явления, представляющие собой предмет и объект одной науки. Язык, отмечает Ломтев, представляет собой такую сущность, способом существования и проявления которой является речь. Язык как сущность находит свое проявление в речи. И язык, и речь имеют общественную, социальную природу. И в акте общения социальная природа языка принимает форму индивидуальной речи. И язык, и речь по своей природе социальны. Язык и речь различаются по основанию некоего установления процесса. Есть язык как средство общения и есть речь как процесс общения с помощью языка.

Особенность концепции Ломтева в том, что взаимоотношение языка и речи он рассматривает с философской точки зрения – как отношение сущности (языка) к ее проявлению (речи), как отношение общего и единичного.

Интересные наблюдения над понятием системности языка содержатся в книге Георгия Владимировича Степанова (1919–1986). В книге “Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи” (1976) он вводит понятие внешней системы языка, под которой понимаются все виды дифференциации языка, возникающие под воздействием внешних факторов (временных, пространственных, социальных) и имеющих ту или иную функцию в социуме. Внешняя система языка описывается с помощью оппозиций синтопии – диатопии, синстратии – диастратии, монофункции – полифункции.

Синтетический объект, т.е. фрагмент языка с едиными характеристиками (например, диалект), противопоставляется диатопическому объекту – языку, рассматриваемому в совокупности

его территориальных вариаций на уровне диалектов. Оппозиция синстратия — диастратия направляет мысль исследователя на “социальное пространство”, формирующееся в физическом пространстве и во времени. И, наконец, противопоставление монофункции полифункции используется для определения типов соотношения между функционально-стилистическим членением языка и типами общественной информации, связанной с различными видами деятельности людей.

Внешняя система языка тесно связана с внутренней; связь эта проявляется в том, что некоторые элементы функциональной системы (функциональные стили) имеют более или менее определенные внутривидовые характеристики.

Новизна положений Степанова заключается в том, что выделение внешней системы языка в ее связи с внутренней системой предполагает, по мнению Степанова, более дифференцированные связи языка с объективной действительностью, более глубокое познание социальной природы языка и является важной предпосылкой эффективного познания языка.

В разработке проблем фонологии в советском языкознании следует подчеркнуть преемственность взглядов советских ученых прежде всего с положениями И.А.Бодуэна де Куртене, впервые обратившего внимание на существование в языке кроме звуков речи других элементов, названных им фонемами. «Во второй половине 20-х — начале 30-х годов группа молодых московских лингвистов, назвавшая себя “новомосковской школой” (в отличие от “московской школы языкознания” — школы Ф.Ф.Фортунатова), создала самостоятельную фонологическую теорию на базе основных фонологических трудов Бодуэна де Куртене...», — писал С.И.Бернштейн (Бернштейн, 1962: 65). До конца 20-х годов работ по теории фонемы не было. Несмотря на господство в начале 30-х годов марковского “нового учения о языке”, мешавшего развитию фонологии, появлялись немногочисленные работы, носившие новаторский характер. Так, Поливанов в теоретическом курсе, читанном в 1915/16 г. и изданном в 1923 г. под названием “Лекции по введению в языкознание и общей фонетике” (1923), отметил, что не все физические и физиологические различия между звуками имеют одну и ту же ценность для языка как средства общения. Поливанов и называет фонемой представление звука языка, способное ассоциироваться со смысловым

представлением слова и дифференцировать слово. Под оттенками фонемы он понимает различные виды звуков, выступающие в виде реализации (произношения) фонемы как психической величины. Он различает комбинаторные (обязательные) и факультативные (необязательные) оттенки фонем.

«Наибольшее влияние на последующие работы не только советских, но и зарубежных фонологов оказали исследования Поливанова в области фонологических систем. Поливанов разработал теорию дивергенций (расщепления одной фонемы на две) и конвергенции (совпадения двух фонем в одной), которая получила широкую известность после использования ее проф. Р.О.Якобсоном... Особенно важным является установленный Поливановым закон взаимозависимости конвергенции и дивергенций... Но в специальной литературе до настоящего времени не обращали внимания на то, что в трудах Поливанова по исторической фонологии изложен и ряд других плодотворных идей. В частности, им был описан тот процесс, который А.Мартине образно назвал “цепной реакцией”» (Иванов, 1957: 60).

Историческая фонология (“фонетическая историология”), по мнению Поливанова, позволяет говорить не только о генезисе прошлого и настоящего, но и о будущем составе языка. Рассмотрение фонем в морфологической структуре слова дает основание считать Поливанова одним из ранних представителей образовавшейся позднее московской фонологической школы.

В советский период первым, кто дал трактовку фонемы в морфологическом плане, был Николай Феофанович Яковлев (1892–1974). В статье “Математическая формула построения алфавита” (1928) он писал, что фонемы потому сознаются говорящими, что они выполняют особую грамматическую функцию. В учении Яковлева важно отметить два момента: 1) признание смысловозначительной функции фонем, существования у них звуковых особенностей, помогающих различать значимые элементы языка; 2) утверждение социальной природы фонем, признание их социально выделяемыми в языке звуками. Социальный аспект в понимании фонемы десять лет спустя вновь отметил Щерба в книге “Фонетика французского языка” (1937). Наконец, Яковлев говорит о необходимости выделения двух типов вариантов фонем (звуковых оттенков). Первый тип вариантов фонем связан с выполнением смысловозначительной

функции (твердость/мягкость в русском языке). Другой тип вариантов фонем связан с сочетаниями фонем друг с другом (комбинаторные варианты фонем).

Яковлев подчеркивал практическую направленность фонологических изысканий для создания алфавитов.

Функциональное понимание фонемы подробно развивается Щербой в основном в двух работах – “Фонетика французского языка” (1937) и “Очередные проблемы языковедения” (1945). Основные идеи учения Щербы о фонеме можно сформулировать следующим образом: 1) фонема – это кратчайшая единица языка, выделяемая в линейной цепи звучания; 2) фонема обладает смыслоразличительной функцией; 3) фонема имеет оттенки – реально произносимые звуки, являющиеся тем общим, в котором реализуются фонемы (звуковые типы); 4) фонема обладает дифференциальными признаками; 5) фонема – это система (совокупность) противоположностей, находящихся в отношениях противопоставления; 6) невозможность отрыва фонетики от фонологии; 7) автономность фонетики от морфологии (“антиморфологизация”).

Эти идеи Щербы легли в основу созданной им Ленинградской фонологической школы и предвосхитили основные положения представителя Пражской лингвистической школы Н.С.Трубецкого (1890–1938), который в своей работе “Основы фонологии” (1939) понятие фонемы выводил из понятия фонологической оппозиции, возникающей в случае противопоставления звуков. Теория Трубецкого легла в основу фонологического структурализма.

Развитием положения Яковлева явилась статья Р.И.Аванесова (1902–1982) и В.Н.Сидорова (1903–1968) “Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка” (1930), где авторы определяют фонему как “звуковое качество, дифференцирующее морфемы языка”. Они также пишут о двух видах звуковых различий – комбинаторных, зависящих от позиций, и самостоятельных, способных дифференцировать морфемы языка.

В 1945 г. Аванесов и Сидоров опубликовали “Очерк грамматики русского литературного языка”, в котором наиболее четко были выражены основные положения Московской фонологической школы.

“Основные положения этой школы заключаются в следующем.

1. При характеристике фонологических противопоставлений нужно различать сильную позицию (позицию максимального различия) и слабую позицию (позицию возможной нейтрализации).

2. Различаются: основной вид фонемы (выявляющийся в сильной позиции), вариации, комбинаторно обусловленные модификации фонем, не ведущие к нейтрализации противопоставлений, и варианты, комбинаторно обусловленные модификации в условиях нейтрализации. Каждая вариация относится всегда к одной фонеме, вариант – к двум фонемам.

3. Состав фонемы языка выявляется только в сильных позициях.

4. Фонемная принадлежность каждого звукового элемента морфемы также выявляется только в сильной позиции.

5. Если какая-нибудь звуковая единица не может быть поставлена в сильной позиции в данной морфеме (например, первый гласный в слове **корова**), то ее нельзя отнести к какой-либо определенной фонеме; она является членом “гиперфонемы”, т.е. группы фонем, связанных между собой позиционными или комбинаторными чередованиями” (Зиндер, 1968: 197).

О зарождении Московской фонологической школы, дискуссиях о фонеме, о расхождении Московской фонологической школы с ленинградскими фонологами, о попытках синтеза концепций Ленинградской и Московской фонологических школ и фонологическом плюрализме (см.: Реформатский, 1970: 14-113).

В статье “Об основных положениях фонологии” (1959) П.С.Кузнецов уточняет некоторые положения Московской фонологической школы. Путь к этому уточнению он видит в разработке лингвистической аксиоматики, т.е. в формулировании основных определений и положений, принимаемых без доказательства. Для каждой области языкознания должна быть своя аксиоматика. В области фонетики такими основными определениями являются звуки речи и звуки языка. Совокупность звуков речи, частью тождественных, частью сходных в акустико-артикуляционном отношении, образует звук языка. Кузнецов отстаивает морфологический принцип выделения фонемы, называя фонемы различителями или дифференциаторами морфем.

Внимание советских фонологов привлекала проблема места интонации в системе просодических признаков языка. Анализ этих

проблем посвящена работа А.А.Реформатского (1900–1978) “Пролегомены к изучению интонации” (1971). Он разграничивает грамматический (относящийся к предложению) и фонетический (относящийся к фразе) аспекты интонации.

С полемическим задором написана работа Реформатского “Еще раз о статусе морфонологии, ее границах и задачах” (1971), в которой ученый подверг сомнению необходимость выделения выдвинутого Трубецким морфонологического уровня в качестве самостоятельного в системе языка, Реформатский если и признает морфонологию в качестве особого уровня, то лишь как периферийного, “небазисного”, а понятие “морфонема” вообще отрицает. Морфонология, по его мнению, относится не столько к системе языка, сколько к языковой норме.

Как видим, при обоснованно критическом подходе к широко принятым положениям в языкознании можно обнаружить иные грани в трактовке, казалось бы, хорошо известных приемов лингвистического анализа.

История фонологии свидетельствует о том, что советские ученые, продолжая традиции русского языкознания, в частности развивая взгляды Бодуэна де Куртенэ, с разных сторон подходили к определению фонемы, ее места и роли в звуковой субстанции языка, но всегда помнили о том, что перед ними один и тот же объект исследования, раскрывающий свои свойства в результате многостороннего анализа. По этому пути и идут современные отечественные фонологи.

Слово как объект лингвистики всегда привлекало внимание отечественных лингвистов, подходивших к его анализу с разных сторон. В центре их внимания был комплекс вопросов, связанных с определением понятия слова как структурной единицы. Обобщив опыт изучения слова, накопленный русской наукой, советские лингвисты заложили основы лексикологии как самостоятельной отрасли языкознания. Любопытно в этом отношении признание современного американского лингвиста У.Вейнрейха (1926–1967): «Для американского лингвиста самое удивительное в отношении советской лексикологии — это то, что она существует. Соответствующей дисциплины нет в западноевропейской или в американской лингвистике: в таких, например, учебниках, как “Введение в дескриптивную лингвистику” (Г.Глисона; (1955), русск.

пер., 1959. – Ф.Б.) или “Курс современной лингвистики” (1958) (Ч.Хоккета. – Ф.Б.), лексикология даже не упоминается; говоря о словаре, авторы ограничиваются отдельными импровизированными замечаниями, да и то сделанными как бы нехотя. В противоположность этому в советских учебниках лексикологии отводится место, равное по существу тому, которое посвящается грамматике и фонологии» (Weinreich, 1964:60).

Проблема слова сложна и многогранна. Неудивительно, что и советские языковеды не претендуют на окончательное решение этого вопроса. В истории русского и советского языкознания слово рассматривалось в единстве лексических и грамматических значений. В работах советских языковедов слово трактуется как основная единица языка, а его лексическое значение рассматривается в историческом и синхронном аспектах.

Советские языковеды, в частности Щерба, исходили из системного понимания лексики. Он указывал в статье “Опыт общей теории лексикографии” (1940), что словарный состав языка образует единую сложную ткань, единую систему, элементы которой связаны определенными смысловыми соотношениями, “систему слов, из которых по правилам грамматики и самой лексики и строится наша речь с ее синтагмами” (Щерба, 1947: 83). Щерба настойчиво подчеркивал, что лексические системы разных языков не совпадают друг с другом.

В фундаментальном труде “Русский язык. Грамматическое учение о слове” (1946) Виноградов определяет слово как систему форм и значений, соотносительную с другими смысловыми единицами языка. “Слово как единая система внутренне связанных значений понимается лишь в контексте всей системы данного языка. Внутреннее единство слова обеспечивается не только единством его фонетического и грамматического состава, но и семантическим единством системы его значений, которое, в свою очередь, определяется общими закономерностями семантической системы языка в целом” (Виноградов, 1947: 14).

В работах А.И.Смирницкого “К вопросу о слове (проблема “отдельности” слова)” (1952), “К вопросу о слове (проблема “тождества” слова)” (1954) рассматриваются вопросы лексико-семантического варьирования, обеспечивающего его “отдельность” и “тождество” в синхронном и историческом аспектах. Понимая слово

как основную единицу языка, в которой взаимодействуют лексические и грамматические признаки, Смирницкий исследовал: 1) смысловую структуру слова; 2) отношение формы и содержания в слове; 3) отличие слова от морфемы и словосочетания.

Говоря об “отдельности” слова, Смирницкий имеет в виду определение тех признаков, которые характеризуют слово как особую языковую единицу в каждом конкретном случае его определения. Результат соединения лексического и грамматического в слове дает слову оформленность.

Анализ взаимоотношений лексического и грамматического в слове нужен был Смирницкому для разграничения собственно грамматических и лексико-грамматических категорий, для выявления общего и особенного в грамматическом изменении слов. Слово, в интерпретации Смирницкого, выступает как лексико-грамматическая единица языка. В его работах убедительное подтверждение получает тезис о единстве лексикологии и грамматики.

Другой отличительной особенностью слова Смирницкий считал его “тождество”, под которым он понимал воспроизводимость одного и того же слова в разных случаях его употребления разными людьми.

Смирницкий рассматривает проблему исторического “тождества” слова в диахронии, прослеживает передачу слова от поколения к поколению как в пределах одного языка, так и при заимствовании слова другими языками. К сожалению, эта проблема мало теоретически разработана, хотя современные языковеды обращают большое внимание на историческое и сравнительно-сопоставительное изучение лексики, которое в советском языкознании началось в 40-х годах. В 50—70-х годах значительно расширилась база историко-лексикологических исследований, особенно в области восточнославянских языков, что нашло свое отражение в работах Ф.П.Филина “Образование языка восточных славян” (1962), “Происхождение русского, украинского и белорусского языков (историко-диалектологический очерк)” (1972), “Очерки по теории языкознания” (1982), а также в вышедшей после смерти автора небольшой монографии “Историческая лексикология русского языка” (1984).

В 1931 г. в статье “О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка”

Поливанов впервые в советском языкознании высказал мысль о необходимости выделения фразеологии в специальный раздел лингвистики, который занимался бы изучением индивидуальных значений конкретных словосочетаний, хотя попытки определить объем и задачи фразеологии были изложены уже в 1925 г. в статье Винокура “Один из вопросов языковой политики (о революционной фразеологии)”. По мнению Винокура, к фразеологии следует относить любые обороты речи, если они являются “типичными для данной речи и данного говорения”. К области фразеологии, считает он, следует относить и целые фразы и предложения. О широком понимании Винокуром фразеологии говорит и его классификация: “Различие можно проводить или в области социальной принадлежности (фразеология индивида, класса, сословия, фразеология индивидуальная или групповая), или в области социальной функции (фразеология медицинского, художественного труда, фразеология эротическая, научная, политическая и т.п.)” (Винокур, 1925: 77).

Как отмечают Л.И.Ройзензон, Е.А.Малиновский, А.Д.Хаяутин, развитие фразеологии в первоначальный период было связано с изучением языка революционной эпохи, когда приходилось фиксировать новые обороты речи и объяснять их специфические черты (Ройзензон, Малиновский, Хаяутин, 1975).

Выделение фразеологии в самостоятельный раздел лингвистики со своим объектом исследования связано с именем В.В.Виноградова, который в работах 20–30-х годов, исследуя фразеологизмы, отмечает различные типы фразеологических сочетаний. Позднее его статья “Об основных типах фразеологических единиц в русском языке” (1947) определила общее направление работ по фразеологии. В основу определения фразеологических единиц Виноградов положил признак устойчивости, воспроизводимости в речи сочетаний слов как готовых единиц. Устойчивость понимается им как результат семантической спаянности слов, входящих в словосочетание. Из этого следует, что в основе классификации фразеологических единиц лежит семантический принцип, не имеющий никакого формального выражения и носящий субъективный характер.

Заслуга Виноградова – в теоретической постановке проблем фразеологии, разработке типов классификации фразеологизмов, выдвигании новых понятий. Так, Ларин в статьях “Очерки по

фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов” (1956) и “О народной фразеологии” (1959) основными задачами фразеологии считает выработку ясной и стройной схемы для систематизации фразеологических словосочетаний, которые, по его мнению, являются основным предметом исследования фразеологии, их образование и историю, закономерности их появления и отмирания.

Ларин выделяет два типа фразеологии – фразеологию литературного языка и народную фразеологию. Фразеология литературного языка, полагает он, возникла в XX в. на базе грамматической стилистики, с одной стороны, и обогащения методики лексикографии – с другой. А народная фразеология – это та часть богатейшей фразеологии национального языка, которая и создается, и живет в речи народных масс.

В “Лексикологии английского языка” (1956) Смирницкий ставит вопрос о структурной однородности фразеологизмов как единиц языка, о характере воспроизводимости устойчивых сочетаний слов по их структурной организации.

Как в любой новой области исследования, во фразеологии существует масса нерешенных вопросов. Прежде всего недостаточно четко определяется сам объект фразеологии. В настоящее время в советском языкознании существует два направления в понимании фразеологии. Для одного направления характерно изучение всех возможных в данном языке словосочетаний, отличающихся своим своеобразием. Для другого направления объектом фразеологии являются фразеологические единицы языка, обладающие определенной формой, своими особенностями употребления, своим содержанием. В терминологическом обозначении фразеологизмов как объектов изучения нет пока достаточной определенности: их называют фразеологическими единицами, устойчивыми фразами, идиомами, идиоматизмами, фраземами и т.д.

Трудно окончательно определить объем, единицы, проблематику совершенно нового раздела языкознания, возникшего в советской лингвистике какие-нибудь пять десятилетий назад и не имеющего аналогов в мировом языкознании (в английском и американском языкознании такая лингвистическая дисциплина, как фразеология вообще отсутствует). Наиболее разработанными вопросами фразеологии являются “разграничение фразеологизмов по их

номинативной и коммуникативной функциям, описание их типов и форм взаимодействия; распределение фразеологизмов по их грамматическим классам; особенности лексического состава единиц фразеологии; типы семантических классов фразеологизмов – конкретные и абстрактные, полнозначные и служебные, семантические и аналитические типы единиц; синонимические и функционально-стилистические группировки; терминологическая и диалектная, литературная и разговорная и т.п. дифференции единиц фразеологического состава языка” (Телия, 1968: 274).

Исследования по лексикологии и фразеологии теснейшим образом связаны с лексикографической практикой, ибо в словаре зафиксирована лексика или фразеология языка в определенную эпоху. В советское время первую научную типологию словарей обосновал Щерба. В статье “Опыт общей теории лексикографии” (1940), охарактеризовав наиболее известные в мировой лексикографической практике словари, он установил шесть типов словарей по их практическому использованию и целевому назначению: 1) словарь академического типа – словарь-справочник; 2) энциклопедический словарь – общий словарь; 3) thesaurus – обычный (толковый или переводный) словарь; 4) обычный (толковый или переводный) словарь – идеологический словарь; 5) толковый словарь – переводный словарь; 6) неисторический словарь – исторический словарь.

Щерба утверждал что типология словарей связана с “устройством” лексической системы языка. Это означает, что словарь должен отражать объективированную “речевую деятельность” данного коллектива. Материалы этого речетворчества должны найти отражение в словарях разных типов.

В предисловии к “Русско-французскому словарю” (1936, 9-е изд. 1969) Щерба отметил, что в этом словаре впервые в русской литературе произведена семантическая разработка современного русского словника, а переводы русских слов сделаны совершенно заново. “Словарь Щербы, – писал Л.Теньер, – представляет собой лишь частный случай применения его общей лексикологической теории – теории настолько же правильной, насколько оригинальной и, очевидно, призванной перевернуть до основания словарную технику” (Теньер, 1958:41).

Разработка теоретических основ лексикографии, необходимость научного подхода к “составлению” (Щерба считал это название нелепым) словарей, разнообразие которых повышает общую языковую культуру народа, оказали большое влияние на развитие советской лексикографии.

С.И.Ожегов в статьях “О трех типах толковых словарей современного русского литературного языка” (1952), “Вопросы лексикологии и лексикографии” (1953) поставил такие важные вопросы, как определение границ “современного” языка, соотношение этих границ с понятием языковой нормы, принципы отбора слов, место специальной терминологии в общих словарях и т.д. Он выделил три основных типа нормативных, общих словарей русского языка: 1) большой, представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе; 2) средний, с детальной разработкой стилистического многообразия современного литературного языка; 3) наконец, краткий, популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи.

Одной из актуальнейших проблем лексикографы признают проблему нормативности и ее соотношения с понятием “современной” лексики. Для решения этого вопроса большой интерес представляет понятие “переменной” и “постоянной” лексики, выдвигаемое Филиным в статье “О новом толковом словаре русского языка” (1963). “Постоянная” лексика включает в себя словарь литературных произведений разных жанров и стилей XIX–XX вв., а “переменная” лексика устанавливается на основе действующих речевых норм времени работы над словарем. Предлагаемый Филиным тип словаря должен включать в себя и неправильные словоупотребления.

В 60-х годах в советской лексикографии возникло новое направление — диалектная лексикография, — представленное “Словарем русских народных говоров” под редакцией Филина.

Работая над словарями, советские лингвисты осознают громадную общественно-политическую и культурную роль, выполняемую лексикографией, ибо лексикографы должны всегда иметь в виду тот факт, что словарь должен быть высококачественным пособием для повышения культуры речи широких масс населения.

Поскольку культура речи все более оформляется в самостоятельную теоретическую и практическую дисциплину, то

встает вопрос о ее соотношении с другими разделами языкознания, в частности со стилистикой.

Еще в начале 20-х годов, говоря о формах и типах речевого взаимодействия, Виноградов в статье “О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума” (1923) различает речь разговорную и письменную, с которой чаще всего и связывается понятие “стиля речи”. Построение стилистики, по его мнению, возможно на основе разграничения стилистики разговорной и письменной речи во всем разнообразии их задач и целей, обусловленных различной функциональной направленностью народно-разговорной и литературно-книжной речи. Кроме того, Виноградов выделяет стилистику художественных произведений: стилистику новеллы, драматических диалектов, стиха и т.п.

Уже в этой ранней работе Виноградов четко отделяет стиль литературного языка (“стиль литературной школы”) от индивидуального стиля писателя (“индивидуально-поэтический стиль”), а также ставит проблему соотношения индивидуального и общенародного в языке художественного произведения. Здесь ставятся общие задачи стилистики – исследование соотношения близких по значению семантических форм, синтаксических конструкций. Стилистика понимается еще слишком широко – в нее включаются и семасиология, и синтаксические явления.

Теоретический подход к проблемам стилистики ярко проявляется в работах Г.О.Винокура, отметившего, что своеобразие стилей создается не только различиями в приемах объединения языковых средств для достижения определенной цели, но также и их функциями. В книге “Культура языка” (1925) Винокур говорит об определенной стилистической организации речи, о цели, которая предполагается за актом индивидуального говорения в зависимости от конкретной социальной и бытовой обстановки. Он считает, что о языке вообще иногда говорить действительно нельзя, можно говорить о разных системах языка в пределах одного и того же диалекта, в зависимости от функции, выполняемой различными формами слова. Так, существенно отличны по своим функциям язык разговорный, бытовой, и язык поэзии, художественный. Здесь важно указать на то, что в середине 20-х годов, незадолго до публикации “Тезисов Пражского лингвистического кружка” (1929), в которых выдвигалось понятие языка как функциональной системы, Винокур излагает свое

понимание функциональной стилистики как функциональной дифференциации речи, обусловленной целями высказывания.

В конце 20-х годов в статье “Проблемы культуры речи” (1929) Винокур приходит к четкому противопоставлению стилистики практической, под которой он понимает речевую культуру, и стилистики теоретической. Практическая стилистика как культура речи основывается на совершенных текстах художественной литературы, которая является “хозяйном” речи.

В статье “О задачах истории языка” (1941) Винокур четко определяет объект стилистики. В его концепции стилистика выступает как дисциплина, изучающая употребление языка. Небезынтересно привести уточнение этого понятия, содержащееся в одной из его рукописей: “Экспрессивные свойства звуков, флексий, слов и синтаксических конструкций, вступая в соединение друг с другом, складываются в особые системы, которые определяют собой языковое употребление. Эти системы мы будем называть *с т и л я м и р е ч и*” (цит. по: Цейтлин, 1965:57).

Винокур нечетко разграничивает стили языка и стили речи: стили языка у него оказываются стилями речи, потому что они связываются не с проблемой языкового строя, а с формами употребления языка. Это приводит к выделению слишком большого количества стилей – правильного и неправильного (эстетическая оценка стиля), официального и фамильярного, поэтического и обиходного, торжественного и делового, и т.п. Такие стили оказываются очень неопределенными в своих границах и признаках.

Винокуровская концепция стилистики, предполагавшая качественную однородность стилистических систем, вызвала критическое отношение Виноградова, который, подводя в статье “Итоги обсуждения вопросов стилистики” (1955) результаты дискуссии по проблемам лингвистической стилистики, проводившейся на страницах журнала “Вопросы языкознания” в 1954–1955 гг., писал, что этой однородности нет даже в лексике.

Лингвистическая стилистика, по мнению Винокура, соединяет историю языка с другими областями культуры.

В статье “Современный русский литературный язык” (1939) Щерба также рассматривает понятие стилистического расслоения русского литературного языка. Он пишет, что в стилистике русский литературный язык может быть представлен в виде концентрических

кругов – основного и ряда дополнительных. Из такого понимания стилистики следует, что Щерба, в отличие от Винокура, обеднял содержание стилистики, сводил ее к стилистической окраске лексических элементов языка, связывал применение этой лексики с той или иной определенной речевой областью.

Решению стилистических проблем посвящена книга Виноградова “Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика” (1963). Прежде всего Виноградов различает стили по объекту исследования и по общественным функциям языка. По объекту исследования он выделяет стилистику языка (структурную стилистику), стилистику речи и стилистику художественной литературы. Стилистика языка изучает функциональные стили (разговорный, научно-деловой, газетно-публицистический, официально-канцелярский и др.). Стилистика речи должна разбираться в тончайших различиях семантического и экспрессивно-стилистического характера между разными жанрами и видами устной и письменной речи, к которым относятся лекция, консультация, доклад, беседа, монолог, диалог. Стилистика художественной литературы занимается исследованиями в области закономерностей образования и развития индивидуальных или индивидуализированных систем словесно-художественного выражения (стиль литературно-художественного произведения, стиль писателя, стиль литературной школы и т.п.).

С точки зрения общественных функций языка — общения, сообщения и воздействия — Виноградов различает такие стили: обиходно-бытовой (функция общения), обиходно-деловой, официально-документальный и научный (функция сообщения), публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия).

В стилистической концепции Виноградова прежде всего привлекает мысль о системном характере стилей языка, понимание стилистики языка как “системы систем”, которая определяется соотношениями между частными системами внутри структуры языка, например, между системами парадигматических форм, системами синонимов и т.д. Виноградов показал, что нельзя строить дифференциацию стилей по какому-то одному признаку — экспрессии, дополнительному оттенку, виду речений и т.д. Нельзя игнорировать и роль экстралингвистических стилеобразующих факторов, и в этом плане

Виноградов связал стили с теми социальными функциями, которые осуществляются языком, и с социальной практикой людей.

При всем многообразии точек зрения советских исследователей на стили можно выделить и некоторое единство, которое проявляется в том, что: 1) под стилями имеются в виду какие-то варианты языкового материала в условиях его применения и 2) признается связь между использованием выразительных средств языка в их различных функциях и стилями языка.

Стилистика как раздел языкознания более или менее четко определила свой предмет, методы и содержание изучения сравнительно недавно. Поэтому ее с полным правом можно назвать детищем советского языкознания. Вместе с тем нельзя сказать, что все проблемы уже решены. До сих пор не вполне ясна типология шести более или менее признаваемых функциональных стилей: производственно-технического, научного, художественного, делового, общественно-публицистического, разговорно-бытового, нет четкости в разграничении и соотношении стилей языка и речи. Не определены особенности стиля художественной речи. Четко не определено участие разных уровней языковой системы в образовании стилей. Учение о стилях нуждается в теоретическом развитии с применением статистики и всех традиционных методик.

Проблемы стилистики самым тесным образом связаны с проблемами культуры речи, которые в советском языкознании начали разрабатываться в 20-х годах.

Первая серьезная попытка осветить теоретическую проблематику культуры речи была предпринята Винокуром. В статье "Культура языка" (1923) Винокур выражает убеждение, что общее развитие нашей культуры невозможно без развития культуры лингвистической, что язык есть орудие культуры. В статье "Проблема культуры речи" (1929) он выделяет два неперенных элемента культуры речи – сознательное построение речи и "лингвистический вкус" или, как говорят иначе, чутье языка, которое требует, чтобы говорящий знал, при каких обстоятельствах и в какой речевой обстановке можно пользоваться теми или иными средствами языка.

В 20–30-х годах разработка проблем культуры речи идет преимущественно в связи с решением вопросов стилистики. Борьба за культуру языка связывалась с общей борьбой за культуру вообще. Крылатыми стали слова Горького, что борьба за чистоту, за

смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. «Характерно, что достижения 20-х годов в области языковой политики игнорировались и лишь в последнее время возвращены в научный обиход. Однако социологическое осмысление языкотворчества и речевой культуры хотя и прокламируется, не получает существенного развития, вращаясь в проблематике сначала “нового”, а потом “сталинского” учения о языке» (Костомаров, 1968:132).

Научный и общественный интерес к проблеме культуры речи возрождается в 50–60-е годы. Начинают выходить сборники “Вопросы культуры речи”, журнал “Русская речь”, в различных газетах и журналах появляются рубрики вроде “Служба языка”, “В мире слов” и т.п.

Большое значение для разработки теории культуры речи имела статья С.И.Ожегова “Очередные вопросы культуры речи” (1955). Основным понятием культуры речи Ожегов назвал понятие нормы, под которой он понимал совокупность наиболее пригодных для обслуживания общества средств языка, складывающуюся как результат отбора языковых элементов из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной оценки этих элементов.

Из этого определения нормы следовал ряд теоретических предпосылок: 1) ставился вопрос о вариативности нормы, ее функционировании и развитии; 2) обращалось внимание на влияние экстралингвистических, социальных факторов на становление нормы; 3) норма понималась как категория динамическая, а не статическая. Следующей теоретической предпосылкой для разработки вопросов культуры речи Ожегов считал связь культуры речи с учением о стилях, о стилистических структурах языка. И, наконец, не менее важным для повышения культуры речи он признавал усовершенствование терминологии.

Статья Ожегова наметила становление культуры речи как самостоятельной научной дисциплины со своим предметом и объектом исследования, целями и задачами, методикой и приемами научного описания материала.

В частности, более строгое разграничение получили понятия “культура языка” и “культура речи”, которые ранее употреблялись как синонимы. Культура языка преимущественно понимается как степень развитости и богатства языковых средств того или иного языка в их соотношении и взаимодействии со стилистическими

системами, а культура речи — как использование языковых средств, оптимальных для данной речевой ситуации и направленных на достижение определенного воздействия.

Поскольку культура речи все более оформляется в самостоятельную теоретическую и практическую дисциплину, то встает вопрос о ее соотношении с другими разделами языкознания, и прежде всего с лексикографией. В последнее время издается много словарей типа “Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка” или “Грамматическая правильность русской речи”, носящих характер практических рекомендаций. Очевидной является связь культуры речи с лексикологией. Все языковеды признают связь культуры речи со стилистикой. Важным представляется вопрос о рассмотрении культуры речи в свете языковой политики, под которой понимается теория и практика сознательного воздействия общества на ход языкового развития.

В грамматических исследованиях советские языковеды продолжали традиции А.А.Потебни (1835–1891), Ф.Ф.Фортунатова (1848–1914), представителей Казанской лингвистической школы. От Потебни воспринят тонкий и вдумчивый анализ синтаксических особенностей русского языка в его историческом развитии, подход к изучению грамматических фактов в тесной связи формы и значения. Влияние фортунатовской школы сказалось на исследовании формальных характеристик слова, словосочетания, предложения.

В 20-е годы изучение морфологии шло в русле фортунатовского формально-грамматического направления, представители которого рассматривали значения, которые выражаются формой слов или отношением одной формы к другой. В центре внимания формальной грамматики находился не анализ частей речи как совокупности лексико-грамматических характеристик определенных разрядов слов, а формальных классов, вычленяемых по признаку наличия/отсутствия формы слова, без учета семантического критерия. Наиболее полное выражение морфологическая концепция сторонников формального направления нашла в книге М.Н.Петерсона “Современный русский язык. Пособие для преподавателей” (1925). В этой книге Петерсон пишет, что изучение вопросов морфологии следует начинать с рассмотрения вопроса о том, что такое слово. Он различает слова самостоятельные (полные) и несамостоятельные (неполные). К определению понятия слова он

рекомендует подходить индуктивным путем. Он обосновывает необходимость разграничения форм словоизменения и форм словообразования, и эти две группы форм в русском языке он рассматривал отдельно.

Статья Щербы “О частях речи в русском языке” (1928) положила начало новому пониманию принципов классификации в русском языке. Фортунатовская классификация частей речи не устраивала Щербу не только потому, что в ней не находилось места некоторым словам, но и потому, что всякая классификация, по его мнению, является субъективной. Сторонники формальной грамматики, как ему представлялось, обращали внимание только на формальную выраженность слова. Щерба высказывает мысль о единстве значения (смысла) и формы, утверждая, что “существование всякой грамматической категории обуславливается тесной, неразрывной связью ее смысла и всех формальных признаков...” (Щерба, 1974: 80). Семантику частей речи Щерба считает основным их признаком. Семантико-морфологический подход к классификации частей речи стал ведущим в советском языкознании 30-х годов.

Предложенную Щербой классификацию частей речи развил Виноградов в таких работах, как “Современный русский язык. Вып. 2. Грамматическое учение о слове” (1938), “Русский язык. Грамматическое учение о слове” (1947). Виноградов считает, что выделение частей речи должно обуславливаться не только формальными признаками слов, но и их лексическими значениями, а также синтаксическими функциями и различиями в способе отражения действительности, т.е. модальностью. Если Щерба делил слова на знаменательные и служебные, то Виноградов в систему частей речи включал слова, обладающие номинативной функцией, системами грамматических форм, и слова, отличающиеся характером синтаксического употребления. Разработанная Виноградовым система семи частей речи является сейчас общепризнанной, за исключением категории состояния, которую мало кто из лингвистов признает за самостоятельную часть речи. После 1950 г. появился ряд работ, посвященных отдельным вопросам морфологии, а также вышла академическая “Грамматика русского языка” (1979), в которой грамматическое учение о слове обращено к выявлению содержательной стороны грамматической категории, к выявлению ее семантических возможностей.

Словообразование как самостоятельный объект исследования начало привлекать внимание советских исследователей примерно с середины 40-х годов, а до этого периода словообразовательная проблематика, как правило, не выделялась из общей морфологической проблематики, поскольку слишком очевидной была связь словообразования с различными морфологическими категориями. В статье Винокура “Заметки по русскому словообразованию” (1946) изложены принципы словообразовательного анализа, принятые сейчас в теоретических исследованиях и практических пособиях по русскому языку. Винокур выступил против объединения в морфологии проблем словообразования и словоизменения в силу специфических особенностей каждой из них. В основу словообразовательного анализа он положил понятие первичной (непроизводной) основы, обозначающей явления действительности, но не выражающей никакого отношения к действительности (*стол, алый, нести* и т.п.). Основы, в которых эти отношения выражены, он назвал производными (*настольный* “находящийся на столе”, *алеть* “становиться алым” и т.п.). Эти отношения выражаются с помощью аффиксов, обладающих значением в той мере, в какой аффикс изменяет значение первичной основы. Поэтому и словообразование Винокур относит к семасиологии, т.е. к учению о частях слов как о знаках частичных идей; к семасиологии же относятся и лексикология как учение о словах как знаках полных идей, и фразеология как учение о законах сочетания слов как таких знаков.

Винокур создал учение о продуктивных (*наглый — наглость — наглец*) и непродуктивных (*косить — косьба*), регулярных и нерегулярных (*насти — настух*) типах словообразования. Новым было и понятие вариантности основ (например, слова *охота, смерть* являются вариантами основ, выделяющихся в словах *хотеть, мертвый*). Винокур впервые обратил внимание на то, что основа может выступать в связанном с другими морфемами виде (ср., например, ряд слов: *озор—ство, озор—ник, озор—ной, озор—ничать* при отсутствии слова, в котором была бы представлена первичная основа *озор—* в чистом виде; но ср.: *пир—пить*, где выделяется основа *пи—*). Поскольку в русском языке производная основа состоит из двух или нескольких морфем, то выделять их надо не одновременно, а последовательно, путем выявления иерархических отношений между ними.

Большой вклад в разработку проблем словообразования внес Виноградов. В статьях “Вопросы современного русского словообразования” (1951) и “Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков)” (1952) он выдвигает положение о связи словообразования с грамматическим строем языка и его лексикой. Связь словообразования с лексикой проявляется в многообразии видов образования слов, а с морфологией — в спаянности префиксального словообразования с видовым формообразованием. Предложенную Щербой схему способов словообразования Виноградов дополнил морфолого-синтаксическим способом (субстантивация прилагательных, адвербиализация падежных форм существительных) и лексико-морфологическим (расхождение видовых форм одного и того же глагола, например, *заседать* и *засесть*).

Анализ способов словообразования приводит Виноградова к выводу о необходимости различать собственно словообразования (т.е. образование производных слов с помощью сочетания основ и аффиксов, корневых и аффиксальных морфем) и преобразование форм слова в отдельное слово, ведущее к переосмыслению его составных частей. Поэтому Виноградов считает возможным различать *словопроизводство* (т.е. образование производных слов с помощью морфологических средств) и собственно *словообразование* (т.е. образование новых слов путем комбинаций уже существующих слов или путем переосмысления их форм). Такой подход к анализу словообразовательных категорий позволяет явственно различать в них две стороны — структурно-грамматическую и семантико-лексикологическую.

Все это позволяет говорить о словообразовании как научной дисциплине, имеющей свои задачи и свое содержание. И в 50-е годы словообразование выделяется в самостоятельный уровень языковой системы, занимающий промежуточное положение между морфологией и лексикологией. Позднейшие исследования советских языковедов подтвердили правильность такого подхода, и сейчас уже исследуются не отдельные словообразовательные типы, а словообразовательные системы тех или иных категорий слов, а также социальные причины изменений в словообразовании.

В советском языкознании интенсивно разрабатываются проблемы синтаксиса, в изучении которых советские лингвисты

развивают традиции русской грамматической мысли. В 20-е годы влияние формально-грамматического направления наиболее отчетливо проявилось в работах представителя Московской лингвистической школы М.Н.Петерсона (1885–1962). Его “Очерк синтаксиса русского языка” (1923) построен на описании форм словосочетаний как единственного объекта синтаксических исследований. Синтаксис, по мнению Петерсона, должен заниматься изучением форм и типов словосочетаний, их функций, а также способов соединения словосочетаний. Петерсон понимал словосочетание как соединение двух полных слов, устанавливал типы сочетаний по формам словоизменений, т.е. такие сочетания, отношения между словами в которых выражены родовыми и падежными окончаниями (*время летело, караван верблюдов*). Таким образом, в одну группу словосочетаний попадают самые разнородные явления, без учета их синтаксических особенностей, на основе только формально выраженных признаков. Петерсон приходит к выводу: у предложения нет постоянных признаков грамматического оформления, кроме одного — интонации. Петерсон определяет предложение как интонационное единство, интонация выступает как единственный признак предложения. По словам Виноградова, проблема предложения у Петерсона просто деграмматизирована. Можно добавить, что эта проблема и десемантизирована.

В дальнейшем, в “Лекциях по современному русскому литературному языку” (1941), Петерсон уже определяет предложение как слово или сочетание слов, представляющее законченное смысловое и интонационное единство.

Петерсон был, пожалуй, последним представителем формальной грамматики в советском языкознании, но “ценность синтаксических трудов проф. М.Н.Петерсона состоит главным образом в борьбе с традиционными точками зрения на предмет и задачи синтаксиса, в разработке теории словосочетаний и постановке новых задач исследования грамматической природы предложения” (Виноградов, 1975: 523).

Значение трудов Петерсона заключается еще и в том, что он привлек внимание советских ученых к звуковому строю предложения, к интонации как его существеннейшей характеристике.

По-иному видит задачи в изучении синтаксиса Виноградов. Эти задачи, изложенные им в статье “Основные вопросы синтаксиса предложения” (1955), он видит в том, чтобы изучить все конкретно-языковые формы или структурные особенности основных разновидностей двусоставных (или двучленных) и односоставных (или одночленных) предложений в современном русском языке и выяснить последовательность, пути и закономерности их исторического развития. В статье определяются и особенности предложения в русском языке — интонация сообщения и предикативность. Здесь получает обоснование положение о взаимосвязи грамматики и фонетики, проявляющееся в том, что главными интонационными средствами, выполняющими основные функции в организации предложения, являются ударение и мелодика, т.е. чисто фонетические средства. Предикативность Виноградов характеризует как отнесение содержания предложения к действительности, которое конкретизируется в синтаксической категории модальности.

Определение задач синтаксиса предложения и синтаксиса словосочетания, новое содержание предикативности привели Виноградова к наиболее, на его взгляд, рациональному разделению грамматики на: 1) грамматическое учение о слове; 2) учение о словосочетании; 3) учение о предложении; 4) учение о сложном синтаксическом целом и о синтагмах как его составных частях. Виноградовское понимание грамматики нашло свое отражение в академической “Грамматике русского языка” (1952–1954).

В работах Виноградова одной из основных категорий синтаксиса предложения стала категория модальности, выражающая отношение предложения к действительности. Эта проблема впервые возникла в советском языкознании. В статье “О категории модальности и модальных словах в русском языке” (1950) Виноградов пишет, что категория модальности предложения принадлежит к числу основных, центральных языковых категорий. Анализируя способы выражения модальных отношений, Виноградов большое внимание обращает на формы времени и наклонений глаголов. Модальность может выражаться и с помощью отдельных слов, структурно-семантический характер которых в силу своей функции отличается от обычных частей речи. Разработанная Виноградовым проблема модальности относится не столько к синтаксису русского

языка, сколько к общей теории синтаксиса и имеет общелингвистический характер.

Виноградов обогатил науку и новой теорией словосочетания. По его мнению, учение о словосочетании хотя и граничит с учением о предложении, но вместе с тем и отличается от него объектом своего исследования. В сферу изучения словосочетания он включает такие темы, как: 1) способы образования разных типов словосочетаний; 2) учение о продуктивных и непродуктивных типах словосочетаний; 3) способы их сцепления друг с другом; 4) функции разных типов словосочетаний в структуре предложения; 5) методы преобразования словосочетаний в предложении; 6) изучение типичных свойств сочетания слов в структуре предложения. Определив сферу словосочетаний, Виноградов четко отграничил словосочетание от предложения и попытался определить синтаксис словосочетания и синтаксис предложения, выступая против смешения этих двух понятий.

Возможность приложения синтаксических выводов Виноградова к материалу английского языка сделал Смирницкий в книге "Синтаксис английского языка" (1957), где он развивает положение о предикативности как носителя модальности. Морфологическое выражение модальности временной формой глагола, или формой лица, или формой наклонения типично, по мнению Смирницкого, для всех европейских языков. Так, Смирницкий считал, что модальность выражается только в предикативной форме глагола.

Специфичность синтаксических взглядов Смирницкого объясняется еще и тем, что он считал предложение основной единицей речи в сфере грамматики и различал язык и речь в области стилистики. Считая слово основной единицей языка, Смирницкий больше обращал внимание на отличие словосочетания от слова, чем от предложения. Это отличие он сводил к тому, что словосочетание характеризуется раздельнооформленностью, а слово — цельнооформленностью. Смирницкий отказывался видеть принципиальную разницу между предложением и словосочетанием. Основное различие между двумя этими синтаксическими категориями, на его взгляд, состояло в том, что предложение характеризуется двулинейностью, т.е. известным интонационным рисунком. Смирницкий делил синтаксис как раздел грамматики на

две части: учение о словосочетании и учение об образовании предложений.

С именем Мещанинова в советском языкознании связывается выделение нового раздела синтаксиса – синтаксической типологии, исследованной в работах “Общее языкознание. К проблеме стадильности в развитии слова и предложения” (1940), “Члены предложения и части речи” (1945) и “Структура предложения” (1969). Для Мещанинова синтаксис – это прежде всего учение о форме, о содержании предложения и его составных частей. Материал палеоазиатских, тюркских, кавказских языков, морфологическая структура которых отличается от структуры индоевропейских языков, привел Мещанинова к выводу, что не каждое словосочетание является синтаксическим. Целый ряд словосочетаний носит в индоевропейских языках черты лексического соединения. Например, синтаксически оформленное в русском языке словосочетание *синяя материя* в нивхском выражено лексически – словом *tdibos* “синематерия”, т.е. определяющее составляет единое слово с определяемым. Поэтому Мещанинов считает явно устаревшим представление о том, что слово может выступать в словосочетании. Основными единицами языка он считает слово и предложение.

Слово в предложении, по Мещанинову, оказывается носителем и лексических, и синтаксических свойств. Но семантика и синтаксическая функция слова и предложения различны: семантика слова ограничивается понятием о предмете, а семантика предложения передает положение этого предмета в объективной действительности. Иными словами, отдельное слово вне предложения носит оттенок отвлеченности, а в предложении оно приобретает конкретное значение.

В зависимости от того, каким членом предложения является слово по своей синтаксической функции – главным или второстепенным, эти слова объединяются в синтаксические группы, характеризующиеся определенными свойствами и находящиеся в определенных отношениях. Под синтаксическими отношениями Мещанинов понимает отношения, которые выявляются в строе предложения между подлежащим и сказуемым, между подлежащим и его определением и т.д., т.е. отношения предикативные, объективные и атрибутивные. Эти отношения в итоге и определяют структуру предложения. Он придает большое значение синтаксису,

гиперболизируя его роль в языке: “Всякое использование слова в речи есть уже его синтаксическое использование. Синтаксис проникает собою все отделы грамматики” (Мещанинов, 1945: 10).

Синтаксические отношения Мещанинов считает универсальными: они встречаются во всех языках, но только имеют различное формальное выражение. Высказанная им мысль о сочетании типологических исследований с выявлением языковых универсалий имеет непреходящее значение для советского языкознания и определяет важнейший аспект общелингвистических исследований.

В науке о языке разработаны различные классификации языков – морфологическая, генеалогическая, социологическая и т.д. Исходя из существования во всех языках мира синтаксических отношений, Мещанинов предлагает синтаксическую классификацию языков по выделяемым структурам предложения. В настоящее время нет теоретических исследований по этой классификации, но она привлекает внимание лингвистов.

Одной из актуальных в советском языкознании является проблема взаимоотношения лексики и грамматики в сфере синтаксиса. В общетеоретическом плане решает эту проблему Виктория Николаевна Ярцева (1906–1999) в статье “Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка” (1968). Связь лексики и морфологии Ярцева усматривает в том, что лексемы включаются в определенные морфологические разряды с присущими им показателями. Охват лексики морфологией может быть различным: слово либо попадает в разветвленную систему парадигм (“охват формой”), либо при ущербности парадигмы оно включается в лексико-грамматический разряд (“охват категорией”), которому присущ определенный круг синтаксических моделей. Ярцева различает “жесткое”, “относительно жесткое” (“полужесткое”) и “нежесткое” строение моделей. Для морфологического уровня характерен “жесткий” тип строения моделей, потому что порядок следования морфем в слове является строго определенным для каждого языка. Для синтаксического уровня характерно сочетание “жестких” и “полужестких” типов строения, так как порядок следования слов в словосочетаниях может меняться. Именно в моделях синтаксического уровня обнаруживаются тесные связи лексики и синтаксиса, так как смена позиции в синтаксическом

окружении меняет не только функцию, но и значение слова, как, например, в английском языке *test flight* “пробный полет” и *flight test* “полетное испытание”.

Определяя взаимоотношения лексики, морфологии и синтаксиса, Ярцева делает важный вывод: “... при отсутствии достаточной опоры в морфологии возрастает роль лексики в решении трудностей синтаксического порядка” (Ярцева, 1968: 46).

Советская лингвистическая наука в XX в. внесла большой вклад как в разработку грамматики русского языка, так и в построение общей теории грамматики.

Советское языкознание за время своего развития достигло значительных успехов. Развитие теории языковой нормы, создание письменности и литературных языков для ранее бесписьменных народов, изучение языков народов СССР и введение в языковую практику многообразных типов языковых систем, разработка теоретических вопросов грамматической теории, лексикологии, лексикографии, стилистики, культуры языка и речи, социолингвистики, внедрение в лингвистику новых идей описательного, сравнительно-исторического, типологического и других методов — все это подчеркивает широкую многоаспектность советского теоретического языкознания и делает его особым направлением в мировой науке о языке.

Литература

- Абаев В.И.* Н.Я. Марр (1864–1934): К 25-летию со дня смерти // *Вопр. Языкознания.* — М., 1960. — № 1. — С. 90–99.
- Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. — М., 1991. — 239 с.
- Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* “Дело славистов”: 30-е годы. — М., 1994. — 284 с.
- Бернштейн С.И.* Основные понятия фонологии // *Вопр. языкознания.* — М., 1962. — № 5. — С. 62–80.
- Богородицкий В.А.* // *Архив АН СССР.*, Ф. 898. оп. 1. ед. хр. 10. Л. 3-4.
- Виноградов В.В.* Русский язык; Грамматическое учение о слове. — М.-Л.; 1947. — 784 с.
- Виноградов В.В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. — М., 1967. — 133 с.
- Виноградов В.В.* Избранные труды. Исследования по русской грамматике. — М., 1975. — 559 с.
- Винокур Г.О.* Культура языка: Очерки лингвистической технологии. — М., 1925. — 216 с.

- Звегинцев В.А.* Что происходило в советской науке о языке // Вестн. Академии. – М; Л, 1989. – № 12. – С. 11–28.
- Зиндер Л.Р., Строева Т.В.* Институт речевой культуры и советское языкознание 20–30-х годов // Язык и речевая деятельность. – СПб., 1999. – Т. 2. – С. 206–211.
- Зиндер Л.Р.* Фонетика и фонология // Теоретические проблемы советского языкознания. – М., 1968. – С. 193–231.
- Иванов В.В.* Лингвистические взгляды Е.Д. Поливанова // Вопр. языкознания. – М., – 1957. – № 3. – С. 55–76.
- Костомаров В.Г.* Проблемы культуры речи // Теоретические проблемы советского языкознания. – М., 1968. – С. 126–142.
- Леман У.* [Рецензия] // Вопр. Языкознания // М., 1965. – № 6. – С. 122–132. – Рец. На кн.: Сравнительная грамматика германских языков: В 5 т. – М., 1962. – Т. 1, 2.
- Мецанинов И.И.* Члены предложения и части речи. – М., Л., 1945. – 319 с.
- Мецанинов И.И.* Проблемы развития языка. – Л., 1975. – 349 с.
- Поливанов Е.Д.* За марксистское языкознание. – М., 1931. – 181 с.
- Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. – М., 1968. – 374 с.
- Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия. – М., 1970. – 528 с.
- Ройзензон Л.И., Малиновский Е.А., Хаятин А.Д.* Очерки истории становления фразеологии как лингвистической дисциплины. – Самарканд, 1975. – 128 с.
- Стеблин-Каменский И.М.* Сравнительно-исторические исследования // Теоретические проблемы советского языкознания. – М., 1968. – С. 5–34.
- Телия В.Н.* Фразеология // Теоретические проблемы советского языкознания. – М., 1968. – С. 257–277.
- Теньер Л.* Вопр. Языкознания. – М., 1958. – № 6. – С. 41–43. – [Рец. на кн.: О русско-французском словаре Л.В.Щербы]
- Цейтлин Р.О.* Григорий Осипович Винокур. – М; 1965. – 93 с.
- Щерба Л.В.* Преподавание иностранных языков в средней школе: Общие вопросы методики. – М., 1947. – 96 с.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. – М., 1974. – 428 с.
- Ярцева В.Н.* Взаимоотношения лексики и грамматики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. – М., 1968₁. – С. 5–57.
- Ярцева В.Н.* Развитие литературных языков // Теоретические проблемы советского языкознания. – М., 1968₂. – С. 50–71.
- Weinreich U.* Lexicology // Current trends in linguistics – The Hague, 1964. – Vol. I: Current trends in Soviet and East European linguistics. – P. 60–93.

В.В.Потапов

РУБЕН ИВАНОВИЧ АВАНЕСОВ

Выдающийся лингвист, член-корреспондент АН СССР Рубен Иванович Аванесов [14.02.1902–05.1982] – специалист по истории русского языка, описательной и исторической фонетике и фонологии, орфоэпии, диалектологии, теории лингвистической географии и орфографии русского языка; один из основателей Московской фонологической школы (МФШ).

Рубен Иванович родился в г.Шуша (Нагорный Карабах) Азербайджанской ССР.

В 1909 г. он поступает в Лазаревский институт восточных языков и после его закрытия оканчивает трудовую школу в 1919 г. В это же время Р.И.Аванесов становится студентом историко-филологического факультета МГУ. В 1922 г. после перерыва в учебе он продолжает учебу в МГУ на факультете общественных наук (ФОН), который заканчивает в 1925 г. по специальности “славяно-русское языкознание”. Его учителями были А.М.Селищев (1886–1942) и Д.Н.Ушаков (1873–1942).

В этой связи следует вспомнить ту огромную благодарность, которую питал Рубен Иванович к своим учителям: “Мой интерес к истории русского языка, к русской диалектологии, к описательной и исторической фонетике русского языка, к орфоэпии, фонологии и теории орфографии был развит моими замечательными учителями. И если в этих областях науки о русском языке мне удалось что-то создать и подготовить своих собственных учеников, работающих на том же поприще, то этим я обязан, главным образом, двум

замечательным русским людям и крупнейшим русским ученым — Дмитрию Николаевичу Ушакову и Афанасию Матвеевичу Селищеву” (Аванесов, 1974: 16).

В течение многих лет Р.И.Аванесов работает в средней школе, рабфаках, рабочем университете. В 1931 — 1933 гг. он — сотрудник Научно-исследовательского института языкознания при Наркомпросе РСФСР, с 1932 г. по 1947 г. — профессор и заведующий кафедрой русского языка в Московском городском педагогическом институте. В 1937 г. Р.И.Аванесов становится профессором филологического факультета МГУ, который до 1941 г. был факультетом ИФЛИ им. Н.Г.Чернышевского.

«С 30-х годов, — вспоминает М.В.Панов, — Р.И.Аванесов читает лекционные курсы в вузах Москвы. Десятки тысяч филологов учились лингвистически мыслить на его лекциях. Полноценная лекция — не только научный жанр, но в то же время и искусство. Лекции Р.И.Аванесова оставляют эстетическое впечатление своей строгостью и “прекрасной ясностью”: ряды фактов, сложно пересекаясь, строятся в кристаллическую сквозную целостность. Теоретические принципы, точно сформулированные, пронизывают все построение. Научная значительность лекции усиливается ее эстетической значительностью.

Педагогичны и все научные печатные работы Рубена Ивановича. Они воспитывают лингвистическую мысль. Более того — они увлекают мысль, у них есть способность вербовать сторонников и продолжателей. Множество идей, высказанных Р.И.Аванесовым, стало стимулом, отправной точкой для исследований многих его учеников — продолжателей и сторонников» (Панов, 1972: 22–23).

Из воспоминаний К.В.Горшковой о лекциях Рубена Ивановича Аванесова по старославянскому языку: “Возможно предельная строгость композиции лекций, выверенность всех иллюстративных примеров, логика создавали безупречную тишину и дисциплину в аудитории. Курс в основном был ориентирован на сравнительно-историческое языкознание, но включались и сведения о системной организации языка. На этих лекциях решилась моя профессиональная судьба. Я решила специализироваться по языкознанию, по историко-лингвистическим дисциплинам. Судьба была ко мне благосклонна: в аспирантуре я училась уже в МГУ под руководством Рубена Ивановича” (Горшкова, 1996: 163).

С 1939 г. Р.И.Аванесов работал в системе Академии наук СССР. В Институте русского языка он последовательно заведовал сектором диалектологии, сектором сравнительно-исторического изучения славянских языков, сектором исторической грамматики и лексикологии, а также объединенным сектором истории языка и диалектологии.

Рубен Иванович в течение многих лет был участником работы совета по сценической речи при ВТО и консультантом актеров и режиссеров в Методическом совете ВТО.

В 1925 г. Р.И.Аванесов был избран членом Московской диалектологической комиссии при Академии наук, и с тех пор занятия диалектологией стали основой его научно-исследовательской деятельности. В 1935 г. ему присваивают ученое звание профессора и ученую степень кандидата филологических наук без защиты диссертации. В 1948 г. Рубен Иванович защитил докторскую диссертацию на тему: “Исследования в области русской диалектологии”. В 1958 г. Р.И.Аванесов был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, в 1965 г. — почетным членом Лингвистического общества Чехословацкой академии наук, в 1973 г. — почетным доктором Варшавского университета, в 1978 г. — иностранным членом Академии наук и литературы в Майнце и иностранным членом Саксонской академии наук. В 1968 г. Чехословацкая академия наук наградила Р.И.Аванесова серебряной медалью “За заслуги в развитии общественных наук”. За большие заслуги в области диалектологии и лингвистической географии Р.И.Аванесову была присуждена Государственная премия СССР 1971 г.

Р.И.Аванесов являлся членом Советского комитета славистов с основания его в 1956 г., активным участником ряда Международных съездов славистов, председателем комиссии Общеславянского лингвистического атласа при Международном комитете славистов и Советском комитете славистов. Он выступал в качестве председателя Научного совета по диалектологии и истории языка, председателя Комиссии по фонологии и фонетике Отделения литературы и языка АН СССР. В 1967 г. Р.И.Аванесов избирался вице-президентом Международного общества фонетических наук и членом Международной фонологической ассоциации.

Р.К.Потапова вспоминает: “Мне пришлось довольно тесно контактировать с Рубеном Ивановичем в 60–70-е годы. Я тогда

являлась сначала заместителем председателя Комиссии по фонетике и фонологии Секции языкознания Научно-технического совета Минвуза СССР (до конца 60-х годов председателем был проф. В.А.Артемов), а затем председателем этой Комиссии. Аналогичная Комиссия функционировала и в Академии наук СССР. Ее председателем вплоть (до самой смерти) до начала 80-х годов был Рубен Иванович, а заместителем – Р.Ф.Пауфوشима (Касаткина). В задачу работы Комиссий входила координация научно-исследовательской деятельности всех вузов и академических учреждений.

Работа проделывалась огромная: сбор информации, ее последующий анализ, консультации и т.д. Ставилась цель – избегать тематических повторов при написании кандидатских и докторских диссертаций, выявлять мало исследованные и не исследованные проблемы, составлять планы выпуска разных публикаций и т.д. Составлялись соответствующие тематические картотеки, координировалась работа в области фонетики и фонологии не только применительно к вузам и Академии наук в отдельности, но и между ними в целом.

Работалось с Рубеном Ивановичем легко и в то же время с большой отдачей для общего дела.

Гордостью Рубена Ивановича была огромная картотека с богатейшим языковым материалом по диалектам русского языка. Каждый раз показ картотеки и разбор тех или иных фактических данных проходил в удивительно душевной обстановке и сопровождался чаепитием.

Официальные совместные заседания наших комиссий, где священнодействовали Р.И.Аванесов, Л.И.Базилевич, В.А.Артемов, В.П.Вомперский, превращались в форум для интереснейших научных диспутов, служащих для нас, тогда молодого поколения, школой истинно интеллигентного научного общения и научной этики. На заседаниях говорил Рубен Иванович всегда тихо, как бы взвешивая каждое слово, фразу. Результаты работы обеих Комиссий всегда были налицо. Все функционировало четко, слаженно, и “смычка” между Минвузом и Академией наук была постоянной. Одним словом, была полная гармония, которую нес в себе и распространял на всех нас Рубен Иванович.

Еще одним ярким воспоминанием для меня была поездка делегации советских ученых в Прагу в 1967 г., на VI Международный конгресс по фонетическим знаниям. Наша делегация включала многочисленных представителей союзных республик и насчитывала около 60 человек. Рубен Иванович входил в состав делегации, хотя и не был докладчиком.

Душой конгресса был Милан Ромпортл (тогда – Чехословакия), президент Международного общества по фонетическим наукам. Мы часто видели Рубена Ивановича и Милана Ромпортла вместе, о чем-то оживленно беседовавших. Общая атмосфера была наинепринужденнейшей. В памяти всплывает обстановка на заключительной встрече участников конгресса, когда взаимопонимание и взаимосимпатии обозначились достаточно ярко и динамично. Рубен Иванович оказался рядом со мной, и весь вечер мы общались легко и свободно. Темы дискуссий затрагивали различные аспекты науки и жизни. И сейчас этот образ добрейшего, проникательного и вместе с тем серьезнейшего человека с по-восточному мудрыми глазами стоит передо мной” (Потапова, 2001).

Основной научной деятельности Р.И.Аванесова являлись занятия диалектологией русского языка.

Еще в 1925 г., т.е. непосредственно по окончании МГУ, Р.И.Аванесов был избран членом Московской диалектологической комиссии, что свидетельствует о наличии у него к этому времени опыта работы в данной области, занятия которой он не прерывал и в дальнейшем ни на один год.

Уже со студенческих лет Р.И.Аванесов ежегодно проводил два-три месяца в деревне, изучая русские диалекты. С 1923 по 1940 г. он изъездил и исходил пешком значительную часть севера Европейской территории Российской Федерации, а также территории на юго-восток от Москвы (Рязанская область). В 1931 г. вышла в свет его совместная с В.Н.Сидоровым работа “Говоры Верхнего Поволжья. Фонетика и диалектные группы”.

В работах Р.И.Аванесова, посвященных говорам русского языка, рано начинает проявляться интерес к изучению языковой материи, используя теорию фонем. В 1949 г. им публикуется “Очерк русской диалектологии”, основные положения которого проиллюстрированы богатым фактическим материалом.

Во-первых, основным лейтмотивом этих работ является то, что при всем многообразии своих диалектов русский язык отличается единством. На фонетическом уровне это единство связано не только с наличием большого количества общих черт в разных говорах (т.е. наличием устойчивых элементов фонетической системы русского языка). Фонетические различия между диалектами сохраняют общность соотношения с рядом языковых особенностей. Различия в составе фонем обнаруживаются в тождественных морфемах. Различия в вариантах и вариациях всегда отличаются своей фонетической обусловленностью, т.е. принципиальной возможностью для данного диалекта в данной позиции только одного из членов соответствующего явления.

Во-вторых, абсолютно сильное положение при максимальном фонеморазличии дает возможность устанавливать состав полифонем русского языка. Данное явление представляет собой “остов” общей фонетической системы. На этой основе устанавливаются ее стабильные и подвижные элементы, помогающие соотносить диалектные факты и строить единую общую систему различных фонетических систем.

В-третьих, различия в составе гласных фонем русского языка имеют значительно меньшее значение для группировки и истории русских говоров, чем различия в принципах реализации гласных фонем в вариантах. Именно на основе вариантов гласных фонем строится главным образом группировка русских говоров по наиболее существенным для их истории признакам. И, как пишет Рубен Иванович, “...в самом деле, наиболее отличные друг от друга, можно сказать — полярные, русские говоры могут иметь одинаковое количество гласных фонем” (Аванесов, 1970б: 323).

Обобщение многолетних наблюдений над говорами русского языка позволило их автору выдвинуть ряд интересных соображений и гипотез при объяснении многих языковых явлений. В этой книге Рубен Иванович дал обобщающее фонологическое описание русского диалектного языка на основе разработанной им модели метаязыка, в терминах которого может быть описана любая частная диалектная система русского языка. Именно в связи с этим “Очерки...”, особенно их фонетический раздел, сыграли большую роль в укреплении подхода к звуковой стороне говоров как к целостной системе и

оказали несомненное влияние на методологию диалектологических исследований.

Разработка теоретических проблем диалектологии характерна и для всего последующего периода работы Р.И.Аванесова, когда основной исследовательской базой для постановки вопросов этого рода становится его деятельность в области лингвистической географии русского языка.

В это время в обществе назрела необходимость создания концепции атласа русских говоров. Сущность концепции Рубена Ивановича, которая была положена в основу подобного атласа, заключалась в следующем: картографирование должно осуществляться по принципу системной сопоставимости диалектных явлений. Под руководством Р.И.Аванесова создается вышедший в свет в 1957 г. "Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы" и осуществляется подготовка "Атласа русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы". Этот труд был завершен в 1960 г.

Огромная работа по обследованию говоров нескольких тысяч населенных пунктов на территории Европейской части Российской Федерации и последующее картографирование материала была проведена Р.И.Аванесовым и его учениками. Они дали последовательное обобщение и систематическое изложение различных аспектов русского языка. Наличие все расширявшегося круга собираемых и картографируемых диалектных данных русского языка открыло возможность подготовки в первой половине 60-х годов качественно нового курса "Русской диалектологии", созданного коллективом лингвистов под руководством Р.И.Аванесова.

Однако в своей диалектологической работе Р.И.Аванесов не ограничивается говорами русского языка. Он является также руководителем работ в области диалектологии белорусского языка. Под его руководством создавался "Дыялекталагічны атлас беларускай мовы" (1963) и вышедший на протяжении 60-х годов ряд работ по диалектологии белорусского языка. "Атлас белорусского языка" был удостоен Государственной премии 1971 г.

Р.И.Аванесов на протяжении многих лет являлся председателем Комиссии по координации диалектологической работы в СССР, а в дальнейшем Научного совета по истории языка и диалектологии ОЛЯ АН СССР.

В 50-е годы возрождается высказанная еще в 1929 г. Бодуэном де Куртенэ идея создания атласа группы родственных языков. Р.И.Аванесов выступил в качестве одного из инициаторов создания диалектологического атласа славянских языков, а также международной организации, которая занялась бы его подготовкой.

В докладе по данному вопросу на IV Международном съезде славистов в 1958 г. им был сформулирован ряд теоретических положений и основных принципов будущего “Общеславянского атласа”. Решением Международного комитета славистов (МКС) Р.И.Аванесов был избран председателем комиссии “Общеславянского лингвистического атласа” при МКС. Он активно участвовал в составлении и редактировании «Вопросника “Общеславянского лингвистического атласа”» (ОЛА) (1965). На иных принципах создаются “Вопросник ОЛА” и единая фонетическая транскрипция, вырабатываются новые способы подачи материала в картах и комментариях. К этому времени создается международный коллектив сотрудников ОЛА.

В 1965 г. начинается новая полномасштабная работа – составление “Лингвистического атласа Европы” (ЛАЕ). Заместителем председателя редколлегии (руководящего органа ЛАЕ) от стран Восточной Европы был избран Р.И.Аванесов.

Теоретическая и практическая деятельность Р.И.Аванесова в области диалектологии русского языка тесно и органически связана с его работой в области истории русского языка.

Продолжая традиции выдающихся русских лингвистов – А.А.Шахматова (1864–1920), А.И.Соболевского (1856–1929), Н.Н.Дурново (1876–1937) и др., Р.И.Аванесов не только разрабатывает методы и принципы синхронного описания языка, но и предпринимает попытку воссоздать историю русского языка на основе его говоров, используя при этом фактический материал лингвистической географии.

История языка, в понимании Р.И.Аванесова, – это историческая грамматика, изучающая полихронную структуру диалектного языка, и историческая диалектология, объектом которой являются диалекты в их территориально-временной динамике и сменах.

В настоящее время стала уже хрестоматийной статья Р.И.Аванесова “Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*” (1947), в

которой показано, как в словах при неизменном характере материи слов могут происходить существенные внутренние функциональные сдвиги. Примером такого сдвига может служить изменение соотношения между 'i' и 'y' — один из весьма значительных эпизодов исторической фонетики русского языка. Это изменение оказывается тесно связанным с корреляцией согласных фонем, парных по твердости — мягкости.

Рубен Иванович утверждал, что ранее самостоятельные качества 'i' и 'y' — две разные фонемы — стали качествами несамостоятельными, обусловленными, зависимыми. Они превратились в разновидности одной фонемы. И ранее несамостоятельные, зависимые, обусловленные качества — твердость и мягкость согласных — приобрели самостоятельность, независимость, стали фонемообразующей категорией. Он был абсолютно убежден, что процесс функционального объединения 'i' и 'y' связан с целым рядом фонетических процессов, с перестройкой всей фонетической системы, а также со многими морфологическими явлениями (Аванесов, 1970а).

В связи со сложным взаимодействием консонантизма и вокализма, фонетической и морфологической структуры слова в истории языка привлекает внимание Р.И.Аванесова и судьба гласных 'e' и 'o'. В своих работах (например: Аванесов, 1954) он выделяет две основные диалектные системы — одну с последовательным фонетическим изменением 'e' в 'o', другую, где такого изменения не было и появление слога типа 'c'o' было связано с морфологическими факторами, причем подробно рассматриваются разные ступени распространения 'o' после мягких согласных в говорах с "непереходящим 'e' в 'o'".

Рубен Иванович формулирует важное для истории языка методологическое положение о том, что между эволюцией разных сторон языка существует прямая связь. Следовательно, нужно изучать фонетическую систему не в общем и целом, а непосредственно применительно к ее реализации в речи, привлекая данные об инвентаре слов и морфем языка, по возможности учитывая весь лексико-морфологический состав говора. Таким же образом должна изучаться и морфологическая система: не в качестве абстрактной системы отношений между формами, а в ее реализации в определенных звучаниях.

Большое значение в работах Р.И.Аванесова по истории языка имеют его размышления о месте и времени возникновения аканья и тем самым акающего диалекта (Аванесов, 1947; 1954). В этой связи следует упомянуть изданную в Вестнике Московского университета в 1947 г. статью Рубена Ивановича “Вопросы образования русского языка в его говорах”. Период формирования диалектных различий русского языка и проблема возникновения аканья – одна из центральных для истории и диалектологии русского языка. Рубену Ивановичу удалось представить процесс выделения восточнославянских языков и ряда диалектных групп русского языка, связать данное явление с историей народа. Структурно-лингвистические данные позволили уточнить дату распространения акающего диалекта: вторая половина XII—первая половина XIII в. Из структурных данных учитывались слоговая и ритмическая структура слога в акающем диалекте, соотношение ударного вокализма с типом предударного вокализма и некоторые другие.

Таким образом, в данном случае была представлена гипотеза о позднем возникновении в русских диалектах аканья, противопоставленная точке зрения А.А.Шахматова на аканье как на явление, возникшее в дописьменную эпоху. Построенная с учетом историко-социальной, историко-структурной и лингвогеографической сторон, гипотеза Р.И.Аванесова была принята многими лингвистами.

Р.И.Аванесов выделяет для исторической грамматики основную единицу — хроноизоглоссу. В своей исследовательской практике он постоянно стремится включить пространство, представить историю языка во всей ее реальной сложности, со всеми ее хроно- и топоизоглоссами.

Поэтому в работах Рубена Ивановича большое место отводится изучению образования диалектных различий в фонологической и морфологической структуре диалектного языка. Так, он устанавливает время появления и пути распространения диалектного различия, связанного с качеством заднеязычного звонкого согласного. Одновременно с этим он определяет условия и характер самого фонетического изменения, занимается историей противопоставления аканья оканью, возникновением диалектного варьирования в судьбе твердых и мягких согласных, гласных ‘e’ и ‘o’ и другими вопросами.

Определение процессов некоторых диалектных различий Р.И.Аванесов постоянно сочетает с выяснением исторических судеб самих диалектов, т.е. с рассмотрением различных проблем исторической диалектологии.

В последние годы Р.И.Аванесов обращался к исторической лексикологии и лексикографии и возглавил коллектив лексикографов, готовивший “Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.”. Этот словарь характеризуется, с одной стороны, масштабностью замысла, с другой — конкретным и точным характером задачи презентации языкового материала. Хронологические рамки наиболее полно отражают систему древнерусского языка соответствующего периода — XI—XIV вв.

В центре всех работ Р.И.Аванесова, посвященных исторической фонетике, фонологии, морфонологии, словообразованию, всегда было слово: изучение единства слова и его различий в связи с тождеством или различиями его внешней, звуковой стороны, синхроническое и диахроническое тождество слова, графико-орфографические, фонетические и фонологические варианты слов, морфемная и словообразовательная структура.

Еще И.А.Бодуэн де Куртенэ понимал грамматику широко — “как рассмотрение строя и состава языка (анализ языков)”, относя к ней и фонологию. “Сообразно постепенному анализу языка, — говорил И.А.Бодуэн де Куртенэ, — можно разделить грамматику на три большие части: 1) фонологию (фонетику), или звукоучение; 2) словообразование в самом обширном смысле этого слова и 3) синтаксис” (Бодуэн де Куртенэ, 1963: 63-64). Н.С.Трубецкой считал фонологию также частью грамматики: «...фонология как учение о функциях звуковых противопоставлений представляет собой две отрасли одной и той же науки, которая должна исследовать функции противопоставления лингвистических значимостей, причем все отрасли этой науки применяют одинаковые методы исследования. Направление, в котором разрабатывает теорию звуков так называемая “фонологическая школа”, предполагает аналогичный подход к остальным частям теории языка, предполагает новую, структурную теорию языка» (Трубецкой, 1937: 151). В своей книге “Очерк грамматики русского литературного языка” (1945) Р.И.Аванесов и В.Н.Сидоров, объединив в разделе грамматики морфологию и

синтаксис, поместили в название книги наряду с термином “грамматика” и фонетику (с учением о фонемах).

Во введении к академической “Грамматике русского языка”, также включавшей кроме морфологии и синтаксиса – разделов грамматики, еще и фонетику, Л.В.Щерба и В.В.Виноградов писали: “Фонетика, как учение о звуковой системе и звуковых изменениях языка, связана как с лексикой (или лексикологией), так и с грамматикой... Поэтому фонетику можно было бы рассматривать как особую языковедческую дисциплину, смежную с грамматикой и лексикологией. Однако фонетика, изучающая звуковой строй языка, оказывается особенно тесно связанной с грамматикой и обычно рассматривается в ее составе в качестве особого раздела” (Грамматика русского языка, 1953: 14).

Вместе с В.Н.Сидоровым (1906–1968), П.С.Кузнецовым (1899–1968), А.А.Реформатским (1900–1978), А.М.Сухотиным (1908–1969) Рубен Иванович Аванесов был одним из организаторов и выдающимся представителем МФШ.

Истоки этой школы восходят ко второй половине 20-х годов, когда Р.И.Аванесов и В.Н.Сидоров в течение нескольких лет совместно изучали русские говоры. С начала 30-х годов началось сотрудничество Рубена Ивановича и В.Н.Сидорова с П.С.Кузнецовым, А.А.Реформатским, А.М.Сухотиным. Расширились и объекты изучения: кроме диалектного материала они стали заниматься литературным языком, вопросами прикладной лингвистики – алфавитов и орфографий, транскрипции, проблемой реформы русской орфографии.

“Мы стремились, – пишет Р.И.Аванесов, – продолжать традиции И.А.Бодуэна де Куртенэ, особенно ярко изложенные в его ранних работах. Эти же традиции еще раньше, с начала 20-х годов, развивал Н.Ф.Яковлев, который поэтому может считаться прямым предшественником Московской фонологической школы” (Аванесов, 1974: 5).

Уже самые ранние работы Р.И.Аванесова – пример строго систематического применения теории к описанию фонетических систем современного русского литературного языка и его диалектов.

Задача последовательного, целостного описания фонетической системы решается Р.И.Аванесовым уже во всех его ранних фонетических работах, посвященных как литературному языку, так и

диалектам. При таком описании пришлось развернуть и систему основных фонологических понятий. В работах Р.И.Аванесова и В.Н.Сидорова впервые вводится и последовательно применяется понятие нейтрализации фонем. Это понятие в его эксплицитной форме еще не присутствовало в работах Н.Ф.Яковлева, прямого предшественника МФШ. Понятие нейтрализации повлекло за собой разграничение вариаций и вариантов фонем, что явилось очень важным открытием, по которому и всю теорию МФШ называют “теорией вариантов и вариаций”. В редакции, которая была создана Р.И.Аванесовым и В.Н.Сидоровым, а также А.А.Реформатским, А.М.Сухотиным и П.С.Кузнецовым, эта теория стала применяться для анализа и последовательного описания различных фонетических систем.

Наиболее существенные отличительные особенности МФШ формулируются следующим образом: “Во-первых, позиционно чередующиеся звуки признаются одной функциональной единицей (фонемой), рассматриваются с позиции идентичности.

Другие фонологические теории также учитывают позиционную вариативность звуковых единиц: отождествление в качестве одной и той же фонемы всех звуков, которые связаны позиционным чередованием. Но у представителей МФШ этот принцип проводится без всяких ограничений как основной, формирующий фонему. Пражская фонологическая школа также объединяет “дивергенты” в фонему, но только те из них, которые обладают общей функциональной характеристикой.

Во-вторых, из последовательного применения этого принципа вытекает, что две фонемы в определенной позиции могут реализоваться одним звуком; что одна фонема может в разных позициях выражаться звуками, полностью различными в акустико-артикуляционном отношении, а также и звуковым нулем. Фонема, таким образом, рассматривается как единица, лишенная “антропофонической” характеристики. Следует говорить о ее чисто функциональной, позиционной обусловленности.

В-третьих, установление позиционных чередований и, следовательно, определение рядов позиционно чередующихся звуков (фонем) возможно только при сопоставлении морфем. Таким образом, для МФШ самым главным принципом является морфологический критерий” (Панов, 1972: 15).

Важные положения теоретических взглядов Р.И.Аванесова и В.Н.Сидорова на систему фонем русского языка представлены в их работе “Система фонем русского языка”, которая была составной частью “Очерка грамматики русского литературного языка” (1945).

В этой работе дается определение фонемы: “...самостоятельные звуковые различия, которые служат знаками различения слов языка, называются фонемами; звуковые же различия несамостоятельные представляют собой видоизменения этих фонем в определенных фонетических условиях” (Аванесов, Сидоров, 1970, с. 249). Фонема выступает необязательно в каком-то одном звучании, а в ряде звучаний, которые представляют собой ее разновидности. Каждая фонема проявляется в определенных разновидностях, и каждая из таких разновидностей выступает в строго определенных фонетических условиях.

Разновидности одной фонемы взаимно исключают друг друга в одной и той же позиции и, наоборот, взаимно замещают друг друга в разных позициях. Следовательно, одна разновидность данной фонемы по отношению к другой разновидности той же фонемы не может выступать в качестве знака для различения слов. Поэтому слова могут различаться только разновидностями одной фонемы по отношению к разновидностям других фонем.

Различия между разновидностями фонемы обусловлены фонетическим положением, т.е. фонетической позицией, которая определяет в каждом конкретном случае наличие одной определенной разновидности фонемы. Данные разновидности зависят от условий сочетаний звуков (например, от положения фонемы перед или после определенных звуков) или от положения фонемы в слове (например, в начальной или конечной позиции слова, в ударном или безударном слоге).

Фонетическая обусловленность разновидностей фонемы в разных позициях неодинакова: в одних позициях обусловленность большая, в других — меньшая. Позицию наименьшей обусловленности авторы называют “сильной” в отличие от других позиций, которым присваивается название “слабые”. Например, в русском языке ударные гласные не подвергаются качественной редукции. Следовательно, положение в слоге под ударением для русских гласных звуков является сильным положением по отношению к слабым положениям в безударных слогах. Следует

добавить, что под ударением качество гласной фонемы видоизменяется в зависимости от соседних твердых или мягких согласных (ср., например, качество фонемы /a/ в словах *раз, мразь, погряз, грязь*).

Основной вид фонемы, являясь наиболее близким по своему качеству к фонеме в изолированном произношении, представляет собой наиболее типичный и характерный репрезентант всего ряда звуков, в котором проявляется фонема в различных условиях. Таким образом, фонема всегда обозначена по своему основному виду, а остальные ее разновидности можно рассматривать в качестве видоизменений основного вида фонемы. Авторы определяют совокупность этих видоизменений, выступающих в слабых позициях, как **модификации фонемы**.

Эти модификации фонем по своей функции, т.е. по той роли, которую они играют в системе знаков для различения слов, подразделяются на два типа – вариации и варианты.

Вариации – это такие обусловленные позицией модификации основного вида фонемы, при которых не происходит совпадения в одном звучании конкретной фонемы с какой-либо другой. Классическим примером в русском языке в соответствии с МФШ служит звук [ы], являющийся модификацией фонемы /u/ после твердых согласных. Вариация фонемы по функции (как знака для различения слов) тождественна, равноправна с основным видом той же фонемы. Таким образом, вариация – это позиционно обусловленный звуковой синоним основного вида фонемы.

Варианты – это позиционно обусловленные модификации фонемы, которые не различаются с какой-либо другой фонемой (или фонемами), совпадая с ней (или с ними) в своем качестве. Вариант выступает в роли заменителя двух или более фонем, не различающего функции совпавших фонем. Примером неразличения гласных фонем является совпадение фонем /o/ и /a/ в первом предударном слоге после твердых согласных в варианте 'а': *вол* и *вал*, но *валы* (= *волы* и *валы*).

Устанавливается принадлежность варианта к определенной фонеме только в том случае, если в той же самой морфеме при изменении и образовании слов фонема выступает в своем основном виде. Например, в слове *вада* в предударном слоге произносится звук

[a], который может быть вариантом как фонемы /o/, так и фонемы /a/. В этом случае звук [a] является вариантом фонемы /o/.

Фонемы объединяются в группы благодаря тому, что в одних позициях они различаются, в то время как в других не различаются, совпадая в одном из своих вариантов. Различение подобных фонем и их совпадение происходят в строго определенных условиях. При этом в тех же самых условиях могут различаться и совпадать не только фонемы какой-либо одной группы, но и фонемы целого ряда групп, т.е. различение и совпадение фонем, входящих в такие группы, является параллельным.

Различающиеся и совпадающие в тождественных условиях ряды фонем образуют такие соотносительные группы, в каждой из которых одна фонема относится к другой, как соответствующие фонемы относятся друг к другу в любой другой группе фонем данного ряда. Эти отношения выражаются следующим образом: $a : a_1 = b : b_1 = c : c_1$ и т.д. или, например, для ряда звонких и глухих согласных фонем русского языка: $d : t = z : c = b : n$ и т.д.

Наиболее существенными и характерными изменениями системы гласных фонем русского литературного языка являются те изменения, которым подвергаются эти фонемы в безударных слогах. Этими изменениями определяются особенности системы гласных русского литературного языка. Подвергаясь изменениям в безударных слогах, гласные фонемы реализуются в своих вариантах, т.е. перестают различаться с какой-нибудь другой фонемой (или другими фонемами), совпадая с ней (или с ними) в своем качестве.

Наиболее трудно усваиваемой иностранцами особенностью русского вокализма являются степени редукции. В случае гласных фонем в предударных слогах авторами вводятся в зависимости от степени редукции такие понятия, как **слабые позиции первой ступени и второй ступени**. Слабая позиция первой ступени – положение в первом предударном слоге, где редукция представлена в меньшей степени. Слабая позиция второй ступени – положение в других предударных слогах (за исключением первого предударного), где редукция – в большей степени.

В сильной позиции – в слоге под ударением все гласные фонемы выступают в своем основном виде или вариациях, обусловленных твердостью или мягкостью соседних согласных.

Остальные гласные фонемы в слабых позициях выступают в своих позиционных вариантах. Качество позиционного варианта гласной фонемы зависит от двух условий: во-первых, от положения гласной по отношению к ударению (слабая позиция первой или второй ступени); во-вторых, от качества предшествующей согласной.

Особенностью работ Р.И.Аванесова, как и представителей МФШ в целом, было то, что разработка фонологической теории соединялась с решением практических задач орфографии.

В 30-х годах выдвигались один за другим проекты усовершенствования русской орфографии. Орфографические решения, принятые в 1917 г., обладали одним общим недостатком: не обоснованные целостной лингвистической теорией, внутренне противоречивые, они страдали явной эклектичностью и имели много недочетов.

В это время была опубликована статья Р.И.Аванесова и В.Н.Сидорова “Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка” (1930). Авторы впервые формулируют основной принцип русского письма: русская орфография фонематична. Как пишут авторы: “Фонологическое письмо отвечает социальной природе языка, потому что оно передает не звуки в отрыве от их значения, а фонемы. Поэтому фонологическое письмо в отличие от фонетического основано не на соответствии буквы и звука, а на соответствии буквы и фонемы” (Аванесов, Сидоров, 1970а: 151).

Совершенствование орфографии и привнесение в нее большей последовательности связано с усилением фонематического принципа. Соавторы орфографической реформы утверждают, что “...проект о новом правописании ясно показывает его преобладающий морфологический (фонологический) характер. При дальнейшей разработке морфологический принцип должен быть проведен более последовательно, так как только этот принцип может быть положен в основу рациональной орфографии” (Аванесов, Сидоров, 1970а: 156).

Исходя из этого принципа и делается ряд предложений. Вопрос о том, нужна ли и своевременна ли реформа орфографии, решают не только лингвисты, но общество в целом. Но если реформа окажется реальностью, то в таком случае будут реализованы выдвинутые в 1930 г. соответствующие предложения.

К орфографическим проблемам Рубен Иванович неоднократно возвращался на протяжении всей своей научной деятельности: усовершенствование орфографии, выработка орфоэпических норм и норм современной сценической речи, кодификация русского литературного произношения, преподавание русского языка в средней школе и в высших учебных заведениях, обучение русскому языку как иностранному. Все эти практические задачи решаются в работах Р.И.Аванесова с единых теоретических позиций, при пристальном внимании к фонологической основе русского языка.

Немало было сделано и для разработки другой прикладной области – орфоэпии. Ему принадлежит труд, посвященный проблемам русской орфоэпии, – “Русское литературное произношение” (1950), выдержавший шесть изданий, а также другие работы. Значительные изменения были привнесены Рубеном Ивановичем в пятое издание этой книги. Здесь автор ввел очерк звуковой системы русского языка, а также дал схемы профиля артикуляций русских звуков. Данное издание пополнено обширным справочным разделом, где дан краткий очерк русской графики и две таблицы – “От буквы к звуку” и “От звука к букве”. Эти таблицы дают возможность наведения разнообразных справок о произношении написанного слова и о написании произнесенного слова. Рубен Иванович подчеркивал практическую сторону применения данной книги. “Необходимо прежде всего добиться, – подчеркивал Рубен Иванович, – правильной постановки произношения отдельных звуков, а затем уже и типичных для русского языка сочетаний звуков, помня при этом, что трудности усвоения русского языка не одинаковы для представителей разных языков в связи с различными артикуляционными базами этих языков” (Аванесов, 1984: 5).

Согласно Р.И.Аванесову, при обучении русскому литературному произношению необходимо, во-первых, отказаться от некоторых деталей в произношении, стремясь к общепринятому стандарту. Во-вторых, особое внимание следует уделять ритмической структуре русского слова с его редукцией безударных слогов. Однако двух ступеней редукции следует добиваться только для положения после твердых согласных (например, *[гольву]*). В положении же после мягких согласных следует использовать только *[и]*-образный звук, т.е. не различать безударных гласных в случаях типа “берега” и “деревням”.

Чтобы решить, какому из вариантных орфоэпических норм отдать предпочтение, необходимо учитывать и фонологию: какая норма “различительна”, “дистинктивна”, утверждает в своих работах Р.И.Аванесов. После этих изысканий стало нормой, обсуждая вопросы орфоэпии, принимать во внимание их различительные, фонологические характеристики.

У Р.И.Аванесова много изысканий как в области истории языка, так и его современного состояния. Внимание в равной степени обращено и к диахронии, и к синхронии.

Рубен Иванович в своих исследованиях постоянно применяет фонологические методы. Например, форма существительных с нулевым окончанием рассматривается как нейтрализация двух акцентных типов: с ударением на основе и с ударением на флексии (*много мук* = *много сортов муки* и *много мучений*, нейтрализованы *мука* — *мука́*). Следовательно, в этой форме ударение не “переносится на основу”. Данные положения позже были продолжены и развиты в работах А.А.Зализняка (Зализняк, 1967; 1985).

Таким образом, очевиден интерес Р.И.Аванесова к грамматико-фонетическим явлениям. Во многих его работах представлены сложные вопросы чередования фонем в соотношении с чередованием морфем.

Еще одной областью лингвистики Рубен Иванович занимался с особой любовью — это фонетикой. А причина кроется в том, что он знал, понимал и ценил музыку, связанную наитеснейшим образом с фонетикой: “...в жизни Рубена Ивановича музыка была серьезной соперницей его научным занятиям. Интуиция Аванесова-фонетиста близка к тому, что называют абсолютным слухом в музыке: его наблюдения и фонетические гипотезы подтверждаются спустя много лет данными инструментального исследования речи и, как правило, оказываются самыми верными в ряду других гипотез” (Пожарицкая, 1982: 88).

В 1956 г. выходит в свет его книга “Фонетика современного русского литературного языка”. Эта книга сложилась на основе лекций Рубена Ивановича по общим и специальным курсам фонетики современного русского литературного языка, читавшимся на протяжении определенного времени в МГУ. Она характеризует собой не столько окончательные результаты исследования, сколько один из его этапов. Данный труд включает в себя изложение теории

фонем на материале русского языка, существенно отличающейся от ранее изложенной в работах автора концепции.

Книга состоит из таких разделов, как:

- кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфем;
- о слогоразделе и строении слога в русском языке;
- ударение;
- вокализм (ударные и безударные гласные);
- консонантизм (классификация согласных; образование отдельных согласных фонем);
- система согласных фонем (соотносительный ряд глухих и звонких согласных фонем; соотносительный ряд твердых и мягких согласных фонем);
- типы научно-лингвистической транскрипции.

Различия в звуковых оболочках слов могут быть многообразны. Во-первых, при разноместности и подвижности ударения они заключаются в различиях места ударения, которое в русском языке определяет количество и качество различаемых в безударных слогах гласных (ср. *муку* и *муку*). Во-вторых, различия в звуковых оболочках разных слов касаются количества звуковых единиц (ср. *он*, *тон*, *стон*). В-третьих, это касается порядка следования одних и тех же звуковых единиц (ср. *он* и *но*, *куст* и *стук*). В-четвертых, различия в звуковых оболочках разных слов касаются самих звуковых единиц, их качества. Звуковые оболочки разных слов отличаются либо полностью (ср. *дуб* и *нас*), либо более или менее значительной частью (ср. *сам* и *сук*, *злой* и *знал*, *плох* и *прах*), либо одной кратчайшей звуковой единицей, т.е. имеют минимальное звуковое отличие (например, *сам* – *сом*, *сам* – *дам*).

Кратчайшие звуковые единицы, не зависящие от фонетического положения, не обусловленные позицией, употребляются в тождественной позиции и служат в языке для различения звуковой оболочки словоформ, т.е. образуют самостоятельные фонемы. В противоположность этому кратчайшие звуковые единицы в своих зависящих от фонетического положения, обусловленных позицией сторонах не употребляются в тождественной позиции, не имеют непосредственно различительной функции. Они образуют не самостоятельные фонемы, а только разновидности одной и той же фонемы. Из этого следует, что фонемой является кратчайшая звуковая единица как независимая по

своему качеству величина и потому сама по себе достаточная для различения звуковых оболочек словоформ.

При наличии чередований кратчайшая звуковая единица в любой позиции (вне зависимости от меньшей или большей обусловленности ее качества позицией) обладает равной способностью различать звуковые оболочки словоформ.

При наличии чередований непараллельных, пересекающихся автором разграничиваются два понятия для обозначения степени фонематичности кратчайших звуковых единиц: сильная и слабая фонема. **Сильная фонема** выступает в позициях максимальной дифференциации, в которых различается наибольшее количество звуковых единиц, в то время как **слабая фонема** — в позициях меньшей дифференциации, в которых различается меньшее количество звуковых единиц. Сильная фонема различает звуковую оболочку не только словоформы, но и морфемы, в составе которой она находится.

Рубен Иванович Аванесов на основе анализа соотношений между фонемами и фонемными рядами, с одной стороны, и словоформами и морфемами — с другой, сформулировал два закона о тождестве и различиях словоформ и морфем в их отношениях к своим звуковым оболочкам.

1. Тождеству словоформ (т.е. той же словоформе) соответствует тождество фонем, и, напротив, “нетождеству” словоформ (т.е. разным словоформам) соответствуют различия в фонемах одного ранга.

2. Тождеству морфем (т.е. той же морфеме) соответствует тождество фонемных рядов, и, напротив, “нетождеству” морфем (т.е. разным морфемам) соответствует различие в фонемных рядах.

Особое положение среди конструктивных фонологических единиц занимают несамостоятельные слова, которые во всех случаях выступают в сочетании с самостоятельным словом, например предлоги в русском языке. В рамках такого словосочетания часто возникают характерные для отдельного слова фонологические связи. Р.И.Аванесов применительно к сочетаниям предлога со следующим за ним словом в русском языке отмечал: “... обычно сочетания с предлогами в отношении слогоделения произносятся так, как если бы они представляли одно слово... Лишь при тщательном и отчетливом произношении встречается слогоделение, свойственное сочетанию

знаменательных слов, т.е. отход конечного согласного предлога к предшествующему гласному и образование таким образом закрытого слога [б'ез/атца], [п'ер'ьд/акном]" (Аванесов, 1956: 50).

С этим следует сопоставить словосочетания, состоящие из двух самостоятельных слов: «Что же касается сочетания знаменательных слов, – пишет Р.И.Аванесов, – то слогоделение в них обычно сохраняется такое, какое свойственно каждому входящему в его состав слову в отдельности. Ср.: “гадюк убили” и... “гадюку били”. Это более заметно в тех случаях, когда в исходе первого слова находится звонкий согласный, оглушающийся на конце слова, т.е. в закрытом слоге... “подругу вели”, ... “подруг увели”» (Аванесов, 1956: 47).

В книге “Фонетика современного русского литературного языка” (1956) предпринимается попытка синтеза московской и петербургской фонологических теорий, на что сам автор указывает на страницах своего труда. В соответствии с этим фонема у москвичей превращается в фонемный ряд. Эта попытка стимулировала поиски фонологов в определенном направлении (см., например, введение понятия “звука языка” в работах П.С.Кузнецова).

Р.И.Аванесов пытается также сблизить понятия Пражской и Московской фонологических школ. Например, в словах *разнеслась*, *резьба* автор транскрибирует фонему а: [разн'/а/слась р'/а/зба], она же отмечена в словах *х/а/дьебе*, *п/а/жар*. Основания для обобщения следующие: общая характеристика – фонема неверхнего подъема, нелабиализованная.

В основе пражской фонологической теории лежит принцип обобщения звуков в фонемы: в одну фонемную единицу объединяются звуки, имеющие общую функциональную характеристику. Например, в словах *указ*, *указка*, *перенос*, *переноска* звуком [с] выражается одна и та же фонемная единица: зубная, фрикативная, твердая. Но в словах *сон*, *сразу* звук [с] выражает другую фонемную единицу (именно фонему с признаками: зубная, фрикативная, твердая, глухая). Это будет соответствовать и теории Р.И.Аванесова. В случае совпадения трактовки фонемы у “пражцев” и у “петербуржцев”, концепция Р.И.Аванесова дает возможность говорить о синтезе московской и петербургской фонологических теорий. В данном случае следует упомянуть и синтез московской и пражской теорий. Если трактовка пражцев отличается от трактовок других школ, то Р.И.Аванесов следует именно пражской.

Рубен Иванович Аванесов на протяжении почти всей своей научной деятельности интересовался проблемами ударения русского литературного языка. Во многих работах (Аванесов, 1955; 1974; Орфоэпический словарь русского языка, 1989) им освещались следующие вопросы:

- ударение как признак слова;
- ударение слова и его свойства;
- долгота и краткость гласных;
- музыкальная сторона ударения;
- разноместность ударения;
- ударение подвижное и неподвижное (изменение места ударения при образовании форм слова);
- изменение места ударения при словообразовании;
- ударение и звуковое оформление слова;
- безударные и слабоударяемые слова;
- слова с побочным ударением.

Идея создания нормативного словаря орфоэпического типа, впервые воплощенная в опыте словаря-справочника “Русское литературное ударение и произношение” под редакцией Р.И.Аванесова и С.И.Ожегова, вышедшего в 1959 г., со временем подверглась существенному изменению.

“Орфоэпический словарь русского языка” (Орфоэпический словарь русского языка, 1989) был создан в результате переработки словаря-справочника “Русское литературное произношение и ударение” под общей редакцией Р.И.Аванесова и С.И.Ожегова (1900–1964), вышедшего в 1959 г. За эти годы в русском литературном языке произошли определенные изменения. Исследования в области русской грамматической системы, фонетики и морфологии, литературной нормы также повлияли на структуру данного словаря. На теоретическую концепцию, легшую в основу этого издания, наибольшее влияние оказали грамматические исследования А.А.Зализняка (Зализняк, 1967; 1977).

Подготовка словаря велась в Институте русского языка АН СССР под руководством Рубена Ивановича Аванесова.

Ко времени создания словаря уже определилась целесообразность объединения в одном лексикографическом издании сведений о произношении и ударении с последовательно поданной информацией об образовании грамматических форм. В нем

широко разработана система нормативных рекомендаций и введены запретительные пометы. В издании 1989 г. пополнен словарь, уточнены нормативные рекомендации, более детально разработана подача некоторых категорий слов.

Словарь предоставляет информацию о правильном произношении и ударении отдельных слов, о правильном образовании их грамматических форм. В словаре присутствуют статьи “Сведения о произношении и ударении” и “Сведения о грамматических формах”, написанные Р.И.Аванесовым.

Научное наследие Рубена Ивановича Аванесова – это основа для дальнейших изысканий в области фонетики и фонологии русского языка, русской диалектологии, русистики в целом. Немаловажно, что существующие разночтения по некоторым вопросам в тех или иных фонологических школах России не являются препятствием в толковании ряда принципиально важных дефиниций благодаря основополагающим работам Рубена Ивановича.

Литература

- Аванесов Р.И.* Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – М., 1947. – № 9. – С. 109-158.
- Аванесов Р.И.* Очерк русской диалектологии. М., 1949.– Ч. 1. – 336 с.
- Аванесов Р.И.* Общенародный язык и местные диалекты на разных этапах развития общества. – М., 1954. – 24 с.
- Аванесов Р.И.* Ударение в современном русском литературном языке. – М., 1955. – 56 с.
- Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского языка. – М., 1956. – 240 с.
- Аванесов Р.И.* Из истории русского вокализма: Звуки *i* и *y* // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия. – М., 1970а. – С. 278-299.
- Аванесов Р. И.* Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия. – М., 1970б. – С. 300-325.
- Аванесов Р.И.* Русская литературная и диалектная фонетика. – М., 1974. – 287 с.
- Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. – М., 1984. – 383 с.
- Аванесов Р.И., Сидоров В.И.* Говоры Верхнего Поволжья: Фонетика и диалектные группы. – Н.-Новгород, 1931. – 43 с.
- Аванесов Р.И., Сидоров В.И.* Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. 1. Фонетика и морфография. – М., 1945. – 236 с.

- Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия. – М., 1970а. – С. 149-156.
- Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Система фонем русского языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия. – М., 1970б. – С. 249-277.
- Бодуэн де Куртэнэ И.А.* Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Бодуэн де Куртэнэ И.А. Избранные Труды по общему языкознанию. – М., 1963. – Т. 1. – С. 47-77.
- Горшкова К.В.* Воспоминания о МИФЛИ // Вести. Моск. ун-та. Сер 9, Филология. – М., 1996. – № 3. – С. 160-165.
- Грамматика русского языка.* – М., 1953. – Т. 1: Фонетика и морфология. – 720 с.
- Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. – М., 1967. – 370 с.
- Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. – М., 1977. – 880 с.
- Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. – М., 1985 – 428 с.
- Орлова В.Г., Горшкова К.В.* Рубен Иванович Аванесов // Русское и славянское языкознание. – М., 1972. – С. 5–12.
- Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы.* Под ред. Р.И. Аванесова. – 5-е изд. испр. и доп. – М.1989. – 688 с.
- Панов М.В.* Р.И.Аванесов – фонолог // Русское и славянское языковедение. – М., 1972. – С. 13-23.
- Пожирицкая С.К.* Рубен Иванович Аванесов: (К 80-летию со дня рождения и 60-летию научной деятельности) // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 9, Филология. – М., 1982. – № 3. – С. 86-89.
- Потапова Р.К.* Воспоминания о Рубене Ивановиче Аванесове: (Из интервью с Потаповой Р.К. от 3 июня 2001 г.).
- Trubetzkoy N.* Über eine neue Kritik des Phonembegriffes // Archiv für vergleichende Phonetik. – 1937. – Bd. I., H. 3. – S. 151.

Основные работы Р.И.Аванесова

- Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Говоры Верхнего Поветлужья: Фонетика и диалектные группы. – Н.-Новгород, 1931. – 43 с.
- Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. – М., 1945. – Ч. 1: Фонетика и морфология. – 236 с.
- Аванесов Р.И.* Очерк русской диалектологии. – М., 1949. – Ч. 1. – 336 с.
- Аванесов Р.И.* Общенародный язык и местные диалекты на разных этапах развития общества. – М., 1954. – 24 с.
- Аванесов Р.И.* Ударение в современном русском литературном языке. – М., 1955. – 56 с.

- Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. – М., 1956. – 240 с.
- Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. – М., 1950. – 160 с. (6-е изд., 1984).
- Аванесов Р.И.* Русская литературная и диалектная фонетика. – М., 1974. – 287 с.
- Библиографию работ Р.И. Аванесова (1927-1971) см.: Русское и славянское языкознание: К 70-летию Р.И. Аванесова (1902-1982) – М., 1972. – С. 311-327.*

Основные работы о Р.И. Аванесове

- Аванесов Рубен Иванович // Юдакин А.П.* Ведущие языковеды мира: Энциклопедия. – М., 2000. – С. 14-15.
- Березин Ф.М.* Аванесов Рубен Иванович // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979. – С. 11.
- Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* 70-летие Рубена Ивановича Аванесова // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз. – М.: 1972. – Т. 31. – № 3. – С. 287-288.
- Булатова Л.Н.* Рубен Иванович Аванесов (воспоминания ученицы) // Фортунатовский сборник. Мат. Научн. конф., посв. 100-летию Моск. лингв. школы, 1897–1997 гг. – М.: 2000. – С. 339–341.
- Горшкова К.В.* Рубен Иванович Аванесов: (К 70-летию со дня рождения и 50-летию научной и педагогической деятельности) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – М., 1972. – № 4. – С. 93-96.
- Иванов В.В.* Рубен Иванович Аванесов: (К 75-летию со дня рождения) // Рус. яз. в школе. – М., 1977. – № 1. – С. 114-117.
- Иванов В.В.* Рубен Иванович Аванесов: (К 100-летию со дня рождения) // Рус. яз. в школе. – М., 2002. – № 1. – С. 88–91.
- Орлова В.Г., Горшкова К.В.* Рубен Иванович Аванесов: (К 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности) // Русское и славянское языкознание. – М., 1972. – С. 5-12.
- Панов М.В.* Р.И. Аванесов – фонолог // Русское и славянское языкознание. – М., 1972. – С. 13-23.
- Пожиарицкая С.К.* Рубен Иванович Аванесов: (К 80-летию со дня рождения и 60-летию научной деятельности) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – М., 1982. – № 3. – С. 86-89.
- Потапов В.В.* Рубен Иванович Аванесов: (К 100-летию со дня рождения) // Вопр. языкознания. – М., 2002. – № 4 (в печати).
- Степанов Ю.С.* Рубен Иванович Аванесов: (К 75-летию со дня рождения) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М.: 1977. – Т. 36. – № 1. – С.91-93.
- Шапиро А.Б.* Рубен Иванович Аванесов: (К 60-летию со дня рождения) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М.: 1962. – № 2. – С. 163-165.

М.Б.Раренко

ВИКТОР ИВАНОВИЧ БОРКОВСКИЙ

Виктор Иванович Борковский (1900–1982) – крупнейший историк восточнославянских языков и отечественного языкознания, славист, диалектолог, текстолог, ответственный редактор авторитетных лингвистических изданий, опытный педагог, по воспоминаниям современников (Алексеев, 1990), блестящий лектор, академик, иностранный член-корреспондент АН ГДР, член-корреспондент Академии наук и литературы в Майнце (ФРГ), почетный доктор философии Университета имени Гумбольдта в Берлине, заместитель председателя Международного и Советского комитетов славистов, член комитета по Ленинским премиям, член Бюро Отделения литературы и языка АН СССР, член пленума ВАК, кавалер орденов Ленина, Октябрьской революции, “Знак Почета”.

В.И.Борковский родился 6/7 (18/19)¹ января 1900 г. в г. Минске. В 1918 г. окончил с золотой медалью 2-ю Кишиневскую гимназию. В 1919 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета, затем перевелся в Петроградский университет, который и окончил в 1923 г. Был оставлен на кафедре русского языка для подготовки к профессорскому званию. С 6-го класса гимназии Виктор Иванович совмещает учебу с воинской службой и с преподавательской деятельностью: дает частные уроки, проводит занятия в гражданских и военно-морских учебных заведениях.

¹ В источниках даты расходятся.

Основательную славистическую подготовку В.И.Борковский получил под руководством известных языковедов П.А.Лаврова, М.Г.Долобко, В.Ф.Шишмарева и основателя белорусского языкознания и литературоведения академика Евфимия Федоровича Карского (Алексеев, 1990).

В 1930 г. В.И.Борковский получает ученое звание профессора и в течение последующих лет руководит кафедрами русского языка в педагогических институтах в Могилеве (1930–1932), Новгороде (1932–1934), Николаеве (1934–1935), Симферополе (1935–1940), Ярославле (1940–1946). В 1946–1950 г. В.И.Борковский возглавляет кафедру русского языка во Львовском госуниверситете им. И.Франко, а в 1949–1950 гг. Львовский отдел Института языкознания АН УССР. Общеизвестно, что именно львовский период был особенно плодотворным этапом творческого пути ученого (Галенко, 1990).

14 апреля 1950 г. В.И.Борковский успешно защищает перед членами ученого совета Института языка и мышления им. Н.Я.Марра и Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР докторскую диссертацию на тему “Синтаксис древнерусских грамот. Простое предложение”, после чего переезжает в Москву работать. С 1950 по 1952 гг. он совмещает должности заведующего кафедрой русского языка в Московском педагогическом институте им. В.П.Потемкина и ст. научного сотрудника Института языкознания АН СССР, а в 1954–1960 гг. становится директором этого института. В 1958 г. Борковский избран членом-корреспондентом АН СССР, с 1960 г. заведует созданным им сектором сравнительно-исторического изучения восточнославянских языков в Институте русского языка АН СССР. В 1972 г. В.И.Борковский стал академиком.

В.И.Борковский обладал огромной работоспособностью. Так, например, с 1947 по 1950 г. у него было семь аспирантов: Л.А.Коробчинская, И.О.Ляховацкая, Н.Г.Чиликина и др. (Галенко, 1990).

Для студентов-русистов он читал спецкурс “Синтаксис древнерусских грамот” и дважды – курсы “Исторической грамматики русского языка с элементами диалектологии” и “Истории русского литературного языка”, руководил курсовыми и дипломными работами.

С именем В.И.Борковского в отечественной лингвистической науке связано прежде всего развитие исследований в области сравнительно-исторического синтаксиса русского и – шире –

восточнославянских языков. В этой области он выступил как исследователь, автор широко известных трудов, как организатор направления сравнительно-исторических исследований восточнославянских языков. Тем самым В.И.Борковский продолжал традицию отечественной филологической науки XIX в., идущую от таких известных лингвистов, как А.А.Потебня, А.А.Шахматов, А.И.Соболевский, Е.Ф.Карский, Б.В.Лавров. Борковский был крупнейшим знатоком письменного наследия восточных славян и современных восточнославянских языков, что позволило ему стать одним из инициаторов таких лингвистических предприятий, как диалектологический атлас русского языка, лингвистическое и палеографическое изучение новгородских берестяных грамот, цикл трудов по сравнительно-историческому синтаксису восточнославянских языков. Вместе с Р.И.Аванесовым, С.Г.Бархударовым и Ф.П.Филином он стал у истоков организации и осуществления “Исторической грамматики русского языка”.

Интересы В.И.Борковского широки – различные актуальные вопросы славистической науки: начиная вопросами литературы (проблемы художественного языка, его особенностей, построения, функционирования) и заканчивая вопросами истории грамматического строя восточнославянских языков.

Хронологический библиографический список работ исследователя показывает, что начало научной деятельности В.И.Борковского связано с изучением древнерусских памятников письменности (“О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку” (1931), “Смоленская грамота 1229 г. – русский памятник” (1944) и др. работы). Со временем круг профессиональных интересов В.И.Борковского расширяется.

Следуя сложившейся в русском сравнительно-историческом языкознании традиции, свой первый значительный труд “О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку” (1931) (данная работа является кандидатской диссертацией В.И.Борковского) В.И.Борковский посвящает лингвистическому описанию исторического памятника. В нем произведено тщательное описание графических примет рукописи, указаны особенности почерка отдельных писцов, ее создателей, исследован язык памятника: фонетика, морфология и затронут ряд вопросов синтаксиса. В дальнейшем монографическое описание памятников составляет

важное направление в исследованиях ученого. В 1985 г. профессор Л.П.Жуковская в своем отзыве на эту работу ученого писала: “Данное исследование фундаментально, всесторонне и до сих пор не потеряло своего значения для истории русского языка, истории орфографии и палеографии памятников письменности” (Жуковская, 2000).

В 1944 г. Борковский опубликовал статью “Смоленская грамота 1229 г. – русский памятник”. В ней проведен глубокий анализ всех сохранившихся списков грамоты, исследован язык этого удивительного памятника. Результаты этого исследования постоянно используются в работах по истории русского языка и древнерусского права. После того как в 1951 г. были открыты новгородские берестяные грамоты, дальнейшая деятельность В.И.Борковского оказалась связана с ними. Исследованию этих грамот ученый посвятил ряд статей в отечественных и зарубежных изданиях. В.И.Борковский подчеркивает значение берестяных грамот как источника для изучения истории русского языка, специально останавливается на анализе фонетики, морфологии, синтаксиса этих памятников, предлагает оригинальные прочтения некоторых спорных текстов.

В 1958–1963 гг. совместно с А.В.Арциховским В.И.Борковский опубликовал три тома новгородских берестяных грамот с подробным лингвистическим комментарием. В 1970 г. этот труд был удостоен Государственной премии СССР. Языку берестяных грамот ученый посвящает ряд работ и приходит к выводам о том, что тексты берестяных грамот содержат образцы разговорной народной речи, подтверждают многие выработанные языковедческой наукой данные исторической фонетики, лексики и грамматики.

В.И.Борковский высоко оценивал вклад Новгорода в историческое развитие восточнославянских народов. Он пишет об “огромном значении Новгорода в истории восточных славян как в древнейшую эпоху образования древнерусской народности, так и в последующую эпоху образования великорусской народности...” (Борковский, 1955а: 7). “Берестяные грамоты драгоценны для историка языка тем, что они отражают живой разговорный язык народа, чего нельзя сказать в такой же мере о традиционной письменности не только церковно-культурной (а таких памятников сохранилось больше всего), но и о деловой и юридической, так как в последнее время немалое место занимают традиционные юридические формулы и канцелярские штампы... Берестяные грамоты драгоценны для

историка языка также тем, что, сохранившись в древнем культурном слое, в течение веков не тронутым человеком, они не оставляют сомнения в своем новгородском происхождении: перед нами непосредственное свидетельство о живом общенародном языке древнего Новгорода разных эпох. Этим они отличаются от значительной части других письменных памятников, обычно трудно поддающихся точной локализации” (Борковский, 1955b: 7).

В.И.Борковский является автором раздела “Синтаксис”, вместе с Р.И.Аванесовым – раздела “Введение” в большой коллективной монографии “Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот” (1955).

В.И.Борковский публикует работы по частным и общим вопросам диалектологии. Монографии ученого “Синтаксис древнерусских грамот. Простое предложение” (Львов, 1949) и “Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение” (Москва, 1958) содержат исчерпывающее описание древнерусского простого и сложного предложений – итог многолетней, кропотливой работы ученого. Материалы монографий отражены в “Исторической грамматике русского языка” (1963) в разделе “Синтаксис”. Исторический синтаксис впервые представлен здесь В.И.Борковским как равноправный раздел курса исторической грамматики.

В 60-е годы В.И.Борковский начинает работу по созданию сравнительно-исторического синтаксиса восточнославянских языков. Под его руководством, общей редакцией и с его участием выходит фундаментальное четырехтомное издание “Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков” (Т. 1-2, 1968, Т. 3, 1972, Т. 4, 1973). В исследовании анализируется огромный материал не только письменных памятников, в основном XV–XVIII вв., древнерусского, древнеукраинского и древнебелорусского языков, но и диалектные данные этих языков, излагаются эволюционные процессы синтаксического строя русского, украинского и белорусского языков на древнерусской синтаксической основе. Истории языка, в частности древнерусского, ученый отводит важное место: “... наука об истории русского языка обладает некоторым фондом надежных сведений о таких языковых явлениях, которые не могут быть отнесены ко времени ранее или позднее определенной эпохи” (Борковский, 1955b: 7).

Как историк отечественного языкознания В.И.Борковский известен созданными им научными биографиями выдающихся лингвистов: Е.Ф.Карского, С.П.Обнорского, А.А.Потебни, Л.А.Булаховского, С.Д.Никифорова, С.Г.Бархударова, А.Б.Шапира, а также разысканиями, посвященными научному анализу их трудов.

Однако главной сферой исследовательской деятельности В.И.Борковского стал синтаксис древнерусской письменности. Это была мало исследованная область филологической науки. В 1940—1944 гг. вышли его две работы по истории русского языка под общим названием “О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV вв.”, где проведено систематическое исследование синтаксиса грамот — памятников, которые в наибольшей степени отражают живую речь. Фундаментальные исследования по историческому синтаксису в дальнейшем представляют основное направление научных изысканий В.И.Борковского.

В 1948—1949 гг. в “Вопросах славянского языкознания” (Львовский университет) выходят первые две части труда Борковского “Синтаксис древнерусских грамот”, затем “Синтаксис древнерусских грамот. Простое предложение” издан отдельной книгой. В монографическом исследовании анализу подвергается значительное количество древнейших и более поздних грамот, созданных в различных центрах письменности Древней Руси и Московской Руси (до XVI в. включительно). На основании имеющихся в грамотах синтаксических структур Борковский описывает основные нормы синтаксиса древнерусского литературного языка, показывает богатство его конструкций. Как и другие работы автора, данное исследование характеризуется полнотой анализа представленного в нем материала.

Во “Введении” к работе “Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение” В.И.Борковский пишет, что “вопросы исторического синтаксиса русского языка исследованы все еще недостаточно, ... не решены многие большие и важные проблемы” (Борковский, 1958d: 3). Он указывает, что отдельные синтаксические конструкции ранее рассматривались вне связи с синтаксической системой языка в целом, с другими синтаксическими конструкциями. Перед собой, как исследователем древнерусских грамот, Борковский ставит следующие задачи: выяснить взаимосвязь синтаксических и морфологических изменений, имея при этом в виду, что “изменения

в синтаксических конструкциях способствуют выработке новых стилистических приемов, поскольку синтаксическая стилистика тесно связана с синтаксической системой языка” (Борковский, 1958d: 3), определить, развита или нет в языке изучаемого периода синтаксическая синонимия. Определяя роль исследований по древнерусскому синтаксису, В.И.Борковский пишет, что они “принесут большую пользу, являясь необходимыми материалами для обобщающего труда по историческому синтаксису русского языка” (Борковский, 1958d: 3). В качестве материала для исследования Борковский привлек 219 грамот различных княжеств и разных периодов, материалы 68 берестяных грамот XI–XV вв., найденных в Новгороде в 1951–1954 гг. В жанровом отношении все изученные памятники относятся к деловой письменности, содержащей элементы художественного творчества. Борковский признает зависимость использования синтаксических конструкций от жанровой принадлежности анализируемого текста, а соответственно, подчеркивает, что “грамоты не дают полного представления о синтаксической системе древнерусского языка, в особенности в отношении осложненного и сложного предложений, гораздо более широко представленных в древнерусских оригинальных и переводных художественных произведениях” (Борковский, 1958d: 4).

Проблемам исторического синтаксиса посвящены и другие исследования В.И.Борковского, опубликованные в 50–60-е годы XX в. Теоретические проблемы исторического синтаксиса затронуты в трудах “Основные работы исторического синтаксиса русского языка” (1952), “К вопросу о значении сравнительно-исторического метода в историческом синтаксисе русского языка” (1953). Большая серия статей по частным вопросам сложного предложения в древнерусском языке завершается обобщающим трудом “Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение” (1958). В этой работе, продолжающей книгу о простом предложении, значительно увеличено количество источников, главным образом за счет материалов новгородских берестяных грамот, расширен круг текстов, привлекаемых для сравнения, использованы данные летописи, “Слова о полку Игореве” и других памятников письменности Древней Руси.

Одну из задач исторического синтаксиса В.И.Борковский видел в выяснении того, “что относится к прошлым, отживающим явлениям синтаксической системы, что – к новым, прогрессивным”

(Борковский, 1973: 79). Причем, как подчеркивал исследователь, синтаксический строй меняется медленно, поэтому выявить сдвиги в синтаксисе сложно.

Исторический синтаксис всегда привлекал внимание исследователей русского и восточнославянских языков (в частности, таких исследователей, как А.А.Потебня, Ф.И.Буслаев, А.М.Пешковский, Е.Ф.Карский, А.А.Шахматов, С.П.Обнорский, Е.С.Истрина, Л.А.Булаховский, В.В.Виноградов, Т.П.Ломптев, А.Н.Стеценко, А.Я.Спринчак, М.А.Соколова, З.Д.Попова, В.Л.Ринберг), однако цельной самостоятельной областью исторической грамматики русского языка и восточнославянских языков исторический синтаксис предстает только в работах В.И.Борковского и коллективных монографиях “Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков” и “Историческая грамматика” (Изучение творческого наследия академика В.И.Борковского, 1990). Эти книги явились важным этапом в исследовании исторического синтаксиса восточнославянских языков, в них проанализирован и описан обширный материал разнообразных в жанровом отношении памятников древнерусской и восточнославянской письменности XI–XVII вв., при этом синтаксис древнерусского языка и последующие процессы его развития в восточнославянской письменности получили детальное описание и осмысление.

В 1958–1963 гг. В.И.Борковский совместно с А.В.Арциховским осуществляют издание Новгородских грамот на бересте (в трех томах, из раскопок 1953–1957 гг.). Это издание, по свидетельствам коллег Борковского, образцово как с палеографической, так и лингвистической точек зрения. Описание текстов до сих пор пользуется большой популярностью у историков русского языка и исследователей старой письменности различных специальностей.

Внимание Борковского к истории русской письменности дополняется постоянным интересом к живым русским говорам. В 1944 г. исследователь опубликовал диалектологическую работу “Из наблюдений над языком деревень Вольная Березка и Кирилловщина (Лычковский район) и деревни Рыкалово (Полавский район) Ленинградской области”. Исследование представляет собой монографическое описание диалекта и включает в себя анализ явлений фонетики, морфологии, синтаксиса, а также лексику и тексты. Вопросам использования диалектных данных в трудах по

историческому синтаксису был посвящен доклад Борковского на IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г.

Исследовательская деятельность в области синтаксиса древнерусского языка, а также пристальное внимание к синтаксическим диалектным явлениям позволили Борковскому дать систематическое и достаточно полное изложение исторического синтаксиса русского языка (Борковский, 1958а, 1958b, 1958с, 1958d). Наиболее полно свои взгляды на проблемы исторического синтаксиса В.И.Борковский изложил в разделе “Синтаксис” в учебнике для студентов высших учебных заведений “Историческая грамматика русского языка”, который вышел в соавторстве с П.С.Кузнецовым.

Наиболее важными являются мысли о постоянном развитии и совершенствовании синтаксической системы древнерусского языка, о несущественных различиях “между синтаксическим строем современного русского языка и синтаксисом древнерусского языка” (Борковский, 1968а: 46). Рассмотрение основных синтаксических категорий иллюстрируется конкретными языковыми фактами, извлеченными из памятников восточнославянской древней письменности, включая и берестяные грамоты.

По мнению В.И.Борковского, коммуникативная функция высказывания неразрывно связана с выражением отношения говорящего к лицу или предмету, что ведет к выделению в каждом высказывании коннотативного аспекта. В разделах, рассматривающих составное сказуемое, бессоюзное сложное предложение, сложносочиненное предложение, сложноподчиненное предложение, указывается, какие отношения складываются в синтаксических конструкциях, как они выражаются, что в свою очередь относится к области модальности высказывания.

Однако интересы В.И.Борковского не замыкались рамками истории русского языка. На протяжении всей своей научной деятельности исследователь много внимания уделял также вопросам белорусского и украинского языкознания. В начале 30-х годов Борковский принимает активное участие в обсуждении проекта реформы белорусского правописания, разработанного Белорусской академией наук. Историю исследования белорусского языка В.И.Борковский обобщил в книге “История украинского и белорусского языков” (1958), где часть, посвященная истории украинского языка, написана была И.К.Белодедом и П.И.Горецким.

Обобщающий очерк “Наука о белорусском языке в дореволюционные и послереволюционные годы” был опубликован в 1968 г.

Вопросы истории украинского языка В.И.Борковский рассматривает в работе “Безличные предложения в древнерусских грамотах XIV–XV вв. южного происхождения” (1951). Данные современного украинского языка, украинских говоров и староукраинских памятников Борковский постоянно использует в исследованиях по историческому синтаксису русского языка. Изыскания в области всех трех восточнославянских языков и древнерусского языка, их общего предка, логически продолжены В.И.Борковским в сравнительно-историческом изучении синтаксиса восточнославянских языков. Им были разработаны основы и принципы исследования, его методика. Борковским созданы и первые фундаментальные труды по сравнительно-историческому синтаксису восточнославянских языков.

Особо следует остановиться на методике синтаксического анализа в исследованиях В.И.Борковского. В.И.Борковский утверждал, что исключительное значение для выяснения вопроса об особенностях той или иной синтаксической конструкции древнерусского языка (как в отношении формы, так и в отношении значения) имеет сравнение ее с конструкциями современного русского языка, в частности с конструкциями, встречающимися в местных говорах, т.е. сравнение внутри синтаксической системы русского языка разных периодов (Борковский, 1949, 1955а). Даже в исследованиях, посвященных анализу синтаксической системы памятников одного жанра, проводится сравнение с данными других славянских языков, в первую очередь – восточнославянских. Это является обязательным требованием метода. Поэтому отдельные синтаксические конструкции рассматриваются в связи с синтаксической системой языка в целом, с другими синтаксическими конструкциями. При исследовании синтаксических конструкций русского языка в развитии обращается внимание на то, развита или нет в языке изучаемого периода синтаксическая синонимия, как возникла возможность употребления параллельных синтаксических конструкций, как в отдельных случаях один из оборотов становится архаическим, неупотребительным. Учитывается и то, что выбор той или иной конструкции из числа параллельных синтаксических

оборотов находится в зависимости от жанра, а также от содержания самого памятника.

Анализируется одновременно и смысловая, и формальная структуры синтаксической конструкции. Устанавливается семантическое тождество или семантическое различие рассматриваемых конструкций. Сходство устанавливается не только среди конструкций одного уровня, но и разных. Определяется соответствие содержания главного предложения содержанию придаточного (Стехин, 1990).

В.И.Борковским осуществляется полный учет синтаксической наличности в анализируемых текстах, даже конструкций разового употребления (весь привлекаемый фактический материал описывается и датируется), определяется степень употребительности конструкции, ее территориальное распространение, отношение к норме. Подробно рассматриваются разные способы актуализации компонентов синтаксической конструкции, и при этом уделяется внимание выяснению функциональной роли интонации, особенно заметной в структуре сложного предложения. Большое внимание уделяется месторасположению компонентов синтаксической конструкции, придаточных в составе сложного предложения, местоположению связочных слов.

Комплексный грамматический анализ синтаксических явлений, одна из задач которого – наблюдение над словорасположением, может дать особенно значительные результаты, если рассматривать порядок слов только как определенное грамматическое средство, но учитывать при этом коммуникативную функцию порядка слов в современном русском языке.

Как хорошего организатора, Борковского характеризует то, что при нем в секторе сравнительно-исторического изучения восточнославянских языков Института русского языка АН СССР за несколько лет была создана уникальная синтаксическая картотека по памятникам старорусской, старобелорусской и староукраинской письменности.

В 1968 г. вышла в свет двухтомная монография “Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков” под общей редакцией В.И.Борковского. Часть книги – “Типы простого предложения” – написана самим В.И.Борковским, другая – “Члены предложения” – коллективом авторов, сотрудников сектора. В работе были собраны и обобщены результаты тщательного и полного

исследования синтаксических явлений, характеризующих язык восточнославянских памятников письменности XI–XVII вв.

Как уже говорилось выше, значителен вклад В.И.Борковского и в изучение истории отечественного языкознания. В 1945 г. В.И.Борковский публикует статью о своем учителе – “Академик Е.Ф.Карский”, в которой подробно описывает труды Карского, посвященные славянским языкам, белорусскому языку, его истории. В 1955–1962 гг. под редакцией В.И.Борковского в Академии наук СССР осуществлено издание широко известных работ Е.Ф.Карского “Белорусы. Язык белорусского народа” и “Труды по белорусскому и другим славянским языкам”. Основателю белорусского языкознания и белорусской филологии – академику Е.Ф.Карскому – посвящена также статья В.И.Борковского, опубликованная в 1961 г. в Минске – к столетию со дня рождения ученого. В 1958–1968 гг. был переиздан в двух книгах с комментарием, вступительной статьей и под редакцией В.И.Борковского труд А.А.Потебни “Из записок по русской грамматике”.

Научные труды В.И.Борковского публикуются не только на родине, но и в Бельгии, Болгарии, Венгрии, ГДР, Румынии, Финляндии, ФРГ, Чехословакии, Югославии.

В.И.Борковскому принадлежит более 150 работ, посвященных различным вопросам славистики, русскому, украинскому и белорусскому языкам, восточнославянской письменности, диалектологии, истории отечественного языкознания.

В докладе “Структура сложного предложения в сказках восточных славян. Белорусские сказки” на VIII Международном съезде славистов В.И.Борковский обращается к структуре сложного предложения в белорусских сказках. Он говорит о том, что “сохранившиеся в синтаксической системе сказок архаические конструкции, унаследованные еще от древнерусского периода, не выделяются резко на общем фоне и, употребляясь параллельно с современными синтаксическими конструкциями, подчеркивают своеобразие языка фольклора” (Борковский, 1978: 76). Отмечая наличие архаических черт синтаксиса и в русских, и в украинских сказках, исследователь приходит к выводу, что они являются общими для синтаксиса сказок всех восточных славян: “Принципы построения предложений однородны в сказках всех восточных славян. Что касается сложноподчиненного предложения, то мы имеем основание

сделать тот же вывод и в отношении этих предложений, поскольку различия наблюдаются преимущественно в “комплекте” союзов и относительных слов, употребительности того или иного союза и относительного слова” (Борковский, 1978: 103). Говоря об структурных особенностях восточнославянских сказок, В.И.Борковский отмечает их “высокоразвитую систему синтаксиса не только простого, но и сложного предложения, четкость, ясность и многообразие синтаксических построений, что является существенным признаком художественного произведения” (Борковский, 1978: 103).

Также в работах В.И.Борковского рассматриваются общие и частные вопросы диалектологии, что обуславливает актуальность этих работ для преподавателя в процессе подготовки лекций и практических занятий по диалектологии. Большое внимание уделял В.И.Борковский изучению русских народных говоров в их непосредственной связи с историей народа, разрабатывал вопросы происхождения и развития русского языка и его наречий, говорил об их эволюционном характере, отмечал связь диалектологии с другими науками.

Рассматривая тему “Лингвистическая география”, также нельзя не отметить вклад В.И.Борковского в становление этой области науки в отечественном языкознании.

Ежегодно в Волгоградском государственном университете проводятся Борковские чтения.

Литература

- Алексеевко М.А.* Выдающийся лингвист // Изучение творческого наследия академика В.И.Борковского: Тезисы докладов. – Львов, 1990. – С.3–5.
- Борковский В.И.* Древнерусский язык: Лексикология и словообразование. – М., 1975. – 288 с.
- Борковский В.И.* Использование диалектных данных в трудах по историческому синтаксису восточнославянских языков. – М., 1958а. – 47 с.
- Борковский В.И.* (ред.) Историческая грамматика русского языка – М., 1978. – 447 с.
- Борковский В.И., Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1953–1954 гг.). – М., 1958b. – 158 с.
- Борковский В.И., Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1955 г.). – М., 1958с. – 152 с.
- Борковский В.И.* (ред.) Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. – М., 1955а. – 216 с.

- Борковский В.И.* Проблемы истории и диалектологии славянских языков. – М., 1971. – 344 с.
- Борковский В.И.* Разработка советскими учеными вопросов исторической грамматики и диалектологии восточнославянских языков. – М., 1955б. – 62 с.
- Борковский В.И.* Синтаксис древнерусских грамот. – Львов, 1949. – 392 с.
- Борковский В.И.* Синтаксис древнерусских грамот. – М., 1958д. – 188 с.
- Борковский В.И.* Славянское языкознание. – М., 1978. – 470 с.
- Борковский В.И.* Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. – М., 1973. – 359 с.
- Борковский В.И.* Структура предложений в истории восточнославянских языков. – М., 1968а. – 304 с.
- Борковский В.И.* Типы простых предложений. – М., 1968б. – 291 с.
- Галенко И.Г.* В.И.Борковский во Львове // Изучение творческого наследия академика В.И.Борковского: Тезисы докладов. – Львов, 1990. – С.5–7.
- Жуковский Л.П.* Отзыв на исследование В.И.Борковского “О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку” // Академик В.И.Борковский: (К 100-летию со дня рождения): Исследование языка Суздальской летописи. – Волгоград, 2000. – С.5–6.
- Изучение творческого наследия академика В.И.Борковского: Тезисы докладов.* – Львов, 1990. – 74 с.
- Стехин Ю.К.* Методика синтаксического анализа в исследованиях В.И.Борковского // Изучение творческого наследия академика В.И.Борковского: Тезисы докладов. – Львов, 1990. – С.10–11.

Основные работы В.И.Борковского¹

- Борковский В.И.* Смоленская грамота 1229 г. – русский памятник. – Б. м., 1944. – 19 с.
- Борковский В.И.* Академик Е.Ф.Карский (1861 – 1931). – Ярославль, 1945. – 44 с.
- Борковский В.И.* Героическое прошлое в изображении А.С.Пушкина. – Львов, 1945. – 48 с.
- Борковский В.И.* Синтаксис древнерусских грамот. – Львов, 1949. – 392 с.
- Борковский В.И.* (ред.) Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. – М., 1955. – 216 с.
- Борковский В.И.* Разработка советскими учеными вопросов исторической грамматики и диалектологии восточнославянских языков. – М., 1955. – 216 с.

¹ Полный список печатных трудов В.И.Борковского см.: Академик В.И.Борковский: (К 100-летию со дня рождения): Исследование языка Суздальской летописи. – Волгоград, 2000. – С.108–120.

- Борковский В.И., Белодед И.К.* Изучение украинского и белорусского языков. – М., 1958. – 288 с.
- Борковский В.И.* Использование диалектных данных в трудах по историческому синтаксису восточнославянских языков. – М., 1958. – 47 с.
- Борковский В.И., Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1953–1954 гг.). – М., 1958. – 158 с.
- Борковский В.И., Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1955 г.). – М., 1958. – 152 с.
- Борковский В.И.* Синтаксис древнерусских грамот. – М., 1958. – 188 с.
- Борковский В.И.* Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. – М., 1962. – 307 с.
- Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. – М., 1963. – 512 с.
- Борковский В.И., Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1956–1957 гг.). – М., 1963. – 328 с.
- Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. – М., 1965. – 555 с.
- Борковский В.И.* Структура предложений в истории восточнославянских языков. – М., 1968. – 304 с.
- Борковский В.И.* Типы простых предложений. – М., 1968. – 291 с.
- Борковский В.И.* Проблемы истории и диалектологии славянских языков. – М., 1971. – 344 с.
- Борковский В.И.* Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. – М., 1973. – 359 с.
- Борковский В.И.* Древнерусский язык: Лексикология и словообразование. – М., 1975. – 288 с.
- Борковский В.И.* (ред.) Историческая грамматика русского языка. – М., 1978. – 447 с.
- Борковский В.И.* Славянское языкознание. – М., 1978. – 470 с.
- Борковский В.И.* (ред.) Очерки по истории и диалектологии восточнославянских языков. – М., 1980. – 240 с.
- Борковский В.И.* Синтаксис сказок: Русско-белорусские параллели. – М., 1981. – 235 с.

Основные работы о В.И.Борковском

- Академик В.И.Борковский: (К 100-летию со дня рождения): Исследование языка Суздальской летописи.* – Волгоград, 2000. – 121 с.
- Восточные славяне: Языки, история, культура.* – М., 1985. – 304 с.
- Изучение творческого наследия академика В.И.Борковского.* – Львов, 1990. – 75 с.
- Проблемы истории и диалектологии славянских языков: Сб. статей.* – М., 1971. – 304 с.

Ю.А.Бельчиков

ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ ВИНОГРАДОВ

В каждой науке есть свои генеральные вехи, есть свои фундаментальные основы, есть, наконец, творцы, заложившие эти основы. И обращение к трудам, идеям таких ученых всегда благотворно для науки. Оно помогает новым поколениям исследователей глубже понять логику движения научной мысли, сохранить преемственность в ее развитии, отчетливее представить перспективы своих новаторских изысканий. Именно к таким ученым в русской филологии принадлежит академик Виктор Владимирович Виноградов (1895–1969) – наш старший современник, непосредственный предшественник в нынешнем поступательном движении отечественной филологической науки, в общем развитии науки о русском языке, в развитии мировой филологии.

Имя В.В.Виноградова стоит в одном ряду с именами корифеев русской науки: М.В.Ломоносова (1711–1765), А.Х.Востокова (1781–1864), Ф.И.Буслаева (1818–1897), А.А.Потебни (1835–1891), Ф.Ф.Фортунатова (1848–1914), А.А.Шахматова (1864–1920), А.Н.Веселовского (1836–1906), И.А.Бодуэна де Куртенэ (1845–1929), М.М.Покровского (1869–1942), Л.В.Щербы (1880–1944), составляя вместе с ними – его предшественниками и частично старшими современниками – золотой фонд отечественной филологии, фундамент и залог успешного развития современных исследований.

В.В.Виноградов – крупнейший филолог XX столетия, чьи идеи и труды на протяжении 50 лет во многом определяли методологические подходы, исследовательскую разработку основных разделов русского языкознания и оказывают серьезное воздействие

на некоторые направления лингвистических, шире – филологических – исследований последней трети XX – начала XXI в., созвучны актуальным поискам современной лингвистической мысли.

Виктор Владимирович Виноградов родился 12 января 1895 г. (по новому стилю) в Зарайске, в семье священнослужителя, окончил Рязанскую духовную семинарию. Мальчик рос в многодетной семье, учился с увлечением, особенный интерес проявлял к старинным текстам; с 14 лет дает частные уроки. Когда после окончания духовной семинарии Виноградов решил получить высшее (светское) образование, отец сказал, что не сможет помогать ему материально. Да будущий студент и сам это прекрасно понимал, зная более чем скромный достаток своей семьи. Так что в годы учения в Петрограде Виктор Владимирович мог рассчитывать только на себя.

В Петрограде он учился в Историко-филологическом (с 1914 г.) и Археологическом (с 1915 г.) институтах, которые окончил одновременно в 1918 г. с правом преподавать древние языки. Сам Виноградов определил свою специальность по окончании высшего учебного заведения как “филолог-историк, археолог, палеограф” (цит. по: Жуковская, 1974: 91).

В студенческие годы Виноградов, наряду с глубокими знаниями в области славистики и русской филологии, получает фундаментальную подготовку по русской истории, истории русской культуры, по палеографии, археологии, по классической филологии, истории Древнего мира, романской филологии, по древним и новым языкам. В автобиографии 1946 г. Виноградов, перечисляя профессоров, под руководством которых он “больше всего...занимался”, в первую очередь называет С.К.Булича (1859–1921), известного своими исследованиями о судьбах старославянских элементов в русском языке, по истории языкознания в России, а также в области экспериментальной фонетики, и Н.М.Каринского (1873–1935) – яркого представителя знаменитой школы русской палеографии рубежа XIX-XX вв., глубокого исследователя языка древнерусской письменности.

Именно Каринский выделяет среди других пытливого, вдумчивого студента, его пристрастие с историческому осмыслению лингвистических и культурных явлений прошлых эпох, повышенное внимание к историографии вопроса. Профессор высоко оценил

исследовательские штудии начинающего филолога, обратив на него внимание академика А.А.Шахматова.

Уже в студенческие годы раскрываются незаурядные исследовательские способности Виноградова. Основные направления научных интересов и разысканий Виноградова в годы учения во многом, естественно, обусловлены научными занятиями его учителей. Вполне закономерно, что в конце обучения Виноградов предлагает на суд своих взыскательных наставников монографическое лингвопалеографическое исследование «Об языке и орфографии “Жития Саввы” по пергаментной рукописи XIII в.» – закончил в 1917 г. (издано лишь в 1968 г.: «Орфография и язык “Жития Саввы Освященного”» // Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. – М. – “Наука” – 1968. – С.137–194). В том же 1917 г. начинает публиковаться его обстоятельный исторический труд “О самосожжении раскольников-старообрядцев (XVII-XX)” в рязанском “Миссионерском сборнике” (№№ 1-2, 8-9, публикация не завершена в связи с закрытием издания).

Возвращаясь к первому из названных студенческих сочинений Виноградова, важно подчеркнуть, что это был выдающийся труд. Его по достоинству оценил Совет Археологического института, присудив автору золотую медаль. Работа обращает на себя внимание и тщательностью лингвистического анализа, и обоснованностью обобщений, выводов, широтой проблематики, и поразительным знанием литературы вопроса – это стало отличительной чертой зрелого научного творчества Виноградова (общую характеристику данной работы см.: Жуковская, 1974: 92-95).

Историческийopus неумолимого молодого исследователя о раскольниках был высоко оценен главным редактором “Миссионерского сборника”, особо отметившего необычайно широкую осведомленность автора в историографии раскола и связанных с ним проблем (см.: Робинсон, 1971).

Согласно автобиографии 1924 г., Виноградов “Конференцией Историко-филологического института был оставлен в нем для подготовки к профессорскому званию по кафедре истории русского языка и народной словесности с 1918 г., но через год, по предложению А.А.Шахматова и Н.М.Каринского, был выбран на ту же должность при Петроградском университете” (Чудаков, 1976: 464).

По программе, составленной Шахматовым, Виноградов изучает историко-лингвистические дисциплины, памятники древнерусской письменности (в 1919 г. им было описано 15 рукописей с точки зрения их языка и палеографических особенностей), а также современную художественную литературу в лингвистическом и литературоведческом аспектах. В 1919 г. он подготовил магистерскую диссертацию “Исследования в области фонетики северно-русского наречия. Очерки из истории звука Ъ в северно-русском наречии”.

Уже с ранней молодости наблюдается исключительная работоспособность Виноградова, особая тщательность в “обчитывании” литературы вопроса, поглощенность исследовательскими разысканиями, высокая результативность его научных занятий.

Научные занятия под руководством Шахматова, непосредственное общение с этим “гениальным языковедом и исключительно прекрасным человеком” (Виноградов, 1922: 5) сыграли решающую роль в жизненной судьбе и научной биографии Виноградова. “Особенно сильное влияние на характер и выводы моей работы, — писал в диссертации Виноградов, — оказал А.А.Шахматов как печатными трудами, так и личными беседами и разнообразной помощью, которую я находил у него” (Виноградов, 1922а: 158—159).

Шахматов высоко оценивал исследовательские способности и результаты разысканий Виноградова. В одной из официальных бумаг он писал о своем ученике: “В последние два года я имею счастье и честь принимать участие в руководительстве его занятиями...” (М.А.Робинсон, 1970: 90).

Как признавался позже Виктор Владимирович, его (и его однокашников) не удовлетворял во многом схоластический характер преподавания филологических дисциплин, отрешенность от изучения поэтики, живых стилистических процессов, протекавших в современной художественной литературе, от возрастающего интереса филологической молодежи, академических кругов к вопросам поэтического языка (Виноградов, 1975: 260). В то же время он признавал, что “сама трудность и сложность материала древнерусского языка, а также основательное ознакомление со старославянским языком в сравнительно-историческом плане, широкие возможности изучения исторических грамматик других славянских языков... содействовали приобретению строгой лингвистической и филологической “выучки”, “школы” у отдельных наиболее

способных питомцев университета” (Виноградов, 1948: 28–29). Именно такую “выучку”, “школу” под руководством взыскательных учителей прошел сам Виктор Владимирович Виноградов.

Между тем в студенческие годы у Виноградова зарождается интерес к стилистической проблематике, исследованию результатов “индивидуального отбора и творческого преобразования языковых средств своего времени” (Виноградов, 1980: 3) автором литературного произведения. Так, в 1918 г. в рецензии “О недавно изданных сочинениях протопопа Аввакума” (“Миссионерский сборник”. – 1918. – № 3–4) Виноградов среди других выделяет вопрос, уже тогда очень волновавший его: “Известно, что со стороны приемов творчества, стиля, связи с другими произведениями протопопа Аввакума “Житие” почти не изучалось. Теперь настало для этого время” (цит. по: Робинсон, 1971: 126).

Занятия в Петроградском университете “под руководством” Шахматова Виноградов совмещает с преподавательской работой, которую он начал вести сразу по получении высшего образования (сначала в гимназии при Историко-филологическом институте – занятия по латинскому языку и в Археологическом институте). Как говорится в той же автобиографии, “вслед по окончании Археологического института” Виноградов “единогласно избран ассистентом по кафедре славяно-русской палеографии. С 1919 г. состоял преподавателем 1 (бывш. Женского) педагогического института по истории русского языка и методике его преподавания. В 1920 г. выбран профессором Археологического института по кафедре истории русского языка”. С 1921 г. Виноградов преподает в Петроградском (Ленинградском) университете (сначала как доцент, с 1929 г. как профессор) на филологическом факультете (до переезда в Москву в 1930 г. к жене): читает лекции по современному русскому языку, стилистике, истории русского языка, ведет практические занятия по русской грамматике. Кроме того чтение курсов “Стиль Некрасова”, “Лирика Влад. Соловьева”. В 20-е годы он читал в Ленинградском и Московском университетах курсы лекций “Язык прозы и драмы”, “Стилистика”, “Теория литературно-художественной речи”. В эти же годы Виноградов преподает в Фонетическом институте практического изучения языков, ведет аспирантов в Российской ассоциации научно-исследовательских институтов

общественных наук (РАНИОН) (где, в частности, у него аспирантом был С.И.Ожегов).

С Ленинградом Виноградов будет связан еще в 40-е годы: в 1944–1948 г. заведует кафедрой русского языка филологического факультета ЛГУ и в конце жизни – в академическом Институте русской литературы (Пушкинский Дом), с 1967 г. заведует сектором исторической поэтики и стилистики, специально для него организованным тогдашним директором Пушкинского Дома В.Г.Базановым (после того, как Виноградова сняли с должности директора Института русского языка АН).

В Москве Виноградов преподает в Московском университете (с 1926 г., с 1945 по 1969 г. заведует кафедрой русского языка филологического факультета, несколько лет был деканом этого факультета, преподает в ряде пединститутов Москвы: в городском, областном, вечернем, дефектологическом пединститутах, пединституте иностранных языков (ныне – Московский государственный лингвистический университет), в МГПИ (ныне – Московский педагогический государственный университет) им. В.И.Ленина. Будучи высланным с семьей в августе 1941 г. в Тобольск, он преподает сначала в местном учительском институте, затем заведует кафедрой русского языка переведенного в Тобольск Омского пединститута до возвращения в Москву в 1943 г.

Виноградова, вернувшегося в Москву на полулегальном положении (власти прописали его в Можайске, но не препятствовали работе в Москве), Л.В.Щерба (незадолго до Виноградова вернувшийся из эвакуации, заведовавший кафедрой общего и сравнительного языкознания на филологическом факультете МГУ) приглашает читать лекции.

В 40–60-е годы Виноградов преподает на филологических факультетах МГУ и МГПИ им. Ленина, читает преимущественно спецкурсы по проблемам русского словообразования, теоретической и исторической лексикологии, лексикографии, истории русского литературного языка, стилистики, языка художественной литературы, изучения языка писателя, эвристики, истории русских грамматических учений.

Одновременно с преподаванием Виноградов начинает работать в Петроградском государственном (ранее, с основания в 1912 г. – Российском) институте истории искусств (ГИИИ). Именно с этим

институтом, а в самом институте – с Отделом (или Разрядом) словесных наук, учрежденным в 1920 г., – и связана основная научно-исследовательская работа Виноградова в Ленинграде (с осени 1921 г. – он научный сотрудник 1 разряда, с марта 1924 г. – действительный член Отдела, с 1925 по 1929 г. возглавляет Секцию художественной речи). Кроме того, Виноградов сотрудничает (с 1923 по 1928 г.) в Научно-исследовательском институте сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском государственном университете.

30–40-е годы – самый плодотворный и самый тяжелый, трагический период в жизни Виноградова. С одной стороны, это годы создания большинства основных концептуальных разработок и исследовательских трудов ученого, большинства его главных научных свершений, благодаря которым он приобрел высокий, неоспоримый научный авторитет, всеобщее признание, стал “живым классиком”.

С другой стороны, 30–40-е годы – полоса драматических жизненных затруднений Виноградова: арест в феврале 1934 г. и ссылка – до 1936 г. в Вятку (обвинение в участии в “антисоветской организации” по так называемому “делу славистов”, которое было сфабриковано чекистами; “за отсутствием состава преступления” судимость с него снята в 60-х годах); повторная высылка в августе 1941 г. в Тобольск с семьей – до 1943 г.

Однако и по возвращении из Тобольска Виноградов не мог заниматься “своей любимой наукой” в нормальной обстановке. Живя фактически в Москве (его жена была прописана в прежней квартире) и работая в МГУ и академическом Институте русского языка, он должен был еженедельно “являться для отметки” в Можайск в местное отделение милиции.

В 1998 г. опубликовано письмо Виноградова на имя Сталина, в котором содержалась просьба разрешить ему (Виноградову) прописку в Москве, потому что сложившаяся ситуация (“между Москвой и Можайском”) очень затрудняет его жизнь и, главное, научную работу (а ею он занимается очень интенсивно и продуктивно). К счастью, Сталин начертал положительную резолюцию, и Виноградов получил возможность открыто, законно “проживать” в Москве (см.: “Источник”: 1998, № 1. – С.47–51).

Находясь в первой (Вятской) ссылке, Виноградов напряженно и много работает, несмотря на мучительные головные боли

“Головные боли мучат меня систематически. Но продолжаю работать”, — читаем в письме к жене от 28.09.1934. — Вятские...: 76), на отсутствие библиотеки и подневольное положение административного ссыльного (“Ведь и Пушкин говорил, что для хорошей работы нужен покой... нервы мои рвутся...”) (там же: 77).

В конце 40-х годов на Виноградова обрушивается волна необоснованной критики, общественных, публичных проработок сначала по поводу его книги “Русский язык” (начало “обсуждения” этой книги было положено зашательской критикой в статье-рецензии В.Агапова и К.Зелинского “Нет, это не русский язык” в “Литературной газете”), потом в связи с его твердой позицией непринятия антинаучного “нового учения о языке”, официально признанного “марксизмом в языкознании”.

Полоса репрессий (судебных и общественных) против Виноградова вписывается в общую идейно-политическую обстановку, сложившуюся в стране к концу 20-х годов. В области языкознания это ярче всего проявилось в ходе и на результатах (политических и репрессивных “оргвыводах”) так называемой поливановской дискуссии, состоявшейся в феврале 1929 г. в Москве.

Обстановку конца 40-х годов точно охарактеризовал А.А.Реформатский: «Конец 40-х годов — мрачные дни, когда некоторые лингвисты решили, что можно “чего-нибудь добиться” под маркой Марра. В “черном списке” оказались Виноградов, Петерсон, Булаховский, Кузнецов, Сидоров, Аванесов, Капанцян, Чикобава и, наконец, Реформатский...» (Реформатский, 1970: 31).

Между тем после длительного замалчивания научных заслуг Виноградова в середине 40-х годов наступил непродолжительный период его официального признания. В 1945 г. Ученый совет Московского университета присудил Виноградову первую премию имени Ломоносова за работу “Русский язык” (напомним, что сама книга вышла в свет в 1947 г.), в 1946 г. Виноградов избран действительным членом Академии наук СССР по Отделению литературы и языка.

В 1950 г. ситуация в советском языкознании и в судьбе Виноградова резко меняется. “Правда” объявляет “свободную дискуссию” по вопросам языкознания. В ней неожиданно для всех, в том числе и для Виноградова, принимает участие Сталин. Его статья

“Относительно марксизма в языкознании”, опубликованная в “Правде”, ставит крест на “новом учении о языке” Марра.

После “сталинской” дискуссии по вопросам языкознания Виноградов занимает ведущие должности в академическом Отделении литературы и языка: академика-секретаря (1950–1963), директора новообразованного Института языкознания (1950–1954), вновь созданного Института русского языка (1958–1967). Со дня основания журнала “Вопросы языкознания” (в 1952 г.) он главный редактор – до своей кончины в 1969 г. Этот журнал под руководством Виноградова очень скоро обрел высокую репутацию авторитетного научного издания. В 1954 г. Виноградова избирают депутатом Верховного Совета РСФСР. При этом Виноградов продолжает заведовать кафедрой русского языка филологического факультета МГУ, читать спецкурсы, вести аспирантов.

Как “главный языковед СССР” (так назван Виктор Владимирович в одном из шуточных стихотворений тех лет П.С.Кузнецова), академик Виноградов проявил себя крупным и инициативным организатором науки.

Он – неперемный активный участник многочисленных конференций, совещаний, “открытых заседаний”, дискуссий по актуальным вопросам русского и общего языкознания, литературоведения.

С именем Виноградова связаны многие научные начинания, в которых он выступает и как непосредственный руководитель, редактор (например, “Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.” в 5 томах), и/или один из авторов (как, например, в первой академической “Грамматике русского языка”, над которой начинали работать Л.В.Щерба и С.П.Обнорский); Виноградов активно содействует изданию классиков отечественной науки, крупных зарубежных славистов.

Конструктивной была деятельность Виноградова в международном общении ученых. В течение ряда лет он был председателем Международного и Советского комитетов славистов, под его руководством проходил IV Международный съезд славистов в Москве (1958), он возглавляет делегации советских ученых на V, VI и VII славистических съездах. Виноградов – один из основателей и первый президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), участвует в международных

совещаниях славистов в Белграде, Праге. В 1960 г. в Сорбонне Виноградов выступает с докладами о Достоевском.

Между тем Виноградов при всей загруженности научно-организационной работой находит время и силы для своих собственных исследовательских занятий.

В 50–60-е годы пришло официальное признание научных трудов, ученой деятельности Виноградова. В 1951 г. ему присуждена Государственная премия СССР (тогда – Сталинская премия) II степени за книгу “Русский язык”. Несколько позже была присуждена медаль Ушинского, посмертно – академическая премия имени Пушкина.

За рубежом имя Виноградова как ученого известно уже в 20-е годы. Ему предлагают печататься немецкие и французские филологические журналы, был ученик из Норвегии, приезжали лингвисты из Франции с намерением учиться у Виноградова... Знаком международного признания научных достижений Виноградова стало избрание его членом зарубежных академий наук: почетным академиком Болгарской академии наук, почетным членом-корреспондентом Германской академии наук (ГДР), членом академий наук ЧССР, Дании, Польши, Сербии, Академии надписей и изящной словесности (Франция), членом Чешского научного общества, Европейского общества работников культуры во Флоренции, членом-корреспондентом общества ЮНЕСКО “История культуры и науки человечества”, почетным доктором Карлова (в Праге) и Будапештского университетов. Ученый награжден золотой медалью “За заслуги перед наукой и человечеством” Академии наук Чехословакии.

Таковы основные вехи жизненного пути Виноградова.

И в тяжелые, трудные, драматические периоды жизни, и в годы “административного” успеха (тоже не свободного от критики и “закулисных” борений против “академика”), когда Виноградов возглавлял академические институты, руководил Отделением литературы и языка Академии наук, главной, основной доминантной его жизненного поведения, образа его жизни была и оставалась научная работа. Она занимает главенствующее место в повседневной жизни, во всей деятельности Виктора Владимировича. Как рассказывала Н.М.Малышева-Виноградова после кончины Виктора Владимировича, “работал он всегда, когда мог, вечером и ночью. Не

было дня, я бы сказала, часа, когда бы он не работал. Приезжали мы в санаторий, на отдых, и где бы мы ни были, сейчас же раскладывались книжки, бумаги – он уже сидел за столом и писал” (Малышева-Виноградова, 1989: 88). Содержание жизни ученого его жена определила словами: “занимался своей любимой наукой о русском языке” (там же).

Виноградов начинает свой путь в науке с исследований по истории русской церкви и истории русского языка. По воспоминаниям А.Н.Робинсона, в 1965 г. Виктор Владимирович однажды “заметил, что он сам начинал свой научный путь как историк русского раскола, однако теперь никто этого не помнит” (Робинсон, 1974: 287).

Становление Виноградова как самостоятельно мыслящего исследователя связано прежде всего с формированием в его научном мировоззрении принципа историзма.

Благодатная почва для этого была предуготовлена его студенческими занятиями и “руководительством” Шахматова. Исторический подход к изучаемому материалу как принцип научного анализа утверждается уже в первых работах “раннего” Виноградова в результате углубленных разысканий по истории России и столь же серьезного, тщательнейшего изучения памятников древнерусской письменности с точки зрения историко-лингвистической и палеографической.

Этот же принцип научного исследования помог Виноградову выработать свою позицию в изучении индивидуально-авторских стилей (к чему он так стремился в студенческие и “аспирантские” годы), выделявшую его работы 20-х годов “по поэтической речи” самостоятельностью подхода к структуре художественного текста и исторической обоснованностью анализа конкретных литературных произведений (“... проблема образа автора приводила к вопросам историзма... Это, между прочим, то, что, отдаляло меня от всех групп”. – Виноградов, 1975: 271, подчеркнуто мной. – Ю.Б.).

Проснувшийся еще в отрочестве интерес к старинным текстам, переросший в студенческие годы в глубокие знания истории русского языка, древней славянской и русской письменности, культуры и литературы, гражданской истории, под мощным влиянием академика Шахматова трансформировался в научном мировоззрении и исследовательской практике Виноградова во всеохватный принцип

историзма как главенствующий подход к изучению национального языка и литературы в их обобщенно социальных и индивидуализированных проявлениях, индивидуально-авторских реализациях.

С другой стороны, и в изучении развития поэтических форм, в исследовании индивидуально-авторских стилей Виноградов остается на почве исторического подхода, рассматривая и “движение литературного ряда”, и индивидуальные особенности языка отдельного автора в связи с развитием “речевой культуры народа”, историей русского литературного языка в его разных стилях (Виноградов, 1975: 272). Это получило явственное выражение уже в первых статьях Виноградова, посвященных индивидуально-авторскому стилю.

Сразу же по окончании занятий над диссертацией и, судя по всему, параллельно с работой над ней Виноградов обращается к проблематике поэтической речи, индивидуально-авторского стиля. Об этом свидетельствуют как публикации 1921–1922 гг. (см.: “О символике А.Ахматовой (Отрывки из работы по символике поэтической речи)”, “Стиль Петербургской поэмы “Двойник” (Опыт лингвистического анализа)”), так и отзыв Шахматова о Виноградове, написанный в начале 1920 г.: “...в рукописи у Виноградова готова большая диссертация..., кроме того, он готовит еще другую работу по истории нашего литературного языка” (М.А.Робинсон, 1970: 92). Имеется в виду, конечно, исследование стиля “Жития протопопа Аввакума”, законченное в 1922 г.

Виноградова (и его товарищей по учебе, впоследствии — и коллег по научной работе) влекла классическая и современная литература, исследование структуры и механизмов взаимодействия, сцепления литературных форм, закономерностей их смены, поэтический язык, вопросы поэтики, связи языка и литературной формы в их историческом движении. “В пределах своей специальности, — вспоминал Виктор Владимирович, — мы не находили полного удовлетворения <решения> тех задач, которые возникали в процессе широкого ознакомления и с языковым и с литературным материалом. А ознакомление с этим материалом было обязательно...” (Виноградов, 1975: 261).

В некоторых работах 20-х годов содержатся признания Виноградова относительно его научных интересов и поисков. В 1929 г. в предисловии к неопубликованной книге читаем: “Десять лет назад (т.е. в год завершения магистерской диссертации. — Ю.Б.) я

отправился от лингвистики и во имя лингвистики в область истории и теории литературы” (цит. по: Виноградов, 1980: 334); из предисловия к книге “О художественной прозе”, написанном в том же году, узнаем, что в 20-е годы Виноградова увлекали работы по стилистике прозы и драмы.

В 10–20-х годах среди русских филологов наблюдается увлечение поэтикой, громадный интерес к вопросам поэтического языка, стилистике художественной речи. Как говорил Виноградов, “возникло... противопоставление поэтического языка практическому, или, как говорилось, **системы поэтического языка и системы практического языка**” (Виноградов, 1975: 261).

“Главный интерес”, по определению Щербы, молодых филологов, стремившихся изучать живую языковую действительность, отражение в языке активного сознания говорящего, вопросы речевого самовыражения творческой языковой личности, был “направлен на семантику, синонимику, словоупотребление, синтаксис, эстетику языка – вообще на все то, что делает наш язык выразителем и носителем наших дум” (Щерба, 1974: 102).

Обращение Виноградова и других молодых исследователей, группировавшихся в 20-е годы вокруг ОПОЯЗ'а и вокруг Щербы (в Петрограде–Ленинграде), Московского лингвистического кружка, к проблемам стилистики художественной речи вписывается в общее движение европейской лингвистики начала XX в. к антропоцентрическим аспектам изучения языка.

Нужно сказать, что с идеями антропоцентризма непосредственно связаны идеи функциональной лингвистики, формирующейся в эту же эпоху. И не случайно, что и Щерба, и Виноградов становятся с конца 20-х – начала 30-х годов своего рода знаменем функционализма в анализе языка, его системы и коммуникативных, речевых реализаций.

Научная деятельность Виноградова в 20-е годы протекала в относительно благоприятной академической атмосфере – при всей неблагоприятности общей социально- и идейно-политической ситуации, складывавшейся в СССР, трагически отразившейся в жизненной судьбе многих ученых, в том числе и самого Виктора Владимировича.

Судя по письмам Виноградова к жене из Ленинграда, некоторые его работы время от времени вызывали неудовольствие “официальных” научных работников.

Так, в письме от 23 января 1926 г., сетуя на хроническое безденежье, Виноградов пишет: “В Москве в редактировании библиотеки классиков мне тоже идеология помешала... Проф. Пиксанов пишет, что на двух заседаниях шел разговор обо мне, и — при всем уважении к моим ученым достоинствам — коммунисты (особенно проф. Переверзев) признали меня для пролетарьята негодным” (Виноградов, 1995: 183).

Другая сторона его научной жизни — напряженная работа за письменным столом. Он постоянно сообщает жене, что закончил одну статью, продолжает работать над другой, что держал корректуру книги, делится своими творческими научными планами...

Нужно сказать, что научные споры тогда, в 20-е годы, были нелицеприятны, часто принимали острый характер. Как верно подметил В.П.Григорьев, в своих работах 20-х годов Винокур, Виноградов, Якобсон, Тынянов, Чуковский и особенно Шкловский “обменивались достаточно ядовитыми репликами, что не мешало, а скорее помогало в их общей филологической деятельности” (Григорьев, 1991: 15). Впрочем, дискуссии в этой среде никогда не переходили грани научного спора, такие дискуссии способствовали уточнению позиций, тезисов, формулировок, совершенствованию исследовательских подходов, методики анализа, давали новые научные импульсы...

Будучи активным участником научной жизни, Виноградов в 20-е годы занимает самостоятельную позицию по важнейшим методологическим вопросам изучения поэтической речи.

Другим, еще более важным, центральным, вопросом методологии исследования поэтического языка была проблема принципиального подхода к поэтике и лингвистике.

По свидетельству Б.В.Горнунга, главное различие между Московским лингвистическим кружком (МЛК) и ОПОЯЗ'ом состояло в том, что “Москва шла от лингвистики к поэтике, а петроградцы — от теории литературы” (цит. по: Шапир, 1991: 44).

В своих работах по поэтическому языку Виноградов последовательно опирается на лингвистику. Стилистику Виноградов рассматривает в качестве “одной из глав науки о языке” (Виноградов,

1921: 92). Он считает: “Для того, чтобы работа по изучению художественной речи была действительно плодотворной и научно целесообразной, необходимо стать в русло тех лингвистических достижений, которые совместными усилиями филологов и лингвистов скоплены...” (Виноградов, 1976: 459).

30–40-е годы – мы уже говорили – самый плодотворный период в кауркой работе Виноградова.

Действительно, в 1934 г. выходят “Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв.” (Изд. 2, переработанное – 1938), в 1935 г. – “Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка”, в 1940 г. – цикл статей “Основные этапы истории русского языка” – работы, заложившие теоретические основы новой научной дисциплины – истории русского литературного языка.

1947 г. – “Русский язык (Грамматическое учение о слове)” – фундаментальный труд, определяющий до сих пор главные направления в исследовании русской грамматики на базе функционально-семантического подхода и методологическую основу общей теории грамматики.

Статьи 1946–1947 гг., в которых разработаны принципы классификации фразеологических единиц и теоретические основы исследования фразеологии русского и других языков.

Книга “О художественной прозе” (1930) – во многом программный труд для Виноградова. В ней были сформулированы многие концептуальные идеи, разрабатывавшиеся в дальнейшем ученым в области теории и истории литературного языка, теории художественной речи, стилистики художественной литературы. Эти идеи послужили теоретической основой нового направления – науки о языке художественной литературы, а после смерти ученого – в 70–80-е годы – стилистики текста, новых концепций риторики.

В 50–60-е годы Виноградов работает в основном над обоснованием особой научной дисциплины – науки о языке художественной литературы (“О языке художественной литературы”, 1959; “Теория стилей и проблема авторства”, 1961; “О теории художественной речи”, опубликована посмертно – в 1971 г., и другие работы). К этой своей сокровенной идее он шел от первых работ по анализу поэтического языка, индивидуально-авторских стилей.

В те же годы Виноградов выпускает ряд других фундаментальных работ (“Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика”,

1963; “Итоги обсуждения вопросов стилистики”, 1955; “Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры”, 1961 и др.), которые вместе с исследованиями языка художественной литературы, художественной речи придают его стилистической концепции законченный характер и благодаря которым стилистическая теория Виноградова получает международное признание.

Труды Виноградова – это не только углубленное изучение традиционных разделов науки о языке, раздвинувшее исследовательские горизонты, открывшее новые закономерности языковых механизмов и “жизни” языка на основе разработанных ученым оригинальных концепций (достаточно назвать его грамматическое учение о слове, синтаксическую теорию, стилистическую концепцию, имеющие общеметодологическое значение). Монографии и серии статей Виноградова послужили базой для развития новых отраслей филологии: истории русского литературного языка, науки о языке художественной литературы, фразеологии. Он разработал теоретические основы и исследовательские методы этих научных направлений.

Круг научных интересов Виноградова исключительно широк, по охвату филологических дисциплин он энциклопедичен: от исследования языка древнерусской письменности и исторической фонетики до поэтики и эвристики. Научная деятельность Виноградова, как он сам определил в одной из своих биографий, была направлена главным образом “на исследование современного русского языка, его грамматики, словарного состава и стилистики, на изучение истории русского литературного языка и языка русской художественной литературы XVIII–XIX вв.” (цит. по: Белашапкова, 1979: 60).

Такое разнообразие тем, такая стереоскопичность аспектов изучения языка, слова, текста, словесности проистекают из общей методологической установки Виноградова на комплексное, синтетическое исследование языка (именно – русского языка) как феномена национальной духовной жизни во всем разнообразии его исторически сложившихся проявлений – от многоуровневой системы единиц и категорий до разномасштабных композиционно-речевых образований и отдельных классов, разрядов единиц, функционирующих в речевой коммуникации.

Исследуемые Виноградовым проблемы, при всем их разнообразии и энциклопедическом охвате системно-структурного и функционального “пространства” русского языка, целесообразно рассматривать, сгруппировав по нескольким основным центрам.

1. Монографии и статьи по русской грамматике составляют самостоятельный проблемный центр трудов Виноградова. Среди работ этой проблематики на первом месте монография “Русский язык (Грамматическое учение о слове)” (М. – 1947; 4-е изд. – М. – 2001) – общепризнанный классический труд по системному описанию грамматического строя современного русского литературного языка, служащий моделью описания грамматики современных языков.

В “Русском языке” Виноградов подвел итог более чем полуторавекового этапа в развитии русской грамматической мысли – от Ломоносова до Шахматова, Щербы и Пешковского. Он обобщил всю совокупность фактов и явлений современного русского языка с позиций целостной оригинальной концепции, объединившей формальный и функционально-семантический подходы в анализе грамматических категорий и форм во всей сложности их внутрисистемных и коммуникативно-стилистических соотношений, связей, взаимодействий.

Наряду с “Русским языком” следует назвать такие работы, как “Современный русский язык” (вып. 1,2 – М. – 1938), “О грамматической омонимии в современном русском языке” (1940), “О категории модальности и модальных словах в русском языке” (1950), “Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка” (1950), “Введение” к 2-му тому академической “Грамматики русского языка” (1954), “Введение в синтаксис русского языка (Аннотация)” (1948), “Вопросы изучения словосочетаний (На материале русского языка)” (1954), “Основные вопросы синтаксиса предложения (На материале русского языка)” (1955).

В центре грамматической системы Виноградова – слово и предложение. Не случаен подзаголовок книги “Русский язык” – монографии, посвященной морфологии: “Грамматическое учение о слове”.

Новаторский характер грамматической системы Виноградова состоит в том, что ученый, не игнорируя формальную сторону грамматических явлений, делает акцент на их семантику, на их

функции в речи, на синтаксические функции и связи, на семантику слова (слово—фокус “соединения и взаимодействия грамматических категорий языка” – Виноградов, 1986: 22), на соотношение формальной и функциональной стороны грамматических единиц: “Каждый из ... основных объектов грамматики должен изучаться одновременно со стороны форм и функций” (там же: 17); центр тяжести переносится на вопросы грамматической семантики, на выяснение функциональной нагрузки форм и категорий, на соотношение слова с другими словами в предложении, в речи. Все это раскрывало новые перспективы лингвистического исследования, определяя существенный прогресс в развитии лингвистической мысли, в познании грамматических законов современного русского языка.

На основе понимания слова как внутреннего конструктивного единства лексических и грамматических значений (см. там же: 22), анализа тех функций, которые выполняют слова в речи (“грамматические формы и значения слов находятся в тесном взаимодействии с лексическими”. – Там же: 34), Виноградов приходит к новой классификации “семантико-грамматических классов слов” (частей речи), в которой преодолевается традиционный, “плоскостной”, одномерный подход к таким словесным классам. Новая грамматическая систематизация, наиболее полно охватывающая лексико-грамматический материал в контексте реального функционирования языковых единиц, с максимальным учетом их семантических свойств, по-новому ставит вопрос о частях речи как особом семантико-структурном классе слов, противопоставленном другим классам по признаку “наличия/отсутствия” у языковых единиц номинативной функции. Слова, образующие данный класс, тип слов, имеют номинативную функцию.

В конце 40-х годов Виноградов добрался до непосредственной разработки проблем синтаксиса, к которому он обращался в связи с грамматическим учением о слове, неоднократно подчеркивая органическую связанность морфологических и синтаксических значений, генетическую связь морфологии с синтаксисом: “Нет ничего в морфологии, чего нет и прежде не было в синтаксисе и лексике” (там же).

И свой “Русский язык” Виноградов заканчивает с мыслями о синтаксисе предложения. Он представлял изучение синтаксиса как

дальнейшую перспективу исследования грамматической системы русского языка, видя неразрывную связь синтаксиса со словом и словосочетанием. “Синтаксис предложения, хотя и утверждён на грамматическом фундаменте слова и словосочетания, уже принадлежит совсем к иной грамматико-семантической сфере и, выходя за пределы семантики слова и словосочетания, управляется на основе иных грамматических категорий” (там же: 626).

В этих словах отчетливо выясняется контекст центральных синтаксических идей ученого, которые он развернет в своих дальнейших исследованиях, посвященных проблематике русского синтаксиса.

Главное в теоретических взглядах Виноградова на синтаксис – выдвигание и обоснование предикативности и модальности как центральных категорий синтаксиса предложения и основанное на концепции предикативности принципиальное разграничение словосочетания (единицы номинативного уровня) и предложения (единицы коммуникативного уровня) – (см. особенно [Виноградов], 1954).

Синтаксическое учение Виноградова имеет общеметодологическое значение, является теоретическим фундаментом и исследовательской базой для дальнейшего изучения синтаксического строя русского языка и для последующего развития синтаксической науки в целом.

2. Второй концентр образуют труды Виноградова по истории русского литературного языка. На первом месте среди исследований этой проблематики стоят “Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв.” (впредь “Очерки...”), которые, как и “Русский язык”, имеют первостепенное значение в научном наследии ученого и для развития науки о русском языке.

Сюда относятся также “Основные этапы истории русского языка” (1940), “О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII-XIX вв.” (1946), “Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка” (1958), “Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития” (1967), “Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в.” (1969) и др.

Если в “Русском языке” Виноградов опирается на богатейшую отечественную лингвистическую традицию, то “Очерки...” создавались им практически “на ровном месте”.

Конечно, он не прошел мимо тех трудов своих предшественников, в которых были собраны материалы по истории русского литературного языка, представлены попытки известного ее осмысления, а также высказаны продуктивные мысли относительно соотношения и взаимосвязей истории языка с историей русского народа, с развитием культуры, прежде всего литературы, а также с народной поэзией.

Вместе с тем история русского литературного языка — новая научная дисциплина, которая обоснованием ее предмета и задач, разработкой методологических оснований, категориального аппарата новой сферы русской филологии, аргументацией ее основных понятий и категорий, принципов и методов исследования, выяснением связей с пограничными филологическими дисциплинами и другими областями знания обязана в самой большой степени трудам и идеям Виноградова.

3. Проблемы русской стилистики, общей стилистической теории, а также вопросы культуры речи и языковой нормы составляют содержание третьего научного направления, разрабатывавшегося Виноградовым. Он неоднократно подчеркивал: “Исследование вопросов культуры языка тесно связано с задачами и содержанием стилистики языка и стилистики речи” (Виноградов, 1981: 182, ср. там же: 175). Основные труды: “Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика” (1963), “Итоги обсуждения вопросов стилистики” (1955), “Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры” (1961), “О культуре речи” (1961), “Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания” (1964).

“Предметом стилистики, — утверждает Виноградов, — служат все области и все способы использования языка, особенно литературного” (там же: 173).

В общей лингвистической концепции Виноградова стилистика занимает предпочтительное место. Она, подобно надстройке здания, завершает системно-структурное исследование современного русского языка, выясняет закономерности и особенности использования (vs. функционирования) языковых элементов в реальной речевой коммуникации, письменной и устной.

В становлении русской стилистики, ее консолидации как науки труды и идеи Виноградова сыграли ключевую роль.

4. Индивидуально-авторские стили, язык русских писателей, теория литературных стилей, язык художественной литературы – круг вопросов, занимавших исследовательское внимание Виноградова в течение всей его научной деятельности.

Основные труды: “О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития пророка Аввакума” (1923), “Проблема стилистики сказа” (1925), “О символике А.Ахматовой...” (1921), “О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски)” (1925), “Про теорию литературных стилей” (1927), “Наука о языке художественной литературы и ее задачи (на материале русской литературы)” (1958); серия монографических статей-исследований языка русских писателей (некоторые из них см. : Виноградов, 1990), уже упомянутые работы по теории художественной речи, о языке художественной литературы, о стиле Пушкина.

Виноградов выдвигает категорию “образа автора” как центральную, “стержневую”, вокруг которой организуется речевая и композиционная структура художественного произведения. Вопрос об индивидуально-авторском стиле рассматривается им в связи с “образом автора”.

Виноградову принадлежит заслуга в обосновании самостоятельной филологической дисциплины – науки о языке художественной литературы, ее предмета, задач и основных понятий. Изучение стилей художественной литературы, по Виноградову, “должно составить предмет особой филологической науки, близкой к языкознанию и литературоведению, вместе с тем отличной от того и другого” (Виноградов, 1959: 3–4).

Проблемы стилистики, культуры речи, с одной стороны, индивидуально-авторского стиля, языка художественной литературы – с другой, в трудах Виноградова, в его общей лингвистической концепции, при всей четкости “разграничительных линий”, взаимосвязаны теснейшим образом. Об этом свидетельствуют, скажем, такие работы, как “О задачах стилистики...”, “Заметки о языке советских художественных произведений”, “О языке художественной литературы” (особенно разд. 1), “Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры”. Виноградов утверждал: “Стилистика русского языка и стилистика русской речи имеют огромное значение для

стилистики художественной литературы” (Виноградов, 1981: 173, см: там же, с.183).

Тесно связаны в научном творчестве Виноградова также проблемы индивидуально-авторских стилей и истории русского литературного языка.

5. Исследование проблем русской лексикологии, фразеологии, словообразования, исторической лексикологии образует самостоятельный проблемный концентр (к этой проблематике тесно примыкают работы Виноградова по лексикографии).

Среди работ этого направления на первый план выдвигаются такие, как “Слово и значение как предмет историко-лексикологического изучения” (краткие тезисы были опубликованы в 1945 г. Целиком эта работа впервые опубликована в книге: Виноградов В.В. “История слов”, М., 1994, с.5–38, в наиболее полном виде – в № 1 “Вопросов языкознания” 1995 г.), “Основные типы лексических значений слова” (1953), “Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины” (1946), “Об основных типах фразеологических единиц в русском языке” (1947), “Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков)” (1952), “О некоторых вопросах русской исторической лексикологии” (1953). Уникальны по замыслу и исследовательскому исполнению историко-лексикологические разыскания, задуманные Виноградовым как капитальный труд по исторической семантике русского языка (Виноградов, 1994).

Виноградовым впервые в истории русистики (“Основные типы лексических значений слова”) было предложено теоретическое обоснование вопроса о типах лексических значений слова.

Первым же в отечественном языкознании Виноградов разработал теоретические основы русской фразеологии (“Основные понятия русской фразеологии как самостоятельной дисциплины”, “Об основных типах фразеологических единиц...”).

Предложенная Виноградовым классификация фразеологических единиц вместе с принципами их выделения и особый тип фразеологически связанных значений слова послужили методологической базой, на которую опираются современные исследования фразеологии русского и других языков.

В области словообразования Виноградову принадлежит обоснование его самостоятельности в системе языка – при всей

“вписанности” в грамматическую структуру и лексику — и соответственно конституирование деривационных исследований в особый раздел языкознания, выяснение его специфичности, сложных соотношений с лексикологией и грамматикой. Вместе с Винокуром он заложил теоретические основы русского словообразования.

6. В специальных историографических работах Виноградова (“Алексей Александрович Шахматов”, 1922, “Современный русский язык”, вып. 1, 1938, “Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова)”, 1958, “Русская наука о русском литературном языке”, 1946), в серии статей, посвященных анализу идей и трудов отечественных языковедов (основные из них собраны: Виноградов В.В. История русских лингвистических учений (1978)), а также в постоянном обращении ученого к “истории вопроса” (начиная с первых, студенческих, штудий) в ходе исследования обсуждаемых в многочисленных его трудах проблем история науки о русском языке получила целостное представление. С полным основанием можно говорить о разработанной Виноградовым развернутой историко-филологической концепции развития русской лингвистической мысли от Ломоносова до середины XX столетия.

Обращение Виноградова к истории русских лингвистических учений было продиктовано стремлением к “всестороннему раскрытию” основных категорий современного русского языка с учетом предшествующей традиции во избежание, как он сам писал, “упрощения” и “искажения языковой перспективы” (Виноградов, 1938: 3–4). Весьма симптоматично признание Виноградова в Предисловии к “Русскому языку”: “Я поставил себе задачей — не только изложить свою систему грамматического учения, но и **показать те пути, по которым двигалась лингвистическая мысль в поисках решения основных вопросов русской грамматики**” (подчеркнуто мной. — Ю.Б.).

7. Разыскания в области поэтики, литературной стилистики и историко-стилистические исследования русской художественной литературы, относящиеся преимущественно к 20-м годам, объединяются в особый цикл литературоведческих работ, составляющих одно из основных направлений научной работы “раннего” Виноградова.

Основные работы: “Эволюция русского натурализма” (1929), “Гоголь и натуральная школа” (1925), “Этюды о стиле Гоголя” (1926), “К теории построения поэтического языка” (1927).

Проблематика перечисленных работ тесно связана с проблематикой работ по вопросам изучения индивидуально-авторских стилей, языка художественной литературы. Виноградов прекрасно видел органическую взаимосвязанность проблем стилистики художественной литературы, литературоведения, поэтики. Весь спектр анализа идейно-эстетической стороны художественного произведения, по его мнению, может быть освещен “лишь в тесном взаимодействии лингвистической стилистики художественной литературы с общей эстетикой и теорией литературы” (Виноградов, 1963: 205).

8. Можно определенно говорить о прикладном направлении научной деятельности Виноградова, которое имеет ряд аспектов: текстологический (прежде всего участие Виноградова в подготовке к изданию сочинений Пушкина), эвристический (“Проблема авторства и теория стилей”, атрибуция сочинений ряда писателей XIX в., В.И.Ленина), “орфографический”, “редакторский” (редактирование “Вопросов языкознания”, многочисленных научных и учебных изданий, вузовских программ по лингвистическим дисциплинам).

В поле зрения Виноградова были и вопросы лексикографии. Он выступал как ее теоретик (“О некоторых вопросах теории русской лексикографии”, 1956 и др.), как историк (“Толковые словари русского языка”, 1941, “Об омонимии в русской лексикографической традиции”, 1967) и как критик современных ему словарей (см. “Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания”, 1966 и др.); им было предложено обоснование исторического словаря (“Вопрос об историческом словаре русского литературного языка”, 1941).

Виноградов принимал непосредственное участие в создании словарей. Известна его конструктивная теоретическая и практическая лексикографическая работа при подготовке “Толкового словаря русского языка” под редакцией Д.Н.Ушакова; Виноградов был членом главной редакции “Словаря современного русского литературного языка” в 17 томах (БАС), главным редактором “Словаря языка Пушкина”, подготовил Глоссарий к сочинениям Пушкина.

Говоря о “Словаре” Ушакова, С.И.Ожегов свидетельствовал: “Задачи словаря, его структура, принципы установления лексических границ литературного языка и стилистической дифференциации

лексики в основном разработаны В.В.Виноградовым” (Ожегов, 1974: 162).

Роль Виноградова в разработке русской лексикографии определяется не только и не столько его непосредственным участием в работе над словарями, сколько, с одной стороны, выдвижением и обоснованием важнейших теоретических положений общелингвистического характера, имеющих первостепенное значение для теории (и практики) лексикографии; с другой стороны, разборами конкретных словарных материалов (см., например, упомянутую статью 1966 г. о БАС), многочисленными замечаниями, указаниями, рекомендациями по поводу практики описания конкретного слова, выражения, во множестве разбросанных в его работах.

“Лексикографические идеи В.В.Виноградова касаются вопросов словообразования как системы во всех ее внутренних связях, соотношениях и взаимодействиях, соотношения всех грамматических форм в пределах лексической системы, структуры лексического значения, развития словарного фонда, омонимии, фразеологии, типологии лексических значений, нормативности, соотношения системы и нормы, категорий литературного языка” (История..., 1998: 576). Названные проблемы Виноградов квалифицировал как основные вопросы теории лексикографии (равно как и теоретической лексикологии) (см.: Виноградов, 1977). Это “тот круг первоначальных и первоочередных задач, исследование которых поможет улучшить качество наших толковых словарей русского языка” (там же: 264), — так заканчивает Виноградов статью 1956 г. “О некоторых вопросах теории русской лексикографии”.

Общезначимым представляется и лингводидактический аспект научного творчества Виноградова (об этом см.: Бельчиков, 1980; Костомаров, 1971: 8–10).

Основу лингвистической парадигмы XX в., сложившейся в самом его начале, составляют три главные идеи, или принципа: идея системной организации языка, принцип историзма и принцип функциональности. Эти же принципы составляют методологический фундамент лингвистического мировоззрения Виноградова, обуславливают его комплексный, синтетический подход к языку, нашли последовательное репрезентативное воплощение в научном творчестве академика.

Виноградов как ученый вырос на лучших традициях отечественной филологической науки. В своих трудах он продолжает и развивает эти традиции; опираясь на них, разработал оригинальные лингвистические концепции, открыл новые сферы исследования. Тем самым перекидывается мост между прошлым науки и современными научными направлениями.

Вопрос о роли научного наследия Виноградова в исследовании актуальных проблем современной русистики требует специального монографического освещения. Ограничимся лишь обозначением некоторых аспектов этой интереснейшей проблемы.

Грамматические идеи Виноградова стимулировали разработку целого ряда современных направлений. Особенно плодотворными оказались синтаксические идеи Виноградова. Несомненно, есть определенная закономерность в том, что наиболее влиятельные и значительные в сегодняшней русистике синтаксические концепции разрабатываются его учениками и их последователями.

Концепция функционально-семантического поля в аспектах общей теории грамматики (А.В.Бондарко, Ю.С.Маслов, А.Г.Адмони и др.) опирается во многом на учение Виноградова о модальности.

Разработанные Виноградовым принципы теории текста и функциональная типология текстов представляются весьма перспективными для современной лингвистики текста и стилистики текста.

Системно-типологические идеи Виноградова в области теоретической лексикологии, в сфере семантической структуры слова послужили стимулом и методологической базой разработки разноаспектных типологических концепций лексических значений слова.

Идеи Виноградова актуальны, как отмечалось, для современной лексикографии. Сформулированные им важнейшие проблемы теории лексикографии, насущные задачи русской лексикографии остаются в силе для практики составления словарей, они существенны для дальнейшей разработки словарной теории.

В "Истории русской лексикографии" подчеркивается, что в Новом академическом словаре "будут реализованы" многие из рекомендаций Виноградова по выполнению тех насущных задач, которые он сформулировал, подводя итоги создания БАС (см.: История..., 1998: 576).

В последние годы все ярвственнее выступает на первый план в лингвистических исследованиях идея антропоцентризма. Это выра-

жается, с одной стороны, в исследовании языковой способности индивида – актуализируется проблематика языковой личности. С другой стороны, с новой силой возобновился интерес к проявлениям в языке результатов духовной деятельности социальных коллективов – к проблемам соотношения и взаимодействия языка и культуры.

Проблема языковой личности, как известно, предполагает новый методологический синтез традиционно изучаемого лингвистического материала, единиц и категорий языковой системы и речевой коммуникации.

В разработке концепции языковой личности Ю.Н.Караулов (см. его работу “Русский язык и языковая личность”) специально освещает роль Виноградова “в формировании современных представлений об этом феномене” (Караулов, 1987: 8), раскрывая общее методологическое значение для исследования проблем языковой личности теоретических и исследовательских подходов Виноградова к языку художественной литературы, к индивидуально-авторскому стилю.

Что касается вопросов соотношения языка и культуры, то в этом плане особую значимость приобретают, во-первых, работы Виноградова по истории русского литературного языка, поскольку эта сфера научного исследования “должна составить – по его мнению – органическую часть истории культуры русского народа” (Виноградов, 1982: 513). “История русского литературного языка как научная дисциплина, – утверждает Виноградов, – вырастает из живого опыта культурного развития русского общества” (Виноградов, 1978а: 277).

Во-вторых, имеются в виду очерки по истории слов. В основе историко-лексикологических разысканий Виноградова лежит тезис о слове как фокусе, в котором сосредоточены социально-исторический опыт народа – носителя данного языка, известное культурно-историческое содержание и его языковое выражение. “При исследовании генезиса и семантической эволюции научных, общественно-политических и технических терминов, – писал Виноградов, – историко-филологический анализ необходимо сочетать с культурно-историческим изучением самих соответствующих предметов, явлений или понятий” (Виноградов, 1994: 620). В принципе это положение он распространял на всю лексику в целом (см.: Виноградов, 1977: 70).

В-третьих, в связи с активной разработкой в последние годы теории культурных концептов, некоторые мысли Виноградова относительно особенностей семантической структуры слова, характерных черт русской лексики, его наблюдения над историей слов, обозначающих те понятия, явления, которые представляются важными, центральными в жизни народа – носителя данного языка, в духовной жизни национального общества, получают новое осмысление в контексте лингвокультурологических исследований, созвучны новым лингвокультурологическим концепциям.

В “Русском языке” Виноградов сформулировал важный в лексикологическом плане тезис: “Характерной особенностью русского языка является тенденция к группировке слов большими пучками вокруг основных центров значений” (Виноградов, 1986 [изд. 1947 г.]: 15).

В таком понимании “основных центров значений” убеждает сопоставление данного тезиса Виноградова со списком слов, которые он приводит в докладе 1945 г. “Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования”, представляющимися основными, базовыми для разработки твердых теоретических и исследовательских основ истории языка как научной дисциплины.

Вот эти слова и соответствующий их контекст, позволивший сделать заключение о данных словах как концептах: “История ... языка ... как научная дисциплина немыслима без общей базы истории материальной и духовной культуры и прежде всего без знания истории общественной мысли. В настоящее время частые провалы и блуждания на этом пути неизбежны. Достаточно сослаться на отсутствие разработанной семантической истории таких слов, как личность, действительность, правда, право, человек, душа, общество, значение, смысл, жизнь, чувство, мысль, причина” (Виноградов, 1994: 6).

Под влиянием идей и трудов Виноградова, а также высокого нравственного примера служения Науке сложилась наиболее крупная и авторитетная в русистике XX в. академическая школа. И роль Виктора Владимировича в русской филологии второй половины XX столетия в решающей мере определяется деятельностью этой школы.

В.В.Виноградов прекрасно осознавал, что не сможет исследовать все те проблемы, которые представлялись ему важными, актуальными. Он всегда “дарил”, подсказывал темы, проблемы

исследований своим коллегам, ученикам. В его работах немало незавершенных вопросов, остающихся актуальными и сегодня.

В заключение воспользуемся словами Н.И.Толстого, удивительно емко воспроизведшего облик Виноградова, напомнившего нам завет великого ученого: “Во многих проблемах, затронутых и поставленных им, остается немало спорного, интересного и не разысканного до конца. И мы благодарны ему, что он учил нас не только исследовать, но и спорить, не только следовать и соглашаться, но и противоречить, если этого требует научная совесть и факты” (Толстой, 1974:329).

Литература

- Бельчиков Ю.А.* Труды В.В.Виноградова и проблемы преподавания русского языка иностранцам // Рус. яз. за рубежом. – М., 1980. – № 1. – С. 67–71.
- Белошапкина В.А.* Виноградов в Московском университете // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9, Филология. – 1979. – № 6. – С.59–61.
- Виноградов В.В.* О символизме А.Ахматовой: (Отрывки из работы по символике поэтической речи) // Литературная мысль: (Альманах). – Пг., 1921. – Вып. 1. – С.91–138.
- Виноградов В.В.* Алексей Александрович Шахматов. – Пг., 1922. – 80 с.
- Виноградов В.В.* Современный русский язык. – М., 1938. – Вып. 1. – 160 с.
- Виноградов В.В.* О русском языке в системе университетского филологического образования // Вестн. высш. школы. – М., 1948. – № 7. – С.24–30.
- Виноградов В.В.* Введение // Грамматика русского языка. – М., 1954. – Т. 2. Синтаксис. Ч. 2. – С.4–111.
- Виноградов В.В.* О языке художественных произведений. – М., 1959. – 655 с.
- Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963. – 255 с.
- Виноградов В.В.* Из истории изучения поэтики (20-е годы) // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. – 1975. – №3. – С.259–272.
- Виноградов В.В.* Избранные труды: Поэтика русской литературы. – М., 1976. – 511 с.
- Виноградов В.В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. – М., 1977. – 312 с.
- Виноградов В.В.* Избранные труды: История русского литературного языка. – М., 1978. – 320 с.
- Виноградов В.В.* История русских лингвистических учений. – М., 1978. – 367 с.
- Виноградов В.В.* Избранные труды: О языке художественной прозы. – М., 1980. – 360 с.
- Виноградов В.В.* Проблемы русской стилистики. – М., 1981. – 320 с.

- Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII-XVIII веков. – 3-е изд. – М., 1982. – 527 с.
- Виноградов В.В.* Русский язык: (Грамматическое учение о слове). – 3-е изд., испр. – М., 1986. – 638с.
- Виноградов В.В.* Избранные труды: Язык и стиль русских писателей: От Карамзина до Гоголя. – М., 1990. – 338 с.
- Виноградов В.В.* История слов. – М., 1994. – 1138 с.
- Виноградов В.В.* “...Сумею преодолеть все препятствия...”: Письма Н.М.Малышевой-Виноградовой // Новый мир. – М., 1995. – № 1. – С.172–213.
- Вятские будни /* Сост. и примеч. Гуськовой А.Б. // Вестн. АН – М., 1995. – № 1. – С.70–81.
- Григорьев В.П.* Предисловие // Винокур Г.О. О языке художественной литературы. – М.: 1991. – С.5–17.
- Жуковская Л.П.* Работа В.В.Виноградова по изучению языка древнерусских рукописей // Исследования по славянской филологии. – М., 1974. – С.87–100.
- История русской лексикографии.* – СПб., 1998. – 610 с.
- Источник.* – М., 1998. – № 1. – С.47–51.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – 264 с.
- Костомаров В.Г.* Слово о Викторе Владимировиче Виноградове // Памяти Виктора Владимировича Виноградова. – М., 1971. – С.3–13.
- Малышева-Виноградова Н.М.* Страницы жизни В.В.Виноградова // Рус. речь. – М., 1989. – № 4. – С.83–88.
- Ожегов С.И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М., 1974. – 352 с.
- Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии: Хрестоматия. – М., 1970. – 527 с.
- Робинсон М.А.* Документы из архива А.А.Шахматова: А.А.Шахматов и В.В.Виноградов // Материалы научной студенческой конференции (Моск. ист. арх. ин-та). – М., 1970. – Вып. 2. – С.89–93.
- Робинсон М.А.* Забытые работы В.В.Виноградова // Рус. Лит. – М., 1971. – № 1. – С.121–126.
- Робинсон М.А.* Титульный лист первой монографии В.В.Виноградова // Исследования по славянской филологии. – М., 1974. – С.287–289.
- Толстой Н.И.* Взгляды В.В.Виноградова на соотношение древнерусского и древнеславянского литературного языка // Исследования по славянской филологии. – М., 1974. – С.319–329.
- Чудаков А.П.* Ранние работы В.В.Виноградова по поэтике русской литературы // Виноградов В.В. Избранные труды: Поэтика русской литературы. – М., 1976. – С.405–481.

Шапир М.И. Материалы по истории лингвистической поэтики в России (конец 1910-х – начало 20-х годов // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. – 1991. – № 1. – С.41–52.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – 428 с.

Основные работы В.В.Виноградова

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка. – М.: 1934. – 288 с.; 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1938. – 448 с.; 3-е изд. – М., 1982. – 529 с.

Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. – М.; Л., 1935. – 457 с.; 2-е изд. доп. – М., 2000. – 509 с.

Виноградов В.В. Современный русский язык. – М., 1938. – Вып. 1: Введение в грамматическое учение о слове. – 160 с.; Вып. 2: Грамматическое учение о слове. – 592 с.

Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). – М.: 1947. – 784 с.; 4-е изд. – М, 2001. – 718 с.

Виноградов В.В. Стиль Пушкина. – М., 1941. – 620 с.; 2 изд. – М., 1999. – 704 с.

Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса: (От Ломоносова до Потебни и Фортунатова). – М, 1958. – 400 с.

Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М., 1959. – 655 с.

Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. – М, 1961. – 614 с.

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963. – 255 с.

Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М., 1971. – 240 с.

Виноградов В.В. Избранные труды: Поэтика русской литературы. – М., 1976. – 511 с.

Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. – М., 1977. – 312с.

Виноградов В.В. Избранные труды: История русского литературного языка. – М., 1978. – 320 с.

Виноградов В.В. История русских лингвистических учений. – М., 1978. – 367 с.

Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. – М., 1980. – 360 с.

Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М., 1981. – 320 с.

Виноградов В.В. Избранные труды: Язык и стиль русских писателей: От Карамзина до Гоголя. – М., 1990. – 388 с.

Виноградов В.В. История слов. – М.: 1994. – 1138 с.; 2-е изд. стер. – М., 1999. – 1138 с.

Основные работы о В.В.Виноградове

Бельчиков Ю.А. Проблемы историко-лексикологического исследования в трудах академика В.В.Виноградова // Вопросы лексикологии, стилистики и грамматики в аспектах общего языкознания. – Калинин. – С.75–84.

- Бельчиков Ю.А.* Труды академика В.В.Виноградова и преподавание русского языка иностранцам // Рус. яз. за рубежом. – М., 1980. – № 2. – С.67–71.
- Бельчиков Ю.А.* Крупнейший филолог XX столетия: (К 100-летию со дня рождения) // Русистика сегодня. – М., 1994. – № 3. – С.14–33.
- Бельчиков Ю.А.* Научная работа как способ существования: (К 100-летию со дня рождения) // Вестн. РАН. – 1995. – № 1. – С.65–70.
- Бельчиков Ю.А.* В.В.Виноградов и история русского литературного языка: (К 30-летию со дня смерти) // Русистика сегодня. – М., 1999. – № 1/2. – С.5–24.
- Бельчиков Ю.А.* Проблема “язык и культура” в трудах академика В.В.Виноградова // Россия и Запад: диалог культур. – М., 1999. – Вып. 6. – С.115–125.
- Белошанкова В.А.* В.В.Виноградов в Московском университете // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 1979. – № 6. – С.59–61.
- Белошанкова В.А., Шмелева Т.В.* В.В.Виноградов и современный синтаксис // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9, Филология. – 1995. – № 1. – С.42–50.
- Благова Г.Ф., Лантева О.А., Строкова Г.В.* В.В.Виноградов – первый главный редактор журнала “Вопросы языкознания” // Рус. речь. – М., 1955. – № 1. – С.13–19.
- Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды: Библиографический словарь. – Минск, 1977. – Т. 2: Виноградов Виктор Владимирович – С.89–122.
- Земская Е.А.* К столетию со дня рождения академика В.В.Виноградова // Русистика. – Берлин, 1995. – № 1/2. – С.4–5.
- Золотова Г.А.* Труды академика В.В.Виноградова в области синтаксиса // Рус. яз. в школе. – М., 1970. – № 1. – С.102–106.
- Конрад Н.И.* О работах В.В.Виноградова по вопросам стилистики, поэтики и теории поэтической речи // Проблемы современной филологии. – М., 1965. – С.400–412.
- Костомаров В.Г.* Слово о Викторе Владимировиче Виноградове // Памяти акад. Виктора Владимировича Виноградова. – М., 1971. – С.3–13.
- Костомаров В.Г.* Труды академика Виктора Владимировича Виноградова в области лексикологии, фразеологии, семасиологии и лексикографии // Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С.1–10.
- Крысин Л.П.* Вопросы социологии в трудах академика В.В.Виноградова // Рус. яз. в школе. – М., 1979. – № 6. – С.95–100.
- Мещерский Н.А.* В.В.Виноградов на кафедре русского языка Петроградского-Ленинградского университета // Вестн. Ленинград. ун-та. – 1970. – № 14. – С.121–130.
- Одинцов В.В.* В.В.Виноградов. – М., 1983. – 95 с.
- Рождественский Ю.В.* О работах В.В.Виноградова по истории русского языкознания // Виноградов В.В. История русских лингвистических учений. – М., 1978. – С.5–37.

- Толстой Н.И.* Труды В.В.Виноградова по истории русского литературного языка // Виноградов В.В. Избранные труды: История русского литературного языка. – М., 1978. – С.1–9.
- Чудаков А.П.* Семь свойств научного метода Виноградова // Филологический сборник: (К 100-летию со дня рождения академика В.В.Виноградова). – М., 1995. – С.9–15.
- Шведова Н.Ю.* Грамматические труды академика Виктора Владимировича Виноградова // Виноградов В.В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С.5–10.

Л.Г.Лузина

ГРИГОРИЙ ОСИПОВИЧ ВИНОКУР

Григорий Осипович Винокур (5 (17) ноября 1896 г., Варшава – 17 мая 1947 г., Москва) – русский советский языковед и педагог родился в Варшаве в семье служащего. В 1904 г. его родители с детьми – двумя дочерьми и тремя сыновьями – переехали в Москву. Здесь Винокур учился сначала в реальном училище, затем в связи с рано проявившимися яркими филологическими способностями был переведен в классическую гимназию (окончил в 1915 г.). В 1916 г. поступил в Московский университет на славяно-русское отделение историко-филологического факультета. С 1918 г. параллельно с занятиями в университете начал работать секретарем отдела пролетарской культуры Наркомпроса РСФСР. В 1920 г. Винокур прервал учение в университете, так как был командирован Народным комиссариатом иностранных дел для работы референтом-переводчиком, затем заведующим Бюро печати в полпредстве РСФСР в Эстонии и Латвии. Вернувшись в 1922 г. в Москву, он закончил в этом же году университет и начал работать переводчиком-редактором иностранной информации в РОСТА (потом ТАСС). В 1923 г. начал издаваться “Лэф”, и Винокур становится его постоянным сотрудником. С 1924 г. Винокур становится внештатным сотрудником Государственной академии художественных наук по философскому и литературному отделениям.

В 1930 г. Г.О.Винокур оставил работу в ТАСС и начал свою педагогическую деятельность: доцент Московского университета (с 1930 г.), Московского городского педагогического института

им.Потемкина (с 1933 г.), МИФЛИ (с 1936 г.), заведующий кафедрой русского языка Московского университета (с 1943 г).

С Академией наук СССР Г.О.Винокур, помимо участия в работе Диалектологической комиссии, был связан с 1933 г. как член Пушкинской комиссии постоянным участием в работах по изданию собрания сочинений Пушкина; старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского дома) (1935), Института мировой литературы им.Горького (1938). В 1941 г. Винокур был переведен в Институт языка и письменности АН СССР и продолжил свою научную работу в Институте русского языка АН СССР. В 1934 г. Г.О.Винокур был избран в члены Союза писателей, в 1935 г. получил ученую степень кандидата филологических наук (без защиты диссертации), а позже – звание профессора. В 1943 г. за диссертацию “Очерки истории текста и языка Пушкина” получил ученую степень доктора филологических наук.

Интерес к изучению языков проявился у Г.О.Винокура еще в гимназии, где он получил основательное знание классических и новых западноевропейских языков, сверх программы занимался древнегреческим языком. Уже к окончанию гимназии он твердо решил стать филологом. К этому времени он знал греческий и латынь, немецкий и французский; позднее изучил литовский и латышский языки, знал славянские языки и самостоятельно выучился английскому языку.

В Московском университете Г.О.Винокур получил широкую и основательную подготовку по языкознанию и усвоил лучшие традиции московской лингвистической школы. Его учителями были Д.Н.Ушаков, у которого он занимался историей русского языка и диалектологией, и М.Н.Петерсон, у которого он изучал литовский язык, санскрит, семасиологию, общие вопросы синтаксиса. Славистику Винокур изучал у В.Н.Щепкина и прослушал курсы старославянского, польского, словенского, полабского языков, а также палеографии. У М.М.Покровского он занимался сравнительной грамматикой индоевропейских языков, готским языком, исторической грамматикой латинского и греческого языков. Формирование интереса к вопросам литературоведения у Винокура связано со студенческим “Московским лингвистическим кружком”, в работе которого он активно участвовал. В разные годы он входил в президиум Кружка, был его секретарем, а затем председателем

(1922–1923), был одним из авторов доклада “Опыт формального анализа повести “Нос” (совместно с П.Г.Богатыревым, Р.О.Якобсоном, А.А.Буслаевым, О.М.Бриком), прочитанного на заседании МЛК (1919), произнес вступительное слово при обсуждении книги Ф.де Соссюра “Курс общей лингвистики”.

Как языковед Г.О.Винокур известен своими трудами по истории русского литературного языка, исторической грамматике, общему языкознанию, стилистике литературного языка, лингвистической поэтике и по другим вопросам. В центре лингвистических интересов Г.О.Винокура всегда стояла проблема истории русского литературного языка и примыкающая к ней проблема изучения языка и стиля художественного произведения.

Свое понимание истории языка “как особой и своеобразной науки лингвистического и культурно-исторического содержания” Г.О.Винокур наиболее полно и последовательно изложил в статье “О задачах истории языка” (Винокур, 1959: 217). В этой статье Винокур подчеркивает необходимость установления взаимосвязи между статическими и динамическими принципами изучения языка, позволяющей изучать как современный, так и древний языки системно и в исторической преемственности. Отмечается, что “язык в его прошлом состоянии мы только тогда можем изучить как живую историческую реальность, когда будем видеть в нем цельную систему, в которой каждый отдельный элемент обладает известной функцией только в соотношении с прочими элементами” (Винокур, 1959: 214).

В соответствии с этим основным положением Винокур подробно рассматривает понятие “диахронической” лингвистики, ее задачи и предмет. За исходное принимается, что “вся вообще история языка есть последовательная смена языковых систем, причем переход от одной системы к другой подчинен каким-то закономерным отношениям. Следовательно, мало открыть систему языка в один из моментов его исторического существования. Нужно еще уяснить себе закономерные отношения этой системы к той, которая ей предшествовала, и к той, которая заступила на ее место” (Винокур, 1959: 215). В то же время Винокур подчеркивал, что язык есть часть общей культурной истории и движет механизмом развития языка не сам язык, а человеческое общество. Это значит, что “изучение отдельного языка, иначе, история языка, есть наука культурно-историческая” (там же: 216).

Сформулированные Г.О.Винокуром принципы построения и задачи истории языка как лингвистической дисциплины находят свое отражение в его работе “Русский язык. Исторический очерк” (Винокур, 1959: 11–110). В этой работе, состоящей из 11 глав, описываются общие особенности славянских языков, отличительные признаки русского языка и русские диалекты. В целом работа посвящена важнейшим моментам развития русского литературного языка: происхождение русского литературного языка, памятники истории русского языка, строй древнерусского языка, русский литературный язык в первую эпоху письменности, русский литературный язык в XV–XVII вв., зарождение общерусского национального языка, литературный язык эпохи классицизма, создание общенациональной нормы, русский литературный язык в XIX–XX вв.

Происхождение русского литературного языка Г.О.Винокур связывал с распространением старославянской письменности. В третьей главе отмечается, что “знакомство со старославянским языком в Моравии, а затем в Болгарии, в Сербии, в Древней Руси создавало в каждой из этих областей грамотных людей и профессионалов книжного дела и, таким образом, клало начало самостоятельной местной письменности, именно так, в процессе усвоения и переписки старославянских текстов, возникла, и древнерусская письменность” (Винокур, 1959: 26). Далее Винокур указывает, что на старославянскую основу языка в древнерусский период наслаивались восточнославянские языковые черты и в результате этого образовался первый письменный язык на славянском востоке. “Так или иначе, но старославянские тексты, проникая вместе с христианством в восточнославянскую среду, становились здесь образцами для списывания и подражания. При списывании старославянских текстов и при составлении оригинальных текстов по старославянским образцам древнерусские литераторы иногда невольно, а иногда сознательно допускали отступления от норм старославянского языка в пользу параллельных явлений своей родной речи. Этим путем вносились восточнославянские черты в орфографию, грамматическую систему и словарный состав старославянских оригиналов. В результате возникал своеобразный и новый письменный язык, в котором скрещивались книжные старославянские и живые восточнославянские элементы. Этот скрещенный язык, то есть старославянский

язык русской редакции, и был первым письменным языком восточных славян” (Винокур, 1959: 28).

Таким образом, Винокур считал, что в основе древнерусского литературного языка лежали старославянские нормы, в своем понимании сущности этой проблемы он опирается и на другие аргументы. Так, в восьмой главе книги, выясняя пути формирования национальных литературных норм языка, Винокур указывает: “В течение всего древнерусского периода в русской письменной речи происходила борьба областного и централизованного принципов развития. Между отдельными древнерусскими диалектами, судя по всему, не было таких глубоких и коренных различий, какие исключали бы или сильно бы затрудняли взаимопонимание. Кроме того, в значительной мере способствовало поддержанию единства в письменной речи то, что один из двух ее важнейших источников, церковнославянский язык, имел свойства, как бы над- или междиалектные. Тем не менее, необходимо помнить, что язык древнерусской письменности, какими бы стилистическими приметам он ни отличался, это в принципе язык диалектный. Можно поэтому говорить о письменном языке Киева, Новгорода, Рязани, Пскова, Москвы. Однако без дальнейших пояснений понятно, что централизация государственной жизни должна была повлечь за собой и победу центростремительных начал в языке” (Винокур, 1959: 67). Признавая уже два важнейших источника письменной литературной речи – старославянский язык и восточнославянские диалекты древней эпохи, Винокур указывает, что в древнерусскую эпоху существовали два основных стиля языка. церковно-книжный стиль древнерусской письменной речи, деловой стиль, основанный на обиходных средствах языка, и промежуточный, между двумя первыми стилями, – собственно литературный стиль, представленный повествовательными, поэтическими, назидательными и другими текстами (там же, см. с.44, 49). В XVII в. важное значение приобретает “язык московских приказов”, который, сближаясь с прежним литературным языком, дает начало новому письменному общерусскому языку как в территориальном, так и в функциональном отношениях.

В оценке концепции Винокура о происхождении русского литературного языка с точки зрения современной лингвистики отмечается, что, хотя его трактовка этой проблемы является

традиционной, в отечественном языкознании существуют и иные теории (см. Булахов, 1977: 123–124). Труды С.П.Обнорского, В.В.Виноградова дают возможность посмотреть на данную проблему с учетом факторов национальной самобытности восточных славян и языкового дуализма (ср. Николаева, 2000). В них ставится вопрос о сущности понятий “письменный язык” и “литературный язык” по отношению к древней эпохе. Данные понятия, по мнению ученых, Винокур “недостаточно четко различал, поэтому для него любой письменный текст независимо от содержания и формы приобретал значение литературного произведения, в котором следует искать лишь интерферентные явления языка восточных славян” (Булахов, 1977: 124). В большей степени отвечает современным представлениям точка зрения Винокура о начальном этапе формирования русского национального языка в XVII в.

Несколько специальных статей Винокура посвящены изучению важнейших вопросов истории становления литературных норм в XVIII в. Винокур пишет, что “основным событием в жизни русского литературного языка в начале XVIII в. было начавшееся разрушение прежней системы письменного двуязычия и зарождение единого национального литературного языка, пока еще, разумеется, в его первоначальных, примитивных формах. Старый приказной язык был языком не “национальным, а только г о с у д а р с т в е н н ы м” (Винокур, 1959: 114). В другой статье, посвященной исследованию русского литературного языка, во второй половине XVIII в. Винокур анализирует сложные процессы образования грамматических и стилистических норм русского литературного языка в период от 40-х годов до конца XVIII – начала XIX в. (Винокур, 1959: 138–161). Особое внимание уделяется филологической и литературной деятельности М.Ломоносова, а также других писателей и ученых.

В статье “К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII века” подчеркивается необходимость изучения показаний словарей и грамматик как памятников русского литературного языка, так как они могут свидетельствовать о степени соответствия нормативных предписаний составителей объективному состоянию системы языка, его употреблению в живой речи (Винокур, 1959: 162–188). На основе анализа орфографическо-орфоэпической стороны проблемы нормирования Винокур делает следующий важный вывод: “Словарь Академии российской представляет собой

действительно замечательный памятник истории русской письменной речи, и именно в том отношении, что, очень широко отражая противоречия, существовавшие в языковом употреблении своего времени, он в то же время ярко обнаруживает движение к единой общенациональной языковой норме, поиски которой составляют основное содержание истории русского письменного языка, начиная примерно с 30-х годов XVIII в. Самое интересное при этом заключается для нас в том, что составители Словаря не обладали какой-нибудь орфографически-грамматической теорией, во всяком случае не следовали догматически тем учениям и предписаниям, которые они могли бы отыскать в своем культурном обиходе, и вместе с тем в большинстве случаев шли как раз теми путями, на которые выводился русский письменный язык объективным ходом его исторического развития” (Винокур, 1959: 187).

Среди лингвистических работ Винокура, посвященных различным явлениям строя современного русского языка, особое место занимает статья “Заметки по русскому словообразованию” (Винокур, 1959: 419–442), в которой была предложена новаторская идея об определении принципов членения слова. В статье ставится вопрос о том, “каким образом в современном русском языке выражается членимость производных основ на выделяющиеся в них морфемы” (Винокур, 1959: 419). Рассматривая работы по словообразованию, Винокур отмечал, что в них обычно отсутствует общая постановка вопроса о принципах членения основы на морфемы и не указываются те основания, в силу которых в данной основе выделяются именно такие, а не иные морфемы. Винокур подчеркивал, что аффиксы в основе должны выделяться с учетом отношений между значениями слов: “Неправильно поэтому было бы думать, будто морфологический анализ основ есть дело механическое, основанное исключительно на дроблении звуковой формы слова согласно звуковым тождествам, отыскиваемым для каждого соответствующего обрубка: *рамка* членится на *рам-ка* не просто потому, что для первой части находим звуковое тождество в словах *рама*, *подрамник*, *обрамление*, и т.д., а для второй – в словах *ручка*, *ножка*, *шейка* и т.д., а потому, что *рам* в слове *рамка* значит т о ж е с а м о е, что *рам* в прочих словах этого ряда, и что слово *рамка* представляет собой известную модификацию значения, каким обладает слово *рама*” (Винокур, 1959: 423).

Высоко оценивая значение этой работы, исследователи называют Винокура одним из основоположников современной теории словообразования, который впервые обратил особое внимание на связь словообразовательных структур с семантикой. Его статья стимулировала развитие не только словообразовательного, но и морфемного (морфологического, морфного) анализа. Не употребляя этих терминов, Винокур поставил в статье проблемы выделения значимых частей в слове. Широкое обсуждение затронутых в статье проблем привело к созданию теорий степеней или видов членимости слова (см. Язык. Культура. Гуманитарное знание: 85, 97).

Вопросам словообразования, грамматики и лексикологии современного русского языка посвящены также статьи: “Форма слова и части речи в русском языке” (Винокур, 1959: 397–418), “О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии” (Винокур, 1939). В статье “о славянизмах в современном русском литературном языке” (Винокур, 1959: 443–459) проблема славянизмов рассматривается на конкретном анализе употребления лексических вариантов (церковнославянизм – русизм) фонетического происхождения. Впервые слова типа “глас – голос”, “нощь – ночь” изучаются в разделе лексики, а не фонетики, причем славянизмы рассматриваются не изолированно, а вместе с соответствующими им русизмами.

Г.О.Винокуру принадлежит заслуга изучения орфографии как исторической дисциплины языкознания со своим собственным содержанием (Винокур, 1959: 463–467, 468–489). В статье “Орфография как проблема истории языка” Винокур отмечал, что историки русского языка изучали орфографию письменных памятников преимущественно с точки зрения исторической фонетики, чтобы установить звуковой строй речи, отражаемой данными памятниками. Важный вывод из этих работ заключался в том, что не все орфографические различия, наблюдаемые в памятниках, свидетельствуют о соответствующих произносительных различиях, так как фиксировались орфографические варианты, не имеющие никакого звукового значения. Таким образом, основная задача виделась в том, чтобы отграничить фонетически значимые варианты от чисто орфографических вариантов. Именно последние, указывал Винокур, заслуживают самостоятельного исторического изучения, поскольку они представляют собой известное явление истории письменного

языка и составляют особого рода языковую традицию. Орфография как таковая должна стать предметом особой лингвистической дисциплины: “Эта дисциплина должна изучать орфографические факты в их взаимной соотносительности со стороны образуемой ими системы, как она вообще обнаруживается в фактах истории языка” (Винокур, 1959: 463). Заслугой Винокура и является то, что он наметил принципы изучения орфографии в ее собственном содержании как вполне независимый и самодовлеющий факт истории русской письменной речи.

Профессиональный интерес к проблемам культуры речи был характерен для Г.О.Винокура на протяжении всей его деятельности. Он считал долгом ученого-языковеда не только понять законы развития и функционирования языка, но и “показать говорящим эти законы с их обратной стороны, т.е. сделать их правилами” (Винокур, 1929: 87–88). Винокур подчеркивал, что “связь формы и содержания в языке является настолько неразрывной и конкретной, что, строго говоря, каждая мысль и каждый оттенок смысла имеют в языке только одно единственное выражение” (там же: 84).

Важной в этом отношении была первая книга Г.О.Винокура о культуре языка (Винокур, 1929), в которой прежде всего ставятся задачи лингвистического воспитания общества в эпоху после Октябрьской революции. В ней же содержится анализ того нового, что дало современному исследователю учение Ф.де Соссюра и критика младограмматиков с новых позиций. Развивая учение Соссюра, Винокур пишет: “В системе двух лингвистик де Соссюра на долю лингвистики “исторической” остаются опять-таки одни только звуки... историчность этой лингвистики понимается в духе все той же внешней эволюции. А вместе с тем — для науки о г о в о р е н и и, открытием которой мы обязаны преимущественно де Соссюру, в его классификации лингвистических дисциплин вообще не находится места!” (1929: 32). Далее указывается, что должны быть две лингвистики: одна статическая, изучающая язык в его системе, другая — историческая, изучающая язык “как реальный факт социальной жизни, в его действительном и конкретном историческом бытие” (там же: 32). Далее Винокур сосредоточивает свое внимание на вопросах практической стилистики и пишет о языке газеты и типографии, о языке нэпа и футуристов, о культуре чтения. Таким

образом, основное внимание направлено на функциональную сторону языка, на то, как используют язык говорящие.

В этой связи Л.П.Крысин отмечает, что книга “Культура языка” становилась не раз объектом внимания русистов, особенно в последние годы, однако “все еще недостаточно оценены взгляды Г.О.Винокура, например, на сущность языковой политики, на специфику разговорной речи и ее отличие от других функциональных разновидностей языка” (Крысин, 1999: 207). Социолингвистическая направленность данной книги и особенно его статьи “Поэтика. Лингвистика. Социология” (Винокур, 1990) усматривается в том, что он не только задумывался над механизмом социальной обусловленности языковых изменений, но и фактически демонстрировал эту обусловленность анализом живого материала газет, ораторской речи, повседневных разговоров его современников. Л.П.Крысин подчеркивает не только связь идей Винокура с современными теориями прагматики языка, теорией речевых актов, их основополагающий характер для изучения функциональных стилей как сферах использования языка, обусловленных социальными и коммуникативными факторами, но и их актуальность при рассмотрении общего отношения “язык – общество”, идеи Винокура о том, что язык – явление социальное, что язык представляет собой систему, которая обладает социальной значимостью, понимание языка как социально обусловленной нормы с точки зрения современного уровня знания кажутся тривиальными, “тогда как оценивать их надо по меркам того времени, когда они высказывались” (Крысин, 1999: 211).

По общему признанию, одно из наиболее плодотворных направлений деятельности Г.О.Винокура представлено его трудами в области стилистики русского литературного языка, а также исследованиями по лингвистической стилистике, языку и стилю художественного произведения и индивидуальному стилю (языку) писателя.

Занимаясь исторической стилистикой, Винокур рассматривает ее как собственно лингвистическую дисциплину, отделяя ее от психологии и литературоведения, что имело кардинальное значение для определения предмета этой дисциплины, основных понятий и положений. “Наряду с проблемой языкового строя существует еще проблема языкового *употребления*, а так как язык вообще есть

только тогда, когда он употребляется, то в реальной действительности строй языка обнаруживается только в тех или иных формах его употребления” (Винокур, 1959: 221). Употребление языка, по Винокуру, – это “совокупность установившихся в данном обществе языковых привычек и норм, в силу которых из наличного запаса средств языка производится известный отбор, неодинаковый для разных условий языкового общения” (там же: 221). Отсюда выводится и понятие разных стилей языка – торжественный, деловой, официальный и др. Именно проблема языкового употребления и составляет предмет стилистики. Основное понятие “стиль” при этом рассматривается как способ использования языковых средств в соответствии с целью речи. И стилистику Г.О.Винокур понимал как такую дисциплину, которая изучает “явления языка под углом зрения целесообразного использования его говорящими” (Винокур, 1990: 26).

Употребление языка применительно к истории языка составляет предмет исторической стилистики. Поэтому в истории языка Винокур выделяет четыре раздела: фонетику, грамматику, семиологию и стилистику. Лингвистическая стилистика занимается изучением коллективных форм употребления, т.е. тех языковых фактов, которые характеризуют объективно именно язык, а не отдельных его носителей. Из этого Винокур сделал важный вывод о том, что стиль языка и стиль тех, кто пишет или говорит, – разные вещи. Стиль писателя изучается в истории литературы, тогда как объективные языковые данные, засвидетельствованные текстами художественных произведений, составляют предмет занятий языковеда (см.Винокур, 1959: 222 и далее). Одним из основных свойств стилистики как лингвистической дисциплины является то, что она изучает язык по всему разрезу его структуры – и звуки, и формы, и знаки. Однако объект изучения в стилистике – это только те звуки, формы, знаки, которые обладают определенной стилистической окраской и по этой окраске противопоставлены совокупности иначе окрашенных языковых единиц.

В работах “Об изучении языка литературных произведений” (Винокур, 1959: 229–256), “Понятие поэтического языка” (Винокур, 1991: 24–31), а также в ряде конкретных исследований по языку произведений русской художественной литературы Винокур изложил свое понимание задач исторической и нормативной стилистики,

задач языковедческой науки о поэтическом языке, разработал приемы и методы лингвистического анализа текста и предложил свое толкование терминов “стилистика”, “язык и стиль”, “язык художественного произведения”, “поэтический язык” и др. Лингвистическая стилистика, по определению Винокура, имеет своим объектом самый язык, исследуемый в соотношении его разных стилей, а не то, что выражено в языке и что может входить в компетенцию истории литературы, психологии, биографии. “Стиль” как термин лингвистический Винокур принципиально и последовательно отличал от понятия “стиль” в литературоведении; термины “язык” и “стиль” никогда не отождествляются и не являются соотносительными.

Винокур проводил различие между историческим пониманием стиля, “всегда предполагающего некоторую систему, разнообразие стилей” от его нормативного понимания, представляющего собой “качественные оценки данного применения средств национального языка в отношении к существующему в общественном сознании той или иной эпохи и среды *и деалу* пользования языком” (Винокур, 1959: 834). В соответствии с этим пониманием термина “стиль” выделяется и особый раздел науки о языке – нормативная стилистика как практическая лингвистическая дисциплина, которая имеет своим предметом историю лингвистических вкусов общества. В то же время Винокур подчеркивал, что исследователя проблем нормативной стилистики должен не столько интересовать языковой идеал того или иного времени, сколько вопрос, в каком отношении к данному идеалу эпохи находится язык того или иного писателя.

Большое внимание Винокур уделял прояснению содержания термина “язык писателя”: “В зависимости от того, с какой стороны мы будем подходить к исследованию отношений между языком и продуцирующей его личностью, проблема языка писателя будет приобретать для нас разные новые значения” (Винокур, 1959: 237). Здесь, указывал Винокур, возможны два пути: от писателя к языку и от языка к писателю. Изучение индивидуального стиля, своеобразия языка писателя имеет ценность в прикладном смысле – прежде всего при установлении авторства произведений. Значительный интерес представляют попутные наблюдения Винокура по психологии речи. Выделяя как особую функцию языка – функцию экспрессивную (наряду с коммуникативной и сигнификативной) и разрабатывая

методы ее изучения, Винокур предупреждал об ошибках представителей школы Фосслера—Шпитцера: “И дело здесь не только в крайнем субъективизме ... дело заключается в н е и з б е ж н о с т и подобного бесплодного субъективизма в том случае, когда упускается из виду конвенциональная природа языкового знака, произвольность его связи с соответствующими предметами мысли, и когда язык в целом и во всех подробностях толкуется как чистая экспрессия, прямое и естественное выражение тех или иных состояний сознания и психики” (Винокур, 1959: 239–240).

Рассматривая различные лингвистические аспекты изучения языка писателя (биографический, психологический, историко-литературный), Винокур отмечал, что в таких случаях исследователь неизбежно и обязательно выходит за рамки языкознания. Лингвистика же в таких случаях только дает нужный материал. Таким образом, биография, психология, история литературы и языкознание пользуются одним материалом — языком, но точка зрения на него в каждом из названных разделов науки будет различной. “Здесь как и прежде, вопрос заключается в том, на какой части выражения “язык писателя” мы будем делать логическое ударение. Если перед нами проблема “языка п и с а т е л я”, то нужно иметь в виду что писатель не проблема лингвистики... Но если мы задаемся вопросом о “я з ы к е писателя”, то это не только законная, но и неизбежная задача языкознания” (Винокур, 1959: 244–245). В связи с определением значений термина “язык писателя” Винокур определяет и термины “поэтический язык”, “литературный язык” и др.

В определениях этих терминов, в частности понятия “поэтический язык”, за исходное принимается положение о том, что о разновидностях языка можно говорить не только как о разных “стилях речи”, связываемых с различными традициями языкового употребления и условиями языкового общения. О разновидностях языка можно говорить также в том отношении, что одна и та же система языка может иметь различное жизненное назначение, служить разным областям культуры, выражать разные модусы сознания.

В статье “Понятие поэтического языка”, написанной в последний год жизни, Винокур раскрывает специфическую сущность поэтического языка в простых и глубоких по содержанию формулировках (Винокур, 1991: 25–31). Поэтический язык рассматривается с

трех точек зрения и под ним понимается: 1) как стиль речи, имеющий наряду с другими стилями, свою традицию употребления языковых средств в особом значении, в данном случае – поэтическом; 2) как язык, наделенный особой поэтической экспрессией; 3) как язык, возведенный в ранг искусства, как образный язык.

В связи с характеристикой термина “поэтический язык” Винокур определяет сущность “поэтического слова”, его специфику и развивает свое понимание “внутренней формы” языковых средств применительно к поэтическому употреблению. По Винокуру, язык как произведение искусства прежде всего характеризуется тем, что “он представляет собой в н у т р е н н ю ю ф о р м у, то есть нечто, само в себе, внутри обладающее некоторой содержательной ценностью” (Винокур, 1959: 246). Он трактует “внутреннюю форму” иначе, чем А.Потебня, и “решительно возражает против некоторых высказываний этого ученого, в которых всякий язык рассматривается как искусство” (Цейтлин, 1965: 61). В задачу лингвистического исследования входит, как отмечал Винокур, установление отношений между обоими типами значений слова – прямым и поэтическим. Анализ поэтической лексики строится на общих лексикологических принципах, и поэтические значения слов рассматриваются в их отношениях к прямым значениям и “могут представлять собой различные противопоставления общего и частного, абстрактного и конкретного, целого и части, расщепления на параллельные варианты или цепного выведения одного варианта из другого и т.п.” (Винокур, 1959: 248). Безусловно, поэтическое значение проявляется в языке искусства не в каждом слове или грамматическом факте, но это не имеет принципиального значения. Сама готовность стать внутренней формой – “есть отличительная черта поэтического языка как системы” (Винокур, 1959: 251).

Работы Г.О.Винокура о поэтическом языке содержали в себе идеи, которые были важны для специалистов, его современников, а многие из них представляли собой программу будущих исследований. В этом отношении существенно замечание Винокура о том, что у поэтического языка иная “единица” исследования, чем у общего языка. Для поэтического языка это абзац, глава, целое произведение. Это и другие положения лежат в русле современной лингвистики (в частности, стилистики) текста, занимающейся анализом сверхфразовых единств (структур) и средствами их интеграции. Определенный

исследовательский интерес для современной лингвистики представляют отмеченные в рамках “пушкинской фразеологии” уникальные сочетания типа “насильственная лоза” или “готическая слава”. “Мысль Винокура о том, что в стихотворном языке всякое сочетание слов в тенденции превращается в тесное фразеологическое единство, заслуживает отдельного рассмотрения” (Григорьев, 1991: 12). Обще-признанной заслугой Г.О.Винокура является то, что он четко определил предмет и задачи изучения стилей литературного языка в их историческом развитии в отличие от изучения стиля художественного произведения, индивидуального стиля (языка) писателя. Изучение стилей общелитературного языка он считал проблемой чисто лингвистической, вопросы же исследования стиля художественного произведения, а также языка и стиля писателя он относил к числу проблем литературоведения (см. Бархударов, 1959: 5–8).

Изучение истории русского литературного языка, разработка проблем языка и стиля художественной литературы, вопросов поэтического языка тесно связаны у Винокура с его увлеченностью пушкиноведением. “Г.О.Винокур принадлежит к замечательной плеяде советских ученых-пушкинистов, людей, страстно преданных своему делу, относящихся к Пушкину как к самому любимому и близкому человеку, гением которого они были покорены однажды и на всю жизнь” (Цейтлин, 1965: 31). Винокур изучал Пушкина преимущественно в филологическом плане, предполагающем в первую очередь раскрытие истории пушкинских текстов в связи с анализом стиля, метра и языка. Интерес к творчеству Пушкина и к самой его личности проходит красной нитью через всю жизнь Г.О.Винокура и находит свое выражение в ряде содержательных работ, которые в большинстве были переизданы после его смерти (Винокур, 1959, 1990, 1991).

Особое значение Винокур придавал изучению языково-стилистического мастерства А.С.Пушкина, рассматривая этот вопрос прежде всего в историческом плане. Основное внимание Винокур уделял тому, какую роль сыграл великий поэт в становлении норм русского литературного языка в XIX в., что он использовал из языка предшествующего периода и как он повлиял на дальнейшее развитие языковой культуры. Винокур специально подчеркивал, что “для того, чтобы оценить значение Пушкина для языковой культуры современности, нужно изучить язык Пушкина и с т о р и ч е с к и”

(Винокур, 1959: 189). Анализ языкового материала позволил сделать вывод о том, что “так называемая “простонародная” стихия русского языка представляла собой для Пушкина лишь основу литературного языка, но не исчерпывала его целиком и не поменяла его собой” (Винокур, 1959: 205). Изучение употребления слов и грамматических форм в языковой деятельности Пушкина продемонстрировало, что поэт “продуктивно ставил и разрешал спорные вопросы” организации русской литературной речи, мастерски синтезируя элементы книжной и разговорно-народной речи, собственно русские и заимствованные из других языков (там же: 206).

Высоко оценивается и многолетняя лексикографическая работа Г.О.Винокура в области современного русского языка. Он был членом авторского коллектива по составлению четырехтомного “Толкового словаря русского языка”, печатавшегося под редакцией Д.Н.Ушакова, и работал над ним с 1928 по 1940 г. (словарь был издан в 1935–1940 гг.). В 1941 г., работая в Институте языка и письменности АН СССР, Винокур участвовал в составлении и редактировании однотомного “Словаря русского языка” (основной исполнитель С.И.Ожегов), вышедшего в свет под редакцией С.П.Обнорского в 1949 г. и переизданного в последующие годы. Тогда же в Институте русского языка была создана под руководством Винокура Группа словаря языка Пушкина. При непосредственном участии Винокура был написан подробный “Проект Словаря языка Пушкина”, который и открывается его исследованием, посвященным проблемам словаря писателя (Винокур, 1949: 5–27). Здесь изложены принципы составления такого словаря, который, по убеждению Винокура, должен быть трудом строго лингвистическим и отражать факты языка, засвидетельствованные в произведениях данного писателя. Словарь прежде всего должен “служить пособием для углубленного научного изучения истории русского литературного языка в тех его фактах, которые отразились в текстах произведений Пушкина” (там же: 12–13).

Научная работа Г.О.Винокура была тесно связана с его педагогической деятельностью. Преподавать в высшей школе он начал с сентября 1930 г. доцентом Московского института иностранных языков, где проводил занятия по лексикологии. Вскоре его педагогическая работа стала регулярной: с 1933 г. в городском пединституте (МГПИ им. Потемкина), с 1936 г. (параллельно с

горпедом) в ИФЛИ, затем в МГУ (с 1948 г.) Винокур постоянно вел семинары, читал общие и специальные курсы, занимался с аспирантами до последних дней своей жизни.

В годы войны, после смерти Д.Н.Ушакова, Винокур возглавлял в университете кафедру русского языка, в руководстве которой он продолжал традиции московской лингвистической школы Буслаява-Фортулатова в ее отношении к науке, к ученым, к учащейся молодежи. После первых же занятий со студентами Винокур убедился, что преподавательская деятельность – это его призвание. Он был общительным, расположенным к людям человеком и считал своим моральным долгом не только учить, но и воспитывать своих студентов и аспирантов. Он был глубоко убежден и не уставал внушать своим ученикам, что ни хороший научный работник, ни настоящий педагог не получится из того, кто занимается только исследовательским трудом или всецело педагогической работой. Его аудитория всегда была переполнена, несмотря на то, что среди студентов-филологов языкознание слывет “скучным”, “сухим” предметом (см. Цейтлин, 1965: 71).

За время своей педагогической деятельности Винокур занимался со студентами всех курсов и читал самые различные языковедческие предметы: современный русский язык, историческую грамматику, историю русского литературного языка, диалектологию, палеографию, старославянский язык, общее языкознание, введение в изучение филологических наук. Курс истории русского литературного языка (или исторической стилистики, как называл его Винокур) был, несомненно, самым любимым предметом не только его научных занятий, но и преподавания. В 1943/44 и в 1945/46 уч. годах Винокур осуществил свою давнишнюю мечту – читал в МГУ и в МГПИ новый предмет под названием “Введение в изучение филологических наук”, созданный им специально для первокурсников. Винокур не только раскрывал начинающим филологам сущность избранной ими специальности, но и создавал образ ученого-филолога как человека глубоких и разносторонних знаний. Лекции Винокура были чужды внешних приемов занимательности и эффектов красноречия, они всегда были коллективным трудом профессора и студентов. Он умел мыслить в аудитории, заражать слушателей своей увлеченностью исследователя, будить их любознательность, вовлекать в творческий процесс.

Значительное место в педагогической деятельности Винокура занимала работа с аспирантами, которым он отдавал массу времени и сил, считая подготовку научной смены едва ли не самым важным своим делом. Он щедро делился со всеми не только своим временем, но и своими идеями, планами научных исследований, с особенной радостью воспринимал их успехи.

Григорий Осипович Винокур скончался 17 мая 1947 г., “скончался скоропостижно в возрасте 50 лет, не дописав своих книг, не дочитав лекций, не выполнив и половины задуманного. Последние его заметки – планы на будущее – помечены апрелем 1947 г. Эти планы принадлежат не только Григорию Осиповичу, они отражают поступательное развитие нашей науки, принадлежат науке и должны служить ей” (Цейтлин, 1965: 84).

Литература

- Бархударов С.Г.* Г.О.Винокур // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – С.3–8.
- Бельчиков Ю.А.* Проблема соотношения культуры и языка в научном наследии Г.О.Винокура // Язык. Культура. Гуманитарное знание. – М., 1999. – С.201–206.
- Булахов М.Г.* Винокур Григорий Осипович // Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды: Библиогр. слов. – Минск, 1977. – Т. 2: (А-К). – С.122–129.
- Винокур Г.О.* Культура языка. – М., 1929. – 336 с. (На обл. 1930).
- Винокур Г.О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Сборник статей по языковедению. – М., 1939. – С.3–54. – (Тр. Моск. ин-та истории, философии и лит.; Т. 5).
- Винокур Г.О.* Словарь языка Пушкина // Проект Словаря языка Пушкина. – М.; Л., 1949. – С.5–27.
- Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – 492 с.
- Винокур Г.О.* Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. – М., 1990. – 452 с.
- Винокур Г.О.* О языке художественной литературы. – М., 1991. – 448 с.
- Григорьев В.П.* Предисловие // Винокур Г.О. О языке художественной литературы. – М., 1991. – С.5–17.
- Крысин Л.П.* Вопросы социологии языка в работах Г.О.Винокура // Язык. Культура. Гуманитарное знание. – М., 1999. – С.206–211.
- Николаева Т.М.* Очерки по исторической стилистике и словообразованию. – Казань, 2000. – 148 с.

Цейтлин Р.М. Григорий Осипович Винокур (1896–1947). – М., 1965. – 93 с.
Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г.О.Винокура и современность. – М., 1999. – 488 с.

Основные работы Г.О.Винокура

- Винокур Г.О.* Культура языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1929. – 336 с. – На обл.: 1930.
- Винокур Г.О.* Маяковский – новатор языка. – М., 1943. – 136 с.
- Винокур Г.О.* Русское сценическое произношение. – М., 1948. – 84 с.
- Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – 492 с.
- Винокур Г.О.* Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. – М., 1990. – 452 с.
- Винокур Г.О.* О языке художественной литературы. – М., 1991. – 448 с.
- Толковый словарь русского языка / Сост. *Винокур Г.О.*; Под ред. Ушакова Д.Н. – М., 1934–1940.
- Библиографию работ *Г.О.Винокура* (1916–1988) см.: *Винокур Г.О.* Филологические исследования. – М., 1991. – С.405–416.

Литература о Г.О.Винокуре

- Бархударов С.Г.* Г.О.Винокур // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – С.3–8.
- Булахов М.Г.* Винокур Григорий Осипович // Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды: Библиогр. слов. – Минск, 1977. – С.122–129.
- Винокур Г.О.* Краткая литературная энциклопедия. – М., 1962. – Т.1. – С.980–981.
- Винокур Григорий Осипович* // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979. – С.43.
- Левин В.Д.* Григорий Осипович Винокур (1896–1947) // Рус. речь. – М., 1967. – № 3. – С.7–9.
- Памяти талантливого ученого и педагога* // Рус. яз. в шк. – М., 1947. – № 4. – С.73–74.
- Плотникова В.А.* Григорий Осипович Винокур (1896–1947) // Рус. речь. – М., 1981. – С.45–50.
- Цейтлин Р.М.* Григорий Осипович Винокур (1896–1947) – М., 1965. – 93 с.
- Цейтлин Р.М.* Лингвистические труды Г.О.Винокура и современное языкознание: (К 90-летию со дня рождения) // Вопр. языкознания. – М., 1986. – № 6. – С.11–22.

Е.О.Опарина

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ДУРНОВО

Николай Николаевич Дурново (23.X. (4.XI.) 1876 г. – 27.X. 1937 г.) – специалист в области славянского языкознания, истории и диалектологии восточнославянских языков, русской грамматики, древнерусской литературы, палеографии.

Н.Н.Дурново родился в деревне Парфенки Рузского уезда Московской губернии. Его отец – Н.Н.Дурново-старший – был известным церковным публицистом, писавшим о православии у славян и на христианском востоке, мать – Е.И.Вельменинова, которой принадлежала деревня Парфенки. Интересы отца и его библиотека оказали, как писал позже сам Дурново, большое влияние на выбор им специальности, а жизнь в имении развила интерес к диалектологии. В 1895 г. Дурново окончил 6-ю московскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где областями его занятий стали древнерусская литература и языкознание. Его учителями были М.И.Соколов и Ф.Ф.Фортунатов, которые стали его руководителями и в магистратуре при кафедре русской словесности. В это время (1899–1904) начинается активная научная деятельность Дурново. В 1900–1903 гг. он публикует в “Русском филологическом вестнике” первое свое монографическое исследование “Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии”, содержащее анализ отдельного говора как законченной системы и ее отличий от литературного русского языка. В 1901 г. Н.Н.Дурново вместе с другими учениками Фортунатова, среди которых Д.Н.Ушаков и

Н.Н. Соколов, организовал Кружок по изучению истории и диалектологии русского языка, который в 1903 г. был преобразован в Московскую диалектологическую комиссию при Отделении языка и словесности Академии наук. В 1903 г. Дурново опубликовал “Диалектологическую карту Калужской губернии” – первый результат его работы в Комиссии и первый опыт лингвистического картографирования. Трудami этой Комиссии, работа в которой в первое время велась на общественных началах, была, по существу, создана русская диалектология как научная дисциплина: составлялись программы для сбора данных о русских говорах, обследовались диалекты губерний Европейской части России, была произведена классификация восточнославянских диалектов и составлена диалектологическая карта русского языка в Европе (Живов, 2000).

В 1904 г., после сдачи магистерских экзаменов Дурново становится приват-доцентом Московского университета: он читает курс русской диалектологии, ведет занятия по современному русскому языку и древнерусской литературе. В это время Дурново, несмотря на успехи в научной деятельности, сталкивается со значительными материальными трудностями. Его нагрузка в университете была неполной, что вынуждало его преподавать еще и в двух частных гимназиях. В 1906 г., стараниями А.А. Шахматова, Дурново получил от Отделения русского языка и словесности стипендию в 900 руб., однако это не могло решить финансовой проблемы – об этом свидетельствуют и написанные в 1909–1910 гг. письма к Дурново его жены Екатерины Евгеньевны, дочери помещиков Рукиных (Сумникова, 1995).

Положение улучшилось лишь незначительно, когда в 1910 г. Дурново перешел в Харьковский университет, к тому же ему приходилось практически еженедельно ездить в Москву на заседания диалектологической комиссии. В 1915 г. Дурново возвращается в Москву, где становится заместителем Д.Н. Ушакова – председателя комиссии – и через год защищает магистерскую диссертацию “Материалы и исследования по старинной литературе. I. К истории Повести об Акире”. О том, как Н.Н. Дурново, человек довольно консервативных взглядов, пережил события 1917 г., практически не известно. Однако в 1918 г. он получил по конкурсу должность профессора во вновь открывшемся Саратовском университете и уехал с семьей в Саратов. В том же году он в Петроградском университете

защитил докторскую диссертацию, которой стало его исследование “Диалектологические разыскания в области великорусских говоров”.

Осенью 1920 г. в Поволжье начинается голод. Саратовский университет начинает распадаться, и Дурново вновь возвращается в Москву, где с трудом находит работу, да и то временную. “... По многим свидетельствам, Дурново был непрактичен и лишен всякой житейской цепкости, и в условиях большевистского режима ему от этого приходилось особенно тяжело. ... Вообще же тяжелые обстоятельства способствовали парадоксальным образом интенсивности ученого труда” (Живов, 2002: XI). Именно в это время, с 1921 по 1924 г., Дурново изучает восточнославянские рукописи XI–XII вв., издает “Очерк истории русского языка”, “Грамматический словарь”, “Повторительный курс грамматики русского языка”. В 1924 г. Дурново избирают членом-корреспондентом Академии наук, несмотря на консерватизм его взглядов.

Однако в том же году Н.Н. Дурново уезжает из России: ему удалось получить от Академии наук командировку в Чехословакию сроком на четыре месяца. Он уезжает, по его собственному признанию, сделанному в показаниях после ареста в 1933 г., с твердым намерением не возвращаться в Советскую Россию. Он называет две основные причины такого решения – неопределенность своего положения при отсутствии работы и отрицательное отношение к Советской власти (Ашнин, Алпатов, 1994). Но остаться в эмиграции Дурново не удалось. Во-первых, советское правительство отказало его семье в разрешении на выезд. Во-вторых, в Чехословакии также трудно было найти постоянную работу, которая могла бы стать источником существования: эта страна старалась помочь эмигрировавшей из России после 1917 г. интеллигенции, однако эмигрантов было слишком много.

В результате Дурново решает вернуться в Советский Союз, приняв предложение работать в Белоруссии. Его избирают академиком недавно созданной Белорусской академии наук, и в начале 1928 г. он переезжает в Минск, где получает работу в университете и в Институте белорусской культуры. Однако благополучие оказалось кратковременным: с начала 30-х годов наступил новый этап в жизни страны. “... Сталин начинает построение коммунистической империи, и национальные культуры, равно как и вся система гуманитарного образования и науки, должны

были вписаться в новую коммуно-имперскую парадигму. В национальной политике это означало прекращение того строительства автономных национальных культур, которое стимулировалось самими же большевиками в предшествующий период; тогда в противовес русской национальной традиции; перемена же политики воплощалась прежде всего в уничтожении основных деятелей, проводивших более ранние установки. В области науки и образования новая линия реализовалась в реформировании и полном подчинении партийному руководству старых институций, которые теперь должны были обслуживать культурную политику советской империи” (Живов, 2002: XIII). Начинается борьба с “буржуазными националистами”, вылившаяся в аресты в республиках; к этому же времени относятся процесс Промпартии, “дело историков”, аресты по делу Трудовой крестьянской партии. В этой ситуации Н.Н. Дурново исключают из Белорусской академии наук, и попытка выдвинуть его в академики на место, освободившееся после смерти А.И. Соболевского, заканчивается неудачей. В 1930 г. Академия уже подчинена власти: в ее устав вносятся изменения, в которых предусматриваются “нужды социалистической реконструкции”, “материалистическое мировоззрение” и возможность исключения из Академии тех членов, деятельность которых “направлена во вред Союзу ССР” (Живов, 2002: XIV).

С этого времени начинается самый трагический период жизни Н.Н. Дурново: в 1933 г. в терроре, раскрученном против деятелей науки, культуры и промышленности, очередь доходит до филологов. В конце 1933 г. Н.Н. Дурново и его старший сын А.Н. Дурново арестовываются; вскоре арестовали невесту А.Н. Дурново – племянницу Н.С. Трубецкого, Варвару, и ее отца В.С. Трубецкого. Начавшееся “дело славистов” ОГПУ связало с идейным течением евразийства, хотя Дурново, как и большинство арестованных, не имел отношения к евразийству и не разделял его идей. Подследственным было предъявлено обвинение в создании антисоветской организации – “Российской национальной партии” с целью насильственного свержения советской власти, а также в связи с зарубежными антисоветскими центрами. “Техника получения нужных показаний была хорошо отработана в предыдущих процессах, и Дурново начал давать показания уже 6 января 1934 г., назвав целый ряд имен; часть из них была, видимо, подсказана следователями”

(Живов, 2002: XVI). В своих показаниях, написанных на Соловках, куда его направили в заключение, Дурново отказался от сделанных на следствии признаний.

Помещенный на Соловках в “сторожевую” роту для инвалидов, Дурново пытался работать: он разбирал документы Соловецкого музея, писал сербскохорватскую грамматику и пытался переслать ее в Москву, и это при том, что здоровье его ухудшалось. В 1937 г. дела осужденных в предыдущий период политических заключенных пересматривались с целью ужесточения приговоров, и 9 октября 1937 г. Н.Н. Дурново был приговорен к расстрелу особой “тройкой” УНКВД. 27 октября приговор был приведен в исполнение. 5 января 1938 г. был расстрелян его сын Андрей Николаевич; в том же году арестован и расстрелян младший сын Евгений Николаевич (Ашнин, Алпатов, 1994).

Сам Н.Н. Дурново изложил свои политические взгляды в показаниях прокурору И.А. Акулову, приехавшему в 1934 г. в Соловецкую тюрьму. Отрицая все, что связано с существованием контрреволюционной организации и антисоветского заговора, он откровенно написал о своем отрицательном отношении к идее коммунизма и принудительного коллективизма. Однако он пишет и о своем резком неприятии фашизма, особенно тех форм, которые он принял в Германии. Но и капитализм с известными ему формами политического устройства – монархия, демократическая монархия, республика – вызывает у него скептицизм, и он признает, что не знает, возможен ли “третий”, приемлемый социальный строй (Ашнин, Алпатов, 1994: 109–110).

Не менее отрицательным было и отношение Н.Н. Дурново к политической программе евразийцев, особенно к их концепции идеократии, согласно которой в России и во всей Евразии должна была установиться диктатура одной партии и одной идеологии. О взглядах главы евразийцев, Н.С.Трубецкого, Дурново пишет: “Насколько его критика аристократического строя мне казалась меткой, настолько положительная часть его программы меня не удовлетворяла и производила на меня, как на ученого, дорожащего свободой мысли, жуткое впечатление” (цит. по: Живов, 2000: XVIII). Реальные примеры такого “нового порядка”, предлагавшегося евразийцами в качестве модели будущего общественного устройства, Дурново видит в современных ему Советском Союзе и Италии, и этот опыт уже был пережит им лично.

Показания Дурново, написанные им в Соловецкой тюрьме, интересны не только для восстановления реальных фактов, они также характеризуют его как человека. Дурново навряд ли мог забыть, что в обвинительном заключении одним из главных “обличающих” его свидетельств фигурирует его знакомство с Н.С. Трубецким и Р.О. Якобсоном, которые названы руководителями “заграничного фашистского центра”, по указаниям которого была создана “контрреволюционная организация “РНП” (Робинсон, Петровский, 1992: 74). Однако он не только не отказывается от своего знакомства и связей с этими людьми, но и подробно излагает их историю, а также дает им положительную оценку как ученым. Свои отношения с ними он называет дружескими, Трубецкого характеризует как “замечательного талантливого ученого”, Якобсона – как самого талантливого из своих учеников. Дурново упоминает о том, что именно Якобсон, работавший в Советском полпредстве, предложил ему в 1924 г. приехать в Чехословакию и помочь получить место работы и денежное пособие. Отмечает он и то, что Якобсон, хотя и не сочувствовал коммунизму, относился к своей работе в полпредстве добросовестно, расценивая внешнеполитические отношения “с точки зрения интересов Союза” (Робинсон, Петровский, 1992: 79). Датой своего знакомства с Трубецким Дурново называет 1915 или 1916 г., относя начало тесных контактов ко времени своего пребывания за границей. Он также признает, что участвовал в собраниях у академика М.Н. Сперанского и профессора Гр.А. Ильинского, где бывали разговоры не только на научные, но и на политические темы и при этом выражалось недовольство существующими порядками. Однако, подчеркивает Дурново, не было никакой организации, ставившей целью саботаж или свержение советской власти. Из этих показаний видно, что Н.Н. Дурново, который сформировался как человек и ученый до 1917 г., не считал инакомыслие преступлением и не понимал, что признание в нем само по себе обрекает его на преследование и гибель¹.

¹ Авторы, изучавшие “дело славистов” по материалам, хранящимся в архиве Министерства безопасности Российской Федерации, пишут о том, что эти материалы дают представление о размахе, с которым готовился политический процесс над гуманитарной интеллигенцией. Хотя первоначальный замысел не удался, по “делу” были осуждены на различные сроки 32 человека. “В результате всех манипуляций с составом “руководства РНП” в обвинительном заключении собственно по “делу”

Н.Н. Дурново – лингвист, обладавший своей концепцией языка, которая характеризовалась, в отличие от большинства современных ей концепций, стремлением интегрировать диахронный и синхронный подходы в системном исследовании самых разных языковых фактов и уровней.

“Дурново был в полной мере в курсе современного ему развития языкознания, хорошо понимал проблемы, обусловившие появление структурализма, и ни в малой степени не отрицал возможности структурных исследований. Однако Дурново обладал куда большим опытом конкретных диалектологических и историко-лингвистических исследований, чем молодые новаторы, слишком большим интересом к языковому узусу в его социальном и историческом варьировании, чтобы ограничить свои интересы исключительно “внутренним” изучением языка” (Живов, 2002: XX). Говоря о воззрениях Ф. де Соссюра и сторонников развивавшегося в 20-е годы структурализма, он подчеркивал, что не только синхроническое изучение языка может дать представление о нем как о системе: его историческое развитие также является проявлением системности. Более того, без исследований языковой диахронии познание языка как системы не будет полным. Языковые изменения, хотя они и могут казаться единичными и разрозненными явлениями, все же неизбежно связаны с системой и ею обусловлены: “Поэтому история языка является не наукой об отдельных сепаратных изменениях в языке, а наукой об изменении самого языка как системы и является в науке не менее важной частью, чем синхроническое изучение языка, поскольку они одинаково оперируют с языковой системой как целым” (Дурново, 1969: 10). Этот тезис был изложен в монографии “Введение в историю русского языка”, впервые изданной в г. Брно в 1927 г. Эта работа стала переработкой лекций, прочитанных им в Университете им. Масарика в качестве профессора-гостя в 1926 г. При всей важности исследования, например, грамматики языка в ее синхронии, статическая грамматика не объясняет тех явлений и фактов, которые обусловлены состоянием языка в предыдущие периоды его развития.

Продолжение сноски со с. 149

остались только Дурново и Ильинский” (Робинсон, Петровский, 1992: 74). – Прим. авт.

Так, статическая грамматика объясняет, почему многие существительные, сравнительно недавно заимствованные из иностранных языков, склоняются по образцу исконно русских существительных, но она не объясняет, чем вызвана сложность типов склонения существительных в современном русском языке или же сложность в образовании глагольных форм. Объяснение этим фактам может дать только история языка (Дурново, 2000). Принцип историзма использовался Дурново при исследовании развития русского языка от праславянского периода до современной стадии – исследования, требовавшего учета всех качественных изменений системы.

Вместе с тем Дурново, исследователь диалектов восточнославянских языков и славянских памятников, постоянно соотносит развитие системы языка с социально-историческими условиями его существования. Такой подход прослеживается при исследовании письменного языка, переходных диалектов (т.е. таких диалектов, в которых звуковые изменения, проведенные в качестве фонетического закона по всему данному говору, возникли под влиянием другого наречия, служившего образцом), как и при изучении единства общеславянского языка вплоть до эпохи падения редуцированных. Например, в работе “Опыт диалектологической карты русского языка в Европе”, написанной совместно с Соколовым и Ушаковым в 1915 г. в рамках работы Московской диалектологической комиссии (Дурново и др., 1915), отмечается, что возникновение переходных говоров возможно лишь при определенном – культурном, социальном, политическом – превосходстве одной части населения над другой, и потому оно, в данное время и в данном месте, происходит только в одном направлении – от наречия более развитого населения.

При исследовании исторического факта распространения единого старославянского литературного языка во всем славянском мире Дурново разделяет внутренние, языковые причины этого явления, и внешние, подчеркивая, что языковое единство поддерживалось во времена Кирилла и Мефодия достаточно сильными и глубокими объединительными тенденциями в области культуры (Дурново, 1931).

Стремление изучить системные связи разных сторон жизни языка – внутренней эволюции, социально-политических и культурных процессов, диалектного членения, религиозных традиций, соотношения литературной нормы и разговорного языка –

характеризует исследование Н.Н. Дурново древних восточно-славянских рукописей. Дурново начал изучать древние рукописи в 20-е годы и в течение нескольких лет проделал огромную работу, обследовав “большую часть рукописей московских рукописных собраний, которые можно относить к XI и первой половине XII в.” (цит: по: Живов, 2000: XXVII). Собранные данные были им обобщены в работе “Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка”, впервые опубликованной в 1924–1927 гг. и, вероятно, оставшейся незаконченной. На первом плане в этой статье вопросы восточнославянского развития, имеющие отношение к развитию книжного языка восточных славян, т.е. восточнославянского извода церковнославянского языка, как самостоятельного явления. Это такие направления исследования, как источники формирования орфографической нормы этого языка, ее отношение к южнославянским образцам и к разговорным диалектам. Другая проблема, которой он занимается в 20-е годы, – определение статуса церковнославянского как литературного языка и изучение его локальных изводов. Его работа на эту тему была опубликована в первом томе работ Пражского лингвистического кружка (Dugnovо, 1929). Этому кругу тем посвящена и работа “Славянское правописание X–XII вв.”, написанная несколько позже (Дурново, 1933).

Эту работу Дурново начинает с указания на две наиболее типичные, по его мнению, ошибки, допускаемые учеными при исследовании древних письменных памятников. Это игнорирование роли правописания и орфографических навыков писцов, с одной стороны, и принципиального различия между книжным языком и живыми говорами писцов – с другой. Ошибочно думать, подчеркивает Дурново, что писцы стремились к передаче своего личного произношения, но также не стоит полагать, что грамотные писцы стремились к точной передаче оригиналов. В этом автор убедился при анализе рукописей, списанных одним писцом с разных оригиналов и, наоборот, разными писцами с одного оригинала. Принципом, которым они руководствовались, было следование нормам книжного языка и правописания. Такие нормы общего литературного языка славян выработались довольно рано. И хотя они не были так строго кодифицированы и единообразны, как нормы современных литературных языков Европы, все же в большей части рукописей X–XII вв. эти нормы легко отделяются от отклонений,

вызванных недостаточной грамотностью или невнимательностью писцов. В этой работе Дурново анализирует преимущественно звуковую сторону литературного старославянского языка, выявляя общие черты и различия, вызванные влиянием живых говоров и зафиксированные в различных способах передачи родственных слов или их формальных частей. Старославянский язык, представлявший сначала литературное оформление одного из македонских говоров, приспособлялся к местному живому произношению, и таким образом создавались местные варианты церковнославянского, различавшиеся по произношению. Это приспособление проявлялось прежде всего в устранении звуков, не согласовывавшихся с фонологической системой местного диалекта. Звуки и звукосочетания, не вписывавшиеся в систему местного диалекта, заменялись их коррелятами — теми звуками и звукосочетаниями, которые носители диалекта находили в соответствующих словах своего диалекта. Так, общеславянским *tj и *dj в чешском варианте старославянского языка соответствуют ц и z, в болгарском — шт и жд, в русском — ш и ж. На различия между правописанием писцов, происходивших из одной области, могли влиять замены одних норм другими и ориентация на разные нормы. Например, в Новгороде одни писцы брали за образец киевские нормы, другие — выработанные в самом Новгороде. Однако необходимо учитывать и различие книжного и некнижного произношений: адаптация старославянского языка к местным условиям ориентировалась на местное литературное, а не на живое диалектное произношение. Таким образом, местный литературный диалект с его орфоэпическими нормами был опосредующим звеном между церковнославянским языком и новым правописанием. В целом изменения в правописании были более медленными, чем адаптация на орфоэпическом уровне: традиционные написания, восходящие к старославянским оригиналам, постепенно уступали место новым, ориентированным на местное книжное произношение. Так создавалась и орфографическая норма восточнославянского извода старославянского языка.

“Изучение правописания древних рукописей привело Дурново к новому осмыслению проблем литературного (книжного) языка. В литературном языке системность реализуется иным образом, чем в языке живом, она осуществляется как норма, и именно динамика нормы

должна изучаться историками литературного языка. ... Дурново, кажется, рассматривает этот процесс как равнодействующую, складывающуюся из опосредованного воздействия развития живого языка и культурно-языковой традиции” (Живов, 2002: XXXI–XXXII).

Особая сторона этой проблематики – характеристика старославянского как литературного языка и исследование его дифференциации в локальных изводах, развившихся впоследствии в литературные славянские языки. В статье “Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов” (1931) Дурново указывает на ряд причин, приведших к ошибочной, по его мнению, тенденции – отождествлять старославянский литературный язык, начало которому положили Кирилл и Мефодий (IX в.) своими переводами, с его болгарским литературным вариантом или с языком Кирилла и Мефодия. Эти причины следующие. Во-первых, “...говор, для которого была составлена азбука и который лег в основу ст.-сл. литературного языка, был современным Кириллу говором славянского населения окрестностей Солуни и принадлежал к той группе македонских говоров, потомками которой являются нынешние западно-македонские говоры, начиная от самой Солуни” (Дурново, 2000: 587). Во-вторых, старославянский язык оказался достаточно полно представлен только памятниками болгарской редакции – болгарскими, македонскими, сербскими и русскими, в то время как письменные свидетельства второго из главных вариантов этого языка – чешско-моравского – немногочисленны. Кроме того, новые переводы и новые редакции старых переводов, делавшиеся после смерти Кирилла и Мефодия его учениками при дворе Симеона Болгарского, ориентировались на болгарское правописание.

В действительности старославянский язык, обладавший известными нормами, которым стремились следовать писатели, переводчики и писцы, существовал в двух главных вариантах, различие между которыми прослеживается в работе Дурново по правописанию. “Со своей азбукой и начатым переводом Евангелия Кирилл должен был идти в Моравию, где речь местного населения была несколько иная. Особенности местного говора не могли не отразиться на текстах, переписанных и, тем более, переведенных в Моравии и Паннонии, и с течением времени привели к созданию чешско-моравского варианта ст.-сл. языка, в котором некоторые

чешско-моравские черты проявились уже с полной последовательностью” (Дурново, 2000: 587).

Старославянский язык пережил эволюцию, и Дурново убежден, что ее надо изучать системно – от общеславянского и старославянского к среднему церковнославянскому в его различных диалектах и к самостоятельному развитию отдельных славянских языков.

Вопрос о времени распада общеславянского языка Дурново рассматривает с точки зрения отношения произошедших инноваций к звуковой системе языка. После падения редуцированных развиваются инновации, невозможные в рамках единой системы и, следовательно, свидетельствующие о полном разрыве между диалектами. В статье “К вопросу о времени распада общеславянского языка”, прочитанной в качестве доклада на съезде филологов-славистов в Праге в 1929 г., Дурново высказывает мнение (подобного мнения придерживался и Н.С. Трубецкой), что коренная перестройка звуковой системы была вызвана утратой *ъ* и *ь* в слабом положении и их трансформацией в гласные полного образования в сильном положении (середина X в.). Учитывая, что эта перестройка шла в славянских диалектах неравномерно, Дурново утверждает, что эпохой распада общеславянского языка можно считать весь тот период, в течение которого эти изменения, вызванные падением глухих, происходили. Интересно, что в этот период (X–XI вв.) у славян сильны объединительные тенденции в областях культуры и политики. Так, в IX в. была создана держава Святополка Моравского, объединившая значительную часть западных и часть южных славян, в X в. – держава Святослава Русского со столицей в Преславе, объединившая русских славян и болгар. Именно в это время старославянский был широко распространен как литературный язык всего славянского мира. Все эти условия способствовали бы сохранению единства общеславянского разговорного языка, если бы оно в то время еще существовало (Дурново, 1931; Дурново, 2000: 524–637).

В.М. Живов отмечает, что труды Н.Н. Дурново по истории славянских языков не восприняты в полной мере славянской филологией, хотя для определенного круга специалистов они стали основой всей дальнейшей работы: “Отчасти это связано с цензурой в науке сталинского периода: на Дурново не ссылались, а часто в силу этого и не читали. Отчасти, однако же, это объясняется именно тем,

что статьи Дурново разбросаны по разным, порою труднодоступным, изданиям...” (Живов, 2000: XXXV).

Диалектологические труды Дурново оказались освоенными полнее: они легли в основу практически всех последующих разработок в области восточнославянской диалектологии. Ему принадлежит огромная роль в сборе, обработке и систематизации материалов, созданных Московской диалектологической комиссией. Как упоминалось выше, Дурново с самого начала своей научной и педагогической деятельности занимался изучением говоров Подмоскovie и других регионов России (Владимирской, Вологодской, Калужской, Курской, С.-Петербургской, Пермской, Псковской, Тамбовской, Новгородской, Смоленской и ряда других губерний). Результаты своих исследований он публиковал во многих заметках, статьях и отчетах о диалектологических экспедициях. Его работы, написанные совместно с Д.Н. Ушаковым и Н.Н. Соколовым, стали началом целенаправленных исследований с целью создания лингвистического атласа русского языка (Дурново и др., 1914; 1915б). Совместно с Д.Н. Ушаковым разрабатывались им вопросы транскрипции, необходимой для совершенствования системы записей живой речи в диалектологических исследованиях, а также написано пособие для преподавания русской диалектологии (Дурново, Ушаков, 1910). Эти попытки картографирования живой народной речи и выработка теоретических оснований для ее исследования, сделанные в начале XX в., имеют большое значение для последующих успехов лингвогеографии и диалектологии в нашей стране (Булахов, 1977).

В свою монографию “Введение в историю русского языка” Дурново включил особую главу “Нынешние русские наречия и говоры”, в которой расширил и уточнил выводы и наблюдения картографических исследований Московской диалектологической комиссии. В этом разделе дано подробное и систематическое изложение фонетических и морфологических особенностей восточнославянских языков и их диалектов, в том числе и продуктивных (живых) черт, объединяющих в настоящее время эти языки. Дурново называет их русскими языками, или русской языковой группой, относя к этой группе великорусский, белорусский и малорусский, или украинский, языки. “Русские языки, ... кроме общего имени, сохранили в своей фонетике, грамматическом строе и словаре ряд общих черт, свидетельствующих о том, что они некогда, уже по

распадении о.-сл. языка, составляли один язык, хотя некоторые крупные различия между ними возникли еще в о.-сл. эпоху” (Дурново, 1969: 124). В начале 30-х годов, когда начались преследования по политическим и идеологическим мотивам, Дурново обвиняли в великорусском шовинизме на том основании, что он трактовал белорусский язык как наречие русского языка. Крамольным было, конечно, и то, что он “заявлял, что марксизм не имеет и не может иметь никакого отношения к теории языка” (цит. по: Робинсон, Петровский, 1992: 72).

Ряд особенностей, объединяющих все наречия восточнославянской группы языков, которую Дурново называет русской, в то же время отличают эти языки от всех других славянских языков. Например, такие фонетические характеристики, как разноместное ударение, не прикрепленное ни к слогам, ни к морфологическим частям слов, существование соотносительных категорий твердых и мягких согласных и ряд других особенностей, отличают рассматриваемые языки от наиболее близких им по звуковому строю польского и болгарского языков. Некоторые морфологические особенности, такие как сохранение полной системы склонения и существование только одной формы прошедшего времени (отсутствие аориста и имперфекта), не повторяются в других славянских языках.

Вместе с тем, во введении к этой же работе, говоря о современных литературных языках, Дурново называет их принятыми в настоящее время названиями – русский, украинский, белорусский (упомяная и о попытках создания карпаторусского литературного языка) и в кратком очерке истории их возникновения и развития признает, что каждый из этих языков имеет свою, непохожую на другие, историю. Из этого очерка видно, насколько несправедливы обвинения Н.Н. Дурново в великорусском шовинизме. Так, говоря о развитии украинского литературного языка, он признает, что его успешное развитие на основе элементов живой народной речи задерживалось преследованием этого языка как письменного в России, где в 1876 г. был издан циркуляр, запрещавший печатание украинских книг с использованием правописания, изобретенного Кулишем. Такая запретительная политика российского правительства привела к росту литературы и науки на украинском языке в Галичине и к превращению г. Львова в центр украинской культуры,

где эти тенденции поддерживались австрийским правительством. Вместе с тем такая ситуация привела к вхождению в литературный украинский язык множества элементов, несвойственных живой украинской речи, – польских и, отчасти, немецких. Однако ученый выступает и против крайностей борьбы с “чуждыми” элементами в украинском литературном языке после революции, когда этот язык стал государственным, против стремления пуристов изгнать из него польские, церковнославянские и даже общерусские элементы, в том числе и в тех случаях, когда народная украинская речь не располагала своими средствами для выражения соответствующих понятий (Дурново, 1969).

В той же монографии Дурново приводит перечень письменных памятников русского языка с краткой характеристикой каждого их вида – надписей, рукописей, печатных книг и грамот – с указанием мест их хранения; приводится также обзор древнерусских переводов и оригинальных сочинений. Исследованию рукописей, в основном из московских собраний, посвящена работа “Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка”, впервые опубликованная в 1924–1927 гг. Эта работа имела большое значение для славистики и славянской палеографии: в ней впервые в целях изучения фонетики и морфологии старославянского языка привлекаются русские рукописи, восходящие к южнославянской орфографической традиции. Ранее выводы об этих сторонах старославянского делались почти исключительно на материале рукописей, написанных в южнославянском регионе, число которых слишком незначительно, чтобы судить об эволюции старославянского. Дурново считает, что русские рукописи позволяют судить не только о тех изменениях, которые претерпел старославянский язык на русской почве: “... искажения, ... внесенные русскими писцами XI и нач. XII вв., очень незначительны. Поэтому русские рукописи, восходящие к ю.-сл. орфографической традиции первой половины XI в., имеют большое значение, помогая судить и о самом ст.-сл. языке, и об эволюции его у южных славян в X и XII вв. с большей ясностью, чем это можно сделать, пользуясь памятниками только ю.-сл. письма” (Дурново, 2000: 392). Некоторые конкретные проблемы эволюции языка и орфографии были поставлены в этой работе впервые, например, об условиях различения е и н и о характере неразличения ѣ и е в славянской письменности (Живов, 2000).

Примером системного исследования языка, включающего его историю и современное состояние, является монография Дурново “Очерк истории русского языка” (Дурново, 1924; Дурново, 2000: 1–337). Эта работа содержит историю звукового строя и морфологии трех восточнославянских языков – русского, белорусского и украинского. В обширном введении, предшествующем основным разделам, даются характеристика современного русского языка и очерк русской диалектологии.

Во введении, излагая свое видение задач научного изучения языка, Дурново отстаивает права исторического подхода, необходимого, по его убеждению, для понимания связи между явлениями и фактами языка даже в том случае, когда предметом исследования является его современное состояние: многие языковые явления объясняются только с привлечением исторического подхода. Другая важная причина состоит в том, что ни один живой язык не существует вне развития. Изменения происходят непрерывно и затрагивают все уровни языка, хотя и с разной быстротой. При этом изменения могут касаться всего языка и всех говорящих на нем, но могут распространяться лишь на часть общества или на часть территории этого языка. Такие изменения Дурново называет “диалектическими от слова “диалект” (с греческого), т.е. наречие или говор” (Дурново, 2000: 15). К такому роду изменений Дурново относит не только областные, но и классовые, “когда они возникают в одном классе общества, не распространяясь на другой; такими изменениями, например, вызываются различия между языком горожан и сельского населения или между языком представителей разных профессий” (Дурново, 2000: 15). Дурново отмечает, что языка, который был бы совершенно одинаков во всех своих частях у всех говорящих на нем, практически не существует. Любой живой язык всегда представляет собой совокупность нескольких наречий и говоров. Под говорами понимаются самые мелкие подразделения языка – языки небольших групп, отличающиеся друг от друга незначительными особенностями; под наречиями – совокупность близких между собой говоров, объединенных и отличающихся от других более крупными особенностями. Дурново называет два важнейших критерия сохранения единства языка: различия, происходящие в отдельных наречиях и говорах, должны осознаваться говорящими как видеоизменения внутри одного общего языка; в этом языке и в данный

момент (или в определенный момент в прошлом, если речь идет о прошлом состоянии языка) должны возникать новые явления, общие всем его наречиям и говорам. Если все новые явления возникают независимо друг от друга и развиваются вполне самостоятельно, это свидетельствует о распадении единого языка. В истории языков могут происходить два противоположных процесса: наряду с распадением языков идет их сближение и слияние.

Дурново подчеркивает, что сведения о прошлых стадиях языка и об относительной хронологии языковых явлений и фактов извлекаются не только из письменных памятников, но и из речи. Он выделяет четыре основных способа изучения диахронии языка по данным современной речи: 1) изучение фактов живого языка безотносительно к диалектным различиям; 2) сравнительное изучение существующих наречий и говоров; 3) сравнение изучаемого языка с родственными ему языками; 4) сопоставительное исследование этого языка с неродственными соседними языками и с теми языками, носители которых находились в соприкосновении с народом, говорящим на этом языке. На конкретных примерах из истории русского языка Дурново демонстрирует методологическую важность каждого из этих принципов. Например, сравнение современных великорусских говоров, в которых существуют два различных звука [ц] и [ч] (главным образом ю.-рус. говоры), с теми, в которых существует только один из этих звуков (значительная часть сев.-рус. говоров), показывает, что первый, южнорусский вариант дает картину более ранней стадии и что два звука совпали впоследствии на части территории распространения великорусских говоров. Это так, потому что в южных говорах [ц] и [ч] появляются в одинаковых звуковых условиях и в словах, в значении и употреблении которых нет ничего, что системно противопоставляло бы единицы со звуком [ц] единицам со звуком [ч]. Поэтому, делает вывод Дурново, маловероятно, чтобы такое различие, фонематическое по своему характеру, развилось из одного звука. Относительная хронология совпадения в севернорусских говорах [ц] и [ч] в одном звуке устанавливается по следующим умозаключениям: со времени возвышения Москвы, т.е. начала великорусского периода, эти говоры не были в условиях, которые способствовали бы их обособлению от других великорусских говоров. Следовательно, это явление должно относиться к эпохе до возвышения Москвы и до

начала великорусского периода, когда говоры, в которых [ц] и [ч] совпали в один звук, были обособлены от тех, в которых различие этих звуков сохранилось. Подобно этому, черты, объединяющие все великорусские говоры и противопоставляющие их украинским и белорусским особенностям, возникли, как подтверждается и другими данными, в период, начавшийся с расширением Московского государства в XIV в., когда великорусские говоры были уже ближе друг к другу, чем к другим русским говорам.

Изучение заимствований из родственных и неродственных языков не только позволяет судить о влияниях, которые испытывал язык, но и дополняет наши сведения о явлениях диахронии и их хронологии. Так, древнерусские слова колбяг и шляг, заимствованные из скандинавского *kylfingr* и *skilling*, свидетельствуют о том, что в русском языке в то время еще были носовые гласные и что они не могли быть в положении перед согласными: скандинавское *in* перешло в русском в носовую гласную, которая затем, как и такая же гласная в незаимствованных словах, изменилась в [а]. Что же касается заимствований из скандинавского, сделанных позднее, уже после утраты русским языком носовых гласных, то в них *in* перед согласными переходило в виде [ин]. Известны два варианта заимствования скандинавского имени: одно, перешедшее в форму Игорь, было более ранним и прошло трансформацию, описанную выше – потерю носового гласного, в то время как зафиксировано и более позднее заимствование в форме Ингвар.

Дурново отмечает, что только тщательное изучение живого языка во всем его разнообразии позволяет составить представление о законах его развития, “поэтому исследователь языка прежде всего должен выработать в себе умение наблюдать факты живого языка” (Дурново, 2000: 34).

В работах Н.Н.Дурново также нашли освещение вопросы украинского и белорусского языкознания (Дурново, 1925–1926а; Дурново, 1929). Для истории восточнославянской филологии большое значение имеют и написанные Дурново статьи о научных заслугах языковедов, очерки деятельности научных обществ, некрологи ученых, многочисленные рецензии на работы (Дурново, 1907; Дурново, 1925–1926б).

Дурново был ученым, открытым для новых идей, и усваивал их плодотворно, но и критически. Как отмечалось выше, он хорошо

понимал проблемы, обусловившие появление структурализма, и ни в коей мере не отрицал возможности структурных исследований в филологии. Однако от сторонников развивавшегося в 20-е годы структурализма его отличал интерес к социальным и историческим условиям жизни языка и его варьирования, что не позволило ему ограничить свои исследования сугубо “внутренней” стороной языка. “Для лингвистов Пражского лингвистического кружка Н.Н. Дурново был старшим коллегой, принадлежавшим скорее поколению их учителей, и, поскольку структурализм в свои юные годы был воинственен, пражцы с этим поколением воевали. ... Знаменательно, что Дурново в число этих врагов не входил. Напротив, он был одним из главных собеседников пионеров структурализма, одновременно восприимчивым и критически вдумчивым” (Живов, 2000: XIX). Дурново не был членом Пражского лингвистического кружка, но он стал автором одной из частей Пражских тезисов (Keipert, 1999).

Вклад Н.Н. Дурново в развитие славянской филологии бесспорен – его работы, идеи, разработанные им методы исследований принадлежат к значительным достижениям славистики. Им были созданы методологические основы лингвистического анализа письменных памятников, сохраняющие свое значение и сегодня, так же как и основы восточнославянской диалектологии создавались при его активном участии. Дурново принадлежит около 190 работ, опубликованных в отечественных и зарубежных изданиях (Булахов, 1976).

Литература

- Ашин Ф.Д., Алпатов В.М. “Дело славистов”: 30-е годы. – М., 1994. – 285 с.
- Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды: Биобиблиогр. словарь. – Минск, 1976. – Т. 1. – С. 185–192.
- Живов В.М. Н.Н. Дурново и его идеи в области славянского исторического языкознания // Дурново Н.Н. Избранные работы по истории русского языка. – М., 2000. – С. VII–XXXVI.
- Робинсон М.А., Петровский Л.П. Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой: Проблема евразийства в контексте “дела славистов” (По материалам ОГПУ – НКВД) // Славяноведение. – М., 1992. – № 4. – С. 68–82.
- Keipert H. Die Kirschenslavisch-These des Cercle linguistique de Prague // Festschrift für Klaus Trost zum 65. Geburtstag. – München, 1999. – S. 123–133.

Основные работы Н.Н. Дурново

- Дурново Н.Н.* Описание говора деревни Парфенок Рузского у. Московской губ. // Русский филологический вестник. – М., 1900–1903. – Т. 44/50.
- Дурново Н.Н.* Матвей Иванович Соколов (Некролог) // Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1906 г. – М., 1907. – Ч. 1. – С. 395–412.
- Дурново Н.Н., Ушаков Д.Н.* Хрестоматия по великорусской диалектологии. – М., 1910. – 8, 215с.
- Дурново Н.Н.* Краткий очерк русской диалектологии. – Харьков, 1914. – 56 с.
- Дурново Н.Н.* Материалы и исследования по старинной литературе – М., 1915. – 1. К истории повести об Акире. – 131 с.
- Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н.* Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. – М., 1915б. – 6, 132 с.
- Дурново Н.Н.* Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. – Тип. Шамординской женской пустыни, 1918.
- Дурново Н.Н.* Очерк истории русского языка. – М.; Л., 1924. – 376 с.
- Дурново Н.Н.* Русские рукописи XI–XII вв. как памятники старославянского языка // Южнославен. филолог. – Београд, 1924–1927. – Кнъ 4-6.
- Дурново Н.Н.* К украинской диалектологии // Slavia. – Pr., 1925–1926а. – С. 149–160.
- Дурново Н.Н.* Общее и славянское языковедение в России с 1914 по 1925 год // Южнославен. филолог. – Београд, 1925–1926б. – Кнъ 5. – С. 240–297.
- Дурново Н.Н.* Дыялекталагічная паездка ў Падкарпацкую Русь улетку 1925 г. // Зап. Аддз. гуманіт. навук Інбелкульты. – Мінск, 1928. – Кн.2. – С. 220–229 с.
- Дурново Н.Н.* Увагі да беларускай фанетыкі // Зап. Аддз. гуманіт. навук Беларускай Акадэміі навук. Працы класа філалогіі. – Мінск, 1929. – Т. 2. – С. 68–72.
- Дурново Н.Н.* Академик Алексей Иванович Соболевский (Некролог) // Slavia. – Pr., 1930. – Roč. 8, s. 4. – С. 831–839.
- Дурново Н.Н.* К вопросу о времени распада общеславянского языка // Zborník prací I. Sjezdu slovanských filologů v Praze, 1929. – Pr., 1931. – С. 514–526.
- Дурново Н.Н.* Славянское правописание X–XII вв. // Slavia. – Pr., 1933. – Roč. 12, s. 1/2. – С. 45–82.
- Дурново Н.Н.* Введение в историю русского языка. – М., 1969. – 295 с.
- Дурново Н.Н.* Избранные работы по истории русского языка. – М., 2000. – XXXVI, 780 с.

Durnovo N.N. Sur la probl me du vieux-slave // M langes au d di s linguistiques Premier Congr s des philologues slaves. – Prague, 1929. – P. 139–145.

Основная литература о Н.Н.Дурново

- Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* Николай Николаевич Дурново // Известия Академии наук. Сер. лит. и яз. – М., 1993. – Т. 52, № 4. – С. 54–68.
- Перченко Ф.Ф.* Академия наук на “великом переломе” // Звенья: Историч. альманах. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 163–235.
- Сумникова Т.А.* Николай Николаевич Дурново: (Штрихи к портрету) // Известия Академии наук. Сер. лит. и яз. – М., 1995. – Т. 54, №5. – С. 73–82.
- Никитин О.В.* Жизнь и труды Николая Николаевича Дурново // Моск. журн. – М., 2001. – № 9. С. 17–22.
- Никитин О.В.* Штрихи к лингвистическому портрету Н.Н.Дурново: К 125-летию со дня рождения // Рус. яз. в шк. – М., 2001. – № 4. – С. 93–96.

С.А.Ромашко

ВИКТОР МАКСИМОВИЧ ЖИРМУНСКИЙ

Виктор Максимович Жирмунский (2 августа (21 июля) 1891 г. – 31 января 1971 г.) родился в Санкт-Петербурге в семье врача. Он закончил Тенишевское училище, одно из наиболее престижных средних учебных заведений того времени, и в 1908 г. поступил в Петербургский университет, сначала на юридический факультет, но вскоре перешел на историко-филологический. Там он учился на романо-германском отделении, которое возглавлял ученик А.Н.Веселовского германист Ф.А.Браун (1862-1942)¹. Под его руководством Жирмунский, увлеченный в тот момент поэзией символизма, занимается литературным и идейным наследием романтизма, прежде всего немецкого. Именно немецким романтикам были посвящены его первые большие работы: “Немецкий романтизм и современная мистика” (Жирмунский, 1914) и “Религиозное отречение в истории романтизма” (Жирмунский, 1918)². Параллельно Жирмунский занимался в Пушкинском семинаре С.А.Венгерова.

В 1912 г. Жирмунский закончил учебу и был оставлен в университете “для подготовки к профессорскому званию”. В ходе

¹ По словам Жирмунского, “основатель германской филологии в нашей стране”; Жирмунский характеризует Ф.А.Брауна как последователя Г.Пауля, работавшего главным образом “на стыке лингвистики и истории” (Жирмунский, 1976, с. 7).

² Подробнее о ранних литературоведческих работах Жирмунского см. Михайлов Ал.В. Ранние книги В.М.Жирмунского (Язык, литература, эпос 2001, с. 312–318).

этой подготовки он стажировался в 1912–1913 гг. в немецких университетах (Лейпциг, Берлин, Мюнхен), где имел возможность прослушать лекции Германа Пауля (1846–1921) и Эдуарда Зиверса (1850–1932). Помимо филологических курсов он посещал также занятия философа Георга Зиммеля (1858–1918) и одного из наиболее видных представителей эстетики того времени Иоганнеса Фолькельта (1848–1930). В 1915 г. Жирмунский начинает преподавательскую деятельность в Петербургском университете в должности приват-доцента. После кратковременного пребывания в Саратове (1917–1919), где он возглавлял кафедру романо-германской филологии в недавно открытом университете, ученый возвращается в Петроград, где с 1919 г. ведет преподавание как профессор кафедры германской филологии. В это время его интересы в основном сосредоточены на проблемах истории литературы и теоретической поэтики, которыми он занимался в том числе и в Государственном институте истории искусств, где он заведовал Разрядом словесных искусств. Он же был редактором выходившего в институте сборника “Поэтика”. С институтом было связано начало научной и преподавательской деятельности таких ученых, как Б.М.Эйхенбаум (1886–1959), Б.В.Томашевский (1890), В.В.Виноградов (1894/95–1969), Б.А.Ларин (1893–1964). Участвуя в дискуссиях о принципах изучения поэтических текстов, поднятых представителями ОПОЯЗа и Московского лингвистического кружка, Жирмунский публикует ряд общих работ по поэтике: “Задачи поэтики” (1919), “Композиция лирических стихотворений” (1921), “Рифма, ее история и теория” (1923), “Введение в метрику” (1925). В то же время он продолжает работу в области истории литературы: существенным вкладом в становление сравнительного литературоведения стала его монография “Байрон и Пушкин” (1924).

Хотя в диалоге с “формальной школой” в литературоведении Жирмунский занимал достаточно умеренные позиции, указывая, что формальный подход не исчерпывает всех задач изучения литературного текста, в ходе последовавших во второй половине 20-х годов идеологических проработок его также порой причисляли к “формалистам”. Не без влияния этих внешних обстоятельств интересы ученого все больше смещаются в область языкознания. В середине 20-х годов Жирмунский начал изучение языка и фольклора немцев, проживавших на территории СССР. В связи с этим он был

командирован в Германию, в Бонн и Марбург, где получил возможность ознакомиться с деятельностью представителей немецкой лингвистической географии Теодора Фрингса (1886–1968) и Фердинанда Вреде (1863–1934).

В 1934 г. Жирмунский получает приглашение в Институт языка и мышления, основанный Н.Я.Марром, где работает над проблемами социологии языка, а в дальнейшем – исторической типологии. В 1935 г. Жирмунский начинает также работать в Институте литературы Академии наук СССР (в настоящее время – Институт русской литературы), возглавив Западный отдел. Он публикует первый обобщающий труд по истории немецкого языка (Жирмунский, 1938), переиздававшийся на протяжении десятилетий 4 раза. В 1939 г. Жирмунского избирают членом-корреспондентом Академии наук.

Осенью 1941 г. Жирмунского эвакуируют из блокированного Ленинграда, и до осени 1944 г. он работает в научных и учебных учреждениях Ташкента. В круг его научных занятий входит тюркология, в особенности тюркский фольклор, а в связи с этим возрождается давний интерес ученого к проблемам сравнительного изучения эпоса.

Жизненные обстоятельства 30-40-х годов были у Жирмунского непростыми не только из-за событий военного времени. В 30-е годы его неоднократно арестовывали органы НКВД (занятий языком советских немцев было достаточно, чтобы быть подозреваемым в шпионаже в пользу Германии), а в 1949 г. в ходе кампании по “борьбе с космополитизмом” он был уволен из университета и потерял работу в Институте литературы. К преподавательской работе Жирмунский смог вернуться только в середине 50-х годов. Оставаясь членом-корреспондентом Академии наук, он становится в 1950 г. научным сотрудником вновь созданного после “лингвистической дискуссии 1950 г.” Института языкознания АН. С 1957 г. и до конца жизни он возглавлял сектор индоевропейских языков Ленинградского отделения института. В 1965 г. Жирмунский становится действительным членом Академии наук СССР.

В 50-60-е годы Жирмунский активно работает в области германистики и общего языкознания. В это время он подводит итоги своим диалектологическим изысканиям, публикуя фундаментальный труд “Немецкая диалектология” (Жирмунский, 1956). Продолжается его работа над проблемами исторического и сравнительно-

исторического изучения германских языков (см., в частности, Жирмунский, 1964). В то же время достаточно ясно обозначается его интерес к проблемам общей грамматической теории (проблемы аналитизма, проблема частей речи, слова как единицы языка).

С изменением в послесталинский период общей обстановки в стране Жирмунский вновь возвращается к литературоведческим изысканиям, в том числе и к проблемам теории стиха, поэтической речи. В 60-е годы он пишет работы об А.Блоке и А.Ахматовой. В 60-е годы ученый занимался подведением итогов своей деятельности и готовил к изданию избранные труды, которые увидели свет уже после его смерти¹.

Научная деятельность В.М.Жирмунского получила признание во многих странах. Он был почетным доктором ряда европейских университетов, членом национальных академий, национальных и международных научных обществ.

В.М.Жирмунский вошел в науку в период, когда филология не только в России, но и в Европе в целом переживала серьезный кризис. Ученый характеризует состояние своих сверстников в то время как “неудовлетворенность академической наукой” (Жирмунский, 1976, с. 7). Критический, “диссидентский” настрой выражался в отторжении младограмматической концепции и поиске новых методов и областей исследования. Среди крупных лингвистов, в творчестве которых молодой исследователь черпал новые идеи, были в первую очередь И.А.Бодуэн де Куртене в России и Г.Шухардт (1842–1927) и К.Фосслер (1872–1949) – в Западной Европе. Жирмунский, как и многие другие ученые его поколения, стремился двигаться самостоятельным путем, а потому и свою работу в лингвистике начинал также с “нестандартных” областей. Сначала это была теория поэтического языка, которой ученый посвятил ряд работ в первой половине 20-х годов (см.: Жирмунский, 1921; Жирмунский, 1925 и итоговый сборник того периода: Жирмунский, 1928). Обращение к языку художественной литературы было связано со

¹ В серии избранных трудов В.М.Жирмунского было издано семь томов, охватывающих практически все основные направления деятельности ученого (см. Жирмунский, 1974; Жирмунский, 1976; Жирмунский, 1977; Жирмунский, 1978; Жирмунский, 1979; Жирмунский, 1981; Жирмунский, 1981a). Помимо этой серии были изданы также его работы по истории немецкой литературы (Жирмунский, 1972) и работы по теории стиха (Жирмунский, 1975).

стремлением нащупать такие моменты существования языка, которые до того оставались, как правило, вне поля зрения филологической науки: его творческую природу, функциональные характеристики, коммуникативную специфику.

Так, уже в первой своей программной работе “Задачи поэтики” (1919–1923) Жирмунский указывает на функцию как основной ориентир лингвистического исследования: “Современные лингвистические теории видят в развитии языка некоторую внутреннюю телеологию... Рассматривая структуру языковой формы как “деятельности” (по старинному выражению Гумбольдта и Потевни), мы находим в языке различные телеологические устремления, которыми определяется самый выбор слов и основные принципы словосочетания” (цит. по: Жирмунский, 1976, с. 22–23). При этом “различие задания” служит основой выделения особенностей того или иного вида речевой деятельности. Язык практической речи “подчинен заданию как можно более прямого и точного сообщения мысли”, в связи с чем он “аморфен”, в нем нет “самостоятельных законов построения речевого материала” (там же, с. 24). Иначе обстоит дело с поэтической речью: “Язык поэзии построен по художественным принципам; его элементы эстетически организованы, имеют некоторый художественный смысл, подчиняются общему художественному заданию” (там же, с. 25). В связи с этим деление поэтического текста на форму и содержание оказывается условным, поскольку “всякое новое содержание неизбежно проявляется в искусстве как форма... всякое изменение формы есть тем самым уже раскрытие нового содержания” (там же, с. 11).

Через исследования по поэтическому языку прошли многие крупные российские лингвисты XX в., такие как В.В.Виноградов, Б.А.Ларин, Г.О.Винокур, Л.П.Якубинский, А.А.Реформатский. Поэтика во многом сыграла роль своего рода “школы” нового, выходящего за рамки традиционного академизма, подхода к языку. При этом молодые ученые, при всем стремлении к новаторству, выступали в то же время и продолжателями традиции рассмотрения языка как творческой деятельности, связанной с И.Г.Гердером, немецкими романтиками, В. фон Гумбольдтом и А.А.Потебней.

Второй областью, в которой Жирмунский начинал свою лингвистическую деятельность, было комплексное исследование языка немцев, проживавших на территории СССР. В середине

20-х годов он обращается к полевым исследованиям, которые можно охарактеризовать как комплексные этнолингвистические штудии, предметом которых была история и современная жизнь немецких колонистов. И это направление исследований открывало новые возможности лингвистического анализа. Совершенствуя методику диалектографических исследований, Жирмунский использовал опыт немецкой лингвистической географии (позднее он учитывал и работы итальянских лингвистов в этой области, в частности В.Пизани). Немецкие переселенческие говоры представляли собой нестандартный диалектологический материал, и Жирмунский выявлял специфику изменения этих говоров; в частности, он сформулировал “закон отмирания примарных признаков”, согласно которому при смешении диалектов (часто происходившем при миграционных процессах) в первую очередь стираются наиболее яркие и существенные признаки, а сохраняются вторичные, менее характерные.

В то же время работа с немецкими диалектами позволила ученому нащупать новые пути в изучении истории языка. При этом Жирмунский мог показать, что механистические представления XIX в., согласно которым язык просто последовательно дробился на диалекты по схеме, напоминающей родословное древо, не соответствуют гораздо более сложной реальности региональных вариаций языка в процессе его исторического развития. Взгляд на диалекты как важнейший источник истории языка получил поддержку в 30-е годы, во время работы Жирмунского над сочинениями Ф.Энгельса, посвященными древним германцам, в особенности — над его “Франкским диалектом”, который был впервые издан с СССР в 1935 г.

В 30-е годы филология, как и другие гуманитарные науки, испытывала сильнейшее давление официальной советской идеологии, в первую очередь это сказалось в господстве “нового учения о языке”, и Жирмунский в своей деятельности этого времени также испытал на себе его влияние, тем более что он принимал участие в работе Института языка и мышления, своеобразного центра марризма. Сам Жирмунский указывал, что движение в сторону марризма он совершал в основном под влиянием своих собственных учеников, увлекшихся тогда “новым учением”, А.В.Десницкой, С.Д.Кацнельсона, М.М.Гухман.

Работая в той или иной мере под влиянием марризма, Жирмунский переходит от пространственно-временных и

культурных характеристик языковой дифференциации, которыми он был занят при исследовании языка немецких переселенцев, к характеристикам социальным, рассматривая “социальные диалекты” языка и анализируя “классовую дифференциацию в языке буржуазного общества” (Жирмунский, 1936, с. 3). При рассмотрении истории языка он также отдает дань марристским установкам, пытаясь рассматривать изменения в грамматическом строе как отражение исторических стадий развития мышления в работе “Развитие строя немецкого языка” (Жирмунский, 1936а). Эта работа в своей интерпретативной части содержит ряд типичных для “нового учения о языке” положений. Язык признается в ней одним из вариантов идеологии, при этом “грамматико-синтаксический строй языка, рассматриваемый в его стадильном развитии, входит... в единый глоттогонический процесс”, в свою очередь отражающий также стадильное развитие мышления. Все это достаточно прямолинейно увязывалось с социальной историей в соответствующей интерпретации: “Эпохи больших исторических сдвигов, обозначившие ломку общественных отношений и существенную перестройку в области идеологии, выдвигаются как поворотные пункты и в развитии языка: например, переход от родового строя к феодальному...” (цит. по: Жирмунский, 1976, с. 342, 384–385). В то же время независимо от этих – во многом декларативных – положений работа представляет собой насыщенное основательным материалом историческое исследование, достаточно ясно показывающее, что 1) неоднородность грамматической системы современного немецкого языка – результат соответствующего исторического развития и не может быть до конца объяснена без учета истории; 2) в развитии строя языка можно выделить определенные тенденции, действующие на протяжении длительного времени и приводящие к постепенной трансформации облика языка, переходу его из одного состояния в другое; 3) формально-грамматические сдвиги в языке в основном отражают соответствующие семантические процессы, связанные с работой человеческого сознания.

Печать времени лежит и на первом издании “Истории немецкого языка” (Жирмунский, 1938). Стремясь сблизить историю и современность, Жирмунский переворачивает привычный способ изложения материала. История языка начинается у него с описания современного немецкого языка, а затем в ретроспективном порядке

следуют его более ранние фазы. Однако такой оригинальный шаг не оправдал себя (в том числе и с точки зрения дидактической, поскольку книга была написана как учебник), и начиная с четвертого издания, вышедшего в 1956 г., Жирмунский возвращает привычное расположение материала в хронологическом порядке: от более ранних периодов языковой истории к более поздним.

Творческие поиски Жирмунского в 30-е годы представляют собой довольно сложный результат взаимодействия традиций исторического языкознания, новых тенденций в языко-знании XX в. и давления советской идеологии. Относясь к наследию XIX в. достаточно критично, Жирмунский в то же время прекрасно сознавал, что классическое сравнительно-историческое языкознание в своих основных достижениях отмене не подлежит; позднее он сравнивал методику младограмматического сравнительно-исторического анализа с “таблицей умножения, без которой нельзя заниматься высшей математикой” (Жирмунский, 1976, с. 8). К концу 30-х годов ему удалось найти спасительную формулу, которая позволяла заниматься исторической и сравнительно-исторической лингвистикой, не вызывая агрессии со стороны наиболее рьяных представителей “нового учения о языке”. Он выразил эту формулу в работе “Сравнительная грамматика и новое учение о языке” (1940) следующим образом: “Путь к стадиальной истории языка лежит через сравнительную грамматику”, замечая далее, что “сравнительная грамматика генетическая должна опираться на сравнительную грамматику типологическую” (цит. по: Жирмунский, 1976, с. 185). Таким образом лингвисты получали вполне корректное идеологическое обоснование своей деятельности, что позволяло им вести исторические и типологические исследования.

Примером этого компромиссного решения могут служить написанные в 40-е годы работы Жирмунского по истории частей речи в историко-типологическом освещении: “Развитие категории частей речи в тюркских языках по сравнению с индоевропейскими языками” (1945, см. Жирмунский, 1976, с. 187–209) и “Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении” (1946, см. Жирмунский, 1976, с. 209–235). При этом Жирмунский в построении своих историко-типологических схем, предполагающих постепенную дифференциацию частей речи, стремится опереться и на традиции

российского языкознания, в частности – на сходные идеи Потебни (в особенности это касается второй из указанных работ).

После “лингвистической дискуссии” 1950 г. необходимость в такого рода идеологических прикрытиях во многом отпала. Жирмунский создает обобщающий труд по немецкой диалектологии (Жирмунский, 1956), гораздо более традиционный по своей структуре и методике. Учитывая своеобразие немецкой истории, глубокую территориальную дифференциацию немецкого языка, Жирмунский подчеркивает, что “научная история немецкого языка должна строиться на основе диалектологии, что историческая грамматика немецкого языка должна опираться на сравнительную грамматику немецких диалектов” (Жирмунский, 1956, с. 3). Исходя из диалектного материала, Жирмунский рассматривает ряд центральных проблем истории немецкого языка: “грамматическое значение германского силового ударения и связанных с ним процессов редукции неударных слогов, верхненемецкое передвижение согласных, развитие грамматического умлаута как внутренней флексии, дифтонгизацию узких долгих, некоторые общие внутренние законы формообразования имени, местоимения и глагола, по-разному, но в сходном направлении проявляющиеся в различных диалектах” (там же, с. 5). В этой книге проблемы социальной дифференциации языка вытесняются проблемами отношения территориальных диалектов и общенародного языка: “Язык... всегда был единым для общества и обслуживал все его классы, сохраняя при этом характер общенародного языка на всех ступенях исторического развития – от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным” (там же, с. 9). Прделав колоссальную работу, Жирмунский представил многообразие фонологических и морфологических данных диалектов немецкого языка как единую картину исторического развития.

В 1958 г. выходит четвертое, значительно переработанное издание “Истории немецкого языка”, также отразившее смену ориентиров в советском языкознании после “лингвистической дискуссии 1950 г.”. Изменение было особо подчеркнуто в предисловии, где говорится: “Язык не надстройка (вопреки утверждениям акад. Н.Я.Марра и его последователей); грамматический строй языка, складывающийся веками, обладает чрезвычайной устойчивостью и изменяется очень медленно, причем

различные аспекты языка (словарный состав и грамматика, как и звуковая форма речи) развиваются неравномерно. Поэтому мнимоисторическое изложение лингвистического материала исторической фонетики и грамматики по периодам общественной истории, рассекая действительную историю языка на последовательный ряд синхронных разрезов, на самом деле разрывает подлинно историческую связь и внутреннюю закономерность языковых фактов, в частности закономерность и последовательность развития грамматических категорий¹.

На протяжении 50-60-х годов Жирмунский пишет ряд работ исторического и сравнительно-исторического характера: “К вопросу о внутренних законах развития немецкого языка” (1953), “Внутренние законы развития языка и проблема грамматической аналогии” (1954), “Умлаут в немецких диалектах с точки зрения исторической фонологии” (1955), “Сравнительно-историческое изучение фольклора” (1958), “Сравнительно-историческая грамматика и диалектология” (1959), “Умлаут в английском языке по сравнению с немецким” (1960), “Грамматический аблаут в германских языках” (1965), “Общие тенденции фонетического развития германских языков” (1965). В ходе этих работ он не только уточнял некоторые факты истории и предыстории германских языков, но и совершенствовал методику сравнительно-исторических исследований. Так, он показал, что аналогия в языковом развитии – не просто фактор, нарушающий действие звуковых законов, но процесс, обладающий своей внутренней логикой, направленной на упорядочение грамматической структуры языка. Жирмунский уточнил понимание таких явлений, как умлаут и аблаут, выявив их сложное положение в системе языка. Немалый вклад внес Жирмунский в коллективный труд “Сравнительная грамматика германских языков”, вышедший в то время в Институте языкознания АН СССР². Для “Сравнительной грамматики германских языков” Жирмунский написал два раздела: “Племенные диалекты древних германцев” и “Категория имени прилагательного в древних германских языках”. Кроме того, он вел редакторскую работу над этим изданием. Своего рода итогом исследований Жирмунского в

¹ Жирмунский В.М. История немецкого языка. – М., 1956, с. 11.

² Сравнительная грамматика германских языков. – М., 1962–1966. – т. 1-4.

области сравнительного изучения германских языков стала книга “Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков” (Жирмунский, 1964). В 1967 г. он написал статью “Существовал ли общегерманский язык-основа?” (опубликована посмертно: Жирмунский, 1976, с. 253–277), в ней Жирмунский признает существование изначальной языковой общности, послужившей источником исторически засвидетельствованных германских языков, говоря о ней как “о едином языке в ряду других индоевропейских языков”. “Мы не усматриваем, — пишет он, — в нем никаких признаков, указывающих на то, что это единство возникло в результате конвергирующего развития различных языков, родственных или неродственных, — того, что получило название <языкового союза>” (там же, с. 274). Это единство уже на ранней стадии могло отличаться диалектной дифференциацией, испытывать влияние других языков, однако эти обстоятельства не отменяют самого факта существования языковой общности. Таким образом, Жирмунский завершал свой жизненный путь, во сути возвращаясь к традициям сравнительно-исторического языкознания, разумеется, с учетом многих достижений лингвистики XX в., и в первую очередь — диалектологии и лингвистической географии, а также типологии.

Параллельно с работой в области истории и сравнительного изучения германских языков Жирмунский постепенно расширяет сферу своих интересов, все больше внимания уделяя общей теории языка. Этому способствовал и его интерес к проблемам типологии языков, получивший дополнительный импульс благодаря знакомству ученого в 40-е годы с тюркскими языками. В работе “О границах слова” (1963) Жирмунский включается в методологическую дискуссию, посвященную уточнению интерпретации этого понятия, связанного со всей европейской лингвистической традицией. Считая неправомерным полный отказ от попыток определения слова (“эмпирический агностицизм”), он в то же время признает, что 1) границы слова и других языковых единиц (морфемы и словосочетания) не являются абсолютными, жесткими и непроницаемыми, могут быть пограничные зоны и 2) что в различных языках конкретные признаки и способы вычленения слова могут оказываться разными (формальные признаки слова “различны в разных языках в зависимости от особенностей их фонетико-грамматического строя” — Жирмунский, 1976, с. 126). Таким

образом, выделение наиболее общих характеристик слова предполагает обширные типологические исследования.

Рассмотрение проблемы определения грамматических явлений с учетом своеобразия разных языков было продолжено Жирмунским в работе “Об аналитических конструкциях” (1963/1965), где он показал, что разнообразие языков как в синхронном, так и в диахронном плане и в этом случае предполагает более дифференцированный подход к определению понятия аналитизма в языковой структуре.

Работа “О природе частей речи и их классификации” (1968) выходит уже на более высокий уровень, поскольку в ней сходным образом ставится вопрос не об одной из категорий лингвистического анализа, а о целом пласте таких категорий, и в этом случае связанным с длительной лингвистической традицией. Выражая сомнение в справедливости формального подхода к выделению частей речи (предложенного Ф.Ф. Фортунатовым и подхваченного рядом лингвистов XX в.), Жирмунский подчеркивает, что “классификация объектов науки, существующих в реальной действительности, в природе или обществе, на самом деле вовсе не требует той формально-логической последовательности принципа деления, которая необходима для классификации отвлеченных понятий. Она требует правильного описания системы признаков, определяющих в своей взаимосвязи данный реально существующий тип явлений” (Жирмунский, 1976, с. 61). Защищая таким образом “непоследовательность” традиционной классификации частей речи, не основанной на едином принципе, Жирмунский указывает, в качестве аналогии, на биологические классификации, где (за исключением формальных, как раз оказавшихся не слишком успешными) классы также выделяются на основе совокупности признаков, а не на одном признаке. Он предлагает рассматривать части речи, лексико-грамматические разряды слов, изменяющиеся в процессе развития языка и получающие несколько разное оформление в различных языковых системах.

Нетрудно заметить, что эти теоретические работы объединяются единым методологическим подходом. Он объясняется, с одной стороны, опорой на лингвистические идеи Л.В.Щербы и, с другой стороны, — стремлением к учету данных историко-типологического характера. Жирмунский предстает в них своего рода умеренным традиционалистом, исходящим из того, что накопленный лингвистикой

опыт, как и сознание носителей языка, опирается на определенную реальность и пренебрегать этим опытом без особых на то оснований не следует. Расплатой за такую, вполне разумную, позицию был известный эклектизм теоретических взглядов Жирмунского.

Если в 50-е годы проблемы социальной лингвистики словно исчезают из работ Жирмунского, то во второй половине 60-х он вновь обращается к ним, указывая на необходимость учета социальных параметров в развитии языка. При этом он подчеркивает, что речь не идет о вульгаризаторских трактовках марксизма, но о необходимости конкретизации общего положения о языке как общественном явлении на конкретном языковом материале. Жирмунский пытался обращаться при этом к первым социалингвистическим работам 20-х годов (Л.П.Якубинский и др.), однако существовавшие идеологические ограничения не давали возможности свободного применения социалингвистического метода к языковой реальности советского общества. В связи с этим ученому не оставалось ничего иного, как продолжать иллюстрировать свои идеи фактами истории западноевропейских языков. Однако и здесь, в попытках оживить социалингвистические исследования, проявлялось возвращение к идеям российской лингвистики начала XX в., когда в языкознании проявилось активное стремление рассматривать язык в его жизненных проявлениях, творимый людьми для людей.

Вот как сам В.М.Жирмунский сформулировал в 1967 г. основные принципы своего подхода к языку:

“1. Лингвистический модернизм (в том смысле, который я придаю этому термину): методика обращения к языковым отношениям современности и недавнего прошлого для непосредственного наблюдения языковых процессов при истолковании более отдаленных исторических явлений...”

2. Рассмотрение системы языка не как статического синхронного среза противопоставлений на плоскости, а как системы, находящейся в движении и развитии... Обязательность связи синхронического и диахронического исследования.

3. Признание внутренне закономерной обусловленности процессов языкового развития, не ограничивающейся сферой действия частных эмпирических звуковых законов, но охватывающей, как общая тенденция, всю систему языка в целом.

4. Взгляд на сравнительно-историческую грамматику как на средство раскрытия этих внутренних закономерностей. Такая задача, стоящая перед сравнительной грамматикой, предполагает рассмотрение группы родственных языков не с точки зрения реконструкции их общей основы, но и в пору их более позднего отдельного существования, а также включение в ее состав сравнительной грамматики диалектов на разных ступенях их исторического развития вплоть до современности.

5. Прослеживание типологических закономерностей диахронического порядка в сходных (параллельных) процессах грамматического развития языков генетически неродственных... как способ оценки относительной вероятности реконструируемых процессов грамматического развития и в то же время установления общих закономерных путей такого развития, объединяющих сравнительно-исторические грамматики разных языковых групп.

6. Семантическая точка зрения на фонетические и грамматические формы как на средство выражения и развития грамматических значений (проблематика языка и мышления).

7. Социальная дифференциация языка как условие его исторического развития. Внешняя (социальная) лингвистика не противопоставлена внутренней, а пронизывает ее и определяет характер ее развития” (Жирмунский, 1976, с. 9-10).

Основные работы В.М.Жирмунского

- Жирмунский В.М.* Немецкий романтизм и современная мистика. – СПб., 1914. – 207 с.
- Жирмунский В.М.* Религиозное отречение в истории романтизма: Материалы для характеристики Клеменса Брентано и гейдельбергских романтиков. – Саратов, 1918 – 204, 83 с. (то же: М., 1919).
- Жирмунский В.М.* Композиция лирических стихотворений. – Пг., 1921. – 109 с.
- Жирмунский В.М.* Введение в метрику: Теория стиха. – Л., 1925. – 286 с.
- Жирмунский В.М.* Вопросы теории литературы: Статьи 1916–1926. – Л., 1928. – 358 с.
- Жирмунский В.М.* Развитие строя немецкого языка. – М.; Л., 1936. – 81 с.
- Жирмунский В.М.* Национальный язык и социальные диалекты. – Л., 1936. – 297 с.
- Жирмунский В.М.* История немецкого языка. – Л., 1938. – 280 с. (5-е изд.: М., 1965. – 408 с.).
- Жирмунский В.М.* Немецкая диалектология. – М.; Л., 1956. – 635 с.

- Жирмунский В.М.* Народный героический эпос: Сравн.-ист. очерки. – М.; Л., 1962. – 433 с.
- Жирмунский В.М.* Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. – М.; Л., 1964. – 315 с.
- Жирмунский В.М.* Очерки по истории классической немецкой литературы. Л., 1972. – 495 с.
- Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. – Л., 1974. – 726 с.
- Жирмунский В.М.* Теория стиха. – Л., 1975. – 664 с.
- Жирмунский В.М.* Общее и германское языкознание. – Л., 1976. – 695 с.
- Жирмунский В.М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л., 1977. – 405 с.
- Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. – Л., 1978. – 423 с.
- Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. – 1979. – 492 с.
- Жирмунский В.М.* Гёте в русской литературе. – Л., 1981. – 557 с. *Жирмунский В.М.* Из истории западноевропейских литератур. – Л., 1981. – 302 с.

Основная литература о В.М.Жирмунском

- Академик Виктор Максимович Жирмунский:* Библиографический очерк. 3-е изд. испр. и доп. – СПб., 2001. – 231 с.
- Язык, литература, эпос:* (К 100-летию со дня рождения академика В.М.Жирмунского). – СПб., 2001. – 443 с.

Л.Д.Захарова

ГРИГОРИЙ АНДРЕЕВИЧ ИЛЬИНСКИЙ

Григорий Андреевич Ильинский (1876–1937) – известный русский языковед, славист; автор более 500 работ, посвященных таким проблемам славянской филологии, как праславянская грамматика, славянские этимологии, славянская диалектология, славяно-германские контакты и славяно-балтийские связи, славянская палеография, кирилло-мефодиевская проблематика, история южнославянской литературы.

Характеристика научной деятельности: родился в Петербурге в семье учителя 11 марта 1876 г. После окончания гимназии в 1894 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где слушал лекции таких известных ученых, как В.И.Ламанский, А.И.Соболевский, С.К.Булич, П.А.Сырку. В становлении Г.А.Ильинского как ученого особую роль сыграли С.К.Булич, А.И.Соболевский, Ф.Ф.Фортунатов. Уже в студенческие годы определяются научные интересы ученого – морфология и лексикология славянских языков, палеография: написанное им под руководством В.И.Ламанского студенческое сочинение “Орбельская триодь” было удостоено золотой медали. После окончания университета по представлению В.И.Ламанского и С.К.Булича Г.А.Ильинский был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию. В этот же период (1898–1903) он работает секретарем неофилологического общества, созданного по инициативе А.А.Шахматова. Занимая эту должность, Г.А.Ильинский

работает над магистерской диссертацией, посвященной истории форм родительного падежа неличных местоимений (*чесо, чего, чево*), а также готовит несколько докладов об истории славянского аориста, истории местоименного склонения прилагательных, южно- и западнославянской диалектологии, опубликованных в “Русском филологическом вестнике”, “Живой старине”, “Известиях ИОРЯС”. В эти же годы Григорий Андреевич сближается с А.А.Шахматовым, вероятно, под его влиянием увлекается диалектологическими изысканиями и совершает путешествие по славянским землям (1901–1903): Чехии, Сербии, Хорватии, Словении, Болгарии, Лужице; активно изучает живые славянские диалекты, занимается поисками славянских рукописей, слушает лекции ведущих славистов и индоевропейцев своего времени – Й.Зубатого, Я.Гебауэра, А.Лескина, К.Бругмана, Г.Хирта, В.Ягича, В.Вондрака.

В 1903 г. он был назначен секретарем комиссии по подготовке съезда славистов. В 1904 г. назначен приват-доцентом кафедры славистики Петербургского университета, в это же время он включается в работу по подготовке “Словаря русского языка”, создаваемого под руководством А.А.Шахматова. В обязанности Г.А.Ильинского входило составление историко-этимологического комментария к словам, подбор лексических соответствий из других славянских языков. Вероятно, именно в это время он начал собирать материал для своих этимологических исследований. В 1905 г. Григорий Андреевич защитил магистерскую диссертацию “Сложные местоимения и окончания родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода неличных местоимений в славянских языках. Этимологические исследования”.

С 1907 по 1909 г. Г.А.Ильинский занимает должность доцента кафедры лингвистики Харьковского университета, собирает диалектологический материал, читает лекции по истории южных славян, истории южнославянской литературы.

В 1909 г. Ильинский вместе с П.А.Лавровым командирован на Афон для копирования древнеболгарских грамот. В этом же году ученый переезжает в Нежин, где занимает должность профессора историко-филологического института. Одновременно он читает лекции на Высших женских курсах в Киеве. Собранный на Афоне материал позволил ему подготовить докторскую диссертацию “Грамоты болгарских царей”, которую он защитил в 1911 г. в Киеве. Книга под тем

же названием была удостоена Ломоносовской премии. Хотя Г.А. Ильинский очень тяготился своей работой в Нежине, однако этот период является весьма плодотворным в его научной деятельности. Именно в это время Григорий Андреевич активно работает над праславянской грамматикой, собирает материал для этимологического словаря, публикует массу статей по частным вопросам праславянской грамматики, южнославянской диалектологии.

С 1915 по 1918 г. Г.А. Ильинский – профессор по кафедре русского языка и славянского языкознания Юрьевского университета. Он предложил свою кандидатуру на место Н.К.Грунского, который переехал из Юрьева в Киев, на кафедру русского языка и литературы. Ильинского приняли на работу на основании положительных рекомендаций Н.К.Грунского, А.А.Шахматова, Е.Ф.Карского. В университете Г.А.Ильинский читал лекции по русскому и церковнославянскому языкам, истории славянских литератур. В научном отношении этот период не был особенно плодотворным, так как шла война, затем революция. Он написал около десяти небольших работ.

В 1918 г. Юрьевский университет был эвакуирован в Воронеж, куда выехал и Г.А.Ильинский и проработал там два года. Затем он работал профессором Саратовского университета (по 1927 г.). В 1927 г. Г.А.Ильинский переезжает в Казань для работы в Восточном педагогическом институте, но его пребывание в Казани продлилось лишь один год. В 1927 г. ученый переезжает в Москву для работы в Первом Московском университете. Здесь он преподает следующие курсы: “Сравнительная грамматика славянских языков”, “Старославянский язык”, “История славянских литератур”, “История славян”, “История южных славян”, а также русский, сербский, болгарский и польский языки.

В годы революции, гражданской войны и восстановительного периода, несмотря на эмиграцию ряда известных славистов, исследования в области славянской филологии продолжались. Необыкновенно плодотворно работали П.А.Лавров, А.И.Соболевский, А.А.Шахматов, Н.К.Грунский, вернувшийся из Праги Н.Н.Дурново и др. Однако в середине 20-х годов ситуация начинает резко меняться. Ректором университета в 1925 г. назначается А.Я.Вышинский, который возмущается тем, что на занятиях по старославянскому языку читаются евангельские тексты, а в

исследованиях ученых игнорируется яфетическая теория Н.Я.Марра. Начинается перестройка методологии и проблематики славяноведения: сравнительно-исторический метод объявлен контрреволюционным, неоднократно декларируется классовый подход при изучении славянской этнокультурной общности. Убеденный компаративист, Г.А.Ильинский не скрывал своего резко отрицательного отношения к теории Н.Я.Марра, которую в письмах к М.П.Ляпунову и М.Г.Попруженко называет “фантасмагорией”, “лингвистическим православием”, “смесью невежества, святой наивности и самой дикой фантазии” [Архив РАН].

С 20-х годов имя Г.А.Ильинского становится в высшей степени авторитетным среди ученых-славистов как в России, так и за рубежом. После революции и гражданской войны возобновляет свою деятельность переехавшая в Москву Академия наук. С 1921 г. Г.А. Ильинский избран членом-корреспондентом АН СССР, с 1925 г. – действительным членом Научно-исследовательского института языка и литературы РАНИОН. Заслуги Г.А.Ильинского признаны и славистами других стран: с 1929 г. ученый – действительный член Западославянского института в Познани; в этом же году его избирают членом-корреспондентом Болгарской академии наук; а в 1930 г. – членом-корреспондентом Польской академии наук. Г.А.Ильинский очень тяжело переживал ситуацию, которая сложилась в Академии наук к 1929 г. Особое положение академиков, их “беспартийность” и нежелание поддерживать навязываемые науке теории не могло не беспокоить власти. Начинается активное наступление на академиков, которых разделяют на реакционеров и коммунистов; в академию активно пропихивают большевиков – Бухарина, Кржижановского, Губкина и других; вносятся изменения в устав Академии, появляются “материалистическое мировоззрение” и “нужды социалистической реконструкции”. В этом же году добавляется 42 вакансии действительных членов и организуются выборы. Кандидаты на звание действительных членов первоначально утверждаются на заседаниях специальных комиссий, нежелательные кандидаты отсеиваются. Выдвинутый в академики Г.А.Ильинский снял свою кандидатуру, так как был возмущен установленной процедурой избрания, а сами выборы назвал “небожественной комедией”. В результате в ходе выборов несколько кандидатов большевиков были провалены, однако одновременно не проходят и кандидатуры других известных ученых, среди

которых Н.Н.Дурново и Л.В.Щерба. На Академию обрушился шквал упреков и обвинений, была создана специальная комиссия по проверке деятельности аппарата АН СССР, 781 человек был уволен, академики-секретари И.Ю.Крачковский и А.Н.Крылов подали в отставку.

Сразу же после “чистки” Академии наук начались репрессии российской научной элиты: было сфабриковано дело академика С.Ф.Платонова, по которому пострадал целый ряд известных ученых-историков – М.К.Любавский, Е.В.Тарле, Ю.В.Готье и многие другие. В конце 1933 г. начались аресты и среди филологов. По “делу славистов” пострадали такие известные языковеды, как М.Н.Сперанский, А.М.Селищев, Н.Н.Дурново, В.В.Виноградов, М.С.Грушевский, В.Н.Сидоров и ряд других авторитетных исследователей в области русского и славянского языкознания. Г.А.Ильинский был арестован 11 января 1934 г. Он, как и другие, обвинялся в связях с “венским центром” во главе с Н.С.Трубецким. Поводом к возбуждению дела послужил оговор М.Н.Скачкова, арестованного по обвинению в участии и эсеровской организации и назвавшего фамилии М.Н.Сперанского, Г.А.Ильинского, Н.Н.Дурново, В.С.Трубецкого как участников националистической организации, ведущей активную антисоветскую работу. Подследственные обвинялись в создании антисоветской организации, которая ставила целью насильственное свержение советской власти, была связана с иностранными правительствами и зарубежными антисоветскими центрами и была готова на применение любых средств, включая и террор. Идеологическая мотивация хотя и не имела самостоятельной роли, но была связана с евразийством – идейно-политическим течением, главой которого в этот период считался известный филолог Н.С.Трубецкой. Следствие длилось недолго, техника допросов была великолепно отлажена, и через некоторое время все арестованные по делу начали “давать показания”. 29 марта на заседании коллегии ОГПУ ученому был вынесен приговор: десять лет исправительно-трудовых лагерей на Соловках. Все привлеченные по делу обвинялись по ст. 58 в создании контрреволюционной организации Российская национальная партия “по прямым указаниям заграничного русского фашистского центра, возглавляемого князем Н.С.Трубецким, Якобсоном, Богатыревым и другими”, основными целями деятельности которой являлись “вербовка кадров для организации”, “вредительство”, “террор” [Ашнин, Алпатов, 70–72]. Однако в этом же году на Соловки прибывает прокурор И.А.Акулов, который проводит несколько

допросов, на которых многие из арестованных отказываются от данных показаний, среди них и И.Г.Ильинский. В результате лагерь был заменен трехлетней ссылкой в Западную Сибирь. Сведения о пребывании ученого на Соловках и в Сибири чрезвычайно скудны. По истечении этого срока Г.А.Ильинский поселился в Томске, преподавательская деятельность была запрещена, поэтому он стал работать библиотекарем в краеведческом музее. Но в ноябре 1937 г. он был вновь арестован и 14 декабря расстрелян. Это было связано с тем, что в 1937 г. все дела пересматривались с целью ужесточения наказания; чуть ранее были расстреляны Н.Н.Дурново, М.Н.Сперанский, чуть позже сыновья Н.Н.Дурново – Андрей и Евгений.

Григорий Андреевич Ильинский остался в славянской филологии навечно. Идеи, высказанные им в более чем 500 научных трудах, принадлежат к основным достижениям мирового славяноведения, а отдельные их положения еще до настоящего времени сохраняют свою значимость и актуальность.

Свою научную деятельность Г.А.Ильинский начал под руководством В.И.Ламанского как исследователь южнославянских рукописных текстов. Этому способствовали и предпринятые им поездки по славянским землям, а также командировка на Афон. В период с 1901 по 1909 г. ученый публикует множество комментариев и текстов, среди которых можно выделить такие, как: “Грамоты царя Иоана Асеня II” (1901), “Дибрский отрывок сербской летописи” (1901), “Рукописи Верковича в Загребской библиотеке” (1904), “Рукописи Капитаря в Люблянской лицейской библиотеке” (1904), “Лист Миней Григоровича (Ein Grigorovitsches Mineum-Blat)” (1905), “Копитарова Триодь XIII в.” (1906), “Среднеболгарские листы Ундольского XII–XIII в.” (1905), “Грамота бана Кулина” (1906), “Македонский листок. Отрывок неизвестного памятника кириллической письменности XI–XII вв.” (1906), “Македонский глаголический листок. Отрывок глаголического текста Ефрема Сирина” (1909), “Слепченский Апостол XII в.” (1912), “Охридские глаголические листки. Отрывок древнецерковнославянского евангелия XI в.” (1915) и многие другие. По единодушному признанию современников, тексты, подготовленные Г.А.Ильинским, отличаются большой точностью, и их можно поставить в ряд лучших изданий. Дотошно выверенные ученым тексты – результат долгого и напряженного труда; так, в частности, текст “Слепченского

апостола” был воссоздан путем сведения нескольких частей, хранящихся в разных книгохранилищах. Объединению предшествовал сложнейший палеографический и лингвистический анализ фрагментов, на основании которого Г.А.Ильинскому удалось уточнить датировку памятника – начало XII в. (В.Н.Щепкин считал, что он написан в первой половине XIII в., С.М.Кульбакин датировал его началом XII в.). Помимо этого, диалектологический анализ лексических, морфологических, фонетических и графических особенностей текста позволил ему утверждать, что первая часть рукописи восточноболгарского происхождения, а вторая – македонского. Палеографические особенности памятников, описанные Г.А.Ильинским, занимают особое место в истории отечественного источниковедения. Ученый подробно описывает внешний вид рукописи, приписки, употребление и особенности начертания букв, систему употребления надстрочных знаков, титл, сокращений, украшений, анализирует почерк писца. Этот опыт позволил ученому восстанавливать пропущенные слова и буквы, исправлять неточности своих предшественников, в первую очередь И.И.Срезневского, уточнять время и место создания рукописи. Еще одна характерная черта изданных Ильинским текстов – подробная лексикографическая разработка; тексты всех памятников сопровождаются словоуказателями, где нередко приводятся и отдельные формы слова, если это, по мнению ученого, заслуживает внимания; дается перевод на греческий и латинский языки. Вероятно, именно в результате детального анализа лексики памятников у ученого возник необычайный интерес к этимологии славянских языков, в особенности к установлению происхождения отдельных этнонимов и топонимов. Лучший труд ученого в данной области филологии – докторская диссертация “Грамоты болгарских царей” (1911), которая включает не только источниковедческие и лингвистические, но и историко-культурные комментарии, включая географические указания к болгарским топонимам и гидронимам, а также их этимологический анализ.

Интерес к истории славянской литературы, проблемам ее становления неразрывно связан с изучением кирилло-мефодиевской проблематики. Одна из характерных черт ученого – научный поиск и определенная смелость в построении гипотезы. Так, например, в “Житии Константина” есть одно загадочное место о том, что в

Корсуни он нашел евангелие и псалтырь, написанные “русьскы письмены”, а также познакомился с человеком, говорившим на этом языке, выучил этот язык и говорил с ним. Целый ряд исследователей (П.Я.Черных, В.А.Истрин и др.) полагают, что именно эти загадочные письма легли в основу славянской азбуки. Были и другие точки зрения, версия Ильинского такова: “роуьскы”, а по южнославянским спискам Жития следует реконструировать чтение “роушкии” следует читать как “фрузкие”, то есть франкские, связанные с письмом древних германцев. Много споров ведется и в настоящее время об авторстве и личности “Сказания о письменах черноризца Храбра”. Ученый считает, что заголовок данного текста следует читать так: “О письменах” черноризца храбра. По мнению ученого, “черноризец храбр” – это метафорическое наименование Константина Философа, а автором данного текста является Иоанн Экзарх. Г.А.Ильинский публикует следующие работы, связанные с жизнью и деятельностью славянских просветителей: “Кто был черноризец Храбр” (1917), “О грамоте папы Адриана II в Похвальном слове Кириллу и Мефодию” (1921), “Один эпизод из Корсунского периода жизни Константина Философа” (1924), “Написание о правой вере” Константина Философа” (1925), “Где, когда, кем и с какой целью глаголица была заменена “кириллицей”?” (1931). В последней статье ученый высказывает оригинальную версию происхождения кириллицы, согласно которой глаголица была заменена кириллицей на Преславском соборе 893 г. Создал ее Константин Пресвитер по указанию болгарского царя Симеона. Позднее имена изобретателей глаголицы и кириллицы Константина Философа (Кирилла) и Константина Пресвитера смешались у последующих поколений, поэтому азбука и была названа кириллицей. Уже после его ареста в Болгарии выходит обобщающий обзор “Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии” [София, 1934], где ученый со свойственным ему педантизмом не только приводит полный обзор кирилло-мефодиевской проблематики, но предпринимает попытку ее аннотирования и классификации. Данный труд ученого был продолжен М.Г.Попруженко и Ст.Романским [Кирилломефодиевска библиография за 1934–1940 гг. – София, 1942].

Однако самое значительное место в трудах ученого занимают вопросы фонетики, морфологии и этимологии славянских языков.

Первой значительной работой в этой области была книга “О некоторых архаизмах и новообразованиях праславянского языка. Морфологические этюды” (1902). Построенная в форме небольших очерков по разным проблемам праславянского языка, работа включает в себя исследования утраченных еще в праславянский период основ на *-*U-* (долгое и краткое). Так, ряд основ (ЛЮБЫ, ПРЪЛЮБЫ в оборотах с ДЪЯТИ, ТВОРИТИ) он интерпретирует как отглагольные образования с именительным ЛЮБЪ, ПРЪЛЮБЪ; в существительных типа “кур, отроц” ученый видит формы действительных причастий настоящего времени, пытается реконструировать **U* основы – существительные среднего рода. Безусловно, данная работа была написана под влиянием идей Ф.Ф.Фортунатова и более поздних по времени исследований в области морфологии представителей казанской лингвистической школы. Сам автор был недоволен этой книгой и не пустил ее в продажу, хотя многие его современники отнеслись к ней вполне благосклонно, например, А.А.Шахматов, И.А.Бодуэн де Куртенэ и др.). Однако А.И.Соболевский выступил с резко отрицательной рецензией, он писал: “Если бы мы не знали Г.Ильинского лично, мы подумали бы, что его книжки представляют пародию на современные лингвистические исследования, и местами недурную” [Соболевский. 1904: 183]. Следующей работой в данной области была книга “Сложные местоимения и окончания единственного числа мужского и среднего рода неличных местоимений в славянских языках. Этимологические исследования” (1903). Не удовлетворенный существующими фонетическими объяснениями окончаний родительного падежа сложных местоимений типа *чего, чево, чесо*, Г.А.Ильинский выдвигает объяснение, уже высказанное в виде догадки Ф.Миклошичем, о том, что формы родительного падежа – результат сложения двух местоименных морфем *чь+го, чь+со, чь+во*. Синонимичные варианты формы ученый возводит к различным диалектам праславянского. Г.А.Ильинский подробно анализирует объяснения этих форм, данные ранее В.Ягичем, Э.Бернекером, приводит все доводы за и против, освещает данную проблему праславянского языка с большой полнотой, извлекая большой фактический материал из славянских языков и диалектов.

Проблеме изучения звукового и грамматического строя праславянского языка Григорий Андреевич Ильинский посвятил

множество работ. Одна из самых значительных работ в этой области – “Праславянская грамматика”, изданная в Нежине в 1916 г.. В предисловии к ней он писал: “Работая вот около уже 20 лет над разными проблемами праславянского языка, я давно поставил себе задачей составление такой грамматики этого языка, которая объединила бы в себе не только главные факты его фонетики и морфологии, но и главные итоги их исследования” [Ильинский, 1916: 3–4]. Книга была первым обобщающим трудом в этой области. На основании отзывов ученых на эту книгу, в частности представления А.А.Шахматова, он получил за нее медаль Академии наук и Толстовскую премию. Шахматов так писал об этом труде Ильинского в своей рецензии: “Этот труд подвел итоги многочисленным работам многочисленных ученых, изложив их в весьма стройной системе, сумевшей обнять всю совокупность явлений фонетики и морфологии” (Шахматов, 1962: 114). Одной из основных заслуг Г.А.Ильинского в данной дисциплинарной области является то, что он впервые утвердил праславянский язык как особую дисциплину, отличную по предмету и методам от сравнительной грамматики и истории отдельных славянских языков. Так, во “Введении” ко второму изданию этой книги, которое так и не было опубликовано, исследователь писал: “Наука о славянском языке обладает в настоящее время обширной литературой..., в некоторых пунктах она разработана теперь уже довольно полно... и потому вполне заслуживает эмациации от грамматики древнецерковнославянского языка или сравнительной грамматики славянских языков... как совершенно самостоятельная дисциплина...” (цит. по: Журавлев, 1987: 464-465). Как пишет исследователь научного наследия Г.А.Ильинского и крупный специалист в области реконструкции праславянского языка В.К.Журавлев, “в отличие от А.Мейе Г.А.Ильинский не только дал ясное и полное представление о фонетике и морфологии праславянского языка, но и ярко осветил “поступательный ход научной мысли” в данной отрасли знания”. (Журавлев, 1987: 464). Книга уникальна и по идеям, высказанным ученым в данном издании, например, положение о тенденции к открытому слогу, о механизмах действия морфологической аналогии, о разграничении звуковых и морфологических изменений, о выяснении относительной и абсолютной хронологии языковых явлений. Проблемы относительной хронологии, по его мнению,

могут помочь решить некоторые сложнейшие вопросы различения проблем контактирования и родства языков, в частности проблему балто-славянских отношений. Можно сказать, что указанные положения в целом определили не только направления исследований славистов-компаративистов в будущем, но и привели к коррекции сравнительно-исторического метода, к новым взглядам на эволюцию языка. В книге представлены не только фонетика и морфология праславянского языка, но она включала в себя и элементы семантики, представленные в лексике, словообразовании и грамматике. В книге сконцентрированы результаты работы славистов предыдущих поколений, так как одно из основных свойств Г.А.Ильинского как ученого – стремление к максимальной фактологической и библиографической полноте. Так, в разделе “Фонетика” описание фонетических изменений предваряется детальным обзором звуков, унаследованных из индоевропейского праязыка; в разделе “Морфология” описание грамматических явлений предваряется анализом грамматических флексий, унаследованных из индоевропейского и их преобразований по фонетическим законам. Во введении ученый определяет содержание понятия “праславянский язык”, подробно рассматривает все смежные понятия, возражает против термина “общеславянский язык”. С.Б.Бернштейн критикует данную работу Ильинского, замечая, что “вопросы грамматического строя праславянского языка трактуются статично, без учета его длительной истории” (Бернштейн, 1961:43). Однако другие исследователи оспаривают эту точку зрения (Журавлев, 1962, 1987; Смирнов, 1998). Так, С.В. Смирнов утверждает следующее: “В фонетике Ильинский рассматривает вокализм, консонантизм, количество и ударения, в морфологии – имена, местоимения и глаголы. При освещении этих вопросов он различает три рода явлений: во-первых, такие, которые были известны праславянскому языку уже в момент выделения его из индоевропейского праязыка; во-вторых, те, которые возникли в самом праславянском языке и, в-третьих, такие, которые образовались лишь перед самым распадением праславянского на отдельные говоры” (Смирнов, 1998 : 68).

При классификации славянских языков по группам Григорий Андреевич рассматривал кашубский язык как диалект польского, не выразил четкого мнения о самостоятельности словацкого и

македонского языков, что следует считать чертой данного периода. Его современники, например Л.Нидерле, также не выделяют эти языки как самостоятельные. При определении прародины Г.А.Ильинский соглашался с последователями “карпатской теории”, ссылаясь при этом не только на П.Шафарика, но и на собственные южнославянские этимологии карпатской топонимики. В более поздних работах он несколько более сдержанно отстаивал эту теорию, в частности полемизируя с А.А.Шахматовым (“Проблема праславянской прародины в научном освещении А.А.Шахматова”, 1920).

Одной из важнейших заслуг Г.А.Ильинского в области изучения фонетического строя славянских языков является выдвинутая им теория о законе открытого слога, которая послужила причиной образования носовых звуков. Так, в одной из рецензий он писал: “Следовало бы с первых же строк подчеркнуть то огромное значение, которое имел в этой жизни закон открытых слогов; ведь именно он составляет ключ к важнейшим явлениям праславянского языка: монофтонгизация дифтонгов, образование носовых гласных, судьба чистоплавных сочетаний, ассимиляция и упрощение согласных и т.д. Вообще закон открытых слогов является движущим нервом значительной части праславянских фонетических явлений...” (Ильинский, 1926 : 349). В области изучения славянского вокализма Ильинский выдвинул идею о монофтонгизации славянских дифтонгов *-eu-, *-ou-, о начальном *-j- перед рефлексом дифтонга *-ei- и *-o- в южнославянских диалектах, о чередовании начальных *-e-/*-o- в начале слова. В статье “К вопросу о чередовании гласных ряда *o*, *e* в начале слов в славянских языках” Ильинский приводит этимологии каждого отдельного слова, имеющего в русском языке начальное -o- в соответствии с начальным *je* других славянских языков. В этих этимологиях он доказывает возможность существования в индоевропейском языке дублетов с начальными *-e- и *-o-, к которым восходят, с одной стороны, русские слова с начальным *o-, а с другой – слова других славянских языков с начальным *je-. Суть этого предположения заключается в том, что ученый возводит регулярное звуковое соответствие между восточнославянскими и южно- и западнославянскими языками к диалектам индоевропейского. Интересные замечания высказывает исследователь о позиционных изменениях редуцированных звуков (“Мнимая ассимиляция редуцированных гласных в праславянском

языке”, 1917). В области изучения славянского консонантизма Григорий Андреевич занимался вопросами происхождения славянского *-х-. В статье “Звук -ch- в славянских языках” он последовательно приводит все общеславянские основы с данным звуком, выстраивает этимологические версии происхождения этих слов и убедительно доказывает происхождение данного славянского звука из и.е. *-s-, а также рассматривает различные гипотезы происхождения начального *-х-.

В области морфологии праславянского и отдельных славянских языков Г.А.Ильинский изучал историю склонения имен прилагательных, окончание родительного падежа единственного числа женского рода основ на *-а, историю склонения неличных местоимений, историю форм аориста в старославянском языке, историю сербохорватских прилагательных на -оуъ и русских окончаний родительного падежа в *-о- основах, глагольный класс с носовыми основами, историю формирования инфинитива в праславянском, склонение неличных местоимений и местоименных форм прилагательных.

Самое значительное место в научном наследии Г.А.Ильинского занимают этимологические исследования. В течение 20 лет (1909–1929) он опубликовал целую серию статей с общим названием “Славянские этимологии”, помимо этого этимологии отдельных слов он посвятил специальные статьи, нередко этимологические исследования включались в качестве приложений и комментариев к изданиям древних текстов или появлялись в результате анализа какого-либо явления грамматики и морфологии. Всего ученому принадлежит около 200 этимологий. В последние годы своей жизни ученый напряженно работал над созданием этимологического словаря, материалы которого сохранились в рукописи. Известный отечественный этимолог О.Н.Трубачев высоко оценил вклад Г.А.Ильинского в разработку праславянского лексического фонда: “Знание лексики в соединении с универсальностью научных интересов, с поразительной осведомленностью Ильинского в специальной литературе и вообще в литературе, в текстах на славянских языках и диалектах придают высокую познавательную ценность его этимологиям” (Трубачев, 1957 : 91). В настоящее время множество этимологий, сделанных Г.А.Ильинским, оспаривается, но вместе с тем они используются при создании новых версий, и ссылки

на Ильинского присутствуют как в Этимологическом словаре русского языка М.Фасмера, так и в Этимологическом словаре славянских языков Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н.Трубачева. В данной области знания ученый до настоящего времени остается одним из ведущих специалистов, авторитет которого признается всеми. Недостатки его этимологических изысканий, на которые указал О.Н.Трубачев, объясняются временем, в которое жил ученый, степенью разработки методов этимологических исследований. “Излишний схематизм в понимании развития славянских форм, выражающийся в обязательном отсечении корня и возведении его к индоевропейской форме с неким обобщенным значением. Вследствие такой трактовки собственно словообразовательный анализ славянского слова смазывается: автор стремится, минуя эти стадии, скорее связать славянское с индоевропейским” (Трубачев, 1957: 92). Однако точно такие же методики исследования мы находим не только у предшественников Ильинского, но и у современников и последователей: А.И.Соболевского, А.А.Шахматова, А.Мейе, Э.Бенвениста. Методика семантической реконструкции корневых и аффиксальных морфем, словообразовательного анализа была еще не разработана в это время; в учебниках, посвященных описанию славянских и индоевропейских языков, отсутствовал раздел “Словообразование”. И вместе с тем множество этимологий Ильинского до настоящего времени сохраняют свою значимость. Это этимологии гидронимов – Москва, Нева, Двина, Буг, этнонимов – серб, хорват, терминов материальной культуры. Так, например, Г.А.Ильинский предложил свою интерпретацию происхождения гидронима Москва, предположив, что в данном случае это славянская *-u- основа от праславянского корня **mosk-/-mazg*, имеющая значение ‘быть вязким, топким’. Настаивая на этой версии и возражая А.И.Соболевскому, который видел в данном корне скифский, т.е. иранский, корень, ученый приводит множество примеров из других славянских языков и русских диалектов: словц. *Moskva* ‘недосушенный (мокрый) хлеб, собранный с полей в дождливую погоду’, польские гидронимы *Mosgava*, *Moskava*, лит. *masgoti* ‘мыть, полоскать’, русское *москоть*, *москотильный*, *мознуть* и множество других. Версию Г.А.Ильинского поддержали Т.Лер-Сплавинский, М.Фасмер, П.Я.Черных, позднее она была поддержана и В.Н.Топоровым, который, правда, считает

данный корень балтийским. Ильинскому также принадлежат этимологии слов *ботва*, *бочка*, он видел в них отглагольные образования от корня **bot* – 'толстеть, полнеть', лихва – отыменное образование от праславянского **-lix-*, *бровь* – отглагольное от праславянского **briti*, а также слов: *броня*, *ящур*, *олень*, *хорват*, *серб*, *овощ*, *здоров*, множество сербских и польских диалектизмов. Из более чем 200 предложенных Г.А.Ильинским версий около половины продолжают оставаться научными гипотезами, которые еще пока никто доказательно не опроверг.

Г.А.Ильинский внимательно следил за научной литературой в данной области знания, он написал 252 рецензии на труды славистов, среди которых В.Ягич, В.Вондрак, Л.Нидерле, В.Н.Щепкин, П.А. Лавров и многие другие. Помимо этого ученый разрабатывал и методологию славяноведения, выступал с методическим обоснованием множества университетских курсов, сам разрабатывал эти курсы. В "Праславянской грамматике", а также в работах "Значение и место науки о древнеславянском языке в ряду других дисциплин славяноведения" (1906), "Что такое славянская филология" (1923), "О значении языкознания для истории первобытной культуры" (1927) он не только определяет круг задач, стоящих перед данными дисциплинами, их цели и методы, но также определяет значимость этих дисциплин для филологического образования.

К сожалению, долгое время имя ученого было незаслуженно забыто, его заслуги перед языкознанием часто игнорировались, ссылки на его труды старательно вычеркивались. Только в 60-е годы стало возможным изучение его работ, осмысление того значительного вклада, который внес ученый в отечественную и мировую славистику. Эта работа еще не закончена, так как Григорий Андреевич Ильинский относится к тем ученым, которые являются достоянием российской филологии, благодаря которым наша славяноведческая школа считалась и считается одной из сильнейших в мире.

Литература

Архив РАН. Ф.752. Оп. 2, ед.хр.117. – Л.79.

Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. "Дело славистов": 30-е годы. – М.: 1994. – 285 с.

Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. – М., 1961. – 350 с.

- Журавлев В.К.* Наука о праславянском языке: эволюция идей, понятий и методов // Бирнбаум Х. Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции. – М., 1987. – С. 453–494.
- Журавлев В.К.* Григорий Андреевич Ильинский (1876-1937). – М., 1962. – 78 с.
- Ильминский Г.А.* Праславянская грамматика. – Нежин, 1916. – 536 с.
- Смирнов С.В.* Григорий Андреевич Ильинский: Судьба ученого // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 1998. – т.57. – №2. – С. 65–70.
- Соболевский А.И.* Рецензия на Г.А.Ильинский. О некоторых архаизмах и новообразованиях праславянского языка // Журн. М–нар. просвещения. – 1904. – СПб, 1904. – Март – С. 180–183.
- Трубачев О.Н.* Этимологический словарь славянских языков Г.А.Ильинского // Вопр. языкознания. – М., 1957. – № 6. – С. 91–96.
- Шахматов А.А.* (рец.) Г.А.Ильинский. Праславянская грамматика // Вопр. языкознания. – 1962. – № 6. – С. 108–114.

Основные работы Г.А.Ильинского

- Ильинский Г.А.* О некоторых архаизмах и новообразованиях праславянского языка. Морфологические этюды. – Прага, 1902. – 127 с.
- Ильинский Г.А.* Сложные местоимения и окончания родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода неличных местоимений в славянских языках. Этимологические исследования. – Варшава, 1903. – 187 с.; 2-е изд.: М., 1905. – 175 с.
- Ильинский Г.А.* Грамота бана Кулина: Опыт критического издания текста с приложением фототипического снимка: СПб, 1906. – 35с.
- Ильинский Г.А.* Македонский листок: Отрывок неизвестного памятника кириллической письменности XI–XII вв. – СПб, 1906. –28 с.
- Ильинский Г.А.* Македонский глаголический листок: Отрывок глаголического текста Ефрема Сирина, XI в.: СПб, 1909. – 32 с.. Ильинский Г.А. Праславянская грамматика. – Нежин, 1916. – 536 с.
- Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии. – София, 1934. – 303 с.
- Ильинский Г.А.* Краткий курс истории славян, читанный в 1907/1908 учебном году. – Харьков. – 1908. – 133 с.
- Ильинский Г.А.* Страничка из истории праславянского языка // Научно-литературный сборник Галицко-русской матицы. – Львов, 1901. – Т. 1, кн. 4. – С. 275–279.
- Ильинский Г.А.* К вопросу об образовании славянских наречий // Научно-литературный сборник Галицко-русской матицы – Львов, 1901. – Т. 1, кн. 1. – С. 26–32.

- Ильинский Г.А.* К истории склонения имен прилагательных. 3 // Научно-литературный сборник Галицко-русской матицы. – Львов, 1902. – Т. 2, кн. 2-3. – С. 75–79.
- Ильинский Г.А.* Окончание родительного падежа единственного числа женского рода основ на -а в праславянском языке // Изборник Киевский, посвященный Т.Д.Флоринскому. – Киев, 1905. – С. 162–165.
- Ильинский Г.А.* Проблема праславянской прародины в научном освещении А.А.Шахматова // ИОРЯС. – 1920. Т. 25, кн.1. – С. 419–436.
- Ильинский Г.А.* К истории инфинитива в праславянском языке // Докл. Акад. наук. Сер. В. М., 1930. – № 6. – С. 100–104.
- Ильинский Г.А.* Взгляд на общий ход изучения праславянского языка // Вопр. языкознания. М., 1962. – № 5. – С. 122–129 (публикация В.К.Журавлева).

Основные работы о Г.А.Ильинском

- Шахматов А.А.* Г.А.Ильинский. Праславянская грамматика // Вопр. языкознания. М., 1962. – № 6 (публикация В.К.Журавлева). – С. 108–114.
- Трубачев О.Н.* Этимологический словарь славянских языков Г.А.Ильинского // Вопр. языкознания. – М., 1957. – № 6. – С. 91–96.
- Список трудов Г.А.Ильинского* // Сост. Журавлев В.К. // Труды ученых филологического факультета по славянскому языкознанию: Библиографический указатель / Под ред. Бернштейна С.Б. и Нерсесовой Э.А. М., 1960. – С. 126–164.
- Журавлев В.К.* Григорий Андреевич Ильинский (1876–1937). – М., 1962. – 73 с.
- Васильева Л.И.* Ильинский Григорий Андреевич. // БСЭ. 3-е изд. – М., 1972. – Т. 10. – Стб. 396.
- Булахов М.Г.* Ильинский Григорий Андреевич // Восточнославянские языковеды: Библиографический словарь. – Минск, 1977. – С. 229–236.
- Смирнов С.В.* Григорий Андреевич Ильинский: судьба ученого // Изв. АН. Сер. лит. и яз. – 1998. – Т. 57, № 2. – С. 65–70.
- Смирнов С.В.* Григорий Андреевич Ильинский // Смирнов С.В. Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX в. Справ. пособие. – М., 2001. – С. 291–306.

А.М.Кузнецов

СОЛОМОН ДАВИДОВИЧ КАЦНЕЛЬСОН

В более чем полувековом научном творчестве доктора филологических наук, профессора С.Д.Кацнельсона (1907 – 30. 12.1985) просматриваются несколько главных направлений. Прежде всего это был лингвист – теоретик самого широкого диапазона научных интересов. Из общелингвистических проблем его прежде всего интересовали проблемы соотношения языка и мышления, рассматриваемые в исторической и типологической перспективе. Кроме того, в работах С.Д.Кацнельсона большое место отводится исследованию “лингвистической типологии вообще, исторической и синхронной, контенсивной и фонологической типологии, разрабатываемой на материале разных языков с постоянным учетом сложной диалектики универсального и идиоэтнического” (Маслов, 1986:3).

Среди других областей лингвистики его занимали нерешенные и актуальные для своего времени вопросы сравнительно-исторического языкознания, синтаксиса и лексикологии, семантики и акцентологии. В его работах нашли отражение проблемы германского языкознания и славистики. Его исследования охватывали языки многих других семей и даже австралийский аборигенный язык аранта. “Отдельная линия, впрочем, в ряде точек пересекающаяся с главными направлениями исследований С.Д.Кацнельсона, – история языкознания и критический анализ его современного состояния” (Маслов, 1986:3).

По окончании Ленинградского университета в 1931 г. С.Д.Кацнельсон поступил в аспирантуру – по сведению И.Е.Аничкова, одновременно с В.Н.Ярцевой и Р.А.Будаговым (Аничков, 2001: 453). В 1935 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему “Супплетивы местоимений в германских языках и генезис номинативного предложения”. В 1939 г. им была подготовлена докторская диссертация “Номинативный строй речи: Атрибутивные и предикативные отношения” (1939). И кандидатская, и докторская диссертации вышли отдельными изданиями под несколько измененными названиями; правда, его вторая диссертация вышла уже после войны, в 1949 г. (1936; 1949). Эти первые большие монографические сочинения в целом получили одобрительные отзывы научной (в том числе – и международной) общественности. В частности, на первую монографию появилась рецензия К.Уленбека (Uhlenbeck, 1936), а вторая была отрецензирована Б.Унбегауном (Unbegaun, 1950).

В этих исследованиях С.Д.Кацнельсон, опираясь на пережиточные явления в синтаксисе и морфологии индоевропейских языков и учитывая типологические параллели в языках, генетически неродственных, стремится реконструировать ранние этапы развития грамматического строя. Он определяет эти этапы как “деноминативный” (именно эргативный) и “древний номинативный” и старается нащупать специфические особенности мышления, лежащего в основе этих ступеней развития языковых структур.

Работы 30-х и 40-х годов несут на себе печать своего времени, что проявляется в некоторых формулировках, перекликающихся с положениями так называемого “нового учения о языке” акад. Н.Я.Марра. Для правильной оценки этих формулировок современным читателем полезно привести следующее высказывание учителя С.Д.Кацнельсона акад. Виктора Максимовича Жирмунского, относящееся к 1967 г.: «Мне приходилось говорить неоднократно, что вся конкретная лингвистическая работа Марра в пору создания им так называемого “нового учения о языке” должна быть полностью и бесповоротно отвергнута, поскольку она целиком построена на фантастической идее палеонтологического анализа всех языков мира по четырем первоэлементам. Однако это не значит, что в теоретических идеях и отдельных высказываниях Марра, в большинстве случаев научно не разработанных и хаотических, не

содержались творческие и плодотворные мысли, которым большинство из нас (в особенности ленинградских лингвистов) обязано общей перспективой наших работ. К таким общим установкам я отношу прежде всего борьбу Марра против узкого европоцентризма традиционной лингвистической теории, стадияльно-типологическую точку зрения на развитие языков и их сравнение независимо от общности их происхождения, поиски в области взаимоотношения языка и мышления и то, что можно назвать семантическим подходом к грамматическим явлениям” (Жирмунский, 1976, с. 8–9).

Выделенные В.М.Жирмунским положения Н.Я.Марра представлялись еще более значимыми советским лингвистам более молодого поколения, связанным тогда с бывшим “Институтом языка и мышления” АН СССР. Такими они были и для С.Д.Кацнельсона, проходившего в те годы аспирантуру и докторантуру. Но по существу более глубокое влияние, чем идеи Н.Я.Марра, оказало на молодого ученого увлечение лингвистическим наследием А.А.Потебни. В трудах великого русского языковеда XIX в. привлекало стремление за сменой форм языкового выражения уловить ход развития абстрагирующего мышления и выявить постепенное становление его современных норм (Кацнельсон, 1948; Кацнельсон, 1985). Именно таков пафос и двух названных книг С.Д.Кацнельсона, как и ряда других его работ этого периода. Так, в статье “Язык поэзии и первобытно-образная речь” (1947) он ставит ту же проблему, но уже в сфере лексической семантики и притом на материале архаического австралийского языка аранта, слова которого характеризуются своеобразным полисемантизмом, даже нерасчлененностью предметных и качественных значений и вместе с тем их чрезвычайной дробностью.

Статья “О грамматической категории” (1948) освещает помимо историко-типологических проблем и ряд других важных вопросов общей теории грамматики. Отметим, что в этой статье впервые в науке выдвинуто понятие синтаксической валентности, трактуемой как “свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами” (1948, с. 126). Понятие это лишь позже, под влиянием работ Л.Теньера, получило широкое применение в лингвистике. В названной статье обосновывается расширенное понимание морфологии и ее подразделение на “флексивную” и “синтаксическую”,

своеобразно скоррелированное с выделением морфологических категорий “общего” и “частного порядка” (т.е. универсальных и идиоэтнических), а среди последних — “вторичных формализованных категорий” (рода, класса, падежа, совмещающего гетерогенные грамматические функции, и т.д.).

Спустя почти четверть века эти идеи получают дальнейшее развитие и ложатся в основу “редукционного анализа морфологических категорий” в одном из лучших трудов С.Д. Кацнельсона — в монографии “Типология языка и речевое мышление” (1972).

Основные положения данной книги разбираются также в его статьях: “Глубинные синтаксические структуры и семантические основания процессов речевой деятельности” (1974), “О грамматической семантике” (1974), “Grammatical semantics and syntactical formalism” (1977). В этих работах, в частности, выдвигается тезис о принципиальном единстве семантики, охватывающей как лексику, так и грамматический строй. Автор исследует тесные связи между синтаксическими функциями, проявляющимися в предложении, и категориальными компонентами лексических значений (концепция “скрытой грамматики”).

Отталкиваясь от модной в те годы (конец 60-х — начало 70-х годов) теории порождающей грамматики Н.Хомского и одновременно находясь под впечатлением от ее “революционных” положений, С.Д.Кацнельсон обращает внимание на функциональную сторону процессов речевой деятельности и их органическую связь с процессами мышления и понимания (что в теории генеративизма осталось нераскрытым).

По словам Кацнельсона, процесс порождения предложений, как его изображает порождающая грамматика, лишь отдаленно напоминает реальные речевые процессы, протекающие в умах говорящих и слушающих. Основное содержание порождающего процесса составляет, по Хомскому, преобразование исходных синтаксических структур, абстрактных по своей природе, в основные единицы речи, отдельные предложения. Подвергающиеся последовательной серии трансформаций синтаксические структуры являются в таком понимании “чистыми” структурами, непосредственно лишенными смыслового содержания. Семантика, если и допускается порождающей грамматикой, то только в качестве “интерпретации”, т.е. последующего заполнения исходных синтакси-

ческих структур семантическим содержанием. Практически, однако, понятие семантической интерпретации осталось нереализованным в исследованиях по порождающей грамматике. В центре ее интересов стоял синтаксис, понимаемый как чисто формальная сфера, регулирующая многофазовый процесс порождения предложения.

И все же порождающая грамматика представляет несомненный интерес для функциональной теории языка. Дело в том, что процессы речевой деятельности и связанные с ними процессы мышления — понимания — непосредственно недоступны лингвистическому наблюдению. Для того, чтобы путем лингвистического анализа добраться до скрытых процессов речевой деятельности, нужна строго разработанная методика, учитывающая не только внешние синтагматические связи языковых элементов, но и их лишь косвенно и опосредованно отраженные в текстах парадигматические связи. Выработанные порождающей грамматикой понятия синтаксической деривации (т.е. парадигматики синтаксических образований) и проведенное ею разграничение поверхностных и глубинных синтаксических структур важны и в плане функционально-синтаксических исследований. При этом, однако, они подлежат существенному переосмыслению. Реконструируемые многоступенчатым анализом глубинные синтаксические структуры должны предстать перед нами не как опустошенные формальные схемы, а как содержательные формы, небезразличные к организуемому ими смысловому содержанию.

Глубинные синтаксические структуры — это семантические или, точнее, мыслительные структуры, определяющие начальную фазу порождающего процесса. Семантику обычно понимают слишком узко как область лексических значений. Но если под семантикой понимать те элементы в содержании языковых форм, которые являются отражением внеязыковой реальности, то семантическими окажутся и многие синтаксические функции, как, например, функция воздействия на объект, предполагающая наличие агенса (воздействующего лица), объекта воздействия, а также орудия, или еще функция отчуждения предмета владения, предполагающая наличие лица или существа, отчуждающего какой-то объект, другого лица или существа, в пользу которого отчуждается данный объект, и, наконец, объект отчуждения. Функции этого рода давно уже, в той или иной мере, выделены грамматикой, но специальному исследованию не подвергались. Между

тем они заслуживают самого тщательного изучения, так как являются исходными синтаксическими структурами для процесса порождения предложений в целом.

Семантико-синтаксические функции вроде упомянутых универсальны. Без них не обходится ни один язык, сколько-нибудь развитый. Свойство универсальности, присущее таким синтаксическим структурам, предопределяет метод их выявления. Анализируя конкретные синтаксические формы индивидуальных языков с целью определения заключающегося в них универсального содержания, исследователь должен отвлечься от особенностей морфологического выявления этих форм и всего самобытного и индивидуального, что заключено в их содержании. Семантико-синтаксические функции составляют то общее, что роднит в синтаксическом плане все языки мира, находящиеся на приблизительно одинаковом уровне развития. Именно они позволяют рассматривать разнотипные языки, при всей самобытности и неповторимости их индивидуального строения, как варианты единого в своих истоках и своей глубинной структуре человеческого языка.

Глубинные синтаксические функции, вроде функции воздействия на объект или отчуждения объекта владения, относятся к разряду пропозициональных функций, как их определяет современная логика. В качестве пропозициональных функций они подразумевают определенный набор “пустых клеток” или “мест”, заполнение которых превращает синтаксическую функцию в пропозицию, мыслительную основу предложения. Так, например, семантико-синтаксическая функция именованья открывает “места” для обозначения именуемого лица, объекта именованья и имени (ср. *Она назвала щенка Мумкой*). В качестве пропозициональных функций в любом языке выступают предикативные слова, содержащие в себе модель развертывания предложения. Родство глубинных семантико-синтаксических структур с выделяемыми логикой пропозициональными функциями, конечно, не случайно, так как речь в обоих случаях идет о категориальной структуре мысли. Предметом лингвистики они становятся постольку, поскольку с них начинается процесс порождения предложений и поскольку ими определяется универсальный компонент грамматического строя любого языка. Эмпирическое выявление таких глубинных структур может быть

достигнуто только путем функционального анализа синтаксических форм и типологического сравнения разнотипных языков.

Вместе с тем С.Д.Кацнельсон допускает, что не все универсальные синтаксические категории семантически. Некоторые из них вторичны по своему происхождению и в отличие от семантико-синтаксических категорий вытекают не из общих свойств мыслительной информации, а из особенностей языка как особой семиотической системы и из ситуативных условий, в которых осуществляются акты речевого общения.

К числу универсальных категорий несемантического характера относятся, например, синтаксические категории субъекта и прямого объекта. В самом предмете, выделенном формой субъекта или прямого объекта, нет ничего такого, что требовало бы именно одной из этих форм, а не другой. Об этом говорит уже сама возможность обращения активной конструкции в пассивную без ущерба для отображаемого факта действительности. Об этом же свидетельствует и то обстоятельство, что категория субъекта в общем не зависит от типа предиката и характера выражаемой ими пропозициональной функции. В позиции субъекта может оказаться лицо, отдающее какой-то предмет, и лицо, получающее этот предмет, лицо, воздействующее на кого-то или что-то, и предмет, подвергающийся такому воздействию, и т.п. В отличие от таких категорий, как, скажем, орудие действия или отправной и конечный пункты движения, категории субъекта и прямого объекта получают различное реальное содержание в зависимости от типа предиката, с которым они вступают в связь в предложении.

Субъект и прямой объект — это обобщенные категории, вызванные к жизни специфическими требованиями речевой коммуникации. В процессе речеобразования многомерные отношения объективной реальности преобразуются в линейный поток речи, в котором непосредственно дано лишь одномерное отношение предшествования/следования. Из многих аргументов (предикандумов) многоместной пропозициональной функции при преобразовании исходной синтаксической структуры в предложение должен быть отобран один, который бы предшествовал всем остальным аргументам. Всякий язык фиксирует, как правило, такой аргумент в форме субъекта или “темы”. При некоторых дополнительных обстоятельствах один из оставшихся аргументов

облекается в форму прямого объекта, которая также относительно независима от типа предиката. Все же другие аргументы многоместного предиката выделяются с помощью семантико-синтаксических категорий, указывающих на специфическую роль аргумента при предикате данного типа.

Чтобы от семантического содержания слов отдельных языков спуститься к глубинным семантическим единицам или понятиям, нужна серия последовательных операций по очищению лексических значений отдельных языков от всякого рода наслоений вторичного порядка. Необходимо прежде всего снять экспрессивно-стилистические оттенки, обогащающие каждый язык многочисленными вариантами единых значений. Необходимо, далее, очистить смысловое содержание слов от наслоений, вызываемых полисемией. Сосуществование нескольких значений в недрах одного слова не проходит бесследно для отдельных значений (моносем) данного слова. Живые семообразовательные связи, объединяющие значения многозначного слова, сказываются на каждом отдельном значении, выпячивая второстепенные для него этимологические признаки за счет более существенных.

Но это далеко еще не все. Главную трудность при реконструкции глубинных значений представляет то обстоятельство, что при типологическом сопоставлении сходных лексических значений разных языков одно из них нередко оказывается составным по сравнению с другим. Так, например, значениям русских слов прибежать, приплыть, прилететь и т.п. в других языках могут соответствовать лишь составные значения типа “бежать+явиться” “плыть+явиться”. Факты этого рода ставят перед исследователем сложную проблему по определению основного фонда элементарных значений, к которым так или иначе могут быть сведены составы лексических значений разных языков. Что такое сведение в принципе возможно, доказывает практика освоения чужих языков и переводов с одного языка на другой.

Особая проблема, в концепции С.Д.Кацнельсона, – разграничение лексического и грамматического значений. Существующие критерии такой дифференциации (по способам выражения значений, по уровню их абстрагирования, по синтетичности формального выражения и др.) в том или ином отношении недостаточно полно отражают суть дела. Автор полагает,

что к проблеме разграничения грамматических и собственно лексических значений лучше всего подойти со стороны предложения.

Связь слов с внеязыковой действительностью осуществляется через речь. Сами по себе, вне речи, слова не отображают целостные события или “положения дел”, а являются лишь потенциальными единицами, комбинируя которые мы осуществляем такое отображение в речи.

Чтобы от языка с его односторонними лексическими образованиями приблизиться к живой реальности, необходима речь, минимальными единицами которой являются предложения. Соединяя слова в предложения, речь воссоздает образы целостных событий. Если слова, как основные единицы языка, всегда фрагментарны и, так сказать, частичны по своему содержанию, то предложения ориентированы на целостные события. Именно поэтому предложения обладают тем, что в логике называют “истинностной значимостью”, отсутствующей у изолированных слов.

Для того чтобы полнозначные слова могли, сочетаясь друг с другом, образовывать предложения, необходимы грамматические элементы, выполняющие функцию преобразования полнозначных слов в члены предложения. По своему содержанию грамматические элементы существенно отличаются от полнозначных слов. Последние обязательно предполагают денотативную связь с определенными фрагментами действительности. Средствами названия или дейксиса полнозначные слова выделяют отдельные предметы, признаки, процессы и т.д., которые даже в случае их фиктивности проецируются сознанием вовне, образуя тем самым “воображаемую действительность”. Грамматические элементы лишены этого свойства. Их значение иное. Они призваны восстанавливать живые связи, утрачиваемые полнозначными словами в момент их вычленения из образов целостных событий. Уточняя содержание полнозначных слов, грамматические формы придают денотативным значениям конкретные черты, уточняя тем самым отношения между полнозначными словами в предложении.

Грамматические значения отличаются от собственно лексических и некоторыми другими особенностями. В их состав входят категории речевого мышления и специфические коммуникативные категории, обслуживающие потребности развертывания текста и уточняющие содержание слов по их отношению к речевой

ситуации. Полнозначные слова также обязательно содержат в себе некоторые категориальные признаки, например, субстанциональности, глагольности и т.п., и, кроме того, в них обычно присутствуют и элементы эмпирического знания. Категориальный компонент полнозначного слова является своего рода грамматической меткой, указывающей на принадлежность слова к определенному грамматическому классу или подклассу полнозначных слов и тем самым предопределяющей в известных границах поведение данного слова в предложении. Если категориальное содержание грамматических форм присоединяется к полнозначным словам в составе предложения, дополняя и уточняя их содержание, то категориальная характеристика полнозначного слова, относящая данное слово к грамматическому классу или подклассу, дана в слове как таковом до появления его в предложении и от содержания предложения не зависит.

Грамматические значения характеризуются еще специфическим модусом осознаваемости. В отличие от значений полнозначных слов они никогда не становятся даже временной целью мысли. Они сознаются не сами по себе, а только в связи с полнозначными словами в общем контексте предложения. Необходимо присутствуя в выражаемой предложением мысли, они скрываются, так сказать, в ее теневой стороне. Это обстоятельство является одной из причин, затрудняющих экспликацию содержания грамматической формы. Каждый исследователь по собственному опыту знает, сколь трудно вычленишь и эксплицитно сформулировать значения грамматической формы.

Разграничение уровней осознаваемости в языке позволяет приблизиться к решению вопроса о соотношении грамматики и логики, уже давно ставившегося в науке. Сходство языковых и логических категорий отмечалось многими исследователями. Вместе с тем исследователей не покидало сознание неправомерности механического перенесения логических понятий в грамматику. Двойственное отношение языковедов к логике может найти себе объяснение в том, что уровни осознаваемости мыслительных категорий не являются чем-то внешним и случайным для самих категорий, чем-то посторонним для них. Модус осознаваемости мыслительных категорий заметно меняется с развитием мышления и его категориального каркаса. По мере развития познавательной

деятельности и усложнения активности мысли категориальный аппарат сознания не только приумножается, но также перестраивается, претерпевая качественные сдвиги. Унаследованные от прежнего уровня развития категории хотя и сохраняются, но, уточняясь, ограничиваются в своем содержании и вступают в связь с новыми категориями, отпочковавшимися от старых, недостаточно дифференцированных категорий. Хотя внутренняя связь между многими грамматическими и логическими категориями несомненна, но, подменяя грамматические категории одноименными логическими, мы вносим сумятицу в понимание уровневой структуры мышления, где высшие уровни, отчасти повторяя категориальный состав низших уровней, вместе с тем существенно отличаются от низших большей дифференцированностью и отточенностью их категориального состава.

Вычленение семантико-грамматических категорий и достаточно полное определение их инвентаря имеет в свете сказанного принципиальное значение для истории мышления и для понимания его иерархической структуры. Следует, однако, заметить, что, несмотря на чрезвычайную подробность грамматик многих языков, ни одна грамматика не содержит пока полного и вполне обоснованного перечня семантико-грамматических категорий. Объясняется это прежде всего тем, что учение о типах грамматических значений недостаточно разработано. Грамматический строй языка содержит в себе не только семантико-грамматические категории, но и грамматические категории иных типов, отграничить которые от семантико-грамматических категорий не всегда легко. Для того чтобы выделить семантико-грамматические категории, необходимо иметь ясное представление о роли этих категорий в процессах порождения речи, т.е. процессах образования озвученной мысли и отчуждения ее слушателю. Эти процессы непосредственно недоступны наблюдению, и судить о них мы можем только по косвенным данным. Несмотря на заметные успехи в этом направлении, мы не можем еще делать окончательных выводов по этому вопросу.

Не всегда легко, например, отделить семантико-грамматические, т.е. элементарные мыслительные, категории от коммуникативных. Так, категории “темы” и “ремы”, играющие важную роль в построении текста, как и связанные с ними категории

субъекта и прямого объекта, нередко относятся исследователями к разряду семантико-грамматических категорий. Между тем имеются веские основания для того, чтобы, не умаляя роли этих категорий в системе языка, отнести их к числу коммуникативных. Помимо семантико-грамматических и коммуникативных категорий в системе языка имеются еще прагматические категории, отражающие стремление говорящего воздействовать на поведение слушателя и его эмоциональный настрой. Таковы, например, категории, воплощенные в формах повеления, восклицания, вопроса и т.д. Необходимо тщательный анализ грамматических фактов для того, чтобы должным образом разобраться в них и отделить мыслительные категории от иных разрядов грамматических значений.

Значительные трудности на пути к выделению и адекватной классификации грамматических значений возникают в силу крайне сложных и запутанных отношений между формой и содержанием в языке. Наивное представление, будто за тождеством форм в разных языках непременно скрывается тождество содержания, а за различием форм — различие содержания, нередко приводит исследователей языка к искусственному конструированию семантических категорий. Если, например, в таком языке, как абхазский, отношения между предикатом и его компонентами выражаются с помощью многоличного согласования, а в русском языке те же отношения выражаются управлением, то исследователь, склонный за каждым различием форм видеть различие содержания, будет отстаивать тезис, будто один язык отличается в этом случае от другого не только морфологически, но и по существенным семантико-грамматическим основаниям.

Вычленению семантико-грамматических единиц мешают во многих случаях предвзятые идеи лингвистического функционализма, к которым помимо уже упомянутого постулата об изоморфизме формы и содержания в языке относится еще явно или интуитивно исповедуемое положение о непроницаемости подсистем языкового строя. Согласно такому взгляду, каждая подсистема языка, имеющая дело с содержательными языковыми единицами, обладает своим набором формальных и функциональных средств, не повторяющихся в других подсистемах. Вряд ли можно возражать против мнения, что лексическая подсистема языка, его словарный состав, обладает рядом особенностей, отличающих лексическую подсистему от морфологии

и синтаксиса. Но эти отличительные признаки не препятствуют тому, что во многих случаях подсистемы соприкасаются и дублируют одна другую, выполняя сходные функции. Синтаксис, например, изучающий процессы сочетания слов в предложении и далекий, казалось бы, от процессов выражений лексических значений, относящихся к области лексикологии и, в частности, словообразования, используется во многих случаях как подсобное средство выражения лексических значений.

Способность синтаксических конструкций служить средством различения лексических значений сыграла, можно думать, значительную роль в обособлении таких специфических конструкций, как активная, эргативная, аффективная, привлекая к себе внимание многих исследователей. Подобно тому как в русском языке безличная конструкция явилась средством превращения личных глаголов действия в безличные глаголы стремления, желания, переживания и т.п., точно так же в языках иного строя эргативная конструкция могла послужить средством образования аффективных глаголов, выражающих эмоции, желания, чувственное восприятие и т.п.

Взаимодействие элементов различных подсистем в процессах выражения семантико-грамматических категорий приводит иногда к образованию формализованных синтаксических категорий, которые сами по себе лишены семантического содержания, но необходимо приобретают его в контексте предложения. К числу таких формализованных категорий относятся категории притяжательности.

Притяжательность, или принадлежность, обычно определяется в грамматике как присущее грамматической форме значение владения, обладания чем-нибудь. Однако во многих случаях фиксируемое для такой формы значение вступает в противоречие с реальным содержанием словосочетания и в итоге расплывается. Если применительно к сочетаниям типа *моя рука* или *крыша дома* значение принадлежности еще имеет смысл, то во многих других случаях это значение представляется натяжкой. Разве *мой отец* означает “принадлежащий мне отец”, а *мой дом* в значении “дом, в котором я живу” означает в то же время “принадлежащий мне дом”? Ср. также *мой стол* в столь различных значениях, как “приобретенный мною стол”, “стол, за которым я сижу в институте” и “сделанный мною стол” (в устах столяра); ср. еще *мой грипп* в предложении типа *Он подхватил мой грипп* в смысле “заразился от меня гриппом”; *мой цвет*

в значении “цвет, который мне к лицу”, *мое кресло* в смысле “кресло, на котором я люблю сидеть в театре”, и т.д. Только педант может настаивать на том, что во всех таких примерах одинаково прощупывается значение принадлежности.

В действительности, как нам представляется, формы притяжательности выражают некое, далее не специфицируемое отношение между двумя предметами, призванное актуализировать один из них, конкретизировать его. Подразумеваемое при этом отношение не обязательно должно совпадать с отношением принадлежности, хотя иногда и тождественно ему. Сама по себе притяжательная форма лишь намекает на наличие определенного отношения, не раскрывая его. Как же в таком случае мы узнаем, какое отношение имеется в виду? Содержащийся в форме притяжательности пробел заполняется из речевого контекста, ситуации общения и т.д. Мы имеем, таким образом, перед собой морфологическую категорию, в которой отношение актуализации редуцировано до минимума в расчете на контекст и имеющиеся у слушателя знания. Этим достигается компрессия текста, освобождение его от излишних деталей. Известная формализация конструкции, ее частичное опустошение является здесь результатом естественного процесса, реализующего возможности, заложенные в контексте.

Проблема соотношения языка и мышления решается и в другой работе – монографии С.Д.Кацнельсона “Содержание слова, значение и обозначение” (1965).

Опираясь на проведенное А.А.Потебней разграничение “ближайшего” и “дальнейшего” значения слова и на достижения как современной семасиологии, так и смежных с лингвистикой наук – философии и психологии, С.Д.Кацнельсон предлагает здесь оригинальное решение вопроса об отношении между значением и понятием. Далее он дает критический разбор антименталистических теорий значения (бихевиористских построений Л.Блумфилда и др.), концепции “общих значений” (Р.О.Якобсона, К.Бальдингера), учения Ф. де Соссюра о “значимости” (*valeur*) и гипотезы Л. Вайсгербера и других неогумбольдтианцев об особом “видении мира” (*Weltsicht*), присущем каждому данному народу. Интересен проведенный в книге анализ понятий полисемии и омонимии, выявление двойной роли контекста в уточнении содержания многозначного слова (“селекция” значения, а затем его

актуализация), разграничение этимологических и синхронных деривационных связей между эмпирически устанавливаемыми значениями. Отметим, наконец, данное здесь описание разных типов структуры понятийных полей и способов обозначения понятий.

В 60-е и 70-е годы С.Д. Кацнельсон снова обращается к языку аранта и к проблеме реконструкции древнейших этапов в развитии языка и стоящего за ним мышления. В статье “К происхождению эргативной конструкции” (1967) он уточняет свое понимание древней структуры предложения, различая в аранта два исторических напластования — архаическое и живое. В архаическом слое есть черты, которые существенно отличают язык аранта от языков, считающихся типичными обладателями эргативной конструкции. В статье “О семантико-синтаксических связях имени и глагола в языке архаического типа” (1973) речь идет главным образом о связях лексических значений имен и отыменных глаголов языка аранта и о своеобразной полисемии этих глаголов. Автор “на новом витке спирали” возвращается здесь к проблемам, занимавшим его в послевоенные годы, и стремится уточнить специфику той исторической ступени в развитии “речевого мышления”, которую можно (оговаривая сугубую условность этого термина) квалифицировать как “первобытно-образное мышление”: языки племен, вся хозяйственная деятельность которых еще недавно сводилась к примитивной охоте и собиранию съедобных плодов и растений, не являясь “первобытными” в собственном смысле слова, отражают “технику мышления”, весьма далекую от нашей.

Начиная с 50-х годов С.Д. Кацнельсон включает в круг своих интересов новую линию — сравнительно-историческое и историко-типологическое изучение фонологических систем.

Отправляясь от знаменитого “Мемуара” Ф. де Соссюра и опираясь на восходящую к Л.В.Щербе идею слогофонем, разрабатывавшуюся уже в 30-е и 40-е годы в советском языкознании, С.Д. Кацнельсон предпринимает попытку фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы (статья на эту тему опубликована в 1958 г.). При той дальней реконструкции, к которой стремится ученый, особенно существенно привлечение убедительных типологических параллелей. Оказывается, что и в этой области архаический язык аранта дает неоценимый материал. Тщательно анализируя соответствующие данные, С.Д. Кацнельсон

выдвигает понятие “протофонемы” и в свете этого понятия предлагает свое решение некоторых спорных вопросов эволюции общеиндоевропейского языка и его отдельных ветвей.

Следующий шаг в исследовании фонологической проблематики — обращение к просодике, к акцентологии. В 1962 г. вышел в свет второй том коллективной “Сравнительной грамматики германских языков”, в которой С.Д.Кацнельсону принадлежит глава, посвященная акцентологии (1962), а в 1966 г. — его большая монография “Сравнительная акцентология германских языков” (1966). В этой книге на основе подробного анализа богатейшего материала скандинавской и диалектной западногерманской (главным образом рейнской) акцентуации автор показал определяющую роль просодических факторов в истории германской фонологической системы.

Для характеристики общей позиции С.Д.Кацнельсона по вопросам фонологии, фонологической эволюции языка и научной реконструкции этой эволюции принципиально важны статьи “Фонемы, синдемы и “промежуточные” образования” (1971), “Звуковые законы и их внутренние механизмы” (1976), “Метод системной реконструкции и внутренняя хронология историко-лингвистических фактов” (1972). Существенна идея органического единства “дискретных” и “непрерывных” элементов речевого потока при одновременном признании определенного функционального различия между ними (различительная функция фонем и “скобочная”, соединительно-разделительная функция “синдем”), как и идея совмещения этих функций в “промежуточных образованиях” разного рода. Это в известной мере сопоставимо с концепцией единой семантики в грамматических работах ученого и выделением в них своеобразной промежуточной сферы “скрытой грамматики”. Далее, существенно требование, не ограничиваясь констатацией “регулярностей” звукового развития (“звуковых законов” в смысле учения младограмматиков), вскрывать подлинные закономерности этого развития, т.е. выяснять его внутренние механизмы, что невозможно без обращения к методам системной реконструкции. И здесь снова напрашивается одна несомненная аналогия с проявившимся в грамматических и лексикологических трудах С.Д.Кацнельсона стремлением к системному рассмотрению языковых фактов, а также к выявлению — особенно в работах 70-х годов — внутренних механизмов порождения речи.

Одна из важных заслуг С.Д. Кацнельсона как языковеда-германиста состоит в том, что он “предложил новую интерпретацию закона Вернера, а также дал общую картину сравнительно-исторического анализа германских языков” (Касевич, 1990: 25).

Датскому исследователю, как известно, удалось связать казавшиеся беспорядочными чередования германских спирантов с местоположением индоевропейского иктуса в слове и тем самым устранить многочисленные исключения из закона германского передвижения согласных, открытого Р. Раском и Я. Гриммом. Как показал Вернер, полученные из индоевропейских глухих смычных (р, т, к) германские спиранты f, р, h, как и унаследованный из индоевропейского дентальный спирант s обнаруживают регулярные колебания в зависимости от места индоевропейского иктуса в слове. Так, санскр. *pitā*, греч. *patēr* ‘отец’ с окситонным ударением в германском соответствует вариант со звонким согласным (ср. готск. *iadar*, др.-англ. *fæder* и др.), тогда как санскр. *bhrātā* ‘брат’, греч. *phrāter* ‘член фратрии’ с баритонным ударением соответствуют готск. *brōþar*, др.-сакс. *brōther* и др. с глухим спирантом.

Установленная Вернером связь казалась неожиданной, но хорошо подтверждалась соответствиями. Попытки объяснить ее долго не имели успеха. Часто повторявшиеся ссылки на роль интерсонорной позиции в озвончении спирантов лишены убедительной силы, так как в той же позиции встречались и глухие спиранты.

Лишь в самое последнее время в результате сравнительного исследования германских просодических систем были вскрыты внутренние механизмы, способствовавшие возникновению чередований по закону Вернера. Как выяснилось, в германском существовала просодическая система, функционально оморфная индоевропейской словесной акцентуации, но по своему материальному воплощению существенно отличавшаяся от нее. Если в санскрите и древнегреческом ударение было подвижным и встречалось как на корневых, так и на конечных слогах, то в германском оно было фиксировано на корневом слоге, и индоевропейская подвижность ударения была замещена здесь просодическими вариациями корневого слога. В зависимости от количества слога, его краткости, долготы или сверхдолготы, а также фонемного наполнения просодические контуры слога принимали различный вид.

Ключом к закону Вернера являются вариации шумных в чередованиях просодема. Пока трехмерная акцентуация на долгих корневых слогах с шумным согласным в исходе сохранялась, различие сильной и слабой степени определялось в них разновидностью просодического контура. Когда же впоследствии трехмерная акцентуация на таких слогах сменилась двухмерной и шумные выпали из фонемного базиса, бывшие просодические вариации шумных дефонологизировались. Звонкие и глухие степени шумных, обусловленные трехмерной акцентуацией определенного типа, превратились в различия звонких и глухих фонем. Следует, впрочем, оговориться, что “по меньшей мере для древней поры правильнее будет говорить не о различии звонких и глухих, а скорее о различии слабых и сильных согласных. Как показывает рассмотрение германской просодики во всех ее частях, фонологически релевантной для нее была корреляция интенсивности и слабости, а не звонкости и глухости” (курсив мой. — А.К.) (Кацнельсон, 1986:197).

Установленное Вернером правило, согласно которому индоевропейской окситонезе в общегерманском соответствовал звонкий спирант, а индоевропейской баритонезе — глухой, действительно лишь для одного фрагмента древнейшей германской слоговой акцентуации. Слова с другими шумными в исходе корневого слога остались вне поля наблюдений выдающегося компаративиста. Объясняется это тем, что чередования согласных привлекли его внимание лишь в связи с многочисленными исключениями из закона передвижения согласных (Кацнельсон, 1986: 196–198).

При широком диапазоне научных интересов С.Д.Кацнельсона и значительном разнообразии поставленных им проблем его творчество обладает большой внутренней цельностью, что обусловлено единством мировоззрения ученого и четкостью его творческого почерка. Эта цельность проявляется и в довольно многочисленных работах об отдельных лингвистах и лингвистических теориях. Из подобных работ можно назвать исследования об известных (знаковых) фигурах, представлявших доминирующие в свое время направления зарубежного языкознания: “Содержательно-типологическая концепция Вильгельма Гумбольдта” (1984), “К вопросу о стадильности в учении Поттебни” (1948а), “Пауль Г. Принципы истории языка” (1960), “Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра” (1967b), “Семантико-грамматическая концепция

У.Л.Чейфа” (1975) и многие другие. Научное творчество С.Д.Кацнельсона и его педагогическая деятельность оказали глубокое влияние на поколения лингвистов в нашей стране и за ее пределами. Многие идеи замечательного российского ученого вошли в золотой фонд современной лингвистики, а другие до сих пор вызывают плодотворные споры и дискуссии.

Основные работы С.Д.Кацнельсона

- Кацнельсон С.Д. К генезису номинативного предложения. – Л., 1936, – 110 с.
- Кацнельсон С.Д. К вопросу о стадиальности в учении Потебни. – Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1948а. – Т. 7, вып. 1. – С. 83–95.
- Кацнельсон С.Д. О грамматической категории // Вестн. Ленингр. ун-та. – 1948б. – № 2. – С. 114–134.
- Кацнельсон С.Д. Историко-грамматические исследования. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 1 : Из истории атрибутивных отношений. – 384 с.
- Кацнельсон С.Д. К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы // Вопр. языкознания. – М., 1958. – № 3. – С. 46–59.
- Кацнельсон С.Д. Вступление // Пауль Г. Принципы истории языка. – М., 1969. – С. 5–21.
- Кацнельсон С.Д. Германская акцентология // Сравнительная Грамматика германских языков. – М., 1962. – Т.2. – С. 160–220.
- Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. – М.; Л., 1965. – 68 с.
- Кацнельсон С.Д. Сравнительная акцентология германских языков. – М; Л., 1966. – 347 с.
- Кацнельсон С.Д. К происхождению эргативной конструкции // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. – Л., 1967а. – С. 33–41.
- Кацнельсон С.Д. Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра // Вопросы общего языкознания: Материалы республиканского семинара преподавателей общего языкознания. – Л., 1967б. – С. 24–43.
- Кацнельсон С.Д. Фонемы, синдемы и “промежуточные” образования // Фонетика. Фонология. Грамматика. – М., 1971. – С. 136–142. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972. – 216 с.
- Кацнельсон С.Д. Об обязательной и факультативной апокопе // Philologica. – Л., 1973. – С. 174–181.
- Кацнельсон С.Д. Семантико-грамматическая концепция У.Л.Чейфа // Чейф У.Л. Значение и структура языка. – М., 1975. – С. 407–427.

- Кацнельсон С.Д.* Звуковые законы и их внутренние механизмы // Теория языка, англистика, кельтология. – М., 1976. – С. 56–62.
- Katznelson S.D.* Grammatical semantics and syntactical formalism. // Theoretical aspects of linguistics; (Problems of the contemporary word 50). – Moscow, 1977. – P. 100–107.
- Кацнельсон С.Д.* Содержательно-типологическая концепция Вильгельма Гумбольдта // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века. – Л., 1984. – С. 126–135.
- Кацнельсон С.Д.* Теоретико-грамматическая концепция А.А.Потебни // Грамматические концепции в языкознании XIX века. – Л., 1985. – С. 59–78.
- Кацнельсон С.Д.* Общее и типологическое языкознание. – Л., 1986. – 298 с.

Основная литература о С.Д.Кацнельсоне

- Аничков И.Е.* Очерк советского языкознания // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания: Антология. – М. – 2001. – С. 443–471.
- Гак В.Г.* Валентность // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С.79–80.
- Жирмунский В.М.* Общее и германское языкознание. – Л., 1976. – С. 8–9.
- Касевич В.Б.* Акцентология // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.; 1990. – С. 25.
- Маслов Ю.С.* – ВЯ, 1973, №3, с. 126–131.
- Маслов Ю.С.* Предисловие // С.Д. Кацнельсон. Общее и типологическое языкознание. – Л., 1986. – С. 3–8.
- Степанов Ю.С.* Научные доклады высшей школы. Сер. Филол. науки. – М., 1966. – №4. – С. 170–174.

Ф.М.Березин

ПЕТР САВВИЧ КУЗНЕЦОВ

Выдающийся советский лингвист Петр Саввич Кузнецов [20.1(1.2) 1899 – 21.3.1968] принадлежит к тому кругу отечественных ученых, которые внесли крупный вклад в современную лингвистику. Глубокий и проникновенный исследователь различных сторон русского языка, его истории и его диалектов, ведущий фонолог, общий языковед. Петр Саввич в то же время был крупным специалистом и в области угро-финских языков, а также африканистики.

Сама жизненная судьба ученого необычна: своих настоящих родителей он не знал и был усыновлен друзьями своего отца.

С приемной семьей и была связана судьба мальчика. В 1910 г. он поступил в гимназию, которую окончил с отличием. “Несмотря на высокий уровень преподавания, нам никто не говорил о лингвистике как особой отрасли науки, и я имел о ней очень смутное представление, — пишет в своих “Воспоминаниях” Петр Саввич (Кузнецов Воспоминания: 19).

По окончании гимназии Петр Саввич поступает на историческое отделение историко-филологического факультета Московского университета. Но в это время кончилась отсрочка от военной службы для студентов и Петра Саввича мобилизуют в армию. Демобилизовавшись в 1923 г., Петр Саввич вернулся в Москву и поступил в Брюсовский литературный институт, где учился в 1923/24 г., а в 1924/25 г. — в Институте слова, где он слушал лекции Дмитрия Николаевича Ушакова (1873–1942) и других известных ученых, посещая в то же самое время лекционные курсы по лингвистике,

которые читали Михаил Николаевич Петерсон (1883–1962) и Афанасий Матвеевич Селищев (1886–1942). Там он познакомился с будущими известными лингвистами – Рубеном Ивановичем Аванесовым (1902–1982), Владимиром Николаевичем Сидоровым (1903–1968) и др. После закрытия в 1925 г. Института слова Петр Саввич перевелся в 1926 г. в 1-й МГУ. На становление Петра Саввича как лингвиста большое влияние оказали занятия по санскриту у М.Н.Петерсона и работа в диалектологической комиссии, где председателем был Д.Н.Ушаков, а секретарем – Иван Григорьевич Голанов (1890–1967). В своих “Воспоминаниях” Петр Саввич пишет: “В это время уже не было лингвистического общества, которое при Московском университете существовало в первые годы революции. Московская диалектологическая комиссия стала, по существу, научным центром, в котором читались доклады по различным лингвистическим вопросам и где воспитывались молодые лингвисты” (Кузнецов Воспоминания: 21).

С 1926 г. Петр Саввич регулярно совершает диалектологические поездки по русскому Северу для сбора материала, результаты которых он докладывает на заседаниях диалектологической комиссии. Так, в результате диалектологических поездок в селения по течению рек Пинега и Верхняя Тойма, предпринятых в 1928 и 1929 гг., он в статье “О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы” (1949) выдвигает гипотезу о том, что русская колонизация этого края шла не с севера (вверх по течению Пинеги), а с юга (с Двины через водораздел Пинеги и Верхней Тоймы). С 1928 по 1930 г. Петр Саввич учился в аспирантуре, и с этого времени во всей дальнейшей судьбе Петра Саввича, как в зеркале, отражались все сложные, трудные и противоречивые этапы нашего отечественного послереволюционного языкознания. Представляет интерес отношение Петра Саввича к господствовавшему тогда “новому учению о языке” Николая Яковлевича Марра (1864–1934). Он вспоминает: “В середине 20-х годов, читая работы Марра, я было увлекся его теориями...но беседа о Марре с М.Н.Петерсоном ... показала мне произвольность и бездоказательность многих его построений... Последние работы Марра, появившиеся около того времени, показались мне абсурдными! <...>. Я сделал доклад о среднем роде в итальянских языках, и Марр изругал меня за индоевропеизм. Он

кричал, что не может понять, как я, молодой человек, так погряз в рутине (или в чем-то в этом роде)” (Кузнецов Воспоминания: 22).

Недолгое время Петр Саввич работал преподавателем в Смоленском и Орехово-Зуевском пединститутах, а в 1931 г. стал сотрудником Научно-исследовательского института языкознания, где работали А.М.Селищев, Р.И.Аванесов, В.Н.Сидоров, Николай Феофанович Яковлев (1892–1974), Николай Михайлович Каринский (1873–1935)) и др. “Именно в стенах НИЯза... оформилась так называемая Московская фонологическая школа, — вспоминает Петр Саввич. — Ядро этой школы образовали В.Н.Сидоров, Р.И.Аванесов, А.А.Реформатский, А.М.Сухотин и я” (Кузнецов Воспоминания: 23).

С 1933 г. Петр Саввич стал систематически заниматься африканистикой в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) и к концу учебного года мог уже говорить на суахили. В 1933 г. НИЯз был ликвидирован и Петр Саввич перешел в 1-й Московский государственный педагогический институт иностранных языков, где сперва работал как сотрудник фонетической лаборатории, а с 1934 г. — как преподаватель. С осени 1934 г. он работал в Московском городском педагогическом институте на кафедре русского языка. В 1935 г. он был утвержден в ученом звании доцента, а в 1938 г. ему была присвоена ученая степень кандидата филологических наук без защиты диссертации.

В 1939 г. Петр Саввич по приглашению Д.Н.Ушакова поступил на работу в Московский институт философии, литературы, истории (МИФЛИ), где читал курсы по исторической грамматике русского языка и истории русского литературного языка. В 1941 г. МИФЛИ был включен в МГУ им. М.В.Ломоносова, где Петр Саввич проработал почти 30 лет до конца своей жизни.

В 1941–1943 гг. Петр Саввич находился в эвакуации в г. Кудымкаре (Коми-Пермяцкий национальный округ). Он заведовал кафедрой в местном учительском институте и преподавал латынь в медицинской школе. В конце 1943 г. он возвратился в Москву и продолжил работу в МГПИ и МГУ, а с весны 1945 г. стал старшим сотрудником Института русского языка АН СССР.

В 1947 г. Петр Саввич защитил докторскую диссертацию на тему: “Из истории сказуемости употребления страдательного причастия в русском языке”, а в 1948 г. получил ученое звание профессора.

В конце 40-х годов Петру Саввичу еще раз пришлось испытать на себе давление сторонников марровского учения о языке. Он всегда выступал в защиту сравнительно-исторического метода и был сторонником теории праязыка. Сам Петр Саввич вспоминает: “В мае 1950 г. был подписан приказ о моем отчислении из Института русского языка как противника марровского учения, но 9 мая началась лингвистическая дискуссия, и приказ этот... так и остался в архивах института” (Кузнецов Воспоминания: 27).

Таковы основные этапы жизненного пути Петра Саввича.

В его творческом наследии большое внимание уделяется вопросам морфологии русского языка, ибо в морфологии он видел центр языковой системы, позволяющей проследить историческое изменение различных сторон русского языка. “Морфология образует центр этой системы [языка. – Ф.Б.], поскольку все, что в морфологии происходит на протяжении исторического развития языка, обусловлено изменениями, происходящими в других сторонах языка – в фонетике и фонологии, в синтаксическом строе, в лексике. И если некоторые явления, как может показаться, осуществляются исключительно внутри морфологии, то и для них подготовлена почва и созданы предпосылки за пределами морфологии. Вместе с тем морфология (что очень существенно для исследования ее) в наименьшей степени, сравнительно с другими сторонами языка, подвержена воздействию со стороны других языков, родственных и неродственных, а поэтому в большей степени доступна для определения ее собственных закономерностей развития” (Кузнецов, 1961: 3–4).

И в творчестве Петра Саввича очень большое место занимают исследования по исторической морфологии русского языка. В таких своих трудах, как “Историческая грамматика русского языка. Морфология” (1953), “Очерки исторической морфологии русского языка” (1959), Петр Саввич подчеркивал, что изучение исторического развития грамматического строя русского языка, особенно его морфологии, дает основу для решения многих закономерностей развития языка, изучение которых является главной задачей языкознания.

Объектом изучения морфологии он считал изучение изменений слов, т.е. форм структуры отдельных слов. Эти грамматические формы представляют собой определенное обобщение, результат длительного развития человеческого мышления. Примеры такого обобщения дает история вида и времени глагола. Развитие этих, как и

других грамматических категорий, по мнению Петра Саввича, обусловлено абстрагирующей функцией человеческого мышления. Но человек, говорит он, не может ни мыслить, ни говорить вне общества. Поэтому развитие абстрагирующей роли мышления неразрывно связано с развитием общества. “В грамматике, и, в частности, в морфологии, мы всегда имеем дело с формальным выражением некоторых отношений обобщенного характера. Но обобщающий характер, свойственный любому грамматическому строю, не остается неизменным; он сам, каков бы он ни был, является продуктом длительного исторического развития, и степень обобщения в различные эпохи исторического развития одного языка может быть различна... На протяжении истории русского языка постоянно наблюдается унификация различных типов словоизменения” (Кузнецов, 1959: 4).

В качестве примера такого изменения словоизменения он приводит выработку особой формы, отличной от именительного падежа, для выражения прямого дополнения у существительных, обозначающих одушевленные предметы: ср. *Я вижу стол.* — *Я вижу мальчика*; первоначально в русском языке такого различия не было.

Большой интерес представляют и соображения Петра Саввича по вопросу периодизации истории морфологического строя русского языка. “Основные явления, свидетельствующие о его преобразовании в направлении к той системе форм, которая характеризует современный русский язык, отражаются в памятниках XIII в. Первоначально, конечно, соответствующие факты носят единичный характер и отражаются в разных памятниках в различной степени, но интересно, что именно на XIII век падают первые засвидетельствованные новообразования, относящиеся к самым различным сторонам морфологического строя” (Кузнецов, 1959:35).

Поскольку морфология в своем развитии связана с другими сторонами языка (фонетикой, синтаксисом, лексикой), которые также исторически развиваются, Петр Саввич называет среди причин, обуславливающих развитие морфологического строя, причины синтаксические (характер и количество синтаксических отношений между словами), причины фонетические, так как фонетические изменения могут создавать определенные предпосылки — благоприятные или неблагоприятные — для морфологических изменений. Например, утрата склонения

именными прилагательными, представляющая, по существу, явление морфологическое, не может быть понята иначе, как на основе синтаксических отношений. Важнейшие изменения, происходящие в фонетике, имеют существенное значение для морфологии. Так, качественное чередование *e/o* (*везу* – *воз*) первоначально также было вызвано фонетическими причинами, причем первоначальную форму, по мнению Петра Саввича, представляют те морфемы, которые содержат *e*, формы же с *o* первоначально представляли результат позиционного фонетического изменения. Он считает вероятным, что формы с *e* в определенную эпоху были под ударением, причем *e* изменялось в *o* в том случае, если ударение с него передвигалось на соседний слог к началу или концу слова.

Указанные выше труды ученого по исторической морфологии русского языка полны тонких и глубоких наблюдений о морфологических средствах древнерусского языка, истории чередования, о частях речи в древнерусском языке, освещены морфологические процессы, характеризующие имя существительное, местоимение, прилагательное, глагол. Он вывел и некоторые общие закономерности развития грамматических категорий и форм, к числу которых относятся обобщающий характер морфологии, унификация различных типов словоизменения. Пожалуй, с полным правом можно сказать, что после работ Петра Саввича у нас не появлялось столь глубоких и всесторонних работ по исторической морфологии русского языка.

Характерной особенностью этих работ является широкое проявление письменных памятников и особенно диалектного материала. Петр Саввич увлекался проблемами описательной и исторической диалектологии, с большим интересом собирал диалектные особенности русского языка в диалектологических экспедициях по русскому Северу. Диалектологические факты использовались им для исследования исторических процессов и современного состояния русского языка как целостной системы.

Свои мысли и наблюдения о важности диалектологического материала для изучения истории русского языка Петр Саввич обобщил в учебнике для учительских институтов “Русская диалектология” (1951), в котором он писал, что “данные, извлекаемые из письменных памятников, во многих случаях получают более полное и точное освещение, если они подкрепляются и дополняются данными современных русских говоров.

Сопоставление данных памятников и говоров дает возможность получить более полную картину исторического развития русского языка” (Кузнецов, 1951:4). Знание диалектизмов помогает понять и многие произведения художественной литературы. Так, И.С.Тургенев в рассказе “Хорь и Калиныч” использует слово *площади*, разъясняя, что площадями в Орловской губернии называются большие сплошные массы кустов. Н.А.Некрасов в “Размышлении у парадного подъезда” в строчке “То бурлаки идут бечевой...” ставит ударение на *á* (вместо литературного *бурлаки*), ибо *бурлаки* произносится в ярославских и некоторых других приволжских говорах.

“Из сказанного ясно, – пишет Петр Саввич, – что для полного понимания художественного произведения и для объяснения всех его особенностей ученикам учитель-словесник должен владеть элементами диалектологии.

Приведем пример. У некоторых учеников дер. Новоселки Рыбновского района Рязанской области были отмечены ошибочные написания типа *Туръенев* вместо *Тургенев*... Если учитель не поймет причин этой ошибки, он не найдет и скорейшего пути к ее исправлению и предотвращению в будущем. Ошибка же эта объясняется тем, что *ъ* используется в нашей орфографии как “знак-отделитель” между согласной и гласной буквой, он обозначает, что гласную букву нужно произнести как сочетание *й* с последующим гласным звуком. В большинстве говоров Рязанской области произносится не взрывное *г*, а фрикативное (в транскрипции оно изображается как *γ*). Но в положении перед гласными переднего ряда (к которым, как известно, принадлежит и *е*) *γ* фрикативное, приобретая более переднюю артикуляцию, сближается с среднеязычным звонким фрикативным согласным *й* (или в транскрипции *j*). Отсюда произношение *Турйенев*, что ученики передали на письме как *Туръенев*” (Кузнецов, 1951:5-6).

Эти наблюдения Петра Саввича как преподавателя русского языка в школе и учительском институте не потеряли своего значения и для учителей-словесников в современной школе.

В общезыковедческих исследованиях Петра Саввича центральное место занимают работы по проблемам фонологии и разработка теории фонемы. Свои взгляды на фонему Петр Саввич излагает в статье “К вопросу о фонематической системе

современного французского языка” (1941), в которой он подчеркивает необходимость рассмотрения звуковой стороны языка как средства выражения и различия значимых элементов звука. Фонемы, с его точки зрения, являются дифференциаторами смысла, а сама теория фонем утверждает иерархию звуковых качеств. К звуковой стороне языка, считает Петр Саввич, следует подходить с точки зрения их функциональной значимости, хотя звуки с материальной точки зрения могут быть одинаковыми. Так, в словах *стол* (именительный падеж) и *стола* (родительный падеж) корневой гласный *о* выполняет одинаковую функцию, определяя корень этого слова, но дифференцирует их значение – в одном случае [о] в другом – [А]. Вот эти неделимые в функциональном отношении звуки-дифференциаторы Петр Саввич и называет фонемами. Каждая значимая часть слова (морфема) состоит минимум из одной фонемы. Звуки речи, по мнению Петра Саввича, могут находиться в двух позициях: *minimum* и *maximum*.

В позиции *minimum* выступают варианты и вариации фонем. В позиции *maximum* выступают фонемы, выраженные звуками различных классов. Фонемы, отличающиеся друг от друга в позиции дифференциации *maximum*, но утрачивающие различие друг от друга в позиции дифференциации *minimum*, Петр Саввич объединяет термином *гиперфонема*, в котором на первый план выступает момент функциональной значимости. Фонологическими средствами языка Петр Саввич считает и ударение в его отношении к целому слову, и интонацию в его отношении к целому высказыванию.

В этой статье П.С. Кузнецов дал следующее определение фонем: “Фонемами называются звуки, могущие служить единственным средством различения морфем в позиции дифференциации, *maximum* звуков данного языка” (Кузнецов, 1970а: 185). Фонемы, отличающиеся друг от друга в позиции дифференциации *maximum*, но утрачивающие различие друг от друга в позиции дифференциации *minimum*, П.С. Кузнецов, вслед за В.Н. Сидоровым (1903–1968), называет гиперфонемами. В целом задачу теории фонем он видит не только в установлении общего количества фонем, но и в определении смыслоразличительной роли звука в каждом конкретном случае.

Эту свою статью Петр Саввич характеризовал так: “... кафедра русского языка МГПИ... содержала в своем составе ядро Московской

фонологической школы. Это обстоятельство, а также моя работа в Институте иностранных языков, где я в первую очередь был связан с французским факультетом, привели к тому, что моя первая теоретическая работа была посвящена изложению фонемной системы современного французского языка с критическим анализом предшествующих решений и с большим общетеоретическим введением, так как общие положения Московской школы в это время еще нигде печатно изложены не были” (Кузнецов Воспоминания: 25). А.А. Реформатский с полным правом считает указанную статью Петра Саввича этапной в развитии отечественной фонологии, поскольку он дал в ней нужные определения фонемы и гиперфонемы, корреляции, нейтрализации, вариантов и вариаций. “Эта статья является одной из первых, излагавшей общие положения Московской фонологической школы и одновременно показавшей приложение этих идей к конкретному описанию фонологической системы одного языка” (Реформатский, 1970: 25–26).

Из указанной работы Петра Саввича, а также из вышедших примерно в это же время работ Александра Александровича Реформатского (1900–1978), Рубена Ивановича Аванесова (1902–1982), Владимира Николаевича Сидорова (1903–1968) видно, “что в 30-е – начале 40-х годов складывается новое направление в области фонологических исследований. Авторы создали свое, во многом отличное от школы Л.В. Щербы, учение о фонеме. Эта фонологическая концепция... была использована многими советскими языковедами как своего рода теоретический фундамент конкретных фонетических исследований” (Протогенов, 1970:30).

Свои собственные фонологические взгляды, а также взгляды представителей Московской фонологической школы Петр Саввич суммирует в статье “Об основных положениях фонологии” (1959). В статье доказывается необходимость разработки для фонетики и фонологии своей системы аксиом, т.е. определений и положений, принимаемых без доказательств, которые в то же время не противоречили бы аксиомам других областей знания. В статье речь идет об аксиомах в фонологии. Одной из таких аксиом должна быть фонема в фонологии и звук речи в качестве метапонятия в фонетике. Любое высказывание любого говорящего на любом языке, говорит Петр Саввич, состоит из некоторой последовательности звуков речи, а звуком языка он называет множества звуков речи, частью тождественных,

частью близких друг другу в артикуляционно-акустическом отношении, которые встречаются в самых различных речевых потоках, в составе самых различных значимых единиц (слов, морфем).

По мнению Петра Саввича, фонемы и звуки языка данной языковой системы обычно представляют собой пересекающиеся множества звуков речи. Группу фонем, представляющих собой взаимнопересекающиеся множества звуков речи, он, согласно терминологии Московской фонологической школы, называет гиперфонемой. Так, звуки типа *о* в первом предударном слоге таких русских слов, как *собака*, *корова* (фонетически *сБака*, *кАрова*), представляют собой вариант одновременно фонем *а* и *о* или гиперфонемы *а-о*. Различие фонем устанавливается на основании различия звуков в составе слов; слова же состоят из морфем, каждая из которых представляет определенную последовательность фонем. Поэтому Петр Саввич называет фонемы различителями или дифференциаторами морфем. Петр Саввич подходит к морфологическому обоснованию понятия фонемы. Он пишет: “Основным понятием фонологии является фонема. Каждый язык или диалект обладает определенным конечным числом отличных друг от друга фонем. Каждая фонема представляет собой некоторый класс звуков речи... Фонемы и звуки языка могут представлять собой классы взаимно пересекающиеся <...>. Определить принадлежность того или иного звука речи к той или иной фонеме, не принимая во внимание морфем, в составе которых фигурирует тот или иной звук речи, невозможно. Принадлежность различных звуков речи к одной фонеме определяется не артикуляционно-акустической близостью их, т.е. не принадлежностью к одному или близким друг другу в артикуляционно-акустическом отношении звукам языка, а положением звуков речи в морфеме. Каждая фонема данного языка или диалекта отлична от всех остальных фонем того же языка или диалекта <...>. Любой звук речи находится в составе какой-то морфемы и занимает в ней (среди других звуков речи) определенное по счету место” (Кузнецов, 1970: 475). Здесь же Петр Саввич еще раз уточняет понятие вариации фонемы, понимая под вариациями множество звуков речи, принадлежащих к таким звукам языка, которые входят внутрь какой-либо фонемы. Так, например, множество звуков речи, образующих звук языка *ä* переднего ряда под ударением между мягкими согласными (в таких словах, как *пять*,

мать [п'ät'] [м'ät']), как и множество звуков речи, образующих более заднее *a* под ударением перед твердым *л* и после твердого согласного (*палка, упал*), представляют собой различные вариации фонемы *a*.

В работах “О дифференциальных признаках фонем” (1958) и “Проблема дифференциальных признаков в фонологии и разграничения различных типов их” (1963) Петр Саввич продолжает развивать выдвинутые ранее положения, уточняя некоторые детали. Поскольку дифференциальными признаками характеризуются (отличаются друг от друга) именно фонемы, то Петр Саввич и определяет фонему как совокупность дифференциальных признаков, подвергающихся нейтрализации. В языке целые категории звуков данного языка могут отличаться друг от друга одновременно двумя признаками, например, звонкость/глухость, напряженность/ненапряженность. Вот эти признаки и являются дифференциальными признаками, различающими фонемы. “Ряд лингвистов – для примера можно назвать П.С. Кузнецова, А.А. Реформатского, А. Мартине – многократно отмечали условный характер как самого списка фонологических дифференциальных признаков, так и, в частности, распределения положительных и отрицательных элементов” (Звегинцев, 1970:94). Петр Саввич полагает, что определение фонем на основе дифференциальных признаков было бы возможным, если можно было бы надлежащим образом подойти к определению дифференциального признака и к ограничению дифференциальных признаков от дополнительных.

Вероятно, можно с уверенностью сказать, что фонологическая концепция Петра Саввича представляет собой самостоятельное учение в недрах Московской фонологической школы.

Петр Саввич был не только крупнейшим исследователем русского языка в его современном состоянии и в его истории, не только одним из основоположников современной отечественной фонологии в ее московском варианте, но и одним из самых эрудированных советских лингвистов. Он занимался проблемами сравнительно-исторического языкознания, владел сопоставительно-типологическими, структурными и математическими приемами исследования.

Из сравнительно-исторических исследований Петра Саввича следует особо упомянуть его доклад на IV Международном съезде славистов “Развитие индоевропейского склонения в общеславянском языке” (1958), в котором подвергается пересмотру прежняя точка

зрения о сравнительно позднем происхождении шестипадежной системы именного склонения в общеславянском. Он утверждал, что многочисленные соответствия между фактами славянских и балтийских языков, с одной стороны, и остальных индоевропейских языков – с другой, говорят о том, что шестипадежная система (не считая звательной формы) унаследована общеславянским и даже общеславянобалтийским языком от более раннего времени. По мнению Петра Саввича, прежняя индоевропейская система именного склонения в общеславянский период претерпела существенные изменения, без учета которых трудно объяснить характер именного слово- и формоизменения в позднейшие эпохи развития славянских языков. Свою точку зрения на данную проблему Петр Саввич формулирует с предельной четкостью: “Основные изменения эпохи общеславянского языка, которые начались, вероятно, еще раньше и продолжались вплоть до конца общеславянского периода, отразившись в системе отдельных славянских языков, были следующие: 1) нарушение и утрата старых границ между различными типами склонения вследствие забвения говорящими семантических оснований древнего разделения, забвения первоначального значения детерминативов; 2) все дальше идущее подчинение подразделения по типам склонения подразделению по родам; 3) все большая регуляризация склонения (устранение гетероклитического склонения, рост продуктивности более поздних и регулярных типов); 4) установление большего соответствия... в границах функционирования падежных форм различных чисел; 5) различные звуковые изменения в конечных слогах слова, происходившие главным образом на общеславянской почве и, с одной стороны, приведшие к расхождению форм, ранее близких друг к другу, а с другой стороны, создававшие почву для переразложения морфологической структуры имени и для дальнейшей унификации различных типов склонения на основе общей тенденции выражения одних и тех же синтаксических отношений одними и теми же морфологическими средствами” (Кузнецов, 1958: 38–39).

Немало интересных выводов относительно праславянского состояния содержится в книге П.С. Кузнецова “Очерки по морфологии праславянского языка” (1961). Задачу этих “Очерков” он видит прежде всего в том, чтобы реконструировать именно общеславянское состояние, а не исследовать развитие материала на

почве отдельных славянских языков. При изучении морфологической структуры праславянского языка Петра Саввича интересовали прежде всего структура отдельного слова, состав входящих в него морфем, характер их соединения в слове, форма морфем и способы выражения в морфемах отношений различного рода. К структуре слова Петр Саввич относил также ударения и тоны.

Что касается понятия праязыка, то Петр Саввич говорил о нем как об исторически подвижной системе, развивающейся во времени и пространстве. Он писал: “Реконструируя те или иные формы, мы всегда должны представлять себе историческую (временную) перспективу этого развития, представлять себе, что восстанавливаемые формы могут относиться к различным периодам развития. Мы можем одну и ту же форму (и в несколько различном облике) восстанавливать на разных этапах ее развития, различные же восстанавливаемые формы могут принадлежать одному или различным периодам развития соответствующей языковой системы” (Кузнецов, 1961:5).

В связи с этим Петр Саввич придавал особое значение установлению относительной хронологии реконструируемых (фонетических и морфологических) явлений и последовательности их развития на протяжении более или менее длительных периодов.

Петр Саввич не был кабинетным ученым, стоящим далеко от нужд и практических потребностей школы. Начиная с 30-х и вплоть до 60-х годов он написал ряд пособий по русскому языку для школьников различных годов обучения, пособий для учащихся педучилищ, для преподавателей русских и нерусских школ, для студентов-иностранцев.

Для истории отечественного языкознания большое значение имеют работы Петра Саввича, в которых освещается деятельность отечественных и зарубежных лингвистов, а также дается характеристика определенных этапов развития лингвистической мысли. В этом плане особо следует отметить работы Петра Саввича “У истоков русской грамматической мысли” (1958), в которой дано сжатое изложение истории грамматической литературы в России, начиная с древнейших дошедших до нас сочинений этого типа и кончая XVIII в.

Как писал А.А. Реформатский, со смертью Петра Саввича осиротели его друзья и близкие, его ученики и многочисленные “подзащитные”, к числу которых относится и автор настоящей

статьи, у которого Петр Саввич выступал оппонентом по кандидатской диссертации. В моей памяти Петр Саввич остался живым остроумным человеком, с подвижным выражением лица, подергиваемым легким нервным тиком, человеком, не лишенным и некоторых человеческих слабостей, слегка ироничным и вместе с тем обаятельным. Можно согласиться со словами А.А. Реформатского, что со смертью Петра Саввича осиротела и наша наука — лингвистика.

Литература

- Звегинцев В.А.* Семиолингвистические универсалии // Язык и человек: Сб. статей памяти профессора Петра Саввича Кузнецова (1899–1968). – М., 1970. – С. 93–109.
- Кузнецов П.С.* Воспоминания. // Реформатский А.А. Петр Саввич Кузнецов // Язык и человек: Сб. статей памяти профессора Петра Саввича Кузнецова (1899–1968). – М., 1970. – С. 18–30.
- Кузнецов П.С.* Русская диалектология. – М., 1951. – 142 с.
- Кузнецов П.С.* Очерки исторической морфологии русского языка. – М., 1959. – 275 с.
- Кузнецов П.С.* К вопросу о фонематической системе современного французского языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия. – М., 1970 а. – С. 162–203.
- Кузнецов П.С.* Об основных положениях фонологии // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия. – М., 1970а. – С. 470–480.
- Кузнецов П.С.* Очерки по морфологии праславянского языка. – М., 1961. – 148 с.
- Кузнецов П.С.* Развитие индоевропейского склонения в общеславянском языке. – М., 1958. – 62 с.
- Протогенов С.В.* История учения о фонеме. – Ташкент, 1970. – 95 с.
- Реформатский А.А.* Петр Саввич Кузнецов // Язык и человек: Сб. статей памяти профессора Петра Саввича Кузнецова (1899–1968). – М., 1970. – с. 18–30.

Основные работы П.С. Кузнецова

- Кузнецов П.С.* Русская диалектология. – М., 1951. – 142 с. (2-е изд. 1954; 3-е изд. 1960).
- Кузнецов П.С.* Морфологическая классификация языков. – М., 1954. – 34 с.
- Кузнецов П.С.* Развитие индоевропейского склонения в общеславянском языке. – М., 1958. – 62 с.
- Кузнецов П.С.* У истоков русской грамматической мысли. – М., 1958. – 76.
- Кузнецов П.С.* Очерки исторической морфологии русского языка. – М., 1959. – 275 с.

Кузнецов П.С. О принципах изучения грамматики. — М., 1961. — 100 с.

Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка: Морфология. — М., 1953. — 512 с. (2-е изд. 1965, 555 с.).

Библиографию работ П.С.Кузнецова (1928–1968) см. Язык и человек: Сб. статей памяти профессора Петра Саввича Кузнецова (1899–1968). — М., 1970. — С. 5–17.

Основные работы о П.С. Кузнецове

Ганцев Ж.В. Памяти Петра Саввича Кузнецова // Научн. докл. высш. школы. Филолог, науки. — М., 1968. — № 3. — С. 126–127.

Горшкова К.В., Иванов В.В. Памяти Петра Саввича Кузнецова // Вести. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. — М.: 1968. — № 5. — С. 90–94.

Успенский Б.А. Петр Саввич Кузнецов. 1899–1968 // Вопр. языкознания. — М., 1968. — № 3. — С. 158–159.

Журавлев В.К. Петр Саввич Кузнецов. 1899–1968 // Рус. речь. — М.: 1970. — № 1. — С. 31–33.

Реформатский А.А. Петр Саввич Кузнецов (1899–1968) // Язык и человек: Сб. статей памяти профессора Петра Саввича Кузнецова (1899–1968). — М., 1970. — С. 18–30.

Булахов М.Г. Петр Саввич Кузнецов // Восточнославянские языковеды. — Минск, 1977. — Т. 2. — С. 312–327.

Березин Ф.М. Петр Саввич Кузнецов — жизнь и труды: (К 100-летию со дня рождения ученого) // Рус. яз. в школе. — М., 1999. — № 1. — С. 88–94.

Ф.М.Березин

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛАРИН

Автобиография Бориса Александровича Ларина

“Родился 5(17) января 1893 г. в г. Полтаве в семье учителя, позже ставшего священником. Отец умер в январе 1930 г., мать умерла в 1937 г. Учился в Каменец-Подольской гимназии (1902–1906), потом в Киевской Коллегии Павла Галагана (1906–1910), наконец, в Киевском университете на историко-филологическом факультете (1910–1914). В студенческие годы занимался древнерусской литературой под руководством проф. В.Н.Перетца, сравнительным языкознанием и санскритом — под руководством проф. Ф.И.Кнауэра. В 1913–1914 гг. дважды ездил в Литву изучать диалекты литовского языка. С начала 1915 г. был оставлен при Киевском университете (“профессорским стипендиатом”). В связи с эвакуацией Киевского университета в Саратов и уходом из университета моего руководителя проф. Кнауэра, был командирован в Петроградский университет (осенью 1916 г.). Там продолжал занятия по славистике под руководством проф. Л.В.Щербы и проф. И.А.Бодуэна де Куртенэ, по санскриту — с акад. Ф.И.Щербатским, по древнеиранским языкам с акад. К.И.Залеманом, по романским языкам с проф. Д.К.Петровым и по балтийским языкам с доц. Э.А. Вольтером.

С 1914 (август) по 1922 г. (июнь) я вел преподавание в средних школах Киева, затем Петрограда.

С 1919 г. начал преподавание в высшей школе: во II Гос. педагогическом институте в Петрограде, затем в Объединенном III пед. институте им. Герцена (с 1920 г.), наконец, в Петроградском университете (с 1924 г.). В 1922 г. я был на Ученом совете II пед. института впервые избран профессором, затем трижды еще был утвержден в этом звании (в 1928, в 1929 и 1938 гг.).

За 37 лет преподавательской работы в высшей школе я читал многочисленные курсы (общие и специальные): по общему языкознанию, по введению в русскую этимологию, по русской диалектологии, по истории русского языка, по старославянскому языку, по сербскому и польскому языкам, по введению в балтийскую филологию, по литовскому языку, по украинскому языку, по санскриту, по языку писателя.

С 1924 г. и до 1940 г. ежегодно, а также в 1947, 1949, 1950 гг. я ездил с группами студентов и аспирантов в диалектологические экспедиции. В 1926–1931 гг. изучал речь рабочих, производственно-профессиональную терминологию текстильщиков, бумажников, керамиков, печатников. Принимал участие в организации 1-й, 2-й и 3-й Всесоюзных диалектологических конференций (1938–1939–1944 гг.), а также трех Украинских республиканских диалектологических совещаний (II, III, IV – в 1947–1949 гг.).

Основные мои работы посвящены истории и диалектологии русского языка. Ряд подготовительных исследований завершается моей докторской диссертацией: “Три иностранных источника по истории русского языка XVI–XVII вв.” (1947).

Второй цикл моих работ относится к лексикографии — главным образом русского языка, а также украинского и литовского. Несколько лет я участвовал в составлении “Толкового словаря русского языка” под ред. проф. Д.Н.Ушакова. С 1934 г. и до осени 1949 г. я посвящал много времени и сил созданию полутора-миллионной картотеки Древнерусского словаря, затем редактировал рукописи 1-го, 2-го и начала 3-го тома.

Ряд моих работ относится к теории литературного языка, стилистике, изучению языка писателя.

Небольшое число моих работ посвящено балтийской и индийской филологии.

В конце декабря 1941 г. я был эвакуирован на самолете из блокированного Ленинграда. Работал полгода в Ташкенте, затем в

Кировском пединституте в гор. Яранске (профессором и деканом), затем в Москве (в Моск. Ì пед. ин-те иностранных языков), а с осени 1944 г. снова в Ленинграде (в Университете и Ин-те русского языка АН СССР).

С 1945 г. после избрания членом-корреспондентом АН УССР я организовал в Киеве работу по составлению Диалектологического атласа украинского языка.

В июне 1949 г. я был избран действительным членом Академии наук Литовской ССР. Там же я реорганизовал словарную работу и положил начало составлению Диалектологического атласа литовского языка. После уличной катастрофы в 1952 г. в Вильнюсе я по болезни вынужден был уйти из Института литовского языка и литературы и продолжал только работу по подготовке кадров для Лит. ССР. Инфаркт миокарда в 1955 г. заставил меня еще больше сократить свою административную и преподавательскую работу. Оправившись от болезни, я хочу подвести итоги своим многолетним разысканиям по истории русского литературного языка, по лексикографии и лексикологии, по литовскому языку.

Ленинград

6 мая 1956 г.

Проф. Б.А.Ларин” (Ларин, 1977:214–215)

В дополнение к собственноручно написанной автобиографии можно сообщить следующее. С 1919 г. Ларин в Петрограде, и с тех пор этот город становится его второй родиной. С 1924 г. он в качестве доцента на кафедре общего и сравнительного языкознания привлекается к работе в Ленинградском университете. Параллельно с этим он преподавал и в педагогическом институте им. А.И.Герцена, где с 1928 г. стал профессором кафедры русского языка, и на Высших курсах при Институте истории искусств, куда его привлек Л.В.Щерба и где ему был поручен курс древнеиндийской поэзии. Кроме того, с 1923 г. Ларин – научный сотрудник Института литератур и языков Запада и Востока при ЛГУ (после 1930 г. – Институт речевой культуры)¹. С 1933 г. он ведет научную работу в Институте языка и мышления АН СССР, впоследствии Институте русского языка

¹ О работе Института речевой культуры (ИРК) см. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Институт речевой культуры и советское языкознание 20–30-х годов // Язык и речевая деятельность: – СПб. – 1999. – Т. 2. – С. 206–211. – Прим. автора.

АН СССР. С 1937 по 1941 г. Ларин заведовал кафедрой русского языка в пединституте им. А.И.Герцена.

С Ленинградским университетом Ларин связал свою деятельность в последние годы жизни: с 1944 г. он – профессор ЛГУ, а после 1951 г. ЛГУ становится его основным местом работы. Здесь он создает свою школу, основывает научный центр, ставший его любимым идейным научным центром, Межкафедральный словарный кабинет, продолжающий научные традиции своего основателя. Здесь он последовательно заведует кафедрами русского языка (1953–1954), общего языкознания (1955–1961), славянской филологии (с 1961 г. до смерти). Дважды, в 1956 и 1960 гг., он избирался деканом филологического факультета.

Научные заслуги Ларина были высоко оценены избранием в члены-корреспонденты Украинской АН (1945) и в действительные члены Литовской АН (1949). В 1961 г. Ларину было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки РСФСР. Он был награжден орденом Ленина и орденом Трудового Красного знамени.

В июле 1963 г. Ларин тяжело заболел (третий инфаркт миокарда), и 26 марта 1964 г. он скончался.

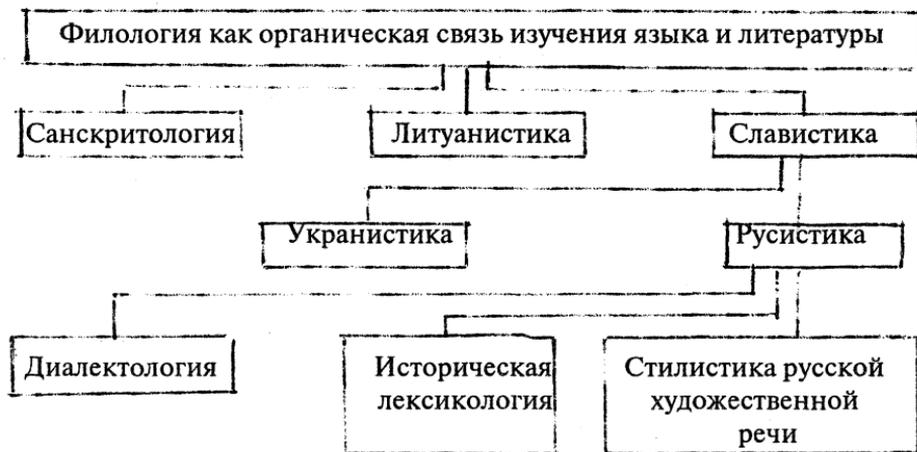
Ларин вспоминал: “С юношеских лет я вынес глубокое убеждение, что основным и первым занятием лингвиста должен быть живой язык, а не литературный. Образная фраза, которую предложил для характеристики диалекта Балли, мне кажется правильной. Она такова: литературный язык является ледяной коркой, которая сковывает поверхность потока мощного, бурного, часто мутного. Она его охраняет, но она и скрывает его тайны, его жизнь” (цит. по: Мещерский, 1971:149).

О Ларине в годы Великой Отечественной войны, когда Ларин работал в Ташкенте в период эвакуации, а также в Яранске, а затем в Москве, вспоминает Е.М.Иссерлин, которая училась у него в 1926 г. Будучи студенткой третьего курса, она впервые увидела и услышала Ларина. Молодой (ему было всего 33 года), худощавый, смуглый, он у падких на прозвища студентов был окрещен “голодающий индус”. Студенты шутливо называли свои семинары модным тогда словом “трест”. У них был Жиртрест (семинар В.В. Виноградова), появился и Гортрест (семинар Ларина по языку города). Тогдашние семинары не носили строго официального характера, всегда строились на дружественных отношениях с руководителями; студенты бывали у

них дома, руководители охотно приходили на студенческие веселые и остроумные вечеринки.

С начала войны руководимый Лариным коллектив сектора Древнерусского словаря распался, сотрудники разъехались в эвакуацию по разным городам. Иссерлин публикует выдержки из писем Ларина к ней за 1 период с августа 1941 г. по октябрь 1944 г. Эти выдержки из писем рисуют довольно подробно картину его жизни, быта, занятий, размышлений в период эвакуации. В частности, Ларин пишет ей о случившемся с ним несчастье – в лесу на дровозаготовках (в Яранске) он глубоко разрезал себе ногу, рассечена была основная артерия и ряд сосудов, повреждена кость. Он боялся за свою жизнь. Но тем не менее он вел интенсивные занятия в местном институте: читал курсы по общему языкознанию, санскриту, украинскому языку, культуре речи, руководил двумя кружками (лингвистическим и выразительного чтения). Мрачные письма писал ему В.В.Виноградов. В 1944 г. Ларин возвращается в Ленинград. “Надо возвращаться, – вспоминал Ларин, – но долго еще нельзя будет без острых болезненных ощущений касаться дверей и столов, тротуаров и решеток Ленинграда. Только новые люди могут спасти, заслонить прошлое, и дать силы к огромной созидательной работе этого года и ближайших лет” (цит. по: Иссерлин, 1993:9–20).

Ларин и продолжил эту огромную созидательную работу. “С равной глубиной научного проникновения он трудился и как санскритолог, изучая язык, литературу и культуру древнего индийского народа, и как литуанист, внимательно изучивший языки балтийской ветви – литовский и латышский, и как филолог-славист самого широкого профиля. Основные труды Б.А.Ларина принадлежат науке о языке... Особенно глубокие филологические разыскания Б.А.Ларина относятся к области исторической лексикологии, изучаемой в неразрывном единстве с семантикой, а также к исторической диалектологии славянских языков, преимущественно русского и украинского.

(Мещерский, 1971: 151).

Центральной областью научных интересов Ларина продолжала оставаться историческая лексикология и лексикография восточно-славянских языков вместе с исторической диалектологией. При этом Ларин исходил из следующего постулата: “Незыблемым ...остается положение о необходимости изучать историю языка в тесной связи с историей народа” (Ларин, 1975:7). В этом отношении Ларин целиком разделял прогрессивные взгляды русских лингвистов, в частности А.А.Шахматова (1864–1920), который также утверждал, что выяснение и исследование судеб русского народа лучше всего исследовать через данные, извлекаемые из языка и его диалектов. Через все работы Ларина проходила сквозная мысль о том, что “с историей народа, его воззрений, моральных оценок, социального уклада, быта и культурных достижений непосредственно и широко связан словарный состав языка” (Ларин, 1977: 46). Анализируя историю в русском языке таких слов, как *лютый зверь*, *семья*, *кавардак*, *буй*, *погост*, он показывает нам социальный уклад русского народа в Московской и Киевской Руси, переход значений слов от предметного значения к абстрактному, причины этого перехода. В

“Очерках по истории слов в русском языке. Вводная заметка” (1940) он выступает против отождествления истории слова с изучением его этимологии, которая до последних дней, по его словам, коснелась в сумрачных тенях Средневековья. Свою задачу Ларин понимал так: “Не происхождение слов, не зарождение образующих элементов, а конкретную историю слов — именно тех, какие мы сейчас употребляем, и именно в том составе, в каком они живут в нашем языке — необходимо подробно и углубленно разрабатывать. Этим самым определяется и база и рамки исследования” (Ларин, 1977:44). История отдельных слов, полагает он, связана с историей целых пластов словарного богатства не только в русском, но и в любом другом языке.

Отсюда понятно, почему при разнообразии и широте размаха научных интересов у Ларина центральное место занимает историческая лексикология. Во вводных лекциях к спецсеминару по исторической лексикологии, прочитанных им в 1962 г., он дал свое понимание целей и задач этого раздела языкознания, не потерявших своего значения и до настоящего времени. Если общая лексикология как наука, возникшая в русском языкознании сравнительно недавно, в 20–30-х годах XX столетия, занималась определением границ этой науки, предметом своего исследования, то историческая лексикология, полагает Ларин, должна заниматься историей слов. Далекую цель исторической лексикологии Ларин видит в выяснении таких компонентов словарной системы языка, которые в истории его развития эволюционируют единым фронтом, т.е. обнаруживают прочные устойчивые связи. Нужно, полагает он, искать целостные группы слов со стойкими внутренними связями. Ларин считает чрезвычайно неплодотворной теорию семантического поля, разрабатываемую И.Триром (1894–1970) и Г.Ипсенем, согласно которой постулировалось наличие общего (интегрального) семантического признака, объединяющего все единицы поля, выражаемого лексемой с общим значением. После выявления целостных групп слов следующий этап исторической лексикологии Ларин видит в установлении циклов, чередовании медленного эволюционного развития и переломов в развитии словарного состава, резких глубоких изменений, протекающих в относительно ограниченное время. Эта далекая цель исторической лексикологии.

Начинать же он предлагает с истории отдельных слов, исходя из структуры слова, его системных отношений, вытекающих из самой семантики слова. Важнейшим вопросом исторической лексикологии является изучение изменчивости словарного состава. Для лексиколога важна не констатация утраты слова, а выяснение причин этих утрат, причин появления новых слов, обусловленных культурно-историческими факторами. И задача исторической лексикологии, по словам Ларина, — проследить подробно, по памятникам, процесс утраты и появления слов.

По каким же причинам происходит утрата старых слов? Ларин выявляет три причины: 1) утрата слова может происходить вследствие внутренних, системных причин; 2) слова могут исчезать в силу возникающей омонимии (*ключ* от замка, *ключ* нотный, *ключ* ручей); 3) внутренней причиной исчезновения слов можно считать утрату ими морфологической прозрачности в результате действия фонетических законов (например, ст.-слав. *упъвати* после падения редуцированных должна бы дать форму *увати*; такая форма не сохранилась, и вместо нее мы имеем форму *уповати*).

На появление новых слов влияют внеязыковые факторы (появление новых идей, вещей и т.д.), которые являются определяющими.

Проблему периодизации развития русского языка с точки зрения исторической лексикологии Ларин представляет следующим образом: 1) первый этап продолжался с VI–VIII вв. н.э. до XIV в., когда древние памятники уже застали диалектные различия общевосточнославянского языка; 2) второй период XIV–XVIII вв., когда появляются современные восточнославянские языки; 3) третий период длится с XVII в. до начала XX в. После Великой Октябрьской социалистической революции начинается новейший период развития русского языка.

Источниками изучения исторической лексикологии являются: 1) берестяные грамоты, интересные тем, что они отражают обиходный новгородский язык среднего сословия, и 2) зарубежные памятники по русскому языку, которые содержат много слов, нигде больше не зафиксированных, связанных с бытом, торговлей, производством. К этому циклу работ относятся монографии Ларина “Парижский словарь москвитов 1586 г.” (1948) и “Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.)”

(1959), а также “Русская грамматика Лудольфа 1696 г.” (1937). Исследуя записи Лудольфа, Ларин определяет, что это был язык среднего городского населения и так называемых посадских людей, речь которых повлияла на установление светских литературных стилей в расцвет Петровской эпохи. В “Парижском словаре московитов” отражен общерусский бытовой язык XVI в. Русский текст записан латинскими буквами, но в фонетической транскрипции. К русскому тексту дан французский перевод.

Характеризуя указанные выше работы, Ларин в тезисах докторской диссертации “Три иностранных источника по русскому языку XVI–XVII веков” (1947) пишет: “Диалоги в книге Лудольфа... отражают московскую речь в ее пестром составе достаточно точно... Парижский словарь 1568 Московитов..., самый состав лексики, а также и фонетические особенности ее..., указывают на холмогорский говор как источник этого словаря... Изучение записей Р.Джемса привело к заключению, что в них мы имеем наиболее богатый, достоверный и ценный материал из иностранных источников по русскому разговорному языку начала XVII в., какие до сих пор найдены... однородность и близость некоторых данных записной книжки Джемса и Словаря московитов дают возможность реконструировать холмогорский говор XVII–XVIII в., они раскрывают нам, как и следовало ожидать, некоторые неизвестные и почти исчезнувшие теперь его элементы” (Ларин, 1959: 307–310).

“Содержащиеся в Словаре-дневнике Р.Джемса записи русских слов и словосочетаний (речевые формулы, идиомы, сложные термины), которых более 2200 единиц, не только раскрывают значительную часть фонда общенародной обиходной русской нации и ее языка, специфику словаря холмогорского говора этой поры, но и позволяют наглядно представить себе социальную, хозяйственную и производственную жизнь, быт и культуру русских людей в то далекое от нас время” (Волков, 1993:73).

Книга Ларина “Русско-английский словарь — дневник Ричарда Джемса (1618–1619)”, “завершающая собой серию ценных публикаций источников, до того почти не включавшихся в научный оборот русистики, может быть смело названа шедевром Б.А.Ларина” (Мещерский, 1971: 156).

Подводя итог своим рассуждениям о лексикологии, Ларин говорит, что объектом лексикологии, строго говоря, является не

слово, а тексты, в которых мы вычленим искомое, исследуемое слово и путем широкого сопоставления большого количества текстов изучаем те изменения, которые происходят и в его знаковой, и в его смысловой стороне. Тем самым устанавливается внутренняя связь исторической лексикологии с другими разделами истории языка.

Одним из таких разделов для Ларина была и оставалась диалектология как лингвистическая дисциплина, наиболее близко подводящая к пониманию закономерностей развития живой разговорной речи. В 1960 г. Ларин опубликовал статью “Историческая диалектология русского языка в курсе акад. А.А.Шахматова”, в которой он выразил полное согласие со словами Шахматова, который писал: “Диалектология изучает взаимные отношения сложившихся в пределах того или иного языка говоров, характеризует особенности этих говоров и анализирует их, если это возможно, с точки зрения их диалектного происхождения. Таким образом, в изучении диалектологии необходимо вводится сравнительно-исторический метод” (Шахматов, 1916:63).

Пример такого применения сравнительно-исторического метода при изучении лексики русских говоров Ларин дал в статье “Об архаике в семантической структуре слова (*яр-юр-буй*)” (1963), в которой он, привлекая материал славянских и индоевропейских языков, раскрыл внутреннюю форму и показал семантические процессы в указанных словах в славянских и индоевропейских языках. Современным русским говорам, отмечает Ларин, слова *яр-ярок-яруга* известны в разнообразных значениях и почти на всей территории распространения русского языка в Европе и Азии. Богатые материалы по употреблению слова *яр* и его производных свидетельствуют о его древности в русском, украинском и польском языках. Проанализировав эти слова, Ларин приходит к выводу, что “дальнейшие разыскания других цепочек, других групп слова — с однотипным, но не типичным сочетанием значений — позволяет расширить круг реконструируемых архаических семантических комплексов и написать начальную главу исторической семасиологии славянских языков” (Ларин, 1977:100). Эта намеченная Лариным линия исследований была продолжена в работах Никиты Ильича Толстого (1923–1996) и Олега Николаевича Трубачева (1930–2002).

С диалектологических поездок к литовцам и началась научная деятельность Ларина. Результаты исследования литовских говоров он

обобщил в обширной статье “Материалы по литовской диалектологии” (1926). А в августе 1946, почти сразу после войны, Ларин совершил диалектологическую поездку в Архангельскую область, в район Холмогор, где в 1618–1619 гг. почти год провел Ричард Джемс. А еще ранее, после поездок в Литву, Ларин возглавил экспедиции в ряд районов Новгородской области с тем, чтобы производить там запись материалов, характеризующих разговорную речь разных слоев населения. Летом 1963 г. он собирался совершить поездку в Саратовскую область, чтобы изучить речь выходцев из Литвы, переселившихся в Поволжье еще в XIX в. Но болезнь помешала осуществить эту поездку.

С изучением диалектов купечества, посадских людей, крестьянства на Руси в XVI–XVIII вв. связан замысел Ларина о создании проекта древнерусского языка, который послужил бы основой для создания исторического словаря русского языка. В статье “Проект древнерусского словаря” (1936) он отмечает, что без диалектологических материалов нельзя дать правильного и сколько-нибудь полного представления об истории слов в разных слоях общества, нельзя дать исторической перспективы и динамического изображения развития значений полисемантических слов, нельзя верно объяснить это развитие. Под руководством Ларина была создана уникальная картотека древнерусского словаря (ДРС), насчитывающая полтора миллиона карточек из громадного числа опубликованных и рукописных памятников русского языка древнего периода, относящихся к XV–XVIII вв. В 1941 г. был сделан пробный набор Словаря древнерусского языка XI–XVIII вв. и отпечатан первый том этого словаря и подготовлен второй том словаря. Однако в 1951 г. издание словаря было прервано, картотека ДРС была переведена в Москву, где она перестала пополняться новыми выписками. На основе картотеки ДРС Ларин написал несколько очерков по истории слов русского языка: “Очерки по истории слов в русском языке” (1940), “Из истории слов (*лютый зверь, семья, кавардак*)” (1951), “Из истории слов. Буй-погост” (1962), “Проект древнерусского словаря” “...справедливо признан не только первым научным изданием этого типа, но и образцом для последующих трудов по русской исторической лексикологии” (Мещерский, 1971:154). Картотека ДРС легла в основу “Словаря русского языка

XI–XVII вв.”, начавшего выходить в 1975 г. (Более подробно о создании картотеки ДРС см. Астахина, 1993: 30–39.)

Идея создания исторических словарей не покидала Ларина до последних дней его жизни. Частично его замыслы нашли свое отражение в Псковском областном словаре с историческими данными, инструкцию к которому Ларин составил в 1961 г. В словник словаря были включены слова, взятые из исторических памятников древней псковской письменности, начиная с XIV в. В 1967 г. вышел первый выпуск этого словаря (А – *бибишка*), в 1973 – второй выпуск (*библиотека* – *башутка*), в 1976 г. – третий выпуск (В – *взяться*), и в этом же году сдан в печать четвертый выпуск (*ви* – *вот*).

“Принцип Б.А.Ларина в расписывании древнерусских памятников для словаря заключался в том, чтобы сперва изучить историю текста памятника и памятников и только затем его расписывать для картотеки, чтобы не засорять ее ненужными карточками, Б.А.Ларин считал необходимым расписывать только древнейший текст, для чего надо было установить редакции текста и их взаимоотношения. Дата памятника, а не простая дата списка, была для него основной. В этом отношении принцип расписывания памятника на карточки совпал у Б.А.Ларина с основами современной текстологии: сперва изучить историю текста и только после этого его издавать и им пользоваться” (Лихачев, 1977:8).

Диалектизмы интересовали Ларина не только в языке древних русских письменных памятников. В статье “Диалектизмы в языке советских писателей” (1935) он отмечает, что в диалектах имеется непечатый пласт сильных эмоционально-экспрессивных средств, которые в формах диалектной речи доходят до читателя с потрясающей доходчивостью. Диалектизмы в языке художественной литературы, по мнению Ларина, служат сигналом правдивой передачи натуры. Общий вывод Ларина сводится к следующему: “Язык художественной литературы как был, так и будет на стыке книжного и разговорных типов языка. Он останется питомником языковых скрещений и сферой обновления языка человечества” (Ларин, 1974:245).

В последнее десятилетие своей жизни Ларин большое внимание уделял составлению словарей к произведениям отдельных мастеров литературы. Он считал необходимым создать такой словарь языка писателя, в котором была бы полностью отражена художе-

ственная стилистическая система, характерная именно для этого автора. Словарем такого типа должен был стать “Словарь автобиографической трилогии М.Горького”. В статье “Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М.Горького” (1962) он излагает свое понимание принципов такого словаря. Он делит все разновидности словаря писателя на два типа: а) дифференциальные и б) полные. Наиболее ценными могут быть только полные словари избранного писателя. “В словаре писателя необходимо уловить не сквозной семантический стержень множества словоупотреблений, а каждый единственный семантический комплекс слова — в каждом абзаце поэтического текста” (Ларин, 1974:221). Первым этапом работы над составлением алфавитного словаря писателя-классика является соблюдение лексикографической традиции. Затем следует второй этап — составление идеологического словаря писателя, который должен включать только канонические тексты, лишь то, что вошло в вековой фонд русской и мировой литературы. Словарь писателя — это не словарь-справочник, а словарь-монография о творческом стиле писателя, соревнующийся с “эссеистскими” монографиями литературоведов. Под руководством Ларина в Межкафедральном словарном кабинете началась работа над составлением Словаря автобиографической трилогии Горького, и в 1974 г. вышел первый выпуск этого словаря (А — *всевидающий*).

Ларина следует признать, пожалуй, одним из пионеров социолингвистических исследований в СССР, которые в 20-х годах XX в. были в зачаточном состоянии не только в СССР, но и во всем мире. Он резко выступал против марровского учения о едином мировом языке, считая представление о будущем солидарном человечестве с единым мировым языком весьма наивным. Свои взгляды о решении языковых проблем в государстве Ларин изложил в докладе, прочитанном в мае 1926 г. в секции общего языкознания Института литературы, языка Запада и Востока (ИЛЯЗВ) и напечатанных в 1928 г. статьях “О лингвистическом изучении города” и “К лингвистической характеристике города (несколько предположений)”. Ларин пришел к выводу, что проблему языковых отношений следует изучать сперва не в общегосударственном масштабе, а с исследования лингвистической ситуации в больших городах. “Если бы картографически представить лингвистическую разработку, например, современной Европы, — писал он, — то самыми поразительными

тельными пробелами на ней оказались бы не отдаленные и неприступные уголки, а именно большие города” (Ларин, 1977:175). И центральной темой возникающей социолингвистики он считал изучение состава и структуры языкового быта города. А уже вслед за этим может изучаться и следующая тема — языковое взаимодействие города и деревни. Говоря о многоязычии в большинстве городов мира, Ларин констатирует, что язык в многонациональном коллективе выполняет двойную функцию: с одной стороны, он является фактором социальной дифференциации, а с другой — фактором социальной интеграции. Если же брать языковую ситуацию в большом городе в целом, то приходится признать, что языков здесь всегда много и сожителство их едва ли когда-нибудь можно было назвать мирным. Тесная и длительная солидарность и совместная деятельность в городе не может осуществляться без какого-то одного общего языка, не исключая и функционирование разных языков. Язык в многонациональном городе выступает как средство обособления общественных (социальных) групп. Общественная жизнь в большом городе с той или иной необходимостью навязывает каждому индивидууму знание двух или более языков. Изучение языка города позволит выяснить основные понятия и установить особую терминологию для языка города и его структуры.

Рассмотрев различные формы языковых отношений в больших городах, Ларин приходит к выводу, что “на пути к общечеловеческой солидарности... мы должны пристально и широко изучать быт больших городов, где она выковывается, и активно поддерживать все ведущие в ней тенденции. Одна из важнейших — распространение многоязычности” (Ларин, 1977:196). В связи с этим он формулирует задачи не только в области углубления социолингвистических исследований, но и в области языковой политики. “А в политической практике, — пишет он, — неизбежны правовая и финансовая поддержка всеобщего двуязычия и потенциального полиглотизма, в государстве со множеством языковых партий проведение двуязычия с одним постоянным и вторым переменным диалектом — от школы до армии (и, конечно, в государственном аппарате) абсолютно необходимо. В частности, наша ближайшая задача — всеобщая грамотность на двух языках” (Ларин, 1977:194).

Не употребляя термина “язык(и) межнационального общения”, Ларин говорит о развитии русско-национального и национально-национального двуязычия и многоязычия.

Нельзя не отметить, что при неразвитости социолингвистических исследований научный подход к решению национально-языковых проблем зачастую подменялся административными методами: везде стал насаждаться русский язык в качестве обязательного во всех республиках бывшего СССР, стали сужаться функции национальных языков, сокращалось количество национальных школ и т.п. Поэтому сейчас представляет исключительный интерес социолингвистический взгляд Ларина. Особенно злободневно звучат его слова, сказанные в 1920-х годах, о том, что нужно отказаться от догмы одноязычности, как и от догмы великодержавности, и через реформу преподавания пропагандировать полиглотизм и доводить до конца существующее в больших городах двуязычие.

Язык города невозможно изучать, не обращаясь к профессиональным диалектам, различным жаргонам, аргю, специальным языкам, которыми пользовались и пользуются различные узкие социальные прослойки и группы населения. Эти разновидности речи своеобразны по своей социальной основе и по чисто лингвистическим признакам, и их изучение, по мнению Ларина, требует особых научных методов, поскольку здесь мы имеем две или несколько языковых систем, находящихся в распоряжении каждой социальной группы с разным по охвату количеством говорящих. Аргю Ларин считает разновидностью двуязычия, отличающегося от профессионального языка.

“Тремя основными факторами определяется судьба языка, — пишет Ларин, — культурным весом, характером социальной базы и вмешательством политических сил... Если же указанные основные факторы действуют перекрестно или друг против друга — языковая история города оказывается сложной, преобладание или переходит от одного диалекта к другому, или вовсе не достается никому, наблюдается неустойчивое равновесие нескольких языков. ...Будущее принадлежит именно языковой ситуации этого последнего типа, только с четким размежеванием языков и полным прекращением языковой борьбы, т.е. уравновешенному и всеобщему полиглотизму” (Ларин, 1977: 194–195).

С сожалением следует отметить, что начатые в 30-х годах Лариным исследования по городской диалектологии практически прекратились.

Лингвистическое изучение города, исследование речи различных социальных слоев населения в городе, анализ языковых средств в произведениях М.Горького. А.П.Чехова, М.А.Шолохова закономерно привели Ларина к выявлению устойчивых словосочетаний как специфических средств выражения, теоретическому осмыслению свойств этих словосочетаний, уточнению объема и содержания фразеологии — дисциплины, занимающей соподчиненное положение по отношению к лексикологии и тесно связанной с семасиологией и стилистикой.

В статьях “Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов)” (1956) и “О народной фразеологии” (1959) Ларин ставит проблему выявления объекта фразеологии, ее отграничения от лексикологии и синтаксиса, эволюции фразеологических словосочетаний, дает классификацию фразеологического материала.

Фразеология как лингвистическая дисциплина, отмечает Ларин, находится в стадии “скрытого развития”, и самый термин “фразеология” употребляется чаще всего для обозначения материала этой науки, а ее содержание и состав нуждаются в уточнении. Предпосылки фразеологии были подготовлены в лексикографии и стилистике. Задачи фразеологии Ларин видит в следующем: “Выработать ясную и стройную схему для систематизации фразеологических сочетаний, надо выяснить их образование и историю, надо уловить закономерность их появления и отмирания, удельный вес и соотношение с другими выразительными средствами языка” (Ларин, 1977:127).

В каком же соотношении фразеология находится с лексикологией и лексикографией, синтаксисом? “Граница, отделяющая фразеологию от лексикологии, на первый взгляд очевидна: в одном случае изучаются простые слова, в другом — словосочетания. Однако идиомы, слитные предложения можно бы и не противопоставлять простым словам, а считать их только разновидностью слова — “составными словами” и рассматривать их в особом разделе лексикологии... В теории лексикографии не выработано еще четкое решение вопроса о месте, о правилах размещения фразеологических

сочетаний... не сразу можно найти и границу, отделяющую фразеологию от синтаксиса. Та часть словосочетаний, которой не свойственна заметная интеграция, спаянность компонентов, называется обычно “свободными словосочетаниями... Эти “относительно свободные сочетания” отчетливо разложимы и подлежат изучению в синтаксисе. Однако, обособляясь от лексикологии и синтаксиса по основному материалу изучения, фразеология не расходится с ними по первоначальному направлению исследования, раскрытие лексико-семантического состава фразеологического словосочетания и определение его синтаксической структуры... – это первые операции, предпосылка всякого истолкования, всякой систематизации... Синтаксист довольствуется констатацией большего или меньшего соответствия нормам, большего или меньшего отклонения от нормы данного языка в словосочетаниях. Причины, происхождение этих отклонений, функции их в современном языке и на предшествующих этапах его развития – вот задачи, которые будет разрешать фразеология, а не синтаксис. ...Так определяются отношения фразеологии к соседним дисциплинам и ее основные задачи” (Ларин, 1977:127–129).

Рассмотрев отношения фразеологии к другим лингвистическим дисциплинам, объект фразеологии Ларин усматривает в изучении словосочетаний. “Гораздо сложнее задачи фразеологии: надо выработать ясную и стройную схему для систематизации фразеологических словосочетаний, надо выяснить их образование и историю, надо уловить закономерность их появления и отмирания, удельный вес и соотношение с другими выразительными средствами языка” (Ларин, 1977:127).

Ларин приводит примеры исторической эволюции фразеологических словосочетаний типа *разузнать всю подноготную, впадать в вещь*, т.е. совершать грех, преступление, *птичьим языком* (т.е. свистом) *весть подать* и др. Конечно, до нашего времени сохранился далеко не весь запас фразеологических сочетаний прошлых эпох, но все-таки, полагает Ларин, можно наметить те условия, какими определяется закономерность развития фразеологических стереотипов и “свободных” словосочетаний. Он выделяет четыре таких условия: 1) утрата реалий, которому соответствует словосочетание в своей номинативной функции (*в боярский двор ворота широки, да з двора уски*), г) семантическое обогащение (метафоризация) (*было*

ремесло да хмелем заросло), 3) утрата подробностей (*хлопот полон рот, а перекусить нечего*, осталось только *хлопот полон рот*), 4) нарушение первичной грамматической структуры — раньше было “*язык Киева доведать*”, а сейчас стало *язык до Киева доведет*”, раньше было “*Трусу праздновать*”, т.е. “справлять праздник святому Трусу”, а сейчас стало *труса праздновать*, т.е. “проявлять трусость”.

Ларин дал свою классификацию фразеологического материала, предложив его трехчленную схему:

а) обычные словосочетания (переменные, “свободные”), существующие в любом языке на любом этапе его развития;

б) устойчивые метафорические словосочетания (“фразеологические единства”, “стереотипные речения”);

в) идиомы (“фразеологические сращения”, “неразложимые речения”).

Существенным недостатком предложенных классификаций фразеологизмов, в частности предложенных В.В.Виноградовым, Ларин считает и ограничение материалом современного литературного языка. Между тем, по его мнению, нужно разграничивать фразеологию литературную как раздел науки о литературном языке и фразеологию народную как часть диалектологии. Фразеология литературного языка как наука о фразеологических словосочетаниях возникла в XX в. на базе грамматической стилистики, с одной стороны, и обогащения методики лексикографии — с другой. Но ведь фразеологизмы всегда косвенно отражают воззрение народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Поэтому и нужно выделить народную фразеологию.

По критерию усвояемости фразеологизмов, их употребительности Ларин выделяет следующие основные разряды: 1) общенародные фразеологизмы; 2) областные; 3) общеупотребительные и 4) профессиональные. Трудно выделить областные фразеологизмы. Для этого, считает Ларин, нужно составить карты распространения фразеологизмов по областям. Он отмечает также образность профессиональной фразеологии, выяснение ее источников и происхождения.

В приводимом Лариным анализе фразеологических сочетаний нужно прежде всего отметить их синхронно-диахронический аспект, внутреннюю идиоматичность как основной признак фразеологичности, возникшую в результате разрыва тождества компонентов

устойчивых сочетаний. Он впервые поставил вопрос о структурной однородности фразеологизмов как единиц языка и их отграничении от сочетаний, образуемых самостоятельными значениями слов.

Большое место в исследованиях Ларина занимает изучение языка художественной литературы. “Исследование литературного языка, — писал он, — стоит на грани лингвистики и науки о литературе. В прошлом ему уделяли внимание филологи. Языковеды занимались лишь тем, что в нем было общего с другими типами языка. Но изучение литературных видов речи прежде всего должно быть направлено на эстетические их свойства, как отличительные; именно они определяют систему применения языковых элементов в литературном творчестве” (Ларин, 1974:28). Ларин принадлежал к тому типу отечественных филологов, которые соединяли в себе качества и лингвиста, и литературоведа. Не будучи теоретиком литературы и не занимаясь теорией литературных жанров, он занимался стилистикой как частью поэтики, т.е. языком художественной литературы. В статье “О разновидностях художественной речи” (1923) он выдвинул важнейшее для стилистики понятие контекста как нормы, которая складывается в художественном произведении по мере развертывания высказывания автора и его персонажей. Разная ценность слов и их назначение у писателя определяется живым чутьем языка, семантической новизной слов в литературной речи. Ларин предлагает выделить в стилистике как самостоятельную категорию “эстетическое значение слова”, отличающееся от простой суммы значений отдельных слов. Эстетическое значение слова — это глубина смысла, которое слово приобретает в составе языка целого литературного произведения. Ларин подчеркивал, что смысловая сторона художественной речи является определяющей: “Мое искомое — смысловой коэффициент художественной речи” (Ларин, 1974:47). В статье “О лирике как разновидности художественной речи” (1925) он проводит положение о смысловой насыщенности художественной речи и лирической поэзии. Без новизны — и знаковой, и семантической, — подчеркивает он, нет ощущения поэтической действенности речи. Эта действенность достигается только путем соединения звуковых и семантических средств. В таких статьях, как “Заметки о языке пьесы Горького “Враги” (1936), “Заметки о языке пьес Горького и его театральной интерпретации” (1948), “Заметки о поэтическом языке

Некрасова” (1968) (посмертная публикация доклада, прочитанного в январе 1951 г.), он подчеркивает такой набор особенностей литературного языка исследуемых писателей, которые определяют собой их неповторимое своеобразие.

“Широту своих знаний Б.А.Ларин использовал как для решения очень общих проблем, так и для исследования отдельных явлений, в частности, для выяснения истории отдельных слов, а также в своей лексикографической работе, особенно им любимой...

Б.А.Ларин не был ни догматиком, ни традиционалистом. Его острый критический анализ направлялся на то, чтобы приводить в движение научную пылкость, а не останавливать ее самоуверенными и исключающими дальнейшие разыскания ответами.

Вот почему он не создал развитой системы своих взглядов, но дал нечто гораздо более важное для развития науки: он дал направление изучению языка. Система редко переживает своего создателя, направление же позволяет творчески развивать мысли учителя. Первая завершает какую-то работу, проделанную учителем, второе же открывает путь для самостоятельных исследований его учеников.

У Б.А.Ларина не было законченного и “жесткого” научного построения, но были законченные представления о том, что надо делать. Он следовал гибким и творческим идеям, но не жестким концепциям... Часто он разрешал поставленные задачи в окончательной форме, но всегда способствовал их будущему решению. Он был в высокой степени социален как ученый, был инициатором многих крупнейших лингвистических коллективных исследований...

Он стремился к коллективности науки... Работы Б.А.Ларина всегда читаются с интересом...” (Лихачев, 1977:6,9–10).

Литература

- Астахина Л.Ю.* Борис Александрович Ларин; (По материалам архива Картотеки ДРС) // Вопросы теории и истории языка: Сб. статей к 100-летию со дня рождения Б.А.Ларина. – СПб., 1993. – С. 30–39.
- Волков С.С.* русский быт и культура в Словаре-дневнике Ричарда Джемса (1618–1619) // Там же – С. 72–79.
- Иссерлини Е.М.* Б.А.Ларин в годы Великой Отечественной войны // Там же С. 9–20.

- Ларин Б.А.* Русско-английский словарь–дневник Ричарда Джемса (1618–1619). – Л., 1959. – 423 с.
- Лихачев Д.С.* О Борисе Александровиче Ларине // Б.А.Ларин. – История русского языка и общее языкознание: (Избранные работы). – М., 1977. – С. 5–10.
- Ларин Б.А.* Эстетика слова и язык писателя. – Л., 1974. – 284 с.
- Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.) – М., 1975. – 425 с.
- Мецкерский Н.А.* Б.А.Ларин // Русское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете. – Л., 1971. – С. 149–163.
- Иссерлин Е.М.* Б.А.Ларин в годы Великой Отечественной войны: (По письмам к Е.М.Иссерлин) // Вопросы теории и истории языка: Сб. статей к 100-летию со дня рождения Б.А. Ларина. – СПб., 1993. – С. 9–23.
- Шахматов А.А.* Введение в курс истории русского языка. Ч.1. Исторический процесс образования русских племен и наречий. – Пг. – 1916, 342 с.

Основные работы Б.А.Ларина

- Ларин Б.А.* Проект Древнерусского словаря: (Принципы, инструкции, источники). – Л., 1936. – 180 с.
- Ларин Б.А.* Русская грамматика Лудольфа 1696 г. – Л., 1937. – 168 с.
- Ларин Б.А.* Парижский “словарь москвитов” 1586 г.: Исследование, издание текста, комментарии, указатели. – Рига, 1948. – 216 с.
- Ларин Б.А.* Русско-английский словарь–дневник Ричарда Джемса (1618–1619): (Исследования, издание текста, перевод (комментарии). – Л., 1959. – 423 с.
- Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XII в.). – М., 1975. – 223 с.
- Список тр. проф. Б.А.Ларина см. в указ. работе, с. 215–222.

Основные работы о Б.А.Ларине

- Груздева С.И., Лебедева А.И. и др.* Борис Александрович Ларин: (К шестидесятилетию со дня рождения) // Вестн. Ленинградского университета – 1958. – № 8. – С. 184–185.
- Богородский Б.Л., Ковтун Л.С., Лилич Г.А.* Борис Александрович Ларин: (К юбилею учителя) // Вопросы теории и истории языка. – Л., 1963. – С. 5–26.
- Виноградов В.В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. – М., 1967. – С.92–97.
- Лутовинова И.С.* Об архиве проф. Б.А.Ларина // Русская историческая лексикология и лексикография. – СПб., 2000. – № 5. – С. 15–19.

- Мещерский Н.А.* Памяти Бориса Александровича Ларина // Вопросы теории и истории языка. – Л., 1969. – С. 5 – 12.
- Ларин Б.А.* История русского языка и общее языкознание: (Избранные работы). – М., 1977. – 223 с.
- Лихачев Д.С.* О Борисе Александровиче Ларине // Б.А.Ларин. – История русского языка и общее языкознание: (Избранные работы). – М., 1977. – С. 5–10.
- Ларин Б.А.* Эстетика слова и язык писателя. – Л., 1974. – 284 с.
- Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.) – М., 1975. – 425 с.
- Мещерский Н.А.* Б.А.Ларин // Русское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете. – Л., 1971. – С. 149–163.
- Иссерлин Е.М.* Б.А.Ларин в годы Великой Отечественной войны: (По письмам к Е.М.Иссерлин) // Вопросы теории и истории языка: Сб. статей к 1000-летию со дня рождения Б.А.Ларина. – СПб., 1993. – С. 9–23.
- Шахматов А.А.* Введение в курс истории русского языка. Ч.1. Исторический процесс образования русских племен и наречий. – Пг. – 1916. 342 с.

Основные работы Б.А.Ларина

- Ларин Б.А.* Проект Древнерусского словаря: (Принципы, инструкции, источники). – Л., 1936. – 180 с.
- Ларин Б.А.* Русская грамматика Лудольфа 1696 г. – Л., 1937. – 168 с.
- Ларин Б.А.* Парижский “словарь московитов” 1586 г.: Исследование, издание текста, комментарии, указатели. – Рига, 1948. – 216 с.
- Ларин Б.А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619): Исследования, издание текста, перевод, (комментарии). – Л., 1959. – 423 с.
- Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XII в.). – М., 1975. – 327 с.
- Ларин Б.А.* История русского языка и общее языкознание: (Избранные работы). – М., 1977. – 223 с.
- Список тр. проф. Б.А.Ларина см. в указ. работе, с. 215–222.

Основные работы о Б.А.Ларине

- Груздева С.И., Лебедева А.И. и др.* Борис Александрович Ларин (К шестидесятилетию со дня рождения) // Вестн. Ленградского университета – 1958. – № 8. – С. 184–195.
- Богородский Б.Л., Ковтун Л.С., Лилич Г.А.* Борис Александрович Ларин: (К юбилею учителя) // Вопросы теории и истории языка. – Л., 1963. – С. 5–26.

- Виноградов В.В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. – М., 1967. – С. 92–97.
- Лутовиноза И.С.* Об архиве проф. Б.А. Ларина // Русская историческая лексикология и лексикография. – СПб.; 2000. – № 5. – С. 15–19.
- Мещерский Н.А.* Памяти Бориса Александровича Ларина // Вопросы теории и истории языка. – Л., 1969. – С. 5–12.
- Мещерский Н.А.* Б.А.Ларин // Русское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете. – Л., 1971. – С. 149–163.
- Степанов Г.В.* Б.А.Ларин: (К семидесятилетию со дня рождения) // Вестн. Ленингр. ун-та. Л., 1963. – № 14. – С. 147–154.

Н.Н.Трошина

ТИМОФЕЙ ПЕТРОВИЧ ЛОМТЕВ

Тимофей Петрович Ломтев (15.09. (2.10) 1906–19.04.1972) родился в с. Кочерга Новохоперского уезда Воронежской губернии, крупный русский и белорусский лингвист, специалист в области общего языкознания, истории синтаксиса, морфологии, фонологии и семантики русского и других славянских языков.

В 1925 г. окончил Новохоперский педагогический техникум, в 1929 – филол. фак-т Воронеж, ун-та и в 1931 г. – аспирантуру при Ин-те красной профессуры в Москве. Учебой в аспирантуре начался первый московский период в жизни Т.П.Ломтева. После окончания аспирантуры он работал в Моск. гос. педагог. ин-те им. В.И.Ленина в должности доцента, а также в Научно-исследовательском ин-те языкознания в должности старшего научного сотрудника (1931–1933). В статьях, опубликованных в этот период (Ломтев, 1931_а; Ломтев, 1931_б), он формулирует свои методологические позиции.

В 1933 г. Т.П.Ломтев переезжает в Минск, где в последующие годы исполняет ряд важных научных и административных функций: зам. директора Ин-та языкознания АН БССР; профессор БГУ, декан филол. фак-та и зав.каф. русского языка и литературы БГУ, зав. отделом языкознания Ин-та языка и литературы АН БССР.

Во время Великой Отечественной войны (1941–1943) Т.П.Ломтев был профессором и зав. каф. русского языка Свердловского ун-та. С февраля 1943 г. работал снова в Москве профессором, зав. каф. русского языка БГУ, временно размещавшегося (до 1944 г.) на ст. Сходня Московской обл. С 1944 по 1946 г. заведовал отделом школ ЦК КПБ в Минске.

Довоенный период жизни Т.П.Ломтева характеризуется научными работами прежде всего в области белорусского языкознания. За это время ученый опубликовал четыре монографии (три из них в соавторстве с коллегами) по проблемам фонетики (Ломтев, 1935; Ломтев, 1940), морфологии (Ломтев, 1936; Ломтев, 1940), синтаксиса (Ломтев, 1939), лексики (Ломтев, 1940) белорусского языка. Этот этап научной деятельности завершился написанием и защитой в 1941 г. докторской диссертации “Исследования в области истории белорусского синтаксиса. Составное сказуемое и его изменения в истории белорусского языка” (Ломтев, 1941).

Исследования по истории белорусского языка, выполненные в довоенные годы, создали базу для сравнительно-исторического изучения восточнославянских языков в послевоенный период. Результаты этих изысканий опубликованы в работах: “О синтаксических соответствиях тождества и различия в глагольно-именных сочетаниях в славянских языках” (Ломтев, 1958_с), “Структура предложения в славянских языках как выражение структуры предиката” (Ломтев, 1968), “Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков. Морфология” (Ломтев, 1961), “Критерии выделения типов предложений в славянских языках” (Ломтев, 1969) (цит. по: Ломтев, 1976: 208–218). Исследуя закономерности исторических изменений языковых структур, Т.П.Ломтев исходит из того, что: 1) все единицы языка имеют материальную и отражательную стороны; 2) каждый лингвистический объект обладает не только реляционными, но и абсолютными свойствами; 3) тождества и различия находятся в единстве между собой; 4) источником развития языка является противоречие, возникающее в процессе функционирования элементов языковой системы; следовательно, познание закономерной необходимости развития языка осуществляется через изучение возникших или возникающих противоречий между структурными элементами языка. На основании этих положений Т.П.Ломтев рассматривает систему именного склонения в общевосточнославянском языке, развитие грамматических форм имен существительных в истории восточнославянских языков, развитие грамматических форм имен прилагательных, местоимений, числительных, глаголов (и отдельно — инфинитива, причастия, деепричастия) (Булахов, 1976: 50–51).

С 1946 г. Т.П.Ломтев снова переехал в Москву, где работал в МГУ в должности профессора кафедры русского языка, зам. декана филол. фак-та, а также (по совместительству) в Ин-те русского языка АН СССР в должности старшего научного сотрудника. Это был самый интенсивный период в научной деятельности Т.П.Ломтева, поскольку собственно научную работу он совмещал с научно-организационной: был председателем Комиссии по изучению грамматического строя славянских языков при Комитете славистов СССР, главным редактором журнала "Филологические науки", членом экспертной комиссии ВАК, Комитета по присуждению Ленинских и Государственных премий при Совете Министров СССР (филологическая секция).

Вопросы уровневого анализа языка Т.П.Ломтев стремился решать в контексте проблем общего языкознания, рассматривая их с позиций философского материализма, который "исходит из предпосылки, что наука познает сущность явлений, объективными свойствами которых определяются их соотношения между собою. Для лингвистов, стоящих на позициях философского материализма, система языка есть выражение объективных свойств, сущности языковых элементов в их соотношении друг с другом. Целью лингвистического исследования является познание объективных свойств реальных фактов языка и тех соотношений, в которые они вступают в реальном речевом процессе.

Таким образом, объектом познания является не чистая схема языковых отношений и не отдельный контекст как отрезок речевого процесса, а вся совокупность возможных контекстов, допускаемых системой языка в речевом процессе и доступных непосредственному наблюдению" (Ломтев, 1957, цит. по: (Ломтев, 1976:32).

В речевом процессе происходит развитие языка, т.е. "образование и накопление элементов нового качества и отмирание элементов старого качества" (Ломтев, 1953:79). Основным источником этого развития ученый видел в противоречии, возникающем между наличными средствами данного языка и растущими потребностями обмена мыслями.

В статье "О принципах и единицах синхронного анализа" (1957) (цит. по: Ломтев, 1976: 52–54) Т.П.Ломтев критикует концепцию А.А.Реформатского, согласно которой всякая высшая единица ("элементарная единица") низшего яруса является низшей единицей

(“сложной единицей”) высшего яруса (Реформатский, 1960, цит. по: Ломтев, 1976:52). Т.П.Ломтев считает излишне прямолинейным такой подход к организации языковых уровней, т.е. подсистем общей системы языка, “каждая из которых характеризуется совокупностью относительно однородных единиц и набором правил, регулирующих их использование и группировку в различные классы и подклассы” (Лингв. энциклоп. словарь, 1990:539). Как указывает Т.П.Ломтев, “фонема высшего уровня, т.е. сложная фонетическая единица типа фонемных рядов, в принципе не может быть морфемой, если морфему считать элементарной единицей морфологического яруса.

Морфология учитывает фонетическую единицу высшего уровня (т.е. сложную фонетическую единицу типа фонемных рядов) только тогда, когда она может быть установлена, например, в формах *стол — стола*. Но если она не может быть установлена, например, в словах *ст(а)кан* или *с(о)бака*, то морфология вынуждена учитывать фонетическую единицу низшего уровня (т.е. элементарную фонетическую единицу)” (Ломтев, 1957, цит. по: Ломтев 1976:52). Таким образом, Т.П.Ломтев считает концепцию А.А.Реформатского неправильной “не только в том смысле, что высшая фонетическая единица, или единица высшего уровня фонологического анализа, является низшей морфологической единицей, но и в том смысле, что высший ярус, т.е. морфология, учитывает только высшие фонетические единицы; хотя это чаще всего так и бывает в действительности” (там же).

Как отмечает В.В.Иванов (Иванов, 1976), проблемы фонологии современного русского языка Т.П.Ломтев рассматривает также с позиций общего языкознания. Наиболее полно взгляды ученого в этой области изложены в вышедшей уже после его смерти книге “Фонология современного русского языка” (Ломтев, 1972), являющейся переработкой лекций, которые ученый читал на отделении структурной и прикладной лингвистики филол. фак-та МГУ. В этой книге описание русской фонологической системы в ее современном состоянии дано на основе применения к языкознанию, точнее — к изучению звуковой стороны языка, теории множеств, и это позволило автору представить сложные построения синтагматики и парадигматики фонем современного русского языка (Иванов, 1976:74). Многие явления в фонологической системе современного русского языка (например, установление фонологической роли слабых фонем,

определение характера и степени функциональной нагрузки фонологических противопоставлений) даны в этой книге впервые.

Согласно исходному положению фонологической теории Т.П.Ломтева, фонема представляет собой звуковую реальность, что выводится из фундаментального свойства всякой информации иметь свой материальный носитель (Булахов, 1976: 47) “В человеческом языке материальным носителем информации являются звуки, произносимые органами речи и воспринимаемые органами слуха... Из того, что звуки человеческой речи выступают в фонологии как социальные объекты, имеющие различительное значение, не следует, что они утрачивают свой звуковой статус. Звуки человеческой речи не становятся объектами фонологической теории непосредственно, они вводятся в нее с помощью определенных научных приемов. Общие свойства звуков человеческой речи, взятых в качестве фонем, вводятся в фонологическую теорию с помощью построения научного понятия, которое представляет собой научное знание о предметной области фонологической теории. Но существуют знания не только об общих свойствах предметной области фонологической теории, но и об отдельных предметах этой теории, в данном случае – об отдельных фонемах” (Ломтев, 1972:4). Автор отрицает концепцию, согласно которой фонемы всех человеческих языков составляют одно общее множество. Т.П.Ломтев, напротив, утверждает, что даже в одном и том же языке фонемы не составляют единого множества, так как существуют независимые друг от друга множества гласных и согласных. Предлагается следующая методика определения дифференциальных признаков фонологических единиц: “Мы выделяем дифференциальные элементы на основе применения операции разбиения. Причем характер разбиения множества согласных фонем и множества гласных фонем принципиально различается. Операции разбиения не накладывают ограничения на количество подмножеств в множестве, подлежащем разбиению. Дифференциальные элементы, полученные в разных разбиениях, могут быть бинарными, тернарными и вообще парными.

Модели фонем представляют собой группировки дифференциальных элементов, полученных указанным образом” (там же : 6).

М.Г.Булахов (Булахов, 1976 : 48) видит научную новизну этой книги Т.П.Ломтева в том, что автор, выделяя дифференциальные элементы для множества гласных и множества согласных фонем в

пределах русского языка, стоит на позиции, согласно которой “состав дифференциальных элементов, образующих модель данной фонемы, в каждом отдельном случае не подбирается, а определяется конструктивным методом с помощью установленных правил комбинаторики” (там же: 6).

Высокую оценку М.Г.Булахов дает также следующим двум теоретическим положениям, выдвинутому Т.П.Ломтевым: 1) значения различительной функции фонем имеют только бинарный характер, поскольку они выполняют нагрузку в форме количества пар слов, следовательно, “значения различительной функции и функциональная нагрузка – это принципиально различные понятия” (Ломтев, 1972 : 8); 2) фонологию можно строить как на парадигматической, так и на синтагматической основе. В первом случае “одна фонема должна отличаться разными способами от других фонем в их парадигматических отношениях, во втором случае “одна фонема может отличаться от других фонем на основе контрастов между предшествующими и последующими фонемами в их цепочках” (там же). Т.П.Ломтев строит описание системы фонем русского языка на парадигматической основе, учитывая “различия между фонемами, проявляющиеся в оппозициях и поляризациях, а не в контрастах” (там же).

В своих общих взглядах на фонему Т.П.Ломтев стоял на позициях Московской фонологической школы, признавая необходимость учета функциональной роли звуковой единицы в составе морфемы. Кроме того, Т.П.Ломтев поддерживал сторонников этой школы в том, что фонема – это функционально значимая единица языка, что отождествление звуковых единиц как вариантов, или разновидностей, одной фонемы не может осуществляться вне учета тождества морфемы, что звуковые единицы в разных (сильных и слабых) позициях не могут быть функционально отождествлены.

Т.П.Ломтев выступал против превращения фонологии в абстрактные построения, лишенные реальной почвы в функционирующем языке как средстве общения людей. Ученый подчеркивал, что нельзя сводить действительные сложные связи и отношения фонем в системе к заранее построенным универсальным схемам этих связей и отношений: только глубокое изучение конкретного материала выявит реальные отношения фонологических единиц в данном языке на данном этапе его развития. Эти общетеоретические

взгляды Т.П.Ломтева изложены в его статьях “Относительно двухступенчатой теории фонем” (Ломтев, 1962) и “Принцип бинарности в фонологии” (Ломтев, 1965).

Следует отметить, что, занимаясь различными вопросами языкознания, Т.П.Ломтев никогда не упускал из виду синтаксических проблем, различных аспектов теории предложения, среди которых он особенно выделял два круга проблем: 1) исторический и сравнительно-исторический синтаксис (“Исследования в области истории белорусского синтаксиса. Составное сказуемое и его изменения в истории белорусского языка” (Ломтев, 1941), “Очерки по историческому синтаксису русского языка” (Ломтев, 1956₆), “Из истории синтаксиса русского языка” (Ломтев, 1954); 2) позиционный синтаксис.

Следует отметить, что эти два круга проблем тесно связаны в научном творчестве ученого. Не случайно, идея синтаксической позиции подробно изложена не только в монографии “Основа синтаксиса современного русского языка” (Ломтев, 1958₈), но и в статье “Критерии выделения типов предложения в славянских языках” (Ломтев, 1969) (цит. по: Ломтев, 1976: 208-218). По мнению Т.П.Ломтева, само понятие типа предложения и критерии выделения различных типов предложения зависят от способов представления структуры предложения. Выделяются следующие два способа такого представления. При первом содержание высказывания представляется как субъектно-предикатная структура, причем “предикатом является то, что утверждается или отрицается относительно субъекта. Согласно теории субъектно-предикатного строения содержания высказывания, структура предложения рассматривается как состоящая из двух составов, из которых один обозначает субъект, а другой предикат. Из этих двух составов предложения выделяется так называемое предикатное ядро, которое в двусоставных предложениях содержит форму именительного падежа имени и некопулятивного глагола или копулятивного глагола с присвязочными формами. Общей схемой такого представления структуры предложения может служить следующая упорядоченная система символов: $S = (N + V, \Phi, D)$, где S – общий символ предложения, $N + V$ – предикатное ядро, Φ – формы слов, используемые для расширения состава предложения, а D – правила построения предикатного ядра и

распространения состава предложения за счет других форм”: (Ломтев, 1969:208): *Птица летает, Рыба плавает*.

Второй способ представления структуры предложения основывается на представлении структуры содержания высказывания как системы с отношениями, которая “представляет собою конечную последовательность вида $S = (A, P)$, где S – система, A – некоторая предметная область, а P – те или другие отношения. Общая схема всякого предложения как системы с отношениями имеет вид $S = (A, P, n, V, \Phi, D)$, где S – предложение, A – множество предикатных предметов, связанных отношением P , P – отношение, связывающее некоторое множество предикатных предметов, n – имя предикатного предмета, V – имя отношения между предикатными предметами, Φ – формы, обладающие свойством вхождения в состав имен предикатных предметов или имен их отношений, а D – правила, определяющие вхождение имен в состав имен предметов или имен их отношений.

Приведенная выше общая схема структуры предложения имеет различные виды в зависимости от числа предикатных предметов. Структура предложения, выражающего одноместные предикаты, может иметь следующее представление: $a(n_1) P (V)$, где a – предикатный предмет, n_1 – форма им. п., являющаяся его именем, а V – невозвратный глагол, являющийся именем этого отношения. Описанную структуру имеет предложение *Рыба плавает*.

Структура предложения, выражающего двухместные отношения, может иметь следующее представление: $a (n_1) P (V) b (n_4)$, где a и b – предикатные предметы, n_1 – форма им. п., являющаяся именем исходного предмета, а n_4 – форма вин. п., являющаяся именем последующего предмета b , P – отношение между предметами a и b , а V – невозвратный глагол, являющийся именем указанного отношения, ср. *Мать любит дочь*” (Ломтев, 1969 : 210).

С.Сятковский (Сятковский, 1976), анализируя эволюцию научных взглядов Т.П.Ломтева, отмечает, что в первой половине 60-х годов XX в. автор пересмотрел некоторые свои взгляды на традиционный и позиционный синтаксис, что произошло, главным образом, под влиянием идей математической логики. Это был период интенсивных поисков более объективных и адекватных исследовательских путей, которые впоследствии привели Т.П.Ломтева к созданию новой, более совершенной концепции синтаксиса.

“Синтаксическая теория разрабатывается, таким образом, в общелингвистическом, философском и логико-математическом контексте, причем влияние этого последнего с каждым годом увеличивается” (Сятковский, 1976:123): характерный для предыдущего периода интуитивный путь в значительной степени заменяется дедуктивным подходом и математическими приемами анализа. Т.П.Ломтев был твердо убежден, что в лингвистике, подобно тому, как и в других эмпирических науках, математические, дедуктивные по своему характеру приемы анализа могут сыграть весьма важную исследовательскую и эвристическую роль, если они будут умело использованы с учетом специфики языкового объекта.

Существенное место в научных изысканиях Т.П.Ломтева занимала также историческая морфология, в которой исследователя особенно интересовали вопросы истории глагольной системы, и прежде всего вопросы истории видо-временных отношений. Взгляды автора на эти проблемы изложены в статьях “Изменения в употреблении глагола относительно категории вида и времени” (Ломтев, 1947), “К характеристике видовой дифференциации и претеритальных форм глагола в древнерусском языке” (Ломтев, 1948_a), “Об употреблении глагола относительно категории вида и времени в древнерусском языке” (Ломтев, 1952), “О возникновении и развитии парной корреляции внутри одного глагола по категории совершенного и несовершенного вида в русском языке” (Ломтев, 1958_a).

В заключение отметим еще одно направление интересов Т.П.Ломтева, которое органично сформировалось в процессе его исследований в области синтаксиса и фонологии, — это его работы в области лексической семантики. Именно в этой сфере ученый апробировал и конкретизировал универсальные методы исследования языка, уже использованные им в фонологии и синтаксисе. Наиболее важными работами в этом плане являются статьи “Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики” (Ломтев, 1964) и “Принципы выделения дифференциальных семантических элементов” (Ломтев, 1969).

Литература

- Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды: Биобиблиогр. словарь. — Минск, 1976. — Т. 1. — 319 с.
- Иванов В.В. Т.П.Ломтев как фонолог // Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. — М., 1976. — С.74–75.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В.Н. — М., 1990. — 683 с.
- Ломтев Т.П. За марксистскую лингвистику // Литература и искусство. — М., 1931. — №1. — С. 115–125.
- Ломтев Т.П. Из истории синтаксиса русского языка. — М., 1954. — 80 с. Ломтев Т.П. Изменения в употреблении глагола относительно категории вида и времени // Докл. и сообщ. филол. фак. Моск. ун-та. — М., 1947. — Вып. 3. — С. 24–27.
- Ломтев Т.П. Исследования в области истории белорусского синтаксиса. Составное сказуемое и его изменения в истории белорусского языка // Учен. зап. Белорус. ун-та, — Минск, 1941. — Вып. 2; № 3. — 300 с.
- Ломтев Т.П. К характеристике видовой дифференциации и претеритальных форм глагола в древнерусском языке // Учен. зап. Моск. ун-та. Тр. каф. рус. яз. — М., 1948. — Вып.137, кн.2. — С. 70–80.
- Ломтев Т.П. О возникновении и развитии парной корреляции внутри одного глагола по категории совершенного и несовершенного вида в русском языке // Сборник статей по языкознанию: Проф. Моск. ун-та акад. В.В.Виноградову в день его 60-летия. — М., 1958. — С. 231–247.
- Ломтев Т.П. Несколько замечаний к состоянию видовой дифференциации основ настоящего времени в русском языке // Учен. зап. Моск. ун-та. Тр. каф. 1 рус. яз. — М., 1948_г — Вып. 128, кн. 1. — С. 86–90.
- Ломтев Т.П. О методах объективного анализа грамматических средств языка // Вестн. Моск. ун-та. Ист. филол. серия. — М., 1957_г. — №2. — С. 3–21.
- Ломтев Т.П. О синтаксических соответствиях тождества и различия в глагольно-именных сочетаниях в славянских языках. — М., 1958_г — 24 с.
- Ломтев Т.П. О соответствии грамматических средств языка потребностям взаимопонимания // Вопр. философии. — М., 1953. — № 5. — С. 76–88.
- Ломтев Т.П. Об употреблении глагола относительно категории вида и времени в древнерусском языке // Учен. зап. Моск. ун-та. Тр. каф. рус.яз. — М., 1952. — Вып. 150. — С. 219–254.
- Ломтев Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка. — М., 1958. — 166 с.
- Ломтев Т.П. Относительно двухступенчатой теории фонем // Вопр. языкознания. — М., 1962. — № 6. — С. 61–69.

- Ломтев Т.П.* Очередные задачи марксистской лингвистики // Рус. яз. в сов. школе. – М., 1931. – №5. – С. 150–161.
- Ломтев Т.П.* Очерки по историческому синтаксису русского языка. – М., 1956₆. – 596 с.
- Ломтев Т.П.* Принцип бинарности в фонологии // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. – М., 1965. – № 3. – С. 72–87.
- Ломтев Т.П.* Принципы выделения дифференциальных семантических элементов // Лексика. Грамматика: Материалы и исследования по русскому языку. – Пермь, 1969. – С. 3–22. (Учен. зап. Перм. ун-та; № 192).
- Ломтев Т.П.* Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков: Морфология. – М., 1961. – 324 с.
- Ломтев Т.П.* Структура предложения в славянских языках как выражение структуры предиката // Слав. языкознание. – М., 1968. – С. 296–315.
- Ломтев Т.П.* Фонология современного русского языка. – М., 1972₆ – 224 с.
- Ломцеў Ц.П.* Беларуская граматыка. – Мінск, 1935. – Ч. I: Фанетыка і правапіс: (Навукова даследчы нарыс). – Мінск, 1935. – 71 с.
- Ломцеў Ц.П.* (в соавт. с: *Гурскі К.І., Баркоўскі М.*). Беларуская граматыка. – Мінск, 1936. – Ч.2: Марфалогія. – 206 с.
- Ломцеў Ц.П.* (в соавт. с: *Гурскі К.І. Рохкінд С.Л. и др.*) Сінтаксіс беларускай мовы. – Мінск, 1939. – 134 с.
- Ломцеў Ц.П.* (в соавт. с: *Гурскі Л, Рохкінд С.Л., Шкляр З.І.*) Курс сучаснай беларускай мовы: Фанетыка, марфалогія, лексіка. – Мінск, 1940. – 261 с.
- Ломтев Тимофей Петрович* // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979. – С. 135.
- Сятковский С.* Эволюция синтаксической теории в трудах Т.П.Ломтева // Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. – М., 1976. – С. 122–124.

Основные работы Т.П.Ломтева

- Ломтев Т.П.* За марксистскую лингвистику // Литература и искусство. – М., 1931. – №1. – С. 115–125.
- Ломтев Т.П.* Очередные задачи марксистской лингвистики // Рус.яз. в сов. школе. – М., 1931. – №5. – С. 150–161.
- Ломцеў Ц.П.* Беларуская граматыка, – Мінск, 1935. –Ч. II: Фанетыка і правапіс: (Навукова даследчы нарыс). – 71 с.
- Ломцеў Ц.П.* (в соавт. с.: *Гурскі К.І., Баркоўскі М.*). Беларуская граматыка. – Мінск, 1936. – Ч. 2: Марфалогія. – 206 с.
- Ломцеў Ц.П.* (в соавт. с: *Гурскі К.І., Рохкінд С.Л. и др.*) Сінтаксіс (беларускай мовы. – Мінск, 1939. – 134 с.
- Ломцеў Ц.П.* (соавт. с: *Гурскі К.І., Рохкінд С.Л., Шкляр З.І.*). Курс сучаснай беларускай мовы: Фанетыка, марфалогія, лексіка. – Мінск, 1940. – 261 с.

- Ломтев Т.П.* Исследования в области истории белорусского синтаксиса. (Составное сказуемое и его изменения в истории белорусского языка // Учен. зап. Белорус. ун-та. – Минск, 1941. – Вып. 2, №3. – 300 с.
- Ломтев Т.П.* Изменения в употреблении глагола относительно категории вида и времени // Докл. и сообщ. филол. фак. Моск. ун-та. – М., 1947. Вып. 3. – С. 24–27.
- Ломтев Т.П.* К характеристике видовой дифференциации и претеритальных форм глагола в древнерусском языке // Учен. зап. Моск. ун-та. Тр. каф. с. яз. – М., 1948. – Вып. 137, кн.2. – С. 70–80.
- Ломтев Т.П.* Несколько замечаний к состоянию видовой дифференциации основ настоящего времени в древнерусском языке // Учен. зап. Моск. ун-та. Тр. каф. рус. яз. – М., 1948. – Вып. 128, кн.1. – С. 86–90.
- Ломтев Т.П.* Белорусский язык: Учебник. – М., 1951. – 132 с.
- Ломтев Т.П.* Об употреблении глагола относительно категории вида и времени в древнерусском языке // Учен. зап. Моск. ун-та. Тр. каф. рус. яз. – М., 1952. – Вып. 150. – С. 219–254.
- Ломтев Т.П.* О соответствии грамматических средств языка потребностям взаимопонимания // Вопр. философии. – М., 1953. – № 5. – С. 76–88.
- Ломтев Т.П.* Из истории синтаксиса русского языка. – М., 1954. – 80 с.
- Ломтев Т.П.* Грамматика белорусского языка: Учеб. пособие. – М., 1956. – 336с.
- Ломтев Т.П.* Очерки по историческому синтаксису русского языка. – М., 1956. – 596 с.
- Ломтев Т.П.* О методах объективного анализа грамматических средств языка // Вестн. Моск. ун-та. Ист. – филол. серия. – М., 1957. – № 2. – С. 3–21.
- Ломтев Т.П.* О возникновении и развитии парной корреляции внутри одного глагола по категории совершенного и несовершенного вида в русском языке // Сборник статей по языкознанию: Проф. Моск. ун-та акад. В.В.Виноградову в день его 60-летия. – М., 1958. – С. 231–247.
- Ломтев Т.П.* О синтаксических соответствиях тождества и различия в глагольно-именных сочетаниях в славянских языках. – М., 1958. – 24 с.
- Ломтев Т.П.* Основы синтаксиса современного русского языка. – М., 1958. – 166 с.
- Ломтев Т.П.* Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков: Морфология. – М., 1961. – 324 с.
- Ломтев Т.П.* Относительно двухступенчатой теории фонем // Вопр. языкознания. – М., 1962. – № 6. – С. 61–69.
- Ломтев Т.П.* Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики. Термины родства в русском языке // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки, 1964. – № 2. – С. 108–120.
- Ломтев Т.П.* Принцип бинарности в фонологии // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – М., 1965. – № 3. – С.72–87.

- Ломтев Т.П.* Структура предложения в славянских языках как выражение структуры предиката // Слав. языкознание. – М., 1968. – С. 296–315.
- Ломтев Т.П.* Принципы выделения дифференциальных семантических элементов // Лексика. Грамматика: Материалы и исследования по русскому языку. – Пермь, 1969. – С. 3–22. (Учен. зап. Перм. ун-та; № 192).
- Ломтев Т.П.* Предложение и его грамматические категории. – М., 1972. – 197с.
- Ломтев Т.П.* Фонология современного русского языка. – М., 1972. – 224 с.
- Ломтев Т.П.* *Общее и русское языкознание: Избр. работы* – М., 1976. – 381 с.

Основная литература о Т.П.Ломтеве

- Васеко В., Кириллова В.* Ломтев Т.П.: (К 60-летию со дня рождения и 35-летию научно-педагогической деятельности) // Вестн. Моск. ун-та. Серия филол. – М., 1967. – № 2. – С. 81–84.
- Гулыга Е.В.* Размышления о книге Тимофея Петровича Ломтева “Предложения и его грамматические категории” // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – М., 1973. – №3. – С. 20–29.
- Жизнь и научная деятельность Т.П.Ломтева (1906–1972)* // Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание: Избр. работы. – 1976. – С. 3–7.
- Иванов В.В.* О некоторых проблемах изучения и описания фонологических отношений (в связи с выходом книги Т.П.Ломтева “Фонология современного русского языка». М., 1972) // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – М., 1973. – №3. – С. 20–29.
- Тимофей Петрович Ломтев: (К 60-летию со дня рождения)* // Рус. яз. в шк. – М., 1966. – № 4. – С. 101–102.
- Тимофей Петрович Ломтев: (К 60-летию со дня рождения и 35-летию научной деятельности)* // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – М., 1967. – № 1. – С. 142.
- Ломтев, Тимофей Петрович* // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979. – С.135.
- Германовіч І.К.* Памяці Ц.П.Ломцева // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. Псіхалогія. – Мінск, 1972. – №2. – С. 64–65.

Н.Н.Трошина

В.И.Постовалова

АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ ЛОСЕВ

Личность, жизненный и творческий путь. Алексей Федорович Лосев, выдающийся философ, религиозный мыслитель и один из самых глубоких и проникновенных филологов и языковедов нашего времени, родился 23 сентября 1893 г. в г. Новочеркасске, столице Области Войска Донского. Его отец, Федор Петрович, учитель физики и математики гимназии, скрипач-виртуоз, дирижер и церковный регент, рано оставил семью, когда Лосеву было всего три месяца, и Алексея Федоровича воспитывала его мать Наталья Алексеевна, дочь священника, в любви и строгом благочестии. Много времени в детстве Алексей Федорович проводил в доме своего деда, протоиерея Алексея Полякова, настоятеля храма Архангела Михаила в Новочеркасске, и его самые первые и глубокие впечатления были связаны с жизнью церковного храма – небесной музыкой колокольного звона, мерцающим светом лампы, запахом воска и ладана, благоуханной молитвой. Позже, в 20-е годы XX в., будучи уже профессором Московской консерватории, Лосев сам регентовал в церкви Воздвижения Креста Господня на Воздвиженке и “звонил в колокола так, что за душу хватало” [Лосев, 1997а: 528].

От отца к А.Ф.Лосеву перешли, его “вечное искательство и наслаждение свободой мыслью” от матери – “строгие и моральные установки” [Лосев, 1990а: 681]. Эти две стихии, “переплетаясь и смешиваясь самым причудливым образом”, остались в Лосеве, по его собственным словам, на всю жизнь и послужили основой его неповторимого стиля, о котором С.С.Аверинцев, его ученик, говорил:

«Русская безудержность и греческий порядок мысли, “лед и пламень”, но одно требовало другого» [Аверинцев, 1990: 4].

Первоначально А.Ф.Лосев учился три года в приходском училище. Его мать Наталья Алексеевна, любившая во всем “естественность», желала, чтобы ее сын был “простым человеком” и не хотела отдавать его в “разные там пансионы”, в которых “проходят языки, учат манерам”, но потом передумала [Лосев, 1993в: 27]. С 1908 г. Лосев продолжает свое образование в новочеркасской классической гимназии, которую в 1911 г. кончает с золотой медалью. В гимназии, о которой Лосев до конца своих дней вспоминал с огромной любовью, наибольшее влияние на него оказал учитель древних языков И.А.Микш, по происхождению чех, который развил в нем “интерес и филологический, и философский” [Лосев, 1993в: 30]. К окончанию гимназии он подарил своему воспитаннику шесть томов Платона (в переводе Карпова), а еще ранее директор гимназии В.К.Фролов, заметив интерес гимназиста Лосева к русской философии, наградил его при переходе в последний класс гимназии восьмитомным собранием сочинений В.С.Соловьева.

Одновременно с занятиями в гимназии А.Ф.Лосев посещал также частную музыкальную школу педагога-итальянца Ф.А.Стаджи, лауреата Флорентийской консерватории, которую закончил по классу скрипки с отличием, исполнив на выпускном экзамене сложнейшую “Чакону” Баха.

Уже в последних классах гимназии возникают основные темы жизни А.Ф.Лосева – “античность, интерес к символизму, математика, музыка и *философские проблемы языка*” [Лосев, 1990б: 14]. Ко времени окончания гимназии Лосев был, по его собственным словам, “готовый философ и филолог-классик”, каковым и пребывал до конца своих дней. По воспоминаниям А.А.Тахо-Годи, Алексей Федорович уже в свои поздние годы прекрасно сочинял речи – по-латыни и по-гречески – и притом “в самом наиклассическом стиле, памятуя молодость и своего учителя И.А.Микша”, и произносил их “к удовольствию всех” на разных юбилейных торжествах [Тахо-Годи, 1997:325].

В 1911 г. А.Ф. Лосев поступает в Московский Императорский университет, который заканчивает в 1915 г. по двум отделениям историко-филологического факультета – философскому и классической филологии. Как и в гимназические годы, Лосев совмещает в

это время интерес к философии и науке с любовью к театру и классической музыке. Дипломная работа Лосева "О мироощущении Эсхила" получает высокую оценку у филолога-классика Вяч. Иванова. В эти же годы Лосев принимает участие в работе Психологического института при Московском университете, где проводит исследования по экспериментальному изучению эстетической образности под руководством выдающегося психолога и философа Г.И.Челпанова.

В июле 1914 г. Лосев едет в Берлин для изучения Вюрцбургской психологической школы и ее связи со средневековой латинской схоластикой, но вынужден был вернуться в Россию из-за внезапно начавшейся мировой войны.

После окончания университета А.Ф.Лосев был оставлен при кафедре классической филологии для подготовки к профессорскому званию. В апреле 1917 г. он выдерживает магистерский экзамен по истории греческой литературы. Однако преподавать в университете ему не пришлось. В послереволюционные годы университетская научная жизнь в Москве замирает, и в 1921 г. историко-филологический факультет Московского университета закрывается. В феврале 1919 г. Лосев избирается профессором нового Нижегородского Государственного университета, а в сентябре этого же года профессором Высших педагогических курсов иностранных языков. В эти годы Лосев много внимания уделяет проблемам педагогики и воспитания.

Начиная с 1911 г. А.Ф.Лосев постоянно участвует в жизни Религиозно-философского общества памяти В.С. Соловьева, где знакомится с такими выдающимися деятелями русской культуры, как Н.А.Бердяев, Е.Н.Трубецкой, С.Л.Франк, И.А.Ильин, С.Н.Булгаков, П.А.Флоренский, Ю.И.Айхенвальд и др. Он посещает также заседания Психологического общества при Московском университете и Вольной Академии Духовной Культуры (ВАДКа), основанной Бердяевым.

Десятилетие 1910–1920, с конца гимназических лет, учебы в университете и после его окончания, по признанию самого Алексея Федоровича, было необычайно плодотворным в его жизни и творчестве. В эти годы была заложена основа его мировоззрения как философа и ученого. Среди мыслителей и деятелей культуры, оказавших на него наиболее сильное влияние, сам А.Ф. называет астронома

К.Фламариона, В.С.Соловьева, А.Эйнштейна, физика Х.Лоренца, А.Бергсона, Г.Когена, Э.Гуссерля, Плотина, раннего Шеллинга, Ф.М.Достоевского, Р.Вагнера, композитора А.Н.Скрябина, Вяч.Иванова, Ф.Шопенгауэра, Ф.Ницше, математика Г.Кантора.

В августе 1911 г., накануне поступления в университет, А.Ф.Лосев пишет свое первое *программное* сочинение “Высший синтез как счастье и ведение”, где формулирует основную установку своей жизни и творчества – стремление к цельному познанию, “*примирению*” в научном мировоззрении главных областей психической жизни человека – *религии, философии, науки, искусства и нравственности*.

В 1916 г. появляются первые три печатные работы Алексея Федоровича по *философии* (“Эрос у Платона”) и *музыке* (“Два мироощущения” и “О музыкальном ощущении любви и природы”). В 1919 г. в Швейцарии в сборнике “Russland” публикуется на немецком языке его статья “Русская философия” (о ее выходе в свет сам А.Ф. узнает только в 1983 г.). В этом же 1919 г. А.Ф.Лосевым было закончено “Исследование по философии и психологии мышления” (на основе своей университетской работы “Обзор и критика основных учений Вюрцбургской школы”). В этой работе Лосев развивает реалистическое учение о мышлении, рассматривая его как “объективное обстояние” и интерпретируя структуру мышления не как копию соответствующего объекта или вещи, а как “самую эту вещь”, но только в другой модификации [Лосев, 1999: 15]. В эти годы Лосев занимается вопросами музыкальной эстетики в духовно-религиозном аспекте. В 1918 г. А.Ф.Лосевым совместно с С.Н.Булгаковым и Вяч. Ивановым планировалось издание серии книг по русской философии “Духовная Русь” (под общей редакцией Лосева; проект не был осуществлен), для которой Лосев готовил статьи, посвященные русской национальной музыке и религиозно-национальному творчеству (Р.Вагнер и Римский-Корсаков).

С сентября 1921 г. А.Ф.Лосев – действительный член Государственного института музыкальной науки (ГИМНа), а с июня 1922 г. он – действительный член Государственной Академии Художественных Наук (ГАХНа), где заведовал отделом эстетики. С сентября 1922 г. Лосев – профессор Московской Государственной Консерватории, а с июня 1924 – профессор 2-го Университета (бывшие курсы Герье).

В 1922 г. А.Ф.Лосев вступает в брак с В.М.Соколовой. Их венчает в Сергиевом Посаде о. Павел Флоренский. Валентина Михайловна – математик и астроном (ее специальностью была небесная механика), человек высокой образованности и высокой духовной жизни, становится подлинной вдохновительницей и помощницей Алексея Федоровича в создании и издании его работ. К началу 30-х годов выходит из печати под маркой “Издание автора” первое “восьмикнижие” А.Ф., включающее восемь фундаментальных монографий: “Античный космос и современная наука”, “Музыка как предмет логики”, “Философия имени”, “Диалектика художественной формы”, “Диалектика числа у Плотина”, “Критика платонизма у Аристотеля”, “Очерки античного символизма и мифологии” и “Диалектика мифа” (общий объем 2876 с.).

Наиболее полно лингвофилософские воззрения Лосева этого периода нашли свое выражение в его “Философии имени” (написана в 1923 г.), где рассматриваются с помощью диалектико-феноменологических методов три круга вопросов: 1) что есть Имя само по себе, 2) как оно действует и проявляется в мире и вне мира и 3) каковы его частичные проявления и действия, которые в состоянии изучать эмпирическая наука. Замысел данного философско-теоретического трактата был непосредственно связан с осмыслением Афонского спора начала XX в. об Имени Божиим между “имяславцами”, сторонниками реалистического понимания Имени и молитвы, веровавшими, что в Имени Божиим, молитвенно призываемом, присутствует Своими энергиями Сам Бог, и так называемыми “имяборцами”, стоявшими на позиции номиналистически-субъективного толкования имени и молитвы. А.Ф.Лосев, как и многие русские философы и богословы этого времени, – П.А.Флоренский, С.Н.Булгаков, В.Ф.Эрн и др., – вставшие на защиту имяславия, рассматривал это мистическое учение как диалектически необходимую часть православного вероучения и основание *реалистической философии* языка. В многочисленных докладах и выступлениях 20-х годов и в отдельных исследованиях этого времени – “Античный космос и современная наука”, “Философия имени” и “Вещь и имя” – Лосев пытается сформулировать основы имяславского учения и осуществить его философско-богословское обоснование. В 1923 г. он посылает свои богословские тезисы имяславия (в его терминологии, *ономатодоксии*)

священнику П.Флоренскому с просьбой поправок и дополнений, упоминая при этом о существовании и специальных философских тезисов. А.Ф. обсуждает проблемы имяславия также с самими непосредственными участниками Афонского движения – афонским монахом Иринеей и афонским архимандритом Давидом, духовником четы Лосевых, который 3 июня 1929 г. совершит их тайный монашеский постриг и благословит на подвиг монашества в миру.

1930 год становится переломным моментом в жизненной и творческой судьбе Лосева. Как ни стремились А.Ф.Лосев и В.М.Лосева, – отныне тайные монах Андроник и монахиня Афанасия, – в своем исповедании имяславия оставаться на путях чистой догматики и философии, их имяславие неминуемо соединилось с “антисергианством”, неприятием Декларации митрополита Сергия (Страгородского), заместителя Патриаршего Местоблюстителя, о компромиссе Церкви с советской властью. В 1930 г. ОГПУ фабрикуется дело “Политического и административного Центра всесоюзной контрреволюционной организации церковников “Истинно-Православная Церковь”, в состав которой были включены также Лосев и В.М.Лосева.

Имяславие для самого А.Ф.Лосева, однако, никогда не было ареной активной политической борьбы. В письмах из лагеря в марте 1932 г. Алексей Федорович писал: «Если бы я готовил из себя политика, я получил бы иное образование, развил бы в себе иные навыки <...> В религии я всегда был апологетом ума, и в мистическо-духовном, и в научно-рациональном смысле; в богословии – максимальный интерес я имел всегда почти исключительно к догматике <...> в философии я – логик и диалектик, “философ числа”, из наук любимейшая опять-таки математика, и, наконец, филологией я занимался почти исключительно классической, в области которой в науке достигнута наибольшая разработанность и четкость» [Лосев, 1993б: 393, 397–398].

Лосев воспринимал имяславие скорее не в политическом, а в апокалиптическом контексте всемирной духовной борьбы с силами зла. Спустя десятилетия А.Ф.Лосев замечал, что его “Философия имени” написана под влиянием имяславцев, которые “предупреждали, что если Россия перестанет почитать Имя Божие, то погибнет” [Лосев, 1993б:518.]

18 апреля 1930 г., в Страстную пятницу, А.Ф.Лосев был арестован. После четырех с половиной месяцев и семнадцати месяцев пребывания во внутренней тюрьме на Лубянке последовали: приговор – десять лет лагерей для Алексея Федоровича и пять лет для Валентины Михайловны, этап в Кемь и далее – Свирьстрой на Беломорско-Балтийском канале (поселок Важины, Медвежья гора). Были конфискованы рукописи А.Ф.Лосева. В застенках ОГПУ погиб перевод с греческого сложнейшего “Ареопагитского корпуса”, куда входил и трактат “О Божественных именах” (второй вариант этого перевода погиб при бомбежке 1941 г., когда фугасной бомбой был уничтожен дом Лосевых на Воздвиженке). Была утрачена часть рукописи “Вещь и имя”, а также находившаяся в то время в печати книга “Николай Кузанский и средневековая диалектика” (25 июня 1995 г. часть рукописей их Архива ФСБ была возвращена А.А.Тахо-Годи в “Дом Лосева”).

В тюрьме и лагере (а это было еще относительно “либеральное” время в сравнении с 1937 г.) А.Ф.Лосев много занимался математикой, прошел курс дифференциального и интегрального исчисления, продумывал книгу по диалектике аналитических функций, которую ему приходилось писать “пока в уме”. Охраняя лесные склады (после того, как тяжело заболел на сплаве леса), вспоминал философию и астрономию [Лосев, 1993б: 519]. Здесь же в лагере, став на время вольнонаемным в ожидании освобождения Валентины Михайловны, Алексей Федорович начал писать художественную прозу.

7 сентября 1932 г. (постановлением коллегии ОГПУ) А.Ф.Лосев был освобожден из заключения. 4 августа 1933 г. (постановлением ЦИК СССР) с него была снята судимость и он был восстановлен в своих гражданских правах.

После возвращения из лагеря в Москву перед А.Ф.Лосевым оказались закрытыми все двери издательств, научных и учебных заведений. Из секретариата ЦК ВКПб, в ответ на его запрос о трудоустройстве, Лосеву была прислана записка, где опальному философу позволялось заниматься “античной эстетикой и мифологией, не вступая в пределы философии” [Тахо-Годи, 1997: 197]. В период с 1935 по 1940 г. А.Ф.Лосев работает (на условиях почасовой оплаты) в различных московских вузах, а с 1938 по 1941 г. – в

провинциальных вузах (Куйбышев, Чебоксары, Полтава), где читает лекции по античной литературе.

В эти годы Лосев занимается переводами трудов Николая Кузанского и Секста Эмпирика, готовит антологию “Античная мифология” в двух томах (70 п.л.). В 1934 г., обрабатывая свой ранний курс по истории эстетических учений и осмысливая его внутреннюю методологию, он резюмирует в нем также свое отношение к марксизму. Определив свою философскую позицию как “исторический реализм” и “морфологически-выразительный объективизм”, Лосев отмечает, что в распространении историзма на все слои культуры он идет, несомненно, “дальше” многих марксистов, и в заключение восклицает: “Что же со мною делать, если я не чувствую себя ни идеалистом, ни материалистом, ни платоником, ни кантианцем, ни гуссерлианцем, ни рационалистом, ни мистиком, ни голым диалектиком, ни метафизиком, если все эти противоположения часто кажутся мне наивными? Если уж обязательно нужен какой-то ярлык и вывеска, то я, к сожалению, могу сказать только одно: я – Лосев <...> Нельзя, однако, наперед приказать себе стать тем или другим философом. Это решает жизнь” [Лосев, 1995: 356].

В 1942 г. Лосев получает неожиданное приглашение на штатную должность профессора философского факультета МГУ, где его представляют к заведованию кафедрой логики. 16 октября 1943 г. А.Ф.Лосев был утвержден в степени доктора филологических наук *honoris causa* (без защиты диссертации). На философском факультете Лосев ведет семинары по логике Канта, Гегеля и неокантианцев, занимается логическими основами числа и методологическими проблемами логики.

15 мая 1949 г. А.Ф.Лосев был удален из университета как идеалист и переведен в МГПИ им. Ленина, где работал на кафедре классической филологии, а после ее закрытия – на кафедре русского языка и, с начала 60-х годов и до конца своей жизни, на кафедре общего языкознания, где усилиями ее заведующего, профессора И.А.Василенко и его преемниками, Алексею Федоровичу были созданы самые благоприятные условия для творчества. Одной из центральных тем этого нового периода жизни А.Ф.Лосева становится *философская филология и эстетика*. Лосев пишет работу по эстетической терминологии ранней греческой литературы (Гомер,

Гесиод, лирики), приступает к изучению социологических основ античной эстетики.

С начала 40-х годов А.Ф.Лосев начинает терять зрение и в последующие годы работает с секретарями, продумывая тексты своих работ до последней запятой, как привык это делать в лагерные годы, сохраняя содержание своих книг “в уме”.

29 января 1954 г. умирает Валентина Михайловна, “сопутница и печальница философа Лосева”, завещая взять заботу об Алексее Федоровиче А.А.Тахо-Годи, которая в 1944 г. аспиранткой кафедры классической филологии МГПИ приходит в дом Лосевых [Тахо-Годи, 1997:292].

1953 год прерывает двадцатитрехлетнее философское молчание Лосева изданием “Олимпийской мифологии в ее социально-историческом развитии” в “Ученых записках” МГПИ. За этим последовала публикация многочисленных трудов А.Ф.Лосева по основным темам его творчества – *эстетике, мифологии, античной литературе, философии, семиотике, литературоведению и, наконец, языкознанию* – усилиями А.А.Тахо-Годи, жертвенно взявшей на себя труды по изданию работ Алексея Федоровича и при его жизни, и после его кончины.

Среди работ *эстетического цикла* – второе “восьмикнижие” – восьмитомная “История античной эстетики (М., 1963–1994, общий объем – 6327 с.), удостоенная Государственной премии за первые шесть томов, а также “Эстетика Возрождения (М., 1978. – 632 с.), “Эллинистически-римская эстетика I–II в.в. н.э.” (М., 1979. – 415 с.), “Античная музыкальная эстетика” (М., 1960–1961. – 304 с.).

Среди работ по *мифологии* – “Античная мифология в ее историческом развитии” (М., 1960. – 350 с.), “Гомер” (М., 1960. – 350 с.), статьи для энциклопедии “Мифы народов мира”.

Среди работ по *философии* – “История античной философии в конспективном изложении” (М., 1989. – 205 с.), “В.Соловьев” (М., 1983.–7206 с.), “Владимир Соловьев и его время” (М., 1990. – 720 с.), статьи для “Философской энциклопедии”.

Среди работ по *семиотике, литературоведению и языкознанию* – монография “Введение в общую теорию языковых моделей” (М., 1968. – 294 с.), удостоенная Ленинской премии МГПИ им. Ленина, “Проблема символа и реалистическое искусство” (М., 1976. – 368 с.),

“Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию” (М., 1982. – 478 с.), “Языковая структура” (М., 1983. –375 с.).

В работе “Введение в теорию языковых моделей” А.Ф.Лосев на материале опытов моделирования в фонологии и грамматике выступает против общепринятой практики механического перенесения математической формализации в языкознание. По убеждению Лосева, “свести язык на теоретико-множественные, математикологические и вообще математически-функциональные значения – это, значит, уничтожить язык как специфический предмет лингвистики” [Лосев, 1968:33].

Книга “Знак. Символ, Миф” А.Ф.Лосева включает статьи и доклады автора, посвященные логической эволюции и специфике языкового знака в сравнении с математическим знаком, а также вопросу о возможности аксиоматизации в лингвистике. Хотя, как полагает Лосев, при современном состоянии гуманитарных наук от аксиоматики этих дисциплин в точном смысле слова и следует отказаться, его собственная аксиоматика языкового знака, по оценке специалистов, – “одна из вершин современного познания о языке” [Султанов, 2000: 74].

Книга А.Ф.Лосева “Языковая структура”, содержащая его работы 60–80-х годов, посвящена проблеме семантической структуры языка и ее выразительной оформленности, а также логической характеристике методов структурной типологии и вопросу о возможности сближения традиционной и структурной лингвистик. В этой книге Лосев, критикуя позицию “асемантического структурализма”, обосновывает мысль о том, что “языковая структура должна быть *семантической* структурой, а не математической; *смысловой*, а не слепо-фактической; выразительной, а не просто самостоятельно-предметной” [Лосев, 1983: 4]. Лосев именует такую *живую* (не абстрактно-схематическую), *максимально понятную и наглядно* (“фигурно-образно”) *выраженную* в коммуникативных целях структуру *эйдетически-иконической*, опираясь на понятия *эйдоса* как наглядно мыслимой структуры вещи и *эйкона* (иконы) как картинного изображения и образа вещи.

В МГПИ Лосев разрабатывает для аспирантов курс сравнительной грамматики индоевропейских языков, куда входили санскрит, греческий, латинский и старославянский языки. Изучая структурные методы в лингвистике, Алексей Федорович выписывает

из Тарту “Труды по знаковым системам”. К этому времени относится сближение и сотрудничество А.Ф. с Э.А.Макаевым, тогда членом редколлегии журнала “Вопросы языкознания», а также с С.К. Шаумяном и Ю.С. Степановым, будущим академиком, который станет печатать работы А.Ф. в “Известиях” ОЛЯ.

Последняя программная работа А.Ф.Лосева в области лингвистики – теоретико-аналитическое исследование “В поисках построения общего языкознания как диалектической системы». И если “Философия имени” это чистая *диалектика имени* (первоначальное название этой книги и было “Диалектика имени»), то это последнее исследование есть фактически *диалектика фонемы*, причем диалектика, доведенная до уровня конкретно-жизненной реальности.

Алексей Федорович Лосев скончался 24 мая 1988 г. на 95 году жизни, в канун празднования тысячелетия крещения Руси, в день памяти своих любимых святых, равноапостольных Кирилла и Мефодия, олицетворявших собой, в его представлении, единство философии и филологии, служению которым с юности была посвящена подвижническая жизнь Алексея Федоровича.

Лингвофилософские воззрения. Творческое наследие А.Ф.Лосева в области философии языка, а также теории и методологии языкознания многообразно и многомерно.

1. Известным ключом к пониманию специфики содержания и генезиса лингвофилософских воззрений Лосева может служить *программа цельного знания школы всеединства В.С.Соловьева* с ее установкой на единение веры, разума и жизни и направленностью на построение универсальной теории, выявляющей основные принципы единства бытия. Разделяя основные установки этой школы, а также убежденность в том, что последнее наиболее полное знание должно быть жизнью, Лосев стремился разработать *универсальную модель* реальности и представить сквозь призму этой модели различные сферы и слои действительности в их диалектической структуре и конкретно-жизненной наполненности, включая и *лингвистическую реальность*.

2. Методологическим идеалом Лосева было соединение отвлеченно-диалектических установок видения объектов с их непосредственно-жизненными характеристиками. В плане реализации этого идеала творческий путь Лосева в области философии языка может быть представлен как движение от *чистого* искусства мысли

(“Философия имени”) к *содержательно-жизненной диалектике* (семантическое описание русского префикса “про” А.Ф.Лосева, который предстает, в видении Лосева, как “живое существо” Лосев, 1983:4, 169–175, 177).

3. Построение цельного знания предполагает как свой необходимый момент также критику и преодоление “отвлеченных начал” (исторически односторонних направлений и течений мысли) в рамках объединяющего их, более общего, синтетического учения. В этом аспекте понятна постоянная направленность творческой мысли Лосева на поиски, критику и преодоление таких односторонних воззрений (в терминологии Лосева, “относительных мифологий”) в лингвистике, философии, психологии, логике. Однако центром творческой мысли Лосева была все же не критика исторических ошибок в движении лингвофилософской мысли, а стремление к достижению цельного, высшего знания (в терминологии Лосева, “абсолютной мифологии”) и разработка в его контексте и в его свете философии языка, интерпретируемой им как философия имени.

4. Если свои “Исследования по философии и психологии мышления” 1919 г. А.Ф.Лосев начинает с цитирования своего учителя Г.И.Челпанова “*XIX век был веком естествознания, XX век будет веком психологии*” [Лосев, 1999: 17], то, спустя лишь десятилетие, Лосев такой прогноз делает относительно *философии языка*. При этом – философии языка *реалистической направленности*, основанной на идеях имяславия. Лосев так пишет в работе “Вещь и имя”: “...история новой философии отличается <...> активным имяборчеством, как и вся новая европейская философия. Эта философия <...> старается уничтожить и теорию языка, основанную на понимании его как специфической сферы, ибо язык есть именно противоположность всякой глухонемой психологии. С большим трудом намечилась, в конце концов, ономастологическая магистраль в современной философии; и это есть, несомненно, знамение и новой наступающей культуры, и новой еще не бывшей философии <...> дух времени действительно изменился. Можно сказать, что еще никогда философия языка не занимала столь принципиального места, как сейчас” [Лосев, 1997а: 178-180].

5. Разработкой такой реалистической, ономастологической философии языка А.Ф.Лосев и занимался в 20–30-е годы XX в. Он исходил в своих построениях из *реалистической позиции*,

развивающей представление об онтологическом статусе языка, согласно которому “язык есть язык самих вещей, самого бытия” [Камчатнов, 1998: 76]. “Только когда действительность подлинно заговорит, – полагает Лосев, – только тогда открывается принципиальная возможность и для ее собственного объективного оформления, и для ее понимания и усвоения кем бы и чем бы то ни было” [Лосев, 1993а: 808–809].

6. Лосев, по словам академика Ю.С.Степанова, – “великая фигура” философии имени XX века, т.е., другими словами, семантической парадигмы, в основе которой лежит имя и его отношение к миру и в которой “все” рассматривается сквозь призму данного вопроса [Степанов, 1998: 716, 181]. В “Философии имени” Алексей Федорович прямо утверждает: “Я не понимаю, как можно говорить и мыслить о бытии помимо слова, имени и помимо мысли <...> Выше слова нет на земле вещи, более осмысленной. Дойти до слова и значит дойти до смысла” [Лосев, 1993а: 791-792, 742]. Что же касается случаев так называемого “бессловесного мышления”, замечает Лосев, то такое бессловесное мышление не есть недостаток слова, но, наоборот, “преодоление слова” и “восхождение на высшую ступень мысли”. Здесь слово “продолжает играть в мышлении свою великую роль, хотя уже в невидимой форме фундамента и первоначального основания” [Лосев, 1993а: 628].

7. А.Ф.Лосев конструирует свою универсальную модель бытия и знания, опираясь на имя как центральную онтологическую категорию реальности. Такой выбор связан с тем, что имя, по Лосеву, – центральный момент действительности, основание и сокровенный конститутивный элемент всего сущего. В нем “сгущена и нагнетена квинтэссенция как человечески-разумного, так и всякого иного человеческого и нечеловеческого, разумного и неразумного бытия и жизни” [Лосев, 1993а: 628]. Предметом философии языка для Лосева при таком понимании оказывается фактически вся реальность в ее ономотологическом преломлении: 1) действительность Бога, 2) мира и человека, 3) знания и жизни и, наконец, 4) человеческого языка и его единиц, изучаемых в традиционных лингвистических исследованиях. А это означает, что лингвистическая реальность для Лосева универсальна. Реальность для него – мир как имя. Соответственно космос для А.Ф. не “что”, как в античности, а – “кто”, т.е. одушевлен и личностен.

8. В основе философии языка Лосева лежит *интуиция всеединства* (изначального мистического восприятия действительности как единого целого), по которой все существует во всем и каждая вещь есть частичное проявление всего мира в целом, во-первых, и, во-вторых, все должно рассматриваться в глубокой связи со всеми сторонами реальности. В свете такого представления, считал Лосев, кто понимает, например, “виртуозный монументализм игры Рахманинова или Листа, тот должен разбираться и в изощренной диалектике неоплатонического монументализма или в *причудливой семантической игре греческого синтаксиса с его симфонией предлогов, союзов и особенно мелких частиц*” [Джохадзе, 1983: 24]. Кто понимает далее греческий язык, тот тем самым “принципиально понимает и греческую философию», которая, по Лосеву, есть “не больше, как раскрытие глубинных интуиций и мыслей, заложенных в языке”, или полное диалектическое осознание “всех внутренне интимных корней греческого духа, т. е. языка” [Лосев, 1993: 90,96].

9. Конструируя свою философию имени в традиции школы всеединства, ориентированной на единение трех видов знания – философского (умозрительного), богословского (мистического) и научного (опытного), Лосев фактически отождествлял философию имени с цельным знанием, усматривая в имени не предмет отвлеченного знания, но – *основание, силу, цель, творчество* и “*подвиг всей жизни*” [Лосев, 1993а: 746]. Таким именем для Лосева было Имя Божие, по образу которого он рассматривал всякое имя и слово: “Наши повседневные судьбы именованья суть только подобие” [Лосев, 1993а: 880].

10. А.Ф.Лосев разделял основную позицию философского реализма, утверждающего изначальную “нераздельность” и вместе “неслитность” идеи и вещи [Камчатнов, 1998: 77]. *Реалистическая философия языка* Лосева формировалась в контексте противостояния двух полярных направлений человеческой мысли. Во первых, позиции *субъективистически-психологического релятивизма*, который “превращает всякий объект в субъективное и лишь относительно значимое переживание” (*имяборчество*). И, во вторых, позиции *объективно-конкретного идеализма (имяславие)*, обосновываемой с точки зрения “вечных идей”, которые “пребывают до вещей и в вещах и никак не вовлечены в течение случайных и всегда переменчивых переживаний” [Лосев, 1997: 9–10]. Имя, по этой

второй позиции, разделяемой Лосевым, имеет *объективно-мистический* смысл. Оно – энергия сущности Божией, и в этом смысле оно есть сама знаменуемая реальность. Обоснование позиции имяславия и содержащейся в ней доктрины реалистического и онтологического понимания имени и слова стало центральной задачей лосевской *ономатодоксии*. По Лосеву, точная мистическая формула имяславия звучит: *“Имя Божие есть энергия Божия, неразрывная с самой сущностью Бога и потому есть Сам Бог <...> однако Бог отличен от Своих энергий и Своего имени и потому Бог не есть ни Свое имя, ни имя вообще”* [Лосев, 1997а, 15]. “Философия имени” Лосева – попытка диалектического выведения и обоснования философского аналога данной мистической формулы *“имя вещи есть вещь, но вещь не есть ее имя”*, или, в более специальной форме, *“энергия сущности есть сущность, но сущность не есть ее энергия»*, а также его краткого варианта – *“имя вещи есть вещь”* [Лосев, 1997а, 178].

11. Сокровенную логику лосевской ономатодоксии составляет восприятие Имени Божия и имени вещи в аспекте их тождественности. По Лосеву, суть имяславского учения об Имени Божиим в его богословском выражении сводится к следующим тезисам: 1) Имя Божие – энергия сущности Божией; 2) Имя Божие как энергия сущности Божией неотделимо от самой сущности и потому есть Сам Бог; 3) Имена суть живые символы являющегося Бога, т.е. Сам Бог в Своем явлении твари; 4) Имя Божие не есть звук и требует боголепного поклонения; 5) В Имени Божиим – встреча человека и Бога; 6) Имя Божие и есть наивысшая конкретность, выражающая активную встречу двух энергий – Божественной и человеческой; 7) Имя Божие есть та энергия сущности Божией, которая дается человеку в функции активно-жизненного преобразования его тварного существа [Лосев, 1997а: 59–61].

В этих тезисах выражено содержательное ядро лосевских интуиций о лингвистической (ономатологической) реальности. А.Ф.Лосев разрабатывал свою философию имени, однако не *как чисто богословское учение*, описывающее конкретный мистический опыт (молитвенный опыт в православии), *но как теоретическое, чисто логическое, формально-онтологическое учение* об имени и слове, безотносительное к содержанию, которое вкладывается в имена религий, поэзией или мифологией. Лосев полагал, что “учение об

имени не зависит ни от какого вообще жизненного содержания” и что “логическая структура имяславия останется совершенно одинаковой и для всякой исторической религии, и для всякого нерелигиозного социального образования», хотя “некоторая печать жизненного содержания и не может ни отобразиться на логической структуре имени” [Лосев, 1999: 306]. А.Ф.Лосев выводит логическую структуру имяславия в своей универсальной системе с помощью неоплатонических методов: 1) *триады* (идея, материя, вещь), 2) *тетрактиды* (одно, сущее, становление, ставшее,) и 3) *пентады* (с добавлением к тетрактиде категории *выражения*) [Лосев, 1997б, : 111–115; Лосев, 1995: 332]. Формально-онтологическая структура имяславия, по Лосеву, имеет очень сложный характер. В “Философии имени” диалектико-феноменологически выведено 67 моментов имени, начиная от *звука, фонематической семемы, нозмы, энергемы и энергии до эйдоса, символа, мифа* и, наконец, *эйдетически-сущностного логоса*.

12. Философия имени Лосева – *мистический символизм*. В универсальной системе Лосева вся реальность предстает в своей элементарной структуре как результат конструктивного процесса самооткровения сущности – ее диалектического продвижения от апофатического истока к предельной энергийной явленности в имени как диалектической вершине конструктивного процесса через ряд промежуточных категорий-мифологем *числа, мифа, символа, личности*, в свете которых рассматривается и само имя.

13. Лосев разрабатывает *иерархичную* модель лингвистической реальности, по которой она предстает как лестница разной степени *словесности, ономатизма, именитства, сущего, бытия*. По данной модели, весь мир – *человек, животное, неодушевленные предметы* – видится как совокупность разных степеней жизненности или затверделости слова, а все бытие предстает то как “более мертвые», то как “более живые” слова [Лосев, 1993а: 734]. Низшая степень словесности – *физическая вещь* – это слово в зародыше, далекое от своего внутреннего осмысления и оформления. Высшая степень словесности представлена *сверхумным* именем. Срединное место на этой лестнице занимает обычное, *нормальное человеческое слово*. Сохраняя основной признак слова и имени – *выраженность смысла*, – такое слово, по Лосеву, принципиально отличается тем, что оно содержит в себе все моменты слова как такового, но в

модифицированном виде, и его адекватное описание невозможно без раскрытия всего спектра бытия слова (имени) как такового.

14. Философия имени Лосева вобрала в единую смысловую структуру множество идей и подходов отечественной и европейской лингвофилософской мысли. Среди источников лосевской концепции имени – платоновский “Кратил” в его истолковании Проклом, “Ареопагитики», идеи Григория Богослова, Григория Паламы, Гегеля, Шеллинга, В. фон Гумбольдта, К.Аксакова, А.Марти и особенно А.Потебни [Лосев, 1995: 190–191]. Исследователи (М.Хагемейстер) отмечают специфически русскую часть лосевской мысли, связанную с развитием представлений о “магии” слова в русском символизме и с тем пониманием языка, которое лежит в основе поэзии А.Белого, О.Мандельштама и Вяч. Иванова. По свидетельству Алексея Федоровича, на построение его системы наибольшее влияние оказали диалектика неоплатонизма в ее понимании Проклом и христианскими неоплатониками, гегелевская диалектика, феноменология (Э.Гуссерля, неокантианский трансцендентализм, а также символическая мифология П.А.Флоренского. Сам Лосев характеризовал суть своей философской позиции как *православно понимаемый неоплатонизм*.

15. Философия имени А.Ф.Лосева охватывает все “главные семантические назначения имени – от именованной вещи, через сигнификацию “эйдоса”, идеи и “логоса” (понятия) вплоть до слова как формы символа и мифа” [Степанов, 1998: 225]. Лосев различает три степени смысловой насыщенности языка – *знак вообще, символ и миф*. Его интересует природа языкового знака, а также динамический переход от знака к символу и мифу, от нерасчлененности простейших языковых единиц к многозначным структурам и насыщенной поэтической образности [Лосев, 1982: 4]. В видении Лосева, языковой знак, занимая срединное положение между мышлением и действительностью, “при всей своей зависимости от того и другого и при всей своей полной невозможности существовать как без того, так и без другого, фактически является вполне оригинальным и своеобразным бытием”. И это бытие не может быть сведено “ни на чистую мысль, ни на слепую, глухую, никак не осмысленную, туманно текучую объективную действительность” [Лосев, 1982: 122].

16. По лосевской интерпретации имяславия, наиболее важными чертами в этом учении об имени являются:

1) *онтологизм и реализм*. Имена – “реальное свойство самих вещей” [Лосев, 1993а: 864]; “Имя вещи” – предел смыслового самооткровения вещи” [Лосев, 1993а: 841];

2) *“магизм”, или действительность и сила*. Природа имени, по Лосеву, “магична в самом последнем своем существе”, в том смысле, что “магия ведь и есть не что иное, как изменение бытия силою одного слова, преобразование и самосозидание вещей невещественной энергией одних имен” [Лосев, 1997а: 198]. Имя, в видении Лосева, – “огромная духовная сила” [Лосев, 1993: 810]; “Имя вещи есть ее смысловая сила, а имя Божие есть сила и энергия Божия” [Лосев, 1993: 900]. Лосев подчеркивает при этом постоянно, что он отнюдь не имеет в виду только религиозный статус имени и слова. “Я утверждаю, – пишет А.Ф.Лосев, – что сила имени в теперешней жизни, несмотря на ее полное удаление от живой религии, нисколько не уменьшилась. Мы перестали силою имени творить чудеса, но мы не перестали силою имени завоевывать умы и сердца <...> и это ничуть не меньшая магия” [Лосев, 1997а: 170];

3) *энергийность и символизм*. Имя – энергия сущности и символ вещи: имя – “осмысленно-выраженная и символически ставшая определенным ликом энергия сущности” [Лосев, 1995: 37];

4) *ипостасное (личностное) начало* (имя “энергийно-личностный символ” [Лосев, 1997а: 237]; “Имя – откровение личности, лик личности, живая смысловая энергия жизненно утвержденной индивидуальности” [Лосев, 1993а: 821];

5) *коммуникативно-интерпретативное начало*. Имя есть “сама вещь в аспекте своей понятности для других, в аспекте своей общительности со всем прочим” [Лосев, 1993а: 763].

17. Имя (слово) для Лосева есть одновременно и 1) *выражение* сущности и 2) *понимание* ее в синергийно-персоналистических актах взаимного смыслового со-действия именуемого (называемого) и именующего (называющего), или, другими словами, тождество выражения и понимания. Такое толкование не является противоречивым в глубинном смысле, поскольку выражение для Лосева и есть “объективный аналог понимания вещи” [Лосев, 1993а: 831]. Понимание, как и выражение, по Лосеву, таким образом, *онтологично*. Оно – не “какой-то случайный, несущественный, субъективно-капризный процесс, полагает Лосев. Понимание – “объективно”, “предметно”, “предметно-конститутивно”, и ему

всегда “соответствует и отвечает вполне реальный бытийственный аналог”, каковым и является выражение [Лосев, 1993а: 858].

Таковую же природу имеет и сам язык. В толковании Лосева, язык есть и *выражение* (он – “предметное обстояние бытия, и обстояние смысловое, точнее – выразительное и еще точнее – символическое” [Лосев, 1993а: 686-687]), и *понимание* (“язык есть система понимания, т.е., в конце концов, миропонимания” и есть “само миропонимание” [Лосев, 1993а: 822]). Всякая энергия сущности, по логике данной концепции, является языком, на котором сущность “говорит” с окружающей ее средой, и всякий символ – *лингвистичен* (он есть “языковое явление»), *онтологичен* и *реалистичен*. По Лосеву, подлинно языковые явления должны пониматься “чисто предметно-выразительно” (а не субъективно, психологически, исторически или же вообще каким-либо образом фактически” [Лосев, 1993а: 686]), и всякая подлинно языковая стихия не может быть сведена ни на какие другие стихии (логическую, диалектическую, физико-физиологическую и др.).

18. Во втором периоде творчества А.Ф.Лосев предпринимает попытку адаптировать свою энергийно-ономатическую универсальную модель к проектированию лингвистической науки, способной на основании разработанной им ранее теоретической философии языка и обоснования имени и слова как стихии “разумно-живой”, “реально-практической” жизни осуществить переход к представлению их как момента живого процесса социального и культурно-исторического бытия. Лосев рассматривает человеческую речь в этот период как “непрерывно осуществляемую энергию” и, опираясь на энергийную и “магическую” трактовку имени и слова первого периода, утверждает, что слово в основе своей – *заряд*, и не “физический заряд», а “коммуникативно-смысловой заряд», “физические размеры” возможных действий которого “часто даже нельзя заранее предусмотреть” [Лосев, 1989: 28, 15]. При этом этот период у Лосева наблюдается относительная редукция его исследовательской парадигмы. *Теоантропокосмическая* парадигма изучения языка, где язык рассматривается в максимально широком контексте – *Бог, человек, мир*, – предстает в свернутом виде как *антропологическая* парадигма, в которой язык изучается в контексте человека и его мира. В философии языка Лосева этого периода речь идет исключительно о человеческом языке, рассматриваемом им как

“специально человеческое явление”. А.Ф.Лосев выступает против распространенного в лингвистической среде своего времени игнорирования человеческого сознания и мышления при изучении языка со стороны “абсолютно изолированного и последовательного структурализма”, замечая, что “понятийно-смысловая и особенно математическая схема забывают о человеке” [Лосев, 1982: 93]. Игнорирование же антропологического начала при изучении языка, по Лосеву, – искажение природы самого языка. Языковой знак есть “человеческий знак”, т.е. знак в качестве орудия человеческого общения, и для определения специфики языкового знака нужен именно человек, поскольку “только человек обладает языком” [Лосев, 1983: 135].

19. Для раскрытия специфики языка и его элементов Лосев использует три тесно связанные категории: 1) *смыслового отражения* (он полагал, что, “не вводя понятия отражения в аксиоматику смысловой теории языка, мы теряем из виду и сам язык” [Лосев, 1982: 42]); 2) *коммуникации*, под которой он понимал “структуру разумно-жизненного человеческого общения” [Лосев, 1982: 19], и 3) *интерпретации*, или *понимания*, которое, по Лосеву, является необходимым условием для конструирования специфики языка как свободной интерпретации всей мыслительной сферы и действительности, лежащей в основе самого мышления [Лосев, 1983: 148]. С помощью этих категорий Лосев раскрывал также специфику отдельных языковых единиц и категорий языка. Так, всякая грамматическая категория для него есть “категория общения и понимания”, т.е. представления предмета в определенном свете в целях “сообщения предмета другому сознанию”, а не категория предметного мышления [Лосев, 1982: 359].

Язык трактуется Лосевым в этот период как: 1) смысловоразличительная коммуникация и орудие разумно-жизненного общения людей; 2) интерпретация и интерпретирующе-смысловое творчество; 3) сплошное и непрерывное предцирование и коммуникативное движение; 4) поток сознания, 5) звукомыслительное единство; 6) непосредственная действительность мысли и практическое мышление. Осмысливая сосюрговскую дихотомию *язык/речь*, Лосев различает *язык в узком смысле слова* как “смысловоразличительную деятельность коммуникации», *речь* как “поток позиционных

модификаций смысловозначительных актов языка” и *текст* как диалектический синтез языка и речи [Лосев, 1989: 13].

20. Говоря о “коммуникативной энергии речевого потока” и “бесконечной смысловой заряженности” языковых элементов, А.Ф.Лосев получает онтологические основания для введения в лингвистику *синергийно-персоналистической парадигмы* и адаптации понятий и категорий *заряда, символа, валентности, генерации, силы* и др., задающих в его модели эссенциалистски-энергийную картину всеединства. А.Ф.Лосев развивает учение об интерпретативно-смысловой валентности слова как его смысловой потенции и смысловой мощи. Он различает *валентность* единицы как “неразвернутое состояние бесконечного множества ее жизненно-творческих функций и воплощений” и *генерацию* единицы как ее развернутое существование, осуществленность ее внутренних потенциальных возможностей в закономерно-оформленном виде. Так, всякая фонема “содержит в себе в свернутом виде бесконечный ряд своих творчески-жизненных воплощений, тут же возникающих в своем развернутом и закономерно-оформленном виде” [Лосев, 1968: 167].

21. Понятие валентности диктуется у Лосева его изначальной интуицией всеединства, необходимостью рассмотрения языка как органического целого: “...как бы ни был самостоятелен какой-либо элемент и как бы он ни был изолирован от других элементов языка, сам по себе он тоже является органическим целым, каким-то маленьким языковым организмом. А это значит, что каждый элемент языка в зародыше уже содержит в себе то целое, из которого получают те или иные языковые образования” [Лосев, 1983: 133]. Свое понятие валентности Лосев сближает с гумбольдтовским понятием *энергейи*, рассматривая валентность как своего рода энергию языка. Считая учение Гумбольдта о том, что «язык есть не “эргон”, но “энергия”», правильным, хотя устаревшим и требующим новой своей формулировки, Лосев полагает, что в этом поиске значительную роль сможет сыграть категория валентности [Лосев, 1983: 142].

22. В связи с изменением теоретических стратегий в осмыслении языковых явлений происходит переакцентировка в определении единиц языка и, прежде всего, имени и слова. Если в первом периоде творчества Лосева теоретическое движение идет преимущественно от вещи и ее смыслового самораскрытия в мысли-слове (в “Философии имени” рассматривается, в слове достигается

“адекватация” предмету и как осуществляется переход “res” в “intellectus” [Лосев, 1993а: 655]), то во втором периоде – от человека, воспринимающего и интерпретирующего языковые сообщения. Лосев занимается созданием теории *языковой сигнификации*, под которой понимает принцип перехода от “чистой” мысли к языку как *непосредственной действительности* мысли. “Но язык не есть чистая логика. Он есть практическое мышление, извлекающее из объективной действительности те моменты, которые необходимы для общения людей, и те моменты из чистой логики, которые в результате сложнейшей модификации могут стать орудием разумного общения” [Лосев, 1983: 39].

23. Опираясь на неоплатоническое толкование платоновской идеи как метода осмысления и смыслового конструирования вещи, А.Ф.Лосев разрабатывает *метод общностей как закона и принципа* осмысления вещи, который он использовал в своих работах как применительно к лингвистическому знанию (построение *аксиоматики*), и к анализу языковой активности человека. В соответствии с таким пониманием, каждый элемент языка не есть нечто изолированное и отделенное от других элементов, но являет собой “*принцип того или иного континуума элементов языка известного протяжения*” [Лосев, 1982: 469].

Так, грамматическое предложение предстает как “*принцип* для бесконечного ряда других предложений, которые возникают только по “произвольному почину сознания, пользующемуся ими как для общения с другими сознаниями” [Лосев, 1982: 363–364]. Члены предложения предстают как *принципы* понимания, сообщения или интерпретации языковых элементов в определенном отношении [Лосев, 1983: 210]. Грамматические категории, теряя при таком их представлении “свой застывший и неподвижный вид”, становятся “*принципами* бесконечно разнообразных значений и зависимости от живого контекста речи” [Лосев, 1983: 179]. Наконец, фонема (в терминологии Лосева, “*фонема звука*») выступает как *моделирующий принцип* определенного семантического оформления звуков. В конце 60-х годов в работе “Введение в общую теорию языковых моделей” Лосев утверждает, что “фонема звука есть его назначение, данное в его конструктивной сущности, или *принцип, метод и закон* соответствующего семантического оформления звука” [Лосев, 1968:159]. Спустя два десятилетия, в конце 80-х годов, в работе “В поисках

построения языкознания как диалектической системы” Лосев предлагает следующее развернутое определение фонемы: “Фонема звука – не есть сам звук в его физически ощущаемой данности, но идея звука, смысл звука, смысловозначительная ценность звука, закон, метод, правило звучания, его значение, его смысловая потенция (возможность) и интенция (направленность), его смысловая функция, его форма и принцип, его модель” [Лосев, 1989: 86].

В этой последней работе Лосева по языкознанию предлагается, по выражению А.Х.Султанова, “самая емкая на сегодня диалектическая формула фонемы” [Султанов, 2000: 74], синтезирующая исторические варианты интерпретации фонемы в лингвистической мысли XX в. в едином представлении. По комментарию самого Лосева, его диалектика фонемы начинается с “нерасчлененного тождества автогенного принципа, развивается как всесторонне расчлененная структура и в речевом коммуникативном потоке опять сливает все структурное в нерасчлененное автогенное тождество. Сам автогенный принцип доструктурен, но, как единство всех структур, кончается тоже бесструктурным речевым потоком” [Лосев, 1989:87].

Резюмирующая формула фонемы, предлагаемая Лосевым в работе “В поисках построения языкознания как диалектической системы” и имеющая очень сложное строение, фиксирует в предельно сжатом виде все важнейшие этапы диалектического движения мысли при конструировании фонемы. “Итак, – пишет Лосев, – о фонема есть: I. 1) валентно- 2) нейтрализованный 3) автогенный принцип звука, функционирующий как II. 4) сигнификативная, или смысловозначительная, т. е. не артикуляционно-акустическая и не перцептивная, а именно как 5) континуально-дискретная структура, III. 6) энергично порождающая 7) модельно- 8) функционально- 9) квантованное 10) звуковое поле со своей собственной 11) алгоритмической структурой 12) позиционных аллофонов и с IV. 13) программно- 14) информативным, или, точнее, 15) коммуникативным назначением” [Лосев, 1989: 86]. Отметим, что еще в “Философии имени” *фонема* понималась А.Ф.Лосевым вне общелингвистической традиции как звуковая оболочка слова в целом. См.: “Фонема имени и есть определенная совокупность <...> членораздельных звуков, произносимых человеческим голосом, определенная объединенность их в цельные и законченные группы.

Это мы и называем фонемой имени в собственном смысле” [Лосев, 1993а: 631–632].

24. Творчество Лосева в области науки о языке знаменует собой два важнейших момента в ее становлении. Во-первых, встречу и взаимодействие лингвистики с новой для нее *теоантропокосмической* парадигмой постижения языка, для которой характерно “принципиальное онтологическое возвышение языка” [Гогтишвили, 1997: 592] и где язык рассматривается в максимально широком контексте — *Бог, человек, мир* — как необходимый элемент реальности, а лингвистическое знание — как часть более широкого цельного знания. И, во вторых, — обращение лингвофилософской мысли на новом этапе ее развития (после оформления лингвистики в самостоятельную область знания) к традиции антично-средневекового символического реализма, ономатизма и энергетизма, а также к гумбольдтовской программе изучения языка как энергии духа и миропонимания народа. Произведенный А.Ф.Лосевым синтез позволяет во многом по-новому увидеть лингвистическую реальность в ее глубинном содержании и разработать на этой основе принципы и методы ее более адекватного и всестороннего представления.

25. Лингвофилософские воззрения А.Ф.Лосева, при всей их несомненной значимости для мировой и отечественной культуры, все еще недостаточно изучены, при том, что уже первые исследователи работ Лосева обращали внимание на “мощь” его творческого дарования, “силу” интуитивных созерцаний, “тонкость” проведенных анализов [Зеньковский, 1991: 143].

Со времени публикации первых работ Лосева по философии языка отношение к ним и, прежде всего, к его “Философии имени”, неоднозначно и часто полярно противоположно. Так, по мысли Н.О.Лосского, Лосев в своей “Философии имени” “разрешает почти все частные проблемы языка”, и, “если бы оказались лингвисты, способные понять его теорию <...> то они столкнулись бы с некоторыми совершенно новыми проблемами и были бы в состоянии объяснить новым и плодотворным способом многие черты в развитии языка. Более того, они нашли бы путь преодолеть ассоцианизм и крайний психологизм и физиологизм в теории языка” [Лосский, 1991: 344]. По мнению же Н.К.Бонецкой, Лосев в своей “Философии имени” выстроил “гигантское схоластическое здание, стремясь средствами диалектики соотнести имя с идеей”; но через это “не

прибавилось никаких плодоносных интуиций бытия”; мысль Лосева “насквозь рациональна” и не содержит “никаких-то ясных, практически полезных представлений” [Бонецкая, 1995: 277]. Наконец, по оценке “Философии имени” А.Ф.Лосева со стороны одного из авторов “Истории лингвистических учений” А.К.Гаврилова, “благодаря опоре на позднеантичную традицию, эта книга, не заменяя положительного знания, может служить в качестве *remedium heroisum* против чересчур прозаического подхода к смысловой природе слова” [Гаврилов, 1985: 125].

Отмечая значимость работ А.Ф.Лосева в области философии языка с позиции задач современной лингвистики, С.К.Шаумян подчеркивает необходимость адаптации его глубоких диалектических идей для лингвистов (известный перевод лосевских лингво-философских идей на язык современной лингвистики содержится в работах Л.А.Гоготишвили и особенно в [Гоготишвили, 1993]). С.К.Шаумян называет открытый Лосевым *закон полисемии* (“закон многозначности слова и всех категорий в языке” [Лосев, 1983: 213]), разрешающий, в представлении Шаумяна, многие сложнейшие проблемы современной лингвистики, “самым важным открытием” со времени 30-х годов XX столетия, когда были сформулированы основные понятия *классической парадигмы семиотики*, основанной на *родо-видовой абстракции*. Данный закон, по мысли С.К.Шаумяна, ведет к преобразованию классической парадигмы семиотики в *новую семиотическую парадигму*, в основе которой будет лежать метод “*эйдетической абстракции*” [Шаумян, 1999:364,365,376].

Вместе с тем, при изучении творческого наследия А.Ф.Лосева нередко выражается также мысль о том, что применительно к философии языка Лосева речь может идти не только о простом переводе его идей на язык современной лингвистики, но и о принятии самой его исследовательской парадигмы. Так, Л.А.Гоготишвили, говоря о чуждости для современной лингвистики “православно-энергетического понимания языка, совмещающего бытие и личность”, выражает надежду, что “эра изоляции отечественной лингвистики от фундаментальных проблем религиозной философии заканчивается”, и, следовательно, лосевский “голос еще зазвучит в полную силу в уже недалеком будущем” [Гоготишвили, 1993: 923].

Литература

- Аверинцев С.С.* Памяти учителя // Контекст: Литературно-теоретические исследования. – М., 1990. – С. 3–5.
- Бонецкая Н.К.* Об одном скачке в русском философском языкознании // П.А. Флоренский и культура его времени – P.A. *Florenskij e la cultura della sua epoca* / Ed. M. N.Hagemeister, N. Kaucisviliū – Marburg: Lahn, 1995. – С. 254–288.
- Гаврилов А.К.* Языкознание византийцев // История лингвистических учений: Средневековая Европа. – Л., 1985. – С. 109–156.
- Гоготшвили Л.А.* Религиозно-философский статус языка // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. – М., 1993. – С. 906–923.
- Гоготшвили Л.А.* Лингвистический аспект трех версий имяславия // Лосев А.Ф. Имя: Сочинения и переводы. – СПб., 1997. – С. 580–612.
- Джохадзе Д.В.* Алексей Федорович Лосев: Краткий очерк жизни и деятельности // А.Ф.Лосеву: К 90-летию со дня рождения. – Тбилиси, 1983. – С. 4–26.
- Зеньковский В.В.* История русской философии. – Л., 1991. – Т. 2, ч. 2. – 269 с.
- Камчатнов А.М.* История и герменевтика славянской Библии. – М., 1998. – 219 с.
- Лосев А.Ф.* Введение в общую теорию языковых моделей. – М., 1968. – 294 с.
- Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф.: Труды по языкознанию. – М., 1982. – 478 с.
- Лосев А.Ф.* Языковая структура. – М., 1983. – 374 с.
- Лосев А.Ф.* В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. – М., 1989. – С. 5–92. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. – М., 1990а. – 720 с.
- Лосев А.Ф.* Страсть к диалектике: Литературные размышления философа. – М., 1990б. – 320 с.
- Лосев А.Ф.* Бытие. Имя. Космос. – М., 1993а. – 958 с.
- Лосев А.Ф.* Жизнь: Повести. Рассказы. Письма. – М., 1993б. – 535 с.
- Лосев А.Ф.* Когда кончал гимназию... // Мысль и жизнь: К 100-летию со дня рождения А.Ф.Лосева. – Уфа, 1993в. – С. 21–30.
- Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. – М., 1993 г. – 960 с.
- Лосев А.Ф.* Форма. Стил. Выражение. – М., 1995. – 944 с.
- Лосев А.Ф.* Имя: Сочинения и переводы. – СПб., 1997а. – 616 с.
- Лосев А.Ф.* Хаос и структура. – М., 1997б. – 831 с.
- Лосев А.Ф.* Личность и Абсолют. – М., 1999. – 719 с.
- Лосский Н.О.* История русской философии. – М., 1991. – 479 с.
- Степанов Ю.С.* Язык и метод: К современной философии языка. – М., 1998. – 779 с.
- Султанов А.Х.* Проблема термина в контексте русской философии имени: Дис. ...канд. филос. наук. – М., 2000. – 169 с.
- Тахо-Годи А.А.* Лосев. – М., 1997. – 458 с. – (Сер. ЖЗЛ; Вып. 742).

Шаумян С.К. Диалектические идеи А.Ф.Лосева в лингвистике // Лосевские чтения: Образ мира – структура и целое: Материалы Междунар. науч. конф., 19-23 окт. 1988 г. на филол. фак. МГУ им. М.В.Ломоносова. – М., 1999. – С. 334–378.

Основные работы А.Ф.Лосева по языкознанию

- Лосев А.Ф.* *Философия имени.* – М., 1927. – 254 с.; 2 – изд.: М., 1990. – 270 с.; 3 – изд.: То же // *Лосев А.Ф. Из ранних произведений.* – М., 1990. – С. 9–192; 4 – изд.: То же // *Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос.* – М., 1993. – С. 613–801.
- Лосев А.Ф.* *Вещь и имя* // *Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос.* – М., 1993. – С. 802–880; *Вещь и имя (первая редакция)* // *Лосев А.Ф. Имя: Сочинения и переводы.* – СПб., 1997. – С. 168–245.
- Лосев А.Ф.* *Вещь и имя (опыт применения диалектики к изучению этнографического материала)* // *Лосев А.Ф. Личность и Абсолют.* – М., 1999. – С. 306–376.
- Лосев А.Ф.* *Имяславие* // *Лосев А.Ф. Имя: Сочинения и переводы.* – СПб., 1997. – С. 7–17.
- Лосев А.Ф.* *Введение в общую теорию языковых моделей.* – М., 1968. – 294с.
- Лосев А.Ф.* *Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию,* – М., 1982. – 478 с.
- Лосев А.Ф.* *Языковая структура.* – М., 1983. – 374 с.
- Лосев А.Ф.* *В поисках построения общего языкознания как диалектической системы* // *Теория и методология языкознания: Методы исследования языка.* – М., 1989. – С. 5–92

Библиография работ А.Ф.Лосева

- Список печатных работ проф. А.Ф.Лосева // *Вопр. классич. филологии.* – М., 1980. – Вып. 7: *Образ и слово.* – С. 8–15 (313 наименований).
- Список печатных трудов А.Ф.Лосева (1989–1995) // *Вопр. классич. филологии.* – М., 1996 (Вып. 11: *Лосевские чтения: Философия. Филология. Культура: К 100-летию со дня рождения А.Ф.Лосева (1883–1993).* – С. 317–322 (содержит 128 наименований).
- Список печатных трудов А.Ф.Лосева // *Контекст: Литературно-теоретические исследования,* 1990. – М., 1990. – С. 55–63, 260–261 (содержит 268 наименований).
- Список печатных трудов проф. А.Ф.Лосева, опубликованных в 1916–2001 гг. // *Культур. просветит. о-во “Лосевские беседы”;* 2001. – 55 с.

Основные работы о А.Ф.Лосеве и его философии языка

Аверинцев С.С. “Мировоззренческий стиль”: подступы к явлению Лосева // *Начала.* – М., 194. – Вып. 2: *Абсолютный миф Алексея Лосева,* 2–4 – С. 76–87.

- Бибихин В.В.* Абсолютный миф А.Ф.Лосева // Начала. – М., 1994. – Вып. 2: – Абсолютный миф Алексея Лосева – С. 87–112.
- Гоготишвили Л.А.* Религиозно-философский статус языка // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. – М., 1993. – С. 906–923.
- Гоготишвили Л.А.* Лингвистический аспект трех версий имяславия // Лосев А.Ф. Имя: Сочинения и переводы. – СПб., 1997. – С. 580–612.
- Гоготишвили Л.А.* Лосевская концепция предикативности // Лосев А.Ф. Личность и Абсолют. – М., 1999. – С. 684–701.
- Джохадзе Д.В.* Алексей Федорович Лосев: Краткий очерк жизни и деятельности // А.Ф.Лосеву: К 90-летию со дня рождения. – Тбилиси, 1983. – С. 4–26.
- Доброхотов А.Л.* “Философия имени” на историко-философской карте XX века // Лосев А.Ф. Философия имени. – М., 1990. – С. 5–10.
- Зеньковский В.В.* История русской философии. – Л., 1991. – Т. 2, ч. 2. – С. 136–143.
- Лосева В.М.* Предисловие к кн.: Лосев А.Ф. Диалектические основы математики // Лосев А.Ф. Хаос и структура. – М., 1997. – С. 6–17.
- Лосский Н.О.* История русской философии. – М., 1991. – С. 340–344.
- Полковникова С.А.* Учение А.Ф. Лосева о языковом знаке // А.Ф.Лосев и культура XX века: Лосевские чтения. – М., 1991. – С. 157–165.
- Постовалова В.И.* “Философия имени” А.Ф. Лосева как цельное знание // Вопр. классич. филологии. – М. 1996. – Вып. 11. – С. 96–102.
- Постовалова В.И.* Философия языка А.Ф.Лосева: типологический лик, генетические истоки, основные идеи и подходы // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. – М., 1996. – Т. 1: Психология. Философия. – С. 101–107.
- Постовалова В.И.* Философия языка в России: Имяславие // Современная философия языка в России: Предварительные публикации 1988 г. / Сост. и общ. ред. Степанова Ю.С. – М., 1999. – С. 32–69.
- Степанов Ю.С.* “Философия имени” А.Ф.Лосева // Степанов Ю.С. Язык и метод: К современной философии языка. – М., 1998. – С. 225–232.
- Тахо-Годи А.А.* Алексей Федорович Лосев // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. – М., 1993. – С. 5–30.
- Тахо-Годи А.А.* Лосев. – М., 1997. – 458 с. – (Сер. ЖЗЛ; Вып. 742).
- Хоружий С.С.* Арьергардный бой // Хоружий С.С. После перерыва: Пути русской философии. – СПб., 1994. – С. 209–253.
- Шаумян К.* Диалектические идеи А.Ф. Лосева в лингвистике // Лосевские чтения: Образ мира – структура и целое: Материалы Междунар. науч. конф. 19–23 окт. 1988 г. на филол. фак. МГУ им. М.В.Ломоносова. – М., 1999. – С. 334–378.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЛИНГВИСТЫ XX ВЕКА

Сборник статей

Часть 1

А – Л

Художественный редактор Т.П.Солдатова

Технический редактор Н.А.Лапина

Корректоры Н.С.Сотникова, О.В.Шамова

Лицензия: Серия ИД № 00748 от 18.01.2000 г.

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 19/IV-2002 г. Формат 60x84/16

Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена

Усл.печ.л. 18,5 Уч.-изд.л. 17,4

Тираж 300 экз. Заказ № 103

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:

Тел./ Факс (095) 120-4514

Е-mail: market @INION.ru

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН

119890. Москва, М. Знаменский пер., д. 11, стр. 3

тел.: 291-28-87

042(02)9

ББК 81
О 82

Серия
“Теория и история языкознания”

Центр гуманитарных научно-информационных исследований

Отдел языкознания

Редакционная коллегия:

Ф.М.Березин – доктор филол. наук (отв. редактор),
А.М.Кузнецов – доктор филол. наук, Е.О.Опарина –
канд. филол. наук, С.А.Ромашко – канд. филол. наук

О 82

Отечественные лингвисты XX века: Сб. ст. // РАН.
ИНИОН. Центр гуманит. научн.-информ. исслед.
Отд. языкознания; Редколл.: Березин Ф.М. (отв. ред.) и
др. – М., 2003. – Ч. 2: (М – С). – 248 с. – (Сер. Теория
и история языкознания).

ISBN 5-248-00156-0

В предполагаемом вниманию читателя второй части сборника “Отечественные лингвисты XX века” (третья часть, Т – Я) анализируются работы выдающихся русских лингвистов послереволюционного периода, внесших огромный вклад в разработку проблем структурного членения языка, его функционирования и внешних связей, проблем знаковости языка и положения языка среди других знаковых систем. Во второй части сборника (М – С) будут рассмотрены теоретические концепции 13 отечественных языковедов, начиная от И.И.Мещанинова и кончая Г.В.Степановым.

Издание предназначено для лингвистов, интересующихся историей отечественного языкознания.

ББК 81

ISBN 5-248-00156-0

© ИНИОН РАН, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К.Г.КРАСУХИН. Иван Иванович Мещанинов</i>	4
<i>И.Г.ДОБРОДОМОВ. Сергей Петрович Обнорский</i>	18
<i>Л.И.СКВОРЦОВ. Сергей Иванович Ожегов</i>	32
<i>В.А.КОЧЕРГИНА. Михаил Николаевич Петерсон</i>	56
<i>О.К.КЛИМЕНКО. Александр Матвеевич Пешковский</i>	69
<i>В.М.АЛПАТОВ. Евгений Дмитриевич Поливанов</i>	97
<i>В.А.ВИНОГРАДОВ, С.Е.НИКИТИНА. Александр Александрович Реформатский</i>	111
<i>Л.Д.ЗАХАРОВА. Афанасий Матвеевич Селищев</i>	134
<i>К.Г.КРАСУХИН. Борис Александрович Серебренников</i>	148
<i>В.В.ПОТАПОВ. Владимир Николаевич Сидоров</i>	163
<i>О.А.СМИРНИЦКАЯ. Александр Иванович Смирницкий</i>	185
<i>Н.В.СОЛНЦЕВА. Вадим Михайлович Солнцев</i>	207
<i>Б.П.НАРУМОВ, И.И.ЧЕЛЫШЕВА. Георгий Владимирович Степанов</i>	228

К.Г.Красухин

ИВАН ИВАНОВИЧ МЕЩАНИНОВ

Научная биография академика И.И.Мещанинова (6.XII.1883 – 16.I.1967) сложна и противоречива, как и вся история отечественной лингвистики XX в.

И.И.Мещанинов родился в Петербурге, в семье богатого купца. В 1902 г. он окончил с золотой медалью классическую гимназию, в 1907 – юридический факультет Санкт-Петербургского университета; в 1905 г. изучал право в старинном университете г. Гейдельберг (Германия). Занятия юриспруденцией привили И.И.Мещанинову вкус к работе с текстами, анализу их содержания. Но практикующим юристом он не стал. В 1910 г. Мещанинов окончил Археологический институт, где занимался Древним Ближним Востоком. В 1912 г. стал заведующим историческим архивом и коллекцией эламских древностей в том же институте. С 1914 г. он – почетный член того же института. Вскоре после Октябрьской революции он познакомился с деканом восточного факультета Петроградского университета академиком Н.Я.Марром (1864/65–1934). Это знакомство определило всю жизнь будущего академика. По совету Марра Иван Иванович стал вольнослушателем Петроградского университета, изучил там грузинский, халдский (урартский) и хеттский языки. После этого он стал ассистентом, а затем ученым секретарем основанного Марром Института материальной культуры, с 1922 г. вел курс урартского языка в Петроградском, а с 1925 – в Азербайджанском университете.

Как известно, большевики отменили институт защиты диссертаций. Тем не менее ученые старшего поколения постарались сохранить его хотя бы неофициально. Затем, когда в 1934 г. были введены ученые степени кандидата и доктора наук, они были присуждены и неофициально защитившимся ранее. И.И.Мещанинов представил к защите в 1927 г.

работу “Халдоведение. История древнего Вана” (Ван — озеро в Армении, на побережье которого находилось в IX—VI в. до н.э. государство Урарту); в 1934 г. он был официально утвержден в ученой степени доктора наук. С 1928 он — доцент, а с 1930 — профессор Института живых восточных языков в Ленинграде. Работая в нем, И.И.Мещанинов не только учил студентов, но и продолжал учиться сам, занимаясь вместе с учащимися разных национальностей теми языками, которые были для них родными (китайским, кавказскими, северными). Приобретенный им широкий лингвистический кругозор стал базисом для всех его дальнейших научных достижений.

В 1928 г. Мещанинов избирается действительным членом ГАИМК, а в 1932 г. — АН СССР. После смерти Н.Я.Марра (1934) Мещанинов становится академиком-секретарем Отделения литературы и языка, одновременно возглавляет Общественное отделение филиала АН в Азербайджане, заведует кафедрой общего языкознания и северных языков ЛГУ. В 1950 г. оставляет пост академика-секретаря ОЛЯ. Руководил отделением Иван Иванович в очень непростое время. Будучи преданным учеником Н.Я.Марра, он критиковал представителей более традиционных направлений в языкознании. Но, как отмечают исследователи, Мещанинов отличался высокой личной порядочностью и никогда не опускался до травли научных противников (Алпатов, 1991: 123). Более того, в весьма драматическом для языкознания 1948 г., когда марристы приложили все усилия к полному вытеснению своих противников из науки, И.И.Мещанинов прикладывал усилия к тому, чтобы не допустить погрома в науке (подобно произведенному Лысенко в биологии), стараясь поддержать и тех лингвистов, чьих взглядов он не разделял. После дискуссии 1950 г. его взгляды подвергались критике, но он продолжал пользоваться уважением коллег.

В ранней научной деятельности Мещанинова наличествуют два направления. С одной стороны, он публикует исследования по языку ванской клинописи (т.е. урартскому), с другой — популяризирует и старается развить идеи своего учителя Н.Я.Марра. Последние, как известно, заключались в соображениях о том, что язык — это надстроечное, а следовательно, классовое явление. Значит, при изменении общественного строя должен меняться и язык. Другая яркая черта учения Марра — ненависть к традиционной лингвистике, особенно сравнительно-историческому языкознанию. Последнее Марр именовал не иначе как “расистской буржуазной лженаукой”. Своего рода вершиной учения Марра явился так называемый “четырёхэлементный анализ” слов. И

Марр реконструировал (нигде не обосновав своей реконструкции) четыре праслова человеческого языка: SAL, BER, ROŠ, ION. Они обозначали племена и одновременно племенные тотемы. Все слова любого языка Марр считал результатом скрещивания этих четырех элементов. Марра также интересовало развитие значений слов. По его мнению, основным здесь был процесс переноса наименований от старых артефактов на новые. Хотя отдельные наблюдения Марра представляли определенный интерес, цельной научной теории он и здесь не создал. Любопытно, что во время дискуссии 1950 г. Мещанинов, хотя и выступал в защиту Марра, был в этой защите весьма умерен, избегал (в отличие от некоторых других дискуссионщиков) навешивать ярлыки и наряду с достоинствами “нового учения о языке” отмечал и его серьезные недостатки (например, так называемый “четырёхэлементный анализ”).

Первые печатные работы И.И.Мещанинова представляли собой популяризацию идей Марра. Но, начиная с 30-х годов, он нашел свою тему. В отличие от Марра, Мещанинов не только не пренебрегал анализом грамматики, но и поставил ее во главу угла всей своей лингвистической концепции. Здесь его заинтересовал типологический строй языков, но не с точки зрения формальных показателей (как у братьев Шлегелей и их последователей), а с точки зрения семантики способов выражения грамматических отношений. Здесь И.И.Мещанинов следовал направлению, открытому трудами Гуго Шухардта (1842–1927) и Кристиана Уленбека (1866–1951). Шухардт, изучая разносистемные языки, прежде всего грузинский и баскский, отметил, что в них соотношение субъекта и объекта иное, чем в индоевропейских языках: падеж подлежащего при непереходном глаголе тот же, что и у прямого дополнения при переходном, а подлежащее переходного глагола стоит в ином падеже. Этот падеж Шухардт назвал эргативным (от греч. *ergatēs* “деятель”). Развивая идеи Шухардта, Уленбек предположил, что в праиндоевропейском имела место эргативная конструкция предложения, сменившаяся в языках-потомках на номинативную.

Развивая это направление исследований, Мещанинов пошел дальше. Руководствуясь идеями Л.Леви-Брюля (1857–1939) о стадиях в развитии человеческого мышления и о дологическом первобытном мышлении, он предположил, что грамматический строй языка соответствует различным стадиям мышления. Самым древним языковым строем И.И.Мещанинов считал инкорпорирующий, когда целое предложение сливается в один комплекс-слово. В языках такого типа отдельные знаменательные корни не получают самостоятельных грамматических пока-

зателей, — соответствующие морфемы, обозначающие лицо и время, в определенном порядке включаются в общее слово-предложение. Инкорпорирующий строй, согласно Мещанинову, соответствует дологической стадии мышления, на которой еще не происходит дифференциации понятий. Следующая стадия развития языка — аффективная; в ее рамках подлежащее оформляется не как субъект действия, а как претерпевающий какое-либо ощущение или состояние. Эта стадия связана с первичным различением субъекта и предиката, предмета и события. Затем следует possessивная стадия, на которой действие рассматривается как принадлежность субъекта (условно говоря, вместо конструкции *я делаю — мое делание*). Эта стадия связана с первичным освоением мира, когда сознание познающего воспринимает мир как результат овладения им. Эргативная стадия соответствует представлению о том, что сам человек — это орудие в руках высших сил (так как эргативный падеж многими исследователями в ту пору считался орудийным), и номинативная конструкция предложения соответствует стадии логического мышления, четко разделяющего субъект и объект.

Впрочем, рассуждение о стадиях языка и мышления — это, скорее, дань идеям Марра. Естественно, это — наиболее слабая и уязвимая часть концепции И.И.Мещанинова. Во-первых, вопрос о связи структуры языка и типа мышления ставился в лингвистической литературе неоднократно; на нем основана известная гипотеза Гумбольдта—Сепира—Уорфа, но положительного ответа он так и не получил. Человеческое мышление явно не связано с грамматическим строем языка (иначе бы пришлось предположить, что народы, говорящие на языках с эргативной конструкцией предложения, — кавказцы, баски, бурушаски, чукчи — имеют общие черты в мышлении, которые отличают их от индоевропейцев, тюрков и финно-угров — носителей языков номинативного строя. Такой зависимости никто не обнаружил). Во-вторых, вызывает серьезные сомнения и другой тезис раннего Мещанинова: о неперменной смене грамматического строя в человеческих языках. Существует, правда, большая литература, посвященная реконструкции дономинативного строя праиндоевропейского языка. Как правило, ему приписывают эргативность (Уленбек, 1950; Vaillant, 1937; Савченко, 1967) или особый, не упомянутый Мещаниновым тип — активность (Климов, 1977; 1983; Гамкрелидзе-Иванов, 1984; Степанов, 1989). Но все эти утверждения остаются недоказанными. И более того. В зафиксированной истории отдельных языков известны случаи развития эргативной конструкции на базе номинативной: так обстояло дело в ряде новоиндийских и новоиранских

языков. А обратный переход — языка эргативного строя в номинативный — не засвидетельствован в истории отдельных языков.

Впрочем, стоит отметить, что и в более позднее время стадиальная теория находила своих последователей. Так, А.Ф.Лосев (1893–1988), опираясь исключительно на построения И.И.Мещанинова, попытался построить типологию развития человеческой мысли, объяснить переход от разных типов мифологического мышления к логическому (Лосев, 1982: 137–212), а В.П.Руднев — связать с этими стадиями развитие литературных жанров (Руднев, 1996). Но выводы названных исследователей трудно назвать убедительными. Какого-либо серьезного продолжения они не получили.

Однако сам И.И.Мещанинов главное внимание уделял все же не стадиальным глоттогоническим построениям, а синхронному анализу языка, чем выгодно отличался от Н.Я.Марра, который использовал совершенно не выверенный языковой материал в качестве иллюстрации к своим теориям. Мещанинов в силу своих служебных обязанностей анализировал языки самых различных типов (кавказские, древневосточные, тюркские, языки Сибири и Дальнего Востока), и основные его научные интересы касались следующего вопроса: в чем состоит сходство и в чем заключается различие человеческих языков. В дальнейшем существование языков с чисто аффективным и посессивным строем предложения не было подтверждено: по-видимому, в действительности существуют только отдельные аффективные и посессивные конструкции в языках различного строя (ср. в русском языке: *мне холодно* — аффективная конструкция; диалектное *у волков корову съедено* — посессивная). Что же касается противопоставления номинативного и эргативного строя, то оно сохраняет всю актуальность для современной науки. В настоящее время то направление, которое развивал в ранних работах И.И.Мещанинова, получило наименование контенсивной типологии. В центре ее внимания — так называемые семантические доминанты в языке, т.е. содержательное выражение способов согласования различных членов предложения. И с точки зрения контенсивной типологии выделяются следующие языковые типы: аморфный, или корнеизолирующий, в которых взаимоотношение различных членов предложения выражается по преимуществу порядком слов и — реже — служебными словами; классный, в котором предметные имена снабжены особыми показателями их принадлежности к определенной семантической группе слов, а глагол согласуется с именем по этим показателям; активный строй, в котором оформление субъекта предложения зависит от семантики сказуемого: при глаголе со зна-

чением активного воздействия на окружающую действительность ставится подлежащее в одном падеже (активном), при глаголе же состояния — в другом. Сходные отношения характеризуют и эргативный строй глагола: в нем выбор падежа подлежащего зависит от переходности/непереходности глагола, причем субъект непереходного глагола имеет тот же грамматический показатель (как правило, нулевой), что и объект переходного глагола. Наконец, номинативный строй отличается взаимной независимостью субъекта и предиката. С такой точки зрения инкорпорация не является единицей контенсивно-типологической классификации. Это — формальный тип предложения, для которого свойственна нечеткая граница слова и предложения. Инкорпорирующие языки могут быть эргативными (чукотский) и номинативными (некоторые индейские языки).

Итак, уже в ранних работах Иван Иванович, отдав некоторую дань вненаучным представлениям своего учителя Н.Я.Марра о стадильности мышления, зарекомендовал себя все же специалистом по синхронно-сопоставительному анализу. И именно это направление стало определяющим в дальнейшем творчестве Мещанинова. Оно отразилось в таких его работах, как “Части речи и члены предложения” (1945), “Глагол” (1948). В первой из них исследователь поставил проблему, которая является вечной для лингвистики: каковы критерии выделения частей речи? Дело в том, что в разноструктурных языках существует совершенно различное количество частей речи, и даже в одном языке состав частей речи может быть спорным. Так, не вполне ясно, можно ли в русском языке выделять особую категорию состояния (*холодно, тепло*) или же это — наречие в особой функции. Мещанинов в качестве критерия предложил способность того или иного слова занимать синтаксически значимую позицию в предложении. Такой подход И.И.Мещанинова противостоял идеям и методам Фортунатовской школы, взявшей за основу своей классификации морфологическую изменчивость слова. Согласно Ф.Ф.Фортунатову (1848—1914), слова объединяются в классы частей речи на основании морфем, допустимых в их словоизменительных парадигмах (имя — это то, что склоняется, глагол — спрягается и т.д.). Критики Фортунатовской школы указывали на то, что не все слова, принадлежащие к той или иной части речи, образуют полную парадигму. Например, в русском языке есть некоторое количество несклоняемых слов (*пальто, кофе*). Если же перед нами язык с редуцированной морфологией, например английский, то классификация частей речи по данным словоизменения вообще затруднена. И И.И.Мещанинов постарался разра-

ботать классификацию, пригодную не только для флективных, но также и для агглютинативных и изолирующих языков. Он отмечал стоящие перед ним трудности. Ведь именно в таких языках одна и та же словоформа может занимать существенно разные позиции: узбек. *тош* “камень” (существительное, которое может быть подлежащим, прямым дополнением, обстоятельством), но *тош девор* “каменная стена”, где имя *тош* служит определением. “Стадиальная” точка зрения, высказанная И.И.Мещаниновым, заключается в следующем. Дифференциация частей речи – явление достаточно позднее. Их оформлению предшествовал длительный период функционирования слов в определенной синтаксической позиции. Затем на базе этих постоянных синтаксических составляющих стали развиваться части речи как лексикализованные члены предложения.

Вообще, следует заметить, что в определении членов предложения, частей речи и понятийных категорий Мещанинов не всегда был последователен, за что подвергался суровой критике (Серебренников, 1952; Петерсон, 1952). Его оппоненты указывали на то, что некоторые свои базовые положения он заимствовал у ученых осужденной им вслед за Марром “индоевропеистической” школы. Так, говоря о главных членах предложения, исследователь различает, с одной стороны, подлежащее и сказуемое как собственно члены предложения, с другой – субъект и предикат как элементы высказывания. Эти понятия заимствованы у А.А.Шахматова (1864–1920), который различал предложение как единицу языка и высказывание как способ выражения мысли. Проанализировав эти схождения Мещанинова с Шахматовым, А.М.Пешковским (1878–1933), а также К.Бругманом (1849–1919) и Б.Дельбрюком (1842–1922), М.Н.Петерсон делает вывод об эклектичности и внеисторичности теории частей речи И.И.Мещанинова.

Доля истины в этом есть. Работы Ивана Ивановича 40-х годов характеризовались, с одной стороны, неизжитым наследием “теорий” Н.Я.Марра, которые заставляли его повторять неодобрительные характеристики “формальной” школы, с другой – весьма пристальным вниманием к фактам языка, логика которых приводила его к построениям, близким к канонам классического, в том числе и индоевропейского языкознания. Вместе с тем пафос работ Мещанинова заключался в утверждении, что в языках иного типа система частей речи выглядит совсем иначе, чем в индоевропейских языках. С другой стороны, четкое, ясное морфологическое оформление частей речи, наблюдаемое в индоевропейских языках, само могло быть результатом длительной эволюции. С точ-

ки зрения индоевропеистики вопрос о выделении частей речи довольно сложен. С одной стороны, можно привести немало примеров близости знаменательных изменяемых слов и неизменяемых. И.-е. *up* “вверх; вниз” (лат. *s-uper, s-ub*) лежит в основе, с одной стороны, хеттского глагола *urzi* “поднимать”, с другой — др.-инд. прилагательного *урага* “низкий”, *урама* “нижайший”, а также нем. *Ufer* “берег” (< “высокий”). Можно предположить, что из единого корня развились и глагол, и прилагательное путем присоединения соответствующих флексий. Но в данном случае ясно, что развиться эти многочисленные части речи могли только в том состоянии языка, в котором имела место развитая система флексий. Происхождение же ее составляет вечную проблему индоевропеистики. Со времени Ф.Боппа (1791–1867) известна теория о происхождении именной и глагольной флексии из служебных слов. И если она справедлива, то теория И.И.Мещанинова об историческом развитии частей речи может получить дополнительный импульс.

Но нельзя не видеть и определенных противоречий, заключенных в ней. Во-первых, части речи — это вовсе не лексическая, а грамматическая категория. Дело в том, что попытки выделить части речи на основании семантики слов оказываются неудачными. Так, существительные *близна, теплота* выражают признак, *бег, пение* — действие. Но от этого первые не становятся прилагательными, а вторые — глаголами. Позицию же различных членов предложения могут занимать разные части речи. Так, можно смело утверждать однородность обстоятельств в синтагме *весить тонну* и *весить много*, хотя в первом случае оно выражено существительным в винительном падеже, а во втором — наречием. И.И.Мещанинов это признает и пытается построить типологию частей речи, используя, с одной стороны, морфологические характеристики, с другой — синтаксические позиции. Следует указать и на некоторые другие слабости концепции Мещанинова. В первую очередь они связаны с тем, что он не был историком языков. С полным основанием отказавшись от фантастических построений Н.Я.Марра о “трудмагической деятельности” и языковых революциях в связи со сменой общественно-экономической формации, он не изучал закономерностей подлинного исторического и сравнительного изучения языков. А ведь утверждать о развитии частей речи из определенных членов предложения можно именно на основании данных языковой истории. К примеру, причастия могут обращаться в сказуемое и затем в глагол: это нам доказывает история русского языка. Сравнение с древними и современными славянскими языками позволяют проиллюстрировать и начало, и основные этапы это-

го процесса. С другой стороны, есть данные о том, что на раннем этапе праиндоевропейского языкового состояния имя и глагол были слабо дифференцированы друг от друга. Но до конца эту гипотезу доказанной считать пока нельзя. И уж тем паче трудно утверждать что-нибудь определенное о развитии частей речи для тех языков, чья историческая грамматика не разработана. Поэтому идеи И.И.Мещанинова можно рассматривать не как законченную теорию, а скорее как нуждающуюся в проверках гипотезу.

Также отметим, что И.И.Мещанинов дифференцировал части речи на основании преимущественно морфологических критериев. В современной же типологии имеется мнение о том, что языков без частей речи не существует вовсе. Так, В.М.Солнцев в своей последней монографии (1995) утверждал, что в формоизолирующих языках имеются имена и глаголы, несмотря на отсутствие морфологических средств для их разделения. Дело в том, что В.М.Солнцев полагал, что части речи должны выделяться на основании не морфологических, а грамматических критериев; морфологию же он считал одним, но не единственным способом выражения грамматических отношений. К другим относятся служебные слова, место в предложении, интонация, способность к сочетаниям. Следует заметить, что в этом случае критерий выделения частей речи все же спорен: в формоизолирующих языках одно и то же слово может занимать позиции разных членов предложения, служа именем и глаголом. Если применить принципы типологии Солнцева к теории И.И.Мещанинова, то ее можно сформулировать так: морфологически неоформленные части речи в языке в процессе развития получают морфологическое оформление. Такая формулировка соответствует современным представлениям о природе грамматикализации — процесса превращения полнозначного слова в служебное и служебного, но самостоятельного слова в грамматический показатель¹.

¹ Справедливости ради замечу, что вопрос о содержании и объеме понятия “грамматикализация” далек от окончательного разрешения. На прошедшей в апреле 2002 г. в Амстердаме конференции “Новые подходы к грамматикализации” Брайан Джоузеф подверг сомнению само учение об этом вопросе. По его мнению, нет оснований выделять грамматикализацию как особый языковой процесс из общего массива сравнительно-исторического языкознания. Представляется, однако, что это крайность. Грамматикализация не должна противопоставляться стандартным компаративным процедурам, но может их дополнить. Хорошо известно, что служебные слова и грамматические аффиксы могут в силу фонетико-акцентологических условий изменяться сильнее, чем полнозначные слова. А это и есть необходимое условие грамматикализации.

Конечно, было бы несправедливо видеть в этих концепциях И.И.Мещанинова только ошибки и противоречия. Мещанинов сосредоточил свое внимание на оппозиции общих, универсальных и частных, конкретных черт языка. Именно первые он назвал понятийными категориями. Теория понятийных категорий явилась существенным вкладом И.И.Мещанинова в лингвистику. Если его концепция недостаточно убедительно объясняет классификацию частей речи в отдельных языках (теория Московской фортунаатовской школы это делает значительно лучше), то внимание к отражению в конкретных языковых единицах универсальных черт оказалось весьма плодотворным. Впоследствии именно это направление стало популярным в самых различных лингвистических теориях: генеративной, когнитивной, референциально-ролевой, функциональной грамматике, теории кросс-лингвистических исследований, не говоря уже о собственно типологии, которая во многом усилиями И.И.Мещанинова все больше обращалась к функционально-семантическим взаимоотношениям единиц языка, в особенности членов предложения.

Тема, волновавшая Ивана Ивановича всю жизнь, — эргативная конструкция предложения. Ей, в частности, посвящены книги, которые он писал до конца жизни: “Эргативная конструкция предложения в языках различных типов” (1967) и последняя книга, которую он успел закончить за несколько дней до смерти — “Эргативное и номинативное предложение: Типологическое сопоставление структур” (опубликована в 1984 г.). В этих книгах автор подвел итог своим многолетним исследованиям в области синхронной типологии. Их стержневая мысль — поиск синтаксических доминант в языке. Автор определяет различие между номинативной и эргативной конструкциями следующим образом. Субъект занимает независимую позицию, но может переходить и в зависимую, что фиксируется изменением падежа. В свою очередь, и объект может занимать зависимую позицию в предложении, но может получить в нем ведущее значение. Первые две черты характеризуют номинативное предложение, вторые — эргативное.

Исследователь показывает, каким образом функционируют различные грамматические способы в языках различного строя. И можно утверждать, что не только отдельные черты языка определяют его языковой строй, но и сам языковой строй заставляет переосмысливать эти черты. Выше мы отмечали существенную разницу в грамматическом значении примыкания в зависимости от флективности/агглютинативности языка. И роль отдельных падежей в языке различается в зависимости от

типа языка. Номинативные языки характеризуются относительной независимостью членов предложения друг от друга. Напротив, в языках эргативного типа падеж напрямую зависит от типа предложения, в частности от характера глагола. В различных языках в качестве подлежащего может выступать не только эргативный, но и иной падеж (местный, родительный). Он передает различные оттенки смысла, заключенные в глаголе (контролируемость действия субъектом и т.д.). Мещанинов отмечает, что не только переходность/непереходность была семантической доминантой эргативной конструкции. Глагол может требовать эргативного падежа в том случае, если он обозначает активное, контролируемое предметом действие, пусть и непереходное (тем самым Иван Иванович практически дал описание типа, который получил наименование активного).

Другие черты языка также связаны с различием эргативного и номинативного строя. Так, эргативные языки и оформлением глагола существенно отличаются от номинативных. В них глагол, как правило, включает в себя показатели субъекта и объекта. Как правило, непереходный глагол имеет в своем спряжении серию субъектных аффиксов, а переходный — серию объектных (или субъектных и объектных одновременно), хотя из этого правила имеется немало исключений. Субъектно-объектные аффиксы по происхождению являются, как правило, личными местоимениями. Типологически их внедрение в глагольную парадигму можно сравнить с приглагольными местоимениями в романских языках. Например, во французском приглагольные местоимения грамматикализировались настолько, что стали отличаться от самостоятельных: *je* (субъект.) / *me* (объект.), *tu* / *te* vs. самостоятельные *moi* “я”, *toi* “ты”. Разница заключается в том, что в номинативных романских языках местоименные показатели субъекта и объекта появляются при отсутствии именных, а во многих эргативных языках они обязательны. Таким образом, можно так обозначить семантико-синтаксическую доминанту номинативного и эргативного строя предложения: в первом члены предложения обладают существенной независимостью друг от друга, во втором — тесно увязываются в единый синтаксический узел в зависимости от семантики глагола. В некоторых языках именно субъектные и объектные аффиксы глагола являются основным способом маркировки переходности/непереходности субъекта предложения.

Отметим также вклад Ивана Ивановича в урартоведение. Этой теме посвящены его многочисленные статьи, печатавшиеся в 30-е годы в России и Германии и упоминавшаяся книга “Язык ванских надписей”. К

урартскому языку он вернулся в конце 50-х — 60-е годы. Им опубликованы “Грамматический строй урартского языка. Часть первая: Именные части речи” (1958) “Часть вторая: Глагол” (1962), а также опубликованный после смерти “Аннотированный словарь урартского языка” (1978). В этой науке заслугой И.И.Мещанинова является тщательная филологическая работа с текстом, уточнение ряда чтений и интерпретация знаков урартской клинописи, обобщение материала в виде компактных работ, корректное его описание. В частности, именно И.И.Мещанинов объяснил такие особенности урартского глагола, как совпадение показателя 1 лица переходного глагола — *bi* и омонимичного 3 л. непереходного глагола: ср. *usta-bi* “он вышел” и *hau-bi* “я захватил”. Дело в том, что этот аффикс указывает либо на субъект, либо на переход действия с 1 л. на 3-е (в урартском языке имеются и другие субъектно-объектные показатели, например, — *li*, выражающий множественность субъекта). Субъектно-объектные показатели — характерная черта языков эргативного строя. Урартский язык относится к каноническому эргативному типу, с маркировкой как имени, так и глагола. Но глагольный маркер может быть неоднозначным, указывая на определенный актанта в предложении, но не уточняя его роль. Таким образом, частный, казалось бы, вопрос урартской грамматики решен с привлечением типологических данных.

Литература

- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. — Тбилиси, 1984. — Кн. 1. — 428 с.; Кн. 2. — 433–1328 с.
- Климов Г.А.* Типология языков активного строя. — М., 1977. — 318 с.
- Климов Г.А.* Принципы континентальной типологии. — М., 1983. — 320 с.
- Лосев А.Ф.* О пропозициональных функциях древнейших лексических структур // Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. — М., 1982. — С. 78–157.
- Руднев В.П.* Морфология реальности. — М., 1996. — 207 с.
- Савченко А.Н.* Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. — Л., 1967. — С. 78–93.
- Солтцев В.М.* Введение в типологию корнеизолирующих языков. — М., 1995. — 353 с.
- Степанов Ю.С.* Индоевропейское предложение. — М., 1989. — 248 с.
- Улелбек Г.Х.* *Agens* и *Patiens* в праиндоевропейском // Эргативная конструкция предложения. — М., 1950. — С. 101–103.

Vaillant A. Le ergatif indo-européen // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. – P., 1937. – Vol. 31. – P. 93–108.

Основные работы И.И.Мещанинова

Мещанинов И.И. Язык ванской клинописи. – Л., 1935. – 351 с.

Мещанинов И.И. Общее языкознание. – Л., 1940. – 260 с.

Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – Л., 1945. – 322 с. (перезд.: М., 1978. – 367 с.).

Мещанинов И.И. Глагол. – Л., 1948. – 200 с. (перезд.: М., 1983. – 250 с.).

Мещанинов И.И. Структура предложения. – М.–Л., 1957. – 103 с.

Мещанинов И.И. Грамматический строй урартского языка. – Л., 1958. – Ч. 1: Именные части речи. – 150 с.; Ч. 2: Структура глагола. – 1962. – 86 с.

Мещанинов И.И. Эргативная конструкция в языках различных типов. – Л., 1967. – 248 с.

Мещанинов И.И. Проблемы развития языка. – М., 1975. – 350 с.

Мещанинов И.И. Аннотированный словарь урартского языка. – Л., 1978. – 388 с.

Мещанинов И.И. Номинативное и эргативное предложение: Типологическое сопоставление структур. – М., 1984. – 294 с.

Основная литература об И.И.Мещанинове

Ярцева В.Н. Академик И.И.Мещанинов: к 65-летию со дня рождения // Вести. Ленинград, 1948. – № 11. – С. 157–159.

Петерсон М.Н. Эkleктизм и антиисторизм взглядов И.И.Мещанинова на члены предложения и части речи // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. – М., 1952. – С. 383–397.

Серебrenников Б.А. Критика учения Марра о единстве глоттогонического процесса // Там же. – С. 45–110.

Жирмунский В.М., Аврорин В.А. Академик И.И.Мещанинов // Вопросы грамматики: Сб. ст. к 75-летию со дня рождения И.И.Мещанинова. – М.–Л., 1960. – С. 3–11.

БСЭ. – М., 1974. – Т. 16. – С. 204–205.

Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды. – Минск, 1977. – Т. 2. – С. 73–87.

Афанасьева Р.П. Теория частей речи И.И.Мещанинова // Русские языковеды. – Тамбов, 1975. – С. 34–41.

Апатов В.М. История одного мифа. – М., 1991. – 240 с.

И.Г.Добродомов

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ ОБНОРСКИЙ

Выдающийся специалист в области славянской филологии и истории русского языка Сергей Петрович Обнорский (14(26).6.1888 – 13.11.1962) вошел в историю русистики как автор глубоких разысканий по истории кардинальных элементов русского языка и не менее глубоких исследований по отдельным деталям на базе материала памятников и русских диалектов, а также как талантливый организатор науки.

Родился Сергей Петрович в Петербурге. После окончания в 1905 г. 10-й гимназии юноша поступил учиться на историко-филологический факультет Петербургского университета во время расцвета в нем русской филологической науки: его учителями по университету были выдающиеся языковеды начала XX в. – И.А.Бодуэн де Куртенэ (1845–1929), П.А.Лавров (1856–1929), А.И.Соболевский (1856/57–1929), А.А.Шахматов (1864–1920).

Под руководством А.А.Шахматова была выполнена весьма обстоятельная студенческая семинарская работа С.П.Обнорского о языке изданной И.В.Ягичем (1838–1923) ноябрьской служебной 1907 года, впоследствии опубликованная (Обнорский, 1924).

Оставленный А.А.Шахматовым для подготовки к профессорской деятельности при кафедре русского языка и после сдачи магистерских испытаний в 1915 г. приступивший к работе в качестве приват-доцента в Петербургском университете и на Высших женских (Бестужевских) курсах, Сергей Петрович вскоре (1916) был командирован для чтения лекций в только что открытое Пермское отделение Петроградского университета (с 1917 г. самостоятельный Пермский университет), где работал в должности профессора.

С 1922 до осени 1941 г. Обнорский снова работает в Петрограде — Ленинграде профессором и заведующим кафедрой русского языка в университете, читает лекции в Ленинградском педагогическом институте им. Н.А.Некрасова, одновременно трудясь в Академии наук, куда он был приглашен еще в 1912 г. для редактирования академического “Словаря русского языка”, который составлялся в недрах Второго отделения (Отделения русского языка и словесности) имп. Академии наук под общим руководством А.А.Шахматова. Составление и редактирование словарей красной нитью прошло через всю жизнь Сергея Петровича.

Плодотворная научная деятельность и активная работа в учреждениях Академии наук была отмечена избранием Обнорского в 1931 г. в члены-корреспонденты, а в 1938 г. — в действительные члены (академики) Академии наук СССР.

Позже он стал также действительным членом Академии педагогических наук РСФСР, был награжден тремя орденами Ленина и медалями, Сталинской и Ленинской премиями.

Ученый был избран членом Чешской, Польской и Норвежской академий.

В суровые военные годы с осени 1941 г. до 1943 г. С.П.Обнорский находился в Казани.

После переезда из Казани в Москву в 1943 г. Обнорский становится профессором и заведующим кафедрой русского языка Московского университета, где его сменили Г.О.Винокур (1896—1947) и далее В.В.Виноградов.

На фоне достижений русского советского языкознания за первую четверть века советской власти, которые были рассмотрены в специальном обзоре (Обнорский, 1944а), ученый четко сформулировал дальнейшие задачи в этой области (Обнорский, 1944б) и с целью реализации этих задач выступил инициатором создания в составе Академии наук СССР (на базе Института языка и письменности) нового Института русского языка, первым директором которого он был в 1944—1950 гг. до слияния его с Институтом языка и мышления им. Н.Я.Марра и образования на их базе Института языкознания, директором которого в 1950—1954 гг. был В.В.Виноградов (1894—1969), ставший директором и вновь восстановленного в 1958 г. Института русского языка и давший ему впоследствии свое имя.

Основные направления работы Института русского языка АН СССР, определенные С.П.Обнорским, нашли частичную реализацию еще при жизни Сергея Петровича (продолжаются в настоящее время), а

частично начинают воплощаться в жизнь только сейчас или им предстоит реализация в будущем.

Лексикографическая деятельность Сергея Петровича, продолжавшаяся полвека, началась в 1912 г., когда его пригласили работать над многотомным академическим изданием “Словарь русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук”, которое также имело название “Словарь русского языка, составленный Постоянной словарной комиссией Академии наук СССР”, “(...)составленный Комиссией по русскому языку” и подзаголовок “Новое издание” и даже просто “Словарь русского языка” (седьмое издание, без указания места составления, каковым был Словарный отдел Института языка и мышления впоследствии им. Н.Я.Марра Академии наук СССР). Он был редактором и ответственным секретарем этого оставшегося незаконченным Словаря и вплоть до его закрытия в 1937 г. проводил в жизнь на этих должностях традиции своего учителя А.А.Шахматова в этом грандиозном лексикографическом начинании.

Под редакцией С.П.Обнорского были составлены и вышли три выпуска этого так и оставшегося незавершенным академического словаря на букву Л (от *Л* до *лисичий*) в 1915, 1927, 1928 гг., вскоре частично переизданные по новой орфографии (на отрезке от *Л* до *лезгинка*) как “Второе издание” в 1930 г., “Новое издание” в 1932 г. и “Седьмое издание” в 1934 г.

В качестве члена Словарной комиссии АН СССР С.П.Обнорский принимал ближайшее участие в составлении второго выпуска 3-го тома (*Имба— Издѣргивать*. (1929), а также уже в переиздании 1-го выпуска 9-го тома, составленного Л.В.Щербой по новой орфографии (Седьмое издание) на отрезке *И — Идеализироваться* (1935).

Ближайшее участие как член Комиссии по русскому языку или член Словарного отдела Института языка и мышления АН СССР С.П.Обнорский принимал и в новом, переработанном и дополненном издании (оно же седьмое) того же академического Словаря русского языка (*А — Антиципироваться*, четыре выпуска: (1932, 1933, 1935, 1936), в том числе и в последнем выпуске издания (т. V, вып. 1: *Да — Даятельный*, М. — Л., 1937).

Большой опыт лексикографической работы Сергей Петрович обобщил совместно с Н.С.Державиным в статье “История и техника издания Словаря русского языка Академии наук СССР” в “Вестнике Академии наук СССР” (1932, № 7, стб. 13–26) и в лексикографических

руководствах типа “Словарь русского языка. Инструкция для редакторов” (1936).

С.П.Обнорский был одним из разработчиков основ “Словаря русского языка XI–XVII вв.”, выходящего в Москве с 1975 г., в качестве составителя первой инструкции для выборщиков материала в 30-х годах и в качестве председателя главной редакции этого словаря, инструкцию для составителей которого он переработал в 1940 г.

Во время директорства С.П.Обнорского или позже в соответствии с поставленными им задачами Институт русского языка (теперь имени В.В.Виноградова) начал выпускать нормативные словари русского языка трех типов:

1) несколько первых изданий однотомного “Словаря русского языка” С.И.Ожегова, который выходит до сих пор, но уже в соавторстве Н.Ю.Шведовой под названием “Толковый словарь русского языка”, который не только повторил название исходного для него “Толкового словаря русского языка” под редакцией Д.Н.Ушакова, но и содержательно сблизился с ним по объему, снова включив слова, сознательно опущенные С.И.Ожеговым (1900–1964);

2) четырехтомный академический “Словарь русского языка” (1956–1961), который выдержал несколько изданий под дальнейшей редакцией А.П.Евгеньевой;

3) семнадцатитомный “Словарь современного русского литературного языка” (1948–1965), который был удостоен в 1970 г. Ленинской премии в лице представителей составительского и редакторского коллектива, в число которых входил и С.П.Обнорский.

Имя С.П.Обнорского связано почти со всеми наиболее значительными русскими словарями XX в.: он принимал участие в их создании и редактировании, а в других случаях был их взыскательным рецензентом (Обнорский, 1956, 1957), мнение которого высоко ценилось в советском языкознании.

С.П.Обнорский во всех своих многочисленных трудах прежде всего выступает, в первую очередь, как весьма глубокий исследователь истории русского языка, считающий, что без знания истории языка невозможно понять его современное состояние и решать проблемы языка Нового времени. Глубоким историзмом проникнуты даже его работы по культуре русской речи, орфографии и нормализации.

Важное место в наследии С.П.Обнорского занимают труды о языке образцовых русских писателей Ломоносова и Пушкина в их отношении к литературному языку (Обнорский, 1940, 1946а) и серия работ по

культуре русского языка 1944–1948, суммированных в брошюре “Культура русского языка” (1948).

В истории русского литературного языка весьма важное место занимают проблемы исторически сложившейся и постоянно изменяющейся орфографии, которую упорно пытаются изменять разного рода прожектеры и реформаторы. Особенно усилились эти попытки после несколько поспешной и непродуманной реформы 1917–1918 гг., которая, по выражению Л.В.Щербы, “не сделала орфографию безусловно легкой, но зато в корне подорвала ее престиж” (Щерба, 1957: 56) и активизировала перманентное орфографическое реформаторство.

Откликаясь на многочисленные прожекты вмешательства в орфографию и учитывая опасность дестабилизации этого важнейшего компонента русской языковой культуры, С.П.Обнорский посвятил несколько статей проблемам нормализации русской орфографии (1934, 1936, 1939, 1944, 1953а, 1954), проявляя при этом осторожность и сдержанность. Учитывая орфографический разнобой в разного рода ведомственных справочниках-руководствах по правописанию, С.П.Обнорский предложил создать Орфографическую комиссию Академии наук СССР и стал ее первым председателем, а при его активном участии шла длительная подготовка академических правил русской орфографии и пунктуации, которые в соответствии с результатами многочисленных промежуточных обобщений в 30-е годы приобрели окончательный вид и были приняты официально в 1956 г., сохраняя свою силу и сейчас, несмотря на попытки их реформирования в 1964 и 2002 гг.

Орфографические суждения С.П.Обнорского отличались глубокой продуманностью и доказательностью, поскольку он занимался не только глобальными вопросами русской грамматики, нашедшими воплощение в его монографиях, где проблемы русской морфологии освещались в системе, но ученый составил большое количество статей, посвященных истории и этимологии отдельных слов, морфем, звуков и звукосочетаний.

Рано определился интерес молодого ученого к грамматическим проблемам, в первую очередь к именному склонению, которому была посвящена целая серия статей и рецензий в разных российских и зарубежных изданиях, начиная с 1913 г. Эти занятия дали в итоге двухтомный труд о современном склонении существительных в русском литературном языке и его говорах на богатейшем литературном и диалектном материале, тщательнейшим образом проверенном (Обнорский, 1927, 1930). Работа остается незаменимой и в настоящее время.

Другая капитальная монография о русском глаголе (Обнорский, 1953) возникшая на базе соответствующего курса, читанного ученым в 30-е годы в Ленинградском университете, охватывает лишь важнейшие проблемы и не достигла той полноты, которая характерна для исследования автора об именном склонении.

Этими двумя монографиями описаны основы русской грамматики в современном ее состоянии во всех разновидностях русского языка с историческими экскурсами, которые, как это обычно бывает, чрезвычайно много объясняют в синхронной системе языка.

Замечательный стилист, С.П.Обнорский оставил интересные некрологические статьи о своих учителях и старших коллегах-лингвистах (И.В.Ягич, А.А.Шахматов, Ф.Е.Корш, Л.В.Щерба, Б.М.Ляпунов, А.М.Селищев). Это оценки деятельности крупных ученых России со стороны также масштабного ученого с учетом личностных характеристик в тесном взаимодействии с их вкладом в науку.

Забота об оставшихся в рукописях трудах своего учителя заставила Сергея Петровича неоднократно издавать труды А.А.Шахматова по современному русскому языку и по русской исторической морфологии имени, которые сделали доступными эти труды специалистам и студентам (Шахматов, 1925, 1930, 1934, 1957) а также объемный том статей и материалов о Шахматове (1947), где раскрывалась многогранная научная и общественная деятельность его учителя.

Находясь в центре научной языковедческой жизни и глубоко интересуясь новинками литературы по русистике, Сергей Петрович оставил целую серию рецензий на заметные книги в этой области у нас и за рубежом, публикуя эти рецензии в советской и заграничной печати; все рецензии сохранили значение и по сей час как важные летописные вехи истории русского языкознания, отражающие эти события научной жизни в восприятии современников и ставящие новые задачи дальнейшего развития языковедческой науки, как они тогда виделись крупнейшему русисту.

Эти оценки приобретают особую ценность на фоне общего краткого итогового очерка истории русского языкознания, написанного Сергеем Петровичем в 1946 г., с детализацией его в труде В.В.Виноградова, созданном в то же время (Обнорский, 1946а, Виноградов, 1946). Хорошее знание прошлого русского языкознания обеспечивало Обнорскому успешность в разработке тех тем, которыми он занимался на протяжении своей длительной научной деятельности

Великолепный знаток русских местных говоров, Сергей Петрович немало внимания уделял русским диалектам как ведущий диалектолог и как ученый, в своих исследованиях по грамматике русского языка активно использовавший сведения, собранные в русских народных говорах другими, диалектного материала в сочетании с многочисленными фактами литературного языка. Характер глубоких разысканий приобретают фундаментальные статьи С.П.Обнорского об отдельных словах (*блюдо, лахудра, хороший, использовать/использовывать*), отдельных аффиксах (приставка *без-*), звуках (переход *е* в *о*) или их сочетаниях (*-чи*), которые считаются образцовыми и сохраняют свое значение до сих пор как таковые.

Благодаря такому внимательному отношению к материалам русских народных говоров именно при С.П.Обнорском в Институте русского языка Академии наук была активизирована диалектологическая работа, начало которой положило Второе отделение (Отделение русского языка и словесности) Академии наук в середине XIX в. и Московская диалектологическая комиссия еще в начале XX в. под руководством Д.Н.Ушакова.

Уже в университете определился глубокий интерес будущего ученого прежде всего к проблемам истории русского языка, и первые его опубликованные работы 1912 г. были посвящены анализу языка письменных памятников в целом или их отдельных черт (Супрасльская рукопись, Чудовская псалтырь XI в., Ефремовская кормчая XII в.), к чему ученый неоднократно возвращался и впоследствии, причем все больше и больше делал значительные обобщения на более обширном материале не только письменных источников, но и на базе материала живых народных говоров.

Имя С.П.Обнорского стал широко известным и за пределами русской филологии, когда он выступил с новым взглядом на происхождение русского литературного языка древней поры в книге “Очерки по истории русского литературного языка старшего периода” (1946). К этой теме он подошел в ходе обстоятельного анализа языка древних памятников русской письменности, что заставило его по-новому осветить проблему истоков и исторических судеб русского литературного языка в его связях со старославянским и церковнославянским языком.

Вопрос о происхождении русского языка и его отношении к языку древних церковных славянских книг (старославянскому) возникал уже в начальный период становления славяноведения, и его ставили уже А.Х.Востоков: “Какому бы диалекту первоначально ни принадлежал

язык церковных славянских книг, он сделался как бы собственностью россиян, которые лучше других славян понимают сей язык и более других воспользовались оным для обогащения и для очищения собственного своего народного диалекта” (Востоков, 1820: 32).

Отталкиваясь от соображений А.Х.Востокова, русские языковеды создали два диаметрально противоположных взгляда на происхождение русского литературного языка: согласно одной точке зрения, русский литературный язык возник на местной почве и лишь впоследствии испытал сильное влияние со стороны церковнославянского языка, согласно другой – пришедший вместе с церковными книгами церковнославянский язык стал литературным языком Древней Руси и лишь с течением времени испытал влияние со стороны живого русского языка.

Эти две точки зрения были представлены большим количеством разных вариантов, но все они базировались на априористических соображениях и были лишены доказательной базы. В силу чрезвычайно большого авторитета А.А.Шахматова – учителя С.П.Обнорского – в начале XX в. получила преобладание вторая точка зрения – о церковнославянском происхождении русского литературного языка и его постепенной русификации.

Стоя первоначально на точке зрения своего учителя и активно исследуя язык древнейших памятников русской письменности в этом аспекте, в 1934 г., в статье “Русская Правда как памятник русского литературного языка” ученый пришел к выводу о том, что прежняя теория недооценивала роль чисто русских элементов в составе литературного языка Древней Руси, и выдвинул свою оригинальную глубоко обоснованную фактами теорию об исконной восточнославянской основе древнерусского литературного языка, вступив в спор со своим весьма уважаемым наставником.

Новый взгляд на происхождение древнерусского литературного языка был окончательно оформлен в монографию “Очерки по истории русского литературного языка старшего периода” (1946), которая была отмечена в 1947 г. Сталинской премией и получила признание как большое достижение советского языкознания.

Соображения С.П.Обнорского вошли в науку об истории русского литературного языка, значительно обогатив ее содержание. Взгляды исследователя приобрели многих сторонников среди ведущих историков-русистов.

Новый свежий взгляд на, казалось бы, уже давно решенную проблему оживил интерес к ней, и еще в период становления теории

С.П.Обнорского стали появляться критические отклики, среди которых особенно интересна статья Афанасия Матвеевича Селищева (1886–1942) “О языке “Русской правды” в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка”, которая была опубликована, однако, только в 1957 г. (перепечатана в “Избранных трудах” М., 1968, с. 129–140).

Опираясь на соображения С.П.Обнорского, но не вступая с ним в прямую полемику, В.В.Виноградов создает свою альтернативную и компромиссную концепцию о трех типах письменного языка у древнерусской народности, “один из которых — восточнославянский в своей основе — обслуживал деловую переписку, другой, собственно литературный церковнославянский, то есть русифицированный старославянский, — потребности культа и церковно-религиозной литературы. Третий тип, по-видимому, широко совмещавший элементы главным образом живой восточнославянской народно-поэтической речи и славянщины, особенно при соответствующей стилистической мотивировке, применялся в таких видах литературного творчества, где доминировали элементы художественные” (Виноградов, 1956: 185). Не уточняя загадочного термина *тип языка*, несколько позже В.В.Виноградов говорит уже только о двух типах: “Два противопоставленных и непрестанно сопоставляемых типа древнерусского литературного языка — книжно-славянский и народно-литературный — выступают как две функционально разграниченные и жанрово-разнородные системы литературного выражения. Будучи в своих контрастных, наиболее “чистых” концентрациях с генетической точки зрения двумя разными “языками”, но ставши затем двумя типами древнерусского литературного языка, книжно-славянский тип в восточнославянском обличьи и народно-литературный восточнославянский тип вступили в сложное и разнообразное взаимоотношение и взаимодействие в кругу разных жанров древнерусской литературы” (Виноградов, 1958: 102) “Со второй половины XVII в. оба типа древнерусского литературного языка растворяются в новой системе трех стилей русского литературного языка, твердо ступающего на путь национального развития” (там же, с. 151). Фактически В.В.Виноградов солидаризовался с А.И.Соболевским, согласно мнению которого Древняя Русь имела два языка письменности: “Церковнославянский язык был для Руси языком литературы в течение всего древнего периода русской истории, т.е. до конца XVII в.”. “Другим языком древнерусской письменности, деловым, был русский язык. Им пользовались при составлении законов и докумен-

тов; он употреблялся в дипломатических сношениях” (Соболевский, 1904).

Неординарный взгляд на проблему, разработанный исследователем, породил своеобразную дискуссию, конец которой пока еще не подведен, но важна постановка вопроса, решение которого видится в будущем при учете своеобразия славянского мира в IX–X вв., когда этот единый мир еще не распался, но основы для его распада уже наметились и обозначились, когда единая славянская общность начинала распадаться на региональные диалекты, не дошедшие еще до статуса отдельных языков.

Славянские просветители создали своими переводами литературный язык для всех славян, поэтому он в многовековой традиции именуется просто славянским, а название его церковнославянским возникло только в начале XIX в. (Востоков, 1820), и оно не может быть распространено на раннее время существования общеславянского литературного языка среди славянских племен, которые только становились самостоятельными народами.

Язык переводов и оригинальных произведений, созданных славянскими просветителями Кириллом и Мефодием и их учениками, был в их время понятен всем славянам и назывался славянским, что сохранилось в книжной традиции до нашего времени. Его можно было бы — вслед за А.С.Будиловичем — назвать общеславянским (Будилович, 1892).

Даже если и не соглашаться с точкой зрения Сергея Петровича, как и с его критиками, приходится признать, что его концепция сдвинула проблему с мертвой точки и способствует дальнейшему прогрессу познания в этой сложной сфере истории славянской культуры.

При всем многообразии занятий ученого его, на первый взгляд, песящая по своей тематике научная продукция отличается на самом деле коренным внутренним единством — это глубокое проникновение порой в самые сокровенные тайны русского языка, их умелое оригинальное описание и освещение в историческом ключе, когда происхождение элементов русской речи получает органически единое синхронное и диахронное описание без назойливого противопоставления этих аспектов, но и без их смешения. Он постоянно подчеркивал, что познание современного языка просто невозможно без проникновения в его историю в связи с историей народа. В то же время история языка постоянно опирается на современные данные, которые приобретают в их историческом освещении более убедительное объяснение с учетом динамики их развития: являются ли

они реликтами прошлого или ростками будущего, которым только предстоит развитие.

С.П.Обнорский успел опубликовать далеко не все свои интересные разыскания: часть из них появилась уже после смерти исследователя (Обнорский, 1961, 1968).

Не одно поколение русистов изучало историю русского языка по составленной С.П.Обнорским “Хрестоматии по истории русского языка”, которая вышла в трех книгах в 1938–1952 гг. при участии С.Г.Бархударова и практически употребляется даже сейчас в практике вузовского преподавания историко-лингвистических дисциплин, поскольку до сих пор не нашла достойной замены как со стороны объема, так и со стороны тщательности подачи опубликованного материала и его трактовки.

Будучи признанным авторитетом в русском языкознании, Сергей Петрович отличался большой скромностью, как он сам признавался В.И.Борковскому в письме от 11 июня 1958 г., отказываясь от торжественного юбилея по поводу своего семидесятилетия:

“Я – человек от природы скромный. Никогда я ничего не желал и не желаю. Но всегда я тяготел к науке. К своим писаниям я всегда был очень критичным... Если чем-либо я содействовал подъему русского языкознания, я очень рад” (Борковский, 1967: 9).

Литература

- Будилович А.С.* Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы: Т. 1–2. – Варшава, 1892. – Т. 1. – 437; Т. 2. – 375 с.
- Виноградов В.В.* Русская наука о русском литературном языке // Учен. записки Моск. унта. – М., – 1946, вып. 106: Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. Т. 3, кн. 1. – С. 22–147.
- Виноградов В.В.* Вопросы образования русского национального литературного языка // Вопр. языкознания. – М., 1956. – № 1. – С. 3–25. (Цит. по переизд. в кн.: *Виноградов В.В.* Избранные труды: История русского литературного языка. – М., 1978. – С. 178–201.)
- Виноградов В.В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка – М., 1958. – 138 с. (Цит. по переизд. в кн.: *Виноградов В.В.* Избранные труды: История русского литературного языка. – М., 1978. – С. 65–151.)
- Востоков А.Х.* Рассуждение о славянском языке // Труды Общества любителей российской словесности. – М., 1820. – Ч. 17. – С. 5–61.

- Обнорский С.П.* Русское правописание и язык в практике издательств // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. — М., 1934. — № 6. — С. 455–483.
- Обнорский С.П.* Орфография и язык // Рус. яз. в шк. — М., 1936. — № 2. — С. 3–4.
- Обнорский С.П.* Основные принципы орфографической нормализации // Рус. яз. в шк. — М., — 1939. — № 5/6. — С. 5–13.
- Обнорский С.П.* Вопросы современной русской орфографии // Сов. педагогика. — М., 1944. — № 11/12. — С. 28–35.
- Обнорский С.П.* Задачи орфографической комиссии // Рус. яз. в шк. — М., 1953а. — № 5. — С. 17–19.
- Обнорский С.П.* Правописание наречий и наречных сочетаний // Рус. яз. в шк. — М., 1954. — № 6. — С. 17–19.
- Обнорский С.П.* [Рецензия] // Рус. яз. в шк. — М., 1956. — № 5. — С. 104–106. — Рец. на кн.: Русское литературное ударение и произношение. Опыт словаря-справочника / Под ред. Аванесова Р.И., Ожегова С.И.; Ин-т языкознания АН СССР. — М., 1955. — 578 с.
- Обнорский С.П.* [Рецензия] // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — М., 1957. — Т. 16, вып. 4. — С. 366–369. — Рец. на кн.: Орфографический словарь русского языка. / Ин-т языкознания АН СССР. / М., 1956. — 1259 с.
- Соболевский А.И.* Русский литературный язык // Труды Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях. — СПб., 1904. — С. 363–370.
- Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. — Л., 1925. — 211 с. (2-е изд.: М.; Л., 1930. — 212 с.; 3-е изд.: М., 1934. — 198 с.)
- Шахматов А.А.* Историческая морфология русского языка. — М., 1957. — 400 с.
- Щерба Л.В.* Безграмотность и ее причины: Избранные работы по русскому языку. — М., 1957. — С. 56–62.

Основные работы С.П.Обнорского

- Обнорский С.П.* Исследование о языке Миней за ноябрь 1097 года // Изв. АН СССР. Отд-ние рус. яз. и словесности. — М., 1924. — Т. 29. — С. 167–226.
- Obnorskij S.* Russisches сегодня // Ztschr. für slavische Philologie. — Leipzig, 1926. — Bd 3, H. ½. — S. 144–149.
- Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1: Единственное число. // — Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности АН СССР. — Л., 1927. — Т. 100, № 3 — 324 с.
- Обнорский С.П.* Заметки по русской диалектологии (гл. 1) // Slavia. — Pr., 1929. — Roč. 8, seš. 4. — S. 837–852; (гл. 2–3) // Slavia, 1932. — roč. 11, seš. 1. — S. 43–55.
- Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке. — Л., 1930. — Вып. 2: Множественное число. — 411 с.

- Обнорский С.П.* Ломоносов и русский литературный язык // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М., 1940. – № 1. – С. 53–64.
- Обнорский С.П.* Разработка русского языка за 25 лет // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М., 1944а. – Т. 3, вып. 1. – С. 16–30.
- Обнорский С.П.* Задачи Академии наук СССР в области изучения русского языка // Вест. АН СССР. – М., 1944б. – № 3/4. – С. 8–13.
- Обнорский С.П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. – М.; Л., 1946. – 197 с.
- Обнорский С.П.* Итоги научного изучения русского языка // Учен. записки Моск. ун-та. – М., 1946а. – Вып. 106: Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры, Т. 3, кн. 1. – С. 3–21.
- Обнорский С.П.* Пушкин и нормы русского литературного языка // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Сер. филол. наук. – Л., 1946. – С. 86–98.
- Обнорский С.П.* Очерки по морфологии русского глагола. – М., 1953. – 252 с.
- Обнорский С.П.* К истории залогов в русском языке // Исследования по лексикологии и грамматике русского литературного языка. – М., 1961. – С. 168–171.
- Обнорский С.П.* О значении префикса у- в русском языке // Русская историческая лексикология. – М., 1958. – С. 162–163.
- Обнорский С.П.* Избранные работы по русскому языку. – М., 1960. – 355 с.

Основные работы о С.П.Обнорском

- Академик Сергей Петрович Обнорский // Вест. АН СССР. – М., 1939. – № 2/3. – С. 192.
- Аванесов Р.И. Академик Сергей Петрович Обнорский // Рус. яз. в shk. – М., 1948. – № 5. – С. 1–3.
- Черных П.Я.* Академик С.П.Обнорский как историк русского языка // Рус. яз. в shk. – М., 1948. – № 5. – С. 3–10.
- Чествование академика С.П.Обнорского // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М., 1948. – Т. 7, Вып. 6 – С. 582–584.
- Бархударов С.Г.* Академик С.П.Обнорский: (К 70-летию со дня рождения) // Вопр. языкознания. – М., 1958. – № 4. – С. 63–77.
- Виноградов В.В.* Научная деятельность академика С.П.Обнорского // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М., 1958. – Т. 17, Вып. 3. – С. 247–262.
- Борковский В.И.* Сергей Петрович Обнорский. Некролог // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М., 1963. – Т. 22, Вып. 1. – С. 86–87.
- Герд А.С., Трубинский В.И.* Памяти С.П.Обнорского // Рус. яз. в shk. – М., 1964. – № 2. – С. 106–107.
- Борковский В.И.* Сергей Петрович Обнорский // Рус. речь. – М., 1967. – № 5. – С. 9–11.

Л.И.Скворцов

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ОЖЕГОВ

Выдающийся русский языковед, доктор филологических наук, профессор С.И.Ожегов [10(23).09.1900–15.12.1964] широко известен в нашей стране и за рубежом как основоположник нового направления современной русистики — теории и практики культуры речи, как историк русского литературного языка, специалист в области терминологии, орфоэпии и орфографии, языка художественной литературы и особенно — как автор знаменитого однотомного “Словаря русского языка”. Ожеговский словарь, вышедший в 1949–1991 гг. двадцатью тремя (!) изданиями общим тиражом свыше 7 млн. экземпляров, долгое время занимал прочные позиции наиболее авторитетного пособия и справочника по современному русскому языку, литературному словоупотреблению. Он был настольной книгой “правильной русской речи” для всех слоев населения, для каждого образованного человека. Практически он имелся в каждом доме, в любой семье, к нему обращались инженеры и учителя, журналисты и писатели, актеры театров и кино, режиссеры, дикторы радио и телевидения, студенты, школьники, домохозяйки и пенсионеры. Авторитет словаря был неколебим. “Посмотрите у Ожегова”, “Справьтесь в Ожегове”, “Откройте Ожегова”, — советовали друг другу люди в тех случаях, когда надо было быстро получить какую-нибудь языковую справку, решить возникший острый спор, рассеять сомнения или, напротив, утвердиться в правильности своих языковых представлений. Современность, актуальность, научная достоверность, нормативно-оценочная и стилистическая определенность Ожеговского словаря, при относительной его компактности — вот основные достоинства, которые определили необычайную долговечность этой книги, намного пережившей своего составителя и творца.

Академик Л.В.Щерба, сам великий лексикограф, полагал, что “словарная работа, основанная исключительно на семантике, требует особо тонкого восприятия языка, ... совершенно особого дарования, которое по какой-то линии, вероятно, родственно писательскому дарованию (только последнее является активным, а дарование словарника — пассивным и обязательно сознательным)” (Щерба, 1940: 104).

Таким вот “особо тонким восприятием языка” в полной мере обладал С.И.Ожегов. Он был прирожденным и неутомимым лексикографом, имевшим особый вкус к этой кропотливой, трудоемкой и очень сложной работе. Тонко чувствуя структуру и семантическую материю слова, Сергей Иванович знал необычайное множество бытовых, исторических, областных и даже сугубо специальных реалий. Автору этих строк посчастливилось, например, однажды выслушать содержательную импровизированную мини-лекцию о коньячном производстве и его истории в России. Кладовые его обширной памяти хранили многое из истории науки и техники, народных промыслов, спорта, военного и театрального быта, из городского и сельского фольклора, из самых разных художественных текстов. Он все читал и всем интересовался до последних дней своей жизни.

Самый близкий и давний друг Сергея Ивановича (если не считать С.Г.Бархударова) профессор А.А.Реформатский (1900—1978) писал о нем в некрологе: “Сергей Иванович был очень цельным и своеобразным человеком. Он был русистом не только в лингвистике, но и в жизни, и в своих интересах и вкусах. Он великолепно знал русскую старину, русскую историю и этнографию. Знал и хорошо чувствовал русские пословицы и поговорки, поверья и обычаи. Прекрасный знаток русской литературы, как классической, так и современной, он никогда не расставался с книгой. А книги он читал “с карандашом”, пристально и целеустремленно, о чем свидетельствуют многочисленные подчеркивания и выписки. Богатый жизненный опыт в соединении с верным чутьем и выдвинули Сергея Ивановича в первые ряды деятелей культуры речи” (Реформатский, 1965: 192).

Родился Сергей Иванович в фабричном поселке Каменное Новоторжского уезда бывшей Тверской губернии (ныне — г. Кувшиново). Отец его, Иван Иванович (из уральских мастеровых Ожеговых), работал инженером Каменской бумагоделательной фабрики. Он был человеком обширных знаний и разносторонних интересов, открытых демократических настроений. В доме инженера И.И.Ожегова собирались передовые люди того времени, участники первой русской революции 1905 г. Бывал

там и М. Горький, приехавший к своему другу Н.З. Васильеву (сцены из жизни кувшиновских рабочих нашли затем отражение в романе “Жизнь Клима Самгина”).

Интересным человеком была и мать Сергея Ивановича — Александра Федоровна Ожегова, в девичестве Дегожская, потомственная дворянка, находившаяся в дальнем родстве с известным филологом, профессором Петербургского университета Герасимом Петровичем Павским (1787—1863). Будучи прекрасно образованной, Александра Федоровна смогла многое передать своим детям — сыновьям Сергею (старшему), Борису (среднему) и Евгению (младшему). В кругу этой разночинной интеллигентной семьи, имеющей множество родных, друзей и знакомых, закладывались основы мировоззрения, формировались взгляды, воспитывалось необыкновенное трудолюбие детей Ожеговых.

Весной 1909 г. Ожеговы переезжают в Петербург, где Иван Иванович начал работать в Экспедиции заготовления государственных бумаг (ныне фабрика “Гознак”). Сергей Ожегов начинает учиться в 5-й гимназии (она располагалась на пересечении Екатерингофского и Английского проспектов). Сохранились книги, которыми награждали гимназиста Ожегова “за примерное поведение и отличные успехи”. В старших классах гимназии он особенно полюбил шахматы и футбол, играл за гимназическую команду, состоял в так называемом Сокольском спортивном обществе.

Летом 1918 г. Сергей Иванович окончил гимназию и поступил на факультет языкознания и материальной культуры Петроградского университета, прослушал первые лекции. Однако в конце 1918 г., он оставляет университет и уезжает в город Опочку к родным по линии матери. Там он, будучи по молодости лет членом партии эсэров (как многие в то время гимназисты и студенты), участвует в установлении советской власти. Затем резко порывает с эсэрами и в декабре 1918 г. записывается вольноопределяющимся в Красную Армию. Как боец-кавалерист он участвует в боях под Нарвой, Псковом и Ригой, на Карельском перешейке, затем на Украине, на врангелевском фронте. До 1922 г., Сергей Иванович служил на руководящих должностях в штабе Харьковского военного округа в Екатеринославе (ныне Днепропетровск). После окончания военных действий ему предложили путевку в военную академию, но он от нее отказался, был демобилизован и вернулся на филологический факультет Петроградского университета.

В 1926 г. он завершает обучение и по представлению своих учителей В.В. Виноградова (1894/95—1969), Б.М. Ляпунова (1862—1943) и

Л.В.Щербы (1880–1944) был рекомендован в аспирантуру Института истории литератур и языков Запада и Востока при ЛГУ. В это время он углубленно занимается изучением истории русского литературного языка, знакомится с обширным кругом древних и новых языков (в первую очередь славянских), слушает лекции проф. С.П.Обнорского(1888–1962), проф. Л.П.Якубинского (1892–1945), участвует в семинаре акад. Н.Я.Марра (1864/65–1934).

В 1927–1930 гг. Сергей Иванович Ожегов – преподаватель Высших курсов искусствознания при Государственном институте истории искусств; в 1931–1936 гг. – ассистент Ленинградского педагогического института им. М.Н.Покровского, затем доцент ЛГПИ им. А.И.Герцена.

В 1934–1936 гг. работал в Институте языка и мышления АН СССР по словарному отделу. В 1936 г. переезжает в Москву по приглашению Отдела печати ЦК ВКП(б) в связи с решением Оргбюро ЦК ВКП(б) об ускорении работы над “Толковым словарем русского языка” (под ред. проф. Д.Н.Ушакова).

В 1934 г. получил ученую степень кандидата филологических наук (без защиты диссертации, по Постановлению СНК); с сентября 1939 г. – старший научный сотрудник и зам. зав. сектором славянских языков Института языка и письменности АН СССР.

В 1941–1942 гг. Сергей Иванович руководит московской частью Института (с 1944 г. – это Институт русского языка АН СССР на Волхонке 18/2, ныне – Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН).

В 1950–1952 гг. исполнял обязанности ученого секретаря совета Института языкознания АН СССР. С 1952 г. – зав. сектором культуры речи Института языкознания АН СССР; с 1958 г. – зав. сектором современного русского языка и культуры речи Института русского языка АН СССР; с 1963 до конца жизни – зав. сектором культуры русской речи того же института. В 1961–1962 гг. по совместительству был заместителем директора института.

В 50-е годы в Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова читал лекции и вел спецсеминары по истории русского литературного языка (автор программы по этому курсу для филологических факультетов университетов). Руководил подготовкой дипломников и аспирантов. В 50–60-е годы публиковал газетные и журнальные статьи, выступал в различных аудиториях с интереснейшими докладами и лекциями о путях развития русского языка в послеоктябрьскую эпоху.

С.И.Ожегов принимал деятельное участие в работе многих научных комиссий и советов, редакционных коллегий, секций и бюро. В качестве заместителя председателя вел большую работу в Комиссии по упорядочению написания и произношения иноязычных собственных имен и географических названий Академии наук, возглавлял лингвистическую группу Комиссии по наименованиям и переименованиям при Моссовете.

Доктором филологических наук он стал в 1958 г. (без защиты диссертации, по совокупности научных трудов); звание профессора получил в 1961 г., за несколько лет до смерти.

С молодых лет, с самого начала научного творческого пути и до конца жизни, судьба Сергея Ивановича была связана с выдающимся деятелем русской филологической науки, учеником акад. А.А.Шахматова Виктором Владимировичем Виноградовым (1895–1969). Свою аспирантскую подготовку С.И.Ожегов непосредственно проходил под руководством будущего академика (он был самым первым аспирантом молодого тогда профессора). Это не только сблизило их в научном отношении, но и сдружило лично, наложило отпечаток на дальнейшие их жизненные перипетии. Достаточно сказать, что в непростые предвоенные годы Сергей Иванович регулярно отправлял сосланному в Вятку В.В.Виноградову (по сфабрикованному “Делу славистов”) многочисленные “корзины книг” для научных трудов своего учителя. (Он рассказывал мне об этом как о вполне естественном деле, хотя каждому понятно, что для этого требовалось известное мужество.)

Влияние научных идей акад. В.В.Виноградова, его складывавшейся тогда школы Сергей Иванович, по собственному его признанию, испытывал в течение всей своей жизни. В 30-е годы они вместе работали в коллективе авторов – составителей Ушаковского словаря; их тесное сотрудничество и личная дружба продолжались в период Великой Отечественной войны и в нелегкие для нашей филологии послевоенные годы (особенно во времена засилья так называемого “марровского учения” о языке), и в дальнейшем, когда В.В.Виноградов был директором Института языкознания (с 1950 г.), а затем Института русского языка АН СССР (с 1958 г.). Академик В.В.Виноградов провожал в последний путь своего ученика и соратника (в декабре 1964 г.). Он вел траурный митинг в конференц-зале Института русского языка АН СССР на Волхонке и в прощальной речи с большой теплотой говорил о Сергее Ивановиче как выдающемся деятеле русской советской лексикографии, теории и практики культуры речи, умелом организаторе филологической науки.

Научные интересы С.И.Ожегова были связаны с исследованием истории русского литературного языка, малоизученных вопросов исторической грамматики, лексикологии, орфоэпии¹, языка русских писателей, орфографии, фразеологии, лексикографии, теории и практики культуры русской речи.

Можно с уверенностью сказать, что вряд ли бы мог развиваться в С.И.Ожегове такой самобытный и яркий талант лексиколога и лексикографа, специалиста по культуре речи, если бы он не был тонким исследователем истории русского литературного языка. Изучение родного языка в его живых социальных связях и отношениях было главным направлением научного творчества Сергея Ивановича. Разговорная русская речь во всех ее проявлениях (включая городское просторечие, жаргоны, аргó и профессиональную речь) – основной объект его работ. И не случаен поэтому сам выбор исследуемых им старых авторов: И.А.Крылов, П.А.Плавильщиков, А.Н.Островский и др.

В статье об И.А.Крылове “Материалы для истории русского литературного произношения XVIII – начала XIX в.” (1949) он показал, например, как этот “творец и законодатель языка” (так называли его современники) вместе с гениальным А.С.Пушкиным закладывал основы современного русского литературного языка. На примере поэтического творчества Крылова выявлен сложный процесс взаимодействия социальных и эстетических факторов, которые определенным образом влияли на характер вновь создававшейся орфоэпической системы. С.И.Ожегов установил, что Крылов шел по пути сближения стихового произношения с литературно-разговорным. В самом деле. С одной стороны, он отдает дань традиции (взрывное произношение *г* с немногочисленными отступлениями в пользу традиционного фрикативного звука; преобладание *окающего* чтения, окончание *-ой* в именительном-винительном падежах единств. числа прилагательных, причастий и порядковых числительных муж. рода), с другой стороны, в соответствии с художественной спецификой басни, Крылов прибегает к разговорным интонациям и другим элементам обиходно-бытовой речи, попутно допуская *аканье* (в умеренной петербургской манере), решительно порывает с традицией произношения ударенного *е* по-славянски, предпочитает русскую огласовку в стихе и т.п.

В статье “О языке купеческой комедии П.А.Плавильщикова” (1951) С.И.Ожегов ставит принципиальный вопрос о роли социальных разновидностей речи XVIII в. в становлении национальных, в частности лексико-фразеологических норм. Сущность языкового реализма Пла-

вильщикова состояла в том, что он, в отличие от некоторых драматургов XVIII в., введших народные элементы языка только для обнаружения социальной принадлежности персонажа, стремился с помощью речевых средств отразить характер, мысли и действия, поступки изображаемых лиц. Для Плавильщикова, пишет Сергей Иванович, “народный язык персонажей его комедий не является целью создания комических эффектов... Поэтому он совершенно отказался от натуралистического воспроизведения речевых особенностей крестьян”.

В этой статье исследуются особенности словарного состава и грамматические приметы русской купеческой речи XVIII столетия, однако выводы носят широкий социолингвистический характер. С.И.Ожегов указал на близость идейных позиций Крылова и Плавильщикова, в частности, в вопросах развития национальной русской культуры.

Ряд статей П.А.Плавильщикова, помещенных в журнале И.А.Крылова “зритель”, составили развернутую программу демократического русского просветительства. “Я не отрицаю, — писал Плавильщиков, — чтоб не нужно было занять чего у иностранцев; но что и как занимать? В том вся важность. Петр Великий занял у иностранцев строй воинский, но сообразовал его со свойством воинов своих. Петр Великий занял строение кораблей, но учредил флот по своему благорассмотрению и оттого превзошел своих учителей. ... Обвиняют Ломоносова, что он подражал иногда Гинтеру, но оды Ломоносова таковы, что Гинтер кажется подражателем Ломоносову” (цит. по: Ожегов, 1974: 106).

В оценке русского языка и его богатств, отмечает С.И.Ожегов, Плавильщиков развивал ломоносовские взгляды, хорошо изученные им в университетские годы под руководством известного русского филолога-грамматиста и педагога А.А.Барсова (1730—1791). По свидетельствам современников, Плавильщиков, блестяще зная и высоко ценя богатства родного языка, никогда не позволял себе прибегать к “скудости слов чужеземных” и досадовал, даже изменялся в лице, когда слышал отступления от чистоты слога. “Не стыдно ли нам, — говаривал он, — обходить чистый источник, и притом свой, наследственный, а чужие блестящие песчинки почитать золотом? Все чужое перенимать, значит своего не понимать. Вникнем только в свое собственное и найдем, чем пленяться, найдем даже и то, чем удивить самих иностранцев” (цит. по: Ожегов, 1974: 110). В области языка, как и в области культуры, Плавильщиков был последователен: надо оставаться на почве народного языка, не выходить из его круга, но поднимать народный язык на новую ступень в соответствии с новыми культурными потребностями. Ведь одно дело —

творческое *понимание*, “проникающее мыслями во внутренность дела”, и совсем другое — слепое *перенимание*, рабское подражание, засоряющее живую мысль и принижающее самобытную русскую культуру.

По существу, в этой замечательной статье С.И.Ожегов заново открыл для современного читателя одно из славных русских имен — Петра Алексеевича Плавильщикова, писателя-драматурга, патриота, просветителя, деятеля русской культуры, ревностного сторонника ее самостоятельного национального развития.

Интересным начинанием, активное участие в котором принял Сергей Иванович, был подготовленный в 1948 г. во Всероссийском театральном обществе “Словарь к пьесам А.Н.Островского”. По причинам чисто внешнего и идеологического порядка (проходившая в то время кампания борьбы с “космополитизмом” и закручивания идеологических гаек) он, к сожалению, не был опубликован, хотя и был набран и сверстан. Репринтное издание этого словаря вышло в свет в издательстве “Веста” (Москва) лишь в 1993 г.

Этот любопытный в различных отношениях словарь был задуман и выполнен как справочник для актеров, режиссеров и переводчиков. По составу и характеру он не полный, а дифференцированный: в него включена не вся лексика пьес Островского, а лишь то из нее, что необходимо для понимания языка драматургии Островского, стилистического и семантического ее богатства и своеобразия. Составной частью словаря стали историко-бытовые комментарии (энциклопедического характера) — пояснения и справки к соответствующим терминам, собственным именам, географическим названиям и т.п.

Историко-бытовая часть в словаре была подготовлена Н.С. и М.Г. Ашукиными (авторами известного словаря “Крылатые слова”). Историко-театроведческий раздел обеспечивал театральным критик и видный историк русского театра В.А.Филиппов (он же должен был стать общим редактором книги). Наконец, очень важная и ответственная филологическая часть словаря, связанная с собственно лексикографической обработкой всех текстов, взятых из пьес Островского, была поручена С.И.Ожегову. В сущности, он составил краткий словарь языка Островского.

В словаре объясняются старинные областные или вышедшие из употребления слова и выражения, малопонятные или вовсе непонятные для современного читателя, зрителя, актера, режиссера-постановщика и т.п. Значительный слой лексики, помещенной в словаре, принадлежит старому русскому просторечию, т.е. обиходной речи старомосковского

населения или жителей других русских городов — полукультурного купечества, мещанства, мелкого чиновничества, а также связанных с ними иных социальных слоев. Важным является то, что в “Словаре к пьесам А.Н.Островского” приведены слова и формы слов, которые отличаются от современного литературного языка по употреблению, семантике, произношению и ударению. Ведь именно они нуждаются больше всего в историко-лингвистическом комментарии — во избежание возможных искажений художественного замысла А.Н.Островского при постановке его пьес на сцене в наши дни.

В аспекте проблематики истории и диалектологии славянских языков выполнена работа Сергея Ивановича “Об одной форме долженствования в русском языке” (1947). В ней автор анализирует грамматическую специфику и сферы распространения сочетаний, состоящих из двух инфинитивов, типа *быть перестать*, *быть помириться*, *быть терпеть* и т.п. На основе изученных материалов С.И.Ожегов пришел к выводу, что в русском языке такие сочетания пережиточны, причем они входили как одно из синонимических средств в более широкий круг разных способов выражения категории долженствования (см. сочетания типа *быть убиту*, *быть грому* и т.п.). В связи с этим высказывается интересное предположение, что во всех подобных сочетаниях инфинитив *быть* имел когда-то одинаковое значение, сохраняя форму имени дат. падежа.

Большое место в научном наследии С.И.Ожегова занимают вопросы культуры речи, проблемы кодификации норм современного русского литературного языка в области произношения, формо- и словоупотребления, синтаксиса и стилистики. Из публикаций по этой проблематике глубоким содержанием выделяется статья “Очередные вопросы культуры речи” (1955). В ней дается обзор основных процессов, связанных с формированием национально-языковых норм начиная с пушкинской эпохи до современности, а также определяются лингвистические задачи по сознательному научному регулированию постоянно изменяющихся, динамичных отношений между литературно-нормативными и ненормативными средствами языка. Автор подчеркивает, что любая нормализация языковых средств должна опираться на глубокое теоретическое знание специфики каждого национального языка и закономерностей его развития. В понимании языковой нормы недопустим субъективизм, а также антиисторизм. “Языковая норма, — подчеркивает Сергей Иванович, — не статистическое явление, ибо распространенной и часто повторяющейся в языке может быть, как известно, и ошибка. ... Языко-

вая норма есть исторически обусловленный факт, проявление исторических закономерностей развития языка и типических для каждой эпохи тенденций развития, поддержанное и одобряемое обществом в его языковой практике. Отсюда следует, что норма — это совокупность наиболее пригодных (“правильных”, “предпочитаемых”) для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов” (Ожегов, 1974: 259–260).

В конце статьи говорится о том, что забота о культуре речи не является уделом только специалистов-филологов. Разработка проблем культуры речи интересует всех говорящих, независимо от их специальности, и должна вестись с учетом мнений, оценок и пожеланий самих носителей языка — нашей общественности. При этом автор делает весьма важную оговорку: “Но для того, чтобы эти пожелания имели конструктивный характер, необходима широкая научная пропаганда принципов разумной нормализации литературной речи, пропаганда научных методов этой нормализации, а также самих норм, разъяснение подчас ошибочных, но имеющих хождение представлений о развитии языка и о факторах, влияющих на установление норм” (Ожегов, 1974: 276). По глубокому убеждению С.И.Ожегова, вопросы повышения культуры речи должны решаться не с позиций субъективной оценки, а на основе исследования исторических закономерностей и тенденций развития литературного языка.

До конца жизни Сергей Иванович возглавлял созданный им Сектор культуры русской речи (сначала в рамках Института языкознания АН СССР, а затем — в Институте русского языка АН СССР). Он был инициатором создания и главным редактором серийного академического сборника “Вопросы культуры речи” (1955–1967, вып. 1–8). Материалы этого издания, труды сотрудников сектора и приглашенных специалистов сыграли заметную роль в развитии теории русской речевой культуры нашего времени.

С.И.Ожегов был уверен в том, что высокая культура речи является одним из важнейших условий повышения общей культуры широких народных масс, и прилагал много усилий для создания обширной научно-теоретической базы для нормализаторской практической деятельности. Активное участие принимал он в деятельности Комиссии по орфографии

(1948, 1962). Он был сторонником планомерной, настойчивой и длительной работы в области культуры речи, неустанно и терпеливо разъяснял Сергей Иванович вред как пуристического стремления законсервировать живой язык, закрепив его в некоторых застывших формах, так и попыток антинормализаторов объявить весь язык нормативным, передав его во власть речевой стихии. Мягкий и доброжелательный по природе, он был тверд и непримирим, когда дело касалось научной принципиальности, добросовестности и объективности, когда речь шла о судьбах родного языка, о судьбе русской культуры.

Без преувеличения можно сказать, что С.И.Ожегов заложил фундамент культуры русской речи как самостоятельной лингвистической дисциплины. При этом он не жалел времени и сил для пропаганды научных лингвистических знаний, для просветительской деятельности. Его содержательные статьи и заметки в газетах и журналах, доклады и беседы в широких аудиториях всегда находили живой отклик благодарных читателей и слушателей. С ним постоянно советовались, у него консультировались люди самых разных профессий. В области литературных норм, языковой правильности, в вопросах лексики, грамматики, орфоэпии или орфографии научное мнение С.И.Ожегова всегда было одним из самых авторитетных.

Горячий и верный поклонник научного таланта С.И.Ожегова писатель К.И.Чуковский в скорбной заметке-прощании отмечал важную особенность Ожегова-нормализатора: “Испытывая сильнейший напор и со стороны защитников штампованной, засоренной речи, и со стороны упрямых ретроградов-пуристов, Сергей Иванович Ожегов не уступил никому. и это вполне закономерно, ибо главное свойство его обаятельной личности — мудрая уравновешенность, спокойная, светлая вера в науку и в русский народ, который отметет от своего языка все фальшивое, наносное, уродливое. Эмоциям испуганных пуристов он противопоставлял спокойное, трезвое, строго научное понимание внутренних законов языкового развития. Этому пониманию учил он и нас, писателей, в своих статьях, публичных выступлениях, — и, прощаясь с ним, мы все, болеющие о родном языке, не можем не выразить ему своей благодарности” (Чуковский, 1964).

Проведенные С.И.Ожеговым глубокие и оригинальные социолингвистические исследования нашли отражение в ряде его статей, заметок и докладов 50–60-х годов: “Основные черты развития русского языка в советскую эпоху” (1951); “Из истории слов социалистического общества” (1952); “Русский язык и советская культура” (1957); “Новый этап

исторического развития русского литературного языка” (1960); “О формах существования современного русского языка” (1962) и др.

Закономерным итогом этой большой работы явилось выдвижение С.И.Ожеговым научной социолингвистической проблемы “Русский язык и советское общество”. С конца 50-х годов она стала одной из главных тем в научно-исследовательском плане института русского языка АН СССР. Организация этой работы и начало ее проходили под руководством С.И.Ожегова, а закончена она была большим коллективом специалистов уже несколько лет спустя после его кончины (см. “Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование”. Тт. I–IV. М., 1968).

В обширном проспекте коллективной работы “Русский язык и советское общество” (1962) С.И.Ожегову принадлежит один из основных разделов — “Лексика”, где содержится ряд смелых, новаторских идей в области изучения лексической системы современного русского языка и происходящих в нем живых процессов. Здесь Сергей Иванович, в частности, выдвинул уточненную периодизацию развития русского языка в советскую эпоху, коснулся проблемы “перспективной диалектологии” (как части перспективной, или проспективной, социолингвистики, занимающейся вопросами прогнозирования языкового развития), более подробно, чем прежде, обосновал понятие “обиходно-разговорной речи” как одной из влиятельнейших форм современного национального языка, описал ее состав и структуру, проследил историю перехода ряда слов и выражений из круга социально ограниченного употребления или из территориальных говоров в общую русскую речь (*запросто, сравняться, признать, запороть, пережить, вояж, богадельня* и многие другие).

В широком круге лингвистических интересов С.И.Ожегова центральное место занимала лексикография. Словарное дело, составление и редактирование словарей — вот та сфера научной деятельности Сергея Ивановича, в которой он оставил заметный и неповторимый, чисто “ожеговский” след. Можно уверенно заявить, что не было в 50–60-е годы ни одного мало-мальски заметного лексикографического труда, в котором С.И.Ожегов не принимал бы участия — либо как редактор (или член редколлегии); либо как научный консультант и рецензент, либо как непосредственный автор-составитель.

Он был членом редколлегии “Словаря современного русского литературного языка” АН СССР в 17-ти томах (М.-Л., 1948–1965) с 6-го по 17-й том включительно. Он — автор-составитель и член редколлегии

академического “Словаря языка Пушкина” в четырех томах (М., 1956–1961).

Совместно с С.Г.Бархударовым и А.Б.Шапиро он редактировал “Орфографический словарь русского языка” АН СССР (с 1-го по 12-е издание включительно); редактировал (совместно с Р.И.Аванесовым) словарь-справочник “Русское литературное произношение и ударение” (изд. 2-е, М., 1959); был инициатором создания и редактором академического словаря-справочника “Правильность русской речи” (1-е изд. – 1962, 2-е изд. – 1965), одним из авторов-составителей которого является автор настоящей статьи.

До конца жизни Сергей Иванович был заместителем председателя Словарной комиссии Отделения литературы и языка АН СССР, а также членом редколлегии знаменитых “Лексикографических сборников”.

Деятельность С.И.Ожегова по составлению словарей началась в конце 20-х годов в Ленинграде, когда он активно включился в редактирование “Словаря русского языка” АН СССР (1895–1937, издание не было завершено). Том 5-й, вып. 1, “Д – деятельность” этого словаря полностью составлен и отредактирован им одним.

С 1927 по 1940 г., сначала в Ленинграде, а с 1936 г. – в Москве, Сергей Иванович участвовал в составлении “Толкового словаря русского языка”, первенца советской лексикографии. Этот словарь под редакцией проф. Д.Н.Ушакова (Ушаковский словарь) вышел в свет в 1935–1940 гг. в четырех томах и воплотил в себе лучшие традиции русской науки, лексикографические идеи и принципы И.А.Бодуэна де Куртенэ (1845–1929), А.А.Шахматова (1864–1920), Л.В.Щербы (1880–1944). В его составлении приняли участие замечательные языковеды: В.В.Виноградов, Г.О.Винокур (1896–1947), Б.А.Ларин (1893–1964), Б.В.Томашевский (1890–1957), каждый из которых внес заметный и неповторимый вклад в это большое общекультурное, а не только чисто филологическое дело.

С.И.Ожегов был одним из основных составителей “Ушаковского словаря”, правой рукой главного редактора, фактически соредактором и научно-организационным “движителем” всей работы (по признанию самого Д.Н.Ушакова). Из общего объема словаря в 435 печатных листов Сергей Иванович подготовил более 150 листов (свыше 900 страниц книжного словарного текста!). Совместно с Д.Н.Ушаковым и Г.О.Винокуром он осуществил редактирование II, III, IV томов словаря.

Продолжая лучшие традиции отечественной академической лексикографии, “Толковый словарь русского языка” под редакцией проф.

Д.Н.Ушакова соединил идеи строгой научности академических словарей с массовой доступностью практического словаря-справочника. Детальной разработкой стилистических и грамматических помет, образцовостью и строгой нормативностью включаемого богатого лексического и фразеологического материала он утверждал опору на литературный язык “от Пушкина до Горького”.

Во вступительной статье “От редакции” подчеркивалось: “Составители старались придать словарю характер образцового, в том смысле, чтобы он помогал усвоить образцовый, правильный язык, а именно, большое внимание обращено в нем на нормативную сторону: правописание, произношение, ударение слов, грамматические указания, полезные для русских и нерусских, указания на сферу употребления слов, тлеющие практическое значение для ищущих стилистического руководства.; кроме того, самый анализ значений и оттенков значений слов, бывший предметом особой заботливости составителей и более детальный, чем в старых академических словарях и в словаре Даля, дает материал не только для теоретического изучения русской лексики, но, главное, для практического — с целью сознательного употребления в речи того или иного слова”.

Осуществить все эти поставленные задачи по отношению к русскому литературному языку 20–30-х годов XX в. было крайне непросто. В послереволюционную эпоху в нем произошли значительные количественные и качественные изменения: пополнился и видоизменился словарный состав, уточнились смысловые и стилистические характеристики многих слов и выражений; с появлением новой интеллигенции (из рабочих и крестьян) существенно менялся состав активных носителей литературного языка.

В результате этих объективных процессов традиционные нормы устной и письменной речи испытывали определенные колебания; описывать и закреплять их в словарном порядке было нелегко. От авторов словаря требовался огромный такт, соединенный с глубокими знаниями и тонким языковым чутьем и вкусом. Со всем этим они блестяще справились.

Выход в свет “Толкового словаря русского языка” под редакцией проф. Д.Н.Ушакова явился событием большого научного, общественного и культурно-просветительского значения. Это был первый лексикографический опыт, отразивший с достаточной полнотой русскую лексику и фразеологию 20–30-х годов XX столетия. Ушаковский словарь оказал большое влияние на всю русскую толково-нормативную лексикографию

последующих десятилетий и на становление словарного дела в национальных советских республиках.

Участие в группе авторов–составителей Словаря Ушакова было большой научной школой для С.И.Ожегова. В 1939-1940 гг. на базе этого словаря он (по поручению Д.Н.Ушакова) создает Типовой словник для русско-национальных словарей объемом в 70 печатных листов. Создание этого словника фактически было начальным этапом в истории однотомного Ожеговского словаря.

Мысль о кратком толковом словаре давно волновала Сергея Ивановича, но лишь с завершением гигантской эпопеи по составлению (и изданию) “Ушаковского словаря” этот замысел получил вполне реальную базу. Конечно, работа над однотомным словарем была облегчена наличием четырехтомного “Толкового словаря русского языка”, но вместе с тем она имела свои особенности, а подчас и совсем иные задачи. Это никак не мог быть “сокращенный Ушаков” или “краткий Ушаков”: ведь в рамках одного тома надо было с достаточной полнотой отразить основной (активный, употребляемый) состав лексики современного русского языка; включить в него наиболее важные неологизмы; выработать компактную структуру словарной статьи, определить принципы экономной подачи: иллюстративного материала. Необходимо было также учесть и новые научные достижения в области лексикологии, лексикографии, орфоэпии, грамматики, стилистики, фразеологии, словообразования и т.п.

В самом конце 30-х годов возникла инициативная группа по созданию “Малого толкового словаря русского языка”. На заседании 10 июня 1940 г. была образована редакция, в которую вошли Д.Н.Ушаков (главный редактор), С.И.Ожегов (зам. главного редактора), Г.О.Винокур и Н.Л.Мещеряков. Редакция поручила С.И.Ожегову выработать план издания, определить объем и структуру словаря, сроки подготовки и т.п. К осени 1940 г. Сергей Иванович подготовил План издания “Малого толкового словаря русского языка”, состоящий из 21 пункта (хранится в Архиве РАН, Фонд 1516). По этому Плану предполагалось, что Малый словарь “предназначается для широкого читателя и является нормативным: он должен быть пособием для изучения современной правильной литературной русской речи”. В словарь должно было войти примерно 60 тыс. слов; общий его объем планировался в пределах 120 авт. листов в одном томе. Состав словника (который предстояло еще уточнить в процессе работы) призван был отразить “основной лексический состав литературного языка с включением наиболее существенных

разновидностей устной и письменной речи”. В основу Малого словаря предполагалось положить словник “Ушаковского словаря” (с известными сокращениями), а всю работу закончить в 1942 г.

Начавшаяся война и другие обстоятельства ломают все намеченные планы и далеко отодвигают сроки завершения работы: в 1942 г. умирают Д.Н.Ушаков (в Ташкенте) и Н.Л.Мещеряков (в Казани); в 1947 г. в Москве скончался Г.О.Винокур. И лишь через четыре года после окончания войны, в самом начале 1949 г., выходит в свет 1-е издание однотомного “Словаря русского языка”, составленного С.И.Ожеговым (при участии Г.О.Винокура и В.А.Петросяна), под общей редакцией акад. С.П.Обнорского. Словарь Ожегова начинает свою замечательную жизнь.

Ожеговский словарь выдержал шесть прижизненных изданий и неоднократно переиздавался в зарубежных странах (репринтно). Популярность его начала быстро расти сразу же после выхода в свет. В 1952 г. вышло репринтное издание в Китае; вскоре последовало такое же издание в Японии. Он стал настольной книгой—справочником для многих тысяч людей во всех уголках земного шара, где изучают русский язык. За пределами России сегодня нет, в сущности, ни одного специалиста—русиста, не знакомого с именем С.И.Ожегова и с его словарем. Последней по времени данью мировой признательности ему стал “Новый русско-китайский словарь”, вышедший в Пекине в 1992 г. Его автор Ли Ша (русская по происхождению, давно живущая в Китае) скрупулезно, слово в слово перевела на китайский язык весь “Словарь русского языка” С.И.Ожегова.

В процессе составительской, авторской работы над однотомным нормативным словарем русского языка перед С.И.Ожеговым встал целый ряд вопросов, требовавших теоретического и практического разрешения.

Во-первых, это проблема стилистических помет, их критического отбора из довольно дробной системы “Ушаковского словаря” (более 30), с учетом динамического изменения экспрессивно-стилистической окраски слов и выражений. Во-вторых, проблема полисемии слов, структуры толкований (с непременным адекватным отражением живых тенденций и объективных процессов семантических изменений). В-третьих, вопросы, связанные с подбором примеров-цитат, принципом их краткости и вместе с тем представительности и убедительности. Наконец, в-четвертых, предстояло значительно обновить весь “ушаковский” словник, включив в него новые слова и словосочетания, а также новые значения или оттен-

ки значений и т.п. Эта последняя задача прямо связывалась с типом однотомного издания, призванного оперативно отражать новые явления в жизни языка.

В решении всех этих вопросов, в успешном преодолении трудностей, возникавших перед автором однотомного словаря, во всем блеске проявилось особое чувство слова, присущее Сергею Ивановичу, его тонкое восприятие живого языка, умение точно и строго объективно оценивать происходящие в языке процессы.

Следует особо отметить, что в повседневной работе Ожегова–лексикографа теория и практика шли всегда рука об руку. Теоретические принципы современной нормативной лексикографии нашли отражение во многих публикациях Сергея Ивановича: “Советские словари” (1946); “О структуре фразеологии” (1957); “О крылатых словах” (1957); предисловие “От редакции” в кн.: Правильность русской речи” (1962, 1965) и др. Среди этих работ большой теоретический интерес представляет статья “О трех типах толковых словарей современного русского языка” (1952), сохраняющая свою актуальность и в наши дни. В ней представлен очерк истории русской советской лексикографии. Автор отмечает, что в послеоктябрьский период на основе богатого опыта дореволюционной лексикографии в стране создавались новые словари русского литературного языка, отражающие изменения в лексике под влиянием как революционных событий, так и в связи с дальнейшими преобразованиями общественной жизни. Эти новые нормативно-толковые словари в зависимости от принятых составителями теоретических и практических установок, а также от объема и характера фиксируемой лексики С.И.Ожегов распределил по трем основным категориям (группам): большой словарь, охватывающий лексику современного русского литературного языка в широкой исторической перспективе, т.е. от начала XIX в. (сюда он относил 17-томный академический “Словарь современного русского литературного языка”), средний словарь, охватывающий лексику современного русского литературного языка во всем ее стилистическом многообразии, но ограничивающий разряды слов пассивного запаса (сюда он относил 4-томный “Толковый словарь русского языка” под ред. Д.Н.Ушакова); краткий словарь популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи (сюда он относил свой однотомный “Словарь русского языка”).

В первом издании Словарь Ожегова содержал чуть более 50 тыс. слов; во втором, исправленном и дополненном, издании (1952) — 52 тыс. слов; а в четвертом, также исправленном и дополненном, издании (1960)

— около 53 тыс. слов. Практически это две трети объема словника четырехтомного Словаря Ушакова (85 тыс. 289 слов). По сравнению с последним в Словаре Ожегова отсутствуют редкие термины, исключены малоупотребительные в общей речи иностранные слова, а также многие областные, просторечные и аргоические элементы.

Экономия места в однотомнике достигалась за счет компактной подачи значений, а также путем введения частичного гнездования (например, при слове *дом* приводятся в той же статье — *домик, домок, домишко, домина, домище*, прилагательное *домовитый* и т.п.). В отличие от “Ушаковского словаря”, в котором толкования слов иллюстрируются примерами из русской художественной литературы и публицистики (около 400 авторов), в Ожеговском словаре приводятся так называемые *речения* — составленные самим автором короткие фразы, типичные сочетания слов, а также образные выражения, пословицы и поговорки. Сокращение объема словника “Ушаковского словаря” сочеталось в однотомнике с большой работой автора по учету новых слов и значений, вошедших в активный речевой обиход как в военные годы, так и в послевоенное время, с уточнением их стилистических характеристик.

От издания к изданию Сергей Иванович перерабатывал свой словарь, стремясь как можно лучше отразить в его рамках современное актуальное литературное словоупотребление, сделать более строгой нормативную сторону подачи материала и тем самым усовершенствовать его как универсальное пособие по культуре русской речи. Уточнялась система грамматических и стилистических помет, обновлялся и пополнялся словник. Однако при всех этих необходимых изменениях (отражавших кроме всего прочего новые достижения лексикографической науки и теории общего языкознания) по своей структуре, составу, ха и творческую мысль автора—составителя.

До последних дней жизни Сергей Иванович неустанно работал над совершенствованием своего детища. В марте 1964 г., будучи уже тяжело больным, он подготовил официальное письмо—обращение в издательство “Советская энциклопедия”, в котором заявлял: “В 1964 году вышло новое, стереотипное издание моего однотомного “Словаря русского языка”... Я нахожу нецелесообразным дальнейшее издание Словаря стереотипным способом. Я считаю необходимым подготовить новое, переработанное издание. Предполагаю внести ряд усовершенствований в Словарь, включить (в него) новую лексику, вошедшую за последние годы в русский язык, расширить фразеологию, пересмотреть определения слов,

получивших новые оттенки значения, усилить нормативную сторону Словаря”.

Осуществить этот замысел Сергей Иванович не успел: в декабре того же 1964 г. его не стало...

В 1968 и 1970 гг. вышли 7-е и 8-е стереотипные издания Словаря Ожегова. А начиная с 9-го издания (1972) он выходил под редакцией Н.Ю.Шведовой (в подготовке этого первого посмертного издания, исправленного и дополненного, принял участие автор этих строк). От издания к изданию словник его увеличивался к достиг в 21-м издании 70 тыс. слов. В 1990 г. АН СССР присудила “Словарю русского языка” С.И.Ожегова премию имени А.С.Пушкина.

В 1991 г. вышло 23-е издание Ожеговского словаря, которому едва ли не суждено было стать последним: как книга одного автора—составителя он прекратил свое существование. В 1992 г. под грифами Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН и Российского фонда культуры выходит с измененным названием книга уже двух авторов—составителей: С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова. “Толковый словарь русского языка”. (К настоящему времени вышло пять или шесть изданий этой книги.)

Следует со всей определенностью сказать, что издаваемый ныне однотомный словарь Ожегова-Шведовой (в научной печати его называют СОШ), вопреки заверениям автора “Предисловия” Н.Ю.Шведовой, во многом отстает от принципов, сформулированных самим Сергеем Ивановичем Ожеговым в статье “О трех типах толковых словарей современного русского языка” в отношении краткого словаря. Это относится и к составу словника (с обилием неоправданных специальных терминов и архаизмов), и к характеру толкования однотипного материала (см. разноречивую подачу общественно-политической лексики, этнонимов, названий религиозных течений и т.п.), и к явно ненормативной (почти обценной) лексике, включаемой в корпус словаря, в явном противоречии с п. 2 §2 “Сведений, необходимых для пользующихся словарем” (составленных, заметим, в свое время самим С.И.Ожеговым).

В настоящем своем виде Ожеговско—Шведовский словарь, в сущности, перестал отвечать требованиям массового пособия по культуре речи, нормативному словоупотреблению. Составитель—соавтор (бывший редактор) нарушает волю и замысел С.И.Ожегова, отказываясь от решения задач, четко сформулированных им в предисловии “От автора” в последнем прижизненном издании Словаря Ожегова: “Автор стоит на той точке зрения, что современный русский язык (...) представляет со-

бой, по сравнению с языком XIX и начала XX века, новый этап в историческом развитии русского литературного языка. Это позволяет в настоящем издании сделать более строгой нормативную сторону словаря, усовершенствовать его как пособие по повышению культуры речи” (изд. 4-е, испр. и доп., 1960). Этого предисловия “От автора” в Ожеговско-Шведовском словаре, конечно же, нет.

И, наконец, в словаре Ожегова—Шведовой нарушается принцип краткости и компактности однотомного словаря. По объему словника, количеству всех включенных в него слов и выражений (80 тыс.) он приближается, скорее, к среднему типу, по классификации самого Сергея Ивановича. Он сопоставим в этом отношении с “Ушаковским словарем” или с академическим “Словарем русского языка в четырех томах. В сущности, это какой-то новый, промежуточный тип словаря — между кратким однотомным и средним четырехтомным. Условно его можно было бы назвать “двухтомником в одном томе”.

И уж, конечно, крайне неудачно новое название. “Толковый словарь русского языка” дает повод для возрождения застарелых мифов и ярлыков типа “сокращенный Ушаковский словарь”, “Ожегов — это краткий Ушаков” и т.п. Почему не хватило такта и фантазии назвать как-то иначе?

Вообще есть какая-то мистика в том, что разного рода личные невзгоды преследовали Сергея Ивановича при жизни и продолжают, как мы видим, и после смерти. Кое-кто из современников—завистников отказывал ему в подлинной учености: что это за наука “культура речи”? И какой, мол, это ученый, если у него нет монографий? (Появившаяся через десять лет после его смерти книга “Лексикология. Лексикография. Культура речи”. М., “Высшая школа”, 1974 г., оказалась на деле “томов премногих тяжелей” и надежно служит вузовским пособи ‘4амилию (“Как Даль! Нескромно!”).

На подобные несправедливые и вздорные упреки Сергей Иванович никогда не отвечал, следуя пушкинскому принципу “не оспаривать глупца”. Заметим, однако, что с такого рода наветами выступали, как правило, те “специалисты” и “исследователи”, у кого за душой не было и намека на какой-либо научный труд, хотя бы в чем-то сравнимый с фундаментальным Ожеговским словарем. А сам Сергей Иванович спасался от этого “своей удивительной простотой и добротой, окрашенной мягким юмором” (Реформатский, 1965: 192).

Незабываем сам облик этого обаятельного человека, интереснейшего собеседника, остроумного рассказчика, внимательного и заинтересованного слушателя, острого к умелого полемиста.

Я помню, как, желая похвалить нас, молодых сотрудников, он всегда говорил: “Замечательно!” или “Прекрасно!” – немного нараспев и слегка (“по-петербуржски”) грассируя. Надо сказать, что на подобного рода похвалы он был необыкновенно щедр.

Интеллигентная мягкость, которая, как уже отмечалось, при необходимости сочеталась с принципиальной твердостью (особенно в вопросах науки), составляла душевную основу Сергея Ивановича и находила выражение в манерах поведения, в всегда стремительной и легкой походке. Юношеский азарт, пыл души и увлеченность работой, притягательную силу “электрического” взгляда глубоких карих глаз он пронес через всю жизнь. Он никогда не отрывался от “злобы дня”, всегда был в гуще событий (в том числе общественно-политических и международных), остро ощущал актуальные потребности современной филологической науки, направленные на непосредственное служение обществу, и прививал это чувство своим ученикам и единомышленникам.

Имя Сергея Ивановича Ожегова давно вписано отдельной и важной строкой в историю русской (и мировой) лексикографии, в русскую национальную культуру и русское просветительство XX в. А Словарь Ожегова останется надежным свидетелем языка советской эпохи и послужит (и уже служит!) источником для многих интереснейших лингвистических исследований.

Видимо, начавшееся столетие должно ознаменоваться появлением нового однотомного словаря русского языка, по возможности зеркально отображающего в целостном многообразии языковой дух новой эпохи, нового – внешнего и внутреннего – состояния народа, носителя языка, новых представлений народа, нации о себе и окружающем мире (с соответствующими оценками этих представлений), обновленного общественного вкуса, уровня национального самосознания, наконец. Кто будет этим новым Ожеговым и каким будет однотомный словарь XXI в. (“новый Ожегов”) – покажет время.

Что касается судьбы однотомного “Словаря русского языка” Сергея Ивановича Ожегова, то эта великая книга навсегда останется рукотворным памятником ее создателю – словарнику от Бога, талантливому лексикологу, историку русского литературного языка, тонкому и прозорливому стилисту–нормализатору, умелому и плодотворному организатору отечественной филологической науки.

Литература

- Реформатский А.А.* Сергей Иванович Ожегов (Некролог) // ИАН СЛЯ. – М., 1965. – № 2. – С. 192–193.
- Чуковский К.И.* Памяти С.И.Ожегова // Лит. газета, 22 дек. 1964 г.
- Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // ИАН СЛЯ. – М., 1940. – № 43. – С. 89–117.

Основные работы С.И.Ожегова

- Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Изд 1. – М., 1949. – 968 с., Изд. 23. – М., 1991. – 916 с.
- Ожегов С.И.* Материалы для истории русского литературного произношения XVIII – нач. XIX в. // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – М., 1949. – Т. I. – С. 51–68.
- Ожегов С.И.* О языке купеческой комедии П.А.Плавильщикова // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – М., 1951. – Т. 2. – С. 55–93.
- Ожегов С.И.* Основные черты развития русского языка в советскую эпоху // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – М., 1951. – Т. 10, Вып. 1. – С. 22–36.
- Ожегов С.И.* Из истории слов социалистического общества // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. – М., 1952. – Т. 1. – С. 67–76.
- Ожегов С.И.* О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопр. языкознания. – М., 1952. – № 2. – С. 85–104.
- Ожегов С.И.* Вопросы культуры речи // Вестн. Акад. наук СССР. – М., 1953. – № 10. – С. 11–22.
- Ожегов С.И.* Вопросы лексикологии и лексикографии // Труды Ин-та яз. и лит. Латв. ССР. – Рига, 1953. – Т. 2. – С. 107–122.
- Ожегов С.И.* Об упорядочении русской орфографии // Рус. яз. в шк. – М., – 1954. – № 5. – С. 41–43.
- Ожегов С.И.* Очередные вопросы культуры речи // Вопр. культуры речи. – М., 1955. – Вып. 1. – С. 5–33.
- Ожегов С.И.* О структуре фразеологии: (В связи с проектом фразеологического словаря русского языка) // Лексикографический сборник. – М., 1957. – Вып. 2. – С. 31–53.

- Ожегов С.И.* Лексика // Русский язык и советское общество. Проспект: (Материалы Всесоюз. конф., посвящ. закономерностям развития лит. яз. народов СССР в сов. эпоху). – Алма-Ата, 1962. – С. 5–22.
- Ожегов С.И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи: Учеб. пособие для вузов / Вступ. статья и коммент. Л.И.Скворцова. – М., 1974. – 352 с. [важнейшие работы С.И.Ожегова].
- Библиографию трудов С.И.Ожегова:(1946–2001)* см. Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рожд. С.И.Ожегова. – М., 2001. – С. 555–557.

Основные работы о С.И.Ожегове

- Бельчиков Ю.А.* Сергей Иванович Ожегов: (К столетию со дня рождения) // шк. – Рус. яз. в шк. – М., – 2000. – № 5. – С. 92–96.
- Булахов М.Г.* Ожегов Сергей Иванович // Булахов М.Г. Восточно-славянские языковеды: Биобиблиогр. словарь. – Минск, 1977. – Т. 3. – С. 111–118.
- Никитин О.В.* Сергей Иванович Ожегов // Моск. журнал. – М., 1999. – № 8. – С. 26–35.
- Ожегов С.С.* Отец // Дружба народов. – М., 1999. – № 1. – С. 205–217.
- Реформатский А.А.* Памяти Сергея Ивановича Ожегова (1900–1964) // Вопр. культуры речи. – М., 1965. – Вып. 6. – С. 3–5.
- Скворцов Л.И.* С.И.Ожегов – М., 1982. – 112 с.
- Скворцов Л.И.* Сергей Иванович Ожегов (1900–1964) // Отечественные лексикографы XVII–XX вв. – М., 2000. – С. 315–332.
- Скворцов Л.И.* Сергей Иванович Ожегов – человек и словарь // Вопр. языкознания – М., 2000. – № 5. – С. 81–92.
- Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рожд. С.И.Ожегова. (Сб. статей).* – М., 2001 – 550 с.

В.А.Кочергина

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ПЕТЕРСОН

Выдающийся русский языковед Михаил Николаевич Петерсон (4.10.1885 — 22.11.1962) является лингвистом строгой Московской (фортунаатовской) школы. Знаток древних и современных языков, прежде всего — русского, он последовательно придерживался сравнительно-исторического направления в исследовании индоевропейских языков.

Многие лингвисты старшего и среднего поколения, работающие в области общего и сравнительно-исторического языкознания на базе славянских, германских, классических, индоиранских и финно-угорских языков, учились у этого замечательного языковеда и педагога.

Михаил Николаевич родился в семье юриста, затем судьи Николая Павловича Петерсона. В молодости Н.П.Петерсон по приглашению Л.Н.Толстого был учителем народной школы в Ясной Поляне. Он был близок семье Толстых и в последующие годы, переписывался с Львом Николаевичем. Вел он переписку и с Ф.М.Достоевским, был другом и

последователем философа Н.Ф.Федорова, труды которого позже готовил вместе с сыном к изданию.

Жизнь многочисленной семьи, в которой рос Михаил Николаевич, была богатой духовно и освященной дружбой детей и родителей. Дружбу с отцом и глубокое уважение к нему и к матери, Юлии Владимировне Огаревой, пронес Михаил Николаевич через всю жизнь.

В связи с частыми переездами семьи за отцом Михаил Николаевич поступил в гимназию в Ашхабаде несколько позже и в 1905 г. окончил гимназию в г. Верный (ныне — Алма-Ата). Учился всегда блестяще и поехал поступать в Московский университет. Однако в период Первой русской революции в связи с большими волнениями среди студентов занятия в университете были прерваны. По возвращении в г. Верный Михаил Николаевич поступает в войска верненского гарнизона для отбытия воинской повинности. “В университет удалось попасть только в 1909 г.”, — писал позже Михаил Николаевич в автобиографии. Он начинает учиться на историко-филологическом факультете, на вновь организованном отделении сравнительно-исторического языкознания.

Одновременно с М.Н.Петерсоном на это отделение переходит и Н.С.Трубецкой (1890—1938). Непосредственным учителем Михаила Николаевич на все годы учебы становится любимый ученик академика Ф.Ф.Фортунатова (1848—1914) профессор Виктор Карлович Поржезинский (1870—1929). Под его руководством М.Н.Петерсон знакомится с санскритом и литовским языком. Семинары на отделении ведет Дмитрий Николаевич Ушаков (1873—1942), которому Михаил Николаевич подает свое первое сочинение “Состав Остромирова Евангелия”. Эта чисто филологическая работа стала для Михаила Николаевича хорошей школой овладения старославянским языком и приемам работы над языком рукописей. В 1912 г. он предлагает оригинальное исследование на спорную тогда тему — “Долгота в польском языке”. К концу 1912 г. Михаил Николаевич представляет исследование по сравнительному языкознанию — “Аорист в индоевропейских языках”, высоко оцененное В.К.Поржезинским и профессором Ф.Брандтом (1853—1920), а М.Н.Петерсона предполагают оставить при Университете. В октябре 1914 г. Михаил Николаевич представляет сочинение “История и современное положение вопроса о двусловных базах”, отмеченное золотой медалью Московского университета.

К январю 1915 г. Михаил Николаевич выдержал магистерские экзамены и прочитал две пробные лекции. Одна — по назначению факультета — лекция “Ведийское наречие и санскрит”, другая — по собствен-

ному выбору — “Объем, задачи и метод синтаксиса”. С осени того же года М.Н.Петерсон был допущен в качестве приват-доцента к преподаванию на кафедре сравнительного языкознания и санскрита Московского университета. Первым лекционным курсом, прочитанным в 1916/17 учебном году, был курс “Сравнительный синтаксис индоевропейских языков”. Профессор В.К.Поржезинский привлек Михаила Николаевича к ведению практических занятий по своим лекционным курсам, в том числе и по курсу “Введение в языковедение” на Высших женских курсах, и предложил подготовить курс литовского языка к 1917/18 учебному году. Далее появляется курс “Санскрит” — 1918/19 учебный год, “Семасиология” — 1919/20 учебный год и, наконец, “Синтаксис русского языка” — 1920/21 учебный год. Еще ранее, с августа 1918 г. М.Н.Петерсон избирается преподавателем в Народный университет Шанявского и на Педагогические курсы новых языков, а в 1920 г. читает курс “Синтаксис русского языка” в Военно-педагогической академии.

“В 1919 г. мне было присвоено ученое звание профессора, что получило утверждение в 1925 г., — вспоминал позже Михаил Николаевич. — Только с этого времени я стал читать общие курсы: “Введение в языковедение” (1921/22 учебный год), “Сравнительная грамматика индоевропейских языков” (1922/23 учебный год), “Общее учение о строении языка” (1922/23 учебный год), “Современный русский язык” (1922/23 учебный год)”” (Кочергина, 1996: 41–42). В эти же годы вышли в свет две книги — “Синтаксис русского языка” (1923) и “Современный русский язык” (1929), курс “Введение в языковедение” (1929) и три учебных пособия по этому курсу (Изд. Бюро заочного обучения). М.Н.Петерсон публикует статьи в журналах “Печать и революция”, “Родной язык в школе”, пишет статьи для Большой Советской Энциклопедии.

С 1920 г. М.Н.Петерсон — бессменный секретарь Московского Лингвистического Общества, вплоть до его ликвидации в 1923 г. Он — постоянный участник комиссий Наркомпроса и Государственного ученого совета (ГУС’а), призванных обновить обучение, организовать издание учебников для школы и обеспечить подготовку квалифицированных учителей. На одной из конференций Наркомпроса Михаил Николаевич выступил с докладом “К реформе преподавания иностранных языков”. В 20-х годах он — член Секции методики преподавания иностранных языков при II МГУ. Позже (1944) он был награжден значком “Отличник народного просвещения”.

В 1925 г. М.Н.Петерсона как действительного члена Научного института языка посылают на три месяца в научную командировку во Францию. Там он работает в библиотеках Парижа и Сорбонны, знакомится с А.Мейе (1866–1936), убеждается в недостаточном знании за рубежом научного наследия Ф.Ф.Фортунатова.

В 1931 г. М.Н.Петерсон был командирован в Швейцарию, в Женеву для участия во II Международном лингвистическом конгрессе. Он смог установить научные контакты с рядом зарубежных коллег — с Л.Ельмслевом (1899–1965), известным русистом Б.Унбегауном (1898–1973), слушал доклады А.Дебруннера (1884–1958), О.Есперсена (1860–1943).

В связи с реорганизациями в области гуманитарного образования в России в 20–30-е годы Михаил Николаевич переходит в Московский государственный педагогический институт (бывший II МГУ), где преподает до осени 1937 г., когда начинает работать в Научно-исследовательском институте начальной школы (до ликвидации его в 1938 г.). С октября 1938 г. до осени 1941 г. он заведовал кафедрой в Государственном педагогическом институте, работая там по совместительству до 1945 г. С октября 1938 г. до осени 1941 г. Михаил Николаевич был профессором Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ). В 1942 г. он возвращается в Московский университет, где в декабре 1941 г. был воссоздан (на базе МИФЛИ) филологический факультет. С 1944 г. Михаил Николаевич приступает к работе по совместительству в Институте языкознания в АН СССР в качестве старшего научного сотрудника. В конце 40-х — начале 50-х годов заниматься сравнительно-историческим языкознанием становится все труднее. Давление сторонников марровского учения о языке профессор М.Н.Петерсон испытал в полной мере. Как принципиальный противник учения Марра, Михаил Николаевич лишился возможности публиковать свои работы, читать любимые теоретические курсы. После дискуссии 1950 г. он смог возобновить чтение лекций по “Введению в языкознание”, но критика его работы продолжалась, и уже через год руководство кафедры передало курс другому лектору. Михаил Николаевич тяжело заболел и девять лет был прикован к постели. Он умер 22 ноября 1962 г.

Творческое наследие профессора М.Н.Петерсона в большей своей части не было опубликовано. Однако и то, что увидело свет, поражает разнообразием тематики и свежим подходом к решению поставленных вопросов. Уже студенческие работы Михаила Николаевича, упоминав-

шиеся выше, были направлены на исследование индоевропейских языков. Работа над курсами “Санскрит”, “Литовский язык”, а позже — “Древнегреческий язык”, “Латинский язык”, при владении основными современными индоевропейскими языками позволили накопить большой и свежий фактический материал по основным “опорным” языкам компаративистики. Михаил Николаевич мог опереться на курс Ф.Ф.Фортунатова (в изложении В.К.Поржезинского) “Сравнительное языковедение”. Он был хорошо знаком с работами младограмматиков, в частности К.Бругмана (1849—1919). Однако Михаил Николаевич пошел дальше, он отлично понимал роль сравнительно-исторического языкознания в научной подготовке отечественных языковедов. Он писал: “Индоевропейское языкознание имеет значение не только само по себе, но и как методологическая основа при изучении неиндоевропейских языков. В этой последней роли оно дало блестящие результаты при изучении финно-угорских языков (в Финляндии и в Венгрии), африканских языков и др. Как раз эта сторона особенно важна у нас, где в настоящее время получают письменность множество бесписьменных народов, изучаются совсем еще не изученные или плохо изученные языки” (Петерсон, 1928: 1).

Признавая еще в 1928 г. “безотрадную картину состояния индоевропейской лингвистики” (Петерсон, 1928:2) в нашей стране, профессор М.Н.Петерсон продолжал работать над курсом по сравнительной грамматике в течение всей жизни, будучи глубоко убежденным в его необходимости. Михаил Николаевич готовит монографию “Современные индоевропейские языки как материал для сравнительной грамматики индоевропейских языков” (Петерсон, 1952). К этому времени учебник “Сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков” был полностью подготовлен к печати, но так и остался неопубликованным (Петерсон 1950: 1—331) (Кочергина, 1996: 61).

М.Н.Петерсон как лингвист первых послереволюционных десятилетий откликнулся на социологические увлечения в науке о языке 20-х — 30-х годов статьей “Язык как социальное явление”. В ней он ставил задачу — дать “обзор того, что сделано по этому поводу в лингвистике” (Петерсон, 1927: 5). Он рассматривает теории В. фон Гумбольдта (1767—1835), Ф. Де Соссюра (1857—1923), анализирует идеи А.Мейе. Он выделяет четыре основные функции языка — коммуникативную, экспрессивную, номинативную и эстетическую. Именно в понятии “функция” видит М.Н.Петерсон главное при социологическом подходе к языку. Профессор М.Н.Петерсон “со всей определенностью показал естественный поступательный процесс в развитии социологических теорий,

касающихся языка, их непреходящее историческое значение, их неразрывность с внутрисистемным анализом языковой структуры, согласно каким бы взглядам ни был осуществлен последний” (Винокур, 1997: 18).

Большое внимание уделял профессор М.Н.Петерсон вопросам системного характера языка (Петерсон, 1946а) проблеме методов лингвистического исследования (Петерсон, 1946б), вопросам истории науки о языке. Идеи этих работ находили отражение в его теоретических курсах и прежде всего в курсе “Введение в языковедение”, который он читал на протяжении всей своей педагогической деятельности. В лекциях по “Введению в языковедение” профессор М.Н.Петерсон проводил идею разграничения синхронии и диахронии. Свой курс “Введение в языковедение” он строил на синхронном описании систем русского, французского, немецкого и английского языков. “Этот курс представляет большой интерес и во многом отличается от прежних курсов введения в языковедение, — писал ученик Михаила Николаевича профессор Петр Саввич Кузнецов. — В нем уделено большое внимание принципам типологической классификации языков по их грамматической (прежде всего морфологической) структуре, причем разобраны различные классификационные системы, кончая системой Сэпира” (Кузнецов, 1963: 93). Курс завершался изложением основных этапов истории индоевропейского языковедения.

Воспитанный в духе идей Ф.Ф.Фортунатова, М.Н.Петерсон принимал основные положения его учения о грамматической форме и форме слов, его учение о словосочетаниях. Для своих исследований он еще в студенческие годы избирает область, оставшуюся наименее разработанной в трудах Ф.Ф.Фортунатова — область синтаксиса.

Основы синтаксической теории М.Н.Петерсона заложила его книга “Очерк синтаксиса русского языка” (1923). Весь пафос книги был направлен против логической теории предложения, на борьбу с традиционными взглядами в области синтаксиса, нивелирующими отличие в синтаксических системах разных языков. “Борьба М.Н.Петерсона с традиционными теориями предложения имела глубокое положительное историческое значение”, — отмечал академик В.В.Виноградов (Виноградов, 1975: 528). С годами теоретические взгляды М.Н.Петерсона по вопросам синтаксиса претерпели определенное изменение. Он стал определять предложение как “слово или сочетание слов, представляющее законченное смысловое и интонационное единство” и стал разграничивать простое и сложное предложение. Михаил Николаевич вводит новый, ранее никем не применявшийся критерий различения главных и придаточных

предложений — соотношение абсолютных (в главном предложении) и относительных (в придаточных предложениях) глагольных времен. При исследовании синтаксиса Михаил Николаевич впервые начинает применять статистический метод, в чем заключается своеобразие и новаторство его синтаксической теории.

“Очерк синтаксиса русского языка” “представляет попытку решения вопроса о предмете и методе синтаксиса на конкретном материале, — писал позже М.Н.Петерсон. — В “Очерке” я стремился зафиксировать по возможности все явления русского синтаксиса и сопровождал их историческими справками о их происхождении. Хотя изучен был большой фактический материал и довольно обширная литература, но получилась только программа дальнейшей исследовательской работы по синтаксису русского языка. Исполняя эту программу, я принялся за изучение синтаксиса Лермонтова. Этюд первый “Словосочетание типа *птица летит*” был написан в 1923 г. (напечатан в 1927 г.). Другой этюд — “Конструкция с предлогом *из*” написан в 1926 г. (напечатан в сокращенном виде в 1930 г.). Другие этюды — в рукописи. При исследовании синтаксиса мной впервые употреблен статистический метод. Однако в таком виде он меня мало удовлетворил. Мне хотелось сделать цельное описание синтаксической системы какого-нибудь памятника. Для этой цели я выбрал “Слово о полку Игореве”. Работа была закончена в 1932 г., а напечатана в 1937 г. Эта работа представляет следующий этап в развитии моих синтаксических взглядов. Последний этап моих взглядов нашел себе выражение в “Синтаксисе французского языка”, написанном вместе с К.А.Ганшиной в 1934 г. и в настоящее время сданный в печать”. (Петерсон, Научные работы, 1938). Проблемам синтаксиса были посвящены и работы профессора М.Н.Петерсона 40–50-х годов.

Не только в работах по синтаксису, но и по морфологии, словообразованию и лексике Михаил Николаевич стремился дать представление о целостной картине определенного участка языковой системы на основе исследования конкретного языкового материала точными статистическими методами.

Большое место в многогранной деятельности профессора М.Н.Петерсона занимали проблемы научно обоснованного и методически правильного преподавания русского и иностранных языков в средней школе.

М.Н.Петерсон, крупный ученый-теоретик, являлся автором учебников для начальной школы (Петерсон, 1947). Он пользовался широкой известностью среди учителей, много сделал для организации преподава-

ния иностранных и особенно русского языка в школе. Каждый преподаватель русского и иностранного языков должен быть прежде всего специалистом-языковедом, считал Михаил Николаевич. Он читал лекции для преподавателей, приглашал их на свои семинары в Университет.

Большую роль сыграла книга Михаила Николаевича “Система русского правописания” (1955). Изучение правописания в школе можно значительно рационализировать, основываясь на его свойствах, — считал М.Н.Петерсон. На основе полученных статистических данных Михаил Николаевич пришел к практическому выводу: написания, соответствующие произношению, составляют 77%, не соответствуют произношению 23% написания слов. Русское написание основано на едином принципе — однообразии написания морфологических частей слова — основ, приставок, суффиксов, окончаний. Написания согласных чаще соответствуют произношению (67%), чем написания гласных (33%). Было установлено, на что надо опираться при изучении написания слов. Система русского правописания предстает в книге Михаила Николаевича как достаточно простая — в 3/4 случаев мы пишем так, как произносим. В этой системе все взаимообусловлено, обосновано и понятно. Михаил Николаевич показал, что “русское правописание — стройная система, в которой царит один принцип — единообразное написание морфологических элементов слова” (Петерсон, 1955: 4). Знание системы русского правописания должно “помочь составителям букварей и учебников русского языка, а также методистам” (Петерсон, 1955: 4).

Разработанная М.Н.Петерсоном система русского правописания помогала также и в работе по преподаванию русского языка иностранным учащимся. Сам Михаил Николаевич еще в 1938 г. составил программу по русскому языку для испанских детей, затем — для корейской средней школы. В 1947 г. выходит его обобщающая работа — “Учебник русского языка для нерусских школ”. При обучении русскому языку иностранных учащихся Михаил Николаевич опирался на незыблемые для него дидактические принципы — идти от простого к сложному и от знакомого к незнакомому, обучение должно быть осознанным (отвергал имитативную методику), и, наконец, необходима специфика обучения для каждой национальной аудитории. Профессор М.Н.Петерсон воспитал на основе своих педагогических принципов первое поколение преподавателей русского языка как иностранного.

Большое значение придавал Михаил Николаевич знанию истории языковедения. Свои работы в этой области он начал с истории зарубежной лингвистики, но затем основное внимание направил на изучение дея-

тельности отечественных языковедов XIX и XX в. Статьи о русских ученых писались регулярно с 1918 по 1952 г. Профессор М.Н.Петерсон пишет об И.А.Бодуэне-де-Куртенэ, далее о своем учителе В.К.Поржезинском, А.А.Шахматове, Е.Ф.Корше, А.А.Потебне и Ф.И.Буслаеве. Об этой стороне деятельности М.Н.Петерсона можно узнать только по архивным материалам: ни одна статья не была опубликована. Далее появляются его статьи об ученых-педагогах — К.Д.Ушинском, А.М.Селищеве, Г.О.Винокуре. Последняя и ряд других статей об отечественных языковедах тоже не были напечатаны. Михаил Николаевич посвятил две статьи академику Ф.Ф.Фортунатову (Петерсон, 1939, Петерсон 1946) и подготовил первое издание его трудов в двух томах со вступительной статьей в первом томе.

Особую линию исследований составляют чисто филологические работы профессора М.Н.Петерсона, посвященные изучению языка и стиля. Таковы, например, работы “Язык Слова о полку Игореве” (Петерсон, 1937), “Древнейшие памятники литовского языка” (Петерсон, 1948), рукопись 1949 г. “О языке романа Фадеева “Молодая гвардия””, рукопись “О языке Суворова” и др. К работам этого же характера примыкают “Лингвистические требования к переводу” (Петерсон, 1951) и “К вопросу о методе анализа языка художественного произведения” (Петерсон, 1954).

Научное творчество профессора М.Н.Петерсона было исключительно многогранно. Его работы обнаруживают живую связь с современными проблемами исследования языка — с поисками в области теории синтаксиса, с выработкой строгих, объективных методов исследования языка, с обращением к вопросам социолингвистики.

М.Н.Петерсон явился инициатором создания экспериментально-фонетической лаборатории при Московском университете.

В 50-х годах Михаил Николаевич обратился к освоению математических методов анализа языка, стал серьезно заниматься повышением своего математического образования.

Он всегда оказывался в центре научной жизни, откликаясь на все новое и практически необходимое. С этим связана и еще одна сторона деятельности профессора М.Н.Петерсона — его деятельность как рецензента — знающего, строгого, доброжелательного. Многочисленные его отзывы и рецензии на работы учеников и коллег, которые писались им вплоть до последних лет жизни. Отзывы нередко писались по поручению Института языкознания и Института русского языка РАН.

Огромной непреходящей заслугой профессора М.Н.Петерсона явилось воспитание нескольких поколений отечественных языковедов.

Михаил Николаевич был прекрасным педагогом. Его приемы преподавания древних языков, методика проведения практических занятий по “Введению в языковедение”, манера чтения лекций были оригинальны и увлекательны. Михаил Николаевич много требовал от своих учеников, потому что искренне уважал их и верил в них. Он никогда не навязывал своих взглядов, а заботливо и доброжелательно воспитывал в своих учениках любовь к науке, самостоятельность мышления, научную добросовестность и честность. Как бы отражая многогранность научных интересов своего учителя, ученики профессора М.Н.Петерсона становились учеными различных ориентаций, избирали собственные пути в науке. И все они хранят благодарную память о своем Учителе.

Литература

- Виноградов В.В.* Синтаксическая система М.Н.Петерсона в ее развитии // Избранные труды: Исслед. по рус. грамматике. — М., 1975. — С. 517–532.
- Винокур Т.Г.* Взгляды М.Н.Петерсона на социальную природу языка в современном освещении // Вопросы сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков: Сб. памяти проф. М.Н.Петерсона. — М., 1997. — С. 14–23.
- Кочергина В.А.* Профессор М.Н.Петерсон. — М., 1996. — 136 с.
- Кузнецов П.С.* Памяти М.Н.Петерсона // Вестн. МГУ. Сер. 7, Филология, журналистика. — М., 1963. — № 2. — С. 91–94.
- Петерсон М.Н.* 1928 — Индоевропейское языковедение в СССР. Архив РАН, Фонд 696. Опись 1. Ед. хр. 24. — С. 1.
- Петерсон М.Н.* 1928 — Там же. — С. 2.
- Петерсон М.Н.* Язык как социальное явление // Учен. зап. РАНИОН. Ин-т. яз. и лит. Лингв. секция. — 1927. — Т. 1. — С. 5–21.
- Петерсон М.Н.* 1926 — К вопросу о применении сравнительно-исторического метода в области синтаксиса. — Архив РАН. Фонд 696. Опись 1. Ед. хр. 47.
- Петерсон М.Н.* 1938 — Научные работы. Рукопись от 9 июня 1938 года. Архив автора.
- Петерсон М.Н.* Академик Ф.Ф.Фортунатов // Рус. яз. в шк. — М., 1939. — № 3. — С. 79–84.

- Петерсон М.Н.* Проблемы метода в языкознании / Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. — М., 1946а. — Вып. 1. — С. 3–7.
- Петерсон М.Н.* Система языка // Изв. АН СССР. ОЛЯ. — М., 1946б. — Вып. 2. — С. 149–155.
- Петерсон М.Н.* Фортунатов и Московская лингвистическая школа // Учен. зап. Моск. ун-та. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. — М., 1946. — Кн. 2. Вып. 107. — С. 25–35.
- Петерсон М.Н.* Учебник русского языка для I класса начальной школы. — М., 1947. — 88 с.; Учебник русского языка для II класса. — М., 1947. — 119 с. (Обе работы — совместно с Н.С.Поздняковым и Е.Я.Фортунатовой).
- Петерсон М.Н.* Лингвистические требования к переводу. Архив РАН. Фонд 696. Описание 1. Ед. хр. 83 (1951).
- Петерсон М.Н.* 1952 — Современные индоевропейские языки как материал для сравнительной грамматики индоевропейских языков. 197 с. — Архив РАН. Фонд 696. Описание 1. Ед. хр. 88 (1952).
- Петерсон М.Н.* К вопросу о методе анализа языка художественного произведения // Вестн. Моск. ун-та. Серия Обществ. Наук. — М., 1954. — № 4. Вып. 2. — С. 85–90.
- Петерсон М.Н.* Система русского правописания. — М., 1955. — С. 3–107.

Основные работы М.Н.Петерсона

- Петерсон М.Н.* Очерк синтаксиса русского языка. — М.; СПб., 1923. — 130 с.
- Петерсон М.Н.* Русский язык: Пособие для преподавателей. — М.; Л., 1925. — 123 с.
- Петерсон М.Н.* Язык как социальное явление // Учен. зап. РАНИОН. Ин-т. яз. и лит-ры. Лингв. секция. — М., 1927. — Т. 1. — С. 5–21.
- Петерсон М.Н.* Проблемы индоевропейского языкознания за 10 лет: (С 1917 до 1927 года) в СССР // Учен. зап. РАНИОН. Ин-т. яз. и лит-ры. Лингв. секция. — 1929. — Т. 3. — С. 10–19.
- Петерсон М.Н.* Современный русский язык. — М., 1929. — 77 с.
- Петерсон М.Н.* Синтаксис русского языка. — М., 1930. — 106 с.
- Петерсон М.Н.* Введение в языковедение: Задания 1–16. — М., 1928–1929. — 320 с.; Изд. 2-ое: М., 1929–1931. — 276 с.
- Петерсон М.Н.* Синтаксис “Слова о полку Игореве” // Slavia. — Пг., 1937. — Роѣ 14, сеѣ. 4. — S. 547–592.
- Петерсон М.Н.* Лекции по современному русскому литературному языку: Пособие для студентов пединститутов. — М., 1941. — 172 с.
- Петерсон М.Н.* Фортунатов и Московская лингвистическая школа // Учен. Зап. Моск. ун-та. — 1946. — Кн. 2, вып. 107. — С. 25–35.

- Петерсон М.Н.* Современный французский язык. — М., 1947. — 208 с. (совместно с К.А.Ганшиной).
- Петерсон М.Н.* Древнейший памятник литовского языка: (“Простые слова катехизиса” М.Мажвидаса) // Вестн. Моск. ун-та. — М., 1948. — № 3. — С. 9–11.
- Петерсон М.Н.* О составлении этимологического словаря русского языка // *Вопр. языкознания.* — М., 1952. — № 5. — С. 70–78.
- Петерсон М.Н.* Введение в языкознание. — М., 1952. — 274 с. (изд. стеклогр.).
- Петерсон М.Н.* Система русского правописания. — М., 1955. — 108 с.
- Петерсон М.Н.* Очерк литовского языка. — М., 1955. — 160 с.
- Петерсон М.Н.* Академик Ф.Ф.Фортунатов // *Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды.* — М., 1956. — Т. 1. — С. 5–20.

Основные труды о М.Н.Петерсоне

- Виноградов В.В.* Русский язык: (Грамматич. учение о слове). — М., 1947. — 442 с. Изд. 2-е, 1972 (по указателю имен).
- Виноградов В.В.* Синтаксическая система М.Н.Петерсона в ее развитии // *Рус. яз. в шк.* — М., 1964. — Т 5. — С. 96–105.
- Петрянкина Л.М.* Теоретические основы методики орфографии в трудах Е.Ф.Будде и М.Н.Петерсона // *Учен. зап. Куйбышев. пед. ин-та.* — Куйбышев, 1960. — Вып. 32. — С. 239–271.
- Труды ученых филологического факультета Московского университета по славянскому языкознанию: Библиогр. указатель / Под ред. Бернштейна С.Б. и Нерсесовой Э.А.* — М., 1960. — С. 215–222.
- Бальчионис Й.* Профессор М.Н.Петерсон (Некролог) // *Вопр. лит. языкознания.* — Вильнюс, 1963. — Т. 6. — С. 335–336 (на лит. яз.).
- Кузнецов П.С.* Памяти М.Н.Петерсона // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. филология, журналистика.* — М., 1963. — № 2. — С. 91–94.
- Кочергина В.А.* Из истории советской санскритологии // *Там же.* — 1970. — № 2. — С. 89–91.
- Кочергина В.А.* Михаил Николаевич Петерсон // *Науч. докл. высш. шк. Филол. науки.* — М., 1970. — № 6. — С. 135–137.
- Прокопович Н.Н.* Профессор Михаил Николаевич Петерсон (1885–1962) // *Рус. яз. в шк.* — М., 1970. — № 4. — С. 106–111.
- Кочергина В.А.* Профессор М.Н.Петерсон // *Филология XX века в биографиях.* — М., 1996. — С. 4–136.
- Кочергина В.А.* Профессор Московского университета М.Н.Петерсон: (1885–1962) // *Вопросы сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков: Сб. памяти проф. М.Н.Петерсона.* — М., 1997. — С. 8–13.

- Винокур Т.Г.* Взгляды М.Н.Петерсона на социальную природу языка в современном освящении // Там же. — С. 14–23.
- Нецецкая М.Г.* Литуанистическое наследие М.Н.Петерсона // Там же. — С. 24–85.
- Рапова Г.И.* Учение М.Н.Петерсона о частях речи в его отношении к предшествующей грамматической традиции. — Там же. — С. 36–45.
- Боровская М.Г.* М.Н.Петерсон и преподавание иностранных языков // Там же. — С. 46–53.

О.К.Клименко

АЛЕКСАНДР МАТВЕЕВИЧ ПЕШКОВСКИЙ

Александр Матвеевич Пешковский (23.VIII.1878 — 27.III.1933, Москва) известен как крупный русский советский языковед и педагог-методист.

Юность А.М.Пешковского прошла в Крыму, куда в 1889 г. переехали его родители. В 1897 г. он закончил с золотой медалью Феодосийскую гимназию и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, откуда в 1899 г. был исключен за участие в студенческих волнениях. Два года А.М.Пешковский учился на естественном факультете Берлинского университета. Вернувшись в Россию, он в 1901 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета, однако весной 1902 г. за участие в студенческом движении опять был исключен из университета и на шесть месяцев заключен в тюрьму. Осенью 1902 г. был восстановлен в Московском университете, который закончил в 1900 г. В последующие годы преподавал русский и латинский языки в частных гимназиях Москвы. С 1914 по 1918 г. преподавал различные дисциплины на Высших педагогических курсах Д.И.Тихомирова. В 1918 г. получил должность профессора на кафедре сравнительного языковедения во вновь открытом Днепропетровском (б. Екатеринославском) гос. университете. Одновременно работал в Высшем институте народного образования и других учебных заведениях. В 1921 г. А.М.Пешковский вернулся в Москву и стал профессором Первого Московского госуниверситета, а также Высшего лит.-художественного института им. В.Я.Брюсова. С 1926 г. преподавал филологические предметы на педагогическом факультете Второго Московского госуниверситета, в Московском пед. институте им. В.И.Ленина и в Редакционно-издательском институте. По-

сле 1917 г. ученый вел также большую научно-организационную и методическую работу, являясь председателем Московской постоянной комиссии преподавателей русского языка, членом специальных ученых комиссий при Наркомпросе и Главнауке, лектором Московского и Центрального институтов повышения квалификации учителей-русистов. А.М.Пешковский активно участвовал в различных совещаниях и конференциях по народному просвещению и научным проблемам языкознания. А.М.Пешковский являлся также одним из редакторов журнала “Родной язык и литература в трудовой школе”. Он зарекомендовал себя как талантливый педагог-лингвист и методист. А.М.Пешковский много работал не только в области методики преподавания русского языка в школе, опубликовав ряд статей по специальным вопросам школьной практики, но также вел большую работу по составлению орфографического словаря для начальной и средней школы по заданию Учпедгиза. А.М.Пешковский предполагал согласовать правописание слов в этом словаре с большим орфографическо-грамматическим справочником, подготовлявшимся под его же редакцией к изданию в издательстве “Советская энциклопедия”. Но редакция большого справочника не была доведена им до конца, и не была проведена предполагавшаяся унификация противоречивых написаний. Только в 1956 г. идея унификации правил орфографии и пунктуации получила, наконец, практическое осуществление.

После смерти А.М.Пешковского словарно-орфографическую работу завершил Д.Н.Ушаков, орфографический словарь которого вышел в свет уже в 1934 г. Смерть А.М.Пешковского 27 марта 1933 г. была воспринята советской общественностью как неожиданная и тяжелая утрата.

Перу А.М.Пешковского принадлежит более 20 книг (научных, методических, педагогических, учебных) и более 40 статей по вопросам лингвистики и методики русского языка.

В научном наследии А.М.Пешковского имеется значительное число исследований по общим вопросам языкознания и русскому языку. Почти во всех его работах тесно переплетаются теоретические и методические вопросы. По всеобщему признанию, главным научным трудом А.М.Пешковского был “Русский синтаксис в научном освещении”, появившийся как раз в тот период, когда в русском языкознании четко обозначились методологические и методические расхождения между лингвистическими школами Ф.И.Буслаева, Ф.Ф.Фортунатова и А.А.Потебни. Критика грамматических взглядов Буслаева, содержащаяся в трудах русских лингвистов конца XIX и начала XX в. (Потебни,

Фортунова, Овсяннико-Куликовского и др.) слабо проникала в среду учительства. В то время грамматическая теория развивалась большей частью на материале памятников древнерусского языка, мало привлекался материал современного русского языка. Появление в свет к 1914 г. трудов А.М.Пешковского, и, в первую очередь, “Русского синтаксиса в научном освещении”, как нельзя более отвечало исторически назревшей потребности внести новизну в область науки и школы. Весь пафос этой книги А.М.Пешковского был направлен против формального подхода к явлениям грамматики. В предисловии к первому изданию “Русского синтаксиса...” автор прямо писал, что его задача сводится к тому, чтобы “дать представление возможно более широким слоям читающей публики о языковедении как особой науке и, в частности, о ее ветви — грамматике с дальнейшим подразделением на морфологию и синтаксис; обнаружить несостоятельность тех мнимых знаний, которые получены читателем в школе и в которые он обычно тем тверже верует, чем менее сознательно он их в свое время воспринял; отделить грамматическую сущность речи от ее логико-психологического содержания, показав, что у всех этих скучных падежей, наклонений, залогов и т.д. есть свое содержание, в школе игнорируемое и замещаемое логическим; наконец, устранить вопиющее смешение науки о языке с практическими применениями ее в области чтения, письма и изучения чужих языков — вот как определяются эти цели” (Пешковский, 1914: 4). Конечно, А.М.Пешковскому не удалось полностью избежать указанных недостатков, свойственных прежней учебной литературе по русскому языку. Поэтому в последующих изданиях книги он стремился по возможности усовершенствовать свою грамматическую концепцию, делая упор на то, чтобы привить учащимся научное отношение к явлениям языка и выработать в их сознании тонкую лингвистическую наблюдательность. Естественно, что научный подход невозможно сформировать без систематического изучения грамматики. Отсюда одно из важнейших требований А.М.Пешковского — изложить грамматические правила не только общедоступно, но и достаточно полно для понимания строя языка. Эта работа во многом предопределила современные направления в исследовании синтаксиса русского языка и методы практического изучения грамматики в широком понимании этого термина. Несмотря на известную непоследовательность в осуществлении своих теоретических принципов, А.М.Пешковский наряду с другими выдающимися грамматистами конца XIX — первой половины XX в. (А.А.Шахматовым, Л.В.Щербой, Д.И.Овсяннико-Куликовским, П.К.Грунским, Л.А.Булаховским, М.Н.Петерсоном) раз-

рабатывал фундаментальные проблемы построения русской речи и, бесспорно, сыграл важную роль в развитии современной лингвистической мысли. О том, какое большое влияние оказывали идеи А.М.Пешковского на его современников, можно судить хотя бы по высказыванию блестящего знатока русского языка Л.В.Щербы, который однажды заметил: “Из новой литературы я более всего обязан книге А.М.Пешковского “Русский синтаксис в научном освещении”, которая является сокровищницей тончайших наблюдений над русским языком” (Щерба, 1928: 5). Несколько раньше столь же высокую научную оценку этой книге А.М.Пешковского дал акад. А.А.Шахматов в своих разработках лекционного курса по синтаксису русского языка: “Совершенно особое место среди исследований по русскому синтаксису принадлежит замечательной книге А.М.Пешковского “Русский синтаксис в научном освещении”... Автор назвал свой труд популярным очерком, но я обращаю на него ваше внимание как на ценнейшее научное пособие; автор с удивительным талантом развил основные положения, добытые предшествовавшими исследователями, а прежде всего Потемной, но вместе с тем он внес в науку много нового и самостоятельного” (Шахматов, 1941: 7–8).

Чрезвычайно много оригинальных суждений о грамматическом строе и стилистических особенностях речевых средств русского языка содержится в учебных пособиях под общим названием “Наш язык” и в методических разработках к ним. Здесь подчеркивается, что научные сведения о языке необходимо давать с самого начала преподавания грамматики. Например, по мнению А.М.Пешковского, “понятие о разделении речи на предложения (в фонетическом смысле) и слова должно даваться как введение к обучению чтению, а звуковой анализ речи при этом обучении отнюдь не должен быть непременно фальшивым, как многие думают. Здесь же излагаются исходные понятия о речевых единицах. Согласно концепции А.М.Пешковского, в едином фонетическом потоке народное сознание выделяет не отдельные слова, а более крупные речевые отрезки (вслед за Д.Н.Овсянко-Куликовским и В.Гиппиусом он называет их “синтаксическим целым” и “фразой”, которые имеют одну из трех интонаций — законченноповествовательную, вопросительную, восклицательную — и соответствующий тройкий ритм. “По грамматическому составу своему такой кусок может быть и сочетанием предложений..., доходящий иной раз по объему и степени членения до целого периода..., и неполным предложением..., усеченным иной раз до пределов одного слова” (там же, с. 5). Эту ритмико-мелодическую единицу

А.М.Пешковский определяет как сказ, причем он предупреждает о недопустимости ее смешения с чисто грамматическими единицами — словосочетаниями и предложениями, которые должны изучаться на более поздних этапах школьного обучения языку. Характерно, что в таком именно плане А.М.Пешковский подготовил и книгу “Первые уроки русского языка” (1929), содержание которой составляют следующие вопросы: сказ и слово; слог и ударение в слове; звук и буква. Несомненно, книги “Наш язык” сыграли важную роль в перестройке преподавания русского языка в начальной и средней школе на научных основах. С этих же позиций автор подготовил ряд работ, вошедших в сборник “Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики” (1930). Во всех этих работах А.М.Пешковский последовательно проводил мысль, что учащимся необходимо приучать к сознательному пониманию употребляемой речи, к самостоятельному анализу наблюдаемых фактов и явлений.

Исключительный интерес представляют наблюдения А.М.Пешковского в области грамматической стилистики. В одной из своих работ он писал, что грамматические средства, кроме основной цели — сообщения мысли — могут выполнять дополнительную роль — воздействовать на воображение слушателя и возбуждать в нем эстетические переживания, оказывать влияние на волю слушателя, способствовать более легкому усвоению и восприятию содержания речи и т.д. Использование обычных средств языка, в том числе грамматических форм и конструкций, в особых целях А.М.Пешковский называл речевым стилем. На ярких примерах ученый показывает, как настоящие художники слова наделяют обычные грамматические средства дополнительными, стилистическими функциями, чтобы сделать речь более действенной и эмоционально выразительной (употребление глагольных времен, наклонений, категории лица).

А.М.Пешковский четко различал грамматические значения и стилистические функции грамматических средств. Он подчеркивал, что в стилистике должны изучаться и сравниваться не грамматические значения вообще, а лишь грамматические синонимы, к которым он относил “значения слов и словосочетаний, близкие друг к другу по их грамматическому смыслу”. Среди грамматических форм и категорий А.М.Пешковский особо выделял синтаксис, поскольку стилистические возможности в синтаксисе гораздо многообразнее и значительнее, чем в морфологии. Главной сокровищницей синтаксической синонимии русского языка А.М.Пешковский считал свободный порядок слов, допус-

кающий огромное количество перестановок, частично изменяющих значение всей фразы.

При рассмотрении лексической стороны А.М.Пешковский обращает внимание на то, что в художественном произведении каждое слово включено в систему образных средств, поэтому нельзя ограничиваться анализом только тропов (слов с переносным значением) или фигур (особых лексико-синтаксических приемов построения речи). Словарь произведения надо изучать в плане общей образности, но с обязательным учетом пропорционального размещения выразительных средств.

Не утратили научного значения работы А.М.Пешковского, в которых анализируются вопросы интонации, ударения и ритмики, при этом важно то, что А.М.Пешковский эти элементы речи рассматривает в зависимости от выполняемых ими функций и в связи с другими явлениями. Например, в статье “Интонация и грамматика”, напечатанной в сборнике “Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики” (1930), автор указывает три функции интонаций: выражение эмоциональной, словарной и грамматической стороны речи и замечает, что в последнем случае важную роль играют и реальные условия речи, при которых невозможно понимать слово в прямом смысле. Основное внимание в указанной статье уделено вопросу взаимоотношений интонации и грамматических явлений. В этой связи А.М.Пешковский различал две разновидности интонации — интонацию мелких речевых единиц, т.е. слога и такта, и интонацию крупных единиц, называемых простыми и сложными фразами. Как установил А.М.Пешковский, первый вид интонации менее существен в русском языке, а второй вид, т.е. фразовая интонация (у А.М.Пешковского — “фразная интонация”), выполняет очень важную роль, поскольку все без исключения фразы определенным образом интонированы для выражения того или иного значения.

Однако А.М.Пешковскому вначале не удалось преодолеть двойственность и противоречивость, которые были обусловлены влиянием двух далеко не родственных систем — системы Потебни и системы Фортунатова. Второе издание “Русского синтаксиса” (1920) мало что изменило в его внутреннем содержании (изменения и дополнения носили частный характер). Годы 1920–1928 были периодом наиболее энергичной и плодотворной научной и методической деятельности А.М.Пешковского.

А.М.Пешковский одним из первых начал борьбу с так называемым “ультраформализмом” в грамматике; он писал статьи, составлял школьные пособия по языку. Завершением этой деятельности ученого и явилось третье издание “Русского синтаксиса в научном освещении”

(1928), коренным образом переработанного и отразившего новую грамматическую концепцию А.М.Пешковского. В этом труде автор сделал плодотворные попытки дать материалистическое объяснение языковых фактов, стремился рассматривать грамматическую форму в неразрывной связи со значением (реальным и грамматическим).

Подобные научные искания автора и его методические устремления нашли новое выражение в его трехтомном учебном руководстве “Наш язык” (первое, издание первой части относится к 1922 г., последняя, третья часть — к 1927 г.), в четырехтомном учебном руководстве “Первые уроки русского языка” (изд. 1928–1931 гг.) и в многочисленных лингвистических и методических статьях в период 1917–1933 гг.

Главным предметом научной деятельности А.М.Пешковского были вопросы русского языкознания, в частности проблемы русского синтаксиса. Последнему и посвящен основной научный труд А.М. Пешковского “Русский синтаксис в научном освещении”. Первое издание названного труда было встречено весьма сочувственно как русскими, так и западноевропейскими лингвистами. Оно было премировано Академией наук в 1915 г. Ряд многочисленных отзывов и рецензий на эту книгу (профессоров Е.Ф.Будде, Л.А.Булаховского, Д.Н.Ушакова, позднее академиков А.А.Шахматова, Л.В.Щербы и др.) свидетельствует о том, что книга А.М.Пешковского — явление, действительно, необыкновенно крупное, решающее большие научные проблемы, хотя и не лишенное ряда ошибок формалистического порядка.

“Русский синтаксис в научном освещении”, значительно переработанный в 1928 г. и выражающий собой новую, более совершенную научную концепцию автора, явился ценным вкладом в советскую науку о русском языке. Названный труд определяет собой не только лингвистические, но и методические устремления автора. Большинство его статей является лишь детализацией этой его грамматической концепции, которую он активно пропагандировал и в целом ряде своих устных выступлений: на совещаниях, съездах и конференциях по специальным вопросам.

Значительное место в истории грамматики русского языка занимает и вторая книга А.М.Пешковского “Школьная и научная грамматика” (1914). Она в сущности является приложением к основному труду автора — “Русскому синтаксису”. Так, например, пространное введение этой книги (Пешковский, 1914б: 5–43) — не только самостоятельный очерк основных понятий синтаксиса, но в то же время и конспект “Русского синтаксиса”. В “Школьной и научной грамматике” А.М.Пешковский поднял ряд новых проблем (грамматика и интонация,

интонация и пунктуация и др.). Названная книга в последующих переизданиях перерабатывалась. К 1925 и 1930 гг. относится появление в свет его известных сборников по вопросам методики, лингвистики и стилистики.

Чтобы определить своеобразие лингвистического и методического наследия А.М.Пешковского и найти наиболее объективные критерии оценки его научно-педагогической деятельности, представляется целесообразным привести отзывы о А.М.Пешковском представителей современной науки о языке — лингвистов и методистов.

а) Ряд критиков (Л.В.Щерба, А.А.Шахматов, В.В.Виноградов, С.И.Бернштейн, Л.А.Булаховский, С.И.Абакумов, в последнее время и А.Б.Шапиро) считают, что труды А.М.Пешковского — большое научное явление; они вносят ценный вклад в науку о русском языке, являются базой и точкой отправления современных грамматических исследований;

б) вместе с тем некоторые из этих критиков (В.В.Виноградов, А.Б.Шапиро и др.) утверждают, что труды А.М.Пешковского — это неудачный синтез учений Потебни, Фортунатова, Шахматова, Ф. де Соссюра и других лингвистов. Эти труды, по их мнению, не имеют самостоятельного значения и во многом эклектичны;

в) своеобразную позицию занимают критики, оценивающие А.М.Пешковского как продолжателя логицизма, путающего грамматику с логикой (Е.Ф.Будде, частью М.Н.Петерсон, Д.Н.Ушаков);

г) крайним нигилизмом пронизаны высказывания критиков (Е.Н.Петровой и др.), утверждающих, что А.М.Пешковский — формалист, идеалист, лингвист буржуазного толка и по своим устремлениям чужд советской школе и советскому языкознанию и как лингвист, и как методист.

Так, в статье “Идеалистические основы синтаксической системы проф. А.М.Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия” (1950) В.В.Виноградов, правильно подвергая критике ряд ошибочных положений А.М.Пешковского, очень мало говорит о положительных сторонах его деятельности и в результате приходит к выводу, что, несмотря на множество конкретных тонких синтаксических наблюдений в области современного русского литературного языка, содержащихся в “Синтаксисе” А.М.Пешковского и в отдельных его статьях, несмотря на большой талант и глубокое языковое чутье этого ученого, лингвистические труды А.М.Пешковского не только не соответствуют, но и существенно противоречат методологическим установкам и требованиям советского языкознания. С.И.Бернштейн, подводя итоги рассмотрения прин-

ципов грамматической системы А.М.Пешковского и эволюции его взглядов, говорит об эклектизме А.М.Пешковского, но отмечает неуклонное движение его к преодолению формализма. “Путь, пройденный А.М.Пешковским, глубоко поучителен: из тупика “формальной грамматики” извилистыми тропами он вел в просторную область лингвистических построений на почве диалектического единства языка и мышления. Преждевременная смерть помешала А.М.Пешковскому дойти до цели, которая раскрывалась ему в последние годы со все возрастающей отчетливостью” (Бернштейн, 1938). Нельзя не отметить, что позднее в своем последнем труде “Русский язык” (1947) В.В.Виноградов при разрешении важнейших проблем грамматического изучения о слове обращается к А.М.Пешковскому как к одному из крупнейших авторитетов-лингвистов, упоминая его имя более чем на 80 страницах. Однако первоначальный свой тезис о двойственности и эклектичности системы А.М.Пешковского, как неудавшемся синтезе учений Фортунатова, Потемни и Шахматова, В.В.Виноградов не снял и не опроверг своего утверждения о том, что “на всем творчестве А.М.Пешковского лежит неизгладимая печать фортунатовской концепции”. Во всяком случае остается спорным вопрос о степени эклектизма А.М.Пешковского в его последних трудах, в том числе и в “Русском синтаксисе”.

Многообразие и сложность поставленных А.М.Пешковским проблем и трудность их решения обусловили собой известную неустойчивость первоначальной концепции А.М.Пешковского и необходимость дальнейшего пересмотра им своих позиций. Поэтому неудивительно, что в истории критики грамматической системы А.М.Пешковского последняя всегда рассматривалась как двойственная в своих исходных позициях и разноречивая в своем дальнейшем развитии.

С точки зрения А.И.Белова (Белов, 1958), существует больше оснований говорить не об одной, а о двух системах А.М.Пешковского. В самом деле, третье издание “Русского синтаксиса” (Пешковский, 1928), которое он начал готовить с 1923 г., внося мелкие поправки в предыдущие издания, вышло в свет в 1928 г. в совершенно новом, переработанном варианте. Но так как тема, объем, общелингвистические принципы, методы и основные устремления книги (не только научные, но и популяризационные) остались те же, то это побудило автора сохранить за книгой прежнее название. Таким образом, система синтаксиса изложена А.М.Пешковским дважды; и, несмотря на общность его устремлений, это по существу две системы, две существенно различные концепции. Если в первоначальной

своей редакции система А.М.Пешковского, завершая длительный путь поисков примирения между школьной и научной грамматикой, отражает период умеренного развития формальной грамматики и формально-морфологическую концепцию Фортунатова, то в новой концепции А.М.Пешковского совершенно отчетливо обозначена в качестве господствующей синтаксическая точка зрения Потебни; в новой концепции значительно сказались также и влияние Шахматова, углубившего и обогатившего напряженные синтаксические искания А.М.Пешковского. Шахматовская концепция, сближающаяся по общей своей синтаксической направленности с концепцией Потебни, в то же время выступает и в известном противоречии с системой Потебни; это касается в первую очередь учения о частях речи; существенным коррективом подверглось у Шахматова и учение о слове и грамматической форме и т.д. Все это в значительной мере сказалося на новой концепции А.М.Пешковского. Шахматовская концепция побуждала А.М.Пешковского к борьбе против морфологизма Фортунатова. Так, полемизируя по вопросу о разграничении двух целостных отделов грамматики (морфологии и синтаксиса), А.М.Пешковский замечает, что “если уж непременно “вливать” один отдел грамматики в другой, то все же лучше морфологию в синтаксис, чем синтаксис в морфологию” (Пешковский, 1929: 51). Но А.М.Пешковский против механического слияния отделов грамматики, как и против механического их разграничения. Для него, как и для Потебни и Шахматова, синтаксис является решающим отделом грамматики потому, что всякая грамматическая форма (в том числе и форма отдельного слова) познается лишь в синтаксисе, т.е. в структурной связи слов — в предложении. И хотя А.М.Пешковский в своей новой концепции терминологически отстает, что для него предметом синтаксиса является не предложение, а “форма словосочетания”, тем не менее это понимается им не в формальном фортунатовском смысле: заполняя брешь между словом и предложением при помощи “формы словосочетания”, А.М.Пешковский вводит в определение частей речи синтаксический момент и тем самым разрушает призрачную цельность фортунатовского построения. В статье “Еще к вопросу о предмете синтаксиса” он прямо заявляет, что позиция Фортунатова в “сущности игнорирует собственно синтаксическую точку зрения на язык”, что “синтаксис при таком взгляде делается почти исключительно достоянием корневых языков” (Пешковский, 1929: 50). Все это свидетельствовало не только о глубочайшем кризисе “формализма”, но и о способности автора “Русского синтаксиса в научном освещении” выйти за пределы формальной

грамматики и идти к лингвистическим построениям на почве диалектического единства языка и мышления.

Новая концепция А.М.Пешковского, выраженная в третьем издании “Русского синтаксиса” и в сборнике его статей “Вопросы методики русского языка, лингвистики и стилистики” (1930), свидетельствует о глубоком стремлении ее автора привести свою систему в соответствие с научными достижениями его времени. Но обе эти концепции, как указывает С.И.Бернштейн, “в истории русского языковедения сыграли одинаково важную, хотя и различную по содержанию роль” (Бернштейн, 1938: 14). Если первая более чем на десятилетие утвердила в преподавании грамматики “формальное направление”, то в дальнейшем оказалось, что в системе этой много неустойчивости и противоречивости, и сам А.М.Пешковский занялся пересмотром своей прежней системы, хотя внешне положение формальной грамматики в то время казалось устойчивым и прочным. Этот пересмотр был в значительной степени обусловлен влиянием грамматической системы А.А.Шахматова. Шахматовская концепция и послужила А.М.Пешковскому отправной точкой для пересмотра построенной им системы, о чем говорит и сам А.М.Пешковский в предисловии к третьему изданию “Русского синтаксиса” (Пешковский, 1938). По мнению А.И.Белова (Белов, 1958: 35), влияние Шахматова на А.М.Пешковского нельзя преувеличить и считать его непосредственным; влияние это было прежде всего в принципах, в самой методологии синтаксического исследования.

Две грамматические системы — система Потевни и система Фортунатова — представлялись тогда А.М.Пешковскому не как полярно противоположные системы, а воспринимались им в одном и том же плане — как “новое грамматическое направление”, “психологическое направление”, как различные оттенки оппозиции “логической грамматике”. “Скудные сходства между ними были в то время заметнее, чем разделяющая их пропасть, — замечает С.И.Бернштейн. — Эти расхождения стали актуальны лишь после появления книги А.М.Пешковского и в значительной мере благодаря ее появлению, когда развернулась дискуссия по вопросу о “формальной грамматике” (Бернштейн, 1938: 13–14).

А.М.Пешковский же, настаивая на отделении синтаксиса от логики, в то же время говорил, что школьные определения подлежащего и сказуемого (т.е. логические определения) “выражают, по правде говоря, самую суть дела, в том смысле, что перебрасывают необходимый мост между грамматикой, с одной стороны, и психологией и логикой — с другой” (Пешковский, 1914: 385). Эволюция взглядов А.М.Пешковского

имела прогрессивный характер. И совершенно естественно, что в его трудах обнаруживается “смена веж”, смена исходных ориентиров и принципов в его грамматической системе. Это особенно сказалось в третьем издании его основного научного труда — “Русского синтаксиса” — и в последующих его статьях, где с еще большей категоричностью утверждается ведущая роль синтаксиса в грамматике; синтаксис в системе А.М.Пешковского все больше выступает как организационный центр грамматики. Изменение лингвистических взглядов А.М.Пешковского предопределило и новую методологию его исследований: части речи, например, выступают теперь как “главные категории мысли”, а грамматический строй языка — как живая и подвижная система, в которой слова и формы слов функционируют как подвижные звенья значимых рядов, образуемых грамматическими категориями. В выборе же отправной точки языкового исследования А.М.Пешковский приходит к признанию шахматовской “системы двойных соответствий”, акцентируя вторую часть формулы “от значения к звуку” (при первой “от звука к значению”) и своеобразно переключая идею единства языка и мышления в формулу о “звукозначениях”.

Автор рассматривает свою книгу как “педагогическую обработку” системы Потевни (и тесно примыкающей к ней популяризации Овсяннико-Куликовского) и основных положений Фортунатова. А.М.Пешковский признает неизбежность “некоторой насильственности в классификации языковых явлений”, но “в последнем сказался опять-таки педагог-автор”. Поэтому по педагогическим мотивам он считает неизбежным, что в школе все области знания “принимают более или менее угловатые догматические очертания”. “Но мост между наукой и школой, давно созданный для других наук веками практики, — говорит А.М.Пешковский, — для языковедения, как науки исключительно молодой, *только что начал строиться*. Вложить свой скромный камень в эту постройку и было одной из целей автора”.

Однако автор своей книгой преследует не только эти чисто педагогические цели. Главные его цели были и остались значительно шире. В частности, автор намечает “отделить грамматическую сущность речи от ее логико-психологического содержания, показать, что у всех этих скучных падежей, наклонений, залогов и т.д. есть *свое* содержание, в школе игнорируемое и замещаемое логическим” (Пешковский, 1914а).

Говоря о двух отделах грамматики (морфологии и синтаксисе), А.М.Пешковский всюду подчеркивал приоритет синтаксического начала. “На первый взгляд можно подумать, что в синтаксисе изучается то

же самое, что и в морфологии, только в другом порядке; ведь всякое сочетание состоит из отдельных форм, так что то, что изучается в морфологии порознь, то самое как будто бы изучается в синтаксисе в связи... Но дело в том, что форма сочетания слов зависит не только от той или иной комбинации отдельных слов, но и 1) от слов, не имеющих формы, но входящих в те же сочетания, 2) от порядка слов, 3) от интонации и ритма” (Пешковский, 1956: 78). Мысль А.М.Пешковского о приоритете синтаксического начала в своих теоретических основаниях резко отличается от тезиса Марра и его “учеников” о синтаксисе как самой существенной части звуковой речи; Марр и его “ученики” совсем выбрасывали морфологию за борт грамматики, А.М.Пешковский же, наоборот, морфологию ценил очень высоко. В лингвистической литературе часто отмечалось, что А.М.Пешковскому не удалось правильно понять взаимоотношения двух отделов грамматики (морфологии и синтаксиса); правильно понимая их взаимосвязь, он-де преувеличивал роль синтаксиса в грамматике. Но для А.М.Пешковского морфология и синтаксис — это не две различные области грамматики; он считает, что лексико-морфологическая сторона речи (слова в их значениях и формах) выполняет функцию синтаксического назначения. Сравнивая нашу речь с цветным окном готического собора, А.М.Пешковский так определяет общее значение синтаксических форм: “Синтаксические элементы — это те толстые свинцовые спайки, которые скрепляют все стекла в одну прозрачную картину” (Пешковский, 1914: 357). Таким образом, и синтаксис и морфология, по А.М.Пешковскому, имеют дело в сущности с одним и тем же предметом исследования, но трактуют его неодинаково. В последующем своем развитии А.М.Пешковский все больше подчеркивал роль синтаксического начала в грамматике и пришел к убеждению, что абсолютно несинтаксических категорий в языке не существует, что только приоритет синтаксических категорий над морфологическими обеспечивает нам связность речи и возможность говорения и понимания. Известно, что после смерти Н.Я.Марра усиливалось тяготение рассматривать синтаксис в качестве квинтэссенции языка как надстройки. Выдвигалось требование: свести морфологию к синтаксису (она, по Марру, “лишь техника для синтаксиса”), фонетика и морфология объявлялись “языковой техникой”; заператься ими — удел несчастных формалистов. В синтаксисе, в совокупности синтаксических отношений марристы искали идеологию, “лингвистическую стадию” классовых взаимоотношений. А.М.Пешковский не имел никакого отношения к этой вульгарно-социологической концепции в языкознании. Однако упорное подчерки-

вание А.М.Пешковским синтаксического начала как ведущего иногда было чрезмерным, что не могло не вести в методике преподавания русского языка к излишнему преувеличению роли синтаксиса. Учение А.М.Пешковского об отсутствии “абсолютно несинтаксических категорий” восходит к учению Фортунатова о формах словообразования и формах словоизменения, а также к учению Поттебни, отрицающего грамматическую и лексическую реальность отдельного слова (она познается, по мысли Поттебни, только в предложении). Положительное значение системы синтаксиса у А.М.Пешковского заключается в том, что он, нарушив фортунатовское понимание синтаксиса как учения о формах словосочетания, по существу под видом словосочетаний представил синтаксис как учение о предложении, тем самым устанавливая естественную связь грамматики с логикой и психологией, ибо предложение является ведущей, организующей единицей нашей речи, грамматически оформленной и выражающей относительно законченную мысль в акте общения между людьми.

Переходя к вопросу об учении А.М.Пешковского о грамматической форме, необходимо отметить, что формы слова и формы словосочетания А.М.Пешковский считал основными и в то же время труднейшими понятиями грамматики. Если в ранней своей концепции А.М.Пешковский безоговорочно принимает фортунатовское определение формы слова, как способности отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова, то в дальнейшем он все более решительно критикует учение Фортунатова о формах слова и отказывается от механического разрыва “формы” и “значения”; точка зрения Поттебни, утверждавшего, что “форма” есть функция “значения”, становится для А.М.Пешковского господствующей, хотя он и не отождествляет понятия “значение” и “форма”, как это звучит у Поттебни. И если А.М.Пешковский, вводя понятие “формальная категория”, не устранил некоторой сбивчивости в употреблении термина “форма”, то нельзя не видеть, что уже в промежуток между вторым и третьим изданием “Русского синтаксиса” А.М.Пешковский обнаружил в формулировке Фортунатова “неприглядность определения грамматики к определению формы”. “Я думаю, — пишет он, — что в определении грамматики Фортунатов сдвигал понятие формы несколько в другую сторону... приближая к понятию “слова, имеющего форму”... Думаю, что грамматика, как и другие отделы языковедения, не есть наука о “способностях” слов, а есть наука об определенных языковых фактах. Такими фактами являются формальные принадлежности слов в их отношениях

друг к другу и к материальным принадлежностям. А факты эти, конечно, суть проявления соответствующей общей *способности* слов, вернее, нашей способности сознавать их” (Пешковский, 1925: 17). И далее в этой же статье А.М.Пешковский, рассматривая вопрос о формах слов и словосочетаний, говорит, что “ультраформалисты” не видят синтаксических значений в языке, т.е. они понимают значения лишь в пределах отдельного слова. “Этот великий разрыв звуковой и смысловой стороны речи, недостаточно еще до сих пор подчеркнутый в литературе, делает чрезвычайно трудным разграничение понятий формы слова и формы словосочетаний, а с ними и разделение грамматики на морфологию и синтаксис”, — пишет А.М.Пешковский. В результате редакционной обработки фортунаговской формулы А.М.Пешковский приходит в третьем издании “Русского синтаксиса” к следующему определению: “Форма слова есть особое свойство его, в силу которого оно распадается по звукам и по значению на основу и формальную часть, причем по звукам формальная часть может быть и нулевой” (Пешковский, 1958: 16).

На примере анализа слова разговорчивый А.М.Пешковский подводит читателя к понятию основных элементов слова: основной значащей части — корня и формальных частей слова — аффиксов, которые разделяются в свою очередь на префиксы и суффиксы. В анализе слова *разговорчивый* представляет интерес сама идея выяснения скрытых в словах формальных значений. Эта идея была выражена А.М.Пешковским еще в первом издании его “Русского синтаксиса”: “Таким образом, в каждом слове, имеющем форму, — писал он, — заключено, с грамматической точки зрения, не одно значение, а по меньшей мере два: вещественное и формальное, причем формальных значений в словах обыкновенно несколько (Пешковский, 1914: 12). А.М.Пешковский отчетливо осознавал невозможность механического отсечения формы отдельного слова от форм словоизменения в связной речи, отчетливо понимал тесную связь и взаимодействие синтаксических и словообразовательных элементов речи. Это сказалось потом на третьем издании “Русского синтаксиса” в учении о частях речи, где он отказался от своей первоначальной классификации слов на “форменные” и “бесформенные”. Растущее во славу синтаксиса пренебрежение к чисто морфологическим особенностям разных классов слов побуждает А.М.Пешковского признать приоритет форм словосочетания над формами отдельного слова. Поэтому в дальнейшем А.М.Пешковский включает в понятие форм (форм словосочетаний) и порядок слов, и интонацию, и ритм, и характер связей между словами (Пешковский, 1938: 66).

Грамматическая форма понимается им теперь гораздо шире, чем прежде; в нее включается вся совокупность грамматических средств языка для обнаружения того или иного значения, грамматическую роль порядка слов, интонации и др.

Преодоление А.М.Пешковским узкого морфологизма фортуна-товского учения о форме было обусловлено не только влиянием взглядов Потемни и Шахматова, но и тем обстоятельством, что уже в самой первоначальной грамматической системе А.М.Пешковского были заложены такие синтаксические элементы, которые разрушали цельность фортуна-товской концепции. И дальнейшее углубление синтаксической точки зрения А.М.Пешковского нельзя рассматривать только как более или менее удачные “поправки и уточнения” к учению Фортунатова о форме слова, имеющие лишь некую относительную ценность; между тем именно к этому сводится смысл утверждения С.И.Бернштейна, когда он говорит, что у А.М.Пешковского “как бы ни были удачны сами по себе эти поправки и уточнения, ценность их все же очень относительна: они не затрагивают основной ошибки Фортунатова — произвольного сужения понятия грамматической формы” (Бернштейн, 1938: 16–17).

По-иному оценивает концепцию А.М.Пешковского Е.М.Га-лина-Федорук в статье “Понятие формы слова” (1941). Характеризуя школу Фортунатова и понимание ею формы слова, автор статьи при переходе к анализу взглядов А.М.Пешковского по этому вопросу говорит: “Несколько особняком стоит А.М.Пешковский, также один из последователей Фортунатова. В первые годы своей деятельности А.М.Пешковский сохранял в трактовке языковых фактов те же формалистические позиции”. Затем Е.М.Галкина-Федорук выявляет то отличное, что ставит А.М.Пешковского на особое место. Это прежде всего понимание А.М.Пешковским единства между значением слова в целом и его составными формальными частями. По А.М.Пешковскому, одинаковые по звукам формальные части могут иметь совершенно разные грамматические значения в зависимости от лексического значения слова; например, в слове *зател* приставка *за* выражает начало действия; в слове *записал* — *за* выражает законченность действия, потому что дело не только в формальных частях слова, но и во всем значении слова. Однако на пути преодоления Пешковским концепции Фортунатова морфологизм Фортунатова ощущается у А.М.Пешковского в очень сильной степени. Это особенно проявилось в его статье “В чем же, наконец, сущность формальной грамматики?” (1925).

Убедившись, что в свете фортунаговского учения о форме отдельных слов нельзя раскрыть и уяснить системы грамматических отношений между словами и группами слов в русском языке, А.М.Пешковский выдвинул понятие грамматической (формальной) категории как центральное грамматическое понятие своей системы. Это понятие категории отвечало его пониманию форм слова и форм словосочетания в их органической спаянности. А.М.Пешковский делает общее определение: “Формальная категория слов есть ряд форм, объединенный со стороны значения и имеющий, хотя бы в части составляющих его форм, собственную характеристику” (Пешковский, 1938: 57).

Уже в самом этом определении заключено нечто противоположное фортунаговскому понятию формы. Теперь с точки зрения соотношения моментов значения и звука А.М.Пешковский глубоко расходится с Фортунатовым. В этом определении важно не только то, что в основе понятия формальной категории лежит значение составляющих категорию форм, но и то, что наличие собственной звуковой характеристики считается для понятия грамматической категории необязательным. Таким образом, идея формальной категории, заимствованной А.М.Пешковским у Потебни и Шахматова, лишь по возможности приспособлена к фортунаговскому понятию формы, но это фортунаговское понятие формы фактически в системе синтаксиса А.М.Пешковского не реализовано.

Преодоление А.М.Пешковским фортунаговской концепции в понимании грамматической категории отметил В.В.Виноградов, который писал, что хотя “определение грамматической категории, включенное А.М.Пешковским в третье (последнее прижизненное) издание “Русского синтаксиса в научном освещении”, еще не освобождено от отражений и осколков фортунаговского учения о форме”, но “само это фортунаговское учение решительно преобразовано” (Виноградов, 1938: 78).

Новое понимание А.М.Пешковским грамматической формы и грамматической категории, иное понимание им соотношений между значением и звуком позволяет ему позднее осознать свои собственные ошибки и ошибки формалистов. А.М.Пешковский теперь по-новому понимает и самую методологию языкового исследования. А.М.Пешковским излагается путь исследования: от общего к частному, от смыслового к формальному.

Пешковский, рассматривая двойную систему соответствий на частных примерах (значение и формы повелительного наклонения и др.), приходит к выводу о невозможности разрыва значения и звуковой формы слова: и то и другое даны нам в единстве, и потому “первичным, основ-

ным методом, на котором зиждутся все другие, является выделение звукозначений и отыскание всевозможнейших отношений между ними” (Пешковский, 1930: 90). Этот методологический принцип языкового исследования использует автор и в своем “Русском синтаксисе в научном освещении” (1928), и в учебных книгах “Наш язык”, и в ряде других.

Слово и словосочетание являются у А.М.Пешковского двумя первичными и основными единицами грамматики, причем словосочетание понимается им (вслед за Фортунатовым) излишне широко: понятие предложения у него объявляется вторичным, выводным и рассматривается как одна из разновидностей словосочетания. Отсюда и самый синтаксис определяется им как тот отдел грамматики, в котором изучаются формы словосочетаний.

В этом заключается основная ошибка А.М.Пешковского; он теоретически неверно определяет предмет синтаксиса, объединяет в одно целое качественно разнородные понятия и, более того, растворяет понятие предложения в понятии словосочетания. Расширенное истолкование словосочетания как единственного объекта синтаксиса создавало для А.М.Пешковского огромные затруднения, так как сужало круг синтаксического исследования. А между тем А.М.Пешковский хорошо понимал, что только в предложении и через предложение осуществляется в языке социальная функция общения. Поэтому он в своем “Русском синтаксисе” разрабатывает главным образом понятие предложения, уделяя анализу типов предложения почти две трети своего труда по синтаксису.

Пешковский пытается выйти за пределы чисто внешнего (формального) определения словосочетания, найти в нем единство внешне-внутреннее. “Словосочетание есть два слова или ряд слов, объединенных в речи и в мысли” (Пешковский, 1938: 64). Важно отметить, что в форме слов и в форме словосочетаний А.М.Пешковский видит не только внешнюю, звуковую связь, когда при помощи форм слова образуются ряды слов (ср. *подарок отца и подарок отцу, пойду выброшу и пойду выбросить* и т.д.), но и значение, т.е. то реальное содержание (факты и явления действительности), которое закрепляется в словах и в словосочетаниях как лексико-грамматических категориях нашей мысли. А.М.Пешковскому не удалось разграничить понятия “формы слова” и “формы словосочетания”, хотя он и высказал весьма плодотворную мысль о необходимости видеть в форме словосочетания внешнее и внутреннее строение помимо комбинации форм слов в составе словосочетания. А.М.Пешковский обращает внимание на взаимодействие ряда других факторов в создании формы словосочетания, а именно: 1) на роль

слов, не имеющих формы, не входящих в то же сочетание; 2) на порядок слов; 3) на интонацию и ритм и 4) на характер связи между словами. Весьма плодотворной является мысль А.М.Пешковского о том, что комбинация форм слов в словосочетаниях тесно связана с вещественным значением слов, и, следовательно, сфера применения каждой формы словосочетания ограничена словарными условиями. Однако в языке существует немало форм словосочетаний более общего характера, не зависящих в своем применении от словарной стороны. Так, в словосочетании типа: именительный падеж существительного — согласуемый с ним глагол (*стол стоит, рыба плавает* и т.д.) могут быть употреблены любой глагол и любое существительное. Таким образом, по А.М.Пешковскому, следует различать общие и частные формы словосочетаний, причем степень “общности” и “частности” может быть различна.

Необходимо подчеркнуть, что А.М.Пешковский, раскрывая взаимодействие различных средств выражения значений в составе словосочетания, стремится выявить диалектическое единство формы и содержания. Все компоненты словосочетания: материя и форма, содержание и внешние признаки его выражения — это не механическая сумма слагаемых, а нечто цельное, фактически неделимое. “Ведь ясно, что ни комбинацию форм, образующих данное словосочетание, ни синтаксическую сторону значения бесформенных слов, ни интонацию, ни характер связей между словами мы не можем вынуть из словосочетания и отложить, положим, направо, а весь остаток налево. Дело идет не о частях словосочетания (частями его являются только отдельные слова), а именно о его разных сторонах как в звучании, так и в значении”, — пишет А.М.Пешковский (Пешковский, 1938: 72).

В.В.Виноградов при анализе учения А.М.Пешковского о словосочетаниях в соответствии с общей своей концепцией в отношении к А.М.Пешковскому делает следующее резюме: “А.М.Пешковскому было важно не внутреннее диалектическое единство формы и содержания, а внешнее проявление грамматического значения, нередко механически отождествляемое им с формой” (Виноградов, 1950: 40). Между тем А.М.Пешковский неоднократно подчеркивал теоретическую несостоятельность механического сопоставления формы и содержания, истолкования внешнего и внутреннего в языке как простого сосуществования формы и значения. В этом плане характерно его рассуждение о природе грамматической формы: “Всякая форма, — пишет он, — помещается, так сказать, на стыке своей внешней и внутренней стороны” (Пешковский, 1931: 3–5). Более того, когда А.М.Пешковский стремится выяс-

нить специфику грамматической природы словосочетания (внешнеграмматические связи слов в составе словосочетания — предложения), он подчеркивает взаимодействие и взаимообусловленность форм отдельных слов, входящих в единство, непрерывность грамматических связей между словами; с этой точки зрения, словосочетание представляется законченным “грамматическим рядом слов”, где формы отдельных слов не только ассоциируются с определенными грамматическими значениями, но и “связаны между собою согласованием, управлением и примыканием”. А.М.Пешковский правильно полагает, что “признак непрерывности связей, естественно характеризующий ту или иную синтаксическую величину как единство, признак, довольно слабо намеченный в литературе, здесь приобретает должный вес и место” (Пешковский, 1931: 10).

Следует особо выделить вопрос о принципах классификации словосочетаний по значению и о роли словосочетаний в предложении; одни из них выступают как предикативные, другие — как непредикативные. А.М.Пешковский считает возможным проводить классификацию словосочетаний кроме признаков по количеству слов (двусловные, трехсловные и т. п., в том числе и однословные), по формам (аффиксы, служебные слова, интонация, порядок слов) и по их значению и роли в предложении (имеется в виду главным образом употребление слова в роли сказуемого). По наличию или отсутствию сказуемого А.М.Пешковский устанавливает следующие разряды словосочетаний: 1) словосочетания, имеющие в своем составе сказуемое (или указание на опущенное сказуемое) или состоящее из одного сказуемого. Здесь рассматриваются глагольные, именные и инфинитивные сочетания (простые предложения); 2) словосочетания, имеющие в своем составе два или несколько сказуемых (сложные предложения). Легко заметить, эта классификация есть не что иное, как классификация предложений, о чем говорит и сам А.М.Пешковский (Пешковский, 1938: 185). А.М.Пешковский и предикативные словосочетания (т.е. предложения) рассматривает как разновидность словосочетаний в целом, растворяя учение о предложении в учении о словосочетании. Считая главными интонационными средствами в организации предложения и в выражении его содержания мелодику и ударение, А.М.Пешковский указывал, что различием интонаций определяются основные функциональные и вместе с тем модальные типы предложения — повествовательные, вопросительные и побудительные. Считая интонацию важным средством формирования и словосочетания, и предложения, А.М.Пешковский не проводил необходимого разграничения роли интонации в той и другой структуре. Остановимся теперь на

другой классификации словосочетаний, построенной А.М.Пешковским на иных принципах — на характере грамматической связи и отношений в парных словосочетаниях. А.М.Пешковский намечает два вида таких отношений: 1) отношения взаимно не совпадающие и (необратимые) подчинительные, например, *ножка стола*, но нельзя сказать *стол ножки*; отношения между учителем и братом в сочетании *учитель брата* не те же, что в сочетании *брат учителя*; 2) отношения взаимно совпадающие, или обратимые, сочинительные, например, в словосочетаниях *гражданин Иванов*, *красавица Зорька*, *брат-учитель* и т.д. Двойственность отношений в словосочетании восходит, по А.М.Пешковскому, к двойственности выражения этих отношений: “Там, где звуковой показатель отношения имеется лишь в одном из соотносящихся, отношения получаются взаимно не совпадающие и не обратимые; там же, где этот показатель имеется в обоих соотношениях, — взаимно совпадающие и обратимые” (Пешковский, 1938: 80). В.П.Сухотин отмечает, что данное подразделение, если иметь в виду его признаки (наличие звуковых показателей), не охватывает всех видов словосочетаний; например, в сочетаниях с наречиями, деепричастиями и инфинитивом звуковые показатели отсутствуют, отношения подчинительные, хотя перестановка (обратимость) оказывается возможной. Ср.: *хорошо читает — читает хорошо*, *поехал учиться — учиться поехал* и т.п. (Сухотин, 1950: 139). Более того, если эти понятия распространить на предложения (а они А.М.Пешковским понимаются как разновидность словосочетания), то различие сочинения и подчинения становится еще более шатким; часто характер отношений между частями сложносочиненного предложения даже с союзом и не допускает обратимости (перестановки). Однако, с точки зрения А.И.Белова, отрицание теории А.М.Пешковского об обратимости и необратимости словосочетаний как универсального средства их различия не может заслонить его исключительную наблюдательность в отношении характера связей между словами — разграничения им сочинительных словосочетаний и подчинительных (Белов, 1958: 112).

Однако теоретически неправильно решая вопрос о взаимоотношении словосочетания и предложения, А.М.Пешковский практически верно построил свой “Русский синтаксис” как учение о предложении. Но, видя в простых нераспространенных предложениях словосочетания и включая их в обычный раздел словосочетаний, А.М.Пешковский стирает грань между этими логико-семантическими и грамматическими разрядами речи. Вместе с тем следует отметить, что А.М.Пешковский никогда не подходил к определению предложения лишь с точки зрения его внеш-

неграмматических, структурных признаков, как того требовали формалисты (Будде и др.). Для А.М.Пешковского предложение — это выражение мысли. “Предложение есть слово или сочетание слов, выражающее мысль”, — формулирует он в первом издании “Русского синтаксиса” (Пешковский, 1914: 3). В этом определении само понятие предложения связывается с логическими категориями, находящими в предложении свое словесное выражение. И всякие попытки формалистов оторвать грамматические формы от мысли А.М.Пешковский всегда расценивал как шаг назад по сравнению с системой Потебни. Вместе с тем для А.М.Пешковского “мысль” — синоним термина “психологическое суждение”, т.е. такое соединение представлений, при котором мы сознаем соотношение между ними. Первое из них является психологическим подлежащим, второе — психологическим сказуемым. Сомнения А.М.Пешковского в методологической правильности учения о предложении на основе психологического суждения приводят его к все большему подчеркиванию “языковых признаков”. “Порядок слов, интонация и чисто психологический и логический анализ, — пишет он в шестом издании своей книги, — будут интересовать нас преимущественно со стороны тех противоречий, в которые они могут становиться с грамматическим анализом. Потому что цель наша — найти грамматическое подлежащее и грамматический предикативный член” (Пешковский, 1938: 232). Таким образом, в своей новой концепции А.М.Пешковский основывает определение предложения на грамматических признаках, отражающих категорию мысли. Такой главной категорией, по А.М.Пешковскому, является сказуемость. Но теперь уже у А.М.Пешковского понятие сказуемости зиждется не на общепсихологической базе, а на специально языковых наблюдениях, а интонационная сторона синтаксических явлений выделена, противопоставлена и до некоторой степени подчинена собственно формальной стороне. Отсюда и предложение теперь определяется как словосочетание, имеющее в своем составе сказуемое, или указывающее своим формальным составом на опущенное сказуемое, или, наконец, состоящее из одного сказуемого. Отказ от “психологического суждения” как исходной опоры в определении предложения и утверждение понятия “сказуемости” как фактора, образующего предложение, сближает А.М.Пешковского с концепцией Потебни. Однако подчеркивание формальных признаков отнюдь не значит, что А.М.Пешковский отказался от понимания предложения как выражения мысли. Развивая тезис Потебни о предложении “речи” как единственной языковой реальности и имея в виду социальную функцию предложения (как средство общения

между людьми), А.М.Пешковский подчеркивает “признак значения форм словосочетаний” и считает, что “среди этих значений на первое место должно быть поставлено то значение, для выражения которого вообще и существуют-то самые формы словосочетаний, да и весь язык вообще — значение выражения мысли, или сказуемость” (Пешковский, 1938: 184—185). Сказуемость, по А.М.Пешковскому, — важнейшая грамматическая категория, в которой тесно сцепляется речь с мыслью и которая выражается разными способами (морфологическими, синтаксическими, интонационными). Для А.М.Пешковского типы сказуемости — это “способы выражать человеческую мысль”. А.М.Пешковский отводил сказуемости непомерно большую роль, хотя не отрицал, что и подлежащее может выражать мысль. У А.М.Пешковского учение о предикативности глагола становится исходным в понимании грамматической и семантической сущности предложения. Предложение как бы произвольно вырастает из формы отдельного слова (и прежде всего из глагола), из формы словосочетания, из “формы сказуемости”. А.М.Пешковский иногда идет не от определения целого к его членам, а, наоборот, от частей к целому, стремясь узнать предложение по одной из его примет; такой главной приметой (компонентом), по А.М.Пешковскому, является сказуемость (глагольность).

Касаясь учения А.М.Пешковского о частях речи, следует отметить, что это учение в соответствии с общей эволюцией грамматических взглядов А.М.Пешковского также изменялось. Но изменения больше всего касались системы частей речи (группировки слов по грамматическим разрядам), общие же понятия частей речи (связи их с грамматическими категориями, связи с членами предложения и общая зависимость частей речи от данных морфологии и синтаксиса) изменялись во взглядах ученого менее значительно. Для А.М.Пешковского части речи — это категории (формы) грамматического мышления и, следовательно, категории мысли вообще. “Части речи, — говорит он, — есть не что иное, как основные категории мышления в их примитивной общенародной стадии развития” (Пешковский, 1938: 95). А.М.Пешковский считал, что самое понятие частей речи тесно связано с понятием грамматической категории, а последняя, по А.М.Пешковскому, создается всеми формами синтаксического окружения. При отнесении слова к той или иной части речи А.М.Пешковский исходил также из наличия у данного слова единства грамматического значения с определенной группой слов и с этой точки зрения критиковал ультраформалистов, которые понятие части речи связывали лишь с чисто внешними звуковыми показателями. Таким обра-

зом, общее понятие частей речи у А.М.Пешковского основывается на признании единства лексико-семантических и грамматических признаков слова, причем синтаксисом определяются и морфологические особенности слова, и отнесение слова к той или иной грамматической категории (части речи), как категории мышления. Преодолевая узкий морфологизм Фортунатова, А.М.Пешковский значительно способствовал более углубленному изучению грамматической природы частей речи, рассматривая смысловую (лексическую) и формально-грамматическую стороны частей речи в их единстве. А.М.Пешковский всегда подчеркивал взаимосвязь морфологии и синтаксиса, но в то же время он никогда не исключал специфики того и другого, что морфология и синтаксис — это во многих отношениях и самостоятельные области грамматики, и потому для него совершенно правомерно строгое разграничение морфологической (при частях речи) и синтаксической (при членах предложения) классификации. Исходя из понимания частей речи как основных категорий языковой мысли, А.М.Пешковский пытается найти те из них, которые являются наиболее типичными и от-кристаллизовавшимися в нашем сознании. Если в первой своей концепции (1914) он называл семь частей речи (глагол, существительное, прилагательное, причастие, наречие, деепричастие, инфинитив), то в новом варианте своей грамматической системы (с 1928 г.) он говорит лишь о четырех (существительное, прилагательное, глагол, наречие). Это изменение было обусловлено значительным смещением его общей лингвистической концепции, отказом от формально-морфологических принципов Фортунатова и углубленным развитием синтаксической точки зрения Потебни и Шахматова, новой методологией грамматического исследования, исходящей из единства вещественного и формального значений слова, из единства семантики слова и его грамматической формы. Вместо фортунатовского критерия деления слова на “форменные” и “бесформенные” теперь А.М.Пешковский пытается найти другую опору деления слов по разрядам. Уже в 1925 г. он говорит, что эти разряды не только особые основные словообразовательные формы языка, но и разряды слов со стороны значения. Именно поэтому он в третьем издании “Русского синтаксиса” отказался от категорического выделения инфинитива в особый разряд, рассматривая инфинитив как одну из основных форм каждого глагола и усматривая грамматическое и семантическое родство между инфинитивом и глаголом: инфинитив “можно образовать от каждого глагола, у него есть все видовые и все залоговые значения глагола во всех их мельчайших разветвлениях. Вот эта-то связь с глаголом при отсутствии связи

с другими частями речи и делает инфинитив глаголом, так как части речи являются основными категориями нашей языковой мысли”. Причастия и деепричастия он считает теперь смешанными категориями, тяготеющими прежде всего к глаголу.

При оценке наследия А.М.Пешковского А.В.Белов подчеркивает, что он своеобразно сочетал в себе качества лингвиста и методиста. “Он был теоретиком-новатором именно потому, что внимательно, глубоко наблюдал языковые явления, он честно пытался разрешить ряд сложных проблем грамматики, не уклоняясь от самых сложных и еще не решенных вопросов. Поэтому даже ошибки его поучительны, преодоление их в последующем развитии науки способствовало более правильному решению многих важных теоретических проблем современного русского литературного языка” (Белов, 1958: 224).

Литература

- Белов А.И.* А.М.Пешковский как лингвист и методист. — М., 1958. — 234 с.
- Бернштейн С.И.* Основные понятия грамматики в освещении А.М.Пешковского // Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1938. — С. 7–42.
- Виноградов В.В.* Идеалистические основы синтаксической системы проф. А.М.Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия // Исследования по русской грамматике. — М., 1975. — С. 441–487.
- Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М., 1947. — 452 с.
- Галкина-Федорук Е.М.* Понятие формы слова // Тр. Моск. гос. ин-та истории, филологии и литературы им. Чернышевского. — М., 1941. — Т. 9. — С. 94–132.
- Пешковский А.М.* В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? // Знамя рабфаковцев. — М., 1924. — № 1–2. — С. 30–43.
- Пешковский А.М.* Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики: Сб. статей. — М.; Л., 1930. — 176 с.
- Пешковский А.М.* Еще к вопросу о предмете синтаксиса // Рус. яз. в сов. шк. — М., 1929. — № 2. — С. 32–78.
- Пешковский А.М.* Интонация и грамматика // Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. — М., 1930. — С. 34–78.
- Пешковский А.М.* Научные достижения учебной литературы в области общих вопросов синтаксиса. — Прага, 1931. — 271 с.
- Пешковский А.М.* Наш язык: В 3-х т. — М., 1922–1926.
- Пешковский А.М.* Первые уроки русского языка: В 4-х т. — М., 1922–1931.

- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении: Изд. 1-е. — М., 1914; изд. 3-е. — М., 1928, изд. 6-е. — М., 1938. — 452 с., изд. 7-е. — М., 1956. — 511 с.
- Пешковский А.М.* Школьная и научная грамматика: 1-е изд. — М., 1914. — 115 с.
- Сухотин В.П.* Проблема словосочетания в современном русском языке // Вопросы синтаксиса. — М., 1950. — С. 132–178.

Основные работы А.М.Пешковского

- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении: Изд. 1-е. — М., 1914; изд. 2-е. — М., 1920; изд. 3-е. — М., 1928; изд. 4-е — М., 1934; изд. 5-е — М., 1935; изд. 6-е. — М., 1938. — 452 с.; изд. 7-е. — М., 1956. — 511 с.
- Пешковский А.М.* Наш язык: В 3-х т. — М., 1922–1926.
- Пешковский А.М.* Первые уроки русского языка: В 4-х т. — М., 1922–1931.
- Пешковский А.М.* Школьная и научная грамматика. — М., 1914–1927.
- Пешковский А.М.* Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики: Сб. статей. — М.; Л., 1930. — 176 с.
- Сухотин В.П.* Проблема словосочетания в современном русском языке // Вопросы синтаксиса. — М., 1950. — С. 132–178.

Основные работы о А.М.Пешковском

- Белов А.И.* А.М.Пешковский как лингвист и методист. — М., 1958. — 234 с.
- Березин Ф.М.* История русского языкознания. — М., 1979. — 222 с.
- Бернштейн А.М.* Основные понятия грамматики в освещении А.М.Пешковского // Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1938. — С. 7–42.
- Будагов Р.А.* Постановка эксперимента в “Русском синтаксисе” А.М.Пешковского // Человек и его языка. — М., 1974. — С. 203–210.
- Виноградов В.В.* Идеалистические основы синтаксической системы проф. А.М.Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия // Вопросы синтаксиса современного русского языка. — М., 1950. — С. 36–74.
- Олонцева И.В.* Грамматические взгляды А.М.Пешковского // Русские языковеды. — Тамбов, 1975. — С. 26–33.

В.М.Алпатов

ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ ПОЛИВАНОВ

Евгений Дмитриевич Поливанов (28.2.(12.3.)1891—25.1.1938) был лингвистом исключительно широких интересов, внесшим вклад во многие области общего и частного языкознания.

Недолгая жизнь ученого была богата событиями, его интересы далеко не исчерпывались лингвистикой. Евгений Дмитриевич родился в Смоленске в дворянской семье, окончил гимназию в Риге. В 1908 г. он поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета и окончил его в 1912 г., его главным учителем там был Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845—1929). Одновременно он в 1909—1911 гг. прошел курс японского разряда Практической восточной академии. Японский язык тогда почти не был известен в России, а после поражения России в русско-японской войне общественный интерес к Японии резко повысился. Евгений Дмитриевич наряду с учившимся вместе с ним в Практической восточной академии Николаем Иосифовичем Конрадом (1891—1970) стал основателем научного изучения японского языка в нашей стране.

По окончании университета Поливанов был оставлен там для приготовления к профессорскому званию. В 1913 г. он был приглашен Николаем Яковлевичем Марром (1864—1934), тогда деканом восточного факультета Петербургского университета, занять вакантную кафедру японского языка; 22-летний ученый был утвержден в звании приват-доцента. Трижды, в 1914, 1915 и 1916 гг., он совершил научные экспедиции в Японию, где изучал различные диалекты японского языка в полевых условиях, работал в фонетической лаборатории Императорского университета в Токио, общался с японскими лингвистами, которые впоследствии отмечали его влияние на их научные взгляды. Ряд японских

диалектов был описан Евгением Дмитриевичем впервые, ему также удалось первым в мировой японистике разобраться в характере музыкального японского ударения. Большинство публикаций Поливанова этого времени посвящены японскому языку, однако печатался он и по вопросам общего языкознания и индоевропеистики. В эти же годы вместе с Виктором Борисовичем Шкловским (1893—1984), Львом Петровичем Якубинским (1892—1945) и Романом Осиповичем Якобсоном (1896—1982) стал основателем ОПОЯЗ (Общества по изучению поэтического языка), вокруг которого сложилась известная формальная школа литературоведов.

В 1917 г. Евгений Дмитриевич, всегда интересовавшийся политикой, не прерывая занятий наукой, начинает активно участвовать в общественной жизни. После Февраля он стал членом Всероссийского совета крестьянских депутатов, от него был прикомандирован к Министерству иностранных дел Временного правительства, где некоторое время заведовал отделом печати. Первоначально он примыкал к левому крылу меньшевиков, а после Октября перешел к большевикам. В ноябре 1917 г. он стал одним из двух заместителей наркома иностранных дел Л.Д.Троцкого, в наркомате он ведал восточными делами и отношениями с Германией, готовил первоначальный вариант Брестского мира, возглавлял работу по подготовке к печати секретных договоров царского правительства.

В январе 1918 г. Поливанову пришлось уйти из Наркомата иностранных дел из-за конфликта с Троцким. Его деятельность в 1918—1921 гг. была активной: он заведовал Восточным отделом Информационного бюро Северной области, организатором китайской коммунистической секции при Петроградском комитете РКП(б), с отрядами красных китайцев участвовал в гражданской войне. При этом он не прекращал преподавания в Петроградском университете, несмотря на конфликты с большинством профессуры, не принимавшим революцию. В 1919 г. в возрасте 28 лет Евгений Дмитриевич получил звание профессора. В этом же году он был принят в РКП(б) (выбыл в 1926 г. в связи с прогрессирующей наркоманией).

В 1921 г. Евгений Дмитриевич навсегда уехал из Петрограда. Несколько месяцев он работал в Москве в должности заместителя начальника Дальневосточного отдела Коминтерна, одновременно преподавал в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). В том же году он был командирован в Ташкент для подготовки восстания в Синьцзяне, организовать которое не удалось. В Ташкенте Поливанов оставался до 1926 г. (в 1924 г. приезжал в Москву и читал курс японского

языка в Военной академии). Постепенно он отходил от административной деятельности, хотя некоторое время возглавлял Главлит Узбекистана. Основное место в его деятельности теперь занимали наука и преподавание, а также участие в языковом строительстве. Он был профессором первого в регионе Среднеазиатского государственного университета, активно выступал по вопросам формирования новой литературной нормы для узбекского и других тюркских языков, создания алфавитов для этих языков. Большинство публикаций Поливанова тех лет посвящено тюркским языкам, однако он печатал и работы по японскому, китайскому, грузинскому и др. языкам, по теории лингвистики.

В 1926 г. Евгений Дмитриевич несколько месяцев преподавал во Владивостоке, по некоторым данным, в это время еще раз посетил Японию. Из Владивостока он переехал в Москву, куда был приглашен в качестве “красного профессора”, способного вести борьбу с традиционной наукой. Московский период (1926–1929) стал самым плодотворным в жизни ученого. Он в это время возглавлял лингвистическую секцию Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), заведовал кафедрой национальных языков КУТВ, был профессором Московского института востоковедения. За эти годы он подготовил большое количество книг и статей по разнообразным проблемам общего и частного языкознания, активно участвовал в языковом строительстве.

Удачно складывавшаяся научная карьера рухнула в 1929 г. в связи с принципиальностью Евгения Дмитриевича. Он активно не принимал ненаучные положения “нового учения о языке” Н.Я.Марра (долгое время покровительствовавшего Поливанову) и решил открыто против него выступить. В феврале 1929 г. по инициативе Евгения Дмитриевича в Коммунистической академии состоялась “поливановская дискуссия”, на которой значительный численный перевес имели сторонники Н.Я.Марра. В заключительном слове Поливанов сказал: “Имею дело здесь с верующими — это прежде всего. Было бы смешно мне ставить своей задачей переубедить верующих” (Поливанов, 1991: 547).

Началась борьба с “поливановщиной” и травля ученого в печати. Не дожидаясь административных мер, Евгений Дмитриевич решил вернуться в Среднюю Азию, где, как ему тогда казалось, к нему хорошо относились местные руководители. С конца 1929 г. он начал работать в Самарканде в Узбекском государственном научно-исследовательском институте культурного строительства, в 1931 г. вместе с институтом переехал в Ташкент.

В 1929—1931 гг. в Москве еще продолжали выходить работы Поливанова, однако после выхода в 1931 г. книги “За марксистское языкознание”, где он повторил резкие оценки марризма, ученый потерял возможность печататься в Москве и Ленинграде. После этого до 1937 г. он мог публиковаться лишь в малоизвестных среднеазиатских изданиях или за рубежом, в том числе в “Трудах Пражского лингвистического кружка”, куда он посылал свои рукописи через Р.Якобсона. Однако и здесь большинство отправленных работ остались неопубликованными. Ташкентские публикации Поливанова в основном посвящены узбекскому и бухарско-еврейскому языкам.

Надежды Евгения Дмитриевича на спокойную работу в Узбекистане не оправдались: господство марризма распространилось и сюда. Ему не разрешили преподавать в Среднеазиатском университете, а из института, где он работал, ему в 1933 г. пришлось уйти под давлением марристов. Некоторое время он был без постоянной работы, но в 1934 г. киргизский тюрколог Касым Тыныстанов (1901—1938) пригласил его во Фрунзе (ныне Бишкек), где он стал работать в Киргизском институте культурного строительства, затем переименованном в Киргизский институт языка и письменности, и преподавать в педагогическом институте. Во Фрунзе его положение на некоторое время улучшилось. Двумя основными направлениями его научной деятельности в 1934—1937 гг. были изучение дунганского языка и киргизского эпоса “Манас”. Совместно с дунганским ученым Юсупом Яншансином он создает дунганскую письменность на латинской основе, участвует в нескольких дунганских экспедициях. В это же время он пишет последнюю работу по теории языка — “Словарь лингвистических терминов”. Он делает попытку вернуться в большую науку, послав рукопись словаря в Ленинград, однако последователи Н.Я.Масра ее отвергли, словарь опубликован лишь в 1991 г.

1 августа 1937 г. ученый был арестован во Фрунзе на основании присланной из Москвы шифротелеграммы, а затем этапирован в Москву. Основанием для ареста были прежние, давно прервавшиеся связи с Л.Д.Троцким, однако затем дело было переориентировано на “шпионаж в пользу Японии”. В заявлении Евгения Дмитриевича от 1 октября 1937 г. говорилось: “Прошу о прекращении тяжелых приемов допроса (физическим насилием), так как эти приемы заставляют меня лгать и приведут только к запутыванию следствия. Добавлю, что я близок к сумасшествию”; (цит. по Ашнин, Алпатов, 1997: 128), сохраняется текст оригинала. На суде 25 января 1938 г. Поливанов отказался от признания вины, что не имело никакого значения. В тот же день он был расстрелян

(Ашнин, Алпатов, 1997: 137). Реабилитирован Поливанов был лишь 3 апреля 1963 г.

Лингвистическая концепция Поливанова отразила многие черты новой, структуралистской лингвистической парадигмы, сложившейся в эпоху, когда работал ученый: понимание языка как системы, стремление рассматривать явления языка в их взаимосвязи, точность и четкость формулировок, признание правомерности синхронного подхода к языку, специальный интерес к фонологии. Вместе с тем он был продолжателем традиции, заложенной его учителем И.А.Бодуэном де Куртенэ. Поливанов писал: “Относительно прошумевшей посмертной книги де Соссюра можно уверенно утверждать, что в ней нет никаких новых положений, которые не были бы нам уже известны из учения Бодуэна де Куртенэ” (Поливанов, 1968: 185). Если перечисленные выше черты структуралистской парадигмы объединяли концепции Соссюра и Бодуэна де Куртенэ, то там, где эти концепции расходились, Евгений Дмитриевич последовательно продолжал и развивал идеи учителя. Вместо соссюровского понимания синхронии и диахронии как двух осей, не имеющих связи между собой, два выдающихся ученых рассматривали языковую статику как предельный случай динамики. Статическое исследование языка правомерно и необходимо, но оно неполно без изучения динамики, развития языка. Не принимал Поливанов вслед за своим учителем и тезис о несистемности диахронии, стремясь выявить системный характер языковых изменений, обусловленность одних изменений другими; классический пример — статья о “цепочечных” изменениях фонологической системы северных японских диалектов (Поливанов, 1924). Отличался Евгений Дмитриевич от большинства соссюрианцев и отказом ограничиваться рассмотрением “языка в самом себе и для себя”; для него всегда были характерны как интерес к проблемам социального функционирования языка, так и учет психологии носителей языков.

Наряду с развитием идей И.А.Бодуэна де Куртенэ Евгений Дмитриевич стремился к построению марксистской теории языка. Реально влияние марксизма проявилось прежде всего в двух пунктах: в подробном анализе социальных характеристик языка и в стремлении найти в закономерностях истории языков отражение законов диалектики. В частности, изменения фонологической системы путем скачка, ставшего результатом постоянно накапливавшихся изменений, он оценивал как проявление закона перехода количества в качество. Пытался он применить к лингвистике и другие теории, разработанные за ее пределами, в том чис-

ле концепцию исторического развития (историологии) видного историка Н.И.Кареева.

И под влиянием идей своего учителя, и под влиянием марксизма Евгений Дмитриевич отстаивал активный подход лингвиста к языку, тесную связь науки о языке с практикой; закономерным было его многолетнее участие в языковом строительстве. Он писал в книге “За марксистское языкознание”: “Лингвист... слагается: 1) из реального строителя (и эксперта в строительстве) современных языковых (и графических) культур, для чего требуется изучение языковой современной действительности, самодовлеющий интерес к ней и — скажу более — любовь к ней; 2) из языкового политика, владеющего (хоть и в ограниченных, пусть, размерах) прогнозом языкового будущего опять-таки в интересах утилитарного языкового строительства (одной из разновидностей “социальной инженерии” будущего); 3) из “общего лингвиста”, и в частности лингвистического историолога (здесь, в “общей лингвистике”, и лежит философское значение нашей науки); 4) из историка культуры и конкретных этнических культур” (Поливанов, 1960: 271). Особо здесь отметим специфический интерес бодуэновской школы к прогнозированию будущего развития языков. Последователи Ф. де Соссюра из этих четырех задач вторую и четвертую отбрасывали совсем, а две другие сужали, отрывая, в частности, “изучение языковой современной действительности” от решения практических задач.

В области фонологии Поливанов устойчиво сохранял подход, предложенный И.А.Бодуэном де Куртенэ, сохраняя, в частности, психологическое понимание фонемы, от которого в итоге отказался другой крупнейший представитель бодуэновской школы Л.В.Щерба. До конца жизни Евгений Дмитриевич сохранял термины “психофонетика” как синоним термина “фонология” и “звукопредставление”. Одной из наиболее известных за рубежом его работ стала статья, посвященная психологическому восприятию звуков чужого языка в связи с фонологической системой своего языка (Polivanov, 1931); русский вариант статьи включен в (Поливанов, 1968). Занимался он и вопросами структуры слога в языках разных типов.

Одной из оригинальных черт научного творчества Поливанова стал значительный интерес к изучению просодических явлений, прежде всего ударения и интонации. Начав с детального анализа японского ударения, он затем много занимался сопоставлением акцентуационных характеристик языков разного строя, заложив основы просодической ти-

пологии; особенно много об этом сказано в опубликованном томе “Введения в языкознание для востоковедных вузов” (Поливанов, 1928–1991).

Помимо синхронных исследований фонологии и акцентуации ученых много занимался вопросами исторической фонологии, прежде всего в связи с общей проблемой причин языковых изменений, исследовавшейся им преимущественно на фонологическом материале. Он указывал, что эти изменения происходят не в индивидуальной психической деятельности людей, а имеют коллективный характер. Однако он спорил с марристами, предлагавшими непосредственно объяснять всякие языковые изменения экономическими и политическими причинами. Он указывал, что такие причины влияют на изменения в языке лишь косвенно, влияя на “социальный субстрат” носителей того или иного языка, заставляя тех или иных людей менять язык, притом что на новый язык могут переноситься прежние привычки, а также способствуя или препятствуя языковым контактам. Основную же роль в языковом развитии играют внутриязыковые причины.

Среди этих причин Поливанов особо выделял (и тут следуя за И.А.Бодуэном де Куртене) “стремление уменьшить (сэкономить) расход трудовой энергии”; “это общая черта для всевозможнейших видов продуктивно-трудовой деятельности человечества” (Поливанов, 1968: 81). Однако “экономия трудовой энергии склонна осуществляться (и фактически осуществляется) именно лишь до тех пор, пока сокращение энергии не угрожает бесплодностью всего данного трудового процесса (т.е. недостижением той цели, для которой данный труд вообще предпринимается)” (Поливанов, 1968: 81). Если экономия превышает некоторый предел, мы уже не можем “быть услышанными и понятыми” (Поливанов, 1968: 82). То есть стремление говорящего к экономии произносительной (или письменной) работы ограничивается противоположным стремлением слушающего к максимальной разборчивости. Такая концепция повлияла, в частности, на Р.Якобсона и (видимо, через его посредство) стала основой известных идей Андре Мартине (1908–1999), проявившихся в его книге “Принцип экономии в фонетических изменениях”.

Другим вкладом Евгения Дмитриевича в диахроническую фонологию была теория конвергенций и дивергенций. Эта теория была им кратко изложена в статье (Поливанов, 1928) и более подробно в статье “Мутационные изменения в истории языка”, не изданной при жизни и включенной в посмертное издание (Поливанов, 1968). Здесь изменения фоно-

логических систем рассматриваются как дискретные (мутационные), этот процесс может приводить к разным результатам. Наряду с изменениями, влияющими лишь на качество отдельных фонем и не затрагивающими системы, могут происходить “изменения в самом составе фонологической системы, обуславливающие изменение числа элементов этой системы: 1) дивергенции, т.е. изменения, ведущие к увеличению числа элементов системы; 2) конвергенции, т.е. изменения, ведущие к уменьшению числа элементов системы... Наиболее крупными (по своим результатам) изменениями следует считать, разумеется, не процессы внутрифонемного порядка, а дивергенции и конвергенции” (Поливанов, 1968: 98–99). При этом именно конвергенции — “наиболее важный класс историко-фонетических изменений”, тогда как весьма часто “сопровождающие их дивергенции являются зависимыми от них” (Поливанов, 1968: 99).

Именно конвергенции являются результатом действия экономии трудовых процессов: они “есть не что иное, как неосознание (младшим поколением) того различия..., которое еще существовало (т.е. сознавалось) у старшего поколения” (Поливанов, 1968: 99). Ученый исследовал разнообразные примеры конвергенций в истории разных языков, более всего японского. Отметим, что во многих случаях у него речь идет об исторических процессах, не отразившихся в исторических памятниках и восстановленных методом внутренней реконструкции. Концепция развития фонологических систем через процессы конвергенций и сопровождающих их дивергенций также нашла развитие в лингвистике.

Помимо исследований общих процессов развития языков Поливанов много занимался и сравнительно-историческими исследованиями. Наряду с работами по индоевропеистике у него были и работы, посвященные выявлению родственных связей языков иных семей, в частности японского и корейского. Впервые им были отмечены сходства между японским языком и малайско-полинезийскими (в современной терминологии, австронезийскими). Корейский же язык он относил к алтайским.

И в области компаративистики Евгений Дмитриевич постоянное поднимал общетеоретические проблемы, высказывая нетрадиционные точки зрения по вопросам языкового родства. В развитие идей И.А.Бодуэна де Куртене он выдвинул положение о существовании гибридных по происхождению языков: “Японский язык гибридный по происхождению, амальгама южных, островных, австронезийских и, с другой стороны, западных континентальных, общих и корейскому (и другим восточноазиатским континентальным “алтайским языкам”) элементов”

(Поливанов, 1968: 151–152). Современная компаративистика, однако, как правило, не принимает такой подход: каждый язык относят лишь к одной семье. Японский же язык теперь относят к алтайской семье, хотя ряд древних австронезийских заимствований там существует (Старостин, 1991).

Нетривиальную точку зрения Поливанов выдвигал и в отношении связи языкового родства со структурными характеристиками языков. Здесь, разумеется, нет взаимно однозначного соответствия, однако “сходство в общей фонетико-морфологической характеристике (так называемом строе) языков уже может служить компасом для их генетического сближения” (Поливанов, 1968: 152). Впервые им также выдвинута идея о возможности построения сравнительной грамматики неродственных языков, естественно, не любых, а таких, где имеются массовые заимствования из одного в другой; он предлагал, в частности, построить сравнительную грамматику китайского языка и китайской подсистемы японского языка (Поливанов, 1928–1991: 51). И в исторических, и в компаративных исследованиях ученый широко пользовался двумя новыми для того времени методами: методом внутренней реконструкции и методом типологической верификации путем сопоставления с процессами, проходившими в истории других языков; оба метода сейчас широко используются.

Сравнительно мало среди сохранившихся трудов Евгения Дмитриевича тех, которые были бы посвящены вопросам теории грамматики. Однако в его грамматиках конкретных языков затрагиваются и общетеоретические проблемы, в том числе проблемы слова и частей речи. Поливанов стремился найти четкие критерии для членения текста на слова. В ранних работах он предлагал выделять слова на основе акцентуационных признаков (Поливанов, 1917: 64), позже он дополнял этот критерий критерием синтаксической самостоятельности (Плетнер, Поливанов, 1930: 144–146). Для японского языка он выделял части речи последовательно на основе морфологических критериев (Плетнер, Поливанов, 1930: XIX–XXII), однако в (Иванов, Поливанов, 1930) для лишнего словоизменения китайского языка предлагалось выделять части речи по синтаксическим критериям. К сожалению, грамматическая часть “Введения в языкознание для востоковедных вузов” до нас не дошла.

Евгений Дмитриевич также был одним из основателей изучения жестов, онематопэтических слов (“звуковых жестов”) и использования просодических характеристик для выражения эмоций. Этому была специально посвящена одна из ранних его статей (Поливанов, 1916), пере-

печатанная в (Поливанов, 1968); именно эта работа связывала его с ОПОЗом. Позже он писал: “Значение слов дополняется разнообразными видоизменениями звуковой стороны, куда входит главным образом мелодия голосового тона (а кроме нее, еще темп речи, различные степени силы звука, разные оттенки в звукопроизводных работах отдельных органов, например вялая или энергичная их деятельность и пр. и пр.), и, наконец, жестами. Не надо думать, что эти стороны речевого процесса есть нечто не подлежащее ведению лингвистики, т.е. науки о языке. Только, разумеется, рассмотрение этих фактов... составляет особый самостоятельный раздел лингвистики” (цит. по Ларцев, 1988: 22).

Большой вклад Евгений Дмитриевич внес и в изучение конкретных языков. Особенно надо отметить его грамматики китайского (Иванов, Поливанов, 1930) и японского (Плетнер, Поливанов, 1930) языков (первая фактически состоит из двух грамматик разных авторов под одной обложкой, вторая основана на единой концепции, разработанной Поливановым). Большой вклад он внес и в изучение узбекского языка (Поливанов, 1926; Поливанов, 1933). К сожалению, ряд грамматик Евгения Дмитриевича не был издан и до нас не дошел.

Наконец, важное значение имеют работы ученого по социальному функционированию языка. Он фактически стал одним из основоположников социолингвистики. Ряд его работ посвящен социальной дифференциации языка, см. особенно включенные в книгу “За марксистское языкознание” и перепечатанные в (Поливанов, 1968) работы “О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка” и “Фонетика интеллигентского языка”.

Важны и идеи ученого о теоретических основах языковой политики. Он писал: “Фонетику и морфологию декретировать нельзя..., ибо они усваиваются в таком возрасте, для которого не существует декретов” (Поливанов, 1927: 227). Однако возможны и необходимы сознательное конструирование письменности и до определенной степени лексики, а также рациональный выбор той или иной основы для формирования литературного языка. В собственно лингвистическом плане литературный язык и диалекты равноправны (он описывал в одном ряду японский литературный язык и диалекты), однако социально разновидности языка не равноправны: “Никогда, в борьбе за роль литературного диалекта, язык деревни или вообще экономически менее развитого коллектива не выходит победителем над языком города или вообще более развитого в экономическом отношении района” (Поливанов, 1928: 324). Также и кириллический алфавит сам по себе не хуже и не лучше латинского (Полива-

нов, 1928: 321–322), но латиница для языков народов СССР предпочтительнее по социальным причинам: она интернациональна и рассчитана на “сближение приемов графического общения в международном масштабе” (Поливанов, 1928: 315).

Оценивая изменения в русском языке после революции, Поливанов подчеркивал, что в самом языке не произошло никакой революции (как утверждали марристы), но произошло “крупнейшее изменение контингента носителей (т.е. социального субстрата) нашего стандартного (или так называемого литературного) общерусского языка.., бывшего до сих пор классовым или кастовым языком узкого круга интеллигенции.., а ныне становящегося языком широчайших — и в территориальном, и в классовом, и в национальном смысле — масс” (Поливанов, 1968: 189). В то же время он фиксировал и частные изменения: появление новой лексики, широкое использование аббревиатур.

Евгений Дмитриевич Поливанов был человеком исключительного таланта. Как отмечено в его показаниях на следствии, он владел 18 языками (Ашнин, Алпатов, 1997: 128). Ему ничего не стоило, например, переводить с листа Гёте с немецкого на узбекский (Ларцев, 1988: 24). Хорошо знавший его В.Б.Шкловский писал в 1984 г.: “Поливанов был обычным гениальным человеком. Самым обычным гениальным человеком” (Ларцев, 1988: 189). А ученый более позднего поколения, Михаил Викторович Панов (1920–2001), никогда не видевший Поливанова, писал: “Гениальный языковед, замечательный полиглот и филолог-энциклопедист” (Панов, 1967: 381). Но жизнь его была насильственно прервана столь рано, а очень многие его труды не дошли до нас; составленный Л.Р.Концевичем их список (Ларцев, 1988: 313–324) содержит более 200 названий.

Литература

- Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* Из следственного дела Е.Д.Поливанова // Восток. — М., 1997. — № 5. — С. 124-142.
- Иванов А.И., Поливанов Е.Д.* Грамматика современного китайского языка // Труды Московского института востоковедения им. Н.Нариманова. — М., 1930. — Т. 15. — 304 с.
- Ларцев В.Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. — М., 1988. — 328 с.
- Панов М.В.* Русская фонетика. — М., 1967. — 436 с.

- Плетнер О.В., Поливанов Е.Д.* Грамматика японского разговорного языка // Труды Московского института востоковедения им. Н.Нариманова. — М., 1930. — 189, XXXV с.
- Поливанов Е.Д.* По поводу “звуковых жестов” японского языка // Сборники по теории поэтического языка. — Пг., 1916. — Вып. 1. — С. 31–41.
- Поливанов Е.Д.* Психофонетические наблюдения над японскими диалектами. — Пг., 1917. — 113 с.
- Поливанов Е.Д.* Вокализм северо-восточных японских говоров // Докл. АН СССР, Сер. В.-Л., 1924. — С. 106–108.
- Поливанов Е.Д.* Краткая грамматика узбекского языка. — Ташкент, 1926. — 123 с.
- Поливанов Е.Д.* О литературном (стандартном) языке современности // Родной язык в школе. — М., 1927. — Кн. 1. — С. 225–235.
- Поливанов Е.Д.* Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР // Новый Восток. — Баку, 1928. — Кн. 23/24. — С. 314–330.
- Поливанов Е.Д.* Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса. 1. Оозор процессов, характерных для языкового развития в эпохи натурального хозяйства // Учен. зап. Ин-та яз. и лит. РАНИОН. — М., 1928. — Т. 3. — С. 20–42.
- Поливанов Е.Д.* Введение в языкознание для востоковедных вузов. — Л., 1928. — VI, 220 с.; Перепечатано в книге: Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. — М., 1991. — 624 с.
- Поливанов Е.Д.* Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. — Ташкент, 1933. — 182 с.
- Поливанов Е.Д.* Историческое языкознание и языковая политика // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. — М., 1960. — Ч. 2. — С. 263–278.
- Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. — М., 1968. — 376 с.
- Поливанов Е.Д.* Заключительное слово: Из стенограммы 25 февр. 1929 г. // Поливанов Е.Д. Труды по общему и восточному языкознанию. — М., 1991. — 624 с.
- Старостин С.А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. — М., 1991. — 399 с.
- Polivanov E.* La perception des sons d’une langue étrangère // Travaux du Cercle linguistique de Prague. — Prague, 1931. — 4. — P. 79–96.

Основные работы Е.Д.Поливанова

- Поливанов Е.Д.* Психофонетические наблюдения над японскими диалектами. — Пг., 1917. — 113 с.
- Поливанов Е.Д.* О русской транскрипции японских слов // Труды японского отдела Императорского общества востоковедения. — Пг., 1917. — Вып. 1. — С. 15–36.

- Поливанов Е.Д.* Лекции по введению в языкознание и общей фонетике. — Берлин, 1923. — 96 с.
- Поливанов Е.Д.* Введение в изучение узбекского языка: (Пособие для самообучения). — Ташкент, 1925. — Вып. 1. Краткий очерк узбекской грамматики. — 97 с.; Вып. 2. Тексты для чтения. — 132 с.
- Поливанов Е.Д.* Краткая грамматика узбекского языка. — Ташкент; М., 1926. — 132 с.
- Поливанов Е.Д.* Краткая фонетическая характеристика китайского языка (пекинского говора северно-мандаринского наречия). — М., 1927. — 25 с.
- Поливанов Е.Д.* Введение в языкознание для востоковедных вузов — Л., 1928. — VI, 220 с.
- Поливанов Е., Попов-Татива Н.* Пособие по китайской транскрипции. — М., 1928. — 92 с.
- Иванов А.И., Поливанов Е.Д.* Грамматика современного китайского языка // Труды Моск. ин-та им. Н.Нариманова — М., 1930. — Т. 15. — 304 с.
- Плетнер О.В., Поливанов Е.Д.* Грамматика японского разговорного языка // Труды Моск. ин-та им. Н.Нариманова. — М., 1930. — Т. 14. — 189, XXXV с.
- Поливанов Е.Д.* За марксистское языкознание. — М., 1931. — 184 с.
- Поливанов Е.Д.* Историко-фонетический очерк японского консонантизма // Учен. зап. Ин-та яз. и лит. РАНИОН, Лингв. секция. — М., 1931. — Т. 4. — С. 147–188.
- Поливанов Е.Д.* Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. — Ташкент, 1933. — 182 с.
- Поливанов Е.Д.* Материалы по грамматике узбекского языка. — Ташкент, 1935. — Вып. 1. Введение. — 48 с.
- Поливанов Е.Д.* Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам. — Ташкент; Самарканд, 1935. — Ч. 1. — 91 с. Изд. 2-е: — Ташкент, 1961. — 112 с.
- Поливанов Е.Д.* Дополнительные предложения к проекту дунганской орфографии. Музыкальное словоударение, или “тоны” дунганского языка. Фонологическая система ганьсуйского наречия дунганского языка: О трех принципах построения орфографии // Вопросы орфографии дунганского языка. — Фрунзе, 1937. — С. 25–71.
- Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. — М., 1968. — 376 с.
- Поливанов Е.Д.* Введение в языкознание для востоковедных вузов // Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. — М., 1991. — С. 9–235.
- Поливанов Е.Д.* Лекции по введению в языкознание и общей фонетике // Там же. — С. 238–270.
- Поливанов Е.Д.* Словарь лингвистических и литературоведческих терминов (1935–1937) // Там же. — С. 318–473.
- Из материалов “поливановской” дискуссии в Коммунистической академии, февр., 1929 г. // Там же. — С. 508–561.

Основные работы о Е.Д.Поливанове

- Алпатов В.М.* Изучение японского языка в России и СССР. — М., 1988. — С. 35–66.
- Алпатов В.М.* История лингвистических учений. — М., 2001. — С.245–253.
- Апшин Ф.Д., Алпатов В.М.* Из следственного дела Е.Д.Поливанова // Восток. — М., 1997. — № 5. — С. 124–142.
- Иванов Вяч.Вс.* Лингвистические взгляды Е.Д.Поливанова // Вопр. Языкознания. — М., 1957. — № 3. — С. 55–76.
- Ларцев В.* Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. — М., 1988. — 328 с.
- Леонтьев А.А.* Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. — М., 1983. — 74 с.
- Леонтьев А.А., Ройзензон Л.И., Хаютин А.Д.* Жизнь и деятельность Е.Д.Поливанова // Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. — М., 1968. — С. 7–30.

В.А.Виноградов, С.Е.Никитина

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ РЕФОРМАТСКИЙ

Выдающийся советский лингвист Александр Александрович Реформатский [16 (28).11.1900, Москва — 3.5.1978, Москва], доктор филологических наук, профессор, принадлежит к числу ученых, внесших огромный вклад в развитие отечественного языкознания, — вклад, получивший мировое признание. Сфера его научных интересов была необычайно широка, но центральное место занимают фонология, проблемы общей теории языка и русистики.

Формирование А.А.Реформатского как ученого протекало в 20-е годы, но задатки, а может быть, и побудительные внешние условия к выбору пути ученого складывались гораздо раньше, ибо важнейшую роль в этом сыграло семейное окружение.

А.А.Реформатский родился в семье ученого. Его отец Александр Николаевич Реформатский был известным профессором-химиком, автором учебников, талантливым лектором, неутомимым организатором и пропагандистом науки, удостоенным звания заслуженного деятеля науки РСФСР. У отца было двое братьев, также избравших научное поприще: старший, Н.Н.Реформатский, стал авторитетным психиатром, был близок к Л.Н.Толстому; младший, С.Н.Реформатский — специалист в области органической химии, впоследствии член-корреспондент АН СССР. Таким образом, наука была как бы «семейным делом» Реформатских, атмосфера дома была пронизана почтением к науке и к людям науки, и это не могло не сказаться на формировании жизненных взглядов А.А.Реформатского. Еще одна линия духовного воздействия на ребенка шла от матери — Екатерины Адриановны (урожд. Головачевой). Женщина одаренная и пишущая, получившая гуманитарное образование и

преподававшая русский язык и литературу, мать стала источником эстетического воспитания сына.

После необходимого по тем временам домашнего образования под руководством опытных педагогов, в том числе родителей (русский, французский, немецкий, химия, физика, математика, антропология, анатомия, ручной труд — столярное дело, металлопластика, выжигание по дереву — и, конечно, музыка), А.А.Реформатский в 1910 г. поступает в гимназию (вначале — Е.П.Залесской, а после ее закрытия — в гимназию А.Е.Флерова).

В 1918 г., окончив гимназию, А.А.Реформатский поступает в Московский университет на историко-филологический факультет, где слушает лекции П.Н.Сакулина, Михаила Александровича Петровского, Михаила Николаевича Петерсона (1885–1962), Афанасия Матвеевича Селищева (1886–1942), Александра Матвеевича Пешковского (1878–1933); руководителем его дипломной (выпускной) работы был Дмитрий Николаевич Ушаков (1873–1942). В 1923 г. А.А.Реформатский закончил университет и поступил в аспирантуру РАНИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук) к Д.Н.Ушакову, прослушал два семинара Густава Густавовича Шпета (1879–1937), но через год с небольшим вынужден был оставить учебу из-за необходимости содержать семью. С этого времени начинается его разнообразная трудовая деятельность, связанная в течение девяти лет главным образом с издательско-полиграфической сферой в различных учреждениях печати, а также в НИИ ОГИЗ'а в должности старшего научного сотрудника, где итогом его работы (1931–1933) стала книга, принесшая ему широкую известность — «Техническая редакция книги» (1933) — и ставшая важным шагом на пути его последующих семиотических разысканий.

Параллельно с издательской работой А.А.Реформатский поддерживает тесные связи с различными научными организациями — ГАХН (Государственная академия художественных наук) и особенно НИЯЗ (Научно-исследовательский институт языкознания), где работали А.М.Селищев, Николай Феофанович Яковлев (1892–1974), Лев Иванович Жирков (1885–1963), Алексей Михайлович Сухотин (1888–1942), Рубен Иванович Аванесов (1902–1982), Владимир Николаевич Сидоров (1903–1968), Петр Саввич Кузнецов (1899–1968). Трое последних стали для А.А. не только друзьями на всю жизнь, но и соратниками в разработке теории Московской фонологической школы.

В те же 30-е годы А.А.Реформатский принимал участие в деятельности ВЦК НА (Всесоюзный Центральный Комитет Нового алфавита), на заседаниях которого сотрудничал с Н.Ф.Яковлевым, Л.И.Жирковым, А.М.Сухотиным, Николаем Владимировичем Юшмановым (1896—1946), Константином Кузьмичом Юдахиным (1890—1975); в работе ВЦК НА принимали участие также Евгений Дмитриевич Поливанов (1891—1938), Иван Иванович Мещанинов (1883—1967), Александр Николаевич Самойлович (1880—1938). В задачи этого научного центра входила не только разработка письменностей для народов СССР, но и составление описательных грамматик и словарей, выработка терминологии и другие вопросы, что в совокупности послужило серьезной практической базой для выработки теоретических основ языкознания нового времени.

С 1934 г. А.А.Реформатский полностью отдается преподавательской деятельности и лингвистической науке в Московском городском пединституте, где он проработал в общей сложности 20 лет на кафедре русского языка, время от времени совмещая эту работу с преподаванием в Институте философии, литературы и истории (ИФЛИ) — 1939—1940 гг., в Московском университете — 1942—1943 гг., во 2-м Московском пединституте иностранных языков — 1938—1941 гг., в 1-м Московском пединституте иностранных языков — 1942—1947 гг., в ГИТИСе — 1940—1942 гг., в Литературном институте — 1942—1951 гг. Свою преподавательскую деятельность А.А.Реформатский закончил в период 1954—1959 гг. в МГУ (где он одновременно заведовал фонетической лабораторией), после чего по службе он был связан только с Институтом языкознания АН СССР, в котором с 1958 по 1970 г. заведовал сектором структурной и прикладной лингвистики. В 1960 г. ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук *honoris causa*.

Преподавательская деятельность всегда была для А.А.Реформатского важнейшим и серьезнейшим делом, и студенты это чувствовали. О его лекциях шла молва по Москве, а иногородние ученики разносили славу о них по всей стране. Он стал легендарным лектором благодаря умению пленять слушателей отточенностью формулировки, логической ясностью аргументации, неизбежностью языка, неожиданностью ассоциаций, огромной общей эрудицией. Он был любимцем и грозой студентов, на его лекции шли, как в театр, — настолько блистательно, артистично умел он излагать самые трудные вопросы, настолько насыщены были его лекции сведениями из областей, на первый взгляд далеких от лингвистики, но так много дающих общему культурному развитию студента — зато на экзамен к нему шли, замирая от ужаса, ибо был

он столь же беспристрастен и дотошен, сколько демократичен, столь же строг, сколько справедлив. Безусловно, не последнюю роль играл в успехе лекций его природный артистизм, отшлифованный в молодые годы занятиями в студии В.Э.Мейерхольда и бесконечными хождениями по обожаемому театрам.

Из многолетних лекций родилась уникальная книга — «Введение в языковедение» (1947), и неудивительно, что учебник прославленного лектора был нарасхват и популярность его не уменьшалась, а скорее возрастала в результате разнузданной «критики», развернувшейся после выхода книги. Это было в духе того времени, в ход шли привычные ярлыки — «политическая неграмотность», «низкопоклонство перед реакционной буржуазной наукой», «сознательная фальсификация» и т. п. В те годы подобная травля легко могла поставить точку не только в научной карьере, но и в самой жизни человека. К счастью, времена меняются, беда обошла и учебник, и его автора.

Педагогическая значимость этой книги состояла в том, что она являла собой первый учебник нового типа, содержавший современное изложение одного из важнейших филологических курсов и полностью соответствующий нормативной программе. Но это было не то новое слово, которое строится на отрицании предшествующей традиции; для А.А.Реформатского преемственность развития научной мысли была не риторической абстракцией, а живо ощущавшейся им духовной связанностью ученых разных поколений.

А затем последовали еще три издания (1955, 1960, 1967), объем книги увеличивался, и в последнем издании она уже втрое превосходила учебник 1947 г. По учебнику Реформатского учились несколько поколений филологов, многие среди них сами стали известными учеными. Вышедшее в 1967 г. четвертое издание «Введения в языковедение» стало самым полным и последовательным изложением основ лингвистических знаний, поистине образцовым в этом жанре научно-учебных изданий. И на всех вариантах учебника лежит яркий отпечаток личности автора — глубокого ученого и мастера научной прозы.

Именно то обстоятельство, что книга написана не просто блистательным педагогом, но одним из виднейших отечественных языковедов, сразу сделало ее чем-то большим, чем просто учебником для начинающих филологов. К ней часто и охотно обращались вполне зрелые ученые разных лингвистических (и не только) специальностей, когда им требовалась ссылка на авторитетное мнение общего языковеда, особенно в

области фонологии, в развитии которой А.А.Реформатский сыграл выдающуюся роль.

Путь А.А.Реформатского к лингвистике и, в частности, к фонологии не был прямым. Его первое глубокое научное пристрастие проявилось в студенческие годы — это была поэтика, в те годы, несомненно, привлекавшая наибольшее внимание талантливой филологической молодежи и знаменовавшая собой поиск новых путей в художественном творчестве и в науке о нем. Из этих поисков выросла так называемая «русская формальная школа» в литературоведении, сыгравшая важную роль в развитии мировой семиотики и структурной поэтики. А в те годы в центре «вордворота поэтики» стоял ОПОЯЗ (Общество изучения теории поэтического языка), созданный в 1916 г. в Петербурге, а в 1920 г. — стараниями О.М.Брика и в Москве, где уже существовал (с 1915 г.) Московский лингвистический кружок (МЛК), круг исследований которого включал также вопросы поэтики. Вначале А.А.Реформатский сблизился с ОПОЯЗ'ом, и произошло это на драматических курсах при Первом театре РСФСР (организованном В.Э.Мейерхольдом), куда А.А.Реформатский поступил (тайком от домашних!) в начале 1920 г. Он уже давно следил за работами «формалистов», и когда на курсах он столкнулся с читавшими там лекции О.М.Бриком, Романом Осиповичем Якобсоном (1896—1982), Виктором Борисовичем Шкловским (1895—1984), его интерес к поэтике еще больше окреп, чему способствовало и установление личных отношений с О.М.Бриком, вовлекшим А.А.Реформатского в деятельность только что созданного ОПОЯЗ'а, а знакомство с Якобсоном и Шкловским положило начало добрым приятельским отношениям с ними, продолжавшимся всю его жизнь.

Новый учебный год, начавшийся осенью 1920 г., был переломным в судьбе А.А.Реформатского: с этого года надо вести отчет его научной биографии. Он целиком захвачен поэтикой. За стенами университета удовлетворение и одновременно подогревание этого интереса он находит на заседаниях ОПОЯЗ'а. В университетской среде горячо участвует в работе литературоведческого семинара, руководимого П.Н.Сакулиным («Сакулинский кружок»). Именно здесь в ноябре 1921 г. А.А.Реформатский прочел свой первый научный доклад — о композиции романа Достоевского «Игрок» (впервые опубликовано в Reformatskij, 1988).

Сакулинский кружок был полезной школой лекторского мастерства и научной дискуссии, но гораздо больше дал А.А.Реформатскому семинар М.А.Петровского по анализу новеллы Мопассана, который он

стал посещать в 1921/22 уч. году. Идеи по теории поэтики, высказанные Петровским (Петровский, 1922), были особенно близки А.А.Реформатскому, и он по совету Петровского взялся за анализ композиции новеллы «Un coq chanta» («Петух пропел»), одновременно размышляя в русле идей учителя над общими проблемами морфологии новеллы. Эти размышления вылились в теоретический доклад, оглашенный на Сакулинском семинаре, а конкретный анализ указанной новеллы был доложен на семинаре Петровского и в ОПОЯЗ'е. При содействии О.М.Брика оба доклада, объединенные названием «Опыт анализа новеллистической композиции», были изданы в виде брошюры как первая публикация Московского ОПОЯЗ'а (Реформатский, 1922). Это была и для самого А.А.Реформатского первая печатная работа, он ею дорожил и на склоне лет, имея за плечами уже многие десятки серьезных трудов.

Небольшая работа 22-летнего студента оказалась одной из вех в развитии русской формальной поэтики, соединяя в себе идеи нового подхода к композиции как к динамической целостности с определенными реминисценциями из поэтики Александра Афанасьевича Потебни (1835—1891) и Александра Николаевича Веселовского (1828—1906). Автор пытается дать строгое определение основных элементов композиционной структуры, последовательно разграничивая тему как простейшую статическую единицу сюжетосложения и мотив как простейшую динамическую единицу, соединение которых дает сюжетные темы. Для определения последних важно учитывать иерархию персонажей: а) персонажи-темы, б) служебные персонажи, двигающие сценарий, в) средние персонажи — и темы, и служебные одновременно, и группировку тем и мотивов: а) отношение сопутствующее или параллельное, частный вид — ступенчатое, б) контрастирующее отношение. В целом анализ художественного произведения складывался из двух этапов: 1) систематическое описание структуры в указанных выше терминах; 2) функциональное исследование: «Вся установленная структура может квалифицироваться телеологически, когда компоненты расцениваются по их функциональной значимости, относительно некоего ядра, развернутого в данное построение» (Реформатский, 1922: 9).

В этой работе в достаточной мере проявился принцип научного мышления А.А.Реформатского: видеть целое как систему функционально значимых элементов и отдельные элементы системы в их иерархической, структурной взаимосвязи. Наметился здесь и другой характерный для него принцип — вскрывать сходное в различном, стремиться к целостному интегративному подходу, применимому к явлениям разного порядка и

разной природы. А это есть не что иное, как семиотический подход, и не случайно данная работа А.А.Реформатского отмечается среди трудов, подготовивших становление современной семиотики (Степанов, 1983: 12–13). В этом этюде стремление к интегративности проявилось в семиологических параллелях, к которым А.А.Реформатский охотно прибегал и в последующих трудах. В данном случае для сравнения привлекаются его излюбленные шахматы и музыка. Поясняя суть основных понятий, используемых в работе, А.А.Реформатский приводит следующую аналогию из области шахмат: фигуры — темы, функции фигур (например, ход коня) — мотив; игра (например, какой-нибудь гамбит) — сюжетная тема; игра, развернутая в партию, — сюжет. А общая характеристика сюжетных тем новеллы дается под знаком музыкальной аналогии: «Конституция новеллы во многих отношениях близка конструкции сонатной формы. Тематически для сонаты каноничны две темы (главная и побочная), иногда эта схема усложняется введением третьей, четвертой темы. Для новеллы также канонично двучленное строение тематики, при этом — в самой разнообразной мотивировке» (Реформатский, 1922: 7). Спустя полвека эта работа появилась по-английски в томе, посвященном русскому формализму, где имя А.А.Реформатского стоит в ряду с такими именами, как В.Б.Шкловский, Б.М.Эйхенбаум, Ю.Н.Тынянов, Р.О.Якобсон (Reformatzky, 1972).

К началу 30-х годов центр филологической мысли Москвы переместился в ГАХН, вытеснивший и ОПОЯЗ, и МЛК (Московский лингвистический кружок, который А.А.Реформатский в студенческие годы также часто посещал и который заронил в нем интерес к лингвистике). И теперь А.А.Реформатский частый участник заседаний Секции теоретической поэтики ГАХН, которой заведовал М.А.Петровский. Здесь в 1928 г. А.А.Реформатский прочел два доклада: «Структура сюжета у Толстого» и «Стих и синтагма». Первый представлял собой резюме обширной работы, подготовленной в 100-летию Л.Толстого в планируемый сборник, который так и не вышел (полный текст этой работы см. Реформатский, 1987). Второй доклад (подготовленный совместно с С.М.Бонди) отражает уже новые умонастроения автора, он был стимулирован последними лингвистическими трудами, прежде всего «Повторительным курсом русского языка» Сергея Осиповича Карцевского (1884–1955), вышедшим в 1928 г.

После этого А.А.Реформатский целиком переключается на занятия лингвистикой, но вначале он создает труд, значительно опередивший свое время (Реформатский, 1933). В нем, говоря словами самого

А.А.Реформатского, он «подытоживает теоретически свой редакционно-издательский опыт в соединении с семиотическими возможностями графики» (из неопубликованных воспоминаний). Центральной темой книги является разработанная А.А.Реформатским теория «графических защит», а внешний толчок к созданию этой теории пришел из страстно любимых им шахмат.

На размышления о теории защит его натолкнули некоторые рекомендации известного шахматиста А.И.Нимцовича относительно стратегии позиционной игры. Нимцович впервые ввел в шахматную теорию принцип избыточной защиты, а под пером Реформатского понятие избыточной защиты обрело новое, более емкое содержание, и хотя внешне оно оправлено полиграфическим контекстом, его общесемиотическое звучание несомненно, особенно сейчас, когда мы уже столько знаем о семиотике и об избыточности семиотических систем, среди которых первым должен быть упомянут человеческий язык (перепечатку теоретических глав этой книги см. Реформатский, 1987).

С момента опубликования указанной книги начинается новый собственно лингвистический — этап в творчестве А.А.Реформатского. Ядром его научной концепции было учение Ф.Ф.Фортунатова, которое он воспринял от учеников основателя Московской лингвистической школы — Д.Н.Ушакова и М.Н.Петерсона. Сквозь это ядро, сквозь опыт, обретенный разысканиями в области поэтики, сквозь плодотворные идеи Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ (1845—1929) предстояло оценить то важное и новое, что пришло из Европы: прежде всего нужно было осмыслить место и значение фундаментального лингвистического труда XX в. — «Курса общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра (1857—1913), чьи идеи были созвучны теоретическим и методологическим поискам московских и петербургских лингвистов младшего поколения.

Обратившись к лингвистике, А.А.Реформатский полностью отошел от поэтики и больше к ней никогда не возвращался, и дело здесь отнюдь не в охлаждении, разочаровании — просто он нашел область, захватившую его столь же властно, как прежде поэтика: этой областью стала фонология, в ней он нашел удовлетворение своему интересу к изучению структур, обостренному поэтикой, в ней и через нее он мог углублять свои семиотические идеи, навеянные полиграфической проблематикой, наконец, фонология для него стала ключом к решению вопросов более широкого порядка, касающихся разных сторон языка как динамичной системы.

Увлечение фонологией не было случайностью, «фонологизм» носился в воздухе. Уже давно существовала концепция фонемы И.А.Бодуэна де Куртенэ, уже давно была написана магистерская диссертация Л.В.Щербы, где развивалась теория фонем (Щерба 1912). В Европе расцветала фонология Пражского лингвистического кружка, появлялись работы Николая Сергеевича Трубецкого (1890–1938), Р.О.Якобсона, С.О.Карцевского; в полный голос заявила о себе американская фонология. Но главное, что толкало к немедленной разработке фонологической теории, — это насущные практические задачи языкового строительства, развернувшегося в советских республиках, задачи совершенствования русской орфографии, задачи разработки унифицированной фонетической транскрипции (УФТ). Еще в 1929–1931 гг. при НИИ ОГИЗа работала комиссия по УФТ под председательством А.А.Реформатского и при участии М.Н.Петерсона, Р.И.Аванесова, Г.О.Винокура (1896–1947) и др. В те же годы шла деятельная подготовка к Всероссийскому орфографическому съезду (1931), в связи с чем в НИЯЗе работала комиссия по разработке предложений о реформе русской орфографии (А.А.Реформатский, А.М.Сухотин, В.Н.Сидоров).

Именно на пересечении трех линий — традиции, идущей от Казанской школы, поисков решений прикладных задач (среди них важное место принадлежит вопросам обучения языку) и критического освоения (а в известной мере — и преодоления) теорий зарубежной фонологии — складывалась Московская фонологическая школа, одним из основателей которой был А.А.Реформатский. Если окинуть взглядом его работы, связанные с фонологией, мы заметим, что все они отражают понимание неразрывного единства теоретических и практических проблем, и в самой небольшой «прикладной» статье по «мелкому» вопросу автор остается теоретиком-фонологом, а в самой «теоретической» работе он видит практический фон развиваемой теории. И еще одно можно заметить: почти во всех своих работах А.А.Реформатский словно ведет диспут с незримыми оппонентами — то ли с теоретиками дескриптивной фонологии, то ли с пражцами и ленинградцами, то ли, наконец, с Гарвардской дихотомической фонологией в лице Р.Якобсона и М.Халле.

Согласно тонкому замечанию М.В.Панова, «трудности создания теории Московской фонологической школы были в первую очередь трудностями размежевания синтагматики и парадигматики» (Панов. 1967: 408). Решение этой задачи московские фонологи видели в разработке понятия позиции. Именно это отличает теорию МФШ от всех прочих школ, понятие позиции становится ключом к решению централь-

ной проблемы всякого фонологического исследования — к фонемной идентификации. Все основатели МФШ были воспитанниками Московского университета, а большинство из них — прямыми учениками Д.Н.Ушакова, ученика и последователя Филиппа Федоровича Фортунатова (1848—1914), чьи традиции хранила филологическая среда университета. Фортунатовская идея о примате грамматики (и прежде всего морфологии) нашла отражение в теории МФШ, соединившись с идеей Бодуэна де Куртенэ о фонеме как компоненте морфемы. Проблема тождества фонемы получает решение на базе теории позиции и формулируется под знаком морфемного тождества: фонемой признается единица, реализующаяся в виде ряда позиционно чередующихся звуков и в пределах одной и той же морфемы (точнее сказать — морфа). Тем самым был сделан смелый шаг, уводящий от «автономной фонологии» как фонетически (физически) обусловленной теории звукового строя. Фонология превратилась в глубоко функциональную дисциплину, но не в «функциональную фонетику» в буквальном смысле этого выражения, как у Мартине (ср. само название его работы: *Martinet 1949*), а в часть функциональной теории языка, трактующей иерархически уровневую структуру языка, в которой каждый нижележащий уровень функционально подчинен следующему более высокому. Тема уровневого строения языка была одной из любимых у А.А.Реформатского, и именно ему принадлежит формулировка принципа последовательного сцепления иерархически соотнесенных уровней, только он предпочитал пользоваться в этом случае термином «ярус».

Становление и развитие МФШ на фоне ее разногласий с ЛФШ — Ленинградской фонологической школой Л.В.Щербы — нашло отражение в обширном очерке А.А.Реформатского (1970). Но он был не только историографом школы, ему принадлежит разработка по крайней мере двух важных моментов в концепции МФШ — теории признаков и теории позиций. Первой его работой в области теории фонологии стала большая статья, написанная в 1938 г. и опубликованная в 1941 — «Проблема фонемы в американской лингвистике» (перепечатку см. Реформатский 1970). Здесь находим ясную формулировку трех определяющих для концепции МФШ положений: 1) содержание понятия «фонема»; 2) понятие различительного признака с разграничением дифференциальных и интегральных признаков; 3) понятие сильных и слабых позиций. Здесь же высказано глубокое положение о том, что «позиции существуют не в отношении фонем, а в отношении дифференциалов, объединяющих группы фонем (для группы звонких, для группы глухих и т. п.); так как каждая

фонема имеет в своем составе несколько дифференциалов, то данная позиция может быть в отношении одних сильной, в отношении других — слабой». Из этой мысли явствует, что понятием, симметричным понятию позиции, но соотношенным непосредственно с фонемами, есть понятие оппозиции. Иными словами, терминами фонологических оппозиций являются не признаки, как полагали позже гарвардские фонологи, а фонемы; признаки же являются терминами позиционных контрастов.

В том же томе «Ученых записок» Московского городского пединститута, где была статья «Проблема фонемы в американской лингвистике», вышла также принципиально важная для теории МФШ статья П.С.Кузнецова (Кузнецов 1941), в которой, наряду с обсуждением вопроса о сильных и слабых позициях, определяются два типа позиционных модификаций фонемы — варианты и вариации; спустя четыре года эти понятия, специфические для МФШ, найдут более развернутое толкование в книге Р.И.Аванесова и В.Н.Сидорова (1945). Но окончательное обоснование эти понятия получили лишь после уточнений А.А.Реформатского, давшего определение двух типов позиций; это было сделано в книге, которую он сам считает лучшим, что вышло из-под его пера, в книге, над которой он работал, в сущности, всю свою «лингвистическую жизнь» — «Введение в языковедение» (Реформатский, 1967).

А.А.Реформатский предпринял также попытку последовательного изложения целостной концепции МФШ в своем очерке истории отечественной фонологии в виде специального раздела — «Основные положения МФШ» (Реформатский, 1970: 114–120), где в тезисной форме сведены все теоретические положения в их внутренней взаимосвязанности. К теории позиций он возвращался и позже, о чем свидетельствуют публикации последующих лет.

Отличительной чертой научного творчества А.А.Реформатского была его постоянная двунаправленность — на общетеоретические аспекты проблемы и на конкретные прикладные аспекты. Это ярко проявилось в его фонологических трудах, среди которых есть серия статей, образующих лингвистическую основу преподавания русского языка нерусским (Реформатский, 1959а; 1961а; 1961б; 1962). Со свойственным ему вниманием к мельчайшим языковым фактам А.А.Реформатский наглядно показывает источники фонетических ошибок в русской речи нерусских и пути устранения этих ошибок. Из других прикладных проблем, которым он придавал большое значение, можно упомянуть транслитерацию иноязычных собственных имен и вопросы орфографии (последней

он занимался и непосредственно как член орфографической комиссии АН СССР в 1962–1964 гг.).

Особняком, казалось бы, стоит в его творчестве работа «Речь и музыка в пении» (Реформатский, 1955), но тема этой статьи, редкостная для страниц лингвистических изданий, была естественна, органична для А.А.Реформатского. Упоение оперой в юношеские годы и занятия музыкой дали свои неожиданные плоды спустя 40 лет, причем эта работа не единственная, были и другие публикации по вопросам сценической речи, речи дикторов радио — Реформатский никогда не оставался равнодушным к проблеме чистоты языка, художественной выразительности речи. В упомянутой статье А.А.Реформатский определяет различия между словом спетым и сказанным: «Между строением словесно-языковых и музыкальных “отрезков” нет прямого параллелизма, хотя и те, и другие линейны, протекают во времени, членятся последовательно на фразы, такты, звуки, и в тех, и в других отрезках имеются сильные и слабые “доли”, расставлены “дикты”, могут возникать синкопы и пр. и пр. Все это “общее” — почти омонимично (фразы, такты, звуки и т.д.), и между словесно-языковой и музыкальной “линиями” больше противоречий, и притом принципиальных, чем совпадений» (Реформатский 1955: 173). И здесь, отмечает А.А.Реформатский, композитору можно идти двумя путями: или принять противоречие как неизбежное и необходимое (стиль бельканто, особенно в колоратуре, где несовпадение слова и музыки гипертрофировано), а можно пойти путем примирения этих двух линий, что отчетливо выражено у Даргомыжского и Мусоргского.

Вопросы общей и русской фонологии, смежные прикладные вопросы, хотя в целом занимают основное место в научном творчестве А.А.Реформатского, отнюдь не исчерпывают всего тематического диапазона этого ученого. Чтобы строить серьезную фонологическую теорию, необходимо глубокое и всестороннее понимание языка вообще как целостной знаковой системы с ее специфическими структурными характеристиками. Этой общелингвистической проблематике А.А.Реформатский всегда уделял огромное внимание. В своем понимании системы языка как «горизонтального» феномена, как совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих элементов языка в пределах каждого яруса (уровня), а структуры — как «вертикального», пронизывающего весь язык иерархического межуровневого взаимоотношения языковых единиц, обеспечивающего единство всей системы, — в такой трактовке этих фундаментальных понятий лингвистики отразились идеи Г. Г.Шпета о структуре слова, ср. такое его положение: «Под структурой слова разу-

меется не морфологическое, синтаксическое или стилистическое построение, вообще не “плоскостное” его расположение, а, напротив, органическое, вглубь» (Шпет, 1923: 11) (Шпет говорил, конечно, не о слове как единице традиционной грамматики, а о Слове как интеллектуально и эстетически воздействующем феномене.)

Свое понимание системы и структуры А.А.Реформатский развивал во всех трудах и специально остановился на нем в работе о принципах синхронного описания языка, где эта идея соединяется с фортунатовским пониманием строя языка и с семиотическим подходом к его описанию. Он принадлежал к тем ученым, которые ратовали за последовательное разграничение синхронии и диахронии в исследовательской процедуре, протестуя против «гибридного» подхода. Но при этом синхрония вовсе не отождествлялась с ахронией, с отсутствием лингвистического времени; речь шла лишь о том, что «при лингвистическом анализе момент времени в ней приводится с нулевым показателем», синхрония же как таковая есть разновидность «хронии» и всегда «исторична, исторически реальна и идиоматична данному индивидуальному языку для данного места и времени» (Реформатский, 1960: 38).

А.А.Реформатский любил подчеркивать идиоматичность каждого языка, его привлекало изучение неповторимости любой языковой системы, поэтому он остался в стороне от «универсологического бума» 60–70-х годов. Поиски языковых универсалий он считал побочной задачей, решение которой необходимо прежде всего для оттенения индивидуальных характеристик данного языка. Но такая позиция вовсе не означала отказа от выяснения общих закономерностей в строении языков. Многие его работы отчетливо типологичны и по постановке проблемы, и по подходу к ее решению; это заметно, конечно, в его фонологических штудиях, но не менее ярко проступает и в трудах, посвященных грамматическим проблемам. В этом убеждают, в частности, статьи о статусе категории числа в языке (под грамматическим углом зрения) и о типологических тенденциях в морфологическом строении слова (противоборство и совмещение агглютинации и фузии) под углом зрения морфемной членимости слов.

Изучая системность языка во всех ее проявлениях, стремясь понять специфику структурирования каждой системы, А.А.Реформатский естественно и органично переходил от языка как *langue* (в сосюрловском смысле) к изменчивым, трудно уловимым явлениям живой речи, от фонологии к лексике, традиционно считающейся едва ли не противоположностью стройной, обозримой фонологической системе — ведь в лингвистике довольно долго бытовало мнение о хаотичности лексического яруса

языка, о невозможности установления для него столь же четких структур, как в фонологии и грамматике. Реформатский же, убежденный в сквозной системности языка, искал ее и в лексикологическом материале — и находил, и писал о лексических явлениях, используя некоторые категории фонологического метаязыка (Реформатский, 1972). К этому кругу исследований примыкают и его глубокие труды по теории ономастики и терминологии.

В частности, до сих пор сохраняют фундаментальность две его работы, посвященные теоретическим аспектам терминологии (Реформатский, 1959б; 1967). А.А.Реформаторский предложил свою концепцию термина — «слуги двух хозяев»: системы лексики и системы научных понятий, — выделив соответственно два его лика: лексис и логос. Классическим образцом такого подхода стал его анализ термина «речь» в концептуальных полях разных наук, позволивший указать на такие свойства идеального термина-«логоса», как парадигматичность (независимость от контекста), тенденция к моносемичности, отсутствие экспрессивной окраски, стилистическая нейтральность, системность.

Выработанный А.А.Реформатским взгляд на язык как на особого рода знаковую систему с определенными структурными характеристиками, владение четкими общелингвистическими принципами, стремление исследовать объект науки в плане «синтеза через анализ» — все это позволяло ему ставить более широкие вопросы семиологического подхода к разнообразным системам, сравнивая, например, различные виды коммуникативных систем с точки зрения их взаимных трансформаций или выясняя природу такой своеобразной семиотической системы, как географическая карта. В подобных экскурсах в смежные области семиологии, в частности, в статье «Семиотика географической карты» (Реформатский, 1964), где карта рассматривается как особая разновидность печатного текста, мы находим реминисценции его давних увлечений «семиотико-полиграфической» проблематикой. В этой статье вновь всплывает понятие избыточной защиты, но уже применительно к «тексту» карты, который, по тонкому определению автора, строится на принципе simultанности в организации его плана выражения, в отличие от обычного печатного текста, где господствует принцип сукцессивности, а факты нелинейного прочтения относятся к периферии, встречаясь лишь в специальных текстах (например, в математических формулах).

А.А.Реформатский выработал не только свой собственный взгляд на язык, но и свой собственный научный почерк. Его работы могут исследоваться также в аспекте стилистики научной прозы, он мастерски

владел разными стилями устной и письменной речи и тонко чувствовал особенности жанра. Читатель не сможет не заметить богатства выразительных приемов, композиционного изящества, прозрачности слога, что так свойственно лингвистической прозе Реформатского. В этом, несомненно, сказывается общая художественная одаренность, его утонченный вкус к слову, к образу, привитый ему еще в детстве и им самим изощренный долгими годами чтения, размышления, созерцания. Его языковой вкус проявлялся и в тонком понимании своеобразия устной и письменной речи, поэтому его лекции никогда не были чтением, а его устные рассказы достойны особого изучения. И не случайно при разработке темы «Язык и личность» в Институте русского языка РАН (АН СССР) в качестве объекта для первого опыта описания языковой личности была избрана речь А.А.Реформатского. Посвященный этому раздел предваряется в качестве эпиграфа знаменательными словами А.А.Ахматовой, знавшей А.А.Реформатского: «А ведь так, как говорит Реформатский, не говорит уже больше никто» (Опыт описания... 1989: 149).

А.А.Реформатский был не просто ученым крупного масштаба, он являл собой ячейку русской культуры. Из жизней таких людей, как он, складывается культурная история Москвы, страны. И, наверное, именно это качество в наибольшей степени влекло к нему людей. Его беседы с учениками, с коллегами поражали полифонией и глубиной ассоциаций, к тому же он был мастером устного рассказа, и его устное творчество тоже было фактом науки и культуры. Учил ли Реформатский своих учеников лингвистике? Конечно. Но при этом он никогда не был сухим ментором, довольствующимся разжевыванием азов науки. Гораздо больше его заботило (особенно в работе с аспирантами, которых у него за многие годы были десятки), чтобы его ученик усвоил культуру научной работы; его заботило сохранение преемственности в науке, он воспитывал в учениках глубокое почтение к духовному наследию прошлого. Школа Реформатского была прежде всего школой научной этики, и он сам был замечательным образцом ученого-интеллекта.

Литература

- Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. Ч.1. Фонетика и морфология. — М., 1945. — 236 с.
- Кузнецов П.С.* К вопросу о фонематической системе современного французского языка // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та. каф. рус. яз. — М., 1941. — Т. 5, вып. 1. — С. 140–174.

- Панов М.В.* Русская фонетика. — М., 1967. — 436 с.
- Петровский М.А.* Композиция новеллы у Мопассана // Начала. — Пг., 1922. — № 1. — с. 106–127.
- Реформатский А.А.* Опыт анализа новеллистической композиции: Московский кружок “ОПОЯЗ”. — М., 1922. — 20 с.
- Реформатский А.А.* Техническая редакция книги. — М., 1933. — 414 с. [При участии М.М.Каушанского].
- Реформатский А.А.* Речь и музыка в пении // Вопросы культуры речи. — М., 1955. — Вып.1. — С. 172–199.
- Реформатский А.А.* Обучение произношению и фонология // НДВШ. Филол. Науки. — М., 1959 [а]. — № 2. — С. 145–156.
- Реформатский А.А.* Что такое термин и терминология. — М., 1959 [б] — 4 с. (Перепеч. в: Вопросы терминологии (материалы Всесоюзного терминологического совещания). — М., 1961. — С. 46–54).
- Реформатский А.А.* Принципы синхронного описания языка // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. — М., 1960. — С. 22–38.
- Реформатский А.А.* О некоторых трудностях обучения произношению // Русский яз. для студентов-иностранцев. — М., 1961 [а]. — С.5–12.
- Реформатский А. А.* Фонология на службе обучения произношению неродного языка // Рус. яз. в нац. шк. — М., 1961 [б]. — № 6. — С. 67–71.
- Реформатский А. А.* О сопоставительном методе // Рус. яз. в нац. шк. — М., 1962. — № 5. — С. 23–33..
- Реформатский А. А.* Семиотика географической карты // Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. — М., 1964. — С. 45–58.
- Реформатский А. А.* Введение в языковедение. Изд. 4-е, испр. и доп. — М., 1967. — 542 с.
- Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. — М., 1970.— 525с.
- Реформатский А. А.* Лексические мерисмы и семантическая редукция // Проблемы структурной лингвистики 1972. — М., 1973. — С. 268–278.
- Реформатский А. А.* Лингвистика и поэтика. — М., 1987. — 262 с.
- Степанов Ю. С.* В мире семиотики // Семиотика. — М., -1983. — С. 5–42.
- Шпет Г.Г.* Эстетические фрагменты. Пг., 1923. Вып.2. — С. 7–117.
- Щерба Л.В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. — СПб., 1912. — 155 с.
- Martinet A.* Phonology as functional phonetics. — L., 1949. — 140 p.
- Reformatsky A.A.* An essay on the analysis of the composition of the novel // 20th century studies: Rus. formalism. — Canterbury, 1972. - Dec. 7/8:— P. 85–101..
- Reformatskij A.* Selected writings: philology, linguistics, semiotics. — Moscow, 1988. — 406 p.

Основные работы А.А.Реформатского

- Реформатский А. А.* Опыт анализа новеллистической композиции: Моск. кружок “ОПОЯЗ”. — М., 1922. — 20 с.
- Реформатский А. А.* Техническая редакция книги. — М., 1933. — 414 с. (При участии М.М.Каушанского).
- Реформатский А. А.* Введение в языковедение. — М., 1947. — 176 с.
- Реформатский А. А.* О соотношении фонетики и грамматики (морфологии) // Вопросы грамматического строя. — М., 1955.—. 92—112.
- Реформатский А. А.* Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском литературном языке // Докл. и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. — М., 1955. — Т. 8. — С. 3—23.
- Реформатский А. А.* Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. — М., 1961. — С. 106—122.
- Реформатский А. А.* Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Морфологическая типология и проблема классификации языков. — М., Л., 1965. — С. 64—92.
- Реформатский А. А.* Введение в языковедение: Изд. 4-е, испр. и доп. — М., 1967. — 542 с.
- Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. — М., 1970. — 525 с.
- Реформатский А.А.* Фонологические этюды. — М., 1975. — 133 с.
- Реформатский А.А.* Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. — М., 1979. — 101 с.
- Реформатский А.А.* Лингвистика и поэтика. — М., 1987. — 262 с.
- Reformatskij A.A.* Zur Stellung der Onomastik innerhalb der Linguistik // Sowjetische Namenforschung. — В., 1975. — S. 11—32.
- Reformatskij A.* Selected writings: philology, linguistics, semiotics. — Moscow, 1988. — 406 p.

Основные работы об А.А.Реформатском

- Аванесов Р.И., Панов М.В.* Александр Александрович Реформатский // Фонетика. Фонология. Грамматика: К семидесятилетию А.А.Реформатского. — М., 1971. — С. 5—17.
- Виноградов В.А.* Александр Александрович Реформатский (1900—1978) // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. — М., 1987. — С. 3—19.
- Ильина Н.* Реформатский // *Ильина Н.* Дороги и судьбы. — М., 1988. — С. 507— 591.
- Йот Н. (Еськова Н.А.).* Вспоминая Учителя // Русский язык. Еженедельное прилож. к газ. “Первое сентября”. № 39, окт. 2000. — С. 1—2, 16.
- Крысин Л. П.* А.А.Реформатский. К 100-летию со дня рождения // Рус. Речь. — М., 2000. — № 5. — С. 62—65.

- Мельчук И. А.* Памяти Александра Александровича Реформатского // *Russ. linguistics.* — Dordrecht., 1980. — Vol. 4. — № 4. — P. 341–361.
- Семиотика. Лингвистика. Поэтика: К 100-летию А.А.Реформатского. — М., 2002 (Раздел “Вокруг Реформатского. Воспоминания. Архив”). (В печати).
- Фрумкина Р.М.* Мой учитель — А.А.Реформатский // *Знание — сила.* — М., 1987. — № 7. — С. 78–82.

Л.Д.Захарова

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ СЕЛИЩЕВ

Афанасий Матвеевич Селищев (11.1.1886–6.12.1942), известный русский языковед, специалист в области изучения славянских языков, русского языка и русской диалектологии, педагог; автор множества работ, научных статей, учебников высшей школы.

А.М.Селищев родился в селе Волосово Ливенского уезда Орловской области. Учился в Ливенском реальном училище, затем в гимназии г. Курска. После окончания гимназии получил образование на историко-филологическом факультете Казанского университета (1906–1911), где в это время преподавали такие известные ученые, как В.А.Богородицкий (1857–1941), Е.Ф.Будде (1859–1929), Н.М.Петровский, А.И. Александров (1864–1917). Особенно многим ученый был обязан Н.М.Петровскому и А.И.Александрову. Именно под их влиянием формировались лингвистические взгляды ученого, лингвистику он называл «наукой конкретных данных» (Никитин, 2002: 101). В 1911 г. он вступил в Педагогическое общество при Казанском университете, на заседаниях которого он не раз выступал с аналитическими обзорами учебников и учебных пособий по русскому языку, и начал преподавать на Высших женских курсах в Казани. По окончании университета Селищев был оставлен на факультете для подготовки к профессорскому званию по сла-

вистике. В 1913 г. он блестяще выдержал экзамен на степень магистра по кафедре славянской филологии и стал приват-доцентом. Совершенствуя свои знания на кафедре, ученый начал с 1914 г. вести практические занятия по сравнительной грамматике славянских языков, старославянскому языку в Казанском университете, одновременно преподавал болгарский язык на Высших женских курсах, где число слушателей в этот период достигало 300 человек. Его первые научные работы были посвящены деятелям чешской культуры — К.Гавличку и А.Ираку. В 1914 г. он был командирован в балканские страны (Болгарию, Македонию, Албанию) для изучения живых южнославянских языков и литератур. Начавшаяся Первая мировая война воспрепятствовала его долгому пребыванию на Балканах: прибыв туда в мае, в августе 1914 г. ученый возвращается в Россию. Однако его недолгая командировка в Болгарию оказалась очень плодотворной. А.М.Селищев не только обзавелся значительными связями среди болгарских славистов, он собрал большое количество ценного диалектологического и этнографического материала, анализ и публикации которого сразу же превратили его в одного из ведущих специалистов в области изучения южнославянских языков.

В 1918 г. он опубликовал свою диссертацию «Очерки по македонской диалектологии». С 1918 по 1920 г. работал в университете г. Иркутска, где занял должность заведующего кафедрой. Ученый участвует в создании и организации Иркутского университета. В этот период он занимается сбором диалектологического материала, изучает говоры и уклад жизни забайкальских семейских, а также связи и взаимодействие русского языка и его говоров с тунгусским и бурятским языками.

В 1920 г. ученый вернулся в Казань, где проработал до 1922 г. С 1922 г. Афанасий Матвеевич стал заведующим кафедрой славяноведения Московского университета, которой ранее заведовал В.Н.Щепкин (1863—1920). Именно ему принадлежала идея создания первого славянского отделения, которое было сформировано на историко-этнологическом факультете Московского университета. Однако просуществовало оно недолго. А.М.Селищев читал студентам лекции по введению в славяноведение, старославянскому языку, сравнительной грамматике славянских языков, сравнительной фонетике. Одновременно в 20—30-е годы преподавал в Ярославском педагогическом институте, МГПИ им. В.И.Ленина, МГПИ им. В.П.Потемкина, МИФЛИ, Институте славянства АН СССР, в который он был назначен старшим научным специалистом в 1933 г. С 1921 г. он принимает активное участие в работе Московской диалектологической комиссии, где в это время тру-

дятся А.А.Шахматов (1864–1920), Н.Н.Дурново (1876–1937), Д.Н.Ушаков (1873–1942) и многие другие известные слависты.

В годы революции, гражданской войны и восстановительного периода, несмотря на эмиграцию ряда известных славистов, исследования в области славянской филологии продолжались. Активно работали П.А.Лавров (1856–1929), А.И.Соболевский (1856/57–1929), А.А.Шахматов. Однако в середине 20-х годов ситуация начинает резко меняться. А.Я.Вышинский (ректор МГУ с 1925 г.) выражает недовольство тем, что на занятиях по старославянскому языку читаются евангельские тексты, по его распоряжению закрывается кафедра славяноведения историко-этнологического факультета. Именно этим отчасти объясняется работа Селищева в столь многих учебных заведениях. С 20-х годов имя А.М.Селищева становится в высшей степени авторитетным среди ученых-славистов как в России, так и за рубежом. В 1921 г. ученый избирается действительным членом РАНИОН; в 1926 г. — чл.-корр. Академического финно-угорского общества в Гельсингфорсе; с 1929 г. — чл.-корр. АН СССР, с 1930 г. — чл.-корр. Болгарской АН и почетный член Македонского научного общества. В 1929 г. ученый избран членом-корреспондентом АН СССР, одновременно он стал членом Государственного ученого совета и Комиссии по просвещению национальностей.

Сразу же после «чистки» Академии Наук в 1929 г. начались репрессии российской научной элиты: было сфабриковано дело академика С.Ф.Платонова, по которому пострадал целый ряд известных ученых-историков. В конце 1933 г. начались аресты и среди филологов. По «делу славистов» пострадали такие известные языковеды, как М.Н.Сперанский, Г.А.Ильинский, Н.Н.Дурново, В.В.Виноградов, М.С.Грушевский, В.Н.Сидоров и ряд других авторитетных исследователей в области русского и славянского языкознания. А.М.Селищев был арестован в 1934 г., он, как и другие, обвинялся в связях с «венским центром» во главе с Н.С.Трубецким. Однако через некоторое время дело против него было прекращено. Ученый продолжает свою деятельность, он постоянно отстаивает необходимость славистических исследований. Так, в годы войны он пишет ректору Московского государственного педагогического института им. В.И.Ленина, где он в это время возглавлял кафедру русского языка, записку следующего содержания: «В связи с значением и положением славистики необходимо принять организационные меры к усилению занятий по славянской филологии, так как в наше время Академия наук не выполняет в действительности своей задачи быть центром славистических изучений. Такой центр нужно создать при

Московском университете или при Государственном педагогическом институте им. В.И.Ленина. В одном из этих вузов должна быть открыта кафедра славянской филологии, около которой будут сосредоточены занятия по славистике... Работа по этой кафедре будет заключаться в преподавательской и исследовательской деятельности... Кафедре необходимо располагать возможностью иметь свой журнал, в котором отражалась бы ее научная деятельность. Вместе с тем он объединит вокруг себя и других работников по славянской филологии» (Архив Селищева, 56–58). В последние годы своей жизни Афанасий Матвеевич продолжает свои научные изыскания, много времени уделяет созданию университетских курсов по славянскому языкознанию. Академик С.П.Обнорский (1888–1962) следующим образом охарактеризовал научный вклад ученого в славянское языкознание: «А.М.Селищев как славист, можно сказать, не был лингвистом, — он был филологом в широком смысле слова, при этом у него, как филолога, в первую очередь проступали интересы лингвистического изучения славистического материала, не заслоняя вместе с тем интереса к изучению прочих сторон славянской культуры, — к этнографии, истории, литературе. А.М.Селищев прекрасно изучил все основные славянские языки. Он в первой линии был знатоком южнославянских языков, в том числе болгарского языка, основного предмета его специальности. Но весьма глубокими были его знания и прочих славянских языков, в частности западнославянских языков» (Обнорский, 1947: 7).

Главным направлением научной деятельности А.М.Селищева была славистика. Его научное наследие отличает то, что в нем в равной степени глубоко и основательно рассмотрен ряд проблем, относящихся как к южнославянским, так и к западнославянским языкам. Среди общих работ, посвященных славянскому языкознанию, следует выделить «Введение в сравнительную грамматику славянских языков», вып.1 (Казань, 1914), Славянское языкознание, т.1. Западнославянские языки. Учебное пособие для студентов гос. ун-тов и пед. вузов (М., 1941), а также вышедшие после смерти ученого издания, которые сегодня являются классическими учебниками: Старославянский язык, ч. 1. Введение. Фонетика. Учебное пособие для студентов и аспирантов филол. ф-тов ун-тов и ф-тов рус. яз. и лит-ры пед. ин-тов (М., 1951), ч. 2. Тексты. Словарь. Очерки морфологии (М., 1952), (изд. 2-е (в 2-х ч.). — М., 2001). Названные учебные пособия отличаются не только теоретической научной значимостью, но и богатством фактического материала. Так, во «Введении в сравнительную грамматику славянских языков» ученый

обосновывает важность сравнительно-исторического изучения славянских языков, указывая на особую важность диахронического подхода к исследованию. В частности, он пишет: «...каждый язык в известный период своего существования представляет собой результат тех изменений, которые были пережиты им в предшествующий период. Это постоянное видоизменение языка заключается в том, что он переживает постепенные изменения и в области звуков, и в формах слов и предложений, и в реальных и формальных значениях...» (Селищев, 1968: 489). Серьезное внимание ученый уделяет анализу источников изучения истории и современного состояния славянских языков: письменных памятников, говоров, указывает на необходимость вовлечения в традиционный круг источников более поздних, чем тексты IX–XII вв., текстов, а также и на основные принципы привлечения диалектологического и этнографического материала. Также ученый останавливается на проблемах периодизации праславянского языка; определяет основные принципы группировки славянских языков.

В работе «Славянское языкознание» впервые в истории советского языкознания систематически излагались вопросы прародины славян, периодизации их истории и расселения. Авторская трактовка указанных проблем опиралась на тщательное изучение и классификацию общих работ, вышедших во второй половине XX в. и не учтенных в исследованиях Ф.Ф.Фортунатова (1848–1914), А.А.Шахматова и др. Так, в частности, при определении границ первоначального расселения славян, времени и направления их расселения А.М.Селищев во многом соглашается с Л.Нидерле, синтезируя его точку зрения с взглядами А.А.Шахматова. Ученый утверждает, что «область, где жили славяне в VI в. н.э. находилась к северу от Карпат, в бассейнах Вислы, Днепра и Днестра и подходила на юго-востоке к нижнему Дунаю. Сюда, к нижнему Дунаю, славяне подошли в V–VI вв.» (Селищев, 1941: 5). Ученый подробно описывает основные направления и этапы расселения славян в VI–VIII вв. н.э. Давая характеристику основным периодам истории славян, Селищев представляет не только языковые процессы, их он рассматривает во взаимодействии с материальной и духовной культурой, социальной организацией славянского континуума. Он не считал, что лингвистические характеристики общеславянского языка резко отличались по своему общему характеру и структурным особенностям от диалектов позднего периода (VI–VIII вв.), он подчеркивал преемственность и устойчивость характерных черт славянской речи: «Языковая система, сложившаяся у славян в доисторическое время, при одинаковости их общественно-

экономической жизни и близости взаимоотношений, сохраняла свое актуальное значение в жизни славян и в период исторический — в VI–IX вв.» (Селищев, 1941: 15).

Первый том учебника «Славянское языкознание» целиком посвящен истории и современному состоянию западнославянских языков; в нем последовательно рассмотрены принципы дифференциации чешского, словацкого, лужицких, польского, кашубского и полабского языков; типологические сходства и различия между ними. Во втором томе предполагалось детальное описание южнославянских языков. При изложении лингвистического материала исследователь выступает против сопоставлений вне исторической перспективы, отмечает, что сходные черты двух диалектных групп могут представлять явления параллельные, не зависящие друг от друга.

Вышедшее после смерти ученого пособие «Старославянский язык» находится в научно-педагогическом обороте уже более полувека. Книга состоит из двух томов. Первоначально предполагалось трехтомное издание: первый том должен был представить общие вопросы предистории старославянского языка и его фонетику; во втором томе предполагалось подробное изложение морфологии; третий том должен был включать хрестоматию, комментарии к текстам и словарь. К сожалению, ученому не удалось осуществить свои намерения, книга осталась незаконченной. В первом томе содержатся предисловие, краткий очерк истории славян, описание условий создания кириллицы и глаголицы, множество интересных сведений об источниках, повлиявших на графический облик букв первых славянских азбук; детальное изложение фонетики старославянского языка. Второй том включает в себя тексты для чтения и анализа, словарь к текстам, краткий очерк морфологии. Характеризуя лексику старославянских памятников, А.М.Селищев обращает внимание на два момента: большое количество греческих слов и группа романских заимствований, которые ясно указывают на Балканы, а также пытается дать социальную квалификацию старославянскому языку: «Язык старославянских переводов нельзя отождествлять во всех отношениях с живой народной речью славянской массы Солунского района. В основу языка письменности положены были элементы языка городского и пригородного славянского населения, с которым имели общение греки города Солуня. Речь этих славян отличалась от языка широкой народной массы главным образом в отношении лексики. В городских слоях славянского населения было больше греческих заимствований, чем в среде

сельского населения. Употреблялись там и некоторые церковные и бытовые термины греческого происхождения, чуждые деревне...

Лица славянской городской среды не принадлежали к социальным верхам греческого города: лица из этой среды имели дело с греками, пользовавшимися народной греческой речью; некоторые греческие заимствования свидетельствуют об этом» (Селищев, 2001: 25). В работе также приводятся интересные данные о происхождении глаголицы. В основном соглашаясь с Д.Ф.Беляевым и И.В.Ягичем (1838–1923) о влиянии греческого минускульного письма на начертание основных знаков глаголицы, ученый утверждал, что источником начертания части славянских букв послужило древнееврейское письмо в его самаритянской и коптской разновидностях. Также в учебнике дается характеристика основным памятникам старославянского языка, приводятся их основные издания. Обзор фонетических процессов старославянского языка отличается глубиной изложения, большим фактическим материалом, который основывается на обобщении данных, представленных в других пособиях по данной тематике, а также на обширных примерах из болгарских и македонских говоров, принадлежащих ученому.

Второй том «Старославянского языка» представляет собой фрагменты хрестоматии: отрывки из Зографского и Мариинского евангелия, Супрасльской рукописи, Ассеманиева евангелия, Синайского требника, Киевских листков и листков Ундольского, а также небольшого фрагмента Остромирова евангелия. Тексты содержат комментарии сопоставительного плана: указание на то, что в сходном фрагменте в другом памятнике используется иная грамматическая форма или иное слово. Помимо этого приводятся параллельные тексты для сравнения на греческом и старославянском языках, на старославянском и современных славянских языках. К текстам составлен словарь. Очерки по морфологии позволяют представить, какое капитальное исследование в области старославянского языка было задумано автором и как автор представлял себе место и задачи данного курса в системе подготовки специалистов по славянским языкам. В «Очерках...» автор приводит не только таблицы словоизменения основных частей речи, но и пытается классифицировать основные продуктивные модели именного и глагольного словообразования; все это сопровождается большим количеством примеров и соответствий из других индоевропейских языков.

В работах А.М.Селищева в области южнославянского языкознания следует выделить, прежде всего, большую группу работ, посвященных этнографии и диалектологии Македонии, Болгарии, славянского

населения Албании: «Очерки по македонской диалектологии», т.1 (Казань, 1918); «Запись горнореканца. Из заметок по этнографии и диалектологии Македонии» (Одесса, 1922); «Заметки по этнографии и диалектологии Македонии. Памятник монастыря Трескавца» (Л., 1928.); «Фольклорные и диалектологические материалы по Македонии 1924–1927» (Прага, 1928); «Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии. (С этнографической картой Полога)» (София, 1929); «Днешната югозападна граница на българската говорна област» (София, 1930); «Македонские кодичи XVI–XVIII веков. Очерки по исторической этнографии и диалектологии Македонии» (София, 1933); «Диалектологическое значение македонской топонимики» (София, 1933); серия статей под общим названием «Македонская диалектология и сербские лингвисты», вышедшие потом отдельным изданием (София, 1935). Указанные работы ученого легли в основу македоноведения как особой отрасли славяноведения. Научная значимость этих работ подробно освещена в рецензиях таких лингвистов, как А.Вайан (1890–1977), А.Мейе (1866–1936), Л.Милетич (1867–1937), С.Романски, Е.Ф.Карский (1860/61–1937), Б.М.Ляпунов (1862–1943), В.Н.Перетц, П.А.Лавров и многих других.

Уже в первой своей большой работе «Очерках по македонской диалектологии» Селищев сформулировал основные задачи данной лингвистической дисциплины — всестороннее и детальное изучение современных народных говоров в связи с данными древних памятников, хорошо отражающих черты местной речи. Одним из лингвистических источников исследования явился тетраглоссарий хаджи Даниила, включающий не только словарь, но и небольшие рассказы на новогреческом, болгарском, албанском и влашском языках. Болгарская параллель словаря дала ему возможность описать македонские говоры в историческом аспекте. Изучение славянских говоров Македонии проводится в связи с соседними неславянскими языками, в связи с произношением отдельных звуков в румынском, албанском и новогреческом языках. Уже в данной работе А.М.Селищев выступает как последовательный сторонник теории балканского субстрата. Для него очевидно, что балканизмы в болгарском языке являются новообразованиями и что их появление связано с появлением аналогичных образований в других балканских языках; они, по его мнению, могли возникнуть в связи с общими условиями формирования балканских языков на общей этнической основе — фракийской. В следующих своих работах он так формулирует свои выводы:

«Славянские группы в Македонии, в южном Поморавье, в Мизии и Фракии одинаково реагировали на иноязычное воздействие, одинаково пользовались иноязычными элементами, одинаково изменили свой традиционный языковой фонд, одинаково приспособили его в новых сдвигах системы, в отношениях семантических, морфологических и синтаксических. А эта одинаковость в процессе реагирования на иноязычное воздействие, одинаковость процесса изменения и приспособления своего прежнего, традиционного языкового материала к новым языковым потребностям, которая была тоже одинакова, — все это ярко демонстрирует общность языковой системы, общность языковых тенденций и культурно-языковых центров и социальных отношений славянских групп в Македонии, Поморавье, в Мизии, в Фракии» (Селищев, 1935: 77). Его следующая работа «Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии» выполнена в том же плане: сравнение данных современных народных говоров Полога и анализ текстов иеромонаха Арсения и Кирилла Пейчиновича. Сам исследователь так обосновывает свой выбор: «Главное значение писаний Кирилла Пейчиновича диалектологическое. Его писания представляют богатые данные для характеристики говоров Дольнего Полога в начале прошлого века. Имея в виду диалектологическую пестроту Македонии, разнообразие и сложность процессов, пережитых говорами ее, различное скрещивание процессов и их результатов, — процессов, свойственных различным группам, — приходится очень медленно продвигаться в глубь прошлого этих говоров. Изучение данных, извлекаемых из писаний о Кирилла, а также его земляков-современников в связи с данными современных положских говоров (совсем не изученных) представит нам состояние говоров этой области в течение XIX и начале XX в. Такое изучение говоров следует применить ко всем областям, а к Дольнему Пологу в особенности: этот северо-западный край Македонии является сопредельным с Старой и юго-восточной Сербией, говоры которой относятся к иной, не македонской группе» (Селищев, 1929: 164–165). Как отмечает С.Б.Бернштейн: «Описание современных говоров Дольнего Полога сделано на основе личных наблюдений. В этом описании нашли наглядное отражение все важнейшие методологические и методические приемы Селищева-диалектолога: тщательное изучение физиологии звуков, изучение звуков в различных позициях в слове и пристальное внимание к различным стилям речи — торжественной, книжной, бытовой, эмоционально-экспрессивной и т.п.» (Бернштейн, 1947: 20). В книге ученый обнаруживает определенные за-

кономерности об особой позиционной огласовке редуцированных звуков в македонских говорах, о судьбе носовых в северо-западной Македонии, проводит сопоставление с кайкавскими говорами сербского языка. Еще один важный факт, характеризующий А.М.Селищева как ученого: самое пристальное внимание ученый обращал на территориальное распространение того или иного языкового факта, а также на его социальную обусловленность.

Большое значение для славяноведения и балканистики имеет работа «Славянское население Албании» (1931), в котором рассматривается целый комплекс вопросов: славянские заимствования в албанском языке, славянская топонимия Албании, история славянской колонизации данного региона с IX в. — периода деятельности Климента Охридского, царствования царя Самуила. Исследование неразрывно связано с историей македонских говоров, так как население Албании и Македонии находилось в постоянном темном общении. На основе анализа лексических заимствований А.М.Селищев пытается проследить контакты народов в области материальной культуры, в освоении территории. Классификация заимствованной лексики позволила ученому опровергнуть точку зрения о том, что албанцы являются потомками древних иллирийцев. Крайне интересными являются выводы ученого о причинах заимствования лексики. В частности, он утверждал, что значительная часть инноваций лексических не связана с инновациями в области предметной деятельности, а объясняется повышенной эмоциональной экспрессией заимствуемой группы слов. В этой же работе представлен подробный анализ славянской топонимии Албании.

В «Македонских кодичах XI—XVII вв.» выдающийся славист обращает внимание на кодичи-помянники, которые заключают в себе драгоценные факты народной речи. Он детально и всесторонне проанализировал три монастырских помянника — монастыря Матка в северной Македонии, Слепченского монастыря близ Битоля и Трескавецкого монастыря близ Прилепа. Особое внимание ученого привлекла топонимия и личные имена, в частности процесс изменения фамилий на -ов, -ев на -овић под сербским влиянием.

Помимо исследований македонской диалектологии следует выделить группу исследований, посвященных формированию литературных языков славян: «К изучению старопечатных болгарских книг (По поводу «Описа» проф. В.Погорелова. София, 1923)» (Прага, 1926), а также серию критических отзывов на различные произведения болгарской литературы. Изучение балканских связей ученого показало, что он живо ин-

тересовался историей болгарской литературы, неплохо ее знал, написал статью о болгарской литературе для Большой Советской Энциклопедии.

Значительное внимание в работах ученого уделено рассмотрению вопросов образования балканского языкового союза, проблемам фракийского субстрата: *Destraitts linguistiques communs aux langues balkaniques. Un balkanisme ancien en bulgare* (Париж, 1925). В указанной статье, а также серии исследований под общим названием «Македонская диалектология и сербские лингвисты» Селищев много внимания уделяет изучению диахронических универсалий в развитии балканских языков.

В русистике выдающегося ученого интересовали две области: диалектология и история русского языка, но нельзя не отметить и его заслуг в области разработки содержания обучения русскому языку в школе. Основными работами Селищева-диалектолога являются следующие: «Забайкальские старообрядцы. Семейские» (Иркутск, 1918), «Диалектологический очерк Сибири, вып. 1» (Иркутск, 192), «К изучению русских говоров Сибири. (По поводу издания диалектологической программы)» (Казань, 1922); «Русский язык у инородцев Поволжья» (Прага, 1925), «Заметки по великорусской диалектологии. 1. К изучению типов аканья» (Прага, 1927), «Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис. К изучению культурно-языковых взаимоотношений в Среднем Поволжье» (М., 1927), «Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов» (Прага, 1928). Как следует из названий, ученый проявил себя и в изучении живых говоров, и в проблемах исторической диалектологии, и при исследовании языковых контактов. На одном из заседаний Московской диалектологической комиссии он говорил о том, что одна из важнейших задач современной диалектологии — изучение «взаимоотношений русских и нерусских говоров» (Никитин, 2002: 99). Так, в частности, в книге «Диалектологический очерк Сибири», посвященной А.А.Шахматову, — первом крупном исследовании фонетических и грамматических особенностей русской речи на территории Сибири, автор уделяет значительное внимание не только фонетическим, но и лексическим особенностям этих говоров и убедительно доказывает их близость к северновеликорусскому наречию. В этой работе ученый рассматривает и заимствования из финноугорских и тюркских языков, а также и пути их проникновения в речь русских поселенцев. По его мнению, финноугорские заимствования появляются в период переселения русских в Сибирь, а тюркские приобретаются уже на местах новых поселений. Изучая языковые процессы русского языка на широкой срав-

нительно-исторической основе, сопоставляя их со сходными явлениями в истории других славянских языков, языковед констатирует известную общность и последовательность в ходе изменений всех славянских языков. Он видит в этой соотносительной близости языковых процессов отражение былого единства общеславянской системы, однородность заложенных в ней тенденций развития. Важнейшее свойство Селищева-диалектолога — это диахронический подход к оценке фактов языка. Показательны те основания, которые он выдвигает на первое место, говоря о необходимости диалектологического изучения Сибири: «Русские говоры Сибири, оторвавшись от ближайших говоров Европейской России, начали свою жизнь с тем запасом звуков, форм и лексики, какой был свойственен говорам их метрополии в 16-м, 17-м вв. Сравнительное изучение говоров Сибири и Европейской России прольет свет на состояние тех или иных русских диалектов в 16-м и в 17-м столетиях. С другой стороны, такое изучение укажет, какие языковые процессы были пережиты русскими поселенцами Сибири в течение последних 300-200 лет» (Селищев, 1920: 5). Методы и приемы внутриязыковых сопоставлений часто использовались ученым для получения научных результатов, но можно также утверждать, что он явился одним из авторов данного метода. В статье «Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов» А.М.Селищев полемизирует с концепцией Н.С.Трубецкого (1890—1938), делавшего определенные предположения о системе русских диалектов, их происхождении и развитии, и говорит о необходимости детального анализа языковых фактов, об их недостаточности для реконструкции языковой системы русских славян в древнейший период их жизни. Его концепция изучения истории русского языка заключалась в сопоставительно-историческом изучении русских говоров. Свою работу «Русские говоры Казанского края и русский язык чуваш и черемис» ученый начинает словами: «Одну из главных задач языкознания составляет изучение языковых взаимодействий разных общественных и этнических групп. В частности, весьма важное значение имеет это изучение по отношению к славянским языкам. Славяне и в далеком прошлом, в период общей своей культурной и языковой жизни, и позднее, после расселения из области своей прародины, встречались с разными народами, вступали с ними в различные взаимоотношения. Следы этих взаимоотношений могли отражаться и на культурно-бытовой жизни, и на языке славян, а также и тех народов, с которыми вступали в сношение славяне. Результаты этих связей необходимо учитывать и историку культурно-общественной жизни славянских народов, и историку языков

этих народов. Воздействие одного языка на другой, вызванное теми или иными обстоятельствами культурно-общественной жизни носителей этих языков, отражается и в словаре, и в формах слов и словесных конструкций, и в звуковом составе... Сильное культурное воздействие, политическая и экономическая зависимость, переселение в другую этническую среду — вот главные обстоятельства, при которых происходит сильное воздействие одного языка на другой, вызывающее двуязычие у представителей той социальной группы, которая стала в подчиненное положение» (Селищев, 1927: 36). Ученый делает ряд тонких наблюдений над разными формами и стадиями смешения языков, отмечает различия в темпе, интенсивности и характере смешения в различных социальных условиях.

Нельзя пройти мимо работ А.М.Селищева об истории русского языка. Академик В.В.Виноградов следующим образом охарактеризовал научный вклад А.М.Селищева в отечественное языкознание: «Афанасий Матвеевич Селищев был одним из последних живущих в нашей стране русских представителей той плеяды славистов, которая примкнула к лингвистической школе акад. А.А.Шахматова и как бы срослась с нею. Славяноведы этого поколения, обладавшие широким общеславянским кругозором, принимали активное участие и в работе над историей русского языка» (Виноградов, 1947: 31). Для ученого история языка — это органическая часть истории культуры, поэтому и сам он часто выступал как лингвист, историк культуры и этнограф. Так, в статье «Образцы древнерусского письма XI—XVII вв.» (М., 1939) содержатся 24 снимка памятников письменности, которые дают представление и о содержании памятников, и об искусстве древнерусских каллиграфов указанного периода, и о богатстве орнамента. В опубликованной посмертно работе «О языке «Русской Правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка» (М., 1957) представлены ценные замечания о диалектной основе памятника и роли древнерусских говоров в становлении литературного языка.

Отдельно следует отметить работы ученого по ономастике, изучению которой он придавал особое значение: «Из старой и новой топонимики» (М., 1939), «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ» (М., 1948). В этой работе А.М.Селищев описывает один из обрядов мнимой подмены ребенка, указывая на то, что болезни ребенка часто связывались с неправильно выбранным именем, поэтому его выносили из избы, а затем снова вносили под видом другого (найденного, купленного, украденного), при этом ребенку давалось иное имя. Ученый

предполагает, что целый ряд имен-прозвищ, зафиксированных сегодня в наиболее распространенных русских фамилиях, связан именно с этим обрядом: Найден, Продан, Краден, Куплен, Ненаш, Прибыток, Синица, Дрозд, Воробей (так как птицы считались лучшими детскими оберегами от болезней). Топонимию ученый рассматривал как один из ценнейших источников по исторической этнографии, а также истории общественной и экономической жизни страны, и неоднократно доказывал это в своих работах по диалектологии и этнографии южных славян. А.М.Селищев собрал большую коллекцию названий населенных пунктов по памятникам деловой письменности XV–XVII вв. и сделал целый ряд культурно-исторических обобщений о топонимии феодального времени. На одном из заседаний Московской диалектологической комиссии им была представлена программа подробных топонимических исследований.

Приступая к изучению русского языка революционной эпохи, А.М.Селищев стремится понять и оценить те изменения в культурно-политической и идейно-общественной атмосфере, которые определили основной тип и главные направления речетворчества, результаты этих исследований представлены в работах: «Революция и язык» (М., 1925), «Выразительность и образность языка революционной эпохи» (1927), «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)» (М., 1928), «О языке современной деревни» (М., 1932), «О языке современной деревни» (М., 1939).

Интерес к проблемам преподавания русского языка у Селищева возник в те времена, когда он принимал активное участие в работе Педагогического общества в Казани, в начале своего творческого пути. С этого времени его интересовало все, что делается в данной области. Этот интерес ученого представлен в его статьях: «Новая программа по истории русского языка в средней школе» (Пг., 1916), «История русского языка в средней школе. Указатель учебных пособий» (Пг., 1917), и рецензиях, отзывах и полемических заметках, среди которых можно выделить: Кульбакин С.М. Учебник по русскому языку для IV класса средних учебных заведений. (Применительно к программе, утвержденной 21 апр. 1912 г.), изд.2-е, измен. и испр. Харьков, 1914 (Казань, 1915), Миртов А.В. Учебник по истории русского языка. Пг., 1916 (Пг., 1916). Ученого не могли не интересовать проблемы образования, так как всю свою жизнь он был деятелем высшей школы, стоял у истоков формирования Иркутского университета, МИФЛИ, Института славяноведения и балканистики АН СССР, проводил огромную общественную работу по организации специального славистического образования, открытию соответ-

ствующего отделения и кафедры. В годы, когда славистика переживала серьезный кризис, находилась под неофициальным запретом, ученый стремился к тому, чтобы Россия превратилась в центр славистических исследований. Многие годы (с 1922 г.) он возглавлял кафедру славистики Московского университета, которую унаследовал после В.Н.Щепкина. Вслед за своим великим предшественником ученый стремился к тому, чтобы исследовательская и преподавательская деятельность кафедры служила объединению всех, кому интересны научные разыскания в данной области. Как преподаватель, он разработал основы всех основных курсов, читаемых данной кафедрой, создал учебники по указанным дисциплинам, подготовил к научной деятельности целую плеяду известнейших славистов: Р.И.Аванесова (1902–1982), С.Б.Бернштейна, П.С.Кузнецова (1899–1968) и др.

Литература

- Архив А.М.Селищева.* ЦГАЛИ, ф. 2331, оп. 1, ед. хр. 131, С. 56–58.
- Бернштейн С. Б.* Селищев-балкановед // Докл. и сообщ. филол.ф-та Моск. ун-та. — М., — 1947. — Вып. 4. — С. 11–30.
- Виноградов В.В.* Проф. А.М.Селищев как историк русского языка // Докл. и сообщ. филол. ф-та Моск. ун-та. — М., —1947. — Вып. 4. — С. 31–50.
- Никитин О.В.* Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д.Н.Ушакова, Н.Н.Дурново и А.М.Селищева. (Неизвестные страницы истории московской лингвистической школы) // *Вопр. языкознания.* — М., 2002. — № 1. — С. 91–102.
- Обнорский С.П.* Памяти А.М.Селищева // Докл.и сообщ. филол.ф-та Моск. ун-та. — М., — 1947. — Вып. 4. — С. 7–10.
- Селищев А.М.* Диалектологический очерк Сибири. — Иркутск, 1920. — Вып. 1. — 297 с.
- Селищев А.М.* Избранные труды. — М., 1968. — 560 с.
- Селищев А.М.* Македонская диалектология и сербские лингвисты. — София, 1935. — 101 с.
- Селищев А.М.* Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии. (С этнографической картой Полога). — София, 1929. — 439 с.
- Селищев А.М.* Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис. К изучению культурно-языковых взаимоотношений в Среднем Поволжье // *Ученые зап. РАНИОН. Ин-т языка и лит-ры. Лингв. Секция.* — М., 1927. — Т. 1 — С. 36–72.
- Селищев А.М.* Славянское языкознание: Учебное пособие для студентов гос. ун-тов и пед. вузов. — М., 1941. — т. 1. Западнославянские языки. — 468 с.
- Селищев А.М.* Старославянский язык. — М., 2001. — 206 с.

Основные работы

- Селищев А.М.* Введение в сравнительную грамматику славянских языков. — Казань, 1914. — Вып. 1. — 123 с.
- Селищев А.М.* Очерки по македонской диалектологии. — Казань, 1918. — Т. 1. — 284 с.; 2-е изд. фототип. — София, 1981.
- Селищев А.М.* Забайкальские старообрядцы. Семейские. — Иркутск, 1918. — 81 с.
- Селищев А.М.* Диалектологический очерк Сибири. — Иркутск, 1920. — Вып. 1. — 297 с.
- Селищев А.М.* Русский язык у инородцев Поволжья // *Slavia*. — Praha. 1925, ч. 1. — Вып. 4. — С. 26–43.
- Селищев А.М.* Революция и язык // На путях к пед. самообразованию. — М., 1925. — С. 20–217.
- Селищев А.М.* Заметки по великорусской диалектологии. 1. К изучению типов аканья // *Slavia*. — Praha, 1927. — Ч. 6. — Вып. 2–3. — С. 455–479.
- Селищев А.М.* Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис. К изучению культурно-языковых взаимоотношений в Среднем Поволжье // Ученые зап. РАНИОН. Ин-т языка и лит-ры. Лингв. секция. — М., 1927. — Т. 1. — С. 36–72.
- Селищев А.М.* Выразительность и образность языка революционной эпохи // Родной язык в школе. — М., 1927. — кн. 3. — С. 72–84.
- Селищев А.М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). — М., 1928, 248 с.; — изд. 2-е. — М., 1928. — 248 с.
- Селищев А.М.* Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии. (С этнографической картой Полога). — София, 1929. — 439 с.; 2-е изд. фототип. — София, 1981.
- Селищев А.М.* Славянское население Албании. — София, 1931. — 352 с.; 2-е изд. фототип. — София, 1981. — 352 с.
- Селищев А.М.* О языке современной деревни // Земля советская. — М., 1932. — № 9. — С. 120–132.
- Селищев А.М.* Македонские кодексы XVI–XVIII веков. Очерки по исторической этнографии и диалектологии Македонии. — София, 1933. — 262 с.
- Селищев А.М.* Македонская диалектология и сербские лингвисты. — София, 1935. — 101 с.
- Селищев А.М.* Образцы древнерусского письма XI–XVII вв. (Тр. МИФЛИ. Филол. ф-т). — М., 1939. — 24 с.
- Селищев А.М.* О языке современной деревни // Сборник статей по языковедению / Под ред. М.В.Сергиевского, Д.Н.Ушакова и Р.О.Шор. Тр. МИФЛИ. — М., 1939. — Т. 5. Филол. ф-т — С. 66–123.
- Селищев А.М.* Славянское языкознание. т.1. Западнославянские языки: Учебное пособие для студентов гос. ун-тов и пед. вузов. — М., 1941. — 468 с.

- Селищев А.М.* Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Ученые записки Моск. ун-та. Тр. кафедры рус. яз. — М., 1948. — Кн.1, Вып. 128. — С. 128–152.
- Селищев А.М.* Старославянский язык: Учебное пособие для студентов и аспирантов филол. ф-тов ун-тов и ф-тов рус. яз. и лит-ры пед. ин-тов. Ч. 1. Введение. Фонетика. — М., 1951. — 336 с.; Ч. 2. Тексты. Словарь. Очерки морфологии. — М., 1952. — 206 с. — 2-е изд. — М., 2001. — 206 с.
- Селищев А.М.* Избранные работы. — М., 1968. — 560 с.

Основные работы о А.М.Селищеве

- Аванесов Р.И.* Афанасий Матвеевич Селищев (1886–1942) // Бюллетень диалектологического сектора (БДС) ИРЯ АН СССР, — 1947. — вып. 1., С. 126–134.
- Аванесов Р.И.* Селищев — диалектолог // Доклады и сообщения филол. ф-та Моск. Ун-та. — 1947. — Вып. 4. — С. 50–59.
- Аванесов Р.И.* Список работ М.А.Селищева по русской диалектологии// БДС ИРЯ АН СССР. — М., 1947. — Вып.1. — С. 130–131.
- Бернштейн С. Б.* Селищев — балкановед // Доклады и сообщения филол. ф-та Моск. ун-та. — 1947. — Вып. 4. — С. 11–30.
- Бернштейн С. Б.* Список печатных работ проф. А.М.Селищева. — Там же, С. 85–90.
- Виноградов В. В.* Проф. А.М.Селищев как историк русского языка. — Там же, С. 31–50.
- Дмитриев Н.К.* А.М.Селищев и тюркская филология. — Там же, С. 66–82.
- Обнорский С.П.* Памяти А.М.Селищева. — Там же, С. 7–10.
- Петерсон М.Н.* А.М.Селищев — деятель высшей школы. — Там же, С. 83–84.
- Петерсон М.Н.* А.М.Селищев (Биографическая справка). — Там же, С. 3–6.
- Василевская Е.А.* Архив проф. А.М.Селищева // Изв. АН СССР, ОЛЯ. — 1959.— Т. 18. — Вып. 1. — С. 73–74.
- Усикова Р.П.* Памяти проф. А.М.Селищева // Вестник Моск. ун-та. Серия филол. — 1968. — № 3. — С. 94–95.
- Василевская Е.А.* А.М.Селищев (1886–1942) // Русская речь. — 1969. — № 2. — С. 36–40.
- Булахов М.Г.* Селищев Афанасий Матвеевич // Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь. — Минск, 1977. — Т.3. — С. 187–193.
- Бернштейн С.Б.* А.М.Селищев — славист-балканист. — М., 1987. — 112 с.

К.Г.Красухин

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕРЕБРЕННИКОВ

Борис Александрович Серебрянников, один из крупнейших в мире специалистов по индоевропейскому, финно-угорскому и тюркскому языкознанию, родился в Москве 6. III (по новому стилю) 1915 г., умер 27. II. 1989 г. Отец Бориса Александровича, по национальности коми, был кандидатом педагогических наук, специалистом по методике преподавания биологии. Детство, проведенное в двуязычной среде, предопределило интерес Б.А.Серебрянникова к языкам. После школы он окончил курсы переводчиков с немецкого языка, а в 1934 г. поступил на вновь открытое классическое отделение МИФЛИ (Московский институт философии, литературы, искусства), успешно закончив его в 1939 г. Надо сказать, что с 1917 по 1934 г. специальности «классическая филология» в советских вузах не существовало, специалисты в этой области перебывали по большей части преподаванием философии или латинского языка в медучилищах. Таким образом, Б.А.Серебрянников вместе с однокурсниками стал одним из первых филологов-классиков нового поколения.

Его интересы не ограничивались латынью и древнегреческим. С детства владея родным языком отца — коми, он смолodu усердно изучал финно-угорские языки, и к окончанию университета владел и венгерским, и финским, и волжско-финскими языками. Интересовался он также и тюркологией, особенное внимание уделяя волжским языкам (татарскому, башкирскому, чувашскому), которые (прежде всего чувашский) образуют вместе с волжско-финскими языковой союз. Обладая уникальными способностями полиглота, Серебрянников овладел примерно 30 языками. Особенно хорошо он знал (мог говорить без акцента) немецкий, английский, французский, финский, венгерский и коми; читал на многих языках, не входивших непосредственно в область его научных

интересов: по-грузински, китайски, японски, арабски. Обычно полиглоты не становятся крупными лингвистами-теоретиками (к примеру, итальянский лингвист Альфредо Тромбетти (1866–1929), говоривший на 70 языках, был фантазёром, уверенно реконструировавшим в своих трудах общечеловеческий праязык). Происходит это потому, что оба дара — к усвоению новых языков и к интерпретации языкового материала — встречаются достаточно редко, а их сочетание — еще реже. Борис Александрович и был лингвистом, обладавшим таким редким сочетанием способностей. Диапазон его интересов был очень широк: историческая фонетика, морфология и синтаксис индоевропейских, уральских и тюркских языков, методология сравнительного языкознания, типология, философия языка, язык и мышление. Все эти проблемы он рассматривал с привлечением материала всех известных ему языков.

После окончания МИФЛИ Б.А.Серебренников был оставлен в аспирантуре при кафедре классической филологии под руководством проф. М.Н.Петерсона (1885–1962), взяв темой артикль у Геродота. С самого начала Великой Отечественной войны он был призван в действующую армию, работал переводчиком в войсках НКВД. Демобилизовавшись в 1946 г., Б.А.Серебренников быстро защищает кандидатскую диссертацию, в должности старшего преподавателя ведет со студентами практические занятия по древнегреческому и латыни, читает курсы истории этих языков. Его диссертация «Некоторые особенности функционирования артикля у Геродота», к сожалению, неопубликованная, дает ясное представление о характере научной методологии Бориса Александровича. Введение к этой работе, трактующее типологические особенности артикля на материале разноструктурных языков, по объему превышает часть, отведенную собственно Геродоту. Иными словами, внимание молодого ученого было приковано к сопоставлению большого количества языков в синхронном и диахронном плане. Позднее это направление в языкознании будет именоваться кросс-лингвистикой. В отличие от многих современных кросс-лингвистов, знающих не языки, а только их грамматические описания, Б.А.Серебренников привлекал материал языков, которыми профессионально владел.

Обстановка конца 40-х годов, в которой работал молодой ученый, была очень неблагоприятной для сравнительно-исторического языкознания. Последователи акад. Н.Я.Марра (1864/65–1934) решили покончить с представителями традиционного языкознания и, прежде всего, с «буржуазными» индоевропеистами. К изгнанию из вузов были намечены крупнейшие ученые: А.А.Реформатский (1900–1978) и учитель

Б.А.Серебренникова М.Н.Петерсон. Но весной 1950 г. газета «Правда» вдруг объявила о застое в области советского языкознания и необходимости его преодоления. В том же номере была опубликована статья академика АН Грузии А.С.Чикобава (1898–1985), посвященная критике учения Н.Я.Марра. Затем выступил действительный член (АН) СССР, академик-секретарь Отделения литературы и языка И.И.Мещанинов (1883–1967). Признав ошибочным ряд положений в теории Марра, Мещанинов, однако, осудил Чикобаву за возврат к «буржуазной науке». После этого 23 мая 1950 г. в «Правде» выступил 35-летний старший преподаватель МГУ Б.А.Серебренников. Он подверг теорию Марра особенно резкой и суровой критике, показав ее полную научную несостоятельность. Основным ее пороком, по мнению Серебренникова, явилось пренебрежение историей языка, опора на сравнение слов с внешним, поверхностным сходством. Вместе с тем в сравнительном языкознании со времен Франца Боппа (1791–1867) аксиомой является утверждение о том, что доказательством родства слов в сравниваемых языках является не сходство, а закономерность в различиях звуков слов.

Выступление Б.А.Серебренникова могло бы ему доставить немало неприятностей; его кандидатский стаж в КПСС был приостановлен. Но вскоре картина переменялась: в дискуссию по вопросам языкознания вступил сам И.В.Сталин и высказался отнюдь не в пользу Марра. Статья Сталина представляла собой изложение вполне тривиальных истин; но ее значение состояло в том, что после нее никто не решался опровергать эти трюизмы с лихостью Марра и его последователей. Б.А.Серебренников как один из немногих оставшихся в СССР последовательных компаративистов, в 1952 г. был избран член-корреспондентом АН СССР, а академик В.В.Виноградов (1894/95–1969), директор Института языкознания РАН, пригласил его своим заместителем. В Институте языкознания Б.А.Серебренников организовал Сектор общего и Сектор финно-угорского языкознания и до конца жизни заведовал обоими. С 1960 по 1964 г. являлся директором Института. Он развернул активную работу, написал и стал ответственным редактором множества трудов по общему, индоевропейскому и финно-угорскому языкознанию. Немало сил он затратил на борьбу с марризмом. В его многочисленных публикациях начала 50-х годов несостоятельность марризма рассматривается уже не на уровне популярного издания, а подкрепляется серьезными научными аргументами. В этих работах Серебренников показал, что основные положения Марра (о классовости языка, о языковых революциях, о слиянии и «скреживании» языков и т.д.) противоречат действи-

тельности; методология Марра антинаучна, ибо основана только на внешних сравнениях. Следует подчеркнуть, что эта деятельность ученого была бесконечно далека от жанра доноса. Дискуссия о языкознании 1950 г. была самой бескровной из всех научных кампаний того времени. Достаточно сказать, что ни один из марристов не был не только арестован, но большинство не было и снято с работы. Так, И.И.Мещанинов (1883–1967), будучи отстранен от должности академика-секретаря, продолжал трудиться в качестве сотрудника Института языкознания, выпустил после 1953 г. три монографии. В.И.Абаев (1900–2001), в молодости маррист (хотя и умеренный, с оговорками) переехал из Ленинграда в Москву и создал в Институте языкознания Сектор иранских языков¹. Поразительный контраст с дискуссиями о биологии и медицине! Видимо, это можно объяснить тем, что в полемике о наследии Марра одержали верх настоящие ученые, не стремившиеся физически уничтожить оппонентов. Критика Марра и марризма способствовала прогрессу языкознания, снятию с него идеологических оков. После 1950 г. термин «буржуазная лингвистика» не то чтобы вышел из употребления (его применяли к некоторым направлениям структурализма), но утратил свое зловещее звучание.

Будучи уже член-корреспондентом АН СССР, Б.А.Серебренников в 1956 г. защитил докторскую диссертацию «Система времен в волжско-финских и пермско-финских языках»; в 1960 г. вышла отдельная книга, посвященная пермским языкам. В этой работе автор поставил вопросы, которые и до сих пор не утратили своей актуальности: о соотношении вида и времени, о применимости понятия «вид», возникшего в славянском языкознании, к изучению языков иных структур и т.д. Сам исследователь отмечал, что вид — это все-таки специфическое исконно славянское понятие, не столько словоизменительная, сколько словообразовательная категория. Поэтому для иноструктурных языков он пользовался немецким термином *Aktionsart*, дословно «способ действия». С точки же зрения истории языков проблема заключалась в эволюции

¹ Исключение составили только С.Д.Кашнельсон, уволенный из Ленинградского отделения Института языкознания и в 1951–1954 г., работавший профессором Ивановского пединститута, и Н.Ф.Яковлев. После смерти Сталина Соломон Давидович благополучно вернулся в Ленинград, где и проработал до конца жизни, выпустив выдающиеся труды «Сравнительная акцентология германских языков» (Л., 1964), «Содержание слова, значение и обозначение» (Л., 1967), «Типология языка и речевое мышление» (Л., 1972). Николаю Феофановичу вернуться в науку помешал перенесенный инсульт.

граммем, обозначающих категории времени. Так, марийский и мордовский перфект развились, с одной стороны, в значение длительного действия, с другой — приобрели так называемое пересказательное значение, т.е. стали указывать на действие, о котором говорящий сообщает с чужих слов. Из этого вышло значение модальности. И в дальнейшем Б.А.Серебренников продолжал активно исследовать сравнительно-историческую грамматику финно-угорских языков, например, в книгах (Серебренников, 1964); в работах, вышедших под его редакцией (Основы, 1974–1976; Исследования, 1974), и многочисленных статьях, опубликованных в бывшем Советском Союзе и за рубежом. Нет, пожалуй, ни одного вопроса в сравнительной фонетике и грамматике финно-угорских языков, не затронутого в работах Б.А.: происхождение финно-угорских и самодийских падежей, глагольных времен, развитие фонологических систем и т.д. Придавая большое значение ареальным исследованиям, он вместе с К.Е.Майтинской выступил инициатором книги «Финно-волжская общность» (1990).

Активно изучал Б.А. и тюркские языки. Сперва его заинтересовали тюркские составляющие волжского языкового союза: несколько работ он посвятил исторической грамматике чувашского, татарского и башкирского языков (ср., напр., Серебренников, 1964.). Б.А.Серебренников отметил, что структурно система времен в этих языках очень напоминает волжско-финскую: тот же набор граммем со сходными путями эволюции. Генетически неродственные языки оказались типологически весьма сходны. Углубленные тюркологические штудии завершились изданием двух обобщающих работ, написанных Б.А. Серебренниковым в соавторстве с выдающимся тюркологом Нинель Зейналовой Гаджиевой (1924–1991): (Серебренников, Гаджиева, 1974; 1986). А в работе (Серебренников, Гаджиева, 1983) соавторы описали основные синтаксические структуры тюркских языков и предприняли попытку реконструировать пратюркские модели синтагм.

Такой широкий кругозор предопределил и направления работ Б.А.Серебренникова в области общего языкознания. Здесь можно выделить две линии: методология компаративистики и философские вопросы языка. Разделение это, впрочем, достаточно условно. Б.А.Серебренников, изучая любое языковое явление, рассматривал его на огромном количестве языков, которыми он владел, причем по возможности старался показать его в историческом развитии. В языке он четко выделял две стороны: содержательную и формальную. И в соответствии с этим языковые изменения подразделялись им на внешние и

внутренние. В принципе, в этом разделении нет ничего оригинального, но надо учесть атмосферу, в которой работал Борис Александрович. В 50-70-е годы многие советские лингвисты полагали, что всякая языковая эволюция происходит (пусть опосредованно) под влиянием внешних факторов. Возражая им, Б.А.Серебренников справедливо отмечал, что закон открытых слогов в славянских языках или германское передвижение согласных не связано ни с какими событиями в жизни народа. Почему же происходят языковые изменения? На этот вопрос наука не может точно ответить и сейчас. Но объяснения, данные Б.А.Серебренниковым, пожалуй, наилучшим образом приближают нас к ответу на этот вопрос.

В области грамматики Б.А.Серебренников отмечал следующие частотные изменения (фреквенталии), возникающие прежде всего благодаря либо развитию нового значения у старых формативов, либо путем объединения различных прежде самостоятельных форм: 1. Превращение суффиксов собирательности в показатели множественности. Это явление широко развито в тюркских, монгольских и тунгусо-манчжурских языках. Таков суффикс *-ja* в финских (коми-перм. *koz* «ель» — *koz-ja* «ельник», но удмурт, *tir* «топор» — *tir-jos* «топоры»). 2. Превращение суффиксов собирательности в уменьшительно-ласкательные: тот же суффикс образует в удмуртском имя *guž*-у «ноготок» при коми-зыр. *guž* «ноготь». 3. Переход тех же суффиксов в показатели прилагательных: а) прилагательные со значением ослабленного качества; б) прилагательных со значением ослабленного качества; в) относительных прилагательных (ср. фин. *koivu-kko* «березняк» от *koivu* «берёза», но горномарийск. *кужи-кӱ* «длинноватый» — *кужу* «длинный»; суффикс *-ka* присутствует и в ненецк. *пиця-рка* «великоватый»; в тюркских языках собирательный *-lik* могут образовать и относительные прилагательные: хакас. *хар* «снег» — *хар-лыг* «снежный»). 4. Превращение собирательной множественности в абстрактную: такова, по мнению Б.А.Серебренникова история тюркского плюрального суффикса *-lag* (из собирательных *-1* и *-r*). Но этим не ограничивается эволюция собирательных суффиксов. Они преобразуются также в суффиксы абстрактных существительных (тюрк, *-lik*: турецк. *ak-lik* «белизна»), а также в форманты участительных глаголов и глаголов, обозначающих становление какого-либо качества. Так, собирательный суффикс *-s* в венгерском участвует в образовании фреквентативных глаголов: *futo-s* «бегать» (*futo* «бежать») и т.д. Суффикс *-r* указывает на становление качества в тюркских языках: *sarı* «желтый» — *sarırtmak* «желтеть». Таким образом, довольно конкретная категория собирательности, обозначающая совокупность предметов, преобразова-

лась в дискретную множественность, а также в более абстрактные категории качества, принадлежности, абстрактного действия. Что же касается фреквативных глаголов, то в них существует еще одна важная черта: связь с отыменными и каузативными глаголами. Так, древнегреческое φορέω «носить» производно, очевидно, не непосредственно от φέρω «нести», а скорее от φόρος «ноша», тот же тип представлен и в каузативном φοβέω «пугать» (φέβομαι «бояться»), а также в лат. doceo «учить», moneo «убеждать».

Другие фреквативалии в глагольном словоизменении суть следующие. 1. Образование личных форм глагола на базе причастий. Так развились, с одной стороны, формы прошедшего времени на базе страдательных причастий в новоперсидском и хинди, с другой — настоящее время в современном иврите. 2. Развитие форм будущего времени из различных источников: с помощью вспомогательных глаголов со значением «хотеть» или «становиться», а также «приходить»; из сослагательного или желательного наклонения; из форм со значением участительного действия и т.д. С другой стороны, и категории косвенных наклонений не являются первичными в языке. Они могут развиваться из простого изъявительного наклонения (таков по происхождению ведический инъюнктив — особая модальная категория, чаще всего употребляемая в запретах; русское условное наклонение происходит из сочетания причастий с вспомогательным глаголом в пошедшем времени), из форм многократного действия, которое переосмыслиется как малорезультативное (в саамском языке суффикс -s- регулярно образует условное наклонение, а иногда — и фреквативные глаголы). Иногда в той же функции употребляются аффиксы, близкие к именным уменьшительно-ласкательным показателям (так, общетюркский оптатив -*кай*, -*гай* имеет то же происхождение, что и соответствующий уменьшительный суффикс). Особенно интересна фреквативалия — развитие модальных наклонений на базе перфекта. Она имеет место и в тюркских, и в финно-угорских, и в болгарском и албанском языках. В тех контекстах, где перфект не обозначает достигнутого результата, он употребляется в значении действия, которому говорящий сам не был свидетелем, а пересказывает его с чужих слов. Так различаются болг. *избягал* «(говорят, что) он убежал» (перфект) и *избягах* «убежал» (аорист), албан. *erdhi* «он пришёл» (очевидное действие) и *ka ardh* «я слышал, что он пришел». Возможно, в этих балканских языках категория пересказательности развилась под влиянием турецкого, где четко противопоставлены формы *geldi* «он пришел» и *gelmiş* «говорят, что он пришел».

Такое серьезное внимание к категории наклонения в книге Б.А.Серебрянникова, конечно, не случайно. Дело в том, что модальность представляет собой одну из центральных, а вместе с тем и очень непростых черт языка. Понимание того, что действие происходит не в реальности, а в воображении, требует определенной стадии развития абстрактного мышления, умения отделить реальность от воображения. Б.А.Серебрянников показал, каким образом человек выполняет эту задачу и как различные языки отражают процесс развития грамматических категорий. Наиболее абстрактным понятием оказывается будущее время, которое обозначает событие, еще не произошедшее, но должно свершиться с точки зрения говорящего. Именно поэтому оно выражается либо граммемами нереальности и долженствования (время, которое еще не наступило, но должно настать), либо суффиксами ослабленного действия, либо лексемами со значением «становиться, приходить», либо оборотами с инфинитивом, который, как правило, имеет модальное значение. Таким образом, Б.А.Серебрянников реконструировал ряд грамматических изменений: индикатив субъюнктив футурум.

Не меньшее внимание Серебрянников уделил развитию категории залога. Это также одна из важнейших категорий языка, так как она выражает взаимоотношение участников действия, о котором сообщается в предложении. В частности, категория страдательного залога представлена во многих языках мира, но, как показывает их история, она, как правило, является производной. В русском и скандинавских языках страдательный залог часто формируется на базе возвратного, выраженного соответствующими местоимениями (*он умывается* — возвратный залог; *дом строится рабочими* — страдательный). С помощью возвратного местоимения *se* страдательный залог образуется в современных романских языках (испан. *la casa se construe* «дом строится», итал. *i biglietti si vendono* «билеты продаются», румын. *cartea se traduce in limba romina* «книга переводится на румынский язык»). В мордовском языке суффикс *-v-* имеет как возвратное, так и пассивное значение (эзя-морд, *velt à-v-oms* «покрываться», но *lede-v-ems* «быть скошенным»). Часто страдательный залог совпадает по форме с медиальным, т.е. указывающим на то, что субъект обращает действие на самого себя или совершает его в свою пользу. Например, в настоящем времени и перфекте древнегреческого языка медиаль формально не отличается от пассива. В других случаях страдательный залог развивается на базе глаголов со значением состояния: греческий пассивный аорист имеет то же происхождение, что латинские и балто-славянские глаголы состояния на *-ē-*: лат. *timēre* «бо-

яться», *rubēge* «быть красным» — греч. εἶβλῆν «я был побит», но также и статив εἰάβην «я обезумел». Суффикс стативного глагола -i- в балтославянском, по-видимому, имеет то же происхождение, что и суффикс армянского пассива: слав. бѣдитъ — *berim* «я несом». Того же происхождения и индоиранский пассив на -yá-: *budhyáte* «его будят». В других случаях пассивный залог развивается на базе каузативных и участительных суффиксов: древнеиндийский каузативный суффикс -áya-, по-видимому, близок к пассивному -yá-; финские глаголы на -ta- каузативны, но с помощью того же суффикса образуется и безличный пассив: *poltta* «жечь, заставляя гореть» — *sanottaan* «говорится, говорят». Пассивные формы обнаруживают сходство с безличными (*говорят* = *говорится*), так как в обоих случаях подлинный деятель не выражен в глаголе. Явно сходство пассива и перфекта: обе граммы выражают состояние в результате прошлого действия.

И здесь мы сталкиваемся с селективной работой сознания. Страдательный залог сложен тем, что выражает не вполне очевидное положение дел, а именно процесс, описанный с точки зрения не субъекта, а объекта. Поэтому вместо категории действия здесь выступает менее наглядная категория претерпевания. И она выражается с помощью обозначения 1) самонаправленного действия; 2) состояния; 3) результата; 4) каузативности и участительности (обозначающими ослабленное действие); Б.А.Серебренников замечает, что в предложении *Конюх поит коня* конюх по сути не совершает действия, так как пьет сам конь). Изменения во всех этих способах при образовании пассива заключаются в том, что появляется некий внешний сторонний деятель, не включенный в структуру сказуемого (поэтому предложения *дом строится* и *дом строится рабочими* выглядят законченными вне контекста, тогда как предложение *строят дом* вне контекста ущербно).

Философские вопросы наиболее подробно рассмотрены в книге «Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление» (1988). Здесь он опять-таки на огромном лингвистическом материале рассматривает типы фонетических и грамматических изменений и их связь с мыслительными категориями. В специальном разделе «Об имманентных законах языка» развивается любимая мысль Б.А.Серебренникова: языковые изменения — это чрезвычайно сложные и разноплановые явления, для которых просто невозможно найти единую причину. Некоторые из них протекают под влиянием внешних факторов (например, в результате языковых контактов и т.д.), а другие обусловлены исключительно внутренними закономерностями. Откуда берутся эти закономерности? И

здесь большую роль играет еще одно любимое понятие Б.А.Серебренникова: лингвотехника. Под этим словом он подразумевает все способы языковых выражений. Они не даются как нечто абстрактное и застывшее, но максимально совершенствуются. Мы уже говорили о требованиях удобства артикуляции как причинах фонетических изменений. В грамматике также действуют законы, связанные с удобством выражения. А эти удобства, в свою очередь, взаимосвязаны с человеческим сознанием. Сознание человека основано на ощущениях, восприятиях и представлениях, которые соединяются в обобщенные образы. Эти ментальные представления и соответствуют единицам языка, и прежде всего словам. Но человек мыслит не отдельными образами, а целыми ситуациями, в которых образы вступают друг с другом в определенные отношения. Эти отношения и выражает грамматика. Таким образом, к грамматике предъявляются требования наилучшим образом передавать отношения предметов мысли. В процессе развития языка иногда технические языковые средства вступают в противоречие с мыслью. И в этом случае оно должно каким-то образом преодолеваться (сниматься, как сказал бы Гегель). Например, большое количество падежей, имевшее, по-видимому, место в праиндоевропейском, подверглось падежному синкретизму благодаря тому, что функции некоторых из них пересекались. Но возникшая таким образом многозначность падежей вступила в противоречие с человеческим сознанием, оказалась неудобной для него, и это противоречие было снято путем развития более однозначных предложных конструкций.

Для понимания связи языка и мышления очень большую роль играет классификация мышления, разработанная Серебренниковым. Он выступил решительным противником точки зрения, согласно которой мышление невозможно без языка. Нельзя сказать, что он был в этом абсолютно оригинален. Один из величайших психологов XX в. Л.С.Выготский (1896–1934) в своей книге «Мышление и речь» обосновал происхождение обеих категорий из совершенно разных источников. Животным свойственны зачатки мыследеятельности; они пользуются сигнальной системой. Но животные не выражают сигналами своих мыслительных операций. Однако некоторые лингвисты, с которыми Б.А.Серебренников полемизировал всю жизнь (например, Р.А.Будагов (1910–2001) рассуждали так: мысль воплощается в слове, следовательно, без слова она невозможна. Делались ссылки на известный «феномен Робинзона»: человек, пробывший несколько лет в полной изоляции, забывает родной язык и теряет способность мыслить. Это бесспорно; но

тем не менее мышление отдельного человека включает в себя как вербальные, так и невербальные компоненты. Борис Александрович выделяет следующие типы авербального мышления.

А. Образное мышление. Оно оперирует не понятиями, а отпечатками конкретных предметов и ситуаций. Образное мышление, по видимому, старше человечества: зоопсихологи находят его зачатки у животных. Запечатлевая в памяти случившиеся с ними события и их фрагменты, животные строят свои ассоциативные модели мира, помогающие им в мире ориентироваться. Образное мышление играет большую роль в художественном творчестве. Именно его принципиальная авербальность сильно затрудняет задачу передать свои образы собеседнику. Выдающийся творец — тот, кто может преодолеть эти трудности.

В. Практическое мышление. Оно направлено на решение вполне конкретных задач, не требующих теоретического осмысления. Это — тоже очень древний тип мышления, возможно, основной для первобытного человека. Именно благодаря ему он мог ориентироваться на местности, изготавливать орудие, заниматься охотой и собирательством. В наше время практически мыслит человек, выполняя хорошо известную ему работу: шофер, ведущий машину, женщина, вяжущая чулок.

С. Авербально-понятийное мышление. В процессе мышления и говорения часто возникают ситуации, когда присутствующее в высказывании понятие не находит адекватного языкового выражения. Например, во многих языках нет категории глагольного вида. Таким образом, тонкие оттенки, выражаемые видовыми суффиксами (завершенность, начинательность, участительность действия и т.д.) не находят адекватного выражения в языке. Но это не означает, что говорящий их не может понять. Категория придаточных предложений — явление сравнительно позднее, в некоторых языках слабо развитое. Но смысловая связь предложений может ощущаться и при простом сочинении: в высказывании *Я живу в доме; дом стоит на берегу реки* ясно, что второе предложение определяет первое.

Д. Редуцированное мышление. Практика человеческой мыслительности такова, что далеко не во всех ситуациях необходимо проговаривать их полное описание. Гораздо чаще достаточно лишь обозначить ключевые моменты ситуации. В этом отношении особенно показательна внутренняя речь. В ней присутствуют единицы, отдаленно напоминающие слова внешней речи, минимально грамматически оформленные, соответствующие целому комплексу слов во внешней речи. Они подчеркнуто предикативны, так как выражают исключительно рему высказывания,

тогда как тема думающим подразумевается. Диалогическая речь отчасти напоминает внутреннюю именно опущением темы.

Е. Мышление, направленное на конкретный результат. Оно близко к образному мышлению и представляет собой попытку предвидения или восстановления определенной ситуации, например, если человек переходит железнодорожный путь и предвидит проезд поезда.

Ф. Лингвокреативное мышление. Как и следует из названия, оно максимально приближено к языку. Это — создание новых слов и понятий на базе языковых средств. В каждом новом слове, как показывает этимология, всегда находится мотивировка, т. е. общие черты, позволяющие связать его со старым. При этом мотивировки в разных языках оказываются совершенно различными. Так, русское слово *заяц* связано с корнем *ghei- «прыгать», немецкое *Hase* — с древневерхненемецким *hasan* «серый», венгерское диалектное *füles* — *fül* «уха». Мотивировки касаются не только лексики, но и грамматики. Так, особый падеж партитив развивается (в финно-угорских языках), как правило, на базе аблатива. В русском языке такого падежа нет; он исчез в праславянскую эпоху. Поэтому здесь партитивность развилась на базе генитива.

Именно наличие множественности мотивировок и особенности лингвокреативного мышления придают языку его глубокое своеобразие. Примечательно, что в разных языках существуют грамматические категории, выражающие довольно важные смыслы, но отсутствующие в других. Например, в большинстве европейских языков нет категории неочевидности и пересказательности; однако в контексте неочевидность события, о котором сообщает высказывание, может быть весьма ясной. И тем не менее отсутствие единого слова или граммы для выражения того или иного смысла следует считать недостатком лингвокреативного мышления. В процессе языкового развития такие недостатки могут быть преодолены.

Большое внимание Б.А.Серебренников уделял типологии. Собственно говоря, те его исследования в области общей исторической фонетики и грамматики, о которых речь уже шла, имеют отношение к типологии, так как моделируют общую теорию языковых изменений. Но у него есть работы, посвященные специальным проблемам типологии. Так, Борис Александрович занимался проблемами типологических импликаций (явление *A* в языке предполагает наличие явления *B*). В его книге «Вероятностные обоснования в компаративистике» (1974) приводится значительный список статических и динамических импликаций в области фонетики и грамматики. Приведем несколько. Долгие гласные чаще быва-

ют закрытыми, а краткие — открытыми. В эргативных языках, как правило, отсутствует страдательный залог. Наличие перфекта, как правило, предполагает наличие и плюсквамперфекта (статические импликации). Ротацизм звука *z* связан с увеличением количества спирантов. Сужение гласных влечет за собой и редукцию некоторых из них. Специально рассмотрены структурные аномалии, например асимметрия падежных форм (т.е. несовпадение падежных окончаний единственного и множественного числа), которая может свидетельствовать о существенной перестройке падежной системы, ее трансформации из симметричной. Но в специальной работе Б.А.Серебренников отметил, что типология не может быть только имплицативной. Между фонологией и системой времен в языке едва ли можно найти параллели, свидетельствующие об их взаимовлиянии. Таким образом, импликации — необходимая, но недостаточная составляющая типологических штудий.

Довольно нетривиален был взгляд Б.А.Серебренникова на эргативную конструкцию предложения. Вопреки мнению о том, что эргативный строй — это особая стадия и чуть ли не необходимый этап в развитии языка, Б.А.Серебренников полагал, что эргативная конструкция предложения — это разновидность номинативной, возникшая в тех языках, которые утратили морфологическое различие субъекта и объекта действия. Эргативная флексия — это способ маркировки деятельного субъекта в предложении. Этому служат и серии субъектных и объектных показателей в глаголе.

Итак, что же такое язык по Б.А.Серебренникову? В его многочисленных книгах и статьях вырисовывается следующая картина. Язык — это чрезвычайно сложная многоуровневая система, подвергающаяся постоянным изменениям, обусловленным самыми разными факторами, как внешними, так и внутренними. К последним относятся, с одной стороны, удобство в произношении, с другой — адекватное воспроизведение действительности. Поэтому языковые изменения отражают приспособление языка к мысли, работу мысли над освоением мира.

Осталось сказать несколько слов о наследии Б.А.Серебренникова. Как финно-угровед он пользуется заслуженной известностью во всем мире. Его работы по истории отдельных уральских языков и целых языковых групп, вне всякого сомнения, составили целую эпоху. Но, к сожалению, его штудии в области теории исторического языкознания оказались во многом забыты. Автору этих строк неоднократно приходилось сталкиваться на международных конференциях с тем, что докладчики высказывали мысли, близкие к идеям выдающегося русского лингвиста,

но совершенно не знали его работ. Пропаганда идей Бориса Александровича — задача русских лингвистов.

Литература

Основы финно-угорского языкознания. — М., 1974. — Т. 1. — 484 с.; 1975. — Т. 2. — 337 с.; 1976. — Т. 3. — 464 с.

Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам. — М., 1978. — 328 с.

Основные работы Б.А.Серебренникова

Серебренников Б.А. Категории вида и времени в финно-угорских языках пермской и волжской группы. — М., 1960. — 300 с.

Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. — М., 1964. — 391 с.

Серебренников Б.А. Система времен татарского глагола. — Казань, 1964. — 76 с.

Серебренников Б.А. Об относительной самостоятельности языковой системы. — М., 1968. — 127 с.

Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. — М., 1974. — 352 с.

Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языковой действительности. — М., 1983. — 319 с.

Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. — М., 1988. — 247 с.

Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительная грамматика тюркских языков. — М., 1979. (2-е изд. — 1986). — 304 с.

Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительная грамматика тюркских языков. — М., 1983. — 284 с.

Основная литература о Б.А.Серебренникове

Н.Д.Арутюнова, Е.С.Кубрякова, Ю.С.Степанюк. Академик Б.А.Серебренников (к 70-летию со дня рождения) // Известия АН СССР СЛЯ. — М., 1985. — № 4. — С. 246–247. БСЭ, 1976. — Т. 23. — С. 297. — Стлб. 878.

Красухин К.Г. Серебренников как компаративист // Вопросы филологии. М., 2000. — № 3(6). — С. 5–13.

Широков О.С. Борис Александрович Серебренников (1915–1989) // Вестник Московского университета, сер. 9 «Филология». М., — 1989. — № 4. — С. 71–74.

В.В.Потапов

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ СИДОРОВ

Известный русский языковед и педагог, Владимир Николаевич Сидоров (4 (17) декабря 1903, Рязань — 29 марта 1968, Москва) — специалист по истории русского языка, описательной и исторической фонетике и фонологии, орфоэпии, диалектологии, теории лингвистической географии и орфографии русского языка. Наряду с Р.И.Аванесовым, П.С.Кузнецовым, А.А.Реформатским, А.М.Сухотинным он являлся одним из создателей Московской фонологической школы (МФШ).

Владимир Николаевич Сидоров родился в семье педагога (впоследствии его отец - Николай Павлович Сидоров — преподавал древнерусскую литературу и фольклор в МГПИ им. В.П.Потемкина). Родом Владимир Николаевич был из интеллигентной семьи. Дедушка по материнской линии был священником и преподавал в духовной семинарии в Рязани еще И.П.Павлову. Владимир Николаевич имел брата, Бориса Николаевича, известного генетика, ученика А.С.Серебровского, и сестру, Ольгу Николаевну Комову, челюскинку. В.Н.Сидоров был широко образованным человеком и интересным собеседником. Он прекрасно знал поэзию, театр, музыку и живопись.

В 1921 г. В.Н.Сидоров поступил в 1 Московский университет на этнологический факультет (отделение литературы и языка, цикл русского и славянских языков). Слушал лекции, которые читали ученики Ф.Ф.Фортунатова (основателя и главы Московской лингвистической школы) — Н.Н.Дурново, М.Н.Петерсон, А.М.Пешковский, Д.Н.Ушаков и близкий к Московской школе А.М.Селищев. В.Н.Сидоров становится последователем этой школы. В своих трудах он

неизменно проводит в жизнь основное ее положение: язык — это система.

Будучи студентом, В.Н.Сидоров принимает участие в диалектологических экспедициях в Воскресенский и Можайский уезды Московской губернии, организованных Постоянной комиссией по диалектологии русского языка АН СССР, членом которой он избирается в 1927 г. Результатом поездок была квалифицированная (дипломная) работа «Описание говора западной половины Воскресенского уезда и Ореховской волости Можайского уезда Московской губернии».

В 1926 г. окончил 1-й Московский университет. Работал научным сотрудником Государственного музея Центральной промышленной области, старшим научным сотрудником Научно-исследовательского института языкознания (Москва), Арктического института ГУСМИ в Красноярске, Института русского языка и Института языкознания АН СССР (Москва), преподавателем и доцентом Московского и Красноярского педагогических институтов, а также Московского университета. Наряду с этим он участвовал в этнографических и диалектологических экспедициях, изучал говоры рязанской Мещеры и переходные говоры Тульской области, выступал с докладами — отчетами на заседаниях Постоянной комиссии. В 1944 г. защитил кандидатскую, в 1963 г. — докторскую диссертацию.

С 1927 по 1931 г. В.Н.Сидоров в соавторстве с Р.И.Аванесовым и Л.Б.Перельмуттером пишет и издает учебники и пособия для общеобразовательных курсов, школ молодежи и педагогических техникумов. В 30-х годах Владимир Николаевич совмещает собственно научную работу в Научно-исследовательском институте языкознания (в секторе истории русского языка и секторе по изучению грамматики и типологии языков народов СССР) с преподаванием в Редакционно-издательском институте и в МГПИ им. В.П.Потемкина.

Во время войны В.Н.Сидоров с семьей эвакуируется в Красноярск. В 1944 г. Владимир Николаевич возобновляет педагогическую работу в МГПИ им. В.П.Потемкина и в этом же году поступает в Институт русского языка АН СССР, где работает вначале в секторе диалектологии, а затем в секторе истории русского литературного языка.

Лингвистические интересы В.Н. Сидорова были широки и разнообразны. Анализируя звуковой строй современного русского языка, Владимир Николаевич Сидоров вместе с Рубеном Ивановичем Аванесовым заложили основу МФШ.

По словам В.Н.Сидорова, он и другие московские фонологи при разработке своей теории исходили из идей Н.Ф.Яковлева и Г.Г.Шпета и не испытывали влияния Ф. де Соссюра. Владимир Николаевич считал, что в «Курсе общей лингвистики» Соссюра фонетика в основном изложена традиционно, новым является только определение фонемы. С якобсоновским определением фонемы как пучка различительных признаков В.Н. Сидоров не соглашался, так как эти признаки при функционировании языка, если оставаться в его пределах, не являются очевидными: *cor, бор, пор*. Различия по месту, способу образования и т.д. становятся очевидными, если анализировать звук с позиции физиологии (Борунова, 1996).

В группу молодых лингвистов, назвавших себя «Новомосковской школой» (термин А.А.Реформатского), в отличие от Московской школы Ф.Ф.Фортунатова, входили (кроме Р.И.Аванесова и В.Н.Сидорова) П.С.Кузнецов, А.А.Реформатский и А.М.Сухотин.

Фонологическая теория МФШ была следствием практической деятельности Р.И.Аванесова и В.Н.Сидорова, их успешных попыток представить фонетическую (звуковую) сторону русского языка как систему. В этой работе большую роль сыграли их занятия диалектологией. Будучи участниками антропологической экспедиции по изучению Нижегородско-Вятского края, Р.И.Аванесов и В.Н.Сидоров объездили огромные пространства. Результатом поездок было описание фонетики северного Поветлужья, которое стало одним из подступов к созданию фонологической теории (Аванесов, Сидоров, 1931).

Чисто фонологические взгляды московских лингвистов, по воспоминаниям В.Н.Сидорова и А.А.Реформатского, во многом оформились под влиянием одного из крупнейших лингвистов — востоковеда Н.Ф.Яковлева, работавшего в те годы в комитете по созданию алфавитов для бесписьменных языков народов СССР. В статье «Реформа орфографии...» было дано обоснование фонемы как знака, обладающего смыслоразличительной функцией.

Позже в «Очерке грамматики русского литературного языка» (Аванесов, Сидоров, 1945) в разделе «Фонетика» Р.И.Аванесов и В.Н.Сидоров дали толкование фонем и системы фонем. Были сформулированы понятия фонетической позиции (т.е. положения фонемы в слове), сильной и слабой позиции, даны определения видоизменений (модификаций) фонемы. В дальнейшем В.Н.Сидоров пришел к необходимости выделения так называемой гиперфонемы в тех случаях, когда звук в слабой позиции не чередуется со звуком в сильной позиции, так, в слове собака — гиперфонема о/а. В

свое время за идею гиперфонемы его и Р.И.Аванесова обвинили в агностицизме, «...как будто они говорили о непознаваемости фонемы» (Борунова, 1996: 77). В последующие годы фонологическая теория МФШ получила широкое признание и распространение.

Важные положения теоретических взглядов Р.И.Аванесова и В.Н.Сидорова на систему фонем русского языка представлены в их работе «Система фонем русского языка», которая была составной частью «Очерка грамматики русского литературного языка» (1945) (Аванесов, Сидоров, 1970б).

В этой работе дается определение фонемы: «...самостоятельные звуковые различия, которые служат знаками различия слов языка, называются фонемами; звуковые же различия несамостоятельные представляют собой видоизменения этих фонем в определенных фонетических условиях» (Аванесов, Сидоров, 1970б: 249). Фонема выступает не обязательно в каком-то одном звучании, а в ряде звучаний, которые представляют собой ее разновидности. Каждая фонема проявляется в определенных разновидностях, и каждая из таких разновидностей выступает в строго определенных фонетических условиях.

Разновидности одной фонемы взаимно исключают друг друга в одной и той же позиции и, наоборот, взаимно замещают друг друга в разных позициях. Следовательно, одна разновидность данной фонемы по отношению к другой разновидности той же фонемы не может выступать в качестве знака для различения слов. Поэтому слова могут различаться только разновидностями одной фонемы по отношению к разновидностям других фонем.

Различия между разновидностями фонемы обусловлены фонетическим положением, т.е. фонетической позицией, которая определяет в каждом конкретном случае наличие одной определенной разновидности фонемы. Данные разновидности зависят от условий сочетаний звуков (например, от положения фонемы перед или после определенных звуков) или от положения фонемы в слове (например, в начальной или конечной позиции слова, в ударном или безударном слоге).

Фонетическая обусловленность разновидностей фонемы в разных позициях неодинакова: в одних позициях обусловленность бóльшая, в других — меньшая. Позицию наименьшей обусловленности авторы называют «сильной», в отличие от других позиций, которым присваивается название «слабые».

Фонема всегда обозначена по своему основному виду, а остальные ее разновидности можно рассматривать в качестве видоизменений ос-

нового вида фонемы. Авторы определяют совокупность этих видоизменений, выступающих в слабых позициях, как модификации фонемы.

Эти модификации фонем по своей функции, т.е. по той роли, которую они играют в системе знаков для различения слов, подразделяются на два типа — вариации и варианты.

Вариации — это такие обусловленные позицией модификации основного вида фонемы, при которых не происходит совпадения в одном звучании конкретной фонемы с какой-либо другой. Вариация — это позиционно обусловленный звуковой синоним основного вида фонемы.

Варианты — это позиционно обусловленные модификации фонемы, которые не различаются с какой-либо другой фонемой (или фонемами), совпадая с ней (или с ними) в своем качестве. Вариант выступает в роли заместителя двух или более фонем, не различающего функции совпавших фонем.

Задача последовательного, целостного описания фонетической системы решается во многих фонетических работах, посвященных как литературному языку, так и диалектам. При таком описании пришлось развернуть и систему основных фонологических понятий. В работах Р.И.Аванесова и В.Н.Сидорова впервые вводится и последовательно применяется понятие нейтрализации фонем. Это понятие в его эксплицитной форме еще не присутствовало в работах Н.Ф.Яковлева, прямого предшественника МФШ. Понятие нейтрализации повлекло за собой разграничение вариаций и вариантов фонем, что явилось очень важным открытием, по которому и всю теорию МФШ называют «теорией вариантов и вариаций». В редакции, которая была создана Р.И.Аванесовым и В.Н.Сидоровым, а также А.А.Реформатским, Сухотиным и П.С.Кузнецовым, эта теория стала применяться для анализа и последовательного описания различных фонетических систем.

Еще Бодуэн де Куртенэ понимал грамматику широко — «как рассмотрение строя и состава языка (анализ языков)», относя к ней и фонологию. «Сообразно постепенному анализу языка, — говорил Бодуэн де Куртенэ, — можно разделить грамматику на три большие части: 1) фонологию (фонетику), или звукоучение; 2) словообразование в самом обширном смысле этого слова и 3) синтаксис» (Бодуэн де Куртенэ, 1963: 63–64). Н.С.Трубецкой считал фонологию также частью грамматики: «...фонология как учение о функциях звуковых противопоставлений представляет собой две отрасли одной и той же науки, которая должна исследовать функции противопоставления лингвистических значимостей, причем все отрасли этой науки применяют одинаковые методы ис-

следования. Направление, в котором разрабатывает теорию звуков так называемая «фонологическая школа», предполагает аналогичный подход к остальным частям теории языка, предполагает новую, структурную теорию языка» (Trubetzkoy, 1937: 151).

В своей книге «Очерк грамматики русского литературного языка» Р.И.Аванесов и В.Н.Сидоров, объединив в разделе грамматики морфологию и синтаксис, поместили в название книги наряду с термином «грамматика» и фонетику (с учением о фонемах) (Аванесов, Сидоров. 1945). Во введении к академической «Грамматике русского языка», также включавшей кроме морфологии и синтаксиса — разделов грамматики, еще и фонетику, Л.В.Щерба и В.В.Виноградов писали: «Фонетика, как учение о звуковой системе и звуковых изменениях языка, связана как с лексикой (или лексикологией), так и с грамматикой... Поэтому фонетику можно было бы рассматривать как особую языковедческую дисциплину, смежную с грамматикой и лексикологией. Однако фонетика, изучающая звуковой строй языка, оказывается особенно тесно связанной с грамматикой и обычно рассматривается в ее составе в качестве особого раздела» (Грамматика русского языка, 1953: 14).

Другим видом практической деятельности, сыгравшей большую роль в выработке этой теории, была работа ученых в редакционной комиссии по русской орфографии. В 30-х годах выдвигались один за другим проекты усовершенствования русской орфографии. Орфографические решения, принятые в 1917 г., обладали одним общим недостатком: не обоснованные целостной лингвистической теорией, внутренне противоречивые, они страдали явной эклектичностью и имели много недочетов.

В это время была опубликована статья Р.И.Аванесова и В.Н.Сидорова «Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка» (1930), в которой были впервые изложены основные положения МФШ как по теории орфографии, так и по фонологии. Авторы впервые формулируют основной принцип русского письма: русская орфография фонематична. Как пишут авторы: «Фонологическое письмо отвечает социальной природе языка, потому что оно передает не звуки в отрыве от их значения, а фонемы. Поэтому фонологическое письмо в отличие от фонетического основано не на соответствии буквы и звука, а на соответствии буквы и фонемы» (Аванесов, Сидоров, 1970а: 151)

Ее совершенствование и привнесение в нее большей последовательности связано с усилением фонематического принципа. Соавторы орфографической реформы утверждают, что «...проект о новом правописании

сании ясно показывает его преобладающий морфологический (фонологический) характер. При дальнейшей разработке морфологический принцип должен быть проведен более последовательно, так как только этот принцип может быть положен в основу рациональной орфографии» (Аванесов, Сидоров, 1970а: 156).

Исходя из этого принципа, и делается ряд предложений. Вопрос о том, нужна ли и своевременна ли реформа орфографии, решают не только лингвисты, но общество в целом. Но если реформа окажется реальностью, то в таком случае будут реализованы выдвинутые в 1930 г. соответствующие предложения.

Проблемы упорядочения русской орфографии привлекали В.Н.Сидорова и позже, в частности, им написана в 1953 г. в соавторстве с И.С.Ильинской статья «Современное русское правописание» (Ильинская, Сидоров, 1953).

Последние несколько лет своей жизни Владимир Николаевич отдал наиболее любимой им исторической фонетике русского языка. Значительный интерес представляют его работы по исторической фонетике — книги «Из истории звуков русского языка» (Сидоров, 1966) и вышедшая посмертно «Из русской исторической фонетики» (Сидоров, 1969).

Историческая проблематика получила освещение и в таких работах В.Н.Сидорова, как «Предисловие» к книге А.Вайана «Руководство по старославянскому языку» (Сидоров 1952), «Редуцированные гласные *ѣ* и *ь* в древнерусском языке XI в.» (Сидоров, 1953), «О предупредительных гласных в говоре Москвы XVI в.» (Сидоров, 1965) и др.

Из воспоминаний С.Н.Боруновой: «В пору моего знакомства с В.Н. он работал над вопросами исторической фонетики. Интерес к истории языка, сохранившийся у В.Н. на протяжении всей жизни, по его словам, определился уже в университете. Тогда курса современного русского языка еще не читали вообще, а преподавание истории языка имело глубокую традицию. Но лингвистом, как считал сам В.Н., он стал случайно: в юности он увлекался многим, увлекся как-то и палеографией. Это привело его в Московский университет на этнологический факультет (отделение языка и литературы), где он заинтересовался лекциями А.М.Селищева...» (Борунова, 1996: 74).

Первая книга «Из истории звуков русского языка» (Сидоров, 1966) получила признание и высокую оценку как у отечественных филологов, так и за рубежом. Содержание данного труда составляют следующие вопросы: редуцированные гласные *ѣ* и *ь* в древнерусском языке XI в.; из истории сочетаний типа **t ъ r t ъ* в русском языке (возникновение мяг-

кости *r'* перед задненебными и твердыми губными согласными); умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье; об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах.

По замечанию самого автора, эта работа представляет собой ряд очерков, между которыми на первый взгляд кажется трудно уловить связующее их единство. Однако каждый из этих очерков и все они по своей совокупности объединяются вокруг одной общей проблемы, которая здесь не решается, но решение которой возможно только после рассмотрения вопросов, поставленных в данной работе. Эта объединяющая все эти очерки проблема, одно из центральных и вместе с тем наиболее сложных проблем исторической фонетики русского языка, — переход *e* в *ʹo* перед твердыми согласными.

В первом очерке «Редуцированные гласные *ѣ* и *ь* в древнерусском языке XI в.» Владимир Николаевич убедительно показал, что в XI в. *ѣ/ь* еще отличались от *o/e*, падение редуцированных шло через стадию сосуществующих систем («полный стиль», где есть редуцированные, и «беглая речь», где редуцированные отсутствуют) путем генерализации второй системы. Следы падения редуцированных и их совпадения с *o/e* в памятниках письменности до XII в. — не обязательно «македонизмы», а черты второго стиля (Сидоров, 1966: 66). Здесь, как и во всей книге, В.Н.Сидоров отстаивает линию Соболевского -Васильева, линию доверия к памятникам письменности.

Во втором очерке «Из истории сочетаний типа *t ѣ r t* в русском языке (возникновение мягкости *r'* перед задненебными и твердыми губными согласными)» В.Н.Сидоров нашел простое решение вопроса о мягкости *r'* перед задненебными и твердыми губными согласными. Он показал при этом, что вообще в русском языке и его говорах позиция перед зубными является позицией неразличения для категории мягкости всех зубных (в том числе и *r*) в отличие от позиции перед задненебными и губными. Иными словами, отсутствие мягкости в словах типа зерно объясняется позднейшим отвердением, как, например, в словах типа *бедный* (< *b'ĕd'ьпъjъ); этот тип слов следует отличать от слов *вер'ба*, *цер'ковь*, *вер'х* (ср. также *редька*, *деньга*, *тьма* и т.п.). Тем самым В.Н.Сидоров убедительно доказал исконную последовательность смягчения *r* в прежних сочетаниях типа *t ѣ r t* (Сидоров, 1966: 4–48).

Во втором и третьем очерках — «Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье» и «Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах» — Владимир Николаевич показывает, что среднерусское умеренное яканье произошло из ёканья север-

норусских говоров, и рисует возможные пути развития иканья. Убедительность данной гипотезы подкрепляется тем, что гипотетически предсказываемые В.Н.Сидоровым разновидности умеренного яканья были уже обнаружены как реально существующие (Журавлев, 1968).

Значение данной книги выходит далеко за пределы вышеупомянутых проблем: здесь решается ряд важнейших вопросов русской диалектологии и исторической фонетики — происхождение средневеликорусских говоров, относительная хронология перехода $e > 'o$, судьба $*e$, $*ь$, $*ѣ$ перед мягкими и твердыми согласными, судьба $*e$ перед двумя согласными, генезис второго полногласия, причины перехода $t \ ь \ r \ t > t \ ǫ \ r \ t$, передвижка границы слога в связи с падением редуцированных, различие ассимилятивных процессов у категории мягкости и звонкости и многое другое. По мнению В.Н.Журавлева, «каждый вопрос, каждое новое положение, выдвигаемое автором, обосновано и связано с другими вопросами, обсуждаемыми в книге, одно положение как бы само собой вытекает из другого, из всей книги в целом» (Журавлев, 1968: 131).

Значение книги заключается в том, что В.Н.Сидорову удалось в ней поставить центральную проблему русской исторической фонетики. С позиции В.Н.Сидорова, это проблема перехода $e > 'o$ перед твердыми согласными. Окончательно данная проблема в книге не выясняется, но решение подготавливается рассмотрением поставленных здесь задач.

Каковы же перспективы решения данной проблемы и почему именно эта проблема является действительно центральной в истории русского языка.

В данной книге В.Н.Сидоров, вопреки мнению акад. А.А.Шахматова, развивает положение, согласно которому переход $e > 'o$ представляется явлением не дописьменной, а более поздней эпохи, когда в результате падения слабых редуцированных появились закрытые слоги и нарушился принцип слогового сингармонизма.

Следовательно, переход $e > 'o$ — процесс, имевший место лишь после падения редуцированных гласных. Основанием для такого заключения служит предпосылка о последовательности осуществления принципа слогового сингармонизма в древнерусском языке (именно поэтому так важно было доказать последовательность смягчения r из прежних сочетаний типа $t \ ь \ r \ t$). Разрушение сингармонизма связано с падением редуцированных. Поэтому переход $e > 'o$, противоречащий принципу сингармонизма, и «следует относить ко времени после утраты редуцированных гласных» (Сидоров, 1966: 4). Вот почему для В.Н.Сидорова столь важно еще раз уточнить абсолютную хронологию процесса паде-

ния редуцированных, относительную хронологию процесса $e > 'o$, т.е. еще раз обсудить те явления, которые так или иначе связаны с этим процессом, а главное — еще раз проверить возможные связи данного процесса с яканьем и иканьем.

Таким образом, русский переход $e > 'o$, как и генезис умеренного яканья, являются лишь проявлением внутреннего процесса распада группового сингармонизма, группофонем, процесса формирования автономных согласных и гласных фонем (прежде всего — процесса формирования категории мягкости согласных в русском языке). Процесс перехода $e > 'o$ и процесс падения редуцированных равноправны, это два проявления одной и той же более общей тенденции. «Поэтому совершенно прав В.Н.Сидоров, ставя процесс $e > 'o$ во главу угла истории русского языка, ибо падение редуцированных — процесс общеславянский, процесс же $e > 'o$ — собственно русский (даже в украинском языке специфика перехода $e > 'o$ несколько иная, распространенность — меньшая; не случайно и категория мягкости согласных там имеет несколько иной характер — отверждение согласных перед гласными переднего ряда, совпадение $*j$ и $*y$, отверждение губных перед задним гласным из прежнего переднего — *mjáco* и т.п.)» (Журавлев, 1968: 133).

Принцип умеренного яканья состоит в том, что в первом предударном слоге после мягких согласных на месте гласных фонем неверхнего подъема перед твердыми согласными произносится [а], а перед мягкими — [и] ([и] произносится также и перед группой согласных, последний из которых является мягким — например, *л[’икл’]и́*, в *в[’идр’]и́*, *з[’имл’]я*, *с[’истр’]и́* — это, по всей вероятности, может быть объяснено тем, что согласные, находящиеся перед мягким, являются хотя и не палатализованными, но полумягкими (Дурново, 1903) или просто нейтральными (невеляризованными) (Сидоров, 1966: 139).

Возникновение умеренного яканья в исторической фонетике принято объяснять наслоением недиссимилятивного аканья-яканья на окающую модель владими́ро-поволжского типа. Эта концепция, предложенная Е.Будде (Будде, 1896) еще в 1896 г., получила развитие в работах В.Н.Сидорова (Сидоров, 1951; 1966).

Как полагал Е.Будде, а вслед за ним и В.Н.Сидоров, современные диалекты с умеренным яканьем (по крайней мере, та их часть, которая расположена на границе с окающими владими́ро-поволжскими говорами) были изначально севернорусскими говорами с произношением [о] перед твердыми согласными и [е] перед мягкими на месте $*e$ и $*ь$, так и $*Б$ (т.е. *л[’ос]и́*, *в[’ол]и́* и в *л[’ос]и́*, *р[’ок]и́* при *л[’ес]и́*, *р[’ек]и́*). Под

влиянием акающей модели, в которой безударное [o] отсутствует, в этих диалектах стали произносить [a] на месте любого [o], в том числе и после мягких согласных (а также [и] на месте [e]): т.е. *n[’ac]ú, v[’al]á* и в *л[’ac]ú, p[’ak]á* при *n[’is]ú, p[’ik]ú*. «В результате образовался говор, представляющий собой по существу акающий слепок, отлитый по окающей модели» (Сидоров, 1966: 105). Однако такая система еще не есть умеренное яканье, так как во владими́ро-поволжских говорах этого типа (в отличие от северо-восточных — костромских, вологодских, архангельских) на месте предударного /a/ произносится [a] как перед твердым, так и перед мягким согласным (*n[’a]tak, n[’a]tu*), а в говорах с умеренным яканьем в словах типа *преди, пяти, в грязи, глядят* предударная /a/ реализуется звуком [и] ([п’ит’у]). Этот факт, как и разнообразные диссимилятивные модели, приходится объяснять аналогичным выравниванием: «В результате замещения предударного [e] (из старых *e* и *ь*) гласною [и] эта последняя в положении между мягкими согласными получила огромное численное преобладание над относительно редкой здесь гласной [’a]. Это, по всей вероятности, и послужило причиной постепенного вытеснения редкого звука [’a] наиболее частым и привычным в данном положении звуком [и]. Иными словами, система современного умеренного яканья образовалась в результате обобщения гласной [и] между мягкими согласными, поскольку в говорах с первичным умеренным яканьем гласная [’a] произносилась в предударном слоге между мягкими согласными только в соответствии с этимологическим [’a], во всех же прочих случаях произносилось [и]» (Сидоров, 1966: 108).

По мнению некоторых современных диалектологов, слабым местом предложенной интерпретации умеренного яканья как наслаением недиссимилятивного аканья-яканья на окающую модель именно владими́ро-поволжского типа является то, что говоры с последовательным произношением безударного [’o] на месте Ъ встречаются достаточно редко (по сравнению с умеренно якающими говорами), при этом реализация Ъ как [’o] в значительной степени лексикализована (Скобликова, 1962), умеренное же яканье распространено на довольно широкой территории, включая говоры Московской и Тульской областей, не связанные с владими́ро-поволжскими говорами географически. И в восточной части территории распространения умеренно-якающих диалектов «говоры с различием гласных владими́ро-поволжского типа нигде (кроме небольшого пространства около Касимова) непосредственно не граничат с умеренным яканьем» (Образование... 1970: 342). Кроме того, «современные процессы перехода от вокализма с различием гласных к вокализму

с неразличением этих же гласных не ведут к формированию умеренного яканья... От вокализма с различением гласных владими́ро-поволжского типа обычно наблюдается переход к еканью и иканью» (Образование... 1970: 342).

Поэтому некоторыми диалектологами предполагается, что умеренное яканье является просто результатом действия в говоре с сильным аканьем-яканьем тенденции к зависимости качества предударного гласного (в том числе и реализаций /а/) от твердости/мягкости последующего согласного, а не наложением аканья на какую-то определенную модель окающего вокализма после мягких согласных (хотя в говорах, соседних с владими́ро-поволжскими, развитие умеренного яканья могло быть поддержано наличием сходной модели безударного вокализма после мягких согласных). Взгляды на возможность происхождения умеренного яканья вне связи с влиянием владими́ро-поволжской модели безударного вокализма изложены в таких работах, как например, (Дурново, 1918). Считается, что такая интерпретация механизма возникновения умеренного яканья совершенно не противоречит общей идеологии гипотезы В.Н.Сидорова (Князев, 2001).

Вторая книга «Из русской исторической фонетики» (Сидоров, 1969), посвященная истории вокализма русского языка, была выполнена В.Н.Сидоровым в Секторе истории русского литературного языка Института русского языка АН СССР и утверждена к печати ученым советом Института в декабре 1967 г. Данный труд является естественным продолжением занятий Владимира Николаевича в этой области. Рассматриваемые в ней вопросы касаются процессов, относящихся к русскому языку в целом.

Подготавливая книгу к печати, Владимир Николаевич работал над ее рукописью буквально до последних дней жизни. Он не успел полностью ее закончить. Впрочем, как писали его современники (Сидоров, 1969: 3–4), поставить точку Владимиру Николаевичу всегда было трудно. Разрешение одной задачи влекло его творческую энергию к разрешению других, еще более сложных задач, к проникновению в еще большие глубины изучаемого явления, и вопрос, который, казалось, был уже полностью исчерпан, получал подчас еще какое-то дополнительное освещение, какой-то новый поворот. Так было и когда он писал, и когда говорил, с присущей ему страстностью и безупречной логикой, выдвигая все новые и новые аргументы в пользу того или иного положения.

Первая работа в этой книге была издана в том виде, как она была подготовлена автором. Она начинается с возражения С.И.Коткова про-

тив гипотезы автора о происхождении умеренного яканья в средневековых говорах, начинается сразу, без всякого вступления и предварительного напоминания основных положений этой гипотезы. «Для В.Н.Сидорова, страстного полемиста, не оставлявшего без внимания ни одного критического замечания, касавшегося его работ, такое начало характерно. Он должен был прежде всего ответить своему оппоненту, найти новые подтверждения своих положений или же отказаться от них. Повторять же самого себя, писать о том, что уже было им сказано, ему было неинтересно» (Сидоров, 1969: 3–4).

В книге рассматриваются важные проблемы исторической фонетики русского языка: изменение предударного *e* и *и* в акающих говорах; два пути образования умеренного яканья из ёканья; о некоторых случаях изменения предударного *e* и *и* в русских говорах; утрата фонемы Ъ южно-русским наречием; утрата фонемы Ъ владими́ро-поволжскими говорами; к вопросу о языке протопопа Аввакума; волоколамское ёканье по грамотам XV–XVIII вв.; о времени перехода города Москвы к аканью; ёканье в южнорусском наречии XVII в.; об одном случае позиционно не обусловленного изменения гласной в севернорусских говорах.

Данные о времени перехода от еканья к иканью в литературном произношении (на стыке XIX–XX вв.) Владимир Николаевич получил от Д.Н.Ушакова: Ф.Ф.Фортунатов и Ф.Е.Корш еще екали, а их ученики — Д.Н.Ушаков, Н.Н.Дурново, Н.Н.Соколов — уже икали, и Ф.Е.Корш шутливо дразнил их питухами (то есть не только икальцы, но и выпивохи) (Сидоров, 1969). Существующие объяснения причин перехода к иканью В.Н.Сидорова не удовлетворяли. К неубедительным предположениям он относил неправильное представление о том, что еканье сменилось иканьем в результате усилившейся в XIX в. редукции гласных, поскольку *e* и *и* — гласные полного образования и *и* не может быть результатом редукции *e* (Борунова, 2000).

Владимир Николаевич живо интересовался историей формирования московского говора, на основе которого сложилось русское литературное произношение. По многим лингвистическим вопросам он имел свое мнение, сложившееся в результате собственных наблюдений и размышлений, нередко не совпадавшее с утвердившимися в науке положениями. Так, В.Н.Сидоров не разделял предположения А.А.Шахматова о том, что в Москве XIV–XV вв. социальное расслоение населения было связано с расслоением диалектным (одни окали, другие акали): высшие классы употребляли севернорусское наречие, а низшие классы — восточнорусское. Р.И.Аванесов упоминал еще и о культурном неравенстве

между окальщиками и акальщиками. Владимир Николаевич считал, что «культурного и социально-экономического превосходства окальщиков над акальщиками не было», и сомневался, что так вообще бывает (Борунова, 1996).

В.А.Богородицкий полагал, что помимо политических причин, обусловивших определяющую роль московского говора в истории русского литературного языка, существует и собственно языковая: умеренное по своим фонетическим особенностям московское наречие представляет собой средний звуковой тип между русскими диалектами.

С позиции В.Н.Сидорова, роль Москвы в формировании литературного произношения определялась исключительно внеязыковыми причинами: «средний звуковой тип» московского говора продиктован исторически сложившимися условиями и географическим положением Москвы. До XVI в. говор Москвы представлял собой типичный северный говор, в котором не отмечалось признаков южного варианта произношения (прежде всего аканья и др.). Преобразование этого северного говора произошло в течение относительно короткого периода на стыке XVI–XVII вв. В результате внутренней политики Ивана Грозного окающее население Москвы и близлежащих территорий значительно сократилось. Позже в данную местность стали интенсивно приезжать представители акающего произношения. Их количество по сравнению с предшествующими эпохами значительно возросло. Данный факт и определил последующее закрепление и развитие в Москве умеренного аканья, так как принцип аканья проще принципа оканья: не различать в произношении *o* и *a* (*вода* — *трава*) проще, чем различать. Казалось бы, возможно только одно направление эволюции фонетической системы — от оканья к аканью. Но если бы Москва, будучи столицей, находилась не на границе с акающими говорами, а в сплошном окружении северных говоров, то вполне допустимо, что литературным считалось бы окающее произношение, чоканье или цоканье, а аканье, в свою очередь, — диалектным.

С.Н.Борунова пишет: «Отводя Москве, а не Петербургу определяющую роль в формировании литературного произношения, Владимир Николаевич ссылался на то, что старомосковское произношение опиралось на живую речь «московских просвирен», в то время как Петербург не имел никакой диалектной основы. Если в Петербург Штольцы и Адуевы съезжались отовсюду, то московская интеллигенция в большинстве своем состояла из коренных москвичей: Грановский, Огарев, Станкевич, Ключевский выросли в Москве и прожили

всю жизнь рядом с Московским университетом. В отличие от Москвы Петербург, имея пестрое по составу население, не мог задавать тон в образовании литературного произношения. Для выработки единой орфоэпии он должен был сам искать опору вне своей языковой среды и находил ее в произношении второй столицы — Москвы, а также в ориентации на книжную речь» (Борунова, 1996: 75).

Существующие объяснения причин распространения иканья в Москве Владимира Николаевича не удовлетворяли. Так, Л.В.Щерба считал, что после усиления роли Москвы «икальцы» стали стекаться к ней в большом количестве, а *e* литературного языка начинает подвергаться большой опасности. Владимир Николаевич не был согласен с точкой зрения Л.В.Щербы и утверждал, что процесс перехода еканья в иканье начался именно в Москве и узкой полосе среднерусских говоров вокруг Москвы, поэтому икальцам неоткуда было стекаться в большом количестве.

С работами по исторической фонетике и фонологии тесно связаны исследования В.Н. Сидорова в области современных русских говоров, относящихся к разным диалектным группам (Сидоров, 1927; 1949; 1951б; 1952; Аванесов, Сидоров, 1931).

В.Н.Сидорова также интересовали вопросы морфологии (см., например: Аванесов, Сидоров, 1945; Сидоров, 1951а), к решению которых он подходил с позиций Московской лингвистической школы (учение о форме слова и теория грамматических классов слов). Рассматривая язык как единое целое в «Очерке грамматики русского литературного языка» (раздел «Морфология») (Аванесов, Сидоров, 1945) при описании частей речи и их классификации В.Н.Сидоров широко использовал метод противопоставлений. Так, пять выделенных им самостоятельных частей речи (существительное, прилагательное, числительное; наречие и глагол), будучи противопоставлены друг другу по значениям и формам, образуют систему, которой определяются основные черты морфологии русского языка.

Владимир Николаевич впервые в отечественной русистике применил метод оппозиционного анализа, получивший в 30-е годы достаточно широкое распространение. Анализируя значения форм числа существительного, а также значения глаголов совершенного и несовершенного видов, автор отмечал особенности существующих между ними отношений противопоставления, известных под названием привативных оппозиций. Например, формы множественного числа существительных содержат указание на то, что предметы взяты в некотором количестве, в

формах же единственного числа указание на какое-либо количество отсутствует. При противопоставлении глаголов совершенного и несовершенного видов обнаруживается, что первые выражают называемый ими процесс как законченный, а вторые — без указания на его законченность.

В «Очерке» впервые дается детальная классификация непродуктивных глаголов, обладающих таким соотношением основ настоящего и прошедшего времени, которое не является моделью для образования новых глаголов. Данная классификация — результат исследования о глаголах непродуктивных классов в современном русском литературном языке, защищенного В.Н.Сидоровым в 1944 г. в качестве кандидатской диссертации.

Владимира Николаевича интересовали проблемы словообразования как сами по себе, так и в их отношении к грамматике и лексике. Он считал, во-первых, что задача любой научной дисциплины (в данном случае словообразования) состоит в определении и отграничении области своего изучения, во-вторых, в необходимости отделять синхронию от диахронии. К словообразованию как части грамматики ученый причислял только реально существующие в языке средства, при помощи которых могут создаваться новые слова.

Вопросы синтаксиса, лексикологии, стилистики и лексикографии на протяжении некоторого времени не были в центре научных интересов Владимира Николаевича, но они живо его интересовали. В 1949 г. им была опубликована совместно с И.С.Ильинской статья «К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке» (Ильинская, Сидоров, 1949); он участвовал в работе грамматистов-синтаксистов в Институте русского языка на первых этапах создания академической грамматики (1952). Владимир Николаевич считал, что проблема правильности в языке всецело связана с его коммуникативной функцией. Он исходил из положения, что «стилистическое средство обязательно для всех говорящих» («в языке все обязательно, а в речи произвольно»), и понимал стиль как категорию исторически обусловленную. Поэтому он соглашался с утверждением М.В.Панова о том, что эканье, ослабление ассимилятивного смягчения согласных, произношение безударных гласных без качественной редукции — недостаточно выразительные приметы высокого стиля, так как есть носители литературного языка, в нейтральной речи пользующиеся этими вариантами нормы. Но основная причина стилистической невыразительности указанных фонетических черт, по мнению Владимира Николаевича, в том,

что их историческая судьба не благоприятствовала их возвышению. Не было исторических причин стать «высокими».

В.Н.Сидоров обращал свое внимание на роль славянизмов в современном русском языке. По его мнению, ограниченное употребление данного пласта лексики во второй половине XX в. никоим образом нельзя считать положительным явлением языкового развития. В это время в торжественных ситуациях используются метафоры и гиперболы вместо таких собственно языковых стилистических средств, как славянизмы. Неудавшуюся попытку символистов в первой половине XX в. вновь ввести в употребление данное стилистическое средство русского языка рассматривал как положительный факт.

В 1950 г. Владимир Николаевич становится во главе группы, занимавшейся составлением «Словаря языка Пушкина». Важной заслугой В.Н.Сидорова в пятидесятые годы является его активное участие в подготовке и издании одного из лучших в России лексикографических трудов — «Словаря языка Пушкина», т. 1. А—Ж, т. 2. З—Н, т. 3. О—Р. Кроме авторской работы в составе коллектива лексикографов В.Н.Сидоров провел также научное редактирование 2—3 томов словаря. В начальный же период работы над этой темой В.Н.Сидоров совместно с Г.О.Винокуром, А.Д.Григорьевой и И.С.Ильинской участвовал в подготовке «Проекта Словаря языка Пушкина».

В этой работе проявилась характерная черта Владимира Николаевича — стремление к обобщению рассматриваемых фактов, поиски определенных закономерностей в развитии значений отдельных слов, стремление обосновать лексикологический анализ, исходя из системы самого языка, из функционирования его лексических категорий.

В работе над Словарем В.Н.Сидоров учитывал все особенности работы, как общие, так и специфические, отличающие словарь писателя.

По инициативе В.Н.Сидорова была проведена большая работа по составлению дополнительного тома Словаря, охватывающего текст черновых рукописей и вариантов произведений Пушкина. Этот том, завершающий лексикографическую работу над языком произведений Пушкина, вышел в свет в 1982 г. под названием «Новые материалы к словарю А.С.Пушкина».

Жизнь В.Н.Сидорова была полна трудностей различного рода. В 1934 г. он был арестован и проходил по делу Дурново («дело славистов-евразийцев»). В 1927 г. Н.Н.Дурново был арестован и осужден за связь с Н.С.Трубецким и Р.О.Якобсоном. Он погиб на Соловках. Осудили и

всех, кто с ним общался. Владимиру Николаевичу предъявили нелепые обвинения в участии и организации «филологического правительства». Владимир Николаевич испытал всю тяжесть тюрьмы, лагеря и ссылки, но не сломался. По воспоминаниям С.Н.Боруновой: «Он выстоял и в период, говоря словами АА.Реформатского, злого Марровского лихолетья. В Институте русского языка АН СССР, где В.Н. работал с 1944 г., не сдались только трое: П.С.Кузнецов, М.Н.Петерсон и В.Н. Их научную карьеру спасла дискуссия 1950 г. ...» (Борунова, 2000: 332).

По воспоминаниям его учеников, у Владимира Николаевича был трезвый критический ум. Это позволяло ему видеть недостатки в работах очень авторитетных ученых (А.А.Шахматова, В.А.Богородицкого, С.П.Обнорского, Л.В.Щербы, П.С.Кузнецова, Р.И.Аванесова) и иметь свою оригинальную точку зрения по разным лингвистическим вопросам, в частности, о формировании литературного произношения, о причинах и времени распространения аканья в московском говоре и т.д. И в учениках Владимир Николаевич воспитывал критическое отношение к языковым явлениям и их лингвистической интерпретации (Борунова, 1996; 2000).

В общении с коллегами Владимир Николаевич Сидоров никогда не принимал позы учителя, ментора. При возможной суровости критика и горячности полемиста, он всегда был удивительно доброжелателен и щедр. Мгновенно улавливая ход рассуждений своего собеседника, он тут же замечал слабые места выдвигаемых им положений, подсказывал путь дальнейшей работы, а иногда даже и возможное решение вопроса, не жалея при этом ни собственных наблюдений, ни своего материала. Творческая активность и удивительное бескорыстие, непримиримость ученого и доброжелательность человека — все это отличало Владимира Николаевича и привлекало к нему людей разных возрастов и служебных положений (Плотникова, 1983).

Владимир Николаевич Сидоров оставил неизгладимый след в области диалектологии и истории русского языка, в частности, значительный интерес представляют его работы по исторической фонетике. Он был награжден медалями «За трудовую доблесть» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Литература

Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Говоры Верхнего Поветлужья. Фонетика и диалектные груп-

- пы. – Н.-Новгород, 1931. – 43 с.
- Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. – М., 1945. – 236 с.
- Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. – М., 1970а. – С. 149–156.
- Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Система фонем русского языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. – М., 1970б. – С. 249–277.
- Бодуэн де Куртене И.А.* Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Бодуэн де Куртене И.А. Избр. труды по общему языкознанию. – М., 1963. – Т. 1. – С. 47–77.
- Борунова С.Н.* Воспоминания об учителе – В.Н.Сидорове // Изв. АН. Сер. лит. и яз. – М., 1996. – Т. 55. – № 2. – С. 73–79.
- Борунова С.Н.* Владимир Николаевич Сидоров // Фортунатовский сборник: Материалы науч. Конф., посвященной 100-летию Моск. лингв. школы 1897–1997 гг. – М., 2000. – С. 328–332.
- Будде Е.* К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнит. Исслед. народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. – Казань, 1896. – 380 с.
- Грамматика русского языка.* – М., 1953. – Т. 1. Фонетика и морфология. – 720 с.
- Дурново Н.Н.* Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии. – Варшава, 1903. – 275 с.
- Дурново Н.Н.* Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. – М., 1918. – Вып. 2. – Ч. 1. Южновеликорусское наречие. – 87 с.
- Журавлев В. К.* Сидоров В.Н. Из истории звуков русского языка // Вопр. языкознания. М., 1968. – № 1. – С. 130–133.
- Ильинская И.С., Сидоров В.Н.* К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке // Изв. ОЛЯ АН СССР. – М., 1949. – Т. 8, вып. 4. – С. 343–354.
- Ильинская К.С., Сидоров В.Н.* Современное русское правописание // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В.П.Потемкина. – М., 1953. – Т. 22, вып. 2. – С. 3–40.
- Князев С.В.* К истории формирования некоторых типов аканья и яканья в русском языке // Вопросы русского языкознания: Диалектная фонетика рус. яз. в диахронном и синхронном аспектах. – М., 2001. – С. 8–42.
- Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: (По материалам лингв. географии).* – М., 1970. – 455 с.
- Плотникова В.А.* Владимир Николаевич Сидоров // Рус. Речь. – М., 1983. – № 6. – С. 66–71.
- Сидоров В.Н.* Описание говора западной половины Воскресенского уезда и Ореховской волости Можайского уезда Московской губернии // Труды ПКДРЯ. – Л., 1927. – Вып. 9. – С. 121–135.

- Сидоров В.Н.* Наблюдения над языком одного из говоров рязанской Мешеры // *Материалы и исследования по русской диалектологии.* – М., 1949. – Т. 1. – С. 277–289.
- Сидоров В.Н.* Непродуктивные классы глагола в современном русском литературном языке // *Русск. язык в шк.* – М., 1951а. – № 5. – С. 23–33.
- Сидоров В.Н.* О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах // *Изв. ОЛЯ АН СССР.* – М., 1951б. – Т. 10, вып. 2. – С. 172–183.
- Сидоров В.Н.* Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах // *Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР.* – М., 1952. – Вып. 2. – С. 57–71.
- Сидоров В.Н.* Предисловие // *Вайан А. Руководство по старославянскому языку.* – М., 1952. – С. 3–12.
- Сидоров В.Н.* Редуцированные гласные ъ и ь в древнерусском языке XI в. // *Тр. Ин-та языкознания АН СССР.* – М., 1953. – Т. 2. – С. 199–219.
- Сидоров В.Н.* О предупредных гласных в говоре Москвы XVI в. // *ПСФ.* – М., 1965. – С. 242–248.
- Сидоров В.Н.* Из истории звуков русского языка. – М., 1966. – 159 с.
- Сидоров В.Н.* Из русской исторической фонетики. – М., 1969. – 111 с.
- Скоблкова Е.С.* О судьбе этимологического Ъ в первом предупредном слове перед твердым согласным в говорах владимирско-поволжской группы // *Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия.* – М., 1962. – Т. 3. – С. 112–120.
- Trubetzkoy N.* Über eine neue Kritik des Phonembegriffes // *Archiv für vergleichende Phonetik.* – В., 1937. – Bd I, Н. 3. – S. 151.

Основные работы В.Н.Сидорова

- Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Говоры Верхнего Повелужья. Фонетика и диалектные группы. – Н. Новгород, 1931. – 43 с.
- Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Очерк грамматики русского литературного языка: Ч. 1. Фонетика и морфология. – М., 1945. – 236 с.
- Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка // *Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия.* – М., 1970а. – С. 149–156.
- Аванесов Р.К., Сидоров В.Н.* Система фонем русского языка // *Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия.* – М., 1970б. – С. 249–277.
- Сидоров В.Н.* Из истории звуков русского языка. – М., 1966. – 159 с.
- Сидоров В.Н.* Из русской исторической фонетики. – М., 1969. – 111 с.
- Библиографию работ В.Н.Сидорова см. Сидоров В.Н. Из русской исторической фонетики.* – М., 1969. – С. 108–109.

Основные работы о В.Н.Сидорове

- Борунова С.Н.* Воспоминания об учителе – В.Н.Сидорове // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – М., 1996. – Т. 55. – № 2. – С. 73–79.
- Борунова С.Н.* Владимир Николаевич Сидоров // Фортунатовский сборник: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию Моск. лингв. школы 1897–1997 гг. – М., 2000. – С. 328–332.
- Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды: Биобиблиогр. словарь. – Минск, 1977. – Т. 3: Л–Я. – С. 193–195.
- Плотникова В.А.* Владимир Николаевич Сидоров // Рус. речь. – М., 1983. – № 6. – С. 66–71.
- Потапов В.В.* Научное наследие Владимира Николаевича Сидорова в русистике // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. – М., 2003. – № 1. – (в печати).

О.А.Смирницкая

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ СМИРНИЦКИЙ

А.И.Смирницкий (6.4.1903 — 22.4.1954) внес выдающийся вклад в самые различные области германистики, истории и теории английского языка и общего языкознания. Выступая в большой университетской аудитории на заседании, посвященном его памяти, А.И.Реформатский сказал: «Интересы Александра Ивановича были настолько широки, что если бы каждый из здесь присутствующих взял бы по одному вопросу, — на всех бы хватило» (Стенограмма: 32).

А.И.Смирницкий родился в Москве, в семье инженера. В 1913 г. он поступил в одну из лучших московских гимназий — Медведниковскую; большую роль в развитии его творческих способностей сыграло и домашнее воспитание. От отца, И.Д.Смирницкого, он унаследовал любовь к технике и точным наукам (математический способ мышления часто отмечали и в его лингвистических работах); от матери, М.Н.Смирницкой, — одаренность в искусствах. Он занимался живописью в мастерских К.Ф.Юона и А.Е.Архипова и всерьез пробовал силы в литературе: сохранились рукописи трех его романов. Ему прочили будущее художника или писателя, но в 1920 г. он совершил свой собственный и неожиданный для близких выбор — поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Через несколько недель после начала занятий он записывает в дневнике: «Я на романо-германском отделении. Занимаюсь пока немного, но с большим интересом».

За годы учения Александра Ивановича университет (I МГУ) неоднократно подвергался преобразованиям, и закончил он его (в 1924 г.) уже

как выпускник факультета общественных наук (ФОН). В выданном ему свидетельстве об окончании университета среди множества учебных дисциплин значатся: историческая грамматика верхненемецкого языка, историческая грамматика английского языка, сравнительная грамматика индоевропейских и германских языков, готский язык, немецкий язык, шведский язык, греческий язык (средняя группа), латинский автор (Лукреций), семинарии по толкованию Эдгара По, Тегнера, Шелли и Шекспира.

В годы университетских занятий Александра Ивановича еще читал свои лекции ученик Ф.Ф.Фортунатова В.К.Поржезинский (в 1922 г. он уехал в Польшу), а сравнительно-историческую грамматику преподавал М.Н.Петерсон. До 1921 г. работал в университете и выдающийся медиевист и знаток германских древностей Б.И.Ярхо. В 20-е годы Александр Иванович сближается с основателями «новомосковской лингвистической школы» — особенно с А.А.Реформатским и П.С.Кузнецовым. Но он так и не примкнул к их кружку. Принадлежа по воспитанию, по самому строю лингвистической мысли к Московской школе, Александр Иванович занял в ней позицию несколько обособленную, сосредоточив свои интересы на германистике.

В 1925 г. А.И.Смирницкий «был командирован в аспирантуру Института языка и литературы Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), куда и был зачислен по сдаче соответствующих испытаний и представления письменной работы по специальности — «Диалектальные элементы в языке Чосера» (из автобиографии). К вопросам диалектологии Александр Иванович не раз возвращался позже. В аспирантуре же он занимался главным образом сравнительной грамматикой германских языков и готовил диссертацию о языке рунических надписей. По плану диссертация должна была быть завершена в 1929 г. Но в своем аспирантском отчете Александр Иванович пишет, что по не зависящим от него обстоятельствам он должен перенести ее завершение на более поздний срок. В 1929 г. председатель лингвистической секции РАНИОН Е.Д.Поливанов подвергся ожесточенной травле со стороны марристов и был вынужден покинуть Москву. «Новое учение о языке» приобретало значение официальной догмы.

Служебная биография А.И.Смирницкого конца 20-х — начала 30-х годов типична для лингвистов, не принявших «нового учения о языке» и оставшихся верными своему пути в науке. Осенью 1929 г. он был зачислен на должность ассистента в МГУ и приступил к чтению лекций по

истории английского языка. В феврале 1930 г. курс был отменен. Та же участь постигла и другой его курс — по введению в германскую филологию, который он начал читать во II МГУ (Пединституте). С февраля 1930 г. Александр Иванович начал преподавать русский язык в Московской ленинской школе для работников Коминтерна (МЛШ), а с осени того же года — в Московском институте новых языков (позже Московский гос. пед. ин-т иностранных языков — МГПИИЯ). С начала 30-х годов он занимал также штатную должность научного сотрудника 1-го разряда в Научно-исследовательском институте языкознания. НИЯЗ стал в то время оплотом лингвистов, не принявших «нового учения о языке» (Алпатов, 1991). В 1933 г. институт был ликвидирован.

Но и в обстановке усиливающегося идеологического давления на науку Александр Иванович сумел сохранить внутреннюю свободу. Он работал с предельной творческой самоотдачей всюду, где только предоставлялась возможность. В 1935 г. вышел в свет учебник русского языка для иностранцев, составленный им совместно с П.П.Свешниковым — его коллегой по работе в МЛШ (Smirnitsky, Sveshnikov, 1935). Большой раздел в этом учебнике, посвященный видам русского глагола, был написан Александром Ивановичем на основе специального исследования. Результаты данного исследования позже получили отражение в составленном под его руководством Русско-английском словаре (Русско-английский словарь, 1948). В 1934 г. Александр Иванович участвовал в работе Транскрипционной комиссии при НИИ Большого советского атласа. Работа в Комиссии содействовала его сближению с членами Московской фонологической школы; тогда же наметились и их расхождения, вылившиеся впоследствии (в начале 50-х годов) в открытую дискуссию (Реформатский, 1970: 43, 50, 95).

С середины 30-х годов А.И.Смирницкий читал лекции по германистике, истории и теории английского языка в МИФЛИ (где с 1934 г. он работал в должности доцента); с 1936 г. он заведовал кафедрой английской филологии в МГПИИЯ. Он также выезжал для чтения лекций и руководства аспирантами в Харьков, Минск, Горький. В лекциях формировались его общелингвистические взгляды.

Среди немногочисленных публикаций Александра Ивановича в 30-е годы особое место занимают (помимо уже упомянутого учебника русского языка) «Хрестоматия по истории английского языка» (Смирницкий, 1938) и выполненный им совместно с Б.Ю.Айхен-вальдом перевод поэмы шведского поэта-романтика Э.Тегнера «Сага о Фритьофе» (Тегнер, 1935). В предвоенные годы он много работал (совместно с

М.М.Гухман и Н.С.Чемодановым) и над учебником по сравнительной грамматике германских языков. В 1941 г. учебник был послан на рецензирование в Ленинград. Обстановка, сложившаяся в языкознании в послевоенные годы, сделала невозможной его публикацию. Разделы, написанные Александром Ивановичем для этого учебника (всего 14 п.л.), вошли в его книги, опубликованные посмертно.

В 1940 г. А.И.Смирницкий был утвержден постановлением ВАК ВКВШ в звании профессора по кафедре английской филологии.

С октября 1941 г. по сентябрь 1942 г. А.И.Смирницкий находился в эвакуации — сначала на Северном Урале (Березники), затем в Горьком. По возвращении в Москву он был восстановлен в должности заведующего кафедрой в МГПИИЯ, а также утвержден в должности профессора по кафедре романо-германского языкознания МГУ (в состав которого вошел МИФЛИ). В 1946 г. он был назначен заведующим этой кафедрой (после смерти М.В.Сергиевского); в 1943–1946 гг. заведовал и кафедрой английского языка в МГУ.

К концу 40-х годов он читал в университете курсы по теории и истории английского языка, сравнительной грамматике германских языков, сравнительной (т.е. сопоставительной) грамматике новогерманских языков и введению в скандинавистику. Лекции Александра Ивановича остались в памяти слышавших его студентов и аспирантов как одно из самых ярких воспоминаний об университетской жизни; многие из слушателей сохранили их конспекты. Но сама его преподавательская работа находилась под угрозой: погромная кампания, развернутая в конце 40-х годов марристами, слилась с общегосударственной борьбой против «космополитизма», и сама специальность А.И.Смирницкого служила главным против него обвинением; ему предписывалось пересмотреть программы курсов и прекратить замалчивание «марксистского учения о языке, созданного академиком Н.Я.Марром»; см. (Смирницкая, 2000: 76–77).

Лингвистическая дискуссия (май–июнь 1950 г.), положившая конец марризму, означала для Александра Ивановича прежде всего возможность работать. В начале 50-х годов одна за другой появляются в печати его статьи, центральное место среди которых занимают статьи по общему языкознанию. За три года он опубликовал больше работ, чем за всю предшествующую жизнь. Продолжая заведовать кафедрой романо-германской филологии в МГУ, он также приступил (с июля 1950 г.) к заведованию сектором германских языков в Институте языкознания АН СССР. Но здоровье его, никогда не отличавшееся крепостью, резко

ухудшается. Из-за прогрессирующей болезни сердца он вынужден оставить в мае 1951 г. работу в университете, сохранив за собой лишь руководство аспирантами; с февраля 1953 г. переходит на должность старшего научного сотрудника в Институте. 22 апреля 1954 г. А.И.Смирницкий умер после третьего инфаркта. Большинство его наиболее известных работ еще не было опубликовано.

Хронология публикаций А.И.Смирницкого создает впечатление, что он вплотную занялся вопросами общего языкознания лишь в последние годы жизни. Это, однако, не совсем так. Не говоря уже о том, что публикации отражают не только развитие взглядов Александра Ивановича, но и обстоятельства, в которых ему приходилось работать, необходимо заметить, что стремление к общелингвистической постановке вопроса — это вообще черта его творческого метода, ярко проявившаяся и в работах по диахроническому германскому языкознанию. В то же время его работы, справедливо причисляемые к общелингвистическим, могут рассматриваться и как опыт исследования в области конкретных языков — русского и английского. Александр Иванович полагал, что система языка может быть выявлена лишь при условии, что лингвист следует в своем анализе внутренним связям между языковыми элементами, не обходя и частных случаев.

В своей «Хрестоматии по истории английского языка» (Смирницкий, 1938; 1953) Александр Иванович, отправляясь от учебно-методических задач систематизации материала, фактически уже подходит к тому пониманию проблемы тождества слова — в диахронии и синхронии, которое получило углубленную интерпретацию в его позднейших работах.

Так, в этимологической части словарных статей Александр Иванович проводит тонкое и не всегда самоочевидное разграничение между генетическим тождеством слов и их более отдаленным родством. Например, отношение между словами др. англ. *eorðe n-ж*, нем. *Erde ā-ж* «земля» трактуется в словаре иначе, чем отношение между др. англ. *hāngian слб.* 2 «висеть», редко «вешать» и др. сканд. *hengja слб.* 1 «вешать». В первом случае парадигматическое различие слов не исключает их исторического тождества (опосредованного морфологическим варьированием); во втором — следует говорить об исходно разных словах, словообразовательное несовпадение которых мотивирует и частичное расхождение в их семантике.

Приводя заглавное древнеанглийское слово в его нормализованной (уэссекской) форме, Александр Иванович в ряде случаев указывал в

статье и его диалектные варианты, не представленные в древнеанглийских текстах «Хрестоматии», но необходимые для понимания истории каждого слова, в том числе, роли его отдельных диалектных вариантов в складывании литературной нормы английского языка. Тем самым историческое тождество слова представлено в словаре, как опосредованное его диалектным варьированием в отдельные периоды развития языка.

В необходимых случаях Александр Иванович привлекает внимание и к изменениям в парадигматике слова. Так, он отмечает с помощью особых знаков (система условных знаков и помет была им специально разработана для данного словаря), что совр. англ. *cap* восходит не к заглавной словоформе др. англ. *cuppan* (инф.), а к форме ед. ч. наст. вр. В словаре четко выделены и случаи лексикализации фономорфологических вариантов слова: ср. совр. англ. *mogtow* и *mogp* — два различных слова, восходящих к др. англ. *morpen*. Наконец, Александр Иванович считал возможным в исключительных случаях включать в словарь и слова, не засвидетельствованные в текстах, — но лишь при условии достаточных для этого синхронических (словообразовательных) и историко-лингвистических данных.

Небольшой учебник по истории английского языка (Смирницкий, 1965) был целиком составлен его ученицей А.А.Асмангулян на основе записей лекционных курсов, читавшихся А.И.Смирницким в послевоенные годы; но авторский «почерк» Александра Ивановича безошибочно в нем узнается. В данных лекциях, как и в других своих работах, он не ограничивается рассмотрением отдельных фактов, но исходит из понимания языка как системы. Так, в своем описании грамматического развития английского языка Александр Иванович ставит во главу угла историю грамматических категорий имени и глагола. Этот подход, получивший развитие в специальных исследованиях по диахронической морфологии, до сих пор редко учитывается в общих работах по истории языка. Александр Иванович не ограничивался историко-фонетическим объяснением звуковых изменений, но стремился дать им фонологическое освещение; так, например, отдельные количественные изменения в среднеанглийском рассматривались в его курсе в связи с общей просодической перестройкой английского слова; ср. (Кузьменко, 1991: 169–171).

Вместе с тем, в курсе нашел себе место и вопрос о социолингвистических факторах языкового развития. Особый интерес в этом плане представляет трактовка А.И.Смирницким скандинавского влияния на английский язык. Глубина скандинавского влияния не только в лексике, но и в грамматическом строе английского языка получает объяснение в

той особой языковой ситуации, которая сложилась в области англо-скандинавских контактов (область Датского Права). А именно, близость диалектов обоих языков создавала возможность прямого общения между англичанами и скандинавами, и сами диалекты в этих условиях функционировали подобно диалектам одного языка. Это обуславливало возможность их интерференции и образования смешанного англо-скандинавского диалекта, многие инновации которого распространились в дальнейшем за пределы первоначальной территории контактов. Следует при этом иметь в виду ту роль, которую диалекты из области контактов сыграли в образовании литературного английского языка (Смирницкий, 1965: 8–10). Принципиально иным было влияние французского языка на английский; сколь бы интенсивным ни было это влияние в лексике, оно не вело к языковому смешению, т.е. к превращению английского языка в смешанный «германо-романский».

В начале 50-х годов А.И.Смирницкий написал несколько работ, посвященных сравнительно-историческому методу и сведенных воедино в (Смирницкий, 1955б). Разъяснение основ сравнительно-исторического метода (что само по себе было важной задачей после долгих лет гонений на компаративистику) означало для него в то же время осмысление его общелингвистических принципов, а отсюда и объективных границ его применимости. Александр Иванович писал о необходимости расширения области сравнительно-исторического изучения языков и разработки с этой целью новых методов. Он задумывался, в частности, о возможности создания новой, перспективно направленной сравнительной грамматики родственных языков, которую следовало бы дополнить сравнительно-исторической лексикологией, а также исследованием «общих условий и форм развития данных языков (их диалектного дробления, роли и характера письменности на них, выработки их литературных образцов, их распространения и пр.)» (Смирницкий, 1955б: 8). Эти проблемы получили широкое освещение в работах последующих десятилетий.

Воздавая должное сравнительно-историческому методу, Александр Иванович считал неправомерной его абсолютизацию. Они исходил из того, что как возможности сравнительно-исторического метода, так и границы его применимости обусловлены объективными свойствами языковой структуры, тесно взаимосвязанными в самом языке. Так, доказательность реконструкции базируется на принципе немотивированности связи между звучанием и значением языковых единиц. Но данный принцип проявляется в чистом виде лишь в элементарных единицах языка — морфемах. Уже в лексике (и тем более в синтаксисе) обнаруживается и

противоположный принцип мотивированности, делающий реконструкцию проблематичной, а в ряде случаев и невозможной. В качестве примера Александр Иванович приводит суффиксальные слова, полное, т.е. звуковое и одновременно семантическое, соответствие которых, тем не менее, не позволяет с уверенностью возводить их к общему архетипу: генетическое тождество слов оказывается в подобных случаях неотличимым от их параллельного образования в отдельных языках (ук соч.: 27). Но аналогичные трудности для реконструкции представляют и бессуффиксальные слова, образованные по конверсии, а также вообще слова, принадлежащие продуктивным парадигматическим типам. Так, из того что в большинстве древнегерманских языков имеются соответствия слову дисл. *saga* «рассказ, сага» (от глагола со значением «говорить»), не следует с необходимостью, что данное слово существовало уже в общегерманском.

Вместе с тем, как подчеркивал Александр Иванович, даже при восстановлении морфем, т.е. основных единиц, которыми оперирует сравнительно исторический метод, «мы все же восстанавливаем нечто большее, чем морфемы. Ведь морфемы восстанавливаются вместе в их функционально-структурными характеристиками, как морфемы корневые, префиксы, суффиксы — словообразовательного или грамматического характера. Тем самым восстанавливаются определенные морфологические типы словоформ и слов и морфологические категории, а через посредство последних возможны и некоторые выводы относительно синтаксиса» (Ук. соч.: 44). Иными словами, сравнительно-исторический метод «создает возможность соединения отдельных фактов, связанных между собой тождеством языка, в некоторую систему» (ук. соч.: 92).

Таким образом, Александр Иванович был склонен рассматривать язык-основу (в 50-е годы был в употреблении именно данный термин) не как «конструкт», а как реально существовавший язык, хотя и восстанавливаемый лишь частично — в отдельных своих элементах и системных связях. Этот момент в понимании языка-основы А.И.Смирницким был особо выделен С.Б.Бернштейном: «В сравнительных грамматиках нашего времени, — замечает он, — полностью или почти полностью отсутствует понимание языка как системы (...). Александра Ивановича не удовлетворяло то понимание природы языка, какое мы находим в большинстве подобных грамматик. Он часто говорил, что необходимо применять здесь те достижения языкознания, которые мы применяем в области описательных грамматик» (стенограмма : 11).

Выяснение системных характеристик языка-основы, однако, за-

трудняется не только ограничениями, о которых шла речь выше, но в большой степени и тем, что «сравнительно-исторический метод как метод восстановления дает как бы плоскую, написанную без перспективы, картину, в которой различные эпохи могут совмещаться в одном плане» (Смирницкий, 1955б: 55). Этот объективный недостаток метода, как полагал А.И.Смирницкий, может быть частично устранен с помощью других методов, в частности метода внутренней реконструкции. Необходимым казалось ему и привлечение данных истории, в частности истории материальной культуры (ук. соч.: 57).

Хронологический аспект реконструкции выходит на первый план в статье А.И.Смирницкого о языке старших северных рунических надписей (Смирницкий, 1947). Александр Иванович начал заниматься рунологией еще в аспирантские годы (см. выше). Но если ранние его работы, скорее, носили характер общего введения в рунологическую проблематику, то в статье 1947 г. он существенным образом пересматривает вопрос о самой языковой принадлежности старшерунических надписей (III–VI вв.), а стало быть, об их роли для сравнительно-исторической грамматики германских языков. Традиционная квалификация языка надписей с территории Скандинавии как праскандинавского, представляется ему недостаточно обоснованной. Она не может быть подтверждена ни исторически, т.е. данными о расселении германских племен в указанную эпоху, ни лингвистически. «Языковые формы более ранних надписей старшими рунами в общем таковы, что их можно признать за архаичные формы различных древнегерманских языков: доказать, что таких архаических форм в III–VI вв. не имелось, очень трудно или прямо невозможно ввиду отсутствия столь ранних памятников других германских языков, кроме готского» (ук. соч.: 68–69). Определение языковой принадлежности языка древнейших надписей с необходимостью требует синхронического сравнения фактов их языка с реконструированными фактами западногерманских диалектов. Важным опытом построения подобной синхронической модели реконструкции явилась опубликованная посмертно статья А.И.Смирницкого о ротацизме (Смирницкий, 1959б), дававшая новое освещение вопроса об ареальном распространении окончаний ед. ч. муж. р. на $-R < \text{o.g.} *{-z}$ (рун. $-\text{dagaR}$, $-\text{gastiR}$), обычно считавшихся одним из наиболее ярких скандинавизмов в языке надписей. Опираясь на методы диахронической фонологии, Александр Иванович пришел к выводу, что в эпоху древнейших рунических надписей окончания на $-R$ сохранялись во всем северо-

западногерманском ареале. Именно данная стадия, предшествующая отпадению окончаний в западногерманских диалектах (ср., напр., др. англ. *dæg* «день», *giest* «гость») и получила отражение в древнейших надписях.

Вопрос о языке старшерунических надписей широко обсуждался германистами во второй половине XX в. В современной германистике язык древнейших надписей обычно квалифицируется как северо-западногерманский; см. (Haugen, 1976: 124). Впрочем, как замечал А.И.Смирницкий, «единообразие языка надписей может быть в значительной мере лишь кажущимся: возможно, что различий в языке между отдельными надписями не наблюдается потому, что в надписях вообще не встречаются те языковые элементы, в которых эти различия проявлялись» (Смирницкий, 1947: 88).

В начале 50-х годов А.И.Смирницкий написал три большие статьи о слове: (Смирницкий, 1953а; 1954а; 1955а). Данные статьи были задуманы им как части общей работы, охватывающей основные признаки слова как основной единицы языка.

А.И.Смирницкий полагал, что неудовлетворительность или недостаточность существующих определений слова в немалой степени обусловлена тем, что они относятся лишь к отдельным сторонам слова и упускают из виду другие, не менее важные его стороны. «Для того, чтобы определить, вернее выяснить, что такое слово, необходимо уточнить саму постановку вопроса» (Смирницкий, 1953а: 182). Так, хотя линейное членение связной речи на слова самым непосредственным образом взаимосвязано с отождествлением слова как единицы языка в разных случаях его употребления, обе эти проблемы должны четко разделяться в теоретическом исследовании (ук. соч.: 185).

Вычленение слова в связной речи предполагает, во-первых, его достаточно четкую выделимость, т.е. различие между словом и частью слова — морфемой. Выделимость слова в связной речи не определяется только его семантической законченностью или только его фонетическими признаками (которые могут быть существенно различными в конкретных языках); языковой основой выделимости слова служит, прежде всего, такой основной, существеннейший признак слова, который характеризует его как двустороннюю и грамматически оформленную единицу языка (ук. соч.: 190). Именно оформленность отличает слово от его части. Для Александра Ивановича было важно подчеркнуть, что различие это чисто структурное, не обязательно находящее внешнее выражение. Поэтому оно «выступает, может быть, особенно ясно и в наиболее чис-

том виде в таких случаях, когда целое слово (...) внешне совпадает с определенной частью слова, а именно — с его основой» (ук. соч.: 191). В качестве примера он приводит слово *лис*, содержащее в себе не только значение основы *лис-*, но и значение вообще существительного, предмета (...) и значение мужского рода (которое в данном случае непосредственно связано с обозначением мужского пола», а кроме того и значения определенного числа и падежа» (там же). Выделение нулевой флексии — при этом не только в синтетических, но и в аналитических языках — идет у Александра Ивановича от Московской школы; ср. иную постановку вопроса, напр., в (Жирмунский, 1976а: 137). Но он распространяет понятие выделимости слова и дальше — на неизменяемые, в том числе служебные слова, говоря в этом случае о косвенной, или остаточной выделимости (Смирницкий, 1953а: 193). В статье «Лексическое и грамматическое в слове» (1955а) он еще больше заостряет эту формулировку, утверждая, что грамматически оформленными являются также и слова, не имеющие определенной грамматической формы (ук. соч.: 17). Заметим, вместе с тем, что и данный тезис Александр Иванович возводил, в конечном счете, к тому определению слова, которое было дано Ф.Ф.Фортунатовым: «Всякий звук речи, имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами, есть слово» (Фортунатов, 1899—1900: 186). По словам Александра Ивановича, в этом определении «содержится важное указание на то, что некоторая единица в речи может характеризоваться как слово не столько сама по себе, сколько тем, что соединенные с нею единицы выделяются в качестве отдельных слов» (Смирницкий, 1953а: 194).

Данная постановка вопроса определила позицию Александра Ивановича в споре о предлогах. Для него было несомненным, что предлоги являются отдельными словами и, следовательно, выражают отношения лексически — в отличие от падежных окончаний. При этом он особо выделял типологическую значимость выражения отношений в языках: «Очень важной характерной чертой каждого языка является именно то, какие значения отношений выражаются в нем конкретными словами как таковыми, а какие — несловарными средствами. Это представляет первостепенный интерес с точки зрения языкознания (а не логики)» (Смирницкий, 1955 а: 22).

Слово, т.е. отдельный его представитель в связной речи, отличается от части слова своей оформленностью, а от словосочетания — своей цельнооформленностью. Цельнооформленность, в свою очередь, выступая как признак внешней формы слова, в большинстве случаев способст-

вует его семантической спаянности; ср. (Пешковский, 1959: 81–82). Так, например, «в значении слова *прямоугольник* содержатся моменты (параллельности сторон и четырехугольности, а тем самым — и наличия именно четырех прямых углов), отсутствующие в совокупности значений отдельных частей этого слова. Тем самым увеличивается семантическая цельность данного слова: его значение должно непосредственно сознаваться как целое, так как оно не может быть полностью получено из соединения значений отдельных частей этого слова» (Смирницкий, 1953а: 201). Вместе с тем, Александр Иванович подчеркивал, что цельнооформленность и идиоматичность не всегда совпадают, приводя в качестве наиболее яркого примера такого несовпадения фразеологические словосочетания.

Термин «цельнооформленность» привился в языкознании; но при этом не раз указывалось, что критерий цельнооформленности неприменим для целого ряда сложных случаев — даже в русском языке; ср. (Жирмунский, 1976а: 147). Следует заметить, в связи с этим, что и сам А.И.Смирницкий отчетливо понимал неуниверсальность предложенных им критериев. Статья о проблеме отдельности слова заканчивается словами: «Само собой разумеется, что языковая действительность гораздо сложнее и многообразнее того, что было представлено во всем предыдущем изложении. Но думается, что для ориентации в крайне обширной и крайне сложной системе всякого развитого языка необходимо выделить какие-то главные, наиболее заметные черты ее строения, некоторую общую схему соотношения ее частей: тогда и разнообразные переходные и промежуточные образования, различные частные случаи, пережиточные явления и первые ростки нового смогут быть лучше поняты» (Смирницкий, 1953, 203).

Эти слова в полной мере могут быть отнесены и к статье А.И.Смирницкого о проблеме тождества слова (Смирницкий, 1954а): он со всей возможной строгостью и последовательностью формулирует саму проблему, представляя ее в разных ракурсах, и в то же время привлекает особое внимание к переходным, промежуточным явлениям языка.

Отождествление конкретных разновидностей слова как основной единицы языка осуществляется в двух различных плоскостях — грамматической и собственно лексической. Так, слово отождествляется в отдельных словоформах, составляющих в совокупности его парадигму. Данный аспект тождества слова представляется, на первый взгляд, совершенно ясным: ведь словоформа уже по определению принадлежит именно данному слову, т.е. отличается от других словоформ, входящих в

ту же парадигму, лишь в грамматическом, но не лексическом плане. Отсюда с очевидностью следует, что грамматическое различие словоформ само по себе никак не меняет лексического содержания слова; так словоформы *стол* и *стола* лексически полностью равнозначны. Но, вместе с тем, как замечает Александр Иванович, между лексическим и грамматическим значением нет непреодолимой грани. Числовые различия в отдельных случаях могут сопровождаться различиями, относящимися к лексической семантике слова и, тем самым, несовместимыми с тождеством слова. Так, например, *ноты* «нотный текст музыкального произведения» — это уже другое слово по отношению к *нота*, мн. ч. *ноты* «графический знак музыкального звука» (так данный случай и представлен в «Русско-английском словаре», составленном под руководством А.И.Смирницкого). Вопрос, однако, осложняется тем, что лексикализация числовых различий может иметь разные степени и неодинаковую устойчивость, а также различные способы выражения; ср. *рога* (в отличие от *роги*), *цветы* (в отличие от *цветки* и *цвета*), *волосы* — «шевелюра», а также англ. *teeth* — в обычном случае «комплект зубов во рту», *feet* — «пара ног (человека)» и т.п. Сами границы слова теряют отчетливость в подобных случаях, и тождество слова оказывается проблематичным.

В своих статьях А.И.Смирницкий привлекает внимание и к таким проявлениям взаимодействия лексического и грамматического в слове, которые характеризуют систему языка в целом. А именно, «хотя та или другая грамматическая форма как таковая сама по себе не изменяет лексического содержания (значения) слова, но самое наличие ее у данного слова и конкретные ее особенности могут характеризовать соответствующее слово в целом» (Смирницкий, 1954: 19). Словообразовательная функция парадигмы особенно наглядно проявляется при безаффиксальном словопроизводстве — конверсии; ср. (Смирницкий, 1953б). При этом если в одних случаях (*ходить* — *ход*) парадигма служит дифференциации частей речи, то в других — она выражает предметные семантические различия (*супруг* — *супруга*; *лис* — *лиса*). При этом парадигматические различия, внешне подобные случаю *лис* — *лиса*, могут и не выражать каких-либо семантических различий; ср. *рельс-рельса*. В этом последнем случае имеет место морфологическое варьирование слова.

Варианты слова определяются А.И.Смирницким как любые его разновидности, не относящиеся к области грамматического словоизменения. Столь общее определение вариантов подразумевает их структурное многообразие. Александр Иванович проводит основную границу ме-

жду структурными вариантами, относящимися к внешней форме слова (фонетическими, морфологическими, словообразовательными) и к его семантической структуре (лексико-семантическими). Но при этом он исходит из того, что как формальное, так и лексико-семантическое варьирование характеризуют слово в целом — как двустороннюю единицу языка (лексему). В концепции варьирования слова, разработанной А.И.Смирницким, должны быть выделены, прежде всего, следующие моменты.

Тождество слова не исключает одновременного варьирования как его внешней формы, так и его значения. Но для сохранения тождества слова необходимо, чтобы между теми и другими вариантами не имелось соответствия, т.е. чтобы, например, его фонетические варианты не служили выражению каких-либо семантических различий (ср. лексическое расщепление вариантов *хаос* и *хабс* в языке последних десятилетий).

Следует заметить, что в классификации Александра Ивановича не находится места для стилистических вариантов слова. Он указывает на несамостоятельность стилистического варьирования, его вторичность по отношению к лексико-семантическому или фonomорфологическому варьированию. Так, из двух лексико-семантических вариантов слова *жена* один является «поэтически архаическим» (*и юные жены, любившие нас*); сходную стилистическую окраску имеет и фonomорфологический вариант *младой* — при нейтральном *молодой*). Обращает на себя внимание, что стилистически неравноправными оказываются почти все фonomорфологические варианты, приводимые в статье.

В связи с этим, особенно важно заметить, что, хотя основная граница в классификации вариантов проходит между лексико-семантическими и фonomорфологическими вариантами, они все же не мыслятся Александром Ивановичем как вполне параллельные. А именно, лексико-семантическая вариантность представляет собой обычное явление в языке. Она носит системный характер и «в очень большом числе случаев находит выражение либо в различии синтаксического построения, либо в разной сочетаемости с другими словами» (Смирницкий, 1954: 37). Напротив, фonomорфологическая вариантность представляет собой неустойчивое, переходное явление, наблюдаемое лишь в отдельных словах. Различие между фonomорфологическими вариантами в литературном языке нередко изживается либо связывается с семантическими различиями, т.е. ведет к утрате лексического тождества слова. В то же время сохранение подобных вариантов, как правило, предполагает их стилистическую дифференциацию (ук. соч.: 33–35). Иными словами,

фономорфологическая вариантность — это одно из таких явлений языка, в котором ярко обнаруживается динамика языковой синхронии. Вместе с тем, уже сама постановка вопроса о воспроизводимости и отождествлении языковых единиц в речи, предполагает, что фактор времени входит в язык: «язык определенной эпохи — это язык, существующий и развивающийся во времени, т.е. заключающий в себе элемент диахронии» (Смирницкий, 1956б: 69).

Необходимо остановиться вкратце на тех новых терминах, которые были введены А.И.Смирницким в его теоретических исследованиях. Некоторые из этих терминов стали общеупотребительными (например, «словоформа», «лексико-семантический вариант»), другие не прижились в отечественном языкознании. Но для самого Александра Ивановича термины, которыми он пользовался в своих работах, составляли единую систему и подразумевали — часто уже самой своей внутренней формой — строго определенный подход к системному анализу языка.

Так, он проводит различие между словоформой и грамматической формой слова. Словоформа определяется им как «данное слово в данной грамматической форме» (ук. соч., 1954: 18), причем акцент делается на тождестве слова в разных его словоформах. Термин же «грамматическая форма слова», напротив, выдвигает на первый план сам грамматический момент, например, значение им. п. мн. ч. в определенном формальном выражении. В данном ракурсе рассмотрения форма *лампы* принадлежит тому же ряду, что и *рамы, раны, фонемы* и т.д. Иначе говоря, если грамматическая форма — это определенная грамматическая величина, тождественная в разных словах, то словоформа — это величина лексикограмматическая, представляющая собой как бы скрещение или произведение известного (варианта) слова и определенной грамматической формы (ук. соч., 1954: 18).

В современных семасиологических исследованиях отдельные значения слова часто обозначаются как его «лексико-семантические варианты». Но для Александра Ивановича данный термин был неотрывен от общей проблематики тождества слова как двусторонней единицы языка; поэтому он и говорил не о «семантических», а о «лексико-семантических вариантах» слова. Иными словами, данный термин в том значении, в котором он был введен Александром Ивановичем, принадлежит области лексикологии, а не семасиологии. В своих работах по семантике Александр Иванович никогда им не пользовался, но применял общераспространенные термины — «значение слова», его «многозначность» («полисемия») и т.п.

В работах, посвященных теоретической грамматике английского языка, А.И.Смирницкий ввел термин «категориальная форма» (Смирницкий, 1957: 30; 1959: 8). Может показаться, что «категориальная форма», в понимании А.И.Смирницкого, — это приблизительно то же, что «сема» в понимании В.Скалички. Ведь и Скаличка, введший в научный обиход данный термин, исходил из того, что «сема — в одно и то же время формальный и функциональный, другими словами, грамматический элемент» (Скаличка, 1967: 138). Однако вопрос этот так и не получил полной ясности в работах пражцев. В дальнейшем термин «сема», как известно, приобрел значение «минимальной единицы плана содержания» и стал в данном своем значении базовым термином компонентного анализа. В структурной морфологии получил распространение иной термин — «граммема», обычно понимаемый как отдельный элемент значения («ед. ч.», «мн. ч.» и т.п.).

Категориальные формы ед. ч., мн. ч. и т.п. понимались А.И.Смирницким как двусторонние единицы, обладающие своим, хотя и нетождественным в парадигме, планом выражения. Такой подход определялся в его лингвистической системе, прежде всего, самой соотносительностью терминов (и, соответственно, понятий) «категориальная форма» и «грамматическая категория». Двусторонность грамматических категорий не подвергалась им сомнению.

Формальное выражение грамматических категорий имеет, в частности, решающее значение при рассмотрении проблемы аналитических форм. Существеннейшим моментом в морфологизации аналитических форм является их функциональное сближение с синтетическими формами и одновременно противопоставление этим формам по определенному категориальному признаку. Но, как подчеркивал А.И.Смирницкий, одни функциональные факторы здесь недостаточны. «Для того чтобы известные словосочетания сблизились с отдельными словоформами и благодаря функционально-смысловому уподоблению последним образовали одну определенную категорию, необходимо соответствующее выражение особо тесной связи между ними. Поскольку словосочетание при этом все же не превращается в цельную синтетическую форму (...), постольку такое выражение оказывается очень тонким и относительным. В общем единственным его средством оказывается то или иное обособление от аналогичных словосочетаний, относительная изоляция данной конструкции» (Смирницкий, 1956: 50). Для исследователя формальная изоляция аналитических форм от своего синтаксического фона служит наиболее надежным, объективным критерием их морфологизации. Так, одни только

семантические критерии не выявляют структурного разрыва между рус. *буду работать* и *стану работать* или, в другом плане, — *буду работать* и *буду профессором*; ср. (Жирмунский, 1976б: 90). Но разрыв этот с несомненностью следует из того факта, что глагол *буду* в сочетании с инфинитивом имеет лишь одну временную форму: ср. *стал работать*, *стал профессором*, но не **был работать*. Таким образом, *буду* в данном сочетании следует рассматривать не как связку, но как форму вспомогательного глагола — компонент функционально целостной аналитической формы будущего времени; см. (Смирницкий, 1956а: 45).

Проблема аналитических форм приобретает особую важность в тех случаях, когда аналитические формы не включаются в готовую категорию (как в случае категориальной формы будущего времени), но коррелируют лишь с одной серией синтетических форм, как это имеет место, например, в грамматических категориях залога, временной отнесенности (термин А.И.Смирницкого) и вида в английском языке. Само существование данных категорий определяется при этом морфологизацией соответствующих аналитических форм. Грамматические категории английского языка были предметом всестороннего рассмотрения в книге А.И.Смирницкого «Морфология английского языка» (Смирницкий, 1959а).

Вместе с тем, Александр Иванович считал необходимым отметить, что даже полная морфологизация аналитических форм не устраняет их определенной двойственности, обусловленной самим фактом их раздельнооформленности. При этом он был склонен видеть в аналитических формах свободные словосочетания, хотя и особого рода. Он, в частности, придавал большое значение тому факту, что «перфектность аналитических форм с *have* в качестве вспомогательного глагола определяется перфектностью самого причастия, входящего в состав этих форм» (ук. соч.: 287). Заметим, что речь идет в данном случае не о диахроническом, а о синхроническом аспекте этой связи, т.е. об актуальных для языка моментах категориальной общности между неличными и личными (аналитическими) формами.

Отношение личных и неличных форм в системе глагола рассматривалось А.И.Смирницким и в общем плане. Он полагал, что регулярное противопоставление этих форм дает основание для выделения особой категории, характеризующей глагол в целом и «представляющей процесс в разных вариациях — как чистый процесс или же как процесс, осложненный другими (предметными или признаковыми) моментами» (ук. соч.: 246–247). Данная категория обозначается в его работе как категория

репрезентации.

В книге «Морфология английского языка» нашли место и некоторые идеи Александра Ивановича, высказывавшиеся им лишь как предположения и нуждающиеся в дальнейшем обосновании. Так, замечая, что формы со вспомогательным глаголом *do* «не укладываются в общую схему категорий, обычно выделяемых в английском языке» (ук. соч.: 88), он, тем не менее, считал возможным выделить три специфические категории, образуемые этими формами: категорию заявления-вопроса, категорию утверждения-отрицания и категорию экспрессивности. Трудность, однако, состоит в том, что по крайней мере две из названных категорий являются не морфологическими, а синтаксическими, функционально направленными на моделирование предложения в языке с фиксированным порядком подлежащего и сказуемого. Ту же функцию, что и глагол *do*, выполняют в английском языке и другие вспомогательные и служебные глаголы, для которых, однако, синтаксическая функция является вторичной. Рассмотрение данного вопроса не получило завершения в опубликованных работах Александра Ивановича.

Последней работой, вышедшей в свет при его жизни, была небольшая брошюра «Объективность существования языка» (Смирницкий, 1954б). В этой работе, полемически направленной против некоторых постулатов «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, Александр Иванович излагает в обобщенном виде свои взгляды на взаимоотношение языка и речи.

Александр Иванович настаивает на принципиальном различии между знанием языка, т.е. его отображением в сознании индивидов (именно этой стороне языка, в общем, соответствует соссюровское *langue*), и его подлинным, объективным существованием в речи. Язык может выполнять свое назначение как основного средства общения лишь в силу того, что внешняя его сторона имеет материальное, звуковое выражение. Данный момент затемняется в таких распространенных выражениях, как «различная реализация одной и той же фонемы», «объективирование слова в его различных вариантах». При этом создается впечатление, что «знание языка есть нечто исходное, первичное, а его проявление в реальном звучании речи — нечто производное, вторичное» (ук. соч.: 28). Но «человек может “реализовать” в своей речи слово *лошадь* потому, что он предварительно “усвоил” его, выделив как единицу языка, объективно данного ему в речи других» (ук. соч.: 29). Поэтому при собственно лингвистическом исследовании языка предпочтительно говорить о воспроизведении его единиц: ведь всякая реализация какой-либо

единицы в речи представляет собой не что иное, как ее воспроизведение.

При этом Александр Иванович подчеркивал, что соединение звучания со значением не есть простая «ассоциация», как утверждал Соссюр. Звучание играет определяющую роль в самом формировании значения в каждом индивидуальном сознании. «Именно через это звучание (...) коллектив направляет процесс образования значений языковых единиц в сознании каждого индивида, передает индивиду свой опыт, опыт множества предшествующих поколений данного общества, и образующееся в индивидуальном сознании значение оказывается в своей основе не индивидуальным, а общественным явлением» (ук. соч.: 27).

Говоря о принадлежности звучания языку, Александр Иванович исходил также из того, что для самого существования языка безразлично, какое именно выражение имеет его внешняя, материальная сторона; замена звуковой оболочки языка графической, письменной, хотя последняя и соединяется обычно со «звуковыми образами», все же должна трактоваться именно как замена, т.е. как нечто вторичное по отношению к реальному звучанию. Полное действительное существование языка разделяется в этом случае тем промежутком времени, который проходит между написанием и прочтением написанного (ук. соч.: 32–33). В другой своей работе Александр Иванович пишет: «Можно сказать, что акт речи завершается здесь тогда, когда написанное прочитывается» (Смирницкий, 1957: 11).

Многие мысли Александра Ивановича остались рассеянными в черновиках и не были «прочитаны». Так, хотя он всегда интересовался фонологией, сохранились лишь отдельные его наброски по общей фонологии. Некоторые из них трудно интерпретировать вне того контекста, в котором они писались. Книги Александра Ивановича по теории английского языка, при всем их значении для языкознания, несвободны от противоречий. Эти противоречия могут быть объяснены, прежде всего, тем, что составители, стремясь к возможно полному отображению взглядов Александра Ивановича, включали в публикуемые книги и законченные его рукописи, и отдельные черновики, и записи лекций, читавшихся в разные годы. Между тем, как вспоминают слушатели этих лекций, Александр Иванович никогда не предлагал своей аудитории готовых ответов, но думал во время лекции, уточняя формулировки и внося поправки в только что сказанное. А.А.Реформатский заключил свой доклад, посвященный его памяти, словами: «Одним из самых замечательных свойств Александра Ивановича было то, что он любил думать, не боялся думать и заставлял думать окружающих» (стенограмма: 43).

Литература

- Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. – М., 1991. – 240 с.
- Жирмунский В.М.* О границах слова // Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. – Л., 1976а (1961). – С. 125–147.
- Жирмунский В.М.* Об аналитических конструкциях // Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. – Л., 1976б (1963). – С. 82–124.
- Кузьменко Ю.К.* Фонологическая эволюция германских языков. – Л., 1991. – 284 с.
- Пешковский А.М.* В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? // Пешковский А.М. Избранные труды. – М., 1959. – С. 74–100.
- Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. – М., 1970. – 527с.
- Русско-английский словарь* / Сост.: Ахманова О.С., Горбунова Т.П., Ротштейн Н.Ф., Смирницкий А.И. и др.; Под. общ. рук. Смирницкого А.И. – М., 1948. – 988 с.
- Скаличка В.* О грамматике венгерского языка // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. – С. 128–197.
- Смирницкая О.А.* Александр Иванович Смирницкий. – М., 2000. – 136 с.
- Смирницкий А.И.* К вопросу о языке старших северных рунических надписей // Вестн. Моск. ун-та. – М., 1947. – № 8. – С. 67–92.
- Смирницкий А.И.* К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова») // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В.Сталина по языкознанию. – М., 1953а. – С. 182–203.
- Смирницкий А.И.* Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке // Иностр. яз. в шк. – М., 1953б. – № 5. – С. 21–31.
- Смирницкий А.И.* К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. – М., 1954а. – Т. 4. – С. 3–49.
- Смирницкий А.И.* Объективность существования языка. – М., 1954б. – 33 с.
- Смирницкий А.И.* Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. – М., 1955а. – С. 11–53.
- Смирницкий А.И.* Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства. Материалы к курсам языкознания. – М., 1955б. – 57 с.
- Смирницкий А.И.* Аналитические формы // Вопросы языкознания. – М., 1956а. – № 2. – С. 41–52.
- Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка / Подгот. к печати Пассек В.В. – М., 1956б. – 260 с.
- Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка // Подгот. к печати Пассек В.В. – М., 1957. – 286 с.

- Смирницкий А.И.* Морфология английского языка // Подгот. к печати Пассек В.В. – М., 1959 а. – 440 с.
- Смирницкий А.И.* Отпадение конечного *z* в западногерманских языках и изменение *z* в *r* // Вопросы германистики. – М., 1959 б. – С. 115–136.
- Смирницкий А.И.* История английского языка: (Средний и новый период) / Подгот. к печ. Асмангулян А.А. – М., 1965. – 136 с.
- Стенограмма заседания Уч. сов. отд. языкознания, посв. памяти проф. А.И.Смирницкого, 1 июня 1954 г.* // Рукопись (хран. в архиве О.А.Смирницкой). – 79 с.
- Тегнер Э.* Сага о Фригьофе / Пер. со швед. Айхенвальда Б.Ю. и Смирницкого А.И.; Коммент. Смирницкого А.И. – М.; Л., 1935. – 365 с.
- Фортунатов Ф.Ф.* Сравнительное языковедение: Литограф, лекции 1899/1900. – М., 1900.
- Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. С грам. таблицами и истор. и этимол. словарем* / Сост. Смирницкий А.И. – М., 1938. – 236 с.; Изд. 3 / Подгот. к печ. Пассек В.В. – М., 1953. – 287 с.
- Haugen E.* The Scandinavian languages: An introd. to their history. – Cambridge (Mass.), 1976. – 507 с.
- Smirnitisky A.I., Sveshnikov P.P.* Russian textbook: Elementary course. – М., 1935. – 363 с.

Основные работы А.И.Смирницкого

- Смирницкий А.И.* К вопросу о слове: (Проблема «отдельности слова») // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. – М., 1953а. – С. 182–203.
- Смирницкий А.И.* К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. – М., 1954а. – Т. 4. – С. 3–49.
- Смирницкий А.И.* Объективность существования языка. – М., 1954. – 33 с.
- Смирницкий А.И.* Древнеанглийский язык / Подгот. к печ. Пассек В.В. – М., 1955. – 318 с.
- Смирницкий А.И.* Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. – М., 1955. – С. 11–53.
- Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка / Подгот. к печ. Пассек В.В. – М., 1956. – 260 с.
- Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка // Подгот. к печ. Пассек В.В. – М., 1957. – 286 с.
- Смирницкий А.И.* Морфология английского языка / Подгот. к печ. Пасек В.В. – М., 1959а. – 440 с.
- Смирницкий А.И.* История английского языка: (Средний и новый период) / Подгот. к печ. Асмангулян А.А. – М., 1965. – 136 с.

Библиографию работ А.И.Смирницкого см.: Смирницкая О.А. Александр Иванович Смирницкий. – М., 2000. – С. 132–135.

Основные работы об А.И.Смирницком

Реформатский А.А. А.И.Смирницкий // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. – М., 1954. – Т. 13, вып. 6. – С. 571–573.

Реформатский А.А. Памяти профессора А.И.Смирницкого // Вопр. языкознания. – М., 1954. – № 6. – С. 150–154.

Медникова Э.М. Александр Иванович Смирницкий. – М., 1968. – 58 с.

Смирницкая О.А. Александр Иванович Смирницкий. – М., 2000. – 136 с.

Н.В.Солнцева

ВАДИМ МИХАЙЛОВИЧ СОЛНЦЕВ

Вадим Михайлович Солнцев (28.3.1928–19.4.2000) – член.-корр. РАН, доктор филологических наук, профессор – выдающийся российский ученый, крупный специалист по общему и восточному языкознанию, типолог и грамматист, исследователь китайского и вьетнамского языков, а также 19 языков Юго-Восточной Азии, материалы которых были использованы им при разработке общеязыковедных теорий и теории изолирующих языков.

Его жизнь сложилась так, что в детстве он в течение долгого времени жил вместе с родителями в Китае, где его отец работал в торгпредстве СССР в г. Урумчи (1934–1937 гг. и 1941–1943 гг.). Тогда он впервые познакомился с жизнью и культурой Китая, а также с китайским языком, изучению которого он посвятил всю свою жизнь.

По возвращении на Родину В.М.Солнцев закончил школу и в 1944 г. поступил в Московский энергетический институт инженеров транспорта, но проучившись в нем один год, перешел на китайское отделение Московского института востоковедения, который закончил досрочно за четыре года (1945–1949).

Еще в студенческие годы, когда В.М.Солнцев занимался в научно-студенческом обществе под руководством Г.Д.Санжеева (1902–1982), определилась научная область его интересов – проблемы общезыковедного характера и прежде всего, философские основы языка и проблемы устройства китайского языка как одной из разновидностей изолирующих языков и человеческого языка вообще. Подобная направленность интересов В.М.Солнцева объясняется его широкой филологической подготовкой.

Его учителями были выдающиеся представители отечественного востоковедения: Н.И.Конрад (1891–1970), Н.Н.Коротков, Г.Д.Санжеев, которые в то же время были и теоретиками общезыковедного плана. Большую роль в становлении В.М.Солнцева как ученого широкого профиля оказали труды Е.Д.Поливанова (1891–1938), А.А.Драгунова (1900–1955), Ю.К.Щуцкого (1897–1938), которые также были и востоковедами широкого профиля, и специалистами в области общего языкознания.

Значительное влияние на формирование В.М.Солнцева как востоковеда с классическим традиционным востоковедным образованием оказали работы таких китайских ученых, как Ван Ли, Люй Шусян, Чжу Деси, Гао Минкай, а также таких востоковедов-как М.А.Коростовцев, П.Пеллио, В.Саймон, А.Масперо и др. В.М.Солнцев формировался как лингвист под влиянием прежде всего работ отечественных ученых – ученых русской школы: А.А.Потебни, А.А.Пешковского, Ф.Ф.Фортунатова, И.А.Бодуэна де Куртенэ, Н.С.Трубецкого, И.И.Мещанинова, Л.В.Щербы, Р.О.Якобсона и др. Значительное влияние на его взгляды также оказали работы Ф. де Соссюра, Г.Пауля, А.Мейе, Ж.Вандриеса, Э.Сепира и других зарубежных лингвистов.

В аспирантуре В.М.Солнцев прослушал курс лекций по общему языкознанию, который читал известный теоретик по общему языкознанию и специалист по кавказским языкам – Н.Ф.Яковлев (1892–1974).

Под влиянием всех этих ученых В.М.Солнцев сложился как востоковед с классическим традиционным востоковедным образованием и как лингвист отечественной школы.

После окончания института В.М.Солнцев был оставлен на кафедре в качестве преподавателя китайского языка и зачислен в аспирантуру (1949–1953), в которой обучался под руководством проф. Н.Н.Короткова. В 1953 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию “Проблемы слова и корня в китайском языке”. Преподавал китайский язык В.М.Солнцев в течение десяти лет. Сначала в Московском институте востоковедения (1949–1954), а затем в Московском институте международных отношений (ИМО) (1954–1959) после слияния Московского института востоковедения с Московским институтом международных отношений. Здесь ему было присвоено звание доцента (1957).

В первые годы своей научно-преподавательской деятельности В.М.Солнцев неоднократно выезжал в составе делегаций в качестве переводчика китайского языка (в Китай – с делегацией женщин (1949), в Польшу – на Всемирный конгресс мира (1950), в Индонезию – на “Игры растущих сил” (ГАНЕФО) (1963).

В 1958 г. В.М.Солнцев перешел на научную работу в Институт востоковедения АН СССР в качестве младшего научного сотрудника и еще год вел преподавание китайского языка в ИМО. В Институте востоковедения он начал читать лекции по теории китайского языка и по общему языкознанию для аспирантов Московского института востоковедения. Позже лекции по этой тематике он стал читать в других вузах страны, а также за рубежом. В частности, В.М.Солнцев прочел цикл лекций по теории китайского языка в Сорбонне (Париж, май, 1968 г.), в Шанхайском и Нанкинском университетах (КНР, 1991), в Синологическом институте при Венском университете (1991), в Хэйлунцзянском университете (КНР, Харбин, 1996 г.). В.М.Солнцев прочел также ряд лекций по типологии (в Монголии, 1999 г.), по социалингвистическим проблемам (в Токио и Нагоя, 1991 г.). Им был подготовлен курс лекций по теории китайского языка “Теоретическая грамматика китайского языка (проблемы морфологии)”, который был опубликован в виде монографии в 1978 г.

В 1965 г. В.М.Солнцев был назначен заведующим отделом языков Института востоковедения. С приходом В.М.Солнцева в отделе начинается теоретическое исследование и описание восточных языков, по его инициативе “закладывается” новое направление в области исследования восточных языков, а именно языков Юго-Восточной Азии.

В 1965 г. В.М.Солнцев возглавил две фундаментальные серии, основанные в свое время Г.П.Сердюченко, – серию “Языки Азии и Аф-

рики” (1965–1993) и серию “Языки зарубежного Востока и Африки” (позже “Языки народов Азии и Африки” (1965–1999).

В.М.Солнцев — один из организаторов и участник Международных симпозиумов ученых социалистических стран, посвященных “Теоретическим проблемам языков Азии и Африки”. Эти симпозиумы проводились поочередно в разных столицах социалистических стран: в Москве (1977), в Варшаве (1980), в Берлине (1983), в Праге (1986), в Ханое (1990).

По инициативе В.М.Солнцева стали регулярно проводиться Всесоюзные (позже Международные) конференции по китайскому языкознанию. При его жизни было проведено восемь конференций (1984, 1986, 1988, 1990, 1992, 1994, 1996, 1998). Материалы этих конференций были опубликованы под его редакцией.

В.М.Солнцев — инициатор и руководитель российской части совместной Российско-вьетнамской (ранее Советско-вьетнамской) лингвистической экспедиции по обследованию малоизученных и бесписьменных языков народов Вьетнама. Экспедиция была организована Академией наук СССР и Комитетом общественных наук Вьетнама в 1979 г. С участием и под руководством В.М.Солнцева было проведено восемь полевых сезонов и обследовано 20 языков. Это — треть языков народов, проживающих во Вьетнаме. Под его редакцией вышли три книги “Язык лаха” (1986), “Язык мыонг” (1987), “Язык ксингмул” (1990). Уже после его смерти в 2001 г. вышла четвертая книга — “Язык рук”, в написании которой он принимал участие.

В.М.Солнцев — один из организаторов проведения совместных российско-вьетнамских симпозиумов по вопросам вьетнамского языка и языков народов Вьетнама. При его жизни было проведено девять симпозиумов.

В 1965 г. В.М.Солнцев был назначен заместителем директора Института востоковедения. В его ведении находился так называемый традиционный востоковедческий цикл, куда входили исследования по языкам, литературе, культуре, религии, истории стран зарубежного Востока. В.М.Солнцев, например, курировал работу над “Большим китайско-русским словарем” и все монголоведные исследования. Под его редакцией вышло большое число книг и сборников востоковедного цикла: “Исследования по восточной филологии: к 70-летию проф. Г.Д.Санжеева”, “Проблемы семантики”, “Теоретические проблемы восточного языкознания” (в шести частях), “Культурное наследие народов Востока и со-

временная идеологическая борьба”, “История и культура монголоязычных народов: источники и традиции”, “Mongolica” и т.д.

В 1970 г. В.М.Солнцев защитил докторскую диссертацию на тему “Язык как системно-структурное образование”, а в 1971 г. ему было присвоено звание профессора. С 1974 по 1999 г. В.М.Солнцев являлся заместителем председателя Комиссии по сотрудничеству РАН и Академии наук Монголии в области общественных наук. С 1977 по 1999 г. В.М.Солнцев – председатель Российской (советской) части Комиссии по сотрудничеству РАН (АН СССР) и Национального центра общественных и гуманитарных наук Социалистической Республики Вьетнам (ранее – Комитет общественных наук СРВ).

В 1987 г. В.М.Солнцев был назначен директором Института языкознания РАН, где проработал до своей кончины 19 апреля 2000 г. Здесь он возглавил в 1994 г. отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, в котором велось составление пяти словарей: Большого вьетнамско-русского словаря (В.М.Солнцев был главным редактором словаря), Русско-кхмерского словаря, Лаосско-русского словаря, Китайско-русского словаря лингвистических терминов, Русско-вьетнамского словаря музыкальных терминов. В связи с переходом В.М.Солнцева в Институт языкознания два проекта по сотрудничеству с Вьетнамом: проведение экспедиций и проведение Российско-вьетнамских симпозиумов – стали осуществляться совместно Институтом востоковедения и Институтом языкознания.

В 1987 г. В.М.Солнцев стал членом Бюро отделения литературы и языка РАН, и в этом же году В.М.Солнцева избирают президентом Общества монголоведов РАН (до 1991 г. Всесоюзная ассоциация монголоведов АН СССР) и вице-президентом Международной ассоциации монголоведов.

С 1973 г. В.М.Солнцев являлся членом Комиссии по филологии, а с 1988 по 1991 г. – председателем Филологической секции Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники при Совете Министров СССР. С 1990 по 1999 г. он был членом редакционного совета журнала “Российский язык в национальной школе”, с 1992 по 1999 г. – членом редколлегии журнала “Известия Академии наук. Серия литературы и языка”. С 1967 по 1986 г. В.М.Солнцев являлся членом Экспертного совета и экспертом Комиссии по филологии и искусствоведению Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С 1971 г. он являлся заместителем главного редактора, а с 1988 г. по начало 2000 г. – членом редколлегии журнала “Вопросы языкознания”. С 1988 по

1999 г. В.М.Солнцев являлся членом редколлегии издания “Bulletin of the International Association for Mongol Studies” (Улан-Батор).

С 1983 по 1989 г. В.М.Солнцев был членом главной редколлегии многотомного издания “Языки мира”, подготавливаемого Институтом языкознания, а с 1999 г. В.М.Солнцев стал главным редактором нового журнала “Вопросы филологии”. В 1984 г. В.М.Солнцев был избран член.-корр. АН СССР, а в 1999 г. — академиком Российской академии естественных наук (РАЕН).

В 1996 г. В.М.Солнцеву за научные заслуги было присвоено звание почетного профессора Хэйлунцзянского университета (Китай, Харбин). С 1977 по 1992 г. В.М.Солнцев возглавлял объединенный научный совет “Теоретические проблемы языкознания” при Отделении литературы и языка РАН. В 1987 г. В.М.Солнцев вошел в состав редколлегии издания “Problemy języków Azji i Afryki” (Варшава).

Будучи по образованию китаеведом, специализирующимся в области китайского языка и других изолирующих языков, “на протяжении долгой и напряженной жизни В.М.Солнцева в лингвистике и для лингвистики... влекли к себе и вдохновляли три комплекса проблем: архитектура языка, общая для всех его разновидностей (система и структура), ее реализации в “типовых проектах” и, наконец, уникальные здания, выстроенные по индивидуальным чертежам” (Кубрякова, Степанов, Арутюнова 1999:6–7).

В.М.Солнцева, всегда интересовали такие философские проблемы, как устройство языка вообще, характер его структуры и системы, проблема знака, звукосимволизм, дихотомия “язык — речь” и т.п. и т.д.

Уже в своей первой статье “К вопросу о выражении понятий в китайском языке в свете учения И.В.Сталина о языке” (1953) В.М.Солнцев обосновал свое понимание особенностей слова китайского языка и его грамматического устройства, исходя из понимания того, что такое язык и что такое понятие. Он писал: “... только вскрыв и познав особенности выражения понятий в языке, можно окончательно уяснить те внутренние законы, по которым движется и развивается язык” (Солнцев, 1953:140).

В данной статье он определил язык “как единство формы и содержания, а не как форму, содержанием которого является мышление” (Солнцев, 1953:142). Содержание же для В.М.Солнцева — это абстракции и обобщения, отложившиеся в языке как результат работы мышления. “Сущность языка заключается в том, что он является средством, орудием обмена мыслями. Сущность же мышления состоит в том, что

мышление есть идеальная форма отражения объективного мира в голове человека” (Солнцев, 1953:142).

Различные онтологические проблемы языка были рассмотрены им еще в 60-е и 70-е годы в отдельных статьях, в которых выкристаллизовывалась авторская концепция языка.

В полном виде эта концепция была изложена в его фундаментальной книге “Язык как системно-структурное образование” (1971). Во введении к этой книге В.М.Солнцев писал “Данная работа развивает определенную точку зрения на язык ...язык здесь рассматривается как материальное средство общения людей или, конкретнее, как вторичная материальная, или знаковая, система, используемая как орудие или средство общения” (Солнцев, 1971:3).

В.М.Солнцев строил свою теорию о языке, исходя из идеи, что “работа лингвиста вне учета “природной материи языка” и вообще учета субстанционального начала в языке”, а также “исключения из языка “звуковой субстанции” и того, что называют “субстанцией значения”” (Солнцев, 1971:8), невозможна, хотя именно в тот период, когда формировалась его концепция о языке, “развитие лингвистики, как и развитие ряда других наук, — как он отмечал, — характеризовалось переносом внимания с субстанциональной точки зрения на структурно-функциональную” (Солнцев, 1971:6].

Он считал, что лингвистике “предстоит вернуться к структурно-субстанциональной точке зрения на язык, но уже с новым духом и новыми приемами, т.е. обновленный структурными методами и идеями” (Солнцев, 1971:8).

В его концепции язык как объект предстает не как понятие “структуры”, а как структурно-субстанциональное понятие.

Источниками этой книги послужили “многолетняя работа по изучению изолирующих языков в плане выявления их специфических черт и общих свойств, объединяющих их с языками иной типологии... и, ... исследование содержания некоторых основных понятий и категорий, выработанных наукой о языке, и общих свойству стоящих за ними реалий языка” (Солнцев, 1971:4) (подчеркнуто мною. — Н.С.).

При рассмотрении языка как некоего целостного объекта, как системно-структурного образования, В.М.Солнцев опирался на важнейшие понятия общей теории систем и структур. Структура в его понимании это — “совокупность внутрисистемных связей...” (Солнцев, 1971:26), которая “не равна объекту в целом. Структура есть объект минус составляющие его элементы...” (Солнцев 1971:26).

“Устройство, организация, упорядоченность системы представляют собой структуру этой системы... понятие структуры данной системы включает только внутрисистемные отношения в отвлечении от объектов, составляющих систему. Структура тем самым есть понятие, протиполоставленное материальным объектам, или элементам системы” (Солнцев, 1971:25).

В отличие от лингвистов, рассматривавших в 60-х годах язык как целое, состоящее из отношений, для В.М.Солнцева “отношение есть тот или иной вид связи, зависимостей или взаимодействия между элементами” (Солнцев, 1971:16), а система – это “целостный... объект, состоящий из элементов... находящихся во взаимных отношениях” (Солнцев, 1971:16). В его понимании элемент в такой системе “выступает как единство материальных и функциональных свойств... как единство его субстанциональных свойств и приписанных ему свойств выражать какую-либо идею (сигнализировать о какой-либо идее)” (Солнцев, 1971:20).

Разбирая соотношение системы и субстанции, В.М.Солнцев говорит о том, что субстанция системы представлена элементами системы, но вместе с тем он проводит различие между субстанцией и элементами, объясняя это различие тем, что “элементы структурно обусловлены и являются формой существования данной субстанции в данной системе” (Солнцев, 1971:39).

Значительное внимание в концепции В.М.Солнцева уделено проблеме знака.

Объясняется это тем, что многие лингвисты, когда писали о “знаках языка” и о “единицах языка”, при этом часто имели в виду один и тот же объект – элементы, составляющие язык, из которых складывается речь. С точки зрения В.М.Солнцева, “при таком подходе к языку и его единицам – понятие знака и единицы языка (исключая фонему), по сути дела, совпадают. В частности, тождественными оказываются понятия знака и слова” (Солнцев, 1971:92). Не соглашаясь с таким подходом, В.М.Солнцев в своей работе ставил перед собою цель – “установить, совместимы ли понятия *знак* и *единица языка*” (Солнцев, 1971:98).

Решение этой проблемы, по его мнению, связано было с определением того, каковы фундаментальные свойства единиц языка. Именно поэтому он подробно анализирует единицы языка и единицы речи, уделяя слову, как центральной единице языка, больше внимания, чем другим единицам, и на базе анализа слова формулирует основные положения своей теории.

Доказывая, что слово как единицу языка нельзя считать знаком, В.М.Солнцев исходил из определения знака как односторонней сущности.

В отличие от Ф. де Соссюра, в понимании которого знак представляет собою двустороннюю сущность, включающей обозначающее и обозначаемое, в понимании В.М.Солнцева, знак не может включать в себя обозначаемое. “Знак... — с его точки зрения — есть только указатель, т.е. обозначающее” (Солнцев, 1962:206). Невозможность считать слово знаком В.М.Солнцев объяснял тем, что “знак в целом есть нечто немотивированное” (Солнцев, 1962:207), а значение слова (как часть знака), как он полагал, нельзя рассматривать как нечто немотивированное по отношению к предмету, которое это значение отображает: “Значения слов всегда мотивированы характером тех предметов и явлений, которые они обобщенно отражают” (Солнцев, 1962:207). “Знаками в языке — писал он — можно, по-видимому, считать только звуковые оболочки слов, но не слова как таковые” (Солнце, 1962:207).

При анализе знака и слова он дает следующее определение этих двух понятий. “Знак вообще можно определить как некоторый “кусочек” материи, отвечающий двум требованиям: во-первых, он обозначает нечто, находящееся вне его, и, во-вторых, не связан с обозначаемым естественной или причинной связью. Тем самым знак обладает: а) знаковой функцией (указание на что-либо) и б) свойством конвенциональности. Конвенциональность связи знака и обозначаемого им следует понимать не только как сознательную договоренность, но и как стихийное “соглашение”” (Солнцев, 1970:9). “Значение знака не может быть конвенциональным... Значение знака лежит вне знака и есть часть обозначаемого им. Поэтому сам знак определяется не как двусторонняя сущность (обозначающее плюс обозначаемое), а как односторонняя сущность — обозначающее — указатель на некоторое мыслительное содержание и, в силу этого, на некоторую предметную область” (Солнцев, 1970:10).

Слово же, по В.М.Солнцеву, как “центральная единица системы языка есть двусторонняя сущность — исторически сложившееся единство звучания и значения. В слове одна из сторон — звучание — обладает свойством конвенциональности. ... Звуковая оболочка слова... должна быть определена как знак, поскольку обладает свойством конвенциональности” (Солнцев, 1970:10 —11).

Признавая, что слово является выразителем понятия, В.М.Солнцев проводил “различие между “понятием” — единицей мышления и “значением”, закрепленным в слове, т.е. чисто языковой едини-

цей” (Солнцев, 1962:203). Поскольку “законы мышления одинаковы для всех людей земли...” (Солнцев, 1962,:203], “люди, принадлежащие к разным национальностям, могут иметь в своем мозгу одинаковые понятия... языковые же значения... национальны” (Солнцев, 1962:203).

При характеристике существенных свойств знака В.М.Солнцев затрагивает проблему о том, где существует материальный языковый знак: “В языке знаки “сделаны” из звуковой материи... Как материальные предметы языковые знаки существуют вне головы человека. В голове говорящего имеются идеальные обобщенные образы этих знаков (или представления об этих знаках). Эти образы или представления, по сути дела, есть не что иное, как знание соответствующих знаков... знак создается говорящим с помощью органов речи всякий раз заново. Основой создания знака является знание артикулировать его, т.е. “делать его”” (Солнцев, 1977:15).

При анализе свойств знака он рассматривает проблему инварианта и вариантов знака, полагая, что “по отношению к этим вариантам идеальный обобщенный образ данного знака... выступает как инвариант ... Инвариант данного знака есть некоторый идеальный предмет, “умственная вещь” ... Обобщенный образ знака ... и есть абстрактная форма знака, или абстрактный знак” (Солнцев, 1977:16).

В отличие от мнения, согласно которому абстрактные знаки являются принадлежностью языка, а конкретные знаки – варианты – являются принадлежностью речи и что конкретные знаки в речи репрезентируют абстрактные знаки, для В.М.Солнцева “абстрактный знак – бесплотен. С его помощью невозможно общаться. Поэтому если считать, что язык состоит из абстрактных знаков, то его невозможно рассматривать как средство общения” (Солнцев, 1977:16).

К этому выводу В.М.Солнцев приходит на основании определенного понимания дихотомии “язык – речь”.

Для В.М.Солнцева речь “есть не что иное, как язык в действии, в использовании. Соотношение языка и речи, по сути дела, есть соотношение средства и применения этого средства. Хотя конкретные знаки “делаются” в момент речи, они не перестают быть и принадлежностью языка. От того, что мы делаем то или иное средство в момент его применения, оно не перестает быть средством” (Солнцев, 1977:17) (подчеркнуто мною. – Н.С.).

Одной из важных идей в концепции В.М.Солнцева является положение о наличии системообразующих, системоприобретенных и системнонейтральных свойств элемента системы языка.

“Системообразующие свойства — это присущие элементам свойства независимо от их участия в системе... Системоприобретенные свойства — это те свойства, которыми система и системные отношения наделяют элементы... Системнонейтральные свойства объектов не существенны для их отношений с другими объектами в данной системе” (Солнцев, 1971:48).

Важным для понимания механизма организации языка является предложенный В.М.Солнцевым постулат о неоднородности элементов языка, которую он считал одним из фундаментальных свойств языка. Основываясь на свойстве неоднородности, он дает свое понимание парадигматических, синтагматических и иерархических отношений в языке. По его мнению, вся парадигматика, синтагматика и иерархичность покоятся именно на свойстве неоднородности.

Сопоставляя свойство неоднородности с принципом линейности, который Ф. де Соссюр относил к разряду основных и от которого, как тот справедливо полагал, зависит весь механизм языка, В.М.Солнцев пришел к выводу что “принцип линейности в языке оправдан лишь постольку, поскольку элементы языка характеризуются свойством неоднородности” (Солнцев, 1971:59).

Во втором издании книги “Язык как системно-структурное образование” (1977) В.М.Солнцев вновь возвращается к проблеме единиц языка и речи, подробно исследуя комбинаторику этих единиц.

Проблему комбинаторики он анализирует в связи с процессами речеобразования, при которых происходит формирование и выражение мыслей, т.е. некоторых смыслов. Важно отметить, что в данной работе проблема порождения смысла была рассмотрена на фоне разбора концепции порождения смысла в генеративной лингвистике (Солнцев, 1977:3) и “было показано, что так называемые “глубинные структуры” есть не что иное, как построение исследователя... подвергнуто сомнению... утверждение Н.Хомского о том, что язык якобы порождает не только бесчисленное количество новых предложений, но и новых моделей предложений... подвергнута сомнению концепция врожденной компетенции... к определенному языку”^(Михальченко, 2000:20–21).

В.М.Солнцев внес много новых идей в типологию, интерес к которой, естественно, был связан прежде всего с проблемой типологической оценки китайского языка. Впервые вопрос о типологических свойствах китайского языка был рассмотрен им в его кандидатской диссертации “Проблемы слова и корня в китайском языке” (1953), где он обосновал неправомерность оценки китайского языка как аморфного, корневого

или моносиллабического, показав наличие в китайском языке словоизменительной морфологии и наличие в словах китайского языка основы, корня и аффиксов, а также преобладание сложных слов в словарном составе китайского языка.

В этой диссертации, а также в последующих работах он показал, что понятие “аморфный” не равнозначно понятию “изолирующий, а понятие “изолирующий язык” не равно понятию “корневого, или моносиллабического языка”. Изолирующий язык в его определении это язык, в словах (или формах) которого не выражаются отношения к другим словам.

Интересен для типологии вывод В.М.Солнцева относительно морфологических категорий изолирующих китайского и вьетнамского языков, в которых, как он показал, представлены только так называемые несинтаксические (по определению А.М.Пешковского и Ф.Ф.Фортунатова) морфологические категории типа категорий вида и времени, не способные своими формами выражать синтаксические отношения между словами. В.М.Солнцев подчеркнул, что подобные категории действуют в рамках изоляции, не нарушая ее, и что формы этих категорий в основном образуются с помощью агглютинативных аффиксов.

Из того факта, что словоформы могут быть ориентированы на синтаксис и могут вовсе не обслуживать синтаксические связи, им был сделан вывод о том, что “разбиение языков в существующей типологической классификации языков на изолирующие, флективные и агглютинативные фактически базируется на разных основаниях. ... Если понятие агглютинации и флексии — это характеристика строения слова с точки зрения техники соединения... морфем в слове, то понятие изоляции — это характеристика способа выражения отношений между словами, но не особенностей строения слова” (Солнцев, 1978:15). Описанное выше положение позволило В.М.Солнцеву предложить новое понимание морфологической классификации языков: “Типологическая схема классификации языков должна быть не одномерной, а двумерной” (Солнцев, 1978:17). “В соответствии с выраженностью или, наоборот, невыраженностью в словах (в формах слов) отношений к другим словам все языки можно разделить на две группы: изолирующие и неизолирующие. По способу образования форм слов... языки можно разделить на флективные (фузионные), агглютинативные и аналитические” (Солнцев, 1978:16).

Новую трактовку В.М.Солнцев дал соотношению аналитической формы и аналитического строя языка, уточнив, что существующее в языкознании определение аналитического строя языка фактически совпадает с пониманием и определением изоляции и что аналитический строй отнюдь не предполагает и не зависит от наличия аналитических форм в языке. В.М.Солнцев писал: “Язык является аналитическим в том случае, если отношения между словами в речевой цепи выражаются не средствами самих слов (формами слов), а иными способами (размещением слов в речевой цепи, служебными словами)... Аналитичность языка не предполагает обязательного наличия или распространения в языке аналитических форм” (Солнцев, 1963:6).

Учитывая разноречивость в терминах, используемых при описании языков, принадлежащих к разным типам языков или к языкам одной типологии, В.М.Солнцев предложил проводить описание языков на основе принципа соизмеримости: “Языки в своих описаниях должны быть соизмеримы, т.е. по возможности описаны посредством единообразного терминологического аппарата” (Солнцев, 1976:106).

По его мнению, “соизмеримость разносистемных языков, по видимому, может быть достигнута лишь при условии выбора общих критериев, применение которых позволит использовать общие термины (единицы описания)” (Солнцев, 1976:120).

Важные уточнения в понимании хода развития человеческого языка В.М.Солнцев внес после изучения языков народов Вьетнама, которые были обследованы Российско-вьетнамской лингвистической экспедицией. Материалы этих языков показали, что языки Юго-Восточной Азии вместе с языками Дальнего Востока входят в обширный языковый союз (Sprachbund) и обладают целым рядом общих типологических черт. Языки этого региона находятся на разных стадиях развития. Самые древние языки обладают чертами языков флективного типа, в которых флективные элементы еще достаточно продуктивны. Многие языки со временем либо утратили флективные черты полностью, т.е. утратили древнюю морфологию, либо сохранили рефлексy флексий. Во многих из языков одновременно существуют старая флективная морфология и новая, пришедшая на смену старой, — в основном агглютинативного типа. Языки флективного типа были неизолирующими языками. Языки с новой морфологией являются изолирующими языками.

Материал обследованных языков также показал, что самые древние языки изначально были полисиллабическими (Солнцев, 1984).

Исходя из этих данных, В.М.Солнцев внес следующие уточнения в типологические представления: 1) языки развиваются циклически; 2) изолирующий язык не является изначальным типом в развитии языков, как это ранее было принято считать; 3) моносиллабичность также не является изначальной для данных языков, процесс моносиллабизации начинается в них на более поздних этапах их развития (Солнцев, 1977б).

Все изложенные теоретические представления и новые трактовки известных ранее положений В.М.Солнцева в определенной степени основаны на исследованиях в области изолирующих языков и главным образом китайского и вьетнамского языков, где он ставил своей целью выявление и определение основных признаков изолирующих языков и построение теории изолирующих языков.

При разработке этой теории В.М.Солнцев исходил из принципа соизмеримости языков, выявляя в изолирующих языках те черты, которые являются общими для этих языков и для языков иной типологии и которые могли быть использованы в качестве критериев для единообразного описания сравниваемых языков.

При построении теории изолирующих языков В.М.Солнцев использовал также метод установления подобия языков, предложенный им еще в 1965 г., суть которого “заключается в сопоставлении характера отношений между единицами разных уровней различных языков” (Солнцев, 1965:13).

Именно с этих позиций В.М.Солнцевым были описаны изолирующие языки и охарактеризованы основные единицы этих языков, а также характер отношений между ними во многих его статьях и книгах, таких как “Очерки по современному китайскому языку” (1957), “Теоретическая грамматика современного китайского языка” (1978), “Введение в теорию изолирующих языков” (1995) — его последней книге, в которой он суммарно изложил свои взгляды на изолирующие языки в целом.

“По сути дела оказывается — как пишут Е.С.Кубрякова, Ю.С.Степанов и Н.Д.Арутюнова, — что отличительными чертами в изолирующих языках обладают не только главные системные единицы языка, но и вся сетка отношений между ними” (Кубрякова, Степанов, Арутюнова, 1999:5).

В.М.Солнцев выделил целый ряд свойств изолирующих языков, которые “по сути дела, можно рассматривать как признаки изоляции” (Солнцев, 1978:12).

“Первое свойство изоляции заключается в том, что ни одна форма слова... не используется для выражения синтаксических отношений между словами и не маркирует синтаксической роли слова... Особенностью всех форм слов является то, что они изолированно принадлежат либо только одной части речи, либо близким по свойствам частям речи... Третья особенность изоляции, или третье свойство, форм заключается в отсутствии (или почти полном отсутствии) связи между формой слова и его функциональным использованием, а также между формой слова и синтаксической сочетаемостью слова” (Солнцев, 1978:12–14). В качестве ведущих типологических черт изолирующих языков он выделял полисиллабизм, особые фонематические свойства звука, учитывая, что в неизолирующих языках звук обладает как смыслоразличительной, так и смысловыразительной функцией, а в изолирующих языках “эти две функции распределены по разным звуковым единицам... Функция смыслоразличения закреплена за отдельным звуком, а функция смысловыражения — за слогом” (Солнцев, 1995:43). В.М.Солнцев выбрал в качестве критерия соизмеримого описания фонемы в разносистемных языках универсальный признак, а именно функцию смыслоразличения: “Выделение фонем в разных языках может производиться на основе именно... функции смыслоразличения” (Солнцев, 1995:43), поскольку, по его мнению, “функция смыслоразличения по отношению к отдельному звуку более универсальна, чем функция смысловыражения...” (Солнце, 1995:43) (подчеркнуто мною. —Н.С.). |

Исходя из этого, он считал возможным говорить о фонематических свойствах звука в изолирующих языках, которые сводятся к функции смыслоразличения.

Для основной единицы языка, а именно слова, В.М.Солнцев предложил, как он пишет, надтипологическое определение, которое было бы пригодным для всех языков (изолирующих и неизолирующих): “Во всех языках имеются двусторонние, синтаксически самостоятельные единицы. Определение, которое ограничивается констанцией этого факта и отвлекается от всего того, что в разных языках “будет по-разному”, может считаться пригодным... для всех языков” (Солнцев, 1995:129–130).

Под синтаксически самостоятельными единицами в изолирующих языках он понимал такие единицы, которые могут быть использованы “как однословное предложение” и которые способны “употребляться без опоры на какие-либо языковые элементы в так называемых синтаксически независимых позициях — подлежащего и именной части сказуемого” (Солнцев, 1995:129).

При решении проблемы отличимости односложного слова от морфемы В.М.Солнцев использовал в качестве критерия признак синтаксической самостоятельности, опираясь при этом на понимание морфемы как минимальной значимой части слова, предложенной Бодуэном де Куртене. Соответственно, среди односложных единиц еще в своей кандидатской диссертации он выделил четыре типа единиц: простые слова, обладающие синтаксической самостоятельностью, устаревшие слова, которые в современном языке полностью утратили синтаксическую самостоятельность, т.е. морфемы, полусамостоятельные слова, которые обладают ограниченной синтаксической самостоятельностью, и служебные слова. В.М.Солнцев выделял производные слова и сложные слова, определив при этом важную особенность сложных слов в изолирующих языках, заключающуюся в том, что модели сложных слов распределены по частям речи. Это положение впервые было сформулировано им в его кандидатской диссертации применительно к китайскому языку. В своей книге “Введение в теорию изолирующих языков” он показал, что подобная распределенность характерна для всех изолирующих языков.

В.М.Солнцев разработал с несколько иных позиций, чем А.А.Драгунов теорию частей речи в китайском языке “и показал, что части речи представляют собой грамматические классы слов, при этом использовал как синтаксические (вслед за А.А.Драгуновым), так и морфологические критерии” (Михальченко, 2000:18–19).

Важными моментами в его теории частей речи является положение о том, что части речи являются “обязательным атрибутом грамматической системы любого языка” (Кубрякова, Степанов, Арутюнова, 1999:6), а также положение о зависимости “синтаксических отношений от частеречной принадлежности слов (частеречный синтаксис)...” (Михальченко, 2000:22).

Оценивая общетеоретические положения и теорию изолирующих языков В.М.Солнцева, Е.С.Кубрякова, Ю.С.Степанов и Н.Д.Арутюнова пишут: “Можно утверждать, что ... представления, составляющие в лингвистике остов и основу грамматической характеристики языков, подвергаются в книге В.М.Солнцева (речь идет о последней книге В.М.Солнцева. — Н.С.) ревизии и, обогащенные новыми сведениями, начинают служить демонстрации тех диапазонов варьирования, в рамках которого может существовать языковое явление или отдельная языковая категория (морфема, предложение и т.п.)” (Кубрякова, Степанов, Арутюнова, 1999:5).

Важную область интересов В.М.Солнцева оставляют исследования проблемы дальних связей монгольских языков с языками Юго-Восточной Азии (ЮВА). Это новое направление в исследовании этих языков, начатое В.М.Солнцевым еще в 80-х годах, было связано непосредственно с алтайской гипотезой. При изучении материалов языков ЮВА, обследованных экспедицией, В.М.Солнцев выявил множество лексических и грамматических соответствий в монгольских языках и языках ЮВА.

Лексические соответствия имеются среди терминов родства, в словах со значением ‘человек’, ‘мужчина’, ‘ребенок’ и т.п. (Солнцев, 1992).

При выявлении грамматических соответствий В.М.Солнцев обнаружил ряд грамматических морфем в монгольских языках и языках Юго-Восточной Азии, которые, что важно подчеркнуть, в одних языках относятся к элементам, почти утратившим свою продуктивность, а в других языках широко функционируют. Эти морфемы материально тождественны, и их значения совпадают. К числу подобных морфем, исследованных В.М.Солнцевым, относятся, в частности, показатели генетива, пассива, каузатива и состояния, а также показатель датива.

В связи с переходом В.М.Солнцева в Институт языкознания он вплотную занялся исследованием социолингвистических проблем. С 1987 по 1999 г. он возглавлял Научный совет “Язык и общество”. За этот период он разрабатывал такие проблемы, как национально-языковые отношения в СССР, двуязычие и многоязычие, государственный язык, языковая ситуация в СССР, языковые проблемы в Российской Федерации и мировой опыт решения языковых проблем, языковые конфликты в многонациональных странах. В.М.Солнцев дал свою трактовку понятию многонациональности и объяснил ряд причин возникновения языковых конфликтов в многонациональных странах. По его мнению “многонациональными... являются не просто страны, в которых проживают люди разных национальностей, а такие, в которых численность национальных меньшинств достигает определенного уровня и способна оказывать непосредственное влияние на характер национально-языковой обстановки в стране” (Солнцев, 1991:7). От количества этносов, проживающих в странах, как пишет В.М.Солнцев, зависит количество официальных языков и статус этих языков, при этом даже при наличии равного статуса языки могут различаться объемом функций и сферой употребления. С его точки зрения, ситуация двуязычия или многоязычия в многонациональных странах — “это естественный и разумный

путь преодоления языковых барьеров в многонациональном обществе” (Солнцев, 1991:17).

Погрузившись в разработку социолингвистических проблем, В.М.Солнцев продолжал жить теми интересами, которые всегда были его основными. Последняя книга, вышедшая после ухода его из жизни, была посвящена изолирующему языку – языку рук (2000), а последняя статья посвящена онтологическим проблемам. Эта статья – отклик на статью Н.Фрейзера “Происхождение языка”. Критически анализируя проблему “врожденной компетенции, к которой апеллирует Н.Фрейзер, В.М.Солнцев подчеркивает мысль о том, что “ребенок в состоянии подражать взрослым и только в этом смысле “...существует врожденная способность к языку, не более. Эта способность обусловлена возможностью формировать абстрактные сущности – понятия, которые выражаются, единицами языка” (Солнцев, 2001).

Литература

- Кубрякова Е.С., Степанов Ю.С., Арутюнова Н.Д.* Вадим Михайлович Солнцев – лингвист // *Общее и восточное языкознание: Сб. научн. тр., посвящ. 70-летию члена-корр. РАН В.М.Солнцева.* – М., 1999. – С.3-7.
- Михальченко В.Ю.* Краткий очерк научной, педагогической, научно-организационной и общественной деятельности // *Вадим Михайлович Солнцев. Материалы к библиографии ученых.* – М., 2000. – Вып.25. – С.16–29.
- Солнцев В.М.* К вопросу о выражении понятий в китайском языке в свете учения Сталина о языке // *Труды Московского института востоковедения* – М., 1953. – Вып.7. – С.140–166.
- Солнцев В.М.* О форме и содержании в языке // *Zeichen und system der Sprache.* – В., 1962. – Bd 2. – S.202–204.
- Солнцев В.М.* О знаке в языке // *Zeichen und system der Sprache.* – В., 1962. – Bd 2. – S.204–208.

- Солнцев В.М.* Анализ и аналитизм // Аналитические конструкции в языках различных типов: Тез. докл. на откр. расшир. засед. Уч. Совета Ин-та языкознания АН СССР. – Л., 1963. – С.6–7 (соавтор Солнцева Н.В).
- Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование: (К проблеме онтологии языка): Автореф. дис. д-ра филол. наук. – М., 1970. – 51 с.
- Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. – М., 1971. – 292 с. (2-е изд. доп. 1977. – 341 с.)
- Солнцев В.М.* О соизмеримости языков // Принципы описания языков мира. – М., 1976. – С.15–28.
- Солнцев В.М.* Языковой знак и его свойства // Вопр. языкознания. – М., 1977а – № 2. – С.15–28.
- Солнцев В.М.* О значении изучения восточных языков для развития общего языкознания // Доклады советской делегации к международному симпозиуму “Теоретические проблемы восточного языкознания”. – М., 1977б. – С.3–24.
- Солнцев В.М.* Теоретическая грамматика современного китайского языка: (Проблемы морфологии). Курс лекций. – М., 1978. – 152 с. (Соавтор Солнцева Н.В.).
- Солнцев В.М.* Полевые обследования языков и народностей СРВ // Вестн. АН СССР. М., 1984 – Т.9. – С.88–94.
- Солнцев В.М.* Языковой вопрос в многонациональных странах и языковая ситуация в СССР // Функционирование языков в многонациональном обществе. – М., 1991. – С.5–20.
- Солнцев В.М.* Обозначение понятия “человек” в монгольских языках и ряде языков Юго-Восточной Азии: (К вопросу о дальних связях монгольских языков) // 6-й Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, авг. 1992): Докл. рос. делегации. – М., 1992. – Т.2. Филология. Культура. Религия. – С.156–168.
- Солнцев В.М.* Введение в теорию изолирующих языков: В связи с общими особенностями человеческого языка. – М., 1995. – 353с.
- Солнцев В.М.* Происхождение языков // Поиск. – 2001. – 3 августа.

Основные работы В.М.Солнцева

- Солнцев В.М.* Проблема слова и корня в китайском языке // Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1953. – 16 с.
- Солнцев В.М.* Очерки по современному китайскому языку. – М., 1957. – 207 с.
- Солнцев В.М.* Китайский язык. – М., 1961. – 135 с.
- Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование – М., 1971. – 292 с. (2-е изд., доп. 1977. – 341 с.).

- Солнцев В.М.* Теоретическая грамматика современного китайского языка: (Проблемы морфологии). Курс лекций. – М., 1978. – 152 с. (Соавтор Солнцева Н.В.)
- Solntsev V.M.* Language: A system and a structure, – М., 1983. – 301p,
- Солнцев В.М.* Вьетнамский язык. – М., 1999. – 23 с.
- Хронологический указатель* трудов В.М.Солнцева // Материалы к библиографии учёных. – М., 2000. – Вып.25. – С.34–56.

Основные работы о В.М.Солнцева

- Вадим Михайлович Солнцев.* К 65-летию со дня рождения // Бюллетень общества монголоведов РАН. – М., 1993. – Вып.3. – С.196–200.
- Вадиму Михайловичу Солнцеву – 70 лет* // Проблемы Дальнего Востока. – М., 1998. – № 3. – С.157–158.
- Кубрякова Е.С., Степанов Ю.С., Арутюнова Н.Д.* Вадим Михайлович Солнцев – языковед // *Общее и восточное языкознание: Сб. научн. тр., посвящ. 70-летию члена-корреспондента РАН В.М.Солнцева.* – М., 1999. – С.3–7.
- Кубрякова Е.С., Степанов Ю.С., Арутюнова Н.Д.* Вадим Михайлович Солнцев: К 70-летию со дня рождения // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* – М., 1998, – Т.57, № 3. – С.76–80.
- Общее и восточное языкознание: Сб. научн. тр., посвящ. 70-летию члена-корреспондента РАН В.М.Солнцева.* – М., 1999. – 254 с.
- Паам Ю.Я.* Вадим Михайлович Солнцев: (К 60-летию со дня рождения) // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* – М., 1988. – Т.47, № 3. – С.292–294.
- Члену-корреспонденту АН СССР Вадиму Михайловичу Солнцеву – 60 лет* // *Вестн. АН СССР.* – М., 1988, № 9. – С.135–136.
- Члену-корреспонденту РАН В.М.Солнцеву – 70 лет* // *Вестн. РАН.* – М., 1998. – Т.68, № 9. – С.861–862.

Б.П.Нарумов, И.И.Чельшева

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СТЕПАНОВ

Академик Георгий Владимирович Степанов (1919–1986) – выдающийся филолог-романист, крупный специалист по общему языкознанию и литературоведению, один из основателей отечественной испанистики и латиноамериканистики, видный организатор науки и замечательный педагог.

Г.В.Степанов родился 9 апреля 1919 г. в г. Бийске в семье петербуржцев. Санкт-Петербург был для него истинно родным городом, где он сформировался как человек и как ученый; там он окончил среднюю школу, получил диплом филолога и много лет проработал в стенах Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета.

Г.В.Степанов поступил на романское отделение филологического факультета Ленинградского университета по специальности “французская филология” (отдельной специализации по испанистике в это время не существовало) в 1937 г. Однако путь к университетскому диплому занял долгих десять лет. После окончания первого курса, в июне 1938 г., он был зачислен на курсы переводчиков испанского языка и через два месяца, в разгар гражданской войны в Испании, направлен туда переводчиком. Так, в последние, трагические месяцы гражданской войны Г.В.Степанов впервые встретился со страной, язык и литература которой на всю жизнь стали для него предметом исследования.. Много позднее академик Г.В.Степанов отметит особую притягательность мира испанской культуры: *Cada uno quien llega a tener algo que ver con el mundo español, queda un poco envenenado* “Каждый, кто соприкоснулся хоть чуть-чуть с испанским миром, остается немного отравленным им” (цит. по: Зыцарь, 2001, 12).

В 1939 г. Георгий Владимирович вернулся в университет и к июню 1941 г. закончил третий курс. В первых числах июля Г.В.Степанов ушел добровольцем в народное ополчение, которое сразу же вступило в бой. Выбравшись из окружения, он был тяжело ранен (правая рука всю оставшуюся жизнь не сгибалась в локте) и попал в плен. Оказавшись в лагере для военнопленных в Эстонии, Георгий Владимирович бежал и присоединился к партизанскому отряду, где вскоре стал комиссаром. Лишь в 1947 г. окончил университет и остался аспирантом на кафедре романской филологии. Немало трудностей пришлось преодолеть ему в первые послевоенные годы, когда он восстанавливался в университете, поступал в аспирантуру, работал преподавателем в ЛГУ.

Учителями Г.В.Степанова были блестящие ученые-романисты, представители классической Петербургской филологической школы, среди которых следует, прежде всего, назвать академика Владимира Федоровича Шишмарева и профессора Бориса Аполлоновича Кржевского. От своих учителей Г.В.Степанов унаследовал широчайшую филологическую эрудицию, умение скрупулезно работать с текстом и, вместе с тем, не замыкаться в рамках конкретного материала и достигать глубоких обобщений.

Г.В.Степанов, как и его учителя, считал, что филолог-романист должен не только знать романские языки, причем как современные, так и старые, но и иметь представление о сопредельных языковых регионах, тем или иным образом соприкасавшихся с Романией. Так, например, в аспирантуре Г.В.Степанов занимался арабским, и считал необходимым для романиста знание немецкого языка, прежде всего потому, что германская научная традиция — одна из самых авторитетных в романистике. Отметим, что Георгий Владимирович обладал прекрасным чувством живой речи; его блестящий испанский вызывал восхищение носителей языка.

Г.В.Степанов был замечательным переводчиком; его переводы испанской прозы (М.Х.де Ларра, Х.М.де Переда, В.Бласко Ибаньес, П.Бароха, Х.Валера, А.Сеспедес, М.де Унамуно и др.) отличает филологическая точность, художественная выразительность и красочность стиля.

В 1951 г. Георгий Владимирович защитил кандидатскую диссертацию на тему “Роль Сервантеса в становлении испанского национального литературного языка”. На всю жизнь великая книга Сервантеса осталась для него любимым произведением, к исследованию которого он возвращался постоянно.

В течение 20 лет, с 1951 по 1971 г. Г.В.Степанов проработал в Санкт-Петербургском университете (тогда ЛГУ) в качестве ассистента, доцента, а затем профессора кафедры романской филологии. В 1955—1960 гг. Г.В.Степанов являлся также старшим научным сотрудником Ленинградского отделения Института языкознания РАН (ныне Институт лингвистических исследований РАН). Он был замечательным преподавателем и прекрасным лектором. За многолетнюю преподавательскую деятельность ему доводилось вести и практические курсы испанского языка, и разнообразные теоретические курсы, в том числе историю испанского языка, стилистику, теоретическую грамматику и др. Его занятия, посвященные чтению, разбору и комментированию классических памятников испанской литературы, сочетали в себе увлекательность и яркость с глубиной анализа. Многочисленные ученики Г.В.Степанова продолжали и продолжают славные традиции петербургской романистики.

В 1967 г. Г.В.Степанов защитил докторскую диссертацию на тему “Испанский язык Америки в системе единого испанского языка”, ознаменовавшую новый этап в его научном творчестве и открывшую для отечественной романистики новую, малоисследованную тематику — латиноамериканистику.

В 1971 г. Георгий Владимирович переезжает в Москву и становится заведующим сектором романских языков Института языкознания АН СССР. В 1974 г. он был избран членом-корреспондентом АН, и в 1977 г. возглавил Институт языкознания РАН. В 1976 г. Г.В.Степанов стал заместителем академика-секретаря Отделения литературы и языка Академии наук.

В 1981 г. он был избран действительным членом Академии наук СССР, а с 1986 г. исполнял обязанности академика-секретаря Отделения литературы и языка АН.

В эти годы он не прекращал педагогическую деятельность. В 1971—1982 гг. Г.В.Степанов был профессором Московского государственного педагогического института иностранных языков имени Мориса Тореза. Под его руководством выросло целое поколение московских романистов. Он продолжал активную лекционную работу, его мастерство лектора по достоинству оценили в университетах Испании, США, Италии, Франции, где ему доводилось выступать.

70—80 годы стали для Г.В.Степанова годами активной и многогранной научно-организационной деятельности. Его работа в Отделении

литературы и -языка АН СССР (ныне РАН) способствовала концентрации ведущих сил отечественной филологической науки.

В 1976–1982 гг. Г.В.Степанов являлся главным редактором “Известий АН СССР. Серия литературы и языка”. С 1982 г. он был главным редактором журнала “Вопросы языкознания”. Заметное место в его деятельности занимала работа в редколлегии академической серии “Литературные памятники”, где он был заместителем председателя Бюро редколлегии.

В 1978 г. Георгий Владимирович стал председателем Комиссии по Комплексному изучению культуры народов Пиренейского полуострова при Совете по истории мировой культуры АН СССР, объединившей отечественных испанистов, португалистов и латиноамериканистов, специализировавшихся в различных областях гуманитарных наук.

В 1978 г. Георгий Владимирович был избран иностранным членом Испанской королевской академии и Лиссабонской Академии наук. В 1982 г. его избрали иностранным членом Саксонской академии (Лейпциг).

С 1978 г. Г.В.Степанов был вице-президентом общества дружбы “СССР–Испания”.

Будучи филологом в подлинном смысле этого слова, Г.В.Степанов всегда старался представить филологию как науку самому широкому кругу читателей. Именно поэтому он с большим вниманием отнесся к созданию такого научно-популярного труда, как “Словарь юного филолога” (1984), выступил его главным редактором и автором предисловия.

Приведенное выше, далеко не полное, перечисление административных и общественных должностей и постов, которые занимал академик Степанов, свидетельствует о его незаурядных организаторских способностях и таланте руководителя. На этой нелегкой стезе он проявил немало человеческой мудрости и внутреннего достоинства, оставаясь принципиальным и последовательным в своих взглядах на жизнь и науку.

Г.В.Степанов скончался в 1986 г., после недолгой, тяжелой болезни, не дожив и до 70 лет и оставив незавершенными множество научных планов и проектов.

Для языковедческих исследований Г.В.Степанова характерен целостный подход к языку как семиотической системе, функционирующей в конкретной социальной и культурной среде. Сочетание анализа “внутренней структуры” языка с рассмотрением его “внешней системы” (этими терминами постоянно пользовался сам Г.В.Степанов) — ведущий принцип его научного творчества. Основным материалом его исследова-

ний послужил, прежде всего, испанский язык во всех его разновидностях, бытующих в двух десятках стран. Позднее число привлекаемых к рассмотрению языков значительно увеличилось; Г.В.Степанов работал на материале практически всех западнороманских языков, включая региональные языки, а также их диалекты. Начав свой научный путь с разработки конкретной темы — роли Сервантеса в становлении испанского литературного языка, он постепенно расширил поле исследований, вовлекая в него все новые языки и диалекты, и, в конце концов, создал стройную концепцию “архитектуры исторического языка” — испанского, а затем и романских языков в целом. Не будучи, по собственному признанию, социолингвистом, Г.В.Степанов, тем не менее, унаследовал от романской языковедческой традиции главную ее особенность — стремление рассматривать развитие и функционирование языка в его социальной обусловленности. Лингвосоциум, языковая и коммуникативная общность явились тем последующим звеном, которое позволило преодолеть характерный для структурного языкознания разрыв между абстрактной системой языка и конкретной речевой деятельностью.

Одним из важнейших в теоретическом и практическом плане направлений работы Г.В.Степанова в 50–60-е годы было описание грамматической системы современного испанского языка. В этой области он плодотворно сотрудничал с зачинателем исследований по испанскому и португальскому языку в России О.К.Васильевой-Шведе, долгие годы возглавлявшей кафедру романской филологии Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета. Плодом их совместных усилий явился учебник грамматики испанского языка для вузов (1956, 1963), а также первая и до сих пор единственная в нашей стране “Теоретическая грамматика испанского языка” (1972), неоднократно переиздававшаяся. Несмотря на то, что эта грамматика издана в качестве университетского учебника и предназначена в первую очередь для студентов, она знаменует собой качественно новый этап в развитии теории испанской грамматики и стала настольной книгой всех, кто ведет теоретические разыскания в этой области.

Авторы опирались на солидную испанистическую традицию, представленную в грамматических сочинениях таких известных лингвистов Испании и Латинской Америки, как А.Бельо, Р.Х.Куэрво, А.Алонсо, П.Энрикес Уренья, Э.Аларкос Льорак, М.Криадо де Валь, С.Фернандес Рамирес, С.Хили-и-Гайя, Х.Рока Понс и др. Г.В.Степанов, будучи прекрасно осведомлен обо всех основных направлениях современного ему языкознания, тем не менее во введении ко второй части теоретической

грамматики, посвященной синтаксису предложения, открыто заявляет, что авторы приняли на вооружение такие общие принципы описания, которые можно определить как традиционные и даже “классические” (Васильева-Шведе, Степанов, 1998:12-13). Вместе с тем, “Теоретическая грамматика испанского языка” выгодно отличается от аналогичных зарубежных изданий обилием иллюстративного материала, почерпнутого из произведений классиков испанской и латиноамериканской литературы XIX–XX вв., оригинальной теоретической разработкой многих узловых и спорных моментов испанской грамматики, не совпадающей с испанской грамматической традицией, учетом достижений отечественных и зарубежных лингвистов в области общей теории грамматики. Уже в этой книге, как и в последующих своих трудах, Г.В.Степанов последовательно проводит мысль о единстве “грамматического строя языка, отражаемого в литературных текстах Испании и других испаноязычных стран” (Васильева-Шведе, Степанов, 1990:17).

Стремление к установлению “всеобщего” проявилось и во “Введении”, написанном Г.В.Степановым к “Грамматике и семантике романских языков” (1978) – итоговой монографии, завершившей ряд работ по сравнительно-сопоставительному описанию романских языков различных подгрупп, которые были изданы сотрудниками сектора романских языков Института языкознания АН СССР в 60–70-е годы. Последовательно различая норму, систему и тип языка как различные степени абстракции, Г.В.Степанов смотрел на романские языки как на ряд индивидуальных систем (и нормальных их реализаций), большинство из которых принадлежат к *одному* языковому типу; последний определяется им как “общие функциональные принципы, т.е. типовые (типологические) свойства и категории оппозиций в системе” (Степанов, 1978:10). Обнаружение общего типа посредством обследования конкретных языковых систем он считал важнейшей задачей романистики, которая на современном этапе ее развития характеризуется установкой на выявление скорее различий, чем сходств между языками. Романские языки, по мнению Г.В.Степанова, в большинстве своем принадлежат к одному языковому типу, однако сравнение романских языков на уровне литературных стандартов чаще приводит к обнаружению одних лишь дивергентных черт, поэтому необходим учет всех языковых страт (временных, пространственных, социальных) и функциональных вариантов языков, что позволит выделить общие им всем тенденции развития. Это положение иллюстрируется на примере распространенного в романском ареале явления *yeísmo*, т.е. фонетического перехода [λ] > [j]. Распространяясь из

городских центров, оно по-разному распределяется по социальным стратам и получает разную оценку со стороны говорящих. Во французском и румынском языке *yeísmo* стало особенностью литературной нормы, в испанском языке его престиж постоянно растет, а сохранение [λ] характеризует парадоксальным образом литературную речь в Испании и диалектную в странах Латинской Америки, в итальянском же ареале *yeísmo* известно только на диалектном уровне (Степанов, 1978:28).

Соотношение всеобщего и единичного, инвариантов и вариантов стало центральной темой испанистических исследований Г.В.Степанова в 50–60-х годах, когда он обратился к материалу латиноамериканских вариантов испанского языка, до тех пор мало известных отечественным романистам; в зарубежной же романистике они исследовались с неудовлетворительных теоретических позиций. Испанский язык Латинской Америки традиционно рассматривался как “диалект” или совокупность диалектов на тех же основаниях, что и диалекты на территории Испании; как и последние, они рассматривались в соотнесении с литературным (стандартным) языком в качестве неких “отклонений” от него. Г.В.Степанов был одним из тех ученых, которые в нашей стране положили начало рассмотрению вариантов языков, распространенных в нескольких странах (английского, французского, немецкого и др.), в качестве равноправных национальных вариантов, каждый из которых обладает собственным набором форм существования, функциональных стилей и т.д.

Наиболее четкое определение понятия “вариант языка” содержится в работе (Степанов, 1976а). Прежде всего, отмечается, что варианты языка как части общей диасистемы являются особым случаем близкого генетического родства, поэтому их исследование следует проводить в сравнительно-сопоставительном плане с целью определения различий и их типов. Варианты можно сравнивать между собой, но также возможно их сравнение с эталоном — идеальной архисистемой, сконструированной из “универсалий”, извлеченных из реально функционирующих систем. Тогда расхождения между романскими языками предстанут как расхождения в нормативной реализации типовой общероманской идеальной модели подобно тому, как испанские варианты могут быть представлены как результат нормативных реализаций типовой общеиспанской модели (Степанов, 1976а: 10). В этой работе, как и в других, Г.В.Степанов подчеркивает важность соблюдения основного методологического принципа сравнения: при сравнении таких социолингвистических объектов, как варианты языка, необходимо учитывать вре-

менной фактор (синхрония — диахрония) и фактор социально-стратификационный (синстратия — диастратия) по правилу одинаковых уровней (там же, 11). Сопоставление объектов по одному временному срезу позволяет избежать квалификации “экспортированных языков” (испано-американского, франко-канадского, португальско-бразильского вариантов) как архаичных по сравнению с языками метрополий, а сопоставление одинаковых социально-функциональных страт позволяет избежать квалификации тех же вариантов как “диалектов” испанского, французского или португальского языка.

Наиболее благодатным материалом для разработки общей теории языковой вариативности оказался испанский язык, поскольку его распространение по американскому континенту представляет собой такой стихийный “лингвистический эксперимент”, которого не знала языковая история человечества. Исследованию испанского языка стран Латинской Америки Г.В.Степанов посвятил большую часть своей жизни. Именно материал испанского языка послужил основой для уточнения таких фундаментальных лингвистических понятий, как система языка, вариант, диасистема и др. Основные результаты испанистических исследований изложены в монографиях “Испанский язык в странах Латинской Америки” (1963) и “К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки” (1979); по этой же тематике Г.В.Степанов защитил в 1966 г. докторскую диссертацию.

Основополагающей идеей испанистических исследований Г.В.Степанова является положение о единстве испанского языка, ибо, по его мнению, общее направление развития языка к единству — основная закономерность эволюции языка (Степанов, 1979:5). В случае с испанским языком мы имеем дело с вариантами, различия между которыми носят градуальный характер, поэтому можно говорить о структурном единстве испанского языка во всех его разновидностях (Степанов, 1963:8); единство внутренней структуры испанского языка поддерживается “интегральным” характером испанского языка и культуры, который проявляется в ориентации на испанский академический стандарт (Степанов, 1979:49). В соответствии с этим испанский язык Америки определяется как “разновидность (вариант) структурно единого испанского языка в совокупности особенностей его новых общенародных норм и местных диалектов и говоров” (Степанов, 1963:9).

Не случайно поэтому, приводя определение, данное испанскому языку Э.Косериу, в котором испанский язык трактуется как “система систем”, или “архисистема”, Г.В.Степанов высказывает отрицательное

отношение к ненужному умножению систем и предпочитает говорить об испанском языке как о единой системе, представленной *подсистемами*, т.е. вариантами. В каждой стране существует свой вариант испанского языка, который можно назвать *национальным языком* Аргентины, Мексики и т.д. “Любой говорящий на испанском языке, будучи носителем частной подсистемы, вместе с тем приобщен к системе единого испанского языка” (Степанов, 1979:61).

Частные подсистемы Г.В.Степанов трактует как “нормальные” реализации единой системы, следуя различению системы и нормы, проведенному Э.Косериу. Поэтому языковая норма определяется как результат “превращения потенциальных возможностей языка как системы выразительных средств в факт осознанных образцов речевого общения в определенной языковой общности в тот или иной период времени” (Степанов, 1979:59). Этот важнейший теоретический вывод Г.В.Степанов сделал, прежде всего, на основе изучения лексики латиноамериканских вариантов. Им был собран огромный материал, рассеянный по словарям и специальным работам, и остается только гадать, сколько сил и времени понадобилось для того, чтобы за лексическим хаосом разглядеть систематические отношения, определить основные понятия испаноамериканской лексикологии и наметить методы будущей лексикографической работы, которая лишь в последние десятилетия XX в. начала проводиться более или менее последовательно.

Особенно наглядно единство испанской лексико-грамматической системы показано на примере словообразования. Словообразовательные средства -аффиксы — и в Испании, и в Латинской Америке одни и те же, но в условиях ослабления нормирующего начала в разговорной речи произошла *активизация* словообразовательной системы и даже ее *гипертрофия*, поскольку в разных ареалах возникло огромное количество синонимичных новообразований, различающихся по своему морфологическому строению. Таким образом, при том, что словообразовательная система как совокупность типовых продуктивных конструкций является единой для всех вариантов, в латиноамериканском ареале наблюдается пестрая картина лексических соответствий, возникших в результате разного использования одного и того же словообразовательного потенциала. По этой причине нельзя говорить о системности лексики в масштабе латиноамериканского ареала в целом, можно говорить о системности словообразовательной синонимии в пределах каждой языковой общности. В качестве примера можно привести словообразовательные соответствия со значением собирательности. В Аргентине такие слова чаще образуют-

ся по модели S+ada (ñiñada ‘группа детей’), S+erio (papelerío ‘груда бумаг’), S+aje (chicaje ‘группа детей’), в Венесуэле же продуктивной является модель S+menta (papelamenta ‘груда бумаг’); в других странах используются модели S+ero, S+ado, S+era и др. Таким образом, словообразовательные американизмы оказываются одной из самых ярких особенностей латиноамериканских вариантов.

Интересными в лингвофилософском плане являются размышления Г.В.Степанова о “технике” наложения старой языковой “сетки” на новую американскую действительность. Анализ актов номинации новых реалий старыми средствами свидетельствует о том, что в данном случае нельзя говорить о механическом наложении готовой семантикопонятийной сетки на объекты внешнего мира, поэтому следует осторожно относиться к крайностям, которые характерны для создателей и приверженцев теории лингвистической относительности (Степанов, 1979, 205).

Г.В.Степанов уточнил весьма расплывчатое значение термина “американизм”, который может относиться как к словам индейского происхождения (их лучше называть индианизмами), так и к любым языковым особенностям испанского языка Латинской Америки. Американизмом он называет всякий элемент испанского языка Америки, который в данную эпоху отличает его от испанского языка Испании на соответствующем социальном уровне (Степанов, 1979:151). Особое внимание он уделяет пресловутой архаичности латиноамериканских вариантов: наличие в них слов, переставших употребляться в Испании, не дает нам права характеризовать испанский язык Америки в целом как архаичный; эти слова функционируют в нем не как архаизмы, а как элементы современной лексической системы.

Материал испанского языка Латинской Америки дает возможность внести ясность в одну из центральных проблем романского языкознания — в проблему генезиса романских языков. Рассматривая в сравнительном плане процессы романизации в Старой и Новой Романии, Г.В.Степанов выявляет те факторы, которые привели, в конечном счете, к фрагментации латыни на территории Старой Романии и к образованию отдельных романских языков, в то время как в странах Латинской Америки не возникло новых языков, хотя в XIX — XX вв. наблюдались попытки установить “языковую независимость” от Испании, прежде всего в Аргентине.

В связи с этим Г.В.Степанов взвешенно рассматривает теорию об андалусийской основе испанского языка Латинской Америки, равно как

и доводы ее оппонентов, и приходит к выводу, что столь сложный процесс, как формирование нового варианта испанского языка нельзя рассматривать исключительно сквозь призму андалусийского диалекта; андалусизм и антиандалусизм одинаково односторонни и несостоятельны.

Среди факторов, способствовавших сохранению единства испанского языка, Г.В.Степанов выделяет отсутствие у испанского языка, завезенного в Америку, временной дифференциации (в отличие от латыни); романизация нового континента произошла сравнительно быстро, и испанский язык достался Америке в “готовом” виде. Важную роль сыграли учебные заведения, которые распространяли нормативный язык в том виде, в каком он сложился в Испании, а также художественная литература, которая до обретения латиноамериканскими странами независимости в XIX в. ничем не отличалась в языковом отношении от собственно испанской литературы. Ориентация на иберийскую норму сохранялась и в дальнейшем, и взаимодействие иберийской и местных норм является существенной особенностью бытования литературного испанского языка в странах Латинской Америки.

В числе факторов, способствовавших дифференциации испанского языка в странах Нового Света, выделяется, прежде всего, разговорный характер испанского языка, перенесенного в новые условия, смешение различных диалектов при ведущей роли южных диалектов Испании, а также канарской разновидности испанского языка. Несомненно, испанский язык испытал влияние разнообразных индейских языков, прежде всего в фонетике, хотя Г.В.Степанов критически относился к субстратомании, характерной для романистики определенного периода ее развития. Еще одним фактором дифференциации языка явилась иммиграция разноязычного населения, например, африканских рабов в страны Карибского бассейна или жителей европейских стран в Аргентину.

Таким образом, латиноамериканский языковой мир в трудах Г.В.Степанова предстал как “единство в многообразии”. Диалектически подходя к проблеме соотношения единства и вариативности испанского языка, Г.В.Степанов заложил теоретические и методологические основы латиноамериканистики в нашей стране. Одним из ее главных достижений явился выход в 1998 г. словаря латиноамериканизмов под редакцией Н.М.Фирсовой; в предисловии авторы подчеркивают, что “главной методологической основой составления Словаря послужили труды академика Г.В.Степанова и, в частности, его определений понятий “американизм”, “иберизм”, “национальный вариант испанского языка”” (Испанско-русский словарь. Латинская Америк, 1998:1). В течение многих лет

Г.В.Степанов руководил научной работой стажеров из Института языка и литературы Академии наук Кубы, которые успешно защитили диссертации, посвященные особенностям кубинского варианта испанского языка. Труды Г.В.Степанова получили известность и высокую оценку во многих странах Латинской Америки. Известный колумбийский лингвист Х.Монтес Хиральдо, поместивший рецензии на все его монографии на страницах журнала “Thesaurus”, после выхода в свет книги “Испанский язык в странах Латинской Америки” отметил, что это исследование можно без преувеличения считать первым обобщающим трудом по испанскому языку Америки, в котором критически осмыслены все основные исследования латиноамериканистов и дана общая картина отличительных особенностей данного варианта (Montes Giraldo, 1965). Таким образом, эта книга Г.В.Степанова знаменует собой переход от частных исследований, посвященных отдельным ареалам, к интегральному описанию испанского языка во всех его вариантах.

Концептуальный аппарат, разработанный Г.В.Степановым на материале испаноязычных ареалов, был развит и усовершенствован им в монографии “Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи” (1976), в которой к рассмотрению привлекаются языки иберо-романской, галло-романской, итало-романской и рето-романской подгруппы. Также в этой работе проводится мысль о единстве внутренней структуры и внешней системы “исторического языка”, понимаемого как “некое целое, состоящее из частей (подсистем), которые находятся в определенных отношениях и связях между собой” (Степанов, 1976:29). Г.В.Степанов вновь ставит задачу показать, “как стратифицированный язык функционирует в качестве цельной системы” (там же, 48). Однако идея о единстве языка не должна превращаться в построение абстрактной системы, оторванной от языкового коллектива, от социума; формирование некой общей, “надсоциумной” функциональной системы для Г.В.Степанова не имеет особого научного смысла, поэтому и язык в целом, и конкретный диалект должны рассматриваться в их отношении к языковой общности; связующим звеном между единым абстрактным языком, языком-“фикцией”, и индивидуальной речью является социальная среда (там же, 19).

В монографии получают определение важнейшие понятия, относящиеся к сфере вариационной лингвистики и социолингвистики: внешняя система языка, состояние языка и языковая ситуация. Внешняя система языка определяется через понятие вариативности: “Все виды дифференциации (варьирования языка, возникающие под воздействием

внешних факторов (временных, пространственных, социальных) и имеющие ту или иную функцию в социуме, составляют в н е ш н ю ю (ф у н к ц и о н а л ь н у ю) с и с т е м у данного языка в данный период времени”. Состояние языка определяется как “совокупность всех видов его вариативности как функционально нагруженных, так и не имеющих ясно выраженной функциональной нагрузки (парадигматический план)”, а языковая ситуация определяется как “отношение языка (или его части), характеризующегося

данным состоянием, к другим языкам или к другой части того же языка, и проявляющиеся в различных формах пространственных и социальных взаимодействий (синтагматический план)” (Степанов, 1976:29–31).

Среди различных факторов вариативности языка – пространственной, временной, социальной – решающая роль отводится социальному фактору, поскольку именно он определяет, какие пространственные или временные варианты “социализируются”, т.е. получают функциональную нагрузку. Поэтому, характеризуя спонтанное развитие языка, Г.В.Степанов употребляет выражение “общественный отбор”, в то время как при рассмотрении целенаправленных воздействий на язык, например при формировании литературной нормы, используется выражение “общественный подбор” (там же, 42).

Вновь обращаясь к излюбленной теме испанистических исследований – к распространению испанского языка за пределами Испании, Г.В.Степанов подчеркивает, что распространение языка “со стационара на периферию” создает подобие гигантской лаборатории, в которой можно вести наблюдение за поведением “старой” языковой структуры в новой общественной (и языковой) среде (там же, 108). Проведя эффективное сравнение между латиноамериканской разновидностью испанского языка и испано-еврейской (сефардской) его разновидностью, которые начали формироваться в одно и то же время – с 1492 г., Г.В.Степанов показывает, как условия бытования одного и того же языка в разной социальной среде в первом случае привели к перестройке функциональной системы языка, его социальной стратификации и, в конечном счете, к возникновению национальных вариантов как самостоятельных форм существования испанского языка, а во втором случае – к постепенной утрате всех коммуникативных функций, кроме разговорной, к разрушению внутренней структуры и к превращению испано-еврейского в умирающий диалект.

В монографии рассматривается множество языковых ситуаций, сложившихся в ареалах галисийского и португальского, провансальского

и французского, каталанского и испанского языков; особое внимание уделяется проблемам двуязычия, типичного для языковых ситуаций, как в странах Европы, так и в странах Латинской Америки, где романские языки взаимодействуют с индейскими.

В этой работе Г.В.Степанов развил и обобщил результаты своих исследований предыдущих лет, посвященных развитию романских языков как литературных. Сопоставляя исторические пути, которые прошли языки Романии, он наметил перспективы сравнительной типологии формирования литературных языков (на основе выдвигания одного диалекта с выбором одной из его разновидностей, на основе концентрации диалектов, на основе концентрации обобщенных, нечетко выраженных диалектных форм и др.).

В заключение Г.В.Степанов еще раз подчеркивает, что любой конкретный язык существует в виде единого блока, состоящего из малых блоков, единая система языка имеет множество нормативных реализаций, и задача исследователя состоит в том, чтобы обнаружить основные типы этих реализаций и вывести абстрактную структуру языка; последняя, равно как и менее абстрактные категории – социолект, территориальный диалект, стиль речи, – обнаруживаются в результате исследования, а не постулируются до него.

Важнейшей составляющей научной деятельности Г.В.Степанова на протяжении многих лет оставалось исследование языка художественной литературы, в котором в нерасторжимом единстве выступали лингвистический и литературоведческий аспекты анализа текста. Значительная часть работ такого плана собрана в последней книге “Язык. Литература. Поэтика”, вышедшей в 1988 г. уже после смерти Георгия Владимировича. Среди авторов, над произведениями которых работал Г.В.Степанов, – классики испанской литературы, начиная с Сервантеса и Кальдерона и вплоть до П.Бароха, Р.Валье Инклана, М.Унамуно и др. Особое место занимала в его научном творчестве поэзия Ф.Гарсиа Лорки. Не замыкаясь лишь в мире испанской поэзии, Г.В.Степанов посвятил интереснейшие статьи образному строю лирики Пушкина и поэтике Твардовского.

Анализ языка художественной литературы выводил Г.В.Степанова на уровень важнейших теоретических обобщений, проливавших свет на общие принципы функционирования языка в условиях художественной коммуникации. В статье “Единство выражения и убеждения (автор и адресат)” (Степанов, 1988) проведено сопоставление литературной коммуникации с речевыми актами и выявлено общее и спе-

цифическое в коммуникативной природе этих типов речевой деятельности. В этой работе намечены основные вехи универсальной “поэтики восприятия и воздействия” художественного текста, опирающейся в своей лингвистической части на достижения одной из самых актуальных отраслей современного языкознания — прагматики. Разрабатывая подобную поэтику, исследователи закономерно могли бы подойти к “модели адресата художественного литературного текста”. Выработка же такой модели могла бы, в свою очередь, многое прояснить в проблеме функционирования художественных ценностей, которой занимается литературоведение. Вместе с тем, подобная модель являлась бы актуальной и для лингвистических исследований, поскольку значительно обогатила бы имеющееся в лингвистике представление об адресате речевого акта как такового.

Всей своей научной деятельностью Г.В.Степанов подтверждал идею о нерасторжимой связи и взаимопроникновении двух исследовательских подходов к тексту — лингвистического и литературоведческого, теоретическое обоснование диалектики двух подходов было развернуто им в статье “Литературоведческий и лингвистический подходы к анализу текста” (Степанов, 1988), где он проанализировал те “шаги” навстречу друг другу, которые могли бы сделать литературоведение и лингвистика, уделив особое внимание лингвистике текста, объединившей общую теорию текста, грамматику текста и лингвистическую стилистику.

В трудах Г.В.Степанова выдвинута идея об аналогии научной парадигмы определенной эпохи с литературным жанром. В статье “Образный строй лирики Пушкина” он по этому поводу пишет: “С известной долей риска репертуар языковых средств в рамках жанра можно сравнить с понятийным аппаратом в рамках научной теории: и в том и в другом случае эти средства оказываются достаточными для освоения — художественного и научного — какого-то фрагмента действительности” (Степанов, 1988:169). Выдвинутая и развитая в ряде работ идея “жанра-парадигмы” позволила связать “образ адресата” и “образ автора” с учетом различных параметров, релевантных для анализа художественно ориентированного коммуникативного акта.

Не останавливаясь подробно на собственно историко-литературных статьях, отметим, что все они написаны с глубоким вниманием к языковому материалу и содержат немало замечаний, плодотворных для лингвистического анализа. Приведем лишь один пример из работы, посвященной поэзии Ф.Гарсиа Лорки. Г.В.Степанов, обращая

ясь к сложнейшей проблеме — восприятию семантики художественного текста, указывает на такое качество поэтического языка Лорки., как “смысловая компрессия, приводящая к “чудовищному уплотнению реальности” (выражение Мандельштама) (Степанов 1988;194). Дальнейший анализ поэтических строф (*Sangre resbalada gime / muda canción del serpente* ‘Пролитая кровь стонет / немую песнь змеи’) выявляет особенности метафоризированного ассоциативного ряда, характеризуемого редкой семантической сцепленностью, приводящей к своеобразной актуализации отдельных сем значения.

Лингвистические труды Г.В.Степанова знаменовали собой важный этап в развитии отечественной романистики. В них романский языковой мир предстал во всем своем разнообразии и в то же время в своей целостности. Разработанная Г.В.Степановым интегральная концепция языка позволяет за пестротой варьирующихся форм разглядеть основные тенденции языкового развития; она служит надежной основой дальнейших исследований в области вариационной лингвистики. Его работы по исследованию языка художественной литературы, выходя далеко за рамки обычной лингвистической стилистики, наметили особые перспективы для понимания путей познания окружающего мира через призму художественного текста.

Научные труды Г.В.Степанова отличало редкое изящество стиля; он умел подобрать такие сравнения и метафоры, которые, не нарушая истинности научных формулировок, придают им значимость и особую чеканность. Вот, например, заключение о судьбе сефардского (еврейско-испанского) языка: “Языки умирают по-разному. Одни языки умирают как деревья, стоя, вместе со смертью общности и культуры. Другие, умирая, дают жизнь новым языкам, но есть и такие — к ним принадлежит сефардский, — которые умирают от склероза: в результате гибели функциональных элементов, как внешнесистемных, так и внутрисистемных” (Степанов, 1976:44).

Необычайное чувство языка и чувство стиля были свойственны Георгию Владимировичу и в устной речи — будь то в неформальной беседе, будь то в научной дискуссии. Он всегда умел сформулировать кратко и изящно суть вопроса; точно, с тонким остроумием, парировать возражение; облечь замечание в деликатную, не задевающую собеседника форму.

Академик Г.В.Степанов был человеком незаурядной судьбы, исключительного характера и неповторимого обаяния. Его отличала и выделяла подлинная многогранность научного дарования, преданность фи-

дологической науке, которой он посвятил всю жизнь, исключительная внутренняя культура и интеллигентность.

Литература

- Васильева-Шведе О.К., Степанов Г.В.* Теоретическая грамматика испанского языка: Морфология и синтаксис частей речи: (Учеб. для филол. фак. ун-тов и ин-тов иностр. яз.). – М., 1972. – 342 с. (2-е изд., испр. и доп. – М., 1980; 3-е изд., испр. и доп. – М., 1990).
- Васильева-Шведе О.К., Степанов Г.В.* Теоретическая грамматика испанского языка: Синтаксис предложения. – М., 1981. – 303 с. (2-е изд., испр. – (2-е изд., испр. – СПб., 1998).
- Зыцарь И.В.* Первый испанист России: (Воспоминания о Георгии Степанове) // *Res Philologica*–2. Филологические исследования: Сб. ст. памяти акад. Георгия Владимировича Степанова. К 80-летию со дня рождения (1919–1986). – СПб., 2001. – С.12–22.
- Испанско-русский словарь: Латинская Америка / Под ред. Фирсовой Н.М.. – М., 1998. – 608 с.
- Степанов Г.В.* Объективные и субъективные критерии определения понятия “вариант языка” // Типология сходств и различий близкородственных языков. – Кишинев, 1976а. – С.8–14.
- Степанов Г.В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. – М: Наука, 1976. – 224 с.
- Степанов Г.В.* Введение // Грамматика и семантика романских языков: (К проблеме универсалий) / Отв. ред. Степанов Г.В. – М., 1978. – С.3–32.
- Степанов Г.В.* К проблеме языкового варьирования. Испан. яз. Испании и Америки. – М.: Наука, 1979. – 327 с.
- Степанов Г.В.* О филологии и филологах // Энциклопедический словарь юного филолога (Языкознание). – М., 1984. – С.5–11.
- Montes Giraldo J.J.* Rec. ad op.: Stepanov G.V. Ispanskii iazyk v stranax Latinskoj Ameriki. [La lengua española en los países de América Latina]. – М., 1963. – Thesaurus. Boln Inst. – Caro Cuervo, 1965. – Т.20, N 1. – P.151–155.

Основные работы Г.В.Степанова

- Грамматика испанского языка: (Учеб. пособие для гос. ун-тов и пед. ин-тов иностр. яз.). – М., 1956. – 384 с. (2-е изд., пересмотр. – М., 1963). (Совместно с Васильевой-Шведе О.К.).

Испанский язык в странах Латинской Америки. — М., 1963. — 202 с.

Теоретическая грамматика испанского языка: Морфология и синтаксис частей речи: (Учеб. для филол. фак. ун-тов и ин-тов иностр. яз.). — М., 1972. — 342 с. 2-е изд., испр. и доп. — М., 1980; 3-е изд., испр. и доп. — М., 1990). (Совместно с Васильевой-Шведовой О.К.).

Грамматика и семантика романских языков: (К проблеме универсалий). — М., 1978. — 227 с. (Совместно с Вольф Е.М., Лухт Л.И., Супрун А.В.).

К проблеме языкового варьирования: Испанский язык Испании и Америки. — М., 1979. — 327 с.

Теоретическая грамматика испанского языка: Синтаксис предложения. — М., 1981. — 303 с. (2-е изд., испр. — СПб., 1998). (Совместно с Васильевой-Шведовой О.К.).

Язык. Литература. Поэтика. — М., 1988. — 382 с.

Библиографию работ Г.В.Степанова (1919—1986) за 1947—1983 гг. см.: Георгий Владимирович Степанов: (Материалы к библиографии ученых АН СССР) / Сост.. Кузьменко Р.И. и Махрова И.А. — М., 1984. — С.32—49 — Сер. лит. и яз.; вып.16); за 1983—1986 гг. см. Res philologica Филологические исследования. Памяти Георгия Владимировича Степанова 1919—1986 / Сост. Кузьменко Р.И. — М., 1990. — С.32—34.

Основные работы о Г.В.Степанове

Вольф Е.М., Степанов Ю.С. Краткий очерк научной, педагогической, научно-организационной и общественной деятельности // Георгий Владимирович Степанов (Материалы к библиографии ученых АН СССР. М., 1984. — С.8—28. — (Сер. лит. и яз. Вып.16).

Виннер Ю.Б. Последняя книга выдающегося филолога // Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика. — М., 1988. — С.7—21.

Домашнев А.И. Концепция национального языка в трудах академика Г.В.Степанова // Res Philologica. Филологические исследования: Памяти акад. Георгия Владимировича Степанова (1919—1986). — М.; Л., 1990. — С.4—17.

Домашнее А.И. Горизонты романского языкового мира в трудах Г.В.Степанова // Res Philologica—2. Филологические исследования: Сб. ст. памяти акад. Георгия Владимировича Степанова. К 80-летию со дня рожд. (1919—1986). — СПб., 2011. — С.5—11.

Зыцарь И.В. Первый испанист России: (Воспоминания о Георгии Степанове) // Res Philologica 2. Филологические исследования: Сб. ст. памяти Георгия Владимировича Степанова. К 80-летию со дня рожд. (1919—1986). — СПб., 2002. — С.12—22.

Лихачев Д.С. О Георгии Владимировиче Степанове // Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика. — М., 1988. — С.3—6.

Плавский З.И. Готя, Георгий Владимирович и “Тройственный союз”: Странички воспоминаний // Res Philologica 2. Филологические исследования: Сб. ст. памяти акад. Георгия

Владимировича Степанова. К 80-летию со дня рожд. (1919–1986). – СПб., 2001. – С.35–41.

ББК 81
О 82

Серия
Теория и история языкознания

*Центр гуманитарных научно-информационных
исследований*

Отдел языкознания

Редакционная коллегия:

Ф.М.Березин — д-р филол.наук (отв. редактор), *А.М.Кузнецов* —
д-р филол. наук, *Е.О.Опарина* — канд. филол. наук, *С.А.Ромашко* —
канд. филол. наук

Отечественные лингвисты XX века (Т — Я): Сб. статей //
О82 РАН ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд.
языкознания; Редкол.: Березин Ф.М. (отв. ред.) и др. — М.,
2003. — Ч. 3 (Т — Я). — 193 с. (Сер.: Теория и история языко-
знания).

ISBN 5-248-00162-5

В предлагаемой вниманию читателя третьей части сборника (Т — Я) анализируются работы выдающихся русских языковедов послереволюционного периода, внесших огромный вклад в разработку проблем структурного членения языка, его функционирования и внешних связей, проблем знаковости языка и положения языка среди других знаковых систем. В третьей части сборника будут рассмотрены теоретические концепции отечественных языковедов, начиная от Н.И.Толстого и кончая В.Н.Ярцевой. Издание предназначено для лингвистов, интересующихся историей отечественного языкознания.

ББК 81

ISBN 5-248-00162-5

©ИНИОН РАН, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.Д.ДУЛИЧЕНКО. Никита Ильич Толстой</i>	5
<i>И.Г.ДОБРОДОМОВ. Олег Николаевич Трубачев</i>	39
<i>И.Г.ДОБРОДОМОВ. Дмитрий Николаевич Ушаков</i>	62
Ф.М.БЕРЕЗИН. Федот Петрович Филин	76
<i>В.М.АЛПАТОВ. Александр Алексеевич Холодович</i>	95
<i>А.Д.ШМЕЛЕВ. Дмитрий Николаевич Шмелев</i>	106
<i>В.А.ПИЩАЛЬНИКОВА, В.В.ПОТАПОВ. Лев Владимирович Щерба</i>	123
<i>В.М.АЛПАТОВ. Николай Феофанович Яковлев</i>	149
<i>А.А.ЛЕОНТЬЕВ. Лев Петрович Якубинский</i>	158
<i>А.М.КУЗНЕЦОВ. Виктория Николаевна Ярцева</i>	175

А.Д.Дуличенко

НИКИТА ИЛЬИЧ ТОЛСТОЙ

Выдающийся русский ученый советского и постсоветского времени Никита Ильич Толстой (15. IV.1923 – 27.VI.1996) был последним в XX в. филологом классического типа: в области славянского языкознания и славистики вообще он обладал энциклопедическими познаниями. Он был блестящим языковедом, хотя его научные интересы далеко выходили за рамки лингвистики. Он внес неоценимый вклад в отечественную палеославистику, славянскую лингвистическую географию, лексикологию и семасиологию, фразеологию; создавая фундаментальные труды по истории отдельных славянских языков, он разработал основы славянской историко-типологической социолингвистики и комплексной науки – славянской этнолингвистики, в которой впервые широко и плодотворно были объединены языки и традиционная культура славянских народов (фольклор, обряды, обычаи, мифология). Никита Ильич на протяжении всей своей жизни успешно занимался также историей славистики, особенно (этно)лингвистическим ее направлением.

Он родился не в России, где искони жили его предки, в том числе знаменитый прадед, классик русской литературы Лев Николаевич Толстой (1828–1910). От одного из сыновей великого писателя, Ильи, родился сын Илья и от Ильи Ильича – сын Никита Ильич. Случилось это в Югославии, в небольшом сербском городке Вршац, где проживала тогда в условиях послереволюционной эмиграции семья Толстых. Мать Никиты Ильича, Ольга Михайловна, была образованной женщиной, которая, как и отец, серьезно повлияла на жизненный выбор сына. С самого детства Никита Ильич «купался» в море двух языковых стихий – дома в русской, а на улице – в сербской. В 1941 г. он окончил 1 русско-

сербскую мужскую гимназию в Белграде, однако продолжить учиться ему не пришлось: началась Вторая мировая война. Как и определенная часть патриотически настроенной русской эмиграции, он включился в партизанское движение в Югославии, а в 1944 г. добровольно вступил в ряды Красной (Советской) Армии, сражаясь против фашистов на территориях стран средней Европы. Никита Ильич имел ряд высоких наград — за взятие Вены, Будапешта, за победу над Германией. После окончания войны семья Никиты Ильича принимает решение о возвращении на Родину. В 1945—1950 гг. на филологическом факультете Московского университета Никита Ильич изучает болгарский язык, а затем здесь же поступает в аспирантуру к проф. С.Б. Бернштейну. В 1954 г. он успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Краткие и полные прилагательные в старославянском языке». С 1952 по 1956 г. Никита Ильич преподает сербскохорватский язык в Институте международных отношений (Москва). С 1954 г. его деятельность связана с АН СССР, с Институтом славяноведения, где он работает сначала младшим научным сотрудником, с 1962 г. — старшим, а с 1977 г. становится руководителем группы этнолингвистики и славянских древностей (с 1979 г. стала называться группой этнолингвистики и фольклора); с 1981 по 1992 г. он заведует здесь сектором этнолингвистики и фольклора. В течение многих лет Никита Ильич является членом Ученого совета института. С 1968 г. он начал регулярно читать лекции по славистике в Московском университете, пройдя путь от простого преподавателя до профессора (с 1976 г.). Яркая индивидуальность, глубокая увлеченность фундаментальными проблемами языкознания были замечены акад. В.В. Виноградовым, который уже в 1954 г. пригласил Никиту Ильича в журнал «Вопросы языкознания» на должность ответственного секретаря (проработал здесь до 1971 г.). С 1955 по 1958 г. Никита Ильич — секретарь Международного «комитета славистов (МКС), затем становится его членом, с 1986 г. — председателем Советского комитета славистов (с 1992 г. — Российского), в 1987—1996 гг. — вице-президентом МКС. С 1965 по 1987 т. Никита Ильич был на должности заместителя главного редактора журнала «Советское славяноведение».

В 1972 г. Никита Ильич успешно защитил в Санкт-Петербургском (тогда Ленинградском) университете докторскую диссертацию «Опыт семантического анализа славянской географической терминологии». С 1974 по 1996 г. он был членом Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии (ВАК) по языкознанию (с 1978 г. — по

филологии и искусствоведению), в 1977–1996 гг. — член (с 1983 г. — заместитель председателя) Комиссии по истории филологической науки при Российской АН (РАН), в 1989–1990 гг. — председатель Совета Международного фонда славянской письменности и культуры, член Музейного совета при Президиуме РАН (с 1989 г.), в 1990–1996 гг. — председатель редколлегии Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, в 1992–1996 гг. — председатель Научного совета по фольклору при РАН, в 1994–1996 гг. — председатель Совета Российского гуманитарного научного фонда и член Совета по научно-технической политике при президенте России. Добавим также, что Никита Ильич в течение многих лет являлся членом Научного совета по диалектологии и истории языка и Научного совета «Теория советского языкознания», функционировавшего при АН СССР; в рамках МКС как его член участвовал в работе Международной комиссии по истории славистики и Международной комиссии по лексикологии и лексикографии. Никита Ильич принимал деятельное участие в работе ряда научных периодических и продолжающихся изданий: в 1983–1996 гг. он член редколлегии журнала «Русская речь», в 1985–1991 гг. — член редколлегии научной серии Тартуского университета «*Slavica Tartuensia*», с 1987 г. он заместитель главного редактора, а в 1993–1996 гг. — главный редактор журнала «Вопросы языкознания»; в 1993 г. Никита Ильич возобновляет издававшийся в 1890–1917 гг. старый русский журнал «Живая старина» (его главный редактор в 1993–1996 гг.).

Его путь на академические высоты был стремителен: в 1984 г. он избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1987 г. Никита Ильич становится действительным членом этой академии; с 1985 г. и до самой кончины он был членом бюро Отделения литературы и языка АН СССР (затем — РАН), а в 1992–1996 гг. являлся членом Президиума РАН. Еще раньше, чем его возвели в действительные члены отечественной АН, Никита Ильич был избран иностранным членом Австрийской АН в Вене (1979) и Македонской академии наук и искусств в Скопье (1979); затем последовало избрание его иностранным членом Сербской академии наук и искусств в Белграде (1985), Югославянской (ныне Хорватской) академии наук и искусств в Загребе (1986), Словенской академии наук и искусств в Любляне (1987), доктором *honoris causa* Люблинского университета им. М. Кюри-Скловской (Польша, 1991), иностранным членом Польской академии наук и искусств (Краков, 1991), Белорусской АН в Минске (1995) и, наконец, действительным членом Европейской акаде-

мии наук и искусств в Зальцбурге (Австрия, 1996). Никита Ильич являлся также почетным членом Славистического общества Сербии (с 1989 г.), научного общества «Матица Сербская» в Новом Саде (с 1991 г.). Он участвовал почти во всех международных съездах славистов, начиная с 4-го (Москва, 1958), затем на 6-ом (Прага, 1968), 7-ом (Варшава, 1973), 8-ом (Загреб, 1978), 9-ом (Киев, 1983), 10-ом (София, 1988), 11-ом (Братислава, 1993). В 1994–1996 гг. Никита Ильич был профессором Православного университета им. Иоанна Богослова (Москва), а в 1996 г. он награжден орденом Русской православной церкви Святого благоверного князя Даниила Московского II степени; несколько раньше, в 1994 г., за научные заслуги ему присуждена возрожденная в России Демидовская премия; в 1996 г. Сорбоннский университет в Париже награждал Никиту Ильича медалью.

После тяжелой болезни 27 июня 1996 г. Никита Ильич Толстой скончался; погребен в семейном некрополе (в ограде Никольской церкви) в деревне Кочаки недалеко от Ясной Поляны (Тульская область).

Научная деятельность Никиты Ильича охватывает практически всю вторую половину XX в. Еще до того, как стали появляться его первые печатные труды по славистике, он занимался переводами художественной литературы с сербскохорватского (О. Давичо) и болгарского языков (И. Вазов, Е. Пелин, позднее — Л. Каравелов), написал для второго издания «Большой советской энциклопедии» (БСЭ), а затем для третьего издания «Малой советской энциклопедии» (МСЭ) массу статей по различным славянским языкам (кашубский, македонский, сербскохорватский, словенский и др.), о выдающихся деятелях славянской науки и культуры (В.С. Караджич, В. (Е.) Копитар, Б. Нушич, С. Младенов, Ф. Прешерн и др.).

Научные занятия Никиты Ильича с самого начала проходили в русле двух классических для славистики направлений — славянской диалектологии и палеославистики (или славянских древностей). В первое направление он включился уже будучи студентом, а затем и аспирантом при кафедре славянской филологии Московского университета: в 1949–1952 гг. он участник экспедиции по изучению болгарских говоров в Бессарабии и Приазовье, с 1956 по 1959 г. он совершает ежегодные поездки в Болгарию для сбора материалов для «Болгарского диалектологического атласа», а в 1961 г. оказывается в Ташкенте, где среди македонских беженцев из Греции изучает переселенческие эгейско-македонские говоры. В дальнейшем полевая работа станет для Никиты Ильича одной

из важнейших сторон его научной деятельности (см. ниже). В палеославистику он вошел своей кандидатской диссертацией по кратким и полным прилагательным в старославянском языке, которую с успехом защитил в 1954 г. Если диалектология стала надежной базой созданных им и получивших широкое международное признание методов лингвогеографического анализа лексики и привела в конечном счете к разработке принципов интердисциплинарной науки — славянской этнолингвистики, то палеославистика подвела его к истории и типологии славянских литературных языков, что позволило заложить основы славянской историко-типологической социоллингвистики.

Фундаментальность подхода к языковому материалу в соединении с тонким языковым чутьем и широта лингвистических взглядов проявились у Никиты Ильича уже при написании кандидатской диссертации. Опираясь на материал канонических текстов Зографского, Маринского, Ассеманиева евангелий и Саввиной книги, Никита Ильич детальным образом выявил значения кратких и полных прилагательных старославянского языка, установил основные принципы их корреляции и определил специфику синтаксической связи этих форм с существительными. Оказалось, что «краткие и полные формы прилагательных в атрибутивной функции выражают отношения определенности и неопределенности <...>. Корреляция полных и кратких форм в старославянском языке не шла по линии атрибутивности и предикативности или 'энергичности' и 'неэнергичности' признака предмета. Активным членом корреляции была полная, определенная форма прилагательного < ... >»; «Семантика прилагательного < ... > играла огромную, подчас решающую роль при употреблении исключительно полной формы. К таким прилагательным относились темпоральные, локативные и некоторые другие группы прилагательных» (Толстой, 1956: 42, 43). В дальнейшем Никита Ильич проверит свои заключения на материале живых славянских языков и прежде всего сербскохорватского, в котором адъективная специфика, характерная для старославянского языка, сохранилась лучше всего. Кроме того, позднее он также свяжет эту проблематику с вопросом о члене-артикле и об указательных местоимениях в славянских языках — в выступлениях на различных научных конференциях.

Методологически важным для палеославистики является феномен старославянского языка. Никита Ильич уже в 50-е годы обратил внимание на противоречивость толкования понятия «старославянский язык», отметил недостаточную изученность его истории как литератур-

но-письменного языка и как международного языка славянских народов; ощутил он и пробелы в исследовании вопроса о значении этого языка в формировании и развитии многих славянских литературных языков. Именно поэтому он уже в 60-е годы поставил вопрос о необходимости «создания научной грамматики старославянского языка, отвечающей современным требованиям палеославистики», т.е. об академической грамматике древнего литературного языка славянства. Для этого необходимо было тщательное изучение всего корпуса памятников, особенно среднего и позднего периодов, т.е. времени так называемого церковно-славянского языка. «Н.И. Толстой постепенно формулирует гипотезу о старославянском языке как об особо обработанной наддиалектной модели, которая создана на основе южнославянских говоров с опорой на греческий язык как образец. Тем самым подчеркивается исконно интернациональный и интерславянский характер этого языка. Кирилло-мефодиевская традиция в истории славянской письменности представляется Н.И. Толстым как стремление к нормализации и сохранению древнеславянского языка как орудия межславянской культуры. Старославянский язык определил формальную, в значительной мере лексическую и стилистическую сторону древнеславянского литературного языка на протяжении почти всей его истории. Стабильность основных элементов модели старославянского языка обусловлена устойчивостью литературы (прежде всего сакральной), которую этот язык обслуживал» (Мокиенко, 1998: 69).

Никита Ильич много писал об изводах (геср. редакциях) старославянского (геср. церковнославянского) языка, которые стали формироваться приблизительно с XII в. — древнерусском, древнеболгарском, древнесербском, древнехорватском глаголическом, древнемакедонском; к этому числу он присоединяет еще редко учитываемые древнегалицко-русский (геср. древнегалицко-волинский), древнесевернорусский, старобоснийский, славяно-влахо-молдавский и некоторые другие изводы. Проникновение в специфику этих изводов подвело Никиту Ильича к мысли о том, что первый литературно-письменный язык славянства — старославянско-церковно-славянский — был по существу, несмотря на локальные его окраски, единым литературным языком греко-славянского мира — *Pax Slavia Orthodoxa* на протяжении IX–XI, XII–XVIII вв. Именно вскрытие этого «противоречия» между, с одной стороны, существованием старославянско-церковнославянского языка в виде этнических изводов, с другой стороны, сохранением его внутреннего

единства привело Никиту Ильича к мысли о том, что оно, это «противоречие», как раз и составляет специфичность литературно-письменного языка славянства, для которого он предложил лингвоним «древнеславянский (литературный) язык». Чем же поддерживалось единство локально функционировавшего литературного языка? По Толстому, прежде всего его надэтнической и сакральной по содержанию древнеславянской литературой, главные образцы которой составляли переводы с греческого языка, а позднее и оригинальные тексты. Никита Ильич дает хронологические границы этой литературы — X–XVIII вв. «< ... > древнеславянская литература, как и древнеславянский литературный (книжный) язык, которым эта литература пользовалась, — пишет он, — была надэтнической, наднациональной литературой, подобно европейской средневековой латыни, имевшей свою богатую литературную традицию, восходящую еще к античным временам. У западных славян и южных славян католического вероисповедания (хорватов и словенцев) была распространена средневековая латинская литература, и в их среде было немало писателей-латинистов, т.е. представителей этой литературы» (Толстой, 2002: 84). В работе «Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян» (1982) Никита Ильич выводит, что к XIII–XIV вв. в *Rex Slavia Orthodoxa* устанавливается гомогенное — церковнославянско-русское, церковнославянско-сербское, церковнославянско-болгарское и т.д. — двуязычие, в то время как в *Rex Slavia Latina* господствует гетерогенное — латино-чешское, латино-польское, латино-хорватское и т.д. — двуязычие.

В славянском языкознании особый интерес вызвала разработанная Никитой Ильичом в начале 60-х годов периодизация истории древнеславянского литературного языка: первый период — раннего древнеславянского литературного языка, т.е. собственно старославянского, «золотой век» древнеславянской книжности (IX–X, частично XI вв.), второй — среднего, церковнославянского (XII–XVI вв.), третий — период позднего древнеславянского литературного языка (XVII–XVIII вв.). Критериями этой периодизации для Никиты Ильича послужили как внешние, так и внутренние факторы — учет историко-культурных особенностей функционирования древнеславянского литературного языка как международного языка культуры у славян, особенности нормализации и централизации его норм, имевшие специфическое содержание и направление в разные периоды, — ранний кирилло-мефодиевский, затем в эпоху тырновской и ресавской школ в Болгарии и так называемого вто-

рого южнославянского влияния на Руси в XIV–XV вв. и, наконец, в эпоху виленской, киевской и московской школ.

Позднее Никита Ильич предложил периодизацию истории древнеславянского (церковнославянского) языка на Руси: первый период (IX–XIII вв.) — появление на Руси письменности (так называемое первое южнославянское влияние), важнейшие памятники, как, например, Остромирово евангелие (1057), Архангельское евангелие (конец XI в.), Изборник Святослава (1073 и 1076 г.) и др.; второй (XIV–XV вв.) характеризуется как эпоха второго южнославянского влияния, когда со славянского Юга из-за натиска турок на Балканы многие книжники переправились на Русь, где продолжили традицию церковнославянской письменности; третий период (XVI–XVII вв.) отличается тем, что, с одной стороны, русская (великорусская) книжность стала испытывать влияние юго-западной Руси и малорусской (украинской) и белорусской книжных традиций, с другой стороны, сама великорусская книжность оказывала теперь воздействие на южных славян (Острожская библия 1581 г. как образец и норма); в четвертый период (XVIII в.) наблюдается «вытеснение этого языка из ряда книжных жанров в связи с перестройкой всей жанровой системы русского языка и общим стремлением синтезировать церковнославянскую и русскую языковую стихии. Характерной чертой этого периода является создание упрощенного варианта русского церковнославянского языка, на котором писал ряд своих сочинений Феофан Прокопович»; в это же время был кодифицирован церковнославянский текст Библии — так наз. Елизаветинская библия 1751 г., принятая Русской православной церковью и используемая до наших дней; пятый период (XIX–XX вв.) «отличается полным отделением церковнославянского языка от светского и ограничением его функций как чисто церковного, сакрального языка»; до сих пор на нем продолжают создаваться и новые тексты в связи, например, с канонизацией святых и др. (Толстой, 2002: 82–83).

В отечественной палеославистике Никита Ильич первым комплексно подошел к сложнейшей проблеме взаимоотношения локальных типов древнеславянского литературного языка, бытовавшего на славянском Юге и Востоке. Им установлено, что с периода Реформации (XVI в.) и в XVII в., когда начинают формироваться литературные языки различных славянских народов, древнеславянский литературный язык, несмотря на ряд проведенных на Востоке опытов по расширению его функциональных границ в светской сфере и в светских жанрах литературы,

переживает кризис, хотя и продолжает употребляться в церковной и некоторых других сферах. Более того, «в разные периоды его [древнеславянского литературного языка] развития язык доминирующего центра становился наиболее авторитетным и почти обязательным во всем греко-славянском мире, т.е. во всех локальных ареалах. Так было в эпоху второго южнославянского влияния, так было при обратном воздействии на южных славян в XVII и XVIII вв. Таким образом, в конечном итоге не было локально замкнутого, независимого и параллельного развития древнеславянского языка в отдельных странах или локальных ареалах, а шел процесс развития, при котором соотношения между отдельными изводами устанавливались по принципу сообщающихся сосудов, с обнаружением стремления к общему уровню» (Толстой, 1963: 271). В период, предшествующий формированию национальных литературных языков в Сербии, Болгарии и России, древнеславянский литературный язык оставался в то же время источником и своеобразной моделью, на основе которой создавались «славяносербский», «славяноболгарский» и «славянорусский» литературно-письменные языки. В работе «Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII–XVIII вв.» (1962) Никита Ильич убедительно показывает это, опираясь на языковой материал XVIII в. и используя прекрасную возможность сопоставления параллельных текстов, т.е. текстов одних и тех же произведений, появившихся на этих «славяно-национальных» языках. «Единый текст, — пишет он в другой работе, — подобно единой матрице или температурной таблице больного, позволяет следить за историей развития («историей болезни») литературного языка, что особенно важно для исследования периода до окончательного установления национального литературного языка» (Толстой, 1990а: 480). Рассматривая локальные типы, Никита Ильич выявляет два основных способа нормализации древнеславянского литературного языка: более ранний — текстовый, называемый также «исправлением книжным» (восприятие лексической и грамматической нормы через текст и следование этому), и новый для православных славян — грамматический, который заключался в создании нормативных грамматик и следовании их предписаниям. Исследования такого плана убеждают нас в том, что Никитой Ильичом заложены основы будущего грандиозного по масштабам синтезированного труда, заключающегося в систематическом и планомерном исследовании судеб древнеславянского литературного языка от его возникновения и до времени растворения в соответствующих

славянских национальных литературных языках, т.е. от IX–X до XVII–XVIII вв. Отметим, что отечественная и международная палеославистика и наука о литературных языках, в частности, еще не знали работ такого масштаба.

Исследование указанной проблематики Никита Ильич успешно проводил также, основываясь на анализе «Старинных представлений о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI–XVII вв.)» (Толстой, 1976: 177–204) в сочинениях ряда восточно-, южно- и западнославянских книжников, специально обращая внимание на весьма показательный материал — форму и функционирование лингвонимов «словенский язык», «русский язык» и т.д. в различных славянских культурных центрах, что проливает свет на саму историю древнеславянского литературного языка, судьбу его локальных типов и их роль в истории формирования отдельных литературных языков славянских народов. Обращение именно к такому специфическому материалу не случайно — оно дань русской палеославиристической традиции, начатой в конце XIX в. В. Ягичем, его колоссальным по объему трудом — сборником текстов и комментариев к ним под общим названием «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке» (Исследования по русскому языку, СПб., 1895, т. 1).

Одним из фундаментальных достижений истории и общей теории литературного языка была разработка идеи конкуренции норм и литературно-языковых вариантов, выдвинутой и развитой Никитой Ильичом. Изучение внутренней и внешней языковой конкуренции позволяет раскрыть глубинный уровень литературно-языковых процессов в период становления единого общенационального литературного языка, как это было, например, у сербов в конце XVIII — начале XIX в., когда конкурировали три типа, или варианта, языка: архаичный славяносербский (представленный жанрами оды, лирики, драмы — у Павла Юлинца, Григория Тарлаича, А. Везилича и др.), новаторский «народно-сербский», или «простое сербское нар гие» (переводы и оригинальные драматические, исторические и прочие тексты Эммануила Янковича, Н. Лазаревича, Йована Мушкатиновича и др.) и церковнославянско-русский (церковно-поучительные и другие сочинения Йована Раича, К. Живковича и др.). Тщательное и всестороннее исследование вопросов позднего древнеславянского литературного языка вполне логично подводит Никиту Ильича к проблематике донациональной истории литературных языков восточно- и южнославянских народов. Особенно значителен

его вклад в изучение литературного языка и литературно-языковой ситуации у сербов в конце XVIII — начале XIX в. Выдающимся трудом в этом плане является имеющая монографический характер работа «Литературный язык у сербов в конце XVIII — начале XIX вв.» (1978—1979). Старую сербскую книжность Никита Ильич делит на 14 видов (resp. жанров) и создает общую схему в виде так называемой «лестницы жанров»: чем ниже по ступенькам, тем все более увеличивается доля и объем светских жанров. Вот эта «лестница»: конфессионально-литургическая литература, конфессионально-гимнографическая, агиографическая, панегирическая, конфессионально-учительная литература и патристика, конфессионально-юридическая, апокрифическая, историческая, повествовательная, паломническая, натуралистическая и философско-филологическая, светско-юридическая, деловая письменность и письменность бытовая. Никита Ильич устанавливает, что со всеми этими жанрами текстов связан определенный тип языка, степень строгости и устойчивости литературно-языковой нормы. В 1935 г. славист Б.О. Унбегаун предложил периодизацию истории литературного сербского языка XVIII в.; Никита Ильич, отталкиваясь от нее, строит собственную периодизацию, которая основывается на лингвистических и социолингвистических, исторических и историко-культурных критериях. Так, до 1740 г. у сербов бытовал древнеславянский литературный язык сербского извода (язык Ерофея Рачанинского, Гавриила С. Венцловича), с 1740 по 1760 г. — «славяносербский» и на русской основе, под которым понимается древнеславянский язык позднего русского типа, русский «высокий» литературный и историографический слог XVIII в. (Христофор Жефарович, Симеон Симонович, тексты делового, церковного и гражданского языка и т.д.), с 1760 по 1780 г. — укрепление позиций «славяносербского» языка (язык букварей, грамматических и прочих сочинений, язык переводов Павла Юлинца, произведений Захария Орфелина), с 1780 по 1800 г. — переходный период от «славяно-сербского» к литературному языку на народной основе, когда наблюдалась острая «конкуренция опытов нормирования и кодифицирования литературного языка» и литературно-языковое соотношение зависело прежде всего от жанра текста (язык учено-теологической и житийной литературы, административно-юридических, публицистических, естественно-научных и прочих текстов, язык Досифея Обрадовича, Иована Раича и др.); наконец, первая четверть XIX в. (до 1825 г.), для которой характерно преимущественное употребление языка, близкого к народному, либо «сред-

него» языка, также тяготеющего к живой речи (язык Видаковича, Иоакима Вуича, Лукиана Мушицкого, Гавриила Ковачевича, ранний период деятельности Вука С. Караджича). Логическим завершением этой сложной литературно-языковой истории явилась знаменитая реформа В.С. Караджича.

Полноту картины литературно-языковых процессов в южнославянском (сербскохорватском) ареале дают работы Никиты Ильича, специально посвященные западной части славянства — *Pax Slavia Latina*. В частности, ученый выявляет для древнехорватского литературного языка (XII—XIV вв.) наличие романо(латино)-славянского и в меньшей степени греко-славянского симбиоза, при котором славянский компонент был представлен в виде так называемого глаголизма, т.е. древнеславянского литературного языка, оформленного глаголицей и использовавшегося в богослужении главным образом в Далмации и на островах Адриатического моря; отмечает процесс «охорвачивания» древнеславянских текстов и начало конкуренции языковых норм в различных текстах этого времени. Период XVI—XVIII вв. для указанного (и несколько шире) региона отличается большой сложностью и противоречивостью. Главным признаком здесь является литературно-языковый регионализм. В работе «Становление хорватской литературы и литературный регионализм в XVI—XVIII вв.» (1987) Никита Ильич выделяет и детально описывает чакавскую неглаголическую литературу (и литературный язык), дубровницкую штокавскую, боснийскую штокавскую, славонскую штокавскую, кайкавскую, градишанскую чакавскую и носящие надрегиональный характер латинскую, глаголическую и протестантскую литературы, не оставляя в стороне и попытки чакавско-штокавского, чакавско-кайкавского и иного литературно-языкового симбиоза.

В связи с вопросами донациональной истории славянских литературных языков важно отметить также раннюю работу Никиты Ильича «Об образовании восточнославянских национальных литературных языков» (Толстой, 1959: 64—67), в которой, вслед за академиком В.В.Виноградовым, выделяется два литературно-языковых типа — книжно-славянский, в основе общий для восточных (и южных) славян, и народно-литературный. Отказываясь от прямолинейного понимания диалектной базы литературного языка (в частности, русского), Никита Ильич развивает идею о междиалектном койне как основе, на которой формируется национальный литературный язык. Следует отметить также его доклад на всесоюзной конференции по славянским литературным

языкам в донациональный период «Славянские региональные литературные языки и их функции в современный и донациональный период» (1969), в котором даются параметры, характеризующие современные региональные литературные языки, или литературные микроязыки, а ситуация с донациональными региональными вариантами литературного языка определена как период энергичной конкуренции за право стать основой общенационального литературного языка. Специально рождению нового литературного языка в 80–90-е годы XX в. — западнополесского, или русинско-полесского, посвящена отдельная работа Никиты Ильича (Толстой, 1990б: 265–272), в которой впервые дается характеристика этого литературно-языкового эксперимента, предпринятого усилиями Миколы Шеляговича и его единомышленников в Белоруссии на базе переходных белорусско-украинских говоров. До того появление малых литературных языков было характерно для мира *Slavia Latina*. Никита Ильич не исключал возможности того, что западнополесский литературный микроязык — «начало такого процесса у восточных славян». Ситуация 90-х годов показала, что его прогноз был верен: стали появляться (либо возрождаться) эксперименты по созданию региональных литературных языков в Закарпатской Украине, в Восточной Словакии, в Польше и Венгрии (ныне развивающиеся на разных говорных основах варианты *lingua ruthenica*).

Никите Ильичу Толстому принадлежит ряд интересных работ по истории других славянских литературных языков — кроме сербскохорватского, также словенского, болгарского (Толстой, 1981: 122–134). Опираясь на типологические признаки-критерии, выдвинутые еще в 1965 г. в работе «О последней попытке применения 'общеславянской азбуки' к словенскому литературному языку», Никита Ильич детально просматривает историческое развитие указанных трех языков в их отношении к традиции (например, к церковнославянскому языку), к диалектной базе (осуществляется ли опора на одну или же несколько диалектных зон), к областным литературным языкам, или микроязыкам (т.е. наблюдается ли сосуществование с ними или же неприятие подобных феноменов), к разным культурно-языковым центрам, к городскому койне (наличие его или отсутствие, роль устно-поэтического койне и т.п.). Его «деминутивно» названная работа «Страничка из истории македонского литературного языка» (1965) была оценена как «значительное достижение советской македонистики» (см.: Литературен збор, Скопје, 1965, № 6, с. 24). Никита Ильич впервые публикует и детально анализи-

рует переводы «Любушиного суда» из «Крале-дворской рукописи», сделанные на македонский язык в XIX в. К. Дмитриевым-Петковичем и Р.К. Жинзифовым и представляющие собой «один из ранних опытов создания македонского литературно-поэтического языка» на основе центральных македонских говоров.

Историко-типологическая социолингвистика, планомерно разрабатывавшаяся Никитой Ильичом Толстым на материале всей Славии и с привлечением широкого европейского контекста, сделалась одним из приоритетных направлений в отечественной науке о языке и в славистике, в частности. Стало возможным систематически изучать языковые ситуации в различные периоды в разных регионах Славии. Показательным в этом плане является исследование Никитой Ильичом специфики составляющих языковой ситуации в западных частях восточного (Украина, Белоруссия), части западного (Польша, Чехия) и части южного (Босния) славянства в XVII в. Для всех славянских народов, проживавших в выше упомянутых частях Славии, «XVII век был веком поиска и опытов создания новых форм литературного языка, новых форм и жанров, новых возможностей развития языка и литературы». Продуктивным оказался и подход Никиты Ильича к изучению стилистического развития литературного языка. Так, он установил, что для русского литературного языка стилистическая характеристика лексики связана прежде всего с хронологическим аспектом, т.е. архаичность/неархаичность, а для сербскохорватского — с локальным.

Крупнейшим достижением считается разработанная Никитой Ильичом типологическая классификация славянских литературных языков, которая отталкивается от классификации хорватского языковеда Д. Брозовича (Брозович, 1967: 3–33), однако значительно от нее отличается. Это итог большой и длительной работы с материалом многовековой истории всех славянских литературных языков. 19 признаков распределены в четыре группы: первая включает синхронные признаки — наличие/отсутствие диалектной базы и ее близость/отдаленность от литературного языка, от фольклорного койне, наличие/отсутствие разговорно-обиходной разновидности, территориальных вариантов, просторечия, малых литературных языков (микроязыков) и стабильность/нестабильность нормы; вторая состоит из диахронических признаков — сохранение традиции/разрыв с нею, прерывность/непрерывность развития, неизменность диалектной базы/смена ее, давнее/недавнее возникновение традиции литературного языка; тре-

тью составляют признаки историко-культурного плана — гомогенное/гетерогенное двуязычие (и многоязычие) или диглоссия, функционально-парадигматическая связь с древнеславянским литературным языком/отсутствие таковой, наличие/отсутствие культурно-языкового центра; в четвертой группе — признаки этнокультурно-филологического типа — обусловленность языковой ситуации и системы литературных жанров, структуры фольклорного койне и самого фольклора, соотношенность литературно-языковой ситуации с народной культурой и со структурой социума и этноса. Опираясь на эту систему признаков, можно результативнее изучать как славянский, так и неславянский литературно-языковый мир. Одним из выходов «толстовской» историко-типологической социолингвистики является создание новой дисциплины — «истории славянских литературных языков», в которой, по мнению Никиты Ильича, следует собственно историю литературного языка отличать от истории языковой ситуации, непременно рассматривать литературно-языковые концепции (концепции литературного языка в тот или иной период) и акцентировать внимание на историко-культурном аспекте, помогающем наиболее полно определять и прогнозировать пути развития литературного языка. Весь комплекс проблем, связанных с историко-типологической социолингвистикой Толстого, представлен в его фундаментальной монографии «История и структура славянских литературных языков» (1988).

В славянском языкознании давно стали общепризнанными достижения Никиты Ильича в изучении диалектной лексики и семантики. Как мы уже отмечали, за поездками в конце 40-х — начале 50-х годов в болгарские села Бессарабии последовали экспедиции по изучению юго-восточных говоров Болгарии и говоров беженцев из Эгейской Македонии в Ташкенте; с 1962 г. и до Чернобыльской катастрофы 1986 г. объектом полевых разысканий Никиты Ильича явился один из наиболее архаичных в языковом и этнокультурном плане регионов современной Славии — белорусско-украинское Полесье. В «толстовских» полесских экспедициях принимали участие большое число специалистов и студентов из разных славистических центров Белоруссии, Украины, России и др. Создана целая научная школа, основное внимание которой направлено на этнолингвистическое изучение Полесья, а через него — и всей Славии. В разработке программ и методик исследования, в руководстве экспедициями неизменным соратником Никиты Ильича всегда была его супруга Светлана Михайловна Толстая.

Не будет преувеличением сказать, что к началу 60-х годов диалектная семасиология оставалась наиболее слабым звеном диалектологии. Блестящая лингвистическая эрудиция и большой опыт работы с полевым материалом помогли Никите Ильичу Толстому сдвинуть ее с мертвой точки. Никита Ильич создает целостную теорию семантического микрополя, а на VI Международном съезде славистов в Праге очерчивает круг основных проблем такой языковедческой дисциплины, как сравнительная славянская семасиология. Еще до поездки в Полесье Никита Ильич обосновывает принципы выявления и моделирования лексической системы и ее проецирование (вместе с семантическими дифференциальными признаками) на карту. В его ставшей классической работе «Из опытов типологического исследования славянского словарного состава» (1963–1966) подчеркивается первостепенная значимость архаичного диалектного континуума при реконструкции лексики и семантической структуры праязыка и разрабатывается методика такой реконструкции с учетом и опорой на словообразовательные связи. Дальнейшее всестороннее развитие эти идеи получили в монографии «Славянская географическая терминология: семасиологические этюды» (1969) и в его докторской диссертации «Опыт семантического анализа славянской географической терминологии» (1972), объем которой превышает 900 машинописных страниц. Слово понимается автором как единство лексемы и семемы. Раскрытие механизма изменения значения во времени и пространстве проводится в рамках семантического микрополя, объем и границы которого определяются на основе амплитуды колебания опорной лексемы, т.е. на основе набора разных семем, связанных с одной и той же лексемой. Весьма существенным оказывается понимание семемы как иерархии сем, которые могут выступать в качестве основных или сопутствующих или меняться местами в хронологической перспективе, что влечет за собой такие внутренние явления, как десемантизация, семантизация и трансемантизация. Так, Никита Ильич устанавливает, что, например, слово **gaj* развило во всех славянских языках 41 значение. «Если взять за исходное наиболее распространенное в славянском мире значение **gaj* 'лиственная роща', — пишет он в докторской диссертации, — то становится ясным, что значение 'лиственный лес' возникло в результате десемантизации признака 'отдельности', значение 'небольшой лес среди поля, отдельный лес' в результате того же отпадения признака 'лиственность', значение 'лес' в результате исчезновения двух признаков 'отдельность' и 'лиственность', значение 'отдельное дерево' — при отпа-

дении признака 'множество', значение 'густой, большой лес' в итоге семантизации, появления признака 'величины' и 'густоты' и т.д. и т.п.». Чем больше значений-рефлексов известно в славянском мире, полагает Никита Ильич, тем с большей достоверностью и подробностью можно восстановить процесс семантической эволюции от его начала до конечного состояния, тем более убедительна реконструкция слова-этимона. Тщательный анализ славянской географической лексики позволил Никите Ильичу высказать мысль о том, что этот пласт слов близок к праславянскому не только по составу и по форме, но и по семантике. Географическая лексика — это своеобразный «язык Земли», который дает больше преимуществ, чем какой-либо другой материал, в деле поиска древнейших (изначальных) мест обитания славян (и не только их). Лингвистические исследования Никиты Ильича в этом отношении подкрепляют позиции тех славистов (археологов, этнографов, историков, лингвистов), которые рассматривают Припятское Полесье как исходную зону распространения славянских племен на дальнейшие территории. Одновременно лингвогеографический анализ местной лексики позволил Никите Ильичу высказать ряд свежих идей относительно проблемы классификации славянских диалектов. Никита Ильич считал целесообразным выявление на современной славянской территории прежде всего «архаических» и «неархаических» зон, установление лексических и прочих изоглосс, рисующих весьма сложную, а зачастую и нечеткую и даже противоречивую картину диалектного членения первоначальной Славии, что подтверждается и этимологическими исследованиями акад. О.Н. Трубачева 70-х — начала 80-х годов.

Изолексам Никита Ильич посвятил серию этюдов под общим названием «О [...] изолексах» — болгаро-македонско-русских (1975), южнославянско-русских (1976), болгаро-русских (1977, 1995), македонско-русских (опубл. в 1998 г.), а также о белорусско-украинских, белорусско-русских, балто-(восточно)славянских и др. При вычленении границ славянских диалектов непременным условием считается не сравнение отдельных фактов отдельных языков, а сопоставление материала целых (диалектных, локальных) зон, что значительно приблизит нас к разгадке процессов праславянской диалектной дифференциации и поможет определить характер и движение позднейших славянских миграционных волн.

В 80-е годы Никита Ильич разрабатывает принципы «семантического регистра» по отношению к ономастической лексике. Понятие «се-

мантического регистра» призвано разграничить синхронный и диахронный подходы в семантике, в частности, при решении вопроса о семантических переносах и напластованиях в словах, объединенных общностью какого-либо признака. Так, базовый регистр названий деревьев в славянских языках насчитывает несколько десятков единиц. На его основе формируется ботанический регистр, т.е. «древесные» названия трав (больше всего названий от *береза*, меньше — от *сосна* и т.д.), а также грибов (*березник*, *подберезовик* и т.д.); далее следуют: гидронимический (181 название от *береза*, 165 — от *ольха* и т.д.), топонимический (в южнорусской зоне, например, 220 названий мест, связанных с *дуб*, 159 — с *береза* и др.) и, наконец, зоонимический (преимущественно клички коров) регистры. Подход с позиций «семантического регистра» позволяет результативнее устанавливать принципы номинации в ономастике, видеть связи мотивирующих признаков с неонимической лексикой и т.д. Самое важное при таком подходе — не сумма фактов, а их соотношение в разных планах.

Никита Ильич Толстой в совершенстве владел правилами весьма редкого в наше время жанра — лингвистического микроочерка, или этюда. Объектом микроочерка обычно является одно или несколько слов, связанных или же противопоставленных семантически и этимологически и рассматриваемых в лингвогеографическом аспекте. Первая серия таких микроочерков появилась еще в 60-е годы (с 1962 г.) под названием «Из географии славянских слов» и посвящена словам: *дождь*, *саламандра*, *хорохориться*, *класть*, *правый — левый*, *сажа — чад*, *пот — зной* и др. Десять лет спустя появилась еще одна серия этюдов «Из блокнота диалектолога» — о редких фонетико-грамматических и лексико-семантических явлениях в болгарских диалектах.

Никита Ильич Толстой умеет высказать и обосновать принципиально новый взгляд на, казалось бы, отстоявшееся явление или мнение. В этом отношении показательны его работы об артикле-члене в славянских языках и диалектах, где на основе типологического подхода предлагается схема-шкала, отражающая основные функции определенного артикля, а также выявляется воздействие сформировавшейся в некоторых языках и диалектах артиклевой системы на систему указательных местоимений, с которой она генетически связана; об обнаруженной им непоследовательности первой палатализации заднеязычных согласных в славянских языках в виде хорв.-серб. *кек* 'нечто острое, колющее', зап.-великорус. *кек* 'шлеп, трах' и отсюда — *кекнуться*' удариться, упасть' (в

том числе и во владимирских говорах) и т.д., в виде праслав. **geg-*, **ger-*, **kev-*; о ненегативной функции «не» в русском языке (так называемое ироническое, табуистическое и усилительное «не») и др. В докладе «О реконструкции праславянской фразеологии» на VII Международном съезде славистов в Варшаве (1973) Никита Ильич блестяще показал отличия в условиях реконструкции лексемы и фразеологизма, выявил основные критерии возведения фразеологизма к праславянскому времени и тем самым стимулировал внимание фразеологов к вопросам реконструкции праязыкового состояния устойчивых словесных комплексов. Вот как, например, Никита Ильич формулирует отличие условий реконструкции слова и фразеологизма в плане архаичности их семантики: «Если для достоверности семантической реконструкции слова существенно, чтобы в славянских (и индоевропейских) языках слово было зафиксировано в одинаковом и близком значении, что дает возможность избежать грубой приблизительности (инвентаризации) смысла, то во фразеологизме абсолютная незыблемость семантики и отсутствие семантических инноваций говорит скорее в пользу его новизны, недавнего возникновения, опять-таки, возможно, путем заимствования и калькирования, чем в пользу его древности и праславянской принадлежности» (Толстой, 1973: 277). Позже Никита Ильич предпримет весьма успешную попытку рассмотрения фразеологизмов для целей этнографии, так как в них сохраняются «отпечатки и осколки старого быта, обрядов и верований», и выскажет мысль о необходимости создания фразеологического словаря вербальных клише или «народной полуфразеологии» (благопожелания, проклятия, запреты и т.д.) (Толстой, 1988: 15–25).

Если в 60-е годы усилия Никиты Ильича Толстого, его сотрудников и учеников сводились, в связи с полесскими экспедициями, к созданию в конечном счете Атласа говоров Полесья и большого областного полесского словаря, то в 70-е годы круг задач значительно расширяется за счет специального внимания не только к лингвистическому аспекту полевого материала, но и к его этнографическим и фольклорным характеристикам. Никита Ильич (на этом этапе в тесном сотрудничестве с С.М.Толстой) подходит вплотную к необходимости создания новой междисциплинарной науки — славянской этнолингвистики. Достижения в этой области по достоинству оценены специалистами: «Метод этнолингвистики [Толстого] в основе своей столь же убедителен и продуктивен, как достижения школы *Wörter und Sachen*, но в данном случае изучение слова поставлено в связь не с вещами, а с более сложными и дели-

катными феноменами — мифом, обрядом, ритуалом. Объем полевых работ, сложность обработки материала, а вместе с тем увлекательность получаемых таким путем результатов привели к необходимости открытия в Институте славяноведения [РАН] отдела этнолингвистики и фольклора. Сегодня это направление имеет наибольшее число приверженцев среди русских диалектологов. При неполной сохранности русских диалектов из-за их взаимодействия с литературным языком лишь историческая реконструкция позволяет давать правильную оценку наблюдаемым явлениям, но такая реконструкция является душой этнолингвистики» (Алексеев, 1997—1999: 228).

В XIX в. диалектология зарождалась и развивалась в недрах этнографии; на рубеже двух веков наблюдается ее обособление; в настоящее время «она начала вновь испытывать острую нужду в союзе или даже в единении с этнографией», поскольку не всегда исследователь в состоянии установить, результатом внутри-, внешне- или внелингвистических факторов является то или иное изменение в языке (Толстой, 1974: 16—33). Первым в послевоенной славистике острую нужду такого союза ощутил Никита Ильич Толстой. Комплексный подход сразу же обнаружил свои преимущества, позволив успешно проводить реконструкцию элементов духовной культуры славян в древности. Особенно плодотворно это было проверено на обрядовом и мифологическом материале. При рассмотрении славянских обрядов лингвистический аспект сводится к изучению обрядовой лексики, которая носит обычно номинационный и метафорический характер; этнографический аспект подразумевает выделение «инвентаря» обрядовых актов, их сравнительно-типологический анализ, после чего следует картографирование актов обряда, их лексических обозначений, предметов и т.д. Все это весьма существенно и направлено на перспективу решения извечной славистической проблемы этногенеза славян в целом и отдельных славянских этнических групп в частности. В докладе на VIII Международном съезде славистов в Загребе Никита Ильич и Светлана Михайловна Толстые детализируют, углубляют и раздвигают горизонты комплексного подхода к реконструкции древней славянской культуры, подчеркивая первостепенную важность для этих целей диалектного материала; обряд рассматривается как текст с определенной синтагматической последовательностью и комбинацией символов, в котором следует выявить формальные и структурно значимые элементы далекого прошлого; существенным при этом оказывается использование методов внешней реконструкции; ареальный же аспект

имеет в большинстве своем определяющее и диагностирующее значение. Совместно с С.М.Толстой Никита Ильич разрабатывает методiku применения лингвистических понятий в описании духовной культуры славянства. Впоследствии Никита Ильич приходит к идее «грамматики» славянских обрядов. Обряд включает в себя три кода — реальный (предметный), акциональный (действенный) и вербальный (словесный); проводится выявление и синхронно-типологическое классифицирование вариантов обряда в связи с их географическим распространением, устанавливается обрядовая парадигматика (список и иерархия символов) и синтагматика (правила сочетания символов). Генетическое родство, определяемое на основе учета сходства элементов обряда, позволяет реконструировать древнейший вид обряда, т.е. его истоки. Этот подход иллюстрируется обрядом битья веткой, сопровождаемого междометными выкриками (вербальные символы обряда), предметным синонимом (ветка вербы, березы и т.д.) и самим действием (акциональный код).

Лингвистический подход к явлениям неязыкового порядка оказывается настолько продуктивным, что Никита Ильич Толстой идет дальше — он проецирует понятия, термины и методы, апробированные в языкознании, на культуру в целом и обнаруживает изоморфизм структур языка и культуры в функциональном и внутрииерархическом (системно-стратиграфическом) плане. Так, оказывается, что культура образованных слоев («книжная», элитарная) соответствует литературному языку, промежуточная, так называемая «третья культура», (городская) соответствует просторечию, народная — наречиям и говорам и традиционно-профессиональная — аргю. В качестве различительных признаков этих коррелирующих явлений выступают, по мнению Никиты Ильича, нормированность/ненормированность, наддиалектность/диалектность, открытость/закрытость (сферы, системы), стабильность/нестабильность. В культуре, как и в языке, обнаруживаются факты стиля, жанра, синонимии, омонимии, полисемии. Носители могут принадлежать к двум и более культурам одновременно, что соответствует в языковой сфере двуязычию и многоязычию. Перспективно также изучение культур, выходящих за рамки одного этносоциума, например, культурного союза, соответствующего языковому союзу, и т.д. В соответствии с этим Никита Ильич предлагал новый взгляд на диалект, который следует рассматривать не только как лингвистическую территориальную единицу, но одновременно и как этнографическую, и культурологическую, а выделение его должно происходить с учетом не только выявленных изоглосс, но и

изопрагм (единицы и признаки материальной культуры) и изодокс (единицы и признаки духовной культуры). Никита Ильич выдвигает в этой связи задачу построения новой комплексной дисциплины — культурологической географии (или культурно-языковой диалектологии), призванной рассматривать в ареальном аспекте распространение признаков культуры в связи с языком: «Подобно тому, как славянская диалектология в современных условиях не может обойтись без лингвистической географии, этнолингвистика, фольклористика и этнография нуждаются в активном развитии такой автономной дисциплины, как культурологическая география» (Толстой, 1990: 7).

Аналогичные принципы используются в связи с изучением вопросов славянской мифологии, которая, по убеждению Никиты Ильича, должна вновь стать самостоятельной дисциплиной, при этом диалектный мифологический материал — ценнейший, а зачастую и единственный источник при реконструкции древнейших славянских мифологических представлений. Интереснейшей в этом плане является серия «Заметки по славянской демонологии», публиковавшаяся Никитой Ильичом с 1974 г.; «Откуда дьяволы разные?» (1974), «Откуда название *шуликун*?» и другие очерки, переведенные на различные европейские языки. В последние годы Никита Ильич настойчиво развивал мысль о создании диалектологии славянской мифологии. Опираясь на союз диалектологии и этнографии, Никита Ильич разработал методы выявления изоморфности изоглосс, изопрагм и изодокс, порой тянувшихся от Полесья до южнославянского и других ареалов. Вообще Полесье рассматривалось Никитой Ильичом как аналог праславянского состояния, как «почти идеальная» территория, «заповедник языковой и духовной культуры».

Первым этапом этнолингвистического изучения Полесья является создание Атласа духовной культуры этого края. С 80-х годов атлас называется этнолингвистическим. В 1983 г. под редакцией Никиты Ильича вышел «Полесский этнолингвистический сборник», в котором помещены программа атласа, анкета-вопросник для атласа и, наконец, материалы с подробным этнолингвистическим описанием свадьбы, родин, похорон, святок и т.д. В 1986 г. выходит сборник «Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне», где Никите Ильичу принадлежит статья «Троицкая зелень», а также «Невестка стала в поле тополем» и «Из наблюдений над полесскими заговорами». Незадолго до кончины Никита Ильич написал работу «Этнокультурное и лингвистическое изучение Полесья (1984–1994)» (Толстой,

1995: 5–18), в которой высказался по поводу судьбы региона-объекта, разрушенного катастрофой Чернобыльской атомной станции в 1986 г.

С 1981 г. Никита Ильич Толстой и руководимая им группа славистов начали работу над грандиозным научным предприятием — составлением этнолингвистического словаря славянских древностей, материалом для которого служат Полесье и другие архаичные зоны современной Славии. Это, безусловно, подтверждает сказанные Никитой Ильичом однажды слова о том, что этнолингвистика, «оказавшись вновь на передовых позициях науки о языке, переживает свое второе рождение». Проект подобного рода словаря был выдвинут еще в 1929 г. на I Международном съезде славистов. «Толстовский» словарь основывается на изучении славянских языков и культурных древностей и подчинен задаче реконструкции древнеславянской духовной культуры и в конечном счете — этногенеза и этнокультурной истории славянства. Это толково-функциональный словарь, исходящий не из языка (терминов), а из реалий, т.е. идущий от предмета, формы к смыслу, функции. Всесторонне учитываются в нем ареальные характеристики. В качестве одного из важнейших взят парадигматический подход. Отталкиваясь от идеи В.Я. Проппа о морфологии фольклорных сюжетов, Никита Ильич и Светлана Михайловна Толстые обращаются к парадигматике культуры, т.е. к инвентарю основных единиц, их классификации и системной характеристике. При этом культура рассматривается как иерархически организованная система разных кодов, т.е. вторичных знаковых систем, использующих разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к мировоззрению данного социума (для древних славян — к язычеству). Эти разные коды (например, космогонический, растительный, энтомологический, ономастический и т.д.) оказалось возможным соотносить друг с другом по способу перевода с языка на язык через общий для них содержательный план, служащий как бы языком-посредником. Словарь состоит из субстантивов (орудия труда, посуда и утварь, одежда, пища, предметы — атрибуты человека и животных в виде шерсти, волос, ногтей, рогов и т.д.), таких объектов, как растения, животные, лица (персонажи, имена), время и календарь, локативы (пространство — правое и левое, верх и низ и т.д., географические объекты, ритуально значимые и мифические места и т.п.), атрибутивы (качества, признаки — свойства и способности человека и животных и т.д.), действия (обряды, ритуалы, игры, обычаи — свадьба, похороны, жертва, танец, кумовство и т.д.). В 1984 г. выпу-

шен «Этнолингвистический словарь славянских древностей: Проект словника. Предварительные материалы», который дает представление о масштабе ведущейся работы, результировавшейся в 1995 г. изданием первого тома этого грандиозного труда под названием «Славянские древности. Этнолингвистический словарь», после чего в 1999 г. последовал второй том. Только для первого тома словаря Никита Ильич написал (один или, реже, в соавторстве) около 60 статей. Всего эта энциклопедия духовной жизни славян будет содержать пять томов.

Еще в 70-е годы Никита Ильич и Светлана Михайловна Толстые начали печатать серию «Заметки по славянскому язычеству», состоящую из очерков «Вызывание дождя у колодца», «Первый гром в Полесье», «Защита от града в Полесье» и «Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах» и др. С 1987 г. Никита Ильич начал также новую серию очерков «Из славянских этнокультурных древностей». В 1995 г. вышла монография Никиты Ильича «Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике». «Никита Ильич, — пишет современный исследователь, — соблюдал и развивал обязательные для него методологические принципы. На первом месте стояло привлечение возможно более широкого, по возможности исчерпывающего фонда соответствующих фактов, сведений, свидетельств. Эта работа предполагала громадную осведомленность в славянской этнографической, лингвистической и иной литературе и требовала специальных поисков, тем более нелегких, что для Никиты Ильича не существовало каких-либо жанровых ограничений и он черпал материал из самых разных областей фольклора, языка, быта. Другой важный принцип — это обязательный учет географического распределения фактов, ареальная (диалектная) классификация материала и выводы, относящиеся к межареальным взаимоотношениям и к истории представлений, мотивов, образов» (Путилов, 1997: 3).

Широко известны исследования Никиты Ильича Толстого по истории славяноведения. Он одним из первых раскрыл и доказал приоритет русской славистики в области словенской диалектологии в XIX в., блестяще показав это на примере словенистических разысканий И.А.Бодуэна де Куртенэ, а позднее — и И.И. Срезневского. Никита Ильич обратил внимание на ранний опыт (к сожалению, забытый) создания карты праславянских диалектов, предпринятый в 1913 г. сербом Д.П. Джуровичем. Работа по составлению и редактированию собрания трудов академика В.В.Виноградова подвела его к изучению взглядов вы-

дающегося русиста на узловые проблемы истории русского литературного языка. В работе «Мысли Н.С. Трубецкого о русском и других славянских литературных языках» (1981) Никита Ильич высоко оценил заслуги русского ученого, еще в 20-е годы применившего типологический подход к изучению литературных языков. Никита Ильич по достоинству оценивал достижения своих предшественников: Д.К. Зеленина (1878–1954) — как основоположника русской историко-социальной диалектологии, которому принадлежит также заслуга в членении великорусских диалектов на северные и южные и идея создания регионального словаря старорусской лексики, А.А.Потебни и польского слависта К.Мошинского — как ранних теоретиков этнолингвистического подхода к изучению славянской диалектологии и духовной культуры. Свойственный Никите Ильичу энциклопедизм познаний и всеохватывающая осведомленность практически обо всех трудах в области лингвистики, этнографии, славистики легко ощутимы не только в ткани его теоретических работ, но и в широте его историографических обзоров и в ряде общих очерков по истории славяноведения.

Никита Ильич Толстой плодотворно занимался и другими областями славистики, и языкознания в частности. Им создан ряд ценных работ по ономастике, по поэтике фольклора, по текстологии, по славянской лексикографии. Здесь уместно отметить его большую работу, принятую со Словенской академией наук и искусств в Любляне по подготовке к изданию рукописного «Резьянского словаря» И.А.Бодуэна де Куртенэ; на определенном этапе она была продолжена совместно с М.Матичетовым и А.Д.Дуличенко. Рукопись этого словаря Никита Ильич обнаружил в Архиве АН СССР (ныне РАН) еще в конце 50-х годов. Это резьянско-словенско-русско-итальянский словарь — первый диалектный славянский словарь, в котором лексика представлена тончайшей «бодуэновской» транскрипцией. За год до кончины Никиты Ильича словарь был полностью подготовлен к печати, однако и к началу XXI в. он все еще не вышел. Под редакцией Никиты Ильича и при его сотрудничестве в 1963 г. был издан первый в славистике «Македонско-русский словарь». Диапазон научных интересов Никиты Ильича чрезвычайно широк, как и необычайно широка география его многочисленных публикаций, появлявшихся на всех славянских языках во всех уголках современной Славии: Москва — Санкт-Петербург — София — Черновцы — Киев — Белград — Ниш — Минск — Гомель — Варшава — Люблин — Днепропетровск — Любляна — Ужгород — Загреб — Сараево...

Никита Ильич Толстой никогда не порывал связей с молодым поколением, воспитывая студентов и аспирантов в духе преданности однажды избранному делу. Он постоянно работал с молодежью, читая различные курсы в учебных заведениях Москвы и других городов и ратая за возобновление в университетах страны изучения зарубежных славянских языков и курса введения в славянскую филологию. В широком смысле Никита Ильич создал собственную научную школу, которую можно было бы называть просто школой Толстого. Сколько учеников и последователей в этой школе, никто, наверное, точно и не знает. Ибо Никита Ильич дал дорогу в большую науку огромному числу молодых людей — и не только в столице. У него на редкость было много учеников в провинции. В этой связи имело бы смысл сказать несколько слов о своей причастности к школе Толстого.

... Нас связывала дружба ровно 30 лет. В 60-е годы, будучи студентом далекого от Москвы университета в Ашхабаде (Туркмения), я написал ему письмо, не надеясь получить ответ. Но ответ пришел, притом обстоятельный и располагающий к контакту. Меня в ту пору интересовал язык небольшой этнической группы в Югославии — русин, которых насчитывалось около 30 тыс. человек (сейчас — меньше) и о которых я совершенно случайно узнал из переписки с одним из представителей этой группы. В научной литературе о югославских русинах не было практически никаких сведений. Лишь Никита Ильич из славистов знал об этом феномене. Я сел в самолет и, прилетев в Москву, позвонил Никите Ильичу. На удивление он тут же пригласил меня к себе, познакомил со своим отцом Ильей Ильичом и супругой Светланой Михайловной, и мы долго говорили об интересующих нас проблемах. Эта встреча решила для меня все. Завязалась переписка. Работая в селе Гара Векил (юго-восточная окраина пустыни Кара Кумы) учителем русского языка в туркменской школе, я под руководством Никиты Ильича написал и защитил в 1974 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР кандидатскую диссертацию о языке русин Югославии. Затем он был моим научным консультантом по докторской диссертации, посвященной по сути неисследованным малым славянским языкам (микроязыкам), которых оказалось 12, т.е. столько же, сколько и крупных славянских языков, и защищенной в 1981 г. в Институте языкознания АН Белоруссии. Никита Ильич никогда не навязывал своего мнения, он был очень осторожен и более всего радовался, когда его ученик шел самостоятельно. Он был непомерно занят, но в каждый мой приезд в Москву (до 1976 г.

из Гара Векила, а после того — из Тарту) он находил возможность принять меня в своей квартире на Большой Ордынке, полностью заставленной книгами. Постоянная занятость различными делами в Академии наук и в Московском университете, поездки на научные конференции, работа над множеством статей и книг не давали ему возможности завершить подготовку «Резьянского словаря» И.А.Бодуэна де Куртенэ к изданию. На каком-то этапе работы он, зная о моем интересе к словенскому языку, обратился ко мне с предложением довести редактирование словаря до конца. Четыре года я обрабатывал словарь в Тарту, и затем 1300 рукописных страниц его были переправлены в Словению, в Люблян. Последовали еще две моих поездки туда, чтобы вместе с известным словенским этнографом и фольклористом М.Матичетовым доработать словарь и сдать его в издательство Словенской Академии наук и искусств. В 1995 г., возвращаясь из Любляны через Москву, я встретился с Никитой Ильичом и сообщил ему, что словарь готов к печати. Никита Ильич был искренне рад, заметив, что, кажется, есть надежда увидеть словарь изданным еще при его жизни. Однако остался горький осадок от того, что Никита Ильич, придававший особое значение этому труду, так и не увидел его изданным...

Кончина Никиты Ильича была полной неожиданностью для меня. В конце июня я находился в С.-Петербурге. Меня нашли в отделе рукописей Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека) и там сообщили эту трагическую весть. Наверное, был промысел Божий, что я оказался в то время в России и смог тут же выехать в Москву (из Тарту без визы это было бы невозможно). Первое июля. Отпевание в церкви Всех скорбящих радости на Большой Ордынке, масса народу, в том числе и из-за рубежа, соборования супруге Светлане Михайловне и детям — Марфе и Фекле. Гроб с телом погружают в специальную машину, и мы на четырех автобусах едем в Тульскую область. Похоронен Никита Ильич в деревне Кочаки недалеко от Ясной Поляны в семейном некрополе Толстых. Перед похоронами отпевание в Никольской церкви, прощание. Покоится Никита Ильич рядом с матерью Ольгой Михайловной, умершей в 1987 г., и у ног отца своего, ушедшего в 1970 г. Когда стихли траурные звуки и все ушли, вместе с одним из любимых учеников Никиты Ильича белорусом Федором Климчуком я вернулся к свеженасыпанной могиле и взял с нее горсть земли... Затем Ясная Поляна, поминальный стол в одной из бывших хозяйственных построек усадьбы Толстых, речи... Через день, уже в

Москве, на квартире приятеля, мы (Ф.Климчук, мой сын Митя, тогда студент Московского университета, знавший лично Никиту Ильича, и я) помянули Никиту Ильича еще раз. Никто из нас так и не смог поверить в случившееся. По крайней мере нам казалось, что он не умер — он просто ушел... Никита Ильич был глубоко верующим человеком. Он был русским человеком. В одном из писем от 2 апреля 1992 г. ко мне он написал: «<...> все детство мое, отрочество и юность прошло в атмосфере ежедневной и почти ежечасной боли за Россию, о России, обо всем русском, обо всем том, что было попорно и разбито». Но также глубоко переживал он и за судьбу всех славян. Славист, объяввший огромный славянский мир, останется в памяти не только русских людей, но и всех остальных славянских народов.

Научный авторитет Никиты Ильича Толстого в славистических и языковедческих кругах общепризнан, его работы известны не только в стране, но и за рубежом и переведены на многие европейские языки. Он ежегодно участвовал в международных конференциях, посвященных памяти основоположника сербского литературного языка Вука Караджича, в международных конференциях в связи с 1000-летием Крещения Руси в Италии, Греции (1988) и др. Лекции, которые он читал практически во всех славянских странах, а также в Германии, Италии, Греции, США, Израиле, Индии, Южной Корее и других странах, вызывали неизменный интерес не только специалистов, но и широкого круга студенчества и общественности.

Никита Ильич Толстой соединял в себе редкие среди славистов качества — филолога-древника и лингвиста-этнолога. Этнолингвистическая школа, созданная им, привлекает к себе внимание научной общественности в стране и далеко за ее пределами. Из этой школы вышли специалисты, чьи труды получили уже широкое признание в науке и обществе. На протяжении всей своей научной деятельности ученый-патриот стремился раскрыть для современного человека культурные богатства наших далеких предков, выявить истоки и установить пути развития славянских языков и славянской культуры, которая никогда не умирала, потому что она — вечна.

Литература

Алексеев А. Никита Ильич Толстой: (15 апреля 1923 – 27 июня 1996) // Slovo. Zagreb, 1997-1999. – Sv. 47–49. – S. 285–290.

- Брозович Д.* Славянские стандартные языки и сравнительный метод // *Вопр. языкознания.* – М., 1967 – № 1. – С. 3–33.
- Мокиенко В. М.* Славистическое наследие Н.И.Толстого // *Wissenschaftliche Beiträge der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald.* – Greifswald, 1998. – С. 66–87.
- Путилов Б.И.* Никита Ильич Толстой // *Живая старина.* – М., 1997. – № 2 (14). – С. 2–6.
- Толстой Н.И.* Краткие и полные прилагательные в старославянском языке // *Краткие сообщ. Ин-та славяноведения.* – М., 1956. – Вып. 18. – С. 37–45.
- Толстой Н.И.* Об образовании восточно-славянских национальных литературных языков // *Вопр. языкознания,* – М., 1959. – № 6. – С. 64–67.
- Толстой Н.И.* Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII–XVIII вв. // *Вопросы образования восточно-славянских национальных языков.* – М., 1962. – С. 5–21.
- Толстой Н.И.* Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI–XVII вв.) // *Славянское языкознание: 5-й Международный съезд славистов: Докл. сов. делегации.* – М., 1963. – С. 230–272.
- Толстой Н.И.* О реконструкции праславянской фразеологии // *Славянское языкознание: 7-й Международный съезд славистов: Докл. сов. делегации.* – М., 1973. – С. 272–293.
- Толстой Н.И.* Некоторые вопросы соотношения лингво- и этногеографических исследований // *Проблемы картографирования в языкознании и этнографии.* – Л., 1974. – С. 16–33.
- Толстой Н.И.* Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка: (XVI–XVII вв.) // *Вопр. рус. языкознания.* – М., 1976. – Вып. I. – С. 177–204.
- Толстой Н.И.* Культурно- и литературно-исторические предпосылки образования национальных литературных языков: (На материале сербскохорв., болг. и словен. яз.) // *Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Истор. и историко-культурный аспекты.* – М., 1981. – С. 122–134.
- Толстой Н.И.* Славянская фразеология sub specie этнографии // *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej.* – Wrocław etc., 1988. – 4. – С. 15–25.
- Толстой Н.И.* К вопросу об историографическом слоге сербского («славеносербского») литературного языка: (Савва Владиславич – Иоанн Раич – Милован Видакович) // *Зб. Матиче Српске за филологију и лингвистику.* – Нови Сад, 1990а. – Св. 33. – С. 479–486.
- Толстой Н.И.* Новый славянский литературный микроязык? // *Res philologica: Филологические исследования. Памяти акад. Г.В.Степанова (1919–1986).* – М.; Л., 1990b. – С. 265–272.

- Толстой Н.И.* Язык и культура: (Некоторые проблемы славян. этнолингвистики) // Ztschr. für slavische Philologie. Heidelberg, 1990. — Bd 50, N. 2. — S. 238–253.
- Толстой Н.И.* Этнокультурное и лингвистическое изучение Полесья: (1984–1994) // Славянский и балканский фольклор: Этнолингв. изучение Полесья. — М., 1995. — С. 5–18.
- Толстой Н.И.* Церковнославянский и русский: Их соотношение и симбиоз // Вопр. языкознания. РМ., 2002. — № 1. — С. 81–90.

Основные работы Н. И. Толстого

- Толстой Н.И.* Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. — М., 1969. — 262 с.
- Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. — М., 1988. — 239 с.
- Толстой Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М., 1995. — 510 с.
- Толстой Н.И.* Језик словенске културе / Прев. са рус. Љ. Јоксимовић. — Ниш, 1995. — 365 с.
- Толстой Н.И. (ред.).* Славянские древности: Этнолингв. словарь. — М, 1995. — Т. 1. — 578 с.
- Толстой Н.И.* Избранные труды. — М., 1997. — Т. 1: Славянская лексикология и семасиология. — 519 с.
- Толстой Н.И.* Избранные труды. — М., 1998. — Т. 2: Славянская литературно-языковая ситуация. — 542 с.
- Толстой Н.И.* Избранные труды. — М., 1999. — Т. 3: Очерки по славянскому языкознанию. — 461 с.
- Толстой Н.И. (ред.).* Славянские древности: Этнолингв. словарь. — М., 1999. — Т.2. — 699 с.
- Библиографический указатель* по славянскому и общему языкознанию: Никита Ильич Толстой. — Самарканд, 1983. — 193 с.
- Никита Ильич Толстой:*(Материалы к библиографии ученых). / сост. Шутько Л.В.; Вступ. ст. Дуличенко А.Д. — М., 1993. — 104 с.

Литература о Н.И. Толстом

- Дмитриев П.А.* Юбилей советского ученого: [К 50-летию Н.И. Толстого] // 36. за филологију и лингвистику. — Нови Сад, 1972. — Књ. 15/2. — С. 235–241.

- Дуличенко А.Д.* Н.И. Толстой как славист: (К 60-летию со дня рождения) // Из истории славяноведения в России: 2-й сборник в честь 60-летия д-ра филол. наук, проф. Никиты Ильича Толстого / Отв. ред. Смирнов С. В. – Тарту, 1983. – Т. 2. – С. 3–21.
- Дуличенко А.Д.* Потомок рода Толстых: (К кончине акад. Никиты Ильича Толстого) // *Studia philologica – Rossica slovaca*. Bratislava, 1996. – 5. – С. 57–60.
- Дуличенко А.Д.* Н.И. Толстой и резьянщина: (К открытию «Резьянского словаря» И.А. Бодуэна де Куртенэ) // Слово и культура: Памяти Никиты Ильича Толстого. – М., 1998. – Т. 2. – С. 394–405.
- Журавлев А.Ф.* Vir doctus, vir docens: К семидесятилетию акад. Н.И. Толстого // *Вопр. языкознания*. – М., 1993. – № 3. – С. 106–112.
- Из истории славяноведения в России:* Сборник в честь 60-летия д-ра филол. наук, проф. Никиты Ильича Толстого / Отв. ред. Смирнов С. В. – Тарту, 1983. Т. 2. – 136 с.
- Младеновић А.* Нови радови Н. И. Толстоја из историје књижевног језика код Срба // 36. за филологију и лингвистику. – Нови Сад, 1980. – Књ. 23/1. – С. 209–229.
- Мокиенко В.М.* Значение труда Н.И. Толстого «Славянские древности» для исторической фразеологии славянских языков // Языки малые и большие ... In *memoriam acad. Nikita I. Tolstoi* / Ред. Дуличенко А.Д. – Тарту, 1998. – С. 13–25.
- Мокиенко В.М.* Славистическое наследие Н. И. Толстого // *Wissenschaftliche Beiträge der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald*. – Greifswald, 1998. – S. 66–87.
- Памяти академика Никиты Ильича Толстого* // Вести. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – М., 1996. – № 4. – С. 202–206.
- Памяти Н.И. Толстого: (1923–1996)* // Славяноведение. – М., 1996. – №20 – С. 117–119.
- Путилов Б.Н.* Никита Ильич Толстой // Живая старина. – М., 1997. – № 2 (14). – С. 2–6.
- Сикимић Б.* Никита Ильич Толстой: (1923–1996) // Лужнословен. филолог. – Београд, 1997. – Књ. 53. – С. 267–269.
- Слово и культура:* Памяти Никиты Ильича Толстого – М., 1998. – Т. 1–2.
- Терзић Б.* Никита Ильич Толстой: In *memoriam*. // 36. Матице Српске за славистику. – Нови Сад, 1997. – Бр. 53. – С. 319–328.
- Трубачев О.Н.* Мои воспоминания о Никите Ильиче Толстом // *Вопр. языкознания*. – М., 1997. – № 2. – С. 5–15.
- Цыхун Г.* Мікіта Ільіч Талстой: (1923–1996) // *Кантакты і дыялогі*. – Мінск, 1996. – № 7/8. – С. 62–64.
- Языки малые и большие ...* In *memoriam acad. Nikita I. Tolstoi* / Ред. Дуличенко А.Д. – Тарту, 1998. – 317 с.
- Blanár V.* Tolstého semantická analýza slovanskej slovnej zásoby // *Jazykoved. časopis*. – Br., 1974. – Roč. 25, č. – S. 53–59.

- Bartmiński J.* Nikita Iljcz Tołstoj i program etnolingwistyki historycznej // *Etnolingwistyka*. – Lublin, 1992. – 5. – S. 7–13.
- Jedlička A., Trosterová Z.* Prace N. I. Tolstého z oblasti dějin spisovných jazyků slovánských a jejich srovnávacího studia // *Slavia. Pr.*, 1990. – Roč. 59, č. 1. – S. 51–56.
- Hafner S.* Nikita Il'ič Tolstoj // *Almanach der Österreichischen Akademie der Wissenschaften: (1996/1997)*. – Wien, 1998. Jg. – S. 629–634.
- Matiččetov M.* Ob izgubi Nikite I. Tolstoja: (1923–1996) // *Traditionies*. – Ljubljana, 1996. – T. 25. – S. 479–482.
- Philologia slavica: K 70-letiju akad. N.I. Tolstogo*. – M., 1993. – 428s.

И.Г.Добродомов

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ ТРУБАЧЕВ

Выдающийся русский языковед-славист и индоевропеист, этимолог, историк и теоретик языка, лексикограф и организатор науки Олег Николаевич Трубачев (23.10.1930 – 9.03.2002) оставил о себе память как автор больших монографических исследований по проблемам славянского и индоевропейского языкознания, исторической топонимике и этнографии Восточной Европы и как талантливый организатор исследований, результатом чего явился не имеющий аналогий в мировой славистике доведенный только до половины «Этимологический словарь славянских языков», где Олегу Николаевичу принадлежит почти половина авторского текста.

Родился Олег Николаевич 23 октября 1930 г., в поволжском городе Сталинграде (ныне Волгоград) в семье врача-рентгенолога Николая Мокеевича Трубачева, жившего с 1928 г. на Ковровской улице на правом берегу Волги. В школу Олег пошел семи лет. Учился в школе № 5 на Рабоче-Крестьянской улице. Семья две недели, начиная с 23 августа, продержалась под постоянными бомбардировками в осаде Сталинграда, потом выехала на левый берег реки и эвакуировалась в г. Горький, где жили до весны 1944 г. в семье известного хирурга А.К.Болдина при госпитале (отец Олега Николаевича, сопровождавший поезд с ранеными, получил при бомбежке множество переломов).

Среднюю школу Олег Николаевич окончил уже в Днепропетровске в 1947 г. и стал студентом Днепропетровского университета, где он обучался в течение пяти лет, обратив на себя внимание редким в среде студентов-филологов и устойчивым интересом к этимологии, что неизменно поддерживалось руководителем кафедры русского языка

Я.А. Спринчаком, специалистом по русскому историческому синтаксису, не чуждавшимся и проблем русской исторической лексикологии.

В 1952 г., будучи сотрудником «Комсомольской правды» и Антифашистского комитета советской молодежи, Трубачев поступил в заочную аспирантуру Института славяноведения Академии наук СССР, а с 1953 г. стал полноправным аспирантом этого Института, а после окончания аспирантуры и защиты в 1957 г. кандидатской диссертации продолжал работать под руководством профессора С.Б. Бернштейна до 1961 г., когда он по приглашению директора Института русского языка АН СССР академика В.В. Виноградова создал и возглавил в рамках этого академического Института Сектор (с 1986 г. Отдел) этимологии и ономастики, где в дальнейшем протекала его плодотворная сорокалетняя научная деятельность по подготовке и изданию многотомного «Этимологического словаря славянских языков», тридцатый выпуск которого утвержден к печати Советом Института русского языка имени В.В.Виноградова в 2002 г., уже после смерти зачинателя и главного автора этого грандиозного научного предприятия.

Сразу по переходе Олега Николаевича в Институт русского языка началась длительная работа по обдумыванию плана и подготовке базы для грандиозного праславянского словаря, начиная от создания картотеки усилиями небольшого коллектива сотрудников и оформления проекта словаря, реализованного в 1963 г. в подробном проспекте «Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд)» и пробных статьях к нему, подготовленных усилиями одного О.Н. Трубачева.

В этом же году вышел первый выпуск скоро ставшего выдающимся ежегодного издания «Этимология», посвященного теории и практике этимологических изысканий на материале разных языков и не имеющего аналогий в мировой лингвистике. Усилиями ответственного редактора О.Н.Трубачева вокруг ежегодника скоро сложился более или менее устойчивый коллектив известнейших этимологов, которые могли обсуждать волнующие их проблемы и делиться с научной общественностью результатами своих трудов. Весьма внушительный по объему критико-библиографический отдел издания регулярно и сейчас представляет читателям новинки этимологической литературы, причем значительная часть литературы долгое время обозревалась лично ответственным редактором ежегодника.

Защищенная в 1957 г. в Институте славяноведения АН СССР кандидатская диссертация «История славянских терминов родства и

некоторых древнейших терминов общественного строя» в 1959 г. вышла отдельной книгой, где к языковому материалу — славянским терминам родства и свойства — был осуществлен подход как к историческому источнику, который способен раскрыть элементы общественного строя и жизни славян, в том числе применительно к периоду, не обеспеченному письменными памятниками. Перманентное изучение этой группы лексики было начато на заре нашего славяноведения капитальным исследованием П.А. Лавровского о названиях родства у славян (Лавровский, 1867), и каждое новое поколение славистов подвергало критическому пересмотру проделанное ранее и давало новое обобщение достигнутым результатам. Олегу Николаевичу принадлежат обстоятельные рецензии (1976, 1979) в ежегоднике «Этимология» на труды продолжавших разрабатывать эту тему лингвистов В.Шаура и О.Семереньи как свидетельство неослабевающего интереса к вечно живой теме, которая не перестает разрабатываться в науке с новыми находками и упущениями на базе новых материалов, обычно из сопредельных историко-этнографических дисциплин.

Вторая этимологическая монография ученого «Происхождение названий домашних животных в славянских языках (этимологические исследования)» вышла в 1960 г. и вызвала не меньшее количество откликов, чем первая. При лаконичности изложения небольшая книга включала весьма обильный языковой материал, освещаемый в культурно-историческом аспекте, где важную роль играла domestикация некоторых прежде исключительно диких животных, приведшая к делению животных на две противопоставленные группы — диких и домашних, роль которых в жизни людей постоянно менялась: от сакральных до утилитарных целей. Географическая проекция истории названий домашних животных (прежде всего коровы **koŕva*) вынуждает исследователя увязывать этногенез славян с Центральной Европой, что послужило импульсом для последующих исследований проблемы Дунайской прародины славян, которая была продолжена в последующих разысканиях ученого.

Дальнейшим развитием этимологических проблем групповой реконструкции тематических пластов лексики стала докторская диссертация «Ремесленная терминология в славянских языках (Этимология и опыт групповой реконструкции)», успешно защищенная в 1965 г. и вышедшая на следующий год отдельной книгой. Исходя из положения о том, что традиционная терминология отражает далеко не последние технические достижения ремесленного производства, а самым тесным обра-

зом связана с предшествующими стадиями его развития, а также опираясь на этнографические и исторические материалы, О.Н.Трубачев дает здесь характеристику древнейшего состояния славянских терминологий текстильного, деревообрабатывающего, гончарного и кузнечного производства в их взаимодействии на фоне ремесленных терминологий других индо-европейских языков и строит типологию истории этих производств, элементы которых вошли в культуру народов и сохранились в быту народов благодаря архаизирующей сущности старых терминов. Анализ языкового материала позволяет видеть взаимодействие разных архаичных ремесел; например, гончарное производство изначально обнаруживало тесную связь с текстильным: в основе керамических сосудов оказывались плетеные емкости, которые для водонепроницаемости обмазывались глиной.

Не обошлось при изучении ремесленной терминологии и без парадоксальных выводов о том, что славянская ремесленная терминология обнаружила более тесные связи с германским и итальянским (латинским) языковым миром, а не с балтийским, как ожидалось бы на основе традиционной классификации индоевропейских языков, где постулируется особая близость славянских языков с балтийскими. Это наблюдение, до какой-то степени близкое к наблюдениям о значимости средневропейского региона в формировании славянских названий домашних животных, в дальнейшем стало основополагающим для разысканий Олега Николаевича по проблемам славянского этногенеза.

Область научных интересов О.Н. Трубачева в это время от этимологической обработки отдельных значительных областей нарицательной лексики (термины родства, ремесел, животноводства) расширилась и рано распространилась на сферу ономастики. Заметным событием в этой области явилась написанная в соавторстве с В.Н.Топоровым монография «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» (1962), где впервые были подвергнуты сплошному тщательному анализу речные названия одного региона, чрезвычайно важного для выяснения этнической истории нынешней Белоруссии и древних балто-славянских этноязыковых отношений. Словообразовательный и этимологический анализ речных названий Верхнего Поднепровья с обстоятельными комментариями и выходами в соседние регионы убедительно показал, что балтийская речь была распространена гораздо южнее и восточнее нынешних ее границ и что в течение длительного времени происходил процесс ее вытеснения речью славянской.

Исследование явилось образцовым и породило целый ряд региональных исследований речных названий, что отмечалось в довольно многочисленных рецензиях. Первые итоги были подведены в следующей ономастической монографии О.Н.Трубачева, появившейся шесть лет спустя и обнаружившей образец научного диалога с оппонентами и последователями. Здесь более сложная картина этнолингвистической истории к югу от Верхнего Поднепровья на материале гидронимов была вскрыта в индивидуальной монографии О.Н.Трубачева «Названия рек Правобережной Украины» (1968). Последовательная смена разных этносов и их сосуществование в отдельные временные отрезки породили чрезвычайную пестроту гидронимии на обширной территории к югу от Припяти, где обнаружены иллирийские, фракийские, иранские, балтийские, тюркские следы в речных названиях, перекрытые мощным славянским пластом.

Фактически в исследовании рассмотрены речные названия также сопредельных территорий, поскольку топонимическое своеобразие региона всегда познается в сравнении, поэтому здесь присутствуют гидронимы почти всей Украины и Южной России. Здесь были сделаны дальние подступы к проблемам древней индоевропейской речи Северного Причерноморья.

Славянские личные именованья, часть которых восходит к древности, также были объектом научных разысканий О.Н. Трубачева. Весьма важным этапом в этих исследованиях стала большая статья Олега Николаевича (Трубачев, 1968а), оказавшаяся сильным стимулом для изучения истории фамилий в России и для составления соответствующих словарей.

Параллельно с этими разысканиями в области славянской апеллативной и ономастической лексики в 1964–1973 гг. шло издание русской версии «Этимологического словаря русского языка М. Фасмера», единолично переведенного Олегом Николаевичем еще в 1959–1961 гг. с дополнениями пропущенной М. Фасмером литературы и литературы, появившейся после выхода труда М. Фасмера по-немецки в 1950–1958 гг.¹, а

¹ Немецкое издание словаря довольно убогой печати вышло в трех томах, а русское четырехтомное издание отличалось от него лишь более крупным (и более удобным для чтения) шрифтом, что значительно увеличило листаж книги. Скупые дополнения вносились переводчиком только в случае их принципиальной важности и не составляют большого числа, беря значительностью и важностью содержания, поэтому ошибочно указание некоторых авторов на то, что дополнения составляют треть от материалов М. Фасмера (Гин-

также в виде собственных соображений. Сделанные еще самим М.Фасмером в ходе издания словаря дополнения были включены в общий корпус словаря, эти дополнения слиты с текстом словаря и отличаются от дополнений переводчика [поданных в квадратных скобках и помеченных литерой — Т.]. Подготовка перевода словаря и его печатание получили осмысление и „освещение в специальной статье Олега Николаевича (Трубачев, 1978; Trubačev, 1986).

Издание русской версии этимологического словаря М. Фасмера вместе с дополнениями О.Н.Трубачева было для ученого большой научной школой, на базе которой оттачивалась его исследовательская методика. Словарь получил новую жизнь, выдержал четыре издания, причем во втором русском издании были осуществлены также не очень многочисленные, но важные новые дополнения принципиального характера. Учет всего нового в русской этимологии, что появилось после первого издания словаря М. Фасмера, собирався сделать В. Кипарский, но эта работа не была им завершена.

Олег Николаевич, блестяще и с большим пониманием тонкостей переведший трехтомный словарь, бережно относился к авторскому тексту М.Фасмера и не вступал с ним в полемику по мелочам, а предпочитал в таких случаях ограничиваться редакционными поправками, особо их не оговаривая, хотя это иногда, в редких, правда, случаях, приводило к недоразумениям.

О.Н.Трубачев всегда обладал обостренным чувством историзма, столь необходимым при этимологических изысканиях, но при чисто синхроническом подходе переводчика это чувство изредка в отдельных, случаях отодвигалось на задний план, заслоняясь внеисторической нормативностью, которой, как правило, руководствуются обычные переводчики и редакторы. Например, в немецком издании этимологического словаря М. Фасмера даны два омонима ЭТИКЕТ I 'Aufschrift, Bezeichnungszettel (auf Flaschen)' и ЭТИКЕТ II 'Ordnung gesellschaftlicher Formen', которые в издании русской версии перестали быть омонимами и превратились в пару *этикетка — этикет*, благодаря чему во главе словарных статей стали современные русские слова, нарушив, правда, ал-

дин, 1992:20: «Дополнения Олега Николаевича составили одну треть по сравнению с немецким оригиналом»). Эта красивая легенда, связанная с необычайно большой творческой продуктивностью работы О.Н. Трубачева, нашла отражение на задней стороне обложки второго (уже посмертного) издания книги «Этногенез и культура древнейших славян» (М., 2002): «Дополнения составили более одной трети сравнительно с немецким оригиналом».

фавитный порядок. Здесь мы имеем яркий случай сбоя понимания между представителями разных поколений — поколения М. Фасмера (1886—1962) и поколения О.Н.Трубачева (1930—2002). Почти на полвека старший М.Фасмер, проживая с начала 20-х годов XX в. за границей, был более чем на 40 лет оторван от живого русского языка и сохранил архаическую форму *этикет*, давно вытесненную в живом русском языке бывшим деминутивом *этикетка*, которая для О.Н.Трубачева была уже единственной, а старая форма *этикет* I воспринималась как ненормативная.

Аналогичное редактирование словарной статьи ШАХТЕР 'Grubenarbeiter, Kumpel', auch *шахтёр* dass Voron. <...> с архаической формой слова в ее начале состояло в том, что не вполне обдуманно архаическая форма *ша́хтер*, которую помнил М. Фасмер, была устранена совсем и во главе статьи оказалась поставлена еще диалектная для М.Фасмера в начале XX в. воронежская форма *шахтёр*, которая для нас является уже единственно возможной¹.

Но такие случаи в русском издании словаря М. Фасмера, повторяю, крайне редки: понадобился не один десяток лет пользования словарем, чтобы они обнаружались.

Исследовательскую практику О.Н.Трубачева характеризует ярко выраженная и сейчас уже редкая *акрибия* или *акрибия*, тщательность, точность (в научных исследованиях)², которая в некоторых случаях, как это ни странно, может привести к ошибкам, что случилось с древнерусским гапаксом *сагъчи*, обнаруженным А.Х. Востоковым в одном из торжественников XV в.; и в русских исторических словарях истолкованным как 'сановник'. В немецком издании словаря М. Фасмера оно на основании тюркской этимологии Н.И.Ашмарина в изложении М.Ряшенена определено как 'Wächter', т.е. 'страж', но М.Фасмер не объяснил своего несогласия с толкованием И.И. Срезневского при наличии ссылки на него. Опора на И.И. Срезневского при выборочном редактировании русского издания привела к восстановлению ошибочного толкования 'санов-

¹ Оба эти случая неполного понимания между поколениями были замечены лингвистами (Добродомов, 1988: 127—130; Ипполитова, 2001: 121—122).

² По определению академического семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка», который, однако, почему-то посчитал это понятие излишним и поэтому исключил из словника второго (неоконченного) издания.

ник¹, проверять же всю использованную литературу было бы просто невозможно.

Подобные редчайшие случаи в других трудах О.Н. Трубачева исключены, поскольку обширнейшие энциклопедические познания исследователя в сочетании с его необычайной интуицией постоянно предохраняли и оберегали ученого от недоразумений.

Характерно, что и в уже коллективном с 14 выпуска «Этимологическом словаре славянских языков» Олег Николаевич проявляет постоянную толерантность к мнениям соавторов и редко допускает редакторское вмешательство или редакторские дополнения.

Материал, собранный и осмысленный во многих конкретных исследованиях, будь то монография или отдельная статья в сборнике или в этимологическом словаре, настоятельно требовал интерпретации его применительно к сложным вопросам жизни древних славян, к проблемам славянского этногенеза. Статьи на эту тему публиковались в научной периодике (преимущественно в «Вопросах языкознания») под названиями «Языкознание и этногенез славян» и подобными. На базе этих статей была создана в 1991 г. очередная монография «Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования» (2-е значительно расширенное издание вышло уже после смерти автора в 2002 г.), в которой подробно освещается проблема Дунайской прародины славян, фигурировавшая уже у Нестора в «Повести временных лет», но впоследствии попавшая в число «донаучных» и, как показал О.Н. Трубачев, преждевременно сданная в архив, хотя некоторые преимущественно языковые материалы в виде внутриславянских и межиндоевропейских изоглосс заставляют обращаться к этой теории для объяснения многих вопросов. Возврат на новых основаниях к теории Дунайской (среднеевропейской) прародины славян встретил как апологетическое, так и критическое отношение славистов, активизировав угасшее было внимание к проблеме. Олег Николаевич подчеркивает, что о дунайской прародине славян говорил еще корифей и основоположник научного славяноведения П.И. Шафарик (1795–1861), в исследованиях которого научный потенциал его разысканий остался незамеченным последующей наукой, которая в своей критической запальчивости упустила возможность своевре-

¹ Восстановленное толкование 'телохранитель, страж, сторож' на основе этимологии Н.И. Ашмарина дано в исправлениях в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», вып. 22. М., 1997, с. 298.

менного развития его наблюдений и соображений, долго ждавших своего часа.

Основные идеи книги «Этногенез и культура древнейших славян» возникали постепенно в ходе этимологизации славянской лексики, когда объяснение многим фактам можно было дать только с учетом того обстоятельства, что славяне были связаны с Дунаем, память о котором до сих пор сохраняется в архаичных русских народных песнях. Пребывание славян на Дунае не было экстравагантным взглядом на вещи, а явилось настоятельной необходимостью для правдоподобного научного освещения иначе остающихся непонятными явлений языка и археологии.

В книге содержится не простой возврат к теории П.И. Шафарика, а совсем иной подход к тем же гениально предвиденным им научным положениям основоположника научного славяноведения, которые сейчас обеспечены достижениями современной теоретической компаративистики, индоевропеистики и особенно их этимологического компонента, а также далеко продвинувшейся археологии, достижениями которой Олег Николаевич умело пользуется.

Олегу Николаевичу удалось аргументированно обосновать старый тезис П.И. Шафарика о раннем присутствии славян в Центральной Европе, и эта проблема получила новый стимул к ее разработке как в позитивном, так и критическом аспектах.

Уделяя большое внимание западным связям славян, их западным соседям (германцы, кельты, италийцы), Олег Николаевич также обращается и к проблемам восточных связей, связей славянства с иранским языковым миром, отразившихся в славянской нарицательной лексике и топонимии, что было давно в поле зрения лингвистов, которые накопили значительный запас материала в лексике и топонимии, но дело продвигалось довольно вяло, что было обусловлено сопоставлениями исключительно на праязыковом уровне, без учета древней диалектной расчлененности и славянского, и иранского языкового мира, что последовательным апологетам концепции языкового древа, которая и сейчас занимает ведущее место в компаративистике, представляется невероятным.

Проблемы древнейших славяно-иранских языковых связей и иранских заимствований в славянских языках самым тесным образом стыкуются с проблемами этногенеза, уже давно разрабатываемыми в науке, что подробными очерками было рассмотрено в большой статье, где Олег Николаевич поставил вопрос о необходимости учета в решении этой проблемы диалектной расчлененности в эпоху интенсивных славя-

но-иранских контактов как славянского, так и иранского этнического и языкового мира (Трубачев, 1967). В статье обнаружилась парадоксальная насыщенность иранскими лексическими элементами западнославянского польского языка и его диалектов, а не восточнославянских, как ожидалось бы, что было обусловлено неоднократными изменениями картины расселения иранских и славянских племен в далеком прошлом, которая разительно отличается от нынешней и которая сейчас отражается лишь в удивительных изоглоссах.

Последующее углубление в историю иранства на Юге России, следы которого сохранились особенно в топонимике, привело к появлению серии статей, в которых было показано, что здесь обнаруживается не только сильная диалектная расчлененность иранского языкового материала, но и наличие близкого к иранству, однако противопоставленного ему индоарийского лексического и особенно топонимического материала. Это выяснилось в целой серии статей по истории лексики и топонимии языков Восточной Европы, которые в совокупности составили целую книгу «Indoagica в Северном Причерноморье» (Трубачев, 1999), легко обозримую благодаря наличию аналитических указателей (этимологического, семантического и предметного), где кратко суммируются итоги исследования старых и современных топонимов Северного Причерноморья, объясняющихся из индийских языков как результат пребывания в этих местах предков современных индийцев.

Благодаря исследованию Олега Николаевича был открыт еще один индоевропейский язык индоарийского характера, названный им условно синдомеотским, что обогатило новыми материалами не только историю индоарийских языков, но и в первую очередь этническую историю региона в древности. В этом деле у Трубачева был лишь один серьезный предшественник — П.Кречмер (1866–1966), но его единичные примеры не идут ни в какое сравнение с сотнями слов, четко определенных Олегом Николаевичем как индоарийские. При этом надо заметить, что сделано такое открытие при отсутствии достаточной филологической базы: топонимика региона не собрана в достаточно авторитетные коллекции, не обеспечена в достаточной степени очень нужными в таких разысканиях сведениями по истории каждого топонима, который мог в ходе длительного употребления довольно сильно исторически меняться. Осложняется дело и отсутствием словарей по местным языкам региона. Приходится удивляться, как при таких условиях мало неточностей и ошибок. Их почти нет. Например, из-за отсутствия крымскотатарского

словаря второй компонент *сала* в крымских топонимах *Ени-Сала* (*Енисала*), *Феттах Сала*, *Коджа Сала* О.Н.Трубачев несколько неосмотрительно соотнес с синдомеотским *salā'сток, склон' (с. 84), хотя это крымскотатарский топографический термин, восходящий к русскому *село* с тем же значением, что, впрочем, было указано В.В.Радловым применительно к казанскотатарскому и караимскому *сала* 'деревня, село' (Радлов, 1911: 349–350). Но обильный материал совсем другого характера спасает автора от краха в этом и многих других случаях.

Неожиданность выводов О.Н. Трубачева о наличии индоарийских следов в Причерноморье заставляет лингвистов обращаться к их внимательной проверке с привлечением нового материала и тщательной проверке старого. Благодаря разысканиям О.Н. Трубачева открылось новое поле исследований для языковедов и археологов.

Из всех предыдущих публикаций во многих изданиях и монографиях была выделена восточнославянская проблематика культурного, этнографического и лингвистического содержания, составившая содержание отдельной книги «В поисках единства» (1992, 2-е доп. изд., 1997). Книга возникла в связи с докладами на проводящихся в разных городах России праздниках славянской письменности и посвящена отдельным спорным вопросам восточнославянского этногенеза. Здесь в полемическом ключе рассматривается проблема периферийности древненовгородского диалекта, в архаических чертах которого нет никаких оснований видеть свидетельства его былой принадлежности к западнославянским языкам, вопреки время от времени возникающим хронически эфемерным утверждениям некоторых лингвистов. В связи с анализом разноязычных названий Киева в древних источниках О.Н. Трубачев особенное внимание уделяет роли хазар в истории этого города и находит, что эту роль никак нельзя преувеличивать, как и в истории восточных славян в целом. Пестрота и гетерогенность этнического состава восточнославянских племен и народов позволяет все же установить, что в определениях *Малая*, *Великая* и *Белая Русь* скрываются символические указания на исходную территорию (*Малая Русь*), на территорию более позднего распространения (*Великая Русь*) и на географическое положение на Западе (*Белая Русь*).

В заключительных частях книги показано, что славянские этнонимы (племенные названия) могут служить ценным источником для установления фактов древнейшей истории славян, причем специальный экскурс посвящен выяснению южных источников этнонима *Русь*, корни

которого, по мнению О.Н.Трубачева, затерялись в пестрой сумятице сложной этнической истории Северного Причерноморья, и прояснение этих корней требует значительных усилий ученых. Это вовсе не возврат к старым взглядам, которые были дискредитированы в результате беспощадной критики еще в XIX в., а тщательный пересмотр материала на предмет поисков истины, которая умерла в спорах, где в остроте полемических схваток наносились смертельные удары неприемлемым для критика взглядам, а поиски истины остались в стороне и сама истина в этой полемике преспокойно умерла.

Прежние поиски корней этнонима *Русь* на юге не учитывали сложные исторические процессы, изменения в языках этого региона и были в силу последнего обстоятельства обречены на неудачу. Олег Николаевич обозначил здесь направление поисков...

Сюда же примыкает одна из последних работ Олега Николаевича – статья «Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения» (Трубачев, 2000; 2002), где рассмотрена судьба вятичей и их роль в формировании южновели-корусского наречия, роль чего в истории русского языка до сих пор остается недостаточно учтенной.

Олег Николаевич внимательно следил за развитием современной лингвистической науки и постоянно анализировал появившиеся новинки литературы, посвященные этимологии. Его рецензии и обзоры литературы подобного рода составляли весьма значительную часть ежегодника «Этимология» и явились притягательной силой для привлечения к этому делу множества других языковедов. Критико-библиографический отдел ежегодника стал фактически своеобразной летописью развития современной этимологической науки языков Старого Света.

Весьма поучительный опыт работы над своим «Этимологическим словарем славянских языков» (ЭССЯ) обычно в сопоставлении с аналогичными начинаниями чешских и польских коллег Олег Николаевич постоянно освещал в разных изданиях, и его последняя работа «Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003)», подготовленная уже в больнице в последние дни жизни в качестве доклада для предстоящего в 2003 г. XIII Международного съезда славистов в Любляне и посвященная памяти великих этимологов Василия Ивановича Абаева и Франтишека Славского, подводит итоги его непосредственной деятельности в этой области. Характерен эпитаф из высказывания В.И. Абаева: «... Делать этимологические словари интересно и легко, надо только

каждый день писать несколько строк и так — сорок лет...» (Трубачев, 2002).

В специальных разысканиях по этимологической проблематике и обзорах О.Н. Трубачева создана стройная теория этимологической лексикографии, особенно применительно к лексикографии праязыковой, как междисциплинарная сфера научной деятельности.

Все эти теоретические положения нашли практическое воплощение в грандиозном труде всей жизни Олега Николаевича, не имеющем прецедента в этимологической лексикографии. Это «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд», 28 выпусков которого вышло еще при жизни его создателя и вдохновителя и два еще подготовлено к печати.

Из четырех десятков лет работы над словарем (с 1961 г.) подготовительный этап занял 14 лет, в том числе два года на выработку концепции, реализованной в составленном лично Олегом Николаевичем проспекте, который и определил дальнейший ход реализации замысла. Небольшой коллектив сотрудников (В.А. Меркулова, Л.А. Гиндин, Ж.Ж. Варбот, Л.В. Куркина, И.П. Петлева, Т.В. Горячева, позже В. Михайлович, Г.Ф. Одинцов, Е.С. Павлова, А.А. Калашников, Т.В. Невская, О. Младенова) собирал материалы для словарной и этимологической картотеки, легших в основу капитального «Этимологического словаря славянских языков», который через словарную форму обработки материала призван осветить жизнь древних славян, поскольку слова являются своеобразными свидетелями жизни народа в прошлом, несмотря на те изменения, которые с течением времени произошли и в языке, и в жизни его носителей.

Авторскую работу над 13 выпусками вел лично О.Н. Трубачев, а с 14 выпуска авторская работа над выпусками стала коллективной (с обозначением отрезков словника, составленных каждым из авторов: В.А. Меркулова, Л.В. Куркина, Г.Ф. Одинцов, И.П. Петлева, Ж.Ж. Варбот, А.А. Калашников, О.Н. Трубачев), причем в некоторых из выпусков словаря Трубачеву принадлежит авторство более четверти объема.

Будучи крупнейшим ученым мирового масштаба и работая всю жизнь в академических учреждениях, Олег Николаевич живо откликался на просьбы вузовских учреждений и читал лекции в институтах и университетах нашей страны и за рубежом. Эти лекции все-таки носили характер пропаганды науки среди специалистов, хотя и будущих, но Олег Николаевич не

был чужд общению и с более широкой аудиторией неспециалистов, интересующихся историей народов и этимологией. Это общение осуществлялось через публикацию статей в газетах и журналах, которые сохраняли свою научность, но были приспособлены для неподготовленного читателя стилистически — отказом от злоупотребления специальными терминами. В этих публикациях зачастую звучали и публицистические нотки на злобу дня: окружающая обстановка в стране сказывается и на состоянии науки, что всегда заботило Олега Николаевича.

В плане просветительском, для облегчения творческого общения с неспециалистами и наведения ими справок по трудным для неспециалиста вопросам Олег Николаевич разработал грандиозный проект «Русская энциклопедия». Это предприятие задумывалось как энциклопедия универсальная, типа «Большой советской энциклопедии», но в отличие от последней, которая отражала везде государственные, официальные взгляды, «Русская энциклопедия» должна носить этноцентрический характер — показывать весь мир глазами русского человека, русского народа, значение его в мировой культуре, опыта чего были в XIX в. («Русский энциклопедический словарь» под редакцией И.Н. Березина (1818–1896)) и в начале XX в. (неоконченная «Русская энциклопедия»). К сожалению, этот проект не нашел поддержки как неудобный в плане возможной шовинистической опасности, что никак в проекте не предусматривалось. Русской читающей публике вместо «Русской энциклопедии» была преподнесена «Хатчинсоновская карманная энциклопедия» в плохом переводе.

Еще в аспирантские годы О.Н. Трубочев был активным автором многочисленных этимологических разысканий, которые активно публиковались в советских и зарубежных изданиях, что продолжалось в течение всей творческой жизни ученого параллельно с подготовкой и изданием больших трудов как индивидуальных, так и коллективных.

Олег Николаевич активно принимал участие в разного рода съездах¹, конференциях, симпозиумах, а многие из них он сам организовывал и выступал часто как летописец этих важных для науки событий, освещая их ход и результаты в научной печати. Яркие очерки этой еще живой истории, написанные с места событий или сразу после них, представляют большой интерес как взгляд на текущую историю науки глазами

¹ Например, Олег Николаевич был участником восьми Международных съездов славистов, начиная с IV-го (1958) и подготовил доклад для очередного съезда 2003 г. в Любляне.

крупного ученого, современника событий. С большим стилистическим блеском Олег Николаевич писал портретные очерки об ученых прошлого и о своих старших коллегах и современниках, что тоже является важным компонентом истории науки.

Олег Николаевич иногда выступал в качестве официального оппонента на защитах кандидатских и докторских диссертаций, в отзывах на которые он высказывал порой весьма любопытные мысли как общетеоретического, так и конкретного свойства, причем эти соображения зачастую так и остаются в диссертационных делах соискателей, несмотря на просьбу их опубликовать, как это было с моей просьбой оформить в статью его соображения об этимологии слова *карман*, привлекавшего к себе внимание со времен Ф.И.Рейфа, который не вполне удачно связывал его с латинским *crumena* 'кошелек' (Рейф, 1835: 379), что было оспорено Ф.Миклошичем и повторено Н.В. Горяевым, неудачно выведившими его из северо-тюркского *karman*, оказавшегося на самом деле русизмом на тюркской почве (Miklosich, 1886: 112; Горяев, 1896: 135). Несмотря на это, слово с долей сомнения и сейчас трактуется как тюркизм¹.

Новые интересные этимологические соображения относительно этимологически трудного слова *карман* почти три десятилетия назад прозвучали на защите моей докторской диссертации «Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках» 9 декабря 1974 г. в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина, где О.Н. Трубачев выступал в качестве моего официального оппонента вместе с А.Н. Кононовым и А.С. Львовым.

О.Н. Трубачев в ходе оценки моей диссертации подчеркнул методологическую важность учета семантической проблематики, которая, на его взгляд, не всегда получала в этом исследовании достаточно широкое применение, и обратился при этом к предполагаемому тюркизму русского языка *карман*, который, по мнению известного тюрколога и слависта Н.К.Дмитриева (1898–1954) может быть включен лишь в группу «Слова, причисляемые к тюркизмам в порядке гипотезы», хотя в этимологических словарях и не критических списках тюркизмов слово *карман* фигурирует довольно давно (Дмитриев, 1958: 44; 1962: 565).

¹ Невероятность сближения хорошо видна в одной из последних попыток вывести *карман* из тюркского *qigman* 'налучье, саадак' (Юналеева, 1982: 99).

Соображения О.Н. Трубачева опирались на отмеченное в литературе архаическое обозначение словом *карман* отдельного мешочка, сумочки, еще не пришиваемых к платью, кошелька (Чернышев, 1948: 9–10; 1970: 336).

Карман можно было даже терять, пример чего П.Я. Черных обнаружил в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (1.06.1798): «Некая барыня... шедшая по Фонтанке... обронила карман с разными записками» (Черных, 1952: 299).

Это архаическое значение слова *карман* сохранялось довольно долго. По сообщению Н.С. Араповой (1934 г. рожд.), ей в детстве еще пришлось видеть нарядную сумочку, называемую *карман*, в которой носили в церковь *поминание* (синодик), как это было принято в подмосковных селах¹.

О.Н. Трубачев напомнил, что «к обеднению результатов исследования ведет и отказ от использования семантического критерия в диссертации. Верно, что семантика или семасиология развита еще недостаточно, но полезность семантического критерия как вспомогательного в исследованиях лексики никто не станет отрицать. Речь идет об установлении параллелизма семантических эволюций, операциях очень простых, но, как правило, весьма надежных, как все простое. И хотя этот нехитрый прием семантического анализа иногда иронически трактуют как элементарный «здравый смысл», не нужно забывать, что мы имеем здесь дело с моментами семантической типологии, а в ряде случаев — с семантическими универсалиями. Современная реализация принципа *Wörter und Sachen* не может обойтись без таких аспектов. Я говорю это со специальной целью показать на конкретном примере возможные этимологические связи, которые, может быть, заинтересуют диссертанта, а в данной связи любопытны своей семантической стороной. Так, на с. 102 разбирается русское диалектное слово *кодман*, название мешкообразной одежды, др.-русск. *къдманъ*, которое вместе с венг. *ködön* 'полшубок' автор считает древним болгарским заимствованием «по фонетической черте (-д-, не изменившемся в -з->-р-)». Автор реконструирует болгарский прототип **къдман*, однако иных фактических подтверждений его, равно как и предполагаемой там ротацистской тенденции, он не приводит. Я хотел бы в этой связи обратить внимание на общеизвестное рус-

¹ О соотношении наименования *карман* с другими синонимами см. (Судаков, 2002: 55–60).

ское слово *карман*, над которым исследователи бились безуспешно, потому что единственно-положительным итогом их поисков остались, пожалуй, только догадки, что *карман* — наверное, тюркизм. Я бы предложил И.Г. Добродомову связать упомянутое выше *кодман* 'вид мешкообразной одежды, плаща' и *карман* (*карман* тоже генетически восходит к мешочку!), потому что это как будто перспективно с точки зрения фонетической диахронии, поскольку восполняет лауну соответствия на *-р*. Но главный акцент мне желательно поставить при этом на значении слов. Родство значений 'мешкообразная одежда' и 'карман' обосновывается не одной только очевидной эволюцией реалии, названной выше, но и семантическим параллелизмом, который я провожу между парой *кодман* — *карман* и рассматриваемыми у И.Г.Добродомова далее особо древнерусским и церковно-славянским *чъпагъ* 'карман', сербохорватским *чпаг* 'карман' (куда диссертант остроумно относит и русск. диал., арханг. *ецъпах* 'карман') и болг. диал. *чпаг* 'род короткой одежды без рукавов' (с. 145—146 диссертации), где имеем ту же связь значений 'род одежды' — 'карман'. Понимая гипотетичность своего примера со словами *кодман* и *карман* (не совсем ясны возможности развития здесь ротацизма, поскольку зубной соседствовал с другим согласным, ср. автореферат диссертации Добродомова, с. 11), я хочу вместе с тем подчеркнуть, как важно проследивать филиацию идей и лексических значений, как это помогает восстанавливать подчас недостающие звенья других уровней, в данном случае фонетического, и в целом — решать этимологические задачи. Попутно замечу, что такая этимологическая увязка слова *карман* контролируется со стороны лингвистической географии: более древний (по Добродомову) вариант **кѣдмѣн* распространен на более широкой территории, включая венгерский, тогда как вторичный вариант *карман* — практически только в русском языке. Упомянув критерий лингвистической географии, не могу не отметить, что диссертант в остальном учитывает его регулярно, хотя и здесь найдется материал для критики».

Сомнение О.Н. Трубачева в фонетической стороне соотнесения слов *кодманъ*~*карман* («не совсем ясны возможности развития здесь ротацизма, поскольку зубной соседствовал с другим согласным») может быть отведено ссылкой на весьма обычный *Mittelsilben-schwund*, открытый В. Бангом и подтвержденный Л. Юхансоном.

Соображения О.Н. Трубачева хорошо подтверждаются польским диалектным *karman* 'дождевик' (*Kleiderdecke gegen den Regen*), которое привел Э. Бернекер как параллель русскому *карман* (Berneker, 1908—

1913: 490), а также материалами «Варшавского словаря» (Słownik języka polskiego, t.I, Warszawa, 1900, s. 842, t. II, 1902, s. 271, 445, 477) в виде диалектных названий разного рода одежды: *gurmana, karmana, korman*, второе из которых сравнивается с сомнительным тюркским *karman*.

В свете этих соображений О.Н. Трубочева о зависимости значений 'мешкообразная одежда' — 'карман' должны отпасть сомнения М. Фасмера в связи латышского *kabata* 'карман' с бродячим названием рабочей рубахи, куртки, кофты типа русского диалектного и устарелого *кабат*, имеющего параллели во многих языках Средней и Восточной Европы.

Во многих современных тюркских и финно-угорских языках слово *карман* (хакасск., алт., телеутск., чувашск., тувинск.), *канмар*, *калмар* (кызыльск.) является русизмом с отражением современной семантики русского слова, а в узбекский язык *кармон* вошло в старом значении 'кошелек', как и горномарийский в форме *кармак*, *картмак* 'кошелек для денег' (устар.).

Олег Николаевич со своей подчеркнутой педантичностью и пунктуальностью на первый взгляд казался весьма суровым и неприступным человеком, но в ходе начинавшейся беседы он как бы преобразался, становился веселым, постоянно шутил, и нить беседы переходила в его руки, и он ее крепко держал. Слушать его было необычайно интересно.

В громадном научном наследии О.Н. Трубочева поражает прежде всего обилие самого разнообразного материала из самых различных источников с умелым выбором из него самого главного, существенного и четкая методика его анализа, что отличает истинную высокую науку от расхожих мнений. Олега Николаевича характеризуют основательное знание древних и новых языков и литератур на этих языках, этнографии и истории их носителей, глубокие познания археологических древностей этих народов, знание чисто технических тонкостей древних ремесел разных регионов. Столь обширные и глубокие энциклопедические познания обеспечивали ему возможность работы на стыке разных наук, что давало всегда свежие и несколько неожиданные результаты. Именно такая энциклопедичность обеспечивала плодотворность.

Олег Николаевич был великий этимолог, который умел извлечь из древнего слова максимум возможной сейчас информации о жизни наших далеких предков, проникнуть с помощью древних слов в строй их мыслей, уберегаясь как от их модернизации, так и от чрезмерной архаиза-

ции, в чем ему помогало замечательное чувство историзма в сочетании с глубоким пониманием человеческого слова.

Большое научное наследие Олега Николаевича Трубачева большей частью уже прочно вошло в арсенал современной науки как ее последние достижения, а оставшаяся часть будет освоена в дальнейшем. А если что-то и получит в будущем иное освещение, то и это останется важной поучительной вехой этимологического познания на бесконечном пути к истине.

Например, ученик Олега Николаевича А.Е. Аникин подверг сомнению правомерность праславянской реконструкции **kyriti/*kyr'ati* 'пить', которая возникла на базе офенского *kirjъ / керуть* (Аникин, 2002: 31; Бондалетов, 1990: 20–21), в связи с чем отпадает вопрос о связи с этим глаголом праславянского **kvarъ/*kvara* 'вред, порча, болезнь'. Последний имеет несомненную связь с древнейшим болгаризмом венгерского языка *kár* (<булг. **kăvar* =тюрк. **kōr*) 'вред, ущерб' (Ligeti, 1933). Это не отрицание соображений великого этимолога, а поиски новых путей исследования в лабиринте многовековой постройки славянской лексики в связи с соседними народами, где без светлого ума Олега Николаевича разбираться будет намного труднее.

Литература

- Аникин А.Е. К уточнению балтийского вклада в русской лексике // Русская диалектная этимология: Материалы IV Междунар. науч. конф. 22–24 окт. 2002 г. – Екатеринбург, 2002. – С. 30–32.
- Бондалетов В.Д. Иноязычная лексика в русских арг. – Куйбышев, 1990. – 112 с.
- Гиндин Л.А. Краткий очерк научной и научно-организационной деятельности <О.Н. Трубачева> // Олег Николаевич Трубачев / Сост. Шутько Л.В. Вступ. ст. Гиндин Л.А. – М., 1992. – 69 с.
- Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка, – Тифлис, 1896. – IV, 451, XL, LXII с.
- Дмитриев Н.К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. – М., 1958. – Вып. 3. – С. 3–47.
- Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – М., 1962. – С. 503–569.
- Добродомов И.Г. Этика и этикет // Рус. речь. – М., 1988. – № 4. – С. 127–130.
- Ипполитова Л.В. Еще раз о *шахтере* // Рус. речь. – М., 2001. – № 6. – С. 121–122.
- Лавровский П.А. Коренное значение в названиях родства у славян // Зап. имп. Академии наук. – СПб., 1867. – Т. 12, кн. 1. – 118, П с.

- Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. — СПб., 1911. — Т. 4. — 2230 стб., 107с.
- Рейф Ф.И.* Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или *Этимологический лексикон русского языка*. — СПб., 1835. — Т. I. — LXIV, 648 с.
- Судаков Г.В.* Живое русское слово. — Вологда, 2002. — 156 с.
- Черных П.Я.* Историческая грамматика русского языка. — М., 1952. — 312 с.
- Чернышев В.И.* Разыскания и замечания о некоторых русских выражениях // Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР. — М.; Л., 1948. — Вып. 1. — С. 3—17.
То же: *Чернышев В.И.* Избранные труды. — М., 1970. — Т. 1. — С. 331—341.
- Юналеева Р.А.* Опыт исследования заимствований: (Тюркизмы в рус. яз. сравнит. с другими слав. яз.). — Казань, 1982. — 120 с.
- Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg, 1908—1913. — Bd. 1. — 760 S.
- Ligeti L.* Regibb török jövevényszavaink magyarázatához (Kar, kár) // *Magy. nyelvör.* — Bp., 1933. — 29. évf. — S. 218—221.
- Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. — Wien, 1886. — VIII, 548 S.

Основные работы О.Н. Трубачева

- Топоров В.П., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. — М., 1962. — 270 с.
- Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя — М., 1959. — 212 с.
- Трубачев О.Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках: (Этимол. исслед.). — М., 1960. — 115 с.
- Трубачев О.Н.* *Этимологический словарь славянских языков: (Праслав. лексич. фонд): Проспект. Пробные статьи.* — М., 1963. — 95 с.
- Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках: (Этимология и опыт групповой реконструкции). — М., 1966. — 416 с.
- Трубачев О.Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // *Этимология, 1965: Материалы и исслед. по индоевропейским и другим яз.* — М., 1967. — С. 3—8.
- Трубачев О.Н.* Названия рек правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. — М., 1968. — 289 с.
- Трубачев О.Н.* Из материалов для этимологического словаря фамилий России: (Рус. фамилии и фамилии, бытующие в России) // *Этимология 1966: Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов.* — М., 1968а. — С. 3—53.
- Трубачев О.Н.* Из работы над русским Фасмером: К вопросу теории и практики перевода // *Вопр. языкознания.* — М., 1978. — № 6. — С. 15—24.

- Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исслед. – М., 1991. – 271 с.
- Трубачев О.Н.* В поисках единства. – М., 1992. – 189 с.; 2-е изд., доп., с подзаголовком: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. – М., 1997. – 284с.
- Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка: Этимол. словарь. – М., 1999. – 320 с.
- Трубачев О.Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // *Вопр. языкознания.* – М., 2000. – № 5. – С. 4–27. То же: Материалы и исследования по русской диалектологии: К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Рубена Ивановича Аванесова. – М., 2002а. – Вып. 1(7). – С. 5–25.
- Трубачев О.Н.* Из истории лингвистической географии восточнославянского распространения // *В пространстве филологии: К 70-летию со дня рожд. д-ра филол. наук проф. Евгения Степановича Отина.* – Донецк, 2002б. – С. 22–45. То же: *Јужнословенски филолог: Посвећено Павлу Ивићу.* – Београд, 2000а. – Т. 56, 3/4. – С. 1257–1279.
- Трубачев О.Н.* Опыт ЭССЯ: К 30-летию с начала публикации (1974–2003) // *Вопр. языкознания.* – М., 2002в. – № 4. – С. 3–26.
- Trubačev O.N.* Gedanken zur russischen Ausgabe von Vasmer's Russischem etymologischem Wörterbuch // *Ztschr. für slavische Philologie.* – В., 1986. – Bd 46. – S. 372–383.

Основные работы об О.Н. Трубачеве

- Олег Николаевич Трубачев / Сост. Шутько Л.В. Вступ. ст. Гиндин Л.А. – М., 1992. – 69 с.
- Добродомов И.Г.* Академик Олег Николаевич Трубачев: (К 70-летию со дня рожд.) // *Изв. РАН. Сер. лит и яз.* – М., 2000. – Т.59, № 6. – С. 75–76.
- Топоров В.Н.* К семидесятилетию О.Н. Трубачёва // *Этимология, 1997–1999.* – М., 2000. – С. 3–5.
- Олег Николаевич Трубачев: (1930–2002) // *Рус. яз. в шк.* – М., 2002. – № 3. – С. 107–108.
- Никитин О.В.* «Русского человека стало меньше»: Памяти выдающегося слависта акад. Олега Николаевича Трубачева (1930–2002) // *Моск. журн.* – М., 2002. – № 5. – С. 13–17.
- Калашников А.А., Куркина Л.В., Петлёва И.П.* Олег Николаевич Трубачев: 23.X. 1930 – 9.III. 2002 // *Вопр. языкознания.* – М., 2002. – № 3. – С. 5–7.
- Топоров В.Н.* Слово при прощании // *Рус. яз. в науч. освещении.* М., 2002. – № 1(3). – С. 5–7.
- Журавлев А.Ф.* Академик Олег Николаевич Трубачев: (1930–2002) // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* – М., 2002. – Т. 61, № 4. – С. 78–79.

В.Т. Олег Николаевич Трубачев: (23 октября 1930 – 9 марта 2002) // Балтослав. исслед. – М., 2000. – Т. 15 – С. 678–684.

Библиография работ О.Н. Трубачева

Хронологический указатель трудов // Олег Николаевич Трубачев / Сост. Шутько Л.В.; Авт. вступ. ст. Гиндин Л.А. – М., 1992. – С. 29–54. – (Материалы к библиографии ученых. Сер. лит. и яз.; Вып. 21).

Калашников А.А. Указатель трудов Олега Николаевича Трубачева за 1992–1999 гг. // Этимология, 1997–1999. – М., 2000. – С. 225–230.

Олег Николаевич Трубачев. Научная деятельность. Хронологический указатель трудов. (Отв. ред. Г.А.Богатова). – М.: Наука. – 2003. – 96 с.

И.Г. Добродомов

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ УШАКОВ

Выдающийся русский языковед, географ и специалист по русской диалектологии, крупнейший лексикограф и педагог Дмитрий Николаевич Ушаков (12(24). I.1873, Москва – 17. IV. 1942, Ташкент), член-корреспондент АН СССР с 1939 г., родился в семье глазного врача в Москве.

После окончания 5-й Московской гимназии юноша поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где его учителями были выдающиеся языковеды Филипп Федорович Фортунатов (1848–1914) – основоположник Московской лингвистической школы, и филолог-полиглот Федор Евгеньевич Корш (1843–1915), оказавшие решающее влияние на формирование языковедческих взглядов Д.Н. Ушакова и верность принципам которых была пронесена ученым до последнего дня жизни.

Идеи общезыковедческой концепции Ф.Ф. Фортунатова впоследствии нашли прочное воплощение в общелингвистическом курсе Д.Н. Ушакова «Введение в языковедение», которое вышло тремя литографированными изданиями в 1908–1909, 1909–1910 и 1912 гг. и на основе которого было создано «Краткое введение в науку о языке», выдержавшее девять изданий в 1913–1929 гг. и сыгравшее важную роль в пропаганде лингвистической науки.

Под руководством Ф.Ф. Фортунатова была выполнена дипломная работа (по тогдашней терминологии, кандидатское сочинение) «Склонение у Гомера», которая получила высокую оценку и явилась основанием рекомендации талантливого выпускника университета 1895 г. для подго-

товки к профессорскому званию по кафедре сравнительного языкознания и санскритского языка.

Однако занятия научной работой были несколько отодвинуты многолетней преподавательской деятельностью в средних учебных заведениях, интенсивно продолжавшейся до 1913 г., хотя некоторые этнографические материалы о суевериях и обычаях крестьян, опубликованные в периодических изданиях, сохранили свою значимость до нашего времени (Ушаков, 1896). Увлечение этнографией в это время в значительной степени предопределило дальнейший глубокий интерес к русской диалектологии, которой он занимался три плодотворных десятилетия.

Дальнейшая трудовая деятельность в высшей школе Дмитрия Николаевича была связана с Московским университетом, где он был доцентом (1907–1918) и профессором (1918–1930), с Московскими женскими курсами (1909–1919), Государственным институтом слова, Высшим литературно-художественным институтом им. В.Я.Брюсова, Московским институтом философии, литературы, истории.

В научно-педагогической биографии Д.Н. Ушакова условно, но и четко выделяются три периода:

1) этнографо-диалектологический (дооктябрьский), когда основные работы были связаны с разработкой проблем русской диалектологии;

2) методический, когда основные усилия ученого были направлены в сферу создания школьных учебников и методических руководств к ним (20-е годы XX в.);

3) лексикографический (30-е годы) — время создания «Толкового словаря русского языка», вышедшего в 1934–1940 гг. под редакцией Д.Н. Ушакова в четырех томах.

В 1903 г. Дмитрий Николаевич поддержал инициативу фольклориста, историка русской литературы и диалектологии Александра Дмитриевича Григорьева (1874–1940) и вместе с другими московскими лингвистами организовал в 1904 г. Московскую диалектологическую комиссию (с 1919 г. Постоянная комиссия по диалектологии русского языка) при Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук, которую в качестве председателя возглавил академик Ф.Е. Корш, а товарищем (заместителем) председателя стал Д.Н. Ушаков, занявший председательское место после смерти Ф.Е. Корша (1915–1931) вплоть до ее преобразования в 1931 г. в Диалектографическую комиссию при Инсти-

туте языка и мышления АН СССР под председательством Н.М. Каринского (1878–1935).

Работа Московской диалектологической комиссии была сосредоточена преимущественно на изучении фонетических и грамматических особенностей русских народных говоров в отличие от петербургского центра при Отделении русского языка и словесности АН, где основное внимание уделялось сбору диалектных слов. Поступивший в Московскую диалектологическую комиссию материал обрабатывался и печатался в «Русском филологическом вестнике» в Варшаве и как «Труды Московской диалектологической комиссии» отдельным изданием в Москве и других местах.

Основной задачей Комиссии было составление «Диалектологической карты русского языка в Европе», которая отразила бы географические параметры распространения основных наречий русского языка – великорусского (собственно русского), белорусского и малорусского (украинского), в соответствии с понятиями того времени.

В недрах этой Комиссии зародилась и была выполнена эта задача: в соавторстве с Н.Н. Дурново (1876–1937) и Н.Н. Соколовым (1875–1923) вышла основополагающая для нашей диалектологии работа «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением “Очерка русской диалектологии”», вышедшая в Варшаве в «Русском филологическом вестнике» и отдельным оттиском в Москве как 5-й выпуск «трудов Московской диалектологической комиссии» на базе появившейся предварительно «Диалектологической карты русского языка в Европе» (Пг., 1914).

Хотя впоследствии были созданы другие классификации русских говоров, классификация Московской диалектологической комиссии сохраняет и сейчас не только исторический интерес, поскольку она отличается большой простотой и четкостью при опоре на минимальное число признаков: два фонетических и два морфологических. Другие же классификации менее очевидны и более сложны.

В 1915 г. при Московской диалектологической комиссии группа студентов Московского университета – учеников Д.Н. Ушакова, Н.Н. Дурново (1876–1937), М.Н. Сперанского (1863–1938) и В.Н. Щепкина (1863–1920) – организовала Московский лингвистический кружок, просуществовавший до 1924 г. и из недр которого вышли ряд известных лингвистов. Прошедшие через Московский лингвистиче-

ский кружок молодые филологи впоследствии внесли заметный вклад в мировую лингвистику.

Почти двадцатилетняя работа непосредственно в средних учебных заведениях до 1913 г. была продолжена в 20-е и 30-е годы XX в. в иной форме — в форме создания многочисленных и разнообразных учебных пособий для разного типа школ того времени, а также методических рекомендаций для учителей применительно к этим пособиям. Д.Н. Ушаков старался преодолеть пропасть между закосневшей школьной лингвистикой и новейшими достижениями лингвистики научной и поставить школьное языкознание на прочный научный фундамент.

Созданные одним Д.Н. Ушаковым или в сотрудничестве с другими авторами пособия состояли из учебных теоретических книг в комплекте с рабочими книгами и сборниками упражнений, обеспечивавшими разные стороны учебного процесса. Наряду с этими книгами для учащихся были и книги для учителей с указаниями и рекомендациями методического характера по использованию учебных книг. Многие из этих школьных пособий выдержали по несколько изданий.

Особенностью учебных пособий Д.Н. Ушакова было повышенное внимание к привитию школьникам навыков литературного русского произношения на базе старых московских норм, образцовым носителем которых являлся сам Дмитрий Николаевич, но развитие русской литературной фонетики шло все-таки по другому пути — пути интенсивного обновления: московское произношение изменялось в связи с притоком в Москву населения из разных регионов России. Несмотря на постоянную борьбу за старомосковское произношение и ряд орфоэпических походов (так по-военному он называл свои выступления в печати за московское произношение), русская орфоэпия пошла по другому пути, а Д.Н. Ушакову пришлось уступить.

Задачи орфоэпии он понимал широко, включая сюда и нормализацию морфологических явлений, вступая при этом иногда в спор со своим учителем Ф.Ф. Фортунатовым, который в университетском общем курсе 1901—1902 гг. «Сравнительное языковедение» отметил, например, появление в русском языке сложного слова *Москварека* с несклоняемой первой частью (аналогичное старому сложению *Новгород*, уже давно утратившему склонение первой части): «Например, в Москве существует слитное слово *Москварека* (с его словоизменением: *Москвареки*, *Москвареку*); это слово, хотя и разлагается на слова *Москва* (со значением известной реки) и *река*, однако отличается от сочетания значений

слов *Москва* и *река* (так как *Москварека* в целом является известным собственным именем)» (Фортунатов, 1956: 173).

Это явление живого русского языка, возникшее в «старом московском просторечии, было даже узаконено выпущенной в 1927 г. «желтенькой книжечкой» под заглавием «Технико-орфографические правила».

Д.Н. Ушаков счел это нарушением орфоэпии и решительно осудил употребление «московского сложного слова *Москва-река* с одним только ударением на первой части *Москва* и без ударения на второй *река* <...> и его склонения, в котором первая часть остается без изменения: *на Москва-реке, на Москва-реку* и т.д.» (Ушаков, 1995: 185–186, 313).

Но споры об этом гидрониме продолжались и дальше, на стороне учителя выступали ученики.

Ученик Д.Н. Ушакова С.И. Ожегов, определяя однозначно гидроним (т.е. речное название) *Москва-река* не как слово, а как сочетание, отмечает, однако, «что основное ударение в сочетании находится на второй части (*река*), а сохранение сильного (!) побочного ударения на первой части (*Москва*), свидетельствующего о грамматическо-смысловой значимости этой части, – еще более подчеркивает обязательность склонения» (Ожегов, 1974: 337–338).

Но и этим спор не закончен...

Для Д.Н. Ушакова весьма характерным было обращение к теоретическим проблемам языкознания в связи с практическими потребностями жизни в языковедческой проблематике. Такова его теоретическая работа по русской орфографии, возникшая в связи с большим вниманием русского общества к проблемам реформирования русского правописания.

В 1911 г. своей брошюрой «Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопрос о его реформе»¹ Д.Н. Ушаков включился в довольно сумбурную, длившуюся полтора десятилетия, орфографическую дискуссию начала XX в., которая, однако, закончилась торопливой реформой 1917–1918 гг., проведенной кадетским и большевистским правительствами и никого по-настоящему не удовлетворившей, зато подорвавшей авторитет традиционной орфографии и породившей целую серию проектов для дальнейших эксперимен-

¹ Ср. название книги И.А. Бодуэна де Куртенэ «Об отношении русского письма к русскому языку» (СПб., 1912), которая также была направлена преимущественно в область теории орфографии.

тов над орфографией в сторону ее упрощения, которые перманентно возникали в Советском Союзе до самого последнего времени и продолжают сейчас.

Д.Н. Ушаков не только активно участвовал в дискуссиях 20–30-х годов по проблемам упрощенного совершенствования русского правописания, но и вместе со своими учениками А.Б.Шапиро (1890–1966), А.А. Реформатским (1900–1978), Р.И.Аванесовым (1902–1982) С.Е.Крюковым (1897–1969) и др. составлял проекты орфографических и пунктуационных сводов, которые получили окончательное оформление в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г., утвержденных Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР после активной орфографической дискуссии 1954–1955 гг. на страницах журнала «Русский язык в школе» и «Учительской газеты». Но уже в начале 60-х годов новое поколение прожектеров провело новую дискуссию по усовершенствованному упрощению русской орфографии, окончившуюся выражением неприятия новшеств со стороны носителей русского языка, поэтому следующий безуспешный поход против орфографии 1956 г. состоялся только в 2001–2002 г. и тоже был осужден общественностью. В связи с этим разработанные Д.Н.Ушаковым и его учениками орфографические и пунктуационные правила доказали свою жизнеспособность, хотя сам Д.Н. Ушаков постоянно стремился их обновлять.

Вышедший в 1934 г. школьный «Орфографический словарь», который вытеснил многие параллельные словарики 20-х годов (например, весьма популярные словари И.В.Устинова, В.Флерова, И.И.Шапошникова и др., некоторые выдержавшие до 15-ти изданий), в течение более пяти десятилетий был основой школьной орфографической грамотности и выходил вплоть до 1990 г. (с 1944 г. в качестве соавтора выступал его ученик — С.Е.Крючков).

Орфография современного русского языка выросла не только из школьного «Орфографического словаря» Д.Н. Ушакова (и С.Е. Крюčkова) и подготовленного при его активном участии свода 1956 г., но и особенно из «Толкового словаря русского языка» под его редакцией.

К проблемам лексикографии Д.Н.Ушаков серьезно обратился в 1920 г., когда он вместе с группой филологов в составе: И.И. Гливенко, А.Е. Грузинский (1858–1930), Н.Н. Дурново (1876–1937), И.Н. Сакулин (1868–1930), А.А.Буслаев (1897–1964), — был включен в словарную комиссию, которая должна была реализовать замысел

В.И. Ленина 1920—1921 гг. по составлению краткого словаря классического русского языка от Пушкина до Горького по образцу французского однотомного словаря «Лярусс», хотя опыт такого словаря, оставшийся неизвестным В.И. Ленину, в русской лексикографии уже имелся. Однако он получил едва ли справедливую суровую и неаргументированную стереотипную критику со стороны лексикографов, восходящую к предисловию к «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д.К.Ушакова: «Нужда в справочном словаре литературного языка вызвала появление и других словарей, как неоконченный «Полный филологический словарь русского языка» А.И.Орлова, 2 тома, 1885 г., «Справочный словарь орфогра-фический, этимологический и толковый русского литературного языка» под ред. А.Н. Чудинова, 1901 г., «Малый толковый словарь русского языка» П.Е. Стояна, 1913 г. Они не могут идти ни в какое сравнение с академическими словарями и словарем Даля по охвату материала, ни по приемам его обработки и, находясь в стороне от научно-лингвистической традиции, во многом неудачны» (Толковый словарь, 1934: VII—VIII).

Эта оценка закрепились в дальнейшей традиции: «Нужда в учебном словаре литературного языка вызвала в конце XX в. появление таких словарей, составленных преподавателями средней школы, как неоконченный «Полный филологический словарь русского языка» А.И. Орлова (1885), «Справочный словарь орфографический, этимологический и толковый русского литературного языка» под редакцией А.Н. Чудинова (1901), «Малый толковый словарь русского языка <составлен по образцу Даля и “Лярусса”>» П.Е. Стояна (имевший несколько изданий в начале XX в.). Эти словари складывались в отрыве от научной лексикографической традиции и отражают слишком упрощенный взгляд их составителей на задачи литературного словаря» (Виноградов, 1941: 236).

Однако идея В.И. Ленина о создании словаря современного русского языка от Пушкина до Горького по типу малого «Лярусса», будучи начатой разработкой без особой подготовки проекта, вскоре была приостановлена и возродилась только в 1927—1928 гг., когда развернулась работа по составлению (сначала задуманного как двухтомный, затем — трехтомный, а реализованного как четырех-томный) «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, вышедшего в свет в 1934—1940 гг. усилиями авторского коллектива в составе В.В. Виноградова (1894—1969), Г.О.Винокура (1896—1947), Б.А.Ларина (1893—1964), С.И.Ожегова (1900—1964), Б.В. Томашевского (1890—1957).

В начале работы над словарем в коллективе было до полутора десятков человек, в том числе С.И. Бернштейн и И.А. Фалев и др. К концу издания основную работу под руководством Д.Н. Ушакова осуществляли преимущественно Г.О.Винокур и С.И.Ожегов.

Согласно воспоминаниям С.И. Ожегова, принимавшего активное участие в составлении «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, душой этого дела «были три человека, прекрасно дополнявших друг друга в таком начинании, как словарь, который должен был представлять универсальную характеристику языка»: В.В. Виноградов, «с его острым интересом к семантич., стилистич. структуре языка и прекрасный уже тогда знаток русской литературной речи в ее историческом развитии»; Д.Н. Ушаков «с его грамматическими и орфоэпическими интересами, исключительный знаток живой русской речи, литературной и диалектной», Б.В.Томашевский, «человек аналитического ума, прекрасный стилист, замечательный организатор, знаток русской литературы и зарубежного лексикографического опыта» (Словарь и культура, 2001:455).

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, по словам одного из его составителей С.И. Ожегова, «стал знаменем русской языковой культуры нашего времени... и получил мировую известность, особенно выросшую в послевоенные годы» (Словарь и культура, 2001: 396). Однако он с самого начала его появления подвергался как деловой научной, так и конъюнктурной, политической критике, причем последняя в лучших демагогических традициях продолжается и до сих пор под маской науки (Казимирский, Аптекарь, 1935; Гельгардт, 1945; Купина, 1995). Если первый памфлет в этой триаде упрекает словарь в недостаточной политизированности (идеологизированности), то в последнем не менее голословно и предвзято он же обвиняется в очень сильной политизированности. Крайности сходятся на беспочвенности и ангажированности. Но эти злобные выпады сейчас уже не могут подорвать авторитет словаря, который остается неизменно высоким.

... а караван идет ...

Значительные научные достоинства «Толкового словаря» определили его непреходящее влияние на развитие всей русской советской лексикографии: все значительные словари советской эпохи создавались с оглядкой на Ушаковский словарь, причем не всегда учитывалось, что он отражал не только устойчивую лексику русского языка, но и эфемерную

лексику своего времени, которая скоро вышла из употребления. Последующие нормативные словари такие слова то опускают, как это произошло с шутивным выражением *красный купец* «работник советского торгового аппарата», которое в более поздних словарях отсутствует и справки о котором сейчас получить негде, кроме Ушаковского словаря, то механически переносят в новые лексикографические справочники без привязки к определенному времени и без оправдательных цитат, как это случилось с загадочным англицизмом «ТИТЭСТЕР [тэстэ] , а, м. [от англ. *tee* — чай и *test* — пробовать] (спец.). Человек, определяющий сорт и качество чая» (IV, 711), попавшее из Словаря Ушакова во многие последующие словари и даже в «Сводный словарь современной русской лексики» (1991).

Заслуженное большое доверие советских лексикографов к Ушаковскому словарю иногда перерастает в не критическое к нему отношение, когда немногочисленные опечатки доверчиво воспроизводятся в последующих словарях, создавая так называемые призрачные слова, как это произошло с редким акцентологическим вариантом *жолнер* названия польского солдата *жолнёр*, которые «Толковый словарь» подал как равноправные, но в словарной статье над вторым словом отсутствовал знак ударения:

«**ЖОЛНЁР** и **ЖОЛНЕР**, а, м. [польск. *żołnierz*] Солдат-пехотинец в польской армии. *При помощи жолнеров самозванец пытался овладеть Москвой*» (I, 876). В части тиража опечатка была замечена, однако вместо знака ударения во втором варианте появились две точки над ё, что породило ошибочную форму *жолнёр*, попавшую как призрачный вариант в академический семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка»:

«**ЖОЛНЁР**, а, м. 1. Польский ратник, солдат-пехотинец. [Вишневецкий:] *Слушись еще подобная тревога, Я жолнерам стрелять велю.* А.Остр. Дм. Самозванец. *Навстречу красноармейцу, по своей сторожевой тропинке, движется польский жолнер.* Н.Остр. Как закал. сталь. 2. То же, что жалонер. *Потом сам отправился выбирать позицию для привала, осматривал ее, дождался жолнеров, расставлял их, встречал дивизию, размещал полки.* Голуб. Багратион. *Новобранцы строились у жолнеров с цветными флажками на штыках и под музыку уходили в ворота.* Рылов. Воспоминания. — С иным удар.: *жолнер* (пример см. выше). — Даль, Слов.: *жолнер*: Слов. Акад. 1898: *жолнёр*; Ушак. Толк.слов. 1934: *жолнёр* и *жолнёр* — польск. *żołnierz*» (IV, 181).

С некоторым запозданием один из составителей Ушаковского словаря акад. В.В. Виноградов частично исправил в 1956 г. уже вторичную ошибку академического семнадцатитомника, не затрагивая первоисточника ошибки:

«В слове *жолнер* утверждается ударение последнего слога (*жолнёр*). Между тем само определение первого значения («польский ратник») и пример из «Дмитрия Самозванца» А.Н.Островского (*Случись еще подобная тревога, Я жолнерам стрелять велю*) показывают, что нормой дал употребления слова *жолнер* (первом значении) должна быть форма *жолнер*. Так называемое второе значение, связанное с формой *жолнёр* <?>, является результатом контаминации со словом *жалонёр* <«солдат, поставленный для указания линии, по которой должна строиться воинская часть». — И.Д.> (франц. *jalonneur*) (т. IV, с. 181). Таким образом, в данном случае мы имеем дело с историческим взаимодействием разных, хотя и близких по звучанию слов, с взаимодействием, приведшим к своеобразной омонимии <в современной лексикологии она получила название паронимы. — И.Д.>, а затем, по-видимому, и к частичному слиянию омонимов. В Академическом словаре антиисторизм в подходе к словарному материалу сказался в резком искажении семантической перспективы» (Виноградов, 1956: 254).

Однако исправление ошибки оказалось запоздалым: ошибочная форма *жолнёр* в качестве единственно верной или параллельной к *жолнёр* (без учета отстаиваемой В.В.Виноградовым формы *жолнер*) проникла в академические, орфографические, орфоэпические, словообразовательные и т.п. словари и даже в академический «Сводный словарь современной <!> русской лексики» (т. 1. М., 1991, С. 326).

Аналогичным образом опечатка в реестровом слове *фанфаронада* «выходка, поведение фанфарона» при ненужной попытке точно передать орфографию французского *fanfaronnade* в виде вариативного написания *фанфарон(и)áда* (IV, 1039: вместо *фанфаронáда* и фанфароннáда) привело к появлению рядом с реальным галлицизмом русских текстов *фанфаронáда* призрачного слова *фанфароннáда* в академической лексикографии и в доверчивом гнездо-«Словообразовательном словаре русского языка» А.Н.Тихонова (М., 1985, т. II, с. 303, 839) как факта русского словообразования.

Есть у «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н.Ушакова и прямой потомок — однотомный «Словарь русского языка» С.И. Ожегова — верного ученика Дмитрия Николаевича. Этот сло-

варь начинал составляться еще в конце 30-х годов XX в. под руководством Д.Н. Ушакова на базе четырехтомного Ушаковского словаря. Кроме С.И.Ожегова в его составлении принимали участие Г.О. Винокур и В.А.Петросян, что и было отмечено в первом издании словаря, вышедшего в 1949 г. под редакцией академика С.П. Обнорского.

Бывший политический рецензент одноклассника Н.Ю. Шведова (см. Советская книга, 1949, № 9, с. 93–99), осуществлявшая после смерти С.И. Ожегова редактирование словаря, начала дополнять его не только новыми словами, но и материалами из «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, которые С.И.Ожегов не считал возможным по кардинальным соображениям включить в одноклассный словарь. Благодаря этому обстоятельству она сумела стать соавтором покойного лексикографа и сочла нужным вернуть однокласснику исходное название «Толковый словарь русского языка».

Получилось так, что «Словарь русского языка» С.И. Ожегова усилиями нового соавтора был уничтожен как особый тип краткого словаря и в новой редакции приобрел облик одноклассной компрессии для четырехтомных словарей, в которой обстоятельство толкований заменено скороговоркой, а подлинные цитаты — косноязычными составительскими речениями, причем много слов типа *обскурантка*, *педантка*, допустимых для словообразовательной системы, но не подкрепленных реальным употреблением, как и столь же сомнительные *обскурантесса*, *педантесса*, но не попавшие в словарь; такие слова служат исключительно для увеличения количества слов в словаре. Такой недостаток словарю Д.Н. Ушакова был присущ гораздо в меньшей степени.

Круг замкнулся...

Потомок словаря Д.Н.Ушакова — «Словарь русского языка» С.И.Ожегова — уступил место более компактным словарям, подобным «Учебному толковому словарю русского языка» В.Быкова, К.Быковой, И. Гартунга и С.Иванова (Берлин, 1996, 469 с.), став при соавторстве Н.Ю. Шведовой лапидарным аналогом бессмертного «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова.

В 1936 г. Дмитрий Николаевич стал доктором лингвистических наук, а в 1939 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Не случайно ученики Д.Н.Ушакова, сосредоточившиеся на кафедре русского языка Московского городского педагогического института имени В.П. Потемкина (впоследствии кафедре общего языкознания

Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина и Московского педагогического государственного университета), образовали ядро Московской фонологической школы, adeпты которой едва ли справедливо считали Д.Н. Ушакова «стихийным фонологом».

Школу Д.Н. Ушакова прошли многие лингвисты, в том числе Р.И. Аванесов (1902–1982), С.Б. Бернштейн (1911–1997), Г.О. Винокур (1896–1947), С.С. Высотский (1907–1986), И.Г. Голанов (1890–1967), А.М. Земский (1892–1946), С.Е. Крючков (1897–1969), П.С. Кузнецов (1899–1968), А.А. Реформатский (1900–1977), М.В. Светлаев (1898–1959), В.Н. Сидоров (1913–1968), А.Б. Шапиро (1890–1966), Р.О. Якобсон (1896–1982), Н.Ф. Яковлев (1892–1974).

Литература

Виноградов В.В. Толковые словари русского языка // Язык газеты. – М.; Л., 1941. – С. 353–395 (Цит. по переизд. в кн.: *Виноградов В.В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. – С. 209–242).

Виноградов В.В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии // Вопр. языкознания. – М., 1956. – № 5. – С. 80–94. (Цит. по переизд. в кн.: *Виноградов В.В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 243–264).

Казимирский К., Аптекарь М. Игры: Толковый словарь русского языка // Лит. газ. – М., 1935 г. 20 окт. – № 58 (549). – С. 4.

Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург; Пермь, 1995. – 143 с.

Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М., 1974 – 352 с.

Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. – М., 2001, – 560 с.

Фортуатов Ф.Ф. Избранные труды. – М., 1956. – Т. I. – 450 с.

Основные работы Д.Н. Ушакова

Ушаков Д.Н. Материалы по народным верованиям великорусов // Этнографическое обозрение, XXIX–XX. – М., 1896. – № 2/3. – С. 146–204. (Перепечатано частично в кн.: Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. – СПб., 1996. – С. 206–234).

Ушаков Д.Н. Введение в языковедение. – М., 1908–1909. – Вып. 1 – с. 47–91; 2-е изд. 1909–1910. – С. 47–92; 3-е изд. 1912. – 93 с.

Ушаков Д.Н. Краткое введение в науку о языке. – М., 1913. – 118 с.; ... 9-е изд. 1929. – 151 с.

Ушаков Д.Н. Русское правописание: Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопрос о его реформе. – М., 1911. – 102 с.; 2-е изд. 1917. – 116 с.

Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии // Рус. филол. вестн. – Варшава, 1915. – Т. 14, вып. 2. – № 4. – С. 211–314; То же: // Тр. Моск. диалектол. комисси. – М., 1915. – Вып. 9. – 6, 132 с.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Ушакова Д.Н. – М., 1934–1940. – Т. 1–4; Т. 1: А – Кюрины. – XXVI, 1568 стб.; Т. 2: Л – Ояловеть. – 1044 стб.; Т. 3: П – Ряшка. – 1428 стб.; Т. 4: С – Ящурный. – 1504 стб.

Ушаков Д.Н. Русский язык. – М., 1995. – 320 с.

Библиографию работ Д.Н. Ушакова (1896–1995) см.: Труды ученых филологического факультета Московского университета по славянскому языкознанию: Библиогр. указ. / Под ред. Бернштейна С.Б., Нересовой Э.А. – М., 1960–1979. – Т. 1–3, Т.1: 1917–1957. – С. 272–292; Т. 2: 1958–1967. – С. 294–295; Т. 3: 1968–1975. – С. 305.

Основные работы о Д.Н.Ушакове '

Аванесов Р.И., Винокур Г.О., Кузнецов П.С. и др. Дмитрий Николаевич Ушаков // Рус. яз. в шк. – М., 194 I. – № 3. – С. 92–93.

Аванесов Р.И. О моих учителях А.М. Селищеве и Д.Н. Ушакове // Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. – М., 1974. – С. 9–16.

Аванесов Р.И. Д.Н. Ушаков: (К 100-летию со дня рожд.) // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М.; 1973. – Т. 32, вып. 2. – С. 201–204.

Аванесов Р.И. Д.Н. Ушаков // Рус. речь. – М., 1973. – № 3. – С. 57–59.

Бернштейн С.Б. Дмитрий Николаевич Ушаков: (Страницы воспоминаний) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. филология. – М., 1973. – № 1. – С. 78–85.

Гельгардт Р.Р. К критике лингвистической концепции проф. Д.Н. Ушакова // Учен. зап. Перм. пед. ин-та. – Молотов, 1945. – Вып. 2. – С. 49–86.

Горшкова К.В. Вопросы орфоэпии в работах Д.Н. Ушакова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. филология. – М., 1973. – № I. – С. 86–90.

Истрина Е.С. Дмитрий Николаевич Ушаков // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М., 1945. – Т. 4, вып. 6. – С. 251–253.

Ожегов С.И. 30-летие со дня начала работы над словарем Д.Н. Ушакова // Словарь и культура. – М, 2001. – С. 453–458.

- Ожегов С.И.* Памяти Д.Н. Ушакова: 10 лет со дня смерти // Словарь и культура. – М., 2001. – С. 448–452.
- Петерсон М.Н.* Фортунатов и московская лингвистическая школа // Учен. зап. Моск. ун-та. – М., 1946. – Т. 3, вып. 2. – С. 25–35.
- Реформатский А.А.* Из истории нормализации русского литературного произношения: К 90-летию со дня рожд. Д.Н. Ушакова. (1673–1942) // Вопросы культуры речи. – М., 1964. – Вып. 5. – С. 5–7.
- Булахов М.Г.* Ушаков Дмитрий Николаевич // Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды: Библиогр. словарь. – Минск, 1977. – Т. 3: Л–Я. – С. 244–250.
- Добродомов И.Г.* Дмитрий Николаевич Ушаков (К 130-летию со дня рождения). – Рус. яз. в школе. – 2003. – С. 94–97.

Ф.М.Березин

ФЕДОТ ПЕТРОВИЧ ФИЛИН

Федот Петрович Филин (7.03.1908 – 5.05.1982) – выдающийся ученый-русист с необычайно широким и многосторонним кругом творческих интересов. Общеизвестно, что он является прежде всего историком русского языка и диалектологии, вместе с тем ему не чужды были вопросы социальной лингвистики и проблемы этногенеза славян, исторической лексикологии и лексикографии, культуры речи и языка художественной литературы.

Федот Петрович Филин родился 7 марта 1908 г., в деревне Селино Дубенского района Тульской области в семье крестьянина. Его общественная деятельность началась с середины 20-х годов, когда он начинает работать селькором тульских газет, возглавляет комсомольскую организацию в одном из сел Тульской области. Окончив Тульский педагогический техникум в 1928 г., он поступает на литературно-лингвистическое отделение педагогического факультета 2-го Московского государственного университета (с 1930 г. – Московский государственный педагогический институт), которое он окончил в 1931 г. Федот Петрович вспоминает об этом времени: “Мне пришлось учиться прежде всего на этом отделении у Н.М.Каринского, ученика академика А.И.Соболевского, у профессора М.Н.Петерсона. У первого я познавал начатки истории русского языка и диалектологии и сравнительного славянского исторического языкознания. Второму, Михаилу Николаевичу Петерсону, я чрезвычайно признателен тем, что он своим строгим методом и тренировкой обучил меня владеть фонетической транскрипцией, что потом, в дальнейшем, очень пригодилось” (Филин, 1988:72). В 1931–1936 гг. он учился в аспирантуре Яфетического института АН СССР (с 1932 г. – Институт языка и мышления АН СССР) по специальности “русский язык” и “общее языкознание”. С этим поступлением был связан переезд Федота Петровича из Москвы в Ленинград. В аспирантуру он поступил по рекомендации академика Н.Я.Марра (1864–1934),

который был его научным руководителем по общему языкознанию, а руководителем по русскому языку был академик С.П.Обнорский (1888—1962). Вспоминая свой путь в науку, Федот Петрович говорил в 1975 г., что воздействие идей Марра на молодежь и на многих немолодых тогда людей было очень значительным, ибо Марр пытался дать общую картину развития языков мира, начиная от самого становления человеческого общества до нашего времени. Увлеченность молодого Федота Петровича идеями Марра была настолько велика, что это дало основание В.М.Алпатову назвать Федота Петровича “ортодоксом марризма” (Алпатов, 1991:118). Впрочем, в дальнейшем в своей научно-исследовательской практике Федот Петрович отошел от ортодоксальных марровских идей.

В начале 30-х годов начинается самостоятельная творческая работа Федора Петровича Филина. В 1935 г. он защищает кандидатскую диссертацию на тему “Исследование о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии”, которая в 1936 г. вышла отдельной книгой.

Затем он работает в должности старшего научного сотрудника Института языка и мышления и параллельно доцентом Ленинградского педагогического института им. А.И.Герцена.

С первых дней Великой Отечественной войны Федот Петрович добровольцем ушел на фронт и по март 1946 г. был на фронте политработником. Его боевые заслуги в годы войны были отмечены боевыми орденами и медалями. После защиты в начале 1947 г. докторской диссертации на тему “Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи”, опубликованной в 1949 г. в виде отдельной монографии, Федот Петрович начал работать заместителем директора Института русского языка АН СССР (директор института академик С.П.Обнорский в то время был серьезно болен, и поэтому основная работа по руководству Институтом фактически лежала на его заместителе). В этой должности Федот Петрович проработал до 1 июля 1950 г. В декабре 1949 г. он был назначен ученым секретарем Президиума АН СССР и оставался в этой должности до 1 июля 1950 г. После известной дискуссии 1950 г. Филину пришлось на некоторое время забыть о карьере, и первые годы запрещалось даже ссылаться на его работы, а через два года после разгрома марризма Филин вместе с А.В.Десницкой подвергся новой и еще более жесткой проработке: говорят, что в последние месяцы жизни

Сталина каждую ночь Филин ждал ареста (Алпатов, 1991:195). Но с середины 50-х годов его карьера активно пошла вверх.

С 1954 г. Федот Петрович Филин был назначен заведующим Словарным сектором ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, председателем редколлегии (с шестого тома) семнадцатитомного “Словаря современного русского литературного языка”, удостоенного в 1970 г. Ленинской премии. Этого высокого звания Федот Петрович был удостоен как один из ведущих организаторов и руководителей работы наряду с А.М.Бабкиным, С.Г.Бархударовым, С.П.Обнорским, Е.С.Истриной (1883–1957) и В.И. Чернышевым (1867–1949).

60–70-е годы – это период широкого общественного признания научных заслуг Федота Петровича Филина и его наиболее высокого творческого подъема.

В июне 1962 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР. С 1964 по 1968 г. Федот Петрович возглавляет Институт языкознания АН СССР, затем назначается директором Института русского языка АН СССР (с 1968 по 1982). Являясь членом Бюро ОЛЯ АН СССР, он в течение нескольких лет выполняет обязанности заместителя академика-секретаря Отделения. Его назначают председателем экспертной комиссии по языкознанию Министерства высшего и среднего специального образования СССР (1965–1970), а позже председателем экспертного совета по филологии и искусствознанию ВАК при Совете Министров СССР. Он становится членом Пленума по Ленинским и Государственным премиям в области науки и техники при Совете Министров СССР. Наконец, с 1971 г. Федот Петрович возглавлял ведущий лингвистический журнал “Вопросы языкознания” вплоть до конца жизни.

За многолетнюю, творческую работу он был награжден орденами и медалями СССР. Его научная деятельность получила международное признание: в 1976 г. он был избран почетным доктором Ягеллонского университета в Кракове (Польша), а в 1977 г. Федот Петрович был избран почетным доктором Хельсинкского университета (Финляндия). Перу Федота Петровича принадлежит около 400 научных работ (среди которых девять монографий).

Вышедшая в 1936 г. монография Федота Петровича “Исследование о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии” сразу привлекла внимание лингвистов. “Эта книга, от-

крывшая новый этап в изучении народных говоров, представляла собой первый опыт системного исследования цельной тематической группы диалектной лексики” (Сороколетов, Белозерцев, 1978:12). Если раньше внимание обращалось на исследование фонетических и морфологических особенностей говоров, то здесь уже проявляется стремление Федота Петровича на основе диалектной лексики решать вопросы истории языка и истории народа, разрабатывать планы создания русской исторической лексикологии — темы, которая будет занимать значительное место в его дальнейших исследованиях. Много лет спустя Федот Петрович говорил: “Без должного учета лексики местных диалектов историческая лексикология как полноценная научная дисциплина вообще не может существовать” (Филин, 1963:320).

Уже после смерти автора в 1984 г. вышла обобщающая работа Ф.П. Филина “Историческая лексикология русского языка”, в которой он определяет задачи исторической лексикологии. Историческая лексикология, пишет Федот Петрович — дисциплина многоаспектная. Ее цель — показать, каковы были истоки словарного состава языка во всем его объеме еще в дописьменную эпоху, какими были инновации лексики этого языка после его обособления от других родственных языков, каким было его диалектное членение, какие процессы происходили в лексике и лексической семантике после возникновения и развития письменности. Ученые должны знать причины сложения каждого слова, время его возникновения, изменение его значений и оттенков значений, их связей со значениями других слов. На вопрос, возможно ли выполнение такой грандиозной задачи, Федот Петрович дает пока отрицательный ответ, хотя необходимо делать попытки наметить пути развития словарного состава языка хотя бы в общем, приблизительном виде. Для решения этого вопроса автор предлагает исходить из наследия, которое осталось древнерусскому языку от языка праславянского, а для этого нужна реконструкция праславянского словарного состава. И главным методом такой реконструкции Федот Петрович Филин считает этимологию в сочетании с лингвистической палеографией.

В “Исторической лексикологии русского языка” Ф.П. Филин раскрывает свое понимание термина “праславянский язык”, считая этот термин удобным, но условным. Праславянского народа или народности, считает автор, не было, а было этническое сообщество праславянских племен, объединенное общностью происхождения и близостью племенных диалектов. Праславянского языка не существовало: на нем никто не

говорил, а говорили на диалектах. “Ф.П.Филин применил в русской исторической диалектологии идею сложности праславянского лексического состава, понятие праславянского лексического диалектизма” (Иванов, Трубачев, 1982:5).

В работе “Образование языка восточных славян” (1962) Ф.П.Филин пишет: “Сравнительно-историческое языкознание установило, что первичный славянский язык выделился из группы древнейших близкородственных индоевропейских диалектов” (Филин, 1962:77). Этот язык Ф.П.Филин называет общеславянским (праславянским), который очень рано начал дробиться на диалекты. Исследуя праславянскую лексику, связанную с обозначением животных, растений, топонимических названий, Ф.П.Филин применяет метод лингвистической палеографии с целью установить территорию и относительную хронологию развития праславянского языка. Он пишет: “Если удастся установить географическую картину распространения языков, так или иначе связанных с праславянским, и изменения этой картины со времени существования праславянского языка, то тем самым будет определена прародина славян, границы которой несомненно не были стабильными” (Филин, 1962:77–78).

Основываясь на анализе названий лесов, озер, болот, рек, речек в общеславянском языке, Федор Петрович приходит к отрицанию вислодерской и некоторых других гипотез происхождения славян. Он полагает, что родина праславян во второй половине I тысячелетия до н.э. — в начале н.э. находилась в лесной полосе, расположенной между средним течением Днепра и Западным Бугом, южнее Припяти и севернее причерноморских степей (Филин, 1972:17). В истории праславянского языка Федот Петрович выделяет три этапа: 1) ранний этап — от времени образования общеславянского языка до конца I тысячелетия до н.э., 2) средний этап — с конца I тысячелетия до н.э. до III–IV в. н.э., 3) последний этап — V–VII в. н.э. Ф.П.Филин считает, что древний праславянский язык распался на ряд племенных диалектов. Общеславянские реконструируемые явления возникали в эпоху распада родового общества и расселения славян на обширных территориях. Все предшествующие деления праславянского языка на диалекты, изложенные в работах А.А.Шахматова (1864–1920), Тадеуша Лер-Сплавинского (1891–1965), Н.С.Трубецкого (1890–1938) и других ученых, обладают, по мнению Федота Петровича Филина, двумя недостатками: 1) они опираются лишь на немногие признаки фонетических различий, вовсе не

исчерпывающие диалектного разнообразия, и 2) исходят из наличия праязыка, что предполагает наличие диалектов или диалектных групп с более или менее четкими границами между ними. На самом деле, таких монолитных диалектных групп не существовало. Существовал единый язык восточнославянской народности, который в разных местах имел диалектные своеобразия. В эпоху восточнославянских племен не было еще зачатков русского, украинского и белорусского языков, поэтому нет оснований говорить о членении восточнославянского языка на два или три четко противопоставленных диалектных массива.

Историю восточнославянских диалектных явлений, прежде всего явлений древних, предшествующих и сопутствующих образованию русского, украинского и белорусского языков, Ф.П.Филин исследует в книге “Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк” (1972), являющейся продолжением книги “Образование языка восточных славян” (1962). Автор еще раз подчеркивает, что общеславянский язык с самого начала своего существования состоял из близкородственных диалектов или диалектных зон, состав и отношения между которыми постоянно менялись. Начало развития обще-славянского языка и истории его носителей не поддается определению. В то же время Ф.П.Филин отмечает, что уже во второй половине I тысячелетия до н.э. общеславянский язык имел схождения с древнебалтийскими диалектами и ошутительные связи с североиранскими языками. Праславянской археологической культуры как таковой не существовало. В первые века н.э. древняя славянская территория значительно расширяется, а сам общеславянский язык представлял из себя систему близкородственных диалектов, вероятно, соответствовавших древним племенам и племенным группировкам. Восстановить древнейшее диалектное членение общеславянского языка Ф.П.Филин считает невозможным. Общеславянский язык существовал много столетий, в течение которых не оставался неизменным. В VI–VII вв. н.э. славянские племена расселились на огромных территориях от Ильменя на севере до Греции на юге, от Оки на востоке до Эльбы на западе. В VII–IX вв. некоторые изменения фонетической системы, грамматические инновации, сдвиги в области лексики образовали особую зону на востоке славянского мира. Эта зона и составила язык восточных славян или древнерусский язык, унаследовавший от общеславянского языка фонетическую, грамматическую и лексическую основу. “Восточнославянский (древнерусский) язык первоначально был бесписьменным языком, представлявшим

собой ряд близкородственных диалектов... На базе древних диалектных зон восточнославянского языка, постоянно видоизменявшихся, впоследствии складываются современные восточнославянские языки: русский, украинский и белорусский” (Филин, 1972:30).

Переходя к своей излюбленной теме — исторической диалектологии, Ф.П.Филин говорит, что предметом древнерусской (как и любой другой) диалектологии является установление существовавших диалектных особенностей, их употребления, ареалов и дальнейшей судьбы. Главное внимание в книге и уделяется обнаружению диалектных языковых явлений, доставшихся восточнославянскому (древнерусскому) языку от древней общеславянской эпохи и возникших в самом этом языке в различные эпохи. Ф.П.Филин подробно и скрупулезно анализирует фонетические диалектизмы древнерусского языка, диалектные явления в морфологии и лексике. Если фонетические явления можно разделить на несколько групп: 1) древнейшие, возникшие до образования восточных славян, 2) древние, появившиеся после формирования языка восточных славян, и 3) поздние, то древнерусский язык имел единую морфологическую основу, которая в разных местностях реализовывалась не во всем одинаково. Что же касается лексики, то лексико-семантические своеобразия каждого из восточнославянских языков исчисляются многими сотнями тысяч. Прежнее же мнение о чуть ли не полной лексической монолитности древнерусского языка является безнадежно устаревшим.

“В нашем языкознании до сих пор не было работы, в которой вопросы происхождения, формирования и развития восточно-славянских языков были бы освещены с такой широтой и обстоятельностью” (Сороколетов, Белозерцев, 1978:24).

Изложенные выше теоретические положения нашли дальнейшую теоретическую разработку и углубленное развитие в другой работе Ф.П.Филина “Историческая лексикология русского языка” (1984), вышедшей уже после смерти автора незначительным, к сожалению, тиражом и потому малодоступной широкому кругу специалистов. В этой книге Федот Петрович еще раз уточняет свое понимание “праславянского языка”, считая этот термин понятием удобным, но условным. “Не было праславянского языка или народности, а было этническое сообщество праславянских племен, объединенное общностью происхождения и близостью племенных диалектов. Поскольку язык или диалект не только системно-структурная, но и коммуникативная единица, праславяне говорили на близкородственных диалектах, каждый из которых и был ре-

альной коммуникативной единицей, а праславянского языка (в современном понимании термина “язык”) не существовало: на нем никто не говорил, а говорили на диалектах” (Филин, 1984:30). С возникновением первичных государственных образований, с разрушением родового строя происходит и распад праславянского этноязыкового единства. Когда это произошло? Основываясь на данных “Этимологического словаря славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–7” (1974–1980), Ф.П.Филин приурочивает этот распад к VI–VII вв. н.э. Что же унаследовал язык восточнославянской народности из этой праславянской лексики? По мнению Федота Петровича, в этот язык вошли все общеславянские слова, слова только восточнославянские и слова, общие с южно-славянскими и западнославянскими языками. После VI–VII вв. н.э. положение меняется. Наблюдается серьезное расхождение между раннеславянскими народностями в лексике и лексической семантике. “После распада праславянской общности образовались родственные, но самостоятельные и неповторимые языки, а не диалекты одного языка, вроде современных” (Филин, 1984:44).

В X в. в Древнюю Русь был перенесен письменный старославянский язык, возникший на древнеболгарской основе. В это время у восточных славян уже существовал свой особый бесписьменный язык со сложным диалектным членением.

И отношения между старославянским и древнерусским языками были близкородственными, но различия между ними были не междиалектными, а, как полагает Ф.П.Филин, межъязыковыми. “В Древней Руси столкнулись два самостоятельных близкородственных языка. Результатом этого события огромного исторического значения было образование нового старославянского языка, обычно называемого древнецерковнославянским (старославянским), и собственно древнерусского письменного языка” (Филин, 1984:45).

Автор восстанавливает лексику этого древнерусского языка путем реконструкции около 170 лексико-семантических диалектизмов древнерусской эпохи, прибегая к методу этимологизации.

В предшествующей работе “Истоки и судьбы русского литературного языка” (1981) Ф.П.Филин отмечает, что в Древней Руси кроме церковнославянского был и другой письменный язык — язык юридических и административных документов, так называемый “деловой язык”. “Существование двух различных письменных языков — самая оригинальная черта языкового развития в России. Ничего подобного на Запа-

де не было. Но это было только до XVIII в. В XVIII в. русский деловой язык прекратил свое существование. Он был поглощен церковнославянским литературным языком” (Филин, 1981:18).

В XIII–XIV вв. в результате распада древнерусского языка стали складываться близкородственные, но самостоятельные языки великорусской, украинской и белорусской народностей.

Если XVII век – начало сложения русской нации, то в XVII в. она уже существовала, и в XVIII в. закладываются начала современного русского литературного языка. В третьей главе книги “Истоки и судьбы русского литературного языка” “Что такое литературный язык” Ф.П.Филин подробно характеризует общие свойства и особенности литературных языков. Он не дает определения литературного языка как такового, отмечая только, что литературный язык возникает вместе с классовым обществом и указывает на сходство и различия между литературными языками донациональной и национальной эпох. Общими для литературных языков этих периодов он считает наличие письменности, известную обработанность литературного языка, его наддиалектность и функционирование в качестве средства цивилизации. Отличает литературные языки донациональной эпохи от национальных литературных языков то, что донациональные литературные языки не составляли единой системы с разговорной речью, не обслуживали всех нужд общества, допускали существование диалектизмов.

Ф.П.Филин не определяет понятия донационального и национального литературных языков. Он склоняется к той точке зрения, согласно которой, если сфера употребления литературного языка в национальный период расширяется и он начинает играть ведущую роль в системе национального языка, то его можно назвать национальным литературным языком. Ф.П.Филин расширяет набор тех дифференциальных признаков, которые являются обязательными для литературного языка. К таким признакам, как нормированность, общеобязательность, стилистическая дифференцированность, поливалентность (обслуживание всех сфер общения), он добавляет признаки стабильности, благодаря чему нормы литературного языка сохраняются в течение длительного времени, и наличия устной и письменной разновидностей литературного языка. Причем эти признаки характерны не только для современного русского литературного языка, но и для большинства других национальных литературных языков. Это замечание существенно, поскольку эти признаки являются не постоянными, а скорее переменными, так как разли-

чия в функционировании литературных языков зависят от конкретно-исторической ситуации в той или иной стране. Завершая свою книгу, Ф.П.Филин пишет: “Главным видом проявления языка в наше время является общепринятый нормированный литературный язык, которым мы пользуемся во всех сферах нашей жизни. Нормы современного русского литературного языка гибки и подвижны, но устойчивы в данный отрезок времени и общеобязательны, причем устойчивость является их главной, ведущей особенностью. Если бы господствовали подвижность, изменчивость, языку угрожал бы распад, хаос, во всяком случае диалектное дробление” (Филин, 1981:311). “Этот труд (книга “Истоки и судьбы русского литературного языка”. — Ф.Б.) с полным основанием можно назвать своеобразной энциклопедией истории русского литературного языка. В нем с поразительной силой раскрылись и исследовательский талант ученого, и полемический дух, и глубокая, искренняя любовь к родному языку, и яркость его неповторимой стилистической манеры” (Горбачевич, 1983:88).

Перешагнув 70 лет, Федот Петрович говорил близким сотрудникам, делясь сокровенными желаниями: “Я еще хочу написать книгу о русском литературном языке и книгу по теории языкознания”. Именно так и обещал — не три, не четыре и не цикл исследований, а две эти книги — и ушел от нас человеком слова, выполнив обещанное. Это книги “Истоки и судьбы русского литературного языка” и “Очерки по теории языкознания” (1982).

Федот Петрович Филин был ученым с широким научным кругозором. Будучи прежде всего историком и диалектологом русского языка, он занимался и теоретическими вопросами языкознания. “Интерес к теории языкознания в разной степени свойствен любому лингвисту. У меня лично этот интерес пробудился еще в студенческие годы. Работая уже более полувека в области русистики и славистики, я постоянно задумывался над природой языка, его общих и частных свойств, и пытался ответить на многие волновавшие меня вопросы... Кажется, теперь пришла пора подвести некоторые итоги. Так появилась мысль подготовить настоящую книгу” (Филин, 1982:16), в которой излагаются некоторые общелингвистические взгляды ученого.

Прежде всего Ф.П.Филин уточняет предмет языкознания как науки. Он говорит, что “предмет языкознания шире, чем описание устройства самого языка, в него входят как его органическая часть общественные функции языка и воздействие общества на язык, как и воздействие

языка на общество” (Филин, 1982:27). Языкознание принадлежит к тем научным дисциплинам, которые всегда связаны с философией, ибо, как и философия, языкознание нередко используется в мировоззренческих целях. “Когда речь заходит об общей концепции языкознания, вступает в силу его зависимость от философии” (Филин, 1982:55). “Обращение к общему языкознанию... необходимый итог деятельности Филина-исследователя... Покойный ученый был во многом прав, отстаивая и рекомендуя путь в общую теорию языка через обязательный этап исследовательской работы с конкретным языковым материалом” (Иванов, Трубачев, 1982:6).

Центральным вопросом языкознания всегда был и остается вопрос, как “устроен” язык, и вечным вопросом является проблема взаимоотношения языка и мышления.

Язык, неустанно подчеркивает Ф.П.Филин, это особого рода система, присущая только человеческому языку, и основополагающим принципом современной лингвистики считается *системный* подход к языку. “Не надо отождествлять категории “язык” и “система”, – предупреждает Ф.П.Филин (Филин, 1981:10). Понятие “языковая система” в лингвистике всегда существовало, оно только менялось. Ф.П.Филин соглашается с утверждением, что язык – не замкнутая, а открытая система, т.е. в ней всегда что-то убывает, а что-то прибавляется. Все это указывает на какие-то изменения, а сами изменения остаются нераскрытыми. В самом языке всегда заложены разные потенции, которые одновременно могут реализовываться и вступать в противоречия друг с другом. “В системе языка присутствует антисистема” (Филин, 1982:88) благодаря наличию в ней противоречий. Языковые противоречия Ф.П.Филин делит на внешние и внутренние. Внешние противоречия обусловлены воздействием языковых и диалектных систем, за которыми стоят изменения общественного характера. В качестве примера внешнего противоречия он приводит языковую ситуацию Древней Руси, когда старославянский язык церковных книг вступил в противоречие с близкородственным древнерусским языком. В первых переписанных на Руси памятниках обнаруживаются отступления от норм старославянского языка под влиянием живой восточнославянской речи. В ходе исторического развития русского языка было преодолено внутреннее противоречие между развитой системой прошедших времен (аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект) и формой настоящего – будущего времени за счет появления системы глагольных видов. Противоречия возникают

на всех уровнях языка на базе столкновения различных норм внутри отдельного языка. Понятие нормы, по мнению Ф.П.Филина, теснейшим образом связано с понятием системы языка, реально существующей в данный момент ее развития. “Язык представляет собой сложную систему, в которой слова цементируются грамматическими и лексико-семантическими отношениями, без чего немислимы связная речь, общение между людьми, познание и перестройка мира — неперемное условие существования человеческого мира” (Филин, 1982:218).

В целом Ф.П.Филин понимает систему языка как комплекс органически связанных между собой компонентов (языковой субстанции и языковых связей), а структуру языка — как сами связи между компонентами. Равновесие и устойчивость системы всегда относительны. Система языка исторически изменчива. Она возникает, развивается и затем постепенно превращается в иную систему. Понять систему языка можно только с учетом ее исторического развития, и единственным методом объяснения системы Ф.П.Филин считает исторический. Языковая система относительно самостоятельна: она существует не автономно, а испытывает на себе влияние социологических, психологических, физиологических и иных обстоятельств. Язык, по его мнению, — система, полная противоречий. В ней одновременно существует и отмирающее, и нарождающееся, т.е. действующие в противоположных направлениях тенденции. Ф.П.Филин не устает подчеркивать, что равновесие и устойчивость системы всегда относительны. Система возникает, развивается и затем постепенно переходит в другое состояние, превращается в другую систему. Вне истории, вне времени и пространства систем не бывает.

Затрагивает Ф.П.Филин вопрос о том, что же такое прогресс языка. “Прогресс языка, — пишет он, — заключается в возможностях выражать все достижения человеческой мысли, огромные успехи которой неоспоримы. Это главное. Формы выражения в каждом языке специфичны, но это не такая специфика, которая отгораживала бы китайской стеной друг от друга народы и нации” (Филин, 1982:13).

В монографии “Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектический очерк” (1972) Ф.П.Филин отстаивает и доказывает важнейший социолингвистический тезис: только языковое единство служит надежным показателем этнической общности. Возвращаясь позднее к проблемам социолингвистики, он разъясняет свое понимание этой области языкознания: “Язык — создание общества, и все в нем общественно. Что же в таком случае нужно понимать под

социолингвистикой?... По-видимому, за ним (этим термином) нужно закрепить два значения: 1) изучение зависимости языка, его структуры от общества, иначе говоря, социальной обусловленности языковых явлений и 2) изучение общественных функций языка, его роли в обществе, воздействия на общество” (Филин, 1982:131).

Одну из важнейших задач советской социолингвистики Ф.П.Филин видел в решении проблемы двуязычия в нашей стране на данном этапе развития.

Что же касается функций языка, то Ф.П.Филин выделял две главные функции языка — 1) как средство сознательного общения между членами языкового коллектива и 2) закрепления в сформировавшейся памяти опыта их деятельности — общественные функции языка, связанные с задачами социолингвистики.

Под общественными функциями языка Ф.П.Филин понимает назначение языка в обществе. Общественные функции языка, по его мнению, и их история очень плохо изучены, наблюдения, относящиеся к этому предмету, разрознены и не обобщены. Сам Ф.П.Филин подчеркивает, что общественные функции языка не являются чем-то внешним относительно его структуры, системных связей, закономерностей его развития; общественные функции языка активно воздействуют на его структуру, во многом определяют направление ее развития. “Изменение общественных функций языка определяется всем ходом развития общества, в том числе и сменой общественных формаций. Структура языка не безразлична для целей общения. Изменение общественных функций влечет за собой и изменение как отдельных элементов языковой структуры, так и постепенно структуры в целом” (Филин, 1982:154). Чем успешнее, полагает он, языкознание разрабатывает проблемы языка, связанные с его общественными функциями и самой его социальной сущностью, тем большим вниманием оно пользуется в обществе.

Высказывая эти соображения о методах изучения общественных функций языка, Ф.П.Филин полагает, что при этом следует шире опираться на общественное мнение, начать более глубокое социолингвистическое изучение языка, исследовать взаимоотношение языка и общества, языка и нации, ибо язык есть первостепенный признак нации. Каждый национальный язык, утверждает Ф.П.Филин, имеет свои пути развития, но в то же время все национальные языки имеют и общие особенности, каковыми являются их устойчивость, наличие литературного языка, затухание диалектной речи.

В лингвистическом наследии Ф.П.Филина особое место занимают его рассуждения о слове, его значении, вариантах слова. Способность связываться между собой самых различных по значению слов он считает универсальным свойством языка — речи. Под лексическим значением слова он понимает “предметное (в широком смысле) содержание слова, соотношенность слова к объективно существующему миру вещей, процессов, явлений. В основе лексического значения лежит понятие, которое, однако, не тождественно значению” (Филин, 1982:230). Между словами и их значениями, по мнению Ф.П.Филина, существуют весьма различные связи, которые в совокупности составляют лексико-семантическую систему языка, систему открытую, подвижную, развивающуюся через преодоление разного рода противоречий.

Весь словарный состав языка Ф.П.Филин делит на группы слов, на “семантические поля”, и совокупность этих групп составляет лексико-семантическую систему языка, лексико-семантические группы слов, сосуществующие с тематическими группами слов. “Общее между тематическими и лексико-семантическими группами слов заключается в том, что и те, и другие группы отражают познанную объективную действительность... Различие между этими типами связей слов определяется тем, что лексико-семантические группы слов представляют собой продукт законов и закономерностей развития лексической семантики языка, тогда как тематические группы слов, само их наличие или отсутствие в каком-либо языке, их состав зависят только от уровня знаний того или другого народа... Отношения между словами в тематических группах строятся только на внешних отношениях между понятиями... Иное дело лексико-семантические группы слов, представляющие собой внутреннее, специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития. Яркий пример тому — синонимические разряды слов” (Филин, 1982:233–235).

Различие этих двух групп слов позволяет определить особенности входящих в эти группы слов, их языковую специфику, семантическую производность, возможную сочетаемость. В целом же пропасти между тематическими и лексико-семантическими группами слов нет и не может быть, полагает Ф.П.Филин.

Из лексикологических проблем заслуживают упоминания Ф.П.Филина о вариантах слова. В русском языке нередко одно и то же лексическое значение имеет различное звуковое выражение (*ноль* и *нуль*, *зал* и *зала*). Являются ли подобные слова двумя самостоятельными сло-

вами или вариантами одного и того же слова? Ф.П.Филин считает их *вариантами* и выделяет *фонематические варианты* слова (*калоша* и *галоша*, *матрац* и *матрас*), *акцентоло-гические варианты* слова (*замок* и *замбк*, *мука́* и *му́ка*) и *формально-грамматические варианты* (*продрог* и *продрогнул*, *закаливать* и *закалять*). Иными являются соотношения типа *лиса-лисица*, *обжог-ожог*, поскольку здесь словообразовательные морфемы создают новые лексико-семантические единицы, которые включаются в различные части речи.

Особые варианты слов Ф.П.Филин выделяет в русских говорах, прежде всего варианты фонетические (*увёсь* “весь”, *игорбд*<*ыгород*<*огород*), варианты морфологические (яросл. *орожать* “поражать”, калуж. *аяльник* “болтун”) и варианты, возникшие в результате “народной этимологии” (*грыжовник*<*грызть*, *околодбк* вместо *околоток*<*колода*).

В 50-е годы у Ф.П.Филина назревает необходимость обобщить накопленные материалы по диалектной лексике, и он выступает инициатором создания многотомного “Словаря русских народных говоров”. В 1957 г. он назначается руководителем группы этого словаря, а в 1961 г. выпускает “Проект” Словаря русских народных говоров”, явившийся вкладом в развитие общей теории диалектной лексикологии. И с первого выпуска (1965) вплоть до 18-го выпуска Ф.П.Филин был бессменным главным редактором этого словаря. Теоретические взгляды на проблемы диалектной лексики Ф.П.Филин изложил в статье “Диалектное слово и его границы” (1982). Под диалектным словом он понимает слово, имеющее локальное распространение и в то же время не входящее в словарный состав литературного языка. Решающим признаком принадлежности слова к диалектной лексике является локальная ограниченность его употребления, т.е. наличие у слова изоглоссы в пределах территории, которую занимает язык. От различных пластов лексики литературного языка диалектная лексика отличается рядом особенностей. Прежде всего он различает диалектные слова и разговорно-просторечные слова, которые входят в словарный состав литературного языка. Это лексика общерусского характера.

Диалектизмы Ф.П.Филин подразделяет на лексические (*кволий* “слабый, больной”, *лони(сь)* “в прошлом году”) и семантические, имеющие различия в лексических значениях (*руда* “кровь”, *губы* “грибы”). Четко определив отношения диалектных слов к лексике литературного

языка, Ф.П.Филин установил определенные критерии отбора слов в диалектологический словарь.

Подобно указанным выше вариантам слов в литературном языке, в статье “О лексикализованных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах” (1982) Ф.П.Филин выделяет в диалектной лексике *варианты фонетические* (ярманга “ярманка”, бладенец “младенец”), варианты морфологические (яросл. *орожать* “поражать”, калуж. *алясник* “болтун”) и *варианты, возникшие в результате “народной этимологии” и искажений, заимствованных из книжного языка слов* (*грызовник* <грызть, бакет <букет).

В создаваемом под руководством Ф.П.Филина “Словаре русских народных говоров” эти идеи получили полное воплощение.

Ф.П.Филин всегда болел за судьбы родного языка. Почти четверть века назад он резко выступил против засорения его ненужными заимствованиями, прежде всего американизмами. Что же нас заставляет задумываться и бить тревогу, когда речь заходит о вторжении американизмов в современный русский язык, спрашивал он. И отвечал: беспрецедентное их количество, особенно в специальной терминологии, причем намечается тенденция вытеснения ими уже существующих точных русских соответствий. Масса американизмов, с тревогой говорил он, вторгается в русский язык, но мало заметно воздействие русской лексики на английскую. И, наконец, наметившееся у некоторых лиц бездумное лингвистическое подражание всему американскому. Если раньше говорили о французско-нижегородском наречии, то теперь пришла пора говорить об американо-нижегородском слэнге.

Слова эти, сказанные Ф.П.Филиным, борцом за чистоту русского языка, особенно актуально звучат в наше время, когда борьба за культуру русской речи поднимается на общенациональный уровень.

Огромную работу проделал Ф.П.Филин в качестве ответственного редактора различных книг, в том числе и книг автора настоящей статьи. Меня всегда удивляло и восхищало его умение точно указать на тот или иной аспект лингвистических взглядов анализируемого русского лингвиста, пожелание включить в хрестоматию ту или иную работу русского языковеда. Все это свидетельствовало о его глубоком знании истории отечественного языкознания.

“Увлеченность, творчество, преданность науке, неизменная влюбленность в родной язык и его историческое прошлое, постоянные поиски новых путей исследования языка, забота о судьбе науки — таковы наи-

более характерные черты Ф.П.Филина как ученого” (Сороколетов, Белозерцев, 1978:31).

Литература

- Апатов В.М.* История одного мифа: Марр и маризм. — М., 1991. — 240 с.
- Горбачевич К.С.* Федот Петрович Филин: (1908–1982) // Рус. речь. — М., 1983. — №2. — С. 82–89.
- Иванов В.В., Трубачев О.Н.* Федот Петрович Филин: (1908–1982) // Вопр. языкознания. — М., 1982. — № 4. — С. 3–9.
- Сороколетов Ф.П., Белозерцев Г.И.* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности Ф.П.Филина // Федот Петрович Филин. — М., 1978. — 85 с. — (Биобиблиография ученых СССР).
- Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. — М.; Л., 1962. — 294с.
- Филин Ф.П.* О составлении диалектологических словарей славянских языков // Славянское языкознание: Докл. сов. делегации, 5-й междунар. съезд славистов (София, сент. 1963). — М., 1963. — С.318–346.
- Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Ист. диалектол. очерк. — Л., 1972. — 655 с.
- Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. — М., 1981. — 327с.
- Филин Ф.П.* Очерки по теории языкознания. — М., 1982. — 336 с.
- Филин Ф.П.* Историческая лексикология русского языка. — М., 1984. — 175с.
- Филин Ф.П.* Мой путь в науке // Рус. речь. — М., 1988. — № 2. — С. 71–79.

Основные работы Ф.П.Филина

- Филин Ф.П.* Исследование о лексике русских говоров: По материалам с.-х. терминологии. — М.; Л., 1936. — 208 с.
- Филин Ф.П.* Очерк истории русского языка до XIV столетия. — Л., 1940. — 172с.
- Филин Ф.П.* Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи: (По материалам летописей). — Л., 1949. — 288 с.
- Филин Ф.П.* Происхождение и развитие русского языка. — М., 1954. — 47 с.
- Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. — М.; Л., 1962. — 294 с.
- Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектол. очерк. — Л., 1972. — 655 с.
- Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. — М., 1981. — 326 с.
- Филин Ф.П.* Очерки по теории языкознания. — М., 1982. — 336 с.
- Филин Ф.П.* Историческая лексикология русского языка. — М., 1984. — 174 с.

Библиографию трудов Ф.П.Филина с 1931 по 1977 см.: Федот Петрович Филин. – М., 1978. – С. 37–64. – (Библиография ученых СССР).

Основные работы о Ф.П.Филине

Балахонова Л.И. Ф.П.Филин: (К шестидесятилетию со дня рождения) // Научн. докл. высш. шк. Филол. науки – М., 1968. – № 2. – С. 131–132.

Горбачевич К.С. Федот Петрович Филин: (1908–1982) // Рус. речь. – М., 1983. – №2. – С. 82–89.

Дерягин В.Я. Проблемы исторической лексикологии русского языка в трудах Ф.П.Филина // Филин Ф.П. Историческая лексикология русского языка. – М., 1984. – С. 3–14.

Иванов В.В., Трубачев О.Н. Федот Петрович Филин: (1908–1982) // Вопр. языкознания. – М., 1982. – № 4. – С. 3–9.

Максимов В.И., Сороколетов Ф.П. Федот Петрович Филин: (К 70-летию со дня рожд.) // Научн. докл. высш. шк. Филол. науки. – М., 1978. – № 1. – С. 124–126.

Протченко И.Ф. Федот Петрович Филин: (К 70-летию со дня рожд.) // Рус. яз. в шк. – М., 1978. – № 1. – С. 119–121.

Сороколетов Ф.П. Федот Петрович Филин: (К 60-летию со дня рожд.) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М., 1968. – Т. 27, вып. 1. – С. 79–81.

Сороколетов Ф.П., Белозерцев Г.И. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Федот Петрович Филин: – М., 1978. – С. 7–31. – (Библиография ученых СССР).

Филин Ф.П. Автобиография // Сборник научных трудов комсомольцев Академии наук СССР. – М.; Л., 1936. – С. 466–467.

Филин Ф.П. Мой путь в науке // Рус. речь. – М., 1988. – № 2. – С.71–79.

В.М.Алпатов

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ХОЛОДОВИЧ

Александр Алексеевич Холодович (11(24) мая 1906, Кронштадт — 20 марта 1977, Ленинград) — выдающийся советский лингвист, японист, корейст, теоретик языкознания, типолог.

А.А.Холодович в 1926 г. окончил отделение японоведения Ленинградского университета. Его основным учителем студенческих лет был Н.И.Конрад (1891—1970), крупнейший отечественный специалист по культурам Японии и других стран Дальнего Востока. Отношения учителя и ученика, развивавшиеся почти полвека, были достаточно сложными, не раз прерывались, а затем восстанавливались. А.А.Холодович получил у Н.И.Конрада всестороннюю подготовку в области японистики, но если для Конрада язык был лишь одним из проявлений культуры, то Холодовича привлекал анализ языка как такового, собственно лингвистический подход к языковым явлениям.

Считая свою лингвистическую подготовку недостаточной, А.А.Холодович поступил в аспирантуру научно-исследовательского Института речевой культуры в Ленинграде, где прошел курс обучения у академика Н.Я.Марра. Марровским “новым учением о языке” тогда увлекались многие языковеды, особенно молодые. Их привлекали нетрадиционность подхода Марра, поиски новых горизонтов в науке. Влияние “нового учения” проявилось в ранних публикациях Холодовича. В одной из них он, например, предсказывал формирование в скором будущем “международного языка бесклассового общества”, который по строю будет напоминать китайский (Холодович, 1930:187). Однако к середине 30-х годов ученый отошел от марризма и впоследствии оценивал Марра и его идеи резко критически. Большое значение для Холодовича имело изучение трудов классиков науки о языке, особенно А.А.Потебни, Впо-

следствии (в письме к Н.А.Сыромятникову 1946 г.) он именно Потебню называл своим “подлинным учителем” (Алпатов, 1988:176).

Среди друзей А.А.Холодовича аспирантских лет отметим В.Н.Волошинова, автора (соавтора?) знаменитой книги “Марксизм и философия языка”. После окончания аспирантуры Холодович недолго преподавал в Саратове, затем вернулся в Ленинград, где работал до конца жизни. В 30-е годы он преподавал в Ленинградском университете, где в 1938 г., после ареста Н.И.Конрада, стал заведующим кафедрой дальневосточных языков и литератур, а с 1940 г. — заведующим воссозданной кафедрой японской филологии. Среди его учеников тех лет следует отметить Н.А.Сыромятникова. Параллельно Холодович по совместительству работал в Институте востоковедения АН СССР; он также был тесно связан и с Институтом языка и мышления АН СССР. Помимо японского языка Холодович в это время начинает заниматься корейским языком, традиции изучения которого в нашей стране после революции были на некоторое время прерваны. Публикуются первые крупные работы ученого, посвященные японскому и корейскому языкам, из которых особо выделяется книга (Холодович, 1937), на основе которой была защищена кандидатская диссертация. Она стала не только первым у нас систематическим описанием старописьменного японского языка в том его варианте, который продолжал функционировать в первой половине XX в., но и изложением оригинальной лингвистической концепции.

После войны А.А.Холодович продолжал работу в университете, где заведовал сначала кафедрой японской филологии, а с 1952 г. — вновь организованной кафедрой корейской филологии. В 1949 г. он защитил докторскую диссертацию, ему было присвоено звание профессора. Его диссертация (Холодович, 1949) в трех томах была посвящена разнообразным проблемам строя японского языка и, как и все его труды, содержала разработанную общетеоретическую концепцию. К сожалению, она так и не была опубликована, а третий ее том, по-видимому, утерян. Ряд разделов диссертации опубликованы в виде статей, отметим среди них (Холодович, 1946; Холодович, 1948а, б; Холодович, 1952). Другой крупной работой А.А.Холодовича тех лет стала первая (и до сих пор единственная) в нашей стране подробная грамматика корейского языка (Холодович, 1954). Относящиеся к этому же времени лекции по корейскому языку XV в. опубликованы посмертно (Холодович, 1986).

В 1961 г. в жизни ученого произошел резкий перелом. Он оставил работу в университете и перешел в Ленинградское отделение Института

языкознания АН СССР, где возглавил вновь созданную группу структурно-типологического (затем типологического) изучения языков, которой руководил до конца жизни. Исследования по теории языка и лингвистической типологии, и раньше его увлекавшие, теперь стали основной сферой его деятельности. Группа стала одним из центров теоретической лингвистической мысли в СССР. А.А.Холодович создал школу лингвистов-теоретиков и типологов. В группе работали В.С.Храковский, В.П.Недялков, И.Б.Долинина, Н.А.Козинцева и др., постоянно сотрудничали с группой С.Е.Яхонтов, В.Б.Касевич и др. Коллектив, сложившийся вокруг Холодовича, подготовил два фундаментальных труда (Типология, 1969; Типология, 1974), в которых соответственно каузативные и пассивные конструкции большого количества языков мира описывались на основе единого общетеоретического подхода, в основном разработанного создателем группы. После смерти Холодовича коллективные труды аналогичного типа продолжают публиковаться. Помимо этого А.А.Холодович публиковал проблемные статьи по теории лингвистики и лингвистической типологии, отметим среди них (Холодович, 1966; Холодович, 1967; Холодович, 1970 а, б); см. также (Мельчук, Холодович, 1970). В последние годы жизни он вернулся к изучению японского языка и работал над книгой “Глагол в современном японском языке”, оставшейся незаконченной. Написанные им главы книги вместе с переизданием ранее публиковавшихся статей составили посмертную монографию (Холодович, 1979).

Работая в Ленинграде, Холодович был довольно далек от Ленинградской школы языковедов (хотя использовал некоторые идеи Л.В.Щербы), но имел определенное сходство с Московской школой. С некоторыми представителями этой школы, особенно с А.А.Реформатским, он дружил многие годы. В то же время он испытал значительное влияние концепций западного структурализма и старался их использовать и развивать.

Характеризуя творческий метод А.А.Холодовича, его ученик В.С.Храковский писал: “А.А.Холодович был ученым необычайно широкого творческого диапазона. Японистика и корееведение, грамматическая теория и типология, синтаксис и семантика, наконец, история языкознания – вот далеко не полный перечень тех проблем, исследованию которых была посвящена почти полувековая плодотворная деятельность ученого... В своем подходе к языку А.А.Холодович был прежде всего типологом. Он полагал, что все конкретные языки решают одни и те же

смысловые задачи, хотя для решения одной и той же задачи в различных языках, да и в одном и том же языке, могут использоваться разные способы и средства. Выделить исходные универсальные смысловые задания и установить набор формальных средств, применяемых для их решения, — вот та цель, к осуществлению которой, по мысли А.А.Холодовича, должна стремиться лингвистическая типология. Этой цели и было подчинено все его творчество... В его книгах и статьях высокая теоретичность удачно соединяется с пристальным вниманием к эмпирическим данным” (Храковский, 1979:3–7).

Оригинальность подхода проявилась уже в первой крупной публикации А.А.Холодовича — книге (Холодович, 1937). Ее проблематика далеко не ограничивалась синтаксисом в обычном понимании этого термина. Ученый понимал синтаксис очень широко: “Предметом синтаксиса являются отношения между элементами языка” (Холодович, 1937:8), не только между словами и предложениями, но и между частями слова. Выделялись синтаксис слова, словосочетания и фразы (сложного предложения). Холодовича интересовали не только особенности каждого из видов синтаксиса, но и общие закономерности. Синтаксис любого рода делился им прежде всего на синтаксис синтагмы (комплекса двух неравно-правных элементов) и синтаксис асинтагмы (комплекса двух равноправных элементов); в выделении понятия синтагмы Холодовичем были использованы идеи Л.В.Щербы. Такой подход, связанный с поиском общих свойств разных уровней языка, резко отличался от традиционного подхода, строго отделявшего морфологию от синтаксиса; не удивительна резкая его оценка у представлявшего иную научную школу В.В.Виноградова (Виноградов, 1975:100–103). В то же время он имел сходство с идеями, выдвигавшимися в те же годы Л.Блумфилдом, Л.Ельмслевом, Е.Куриловичем и др.

Еще одна проблема, рассмотренная в книге, связана с развитием так называемых “мертвых” языков. Обычно считают, что язык, на котором не говорят, а только пишут, не изменяется. Однако, как показал А.А.Холодович, старописьменный японский язык (бунго), на котором еще в 30-е годы XX в. писали официальные тексты, в том числе военные (отсюда название книги), имел заметные отличия от языка средневековых памятников. В него не допускались грамматические элементы, появившиеся в языке после XI в., однако многое из того, что было в старом языке, исчезло, и грамматическая система подверглась редукции (Холодович, 1937:4–6).

Оригинальную теоретико-грамматическую концепцию содержала и диссертация (Холодович, 1949), далеко выходящая за рамки японистики. Особенно много в ней внимания уделялось вопросам грамматической семантики. Одним из таких вопросов был вопрос о разграничении перфекта и результата: перфектные глаголы и грамматические формы одновременно передают процесс движения к некоторому состоянию, и это результирующее состояние, результивное — лишь последнее (Холодович, 1949: 356). Впоследствии это разграничение легло в основу коллективного труда, подготовленного учениками Холодовича (Типология, 1983). Рассмотрена также семантика числа; показано, что в ряде языков наряду со значениями единичности и множественности встречается особое, так называемое значение репрезентативной множественности; оно обозначает совокупность лиц или предметов, названную по одному из своих представителей (Холодович, 1946). Подробно изучены на примере японского языка модальные категории глагола, в том числе связанные с выражением разной степени достоверности того или иного события. Особо исследована встречающаяся в ряде языков грамматическая категория (в современной лингвистике иногда именуемая категорией бенефактива), связанная с направленностью действия к говорящему или от говорящего (Холодович, 1952). Предложена оригинальная концепция атрибутивных отношений в языке (Холодович, 1948 а, б). Подробно А.А.Холодович рассмотрел в диссертации теоретические проблемы залога, впоследствии эта проблематика заняла одно из центральных мест в его публикациях. Концепции ученого постоянно развивались, многие идеи его ранних работ (как общетеоретические, так и касавшиеся японского языка) позднее были пересмотрены.

С начала 60-х годов А.А.Холодович сосредоточился на проблемах теории языка и типологии, прежде всего в области синтаксиса и грамматической семантики. В то же время его интересовала и мало разрабатывавшаяся в то время проблема типологии процесса коммуникации (Холодович, 1967). Он выделил пять дифференциальных признаков, позволяющих классифицировать речевое поведение человека. Это, во-первых, средство выражения речевого акта (звук, письменный знак, жест), во-вторых, коммуникативность или некоммуникативность речевого акта (наличие или отсутствие собеседника), в-третьих, ориентированность речевого акта на определенного или неопределенного собеседника, в-четвертых, потенциал речевого акта (количество собеседников), в-пятых, наличие или отсутствие контакта с собеседником.

В области теории синтаксиса важны идеи А.А.Холодовича относительно сказуемого как вершины предложения (в этом вопросе, как и в ряде других, на него оказали влияние идеи Л.Теньера). Вопрос о вершине предложения всегда очень занимал ученого, но решался им в разные годы по-разному. Итоговая точка зрения была выражена в статье (Холодович, 1970 б); ее переиздание см. (Холодович, 1979:293–298). Здесь подробно аргументируется идея о том, что единственный главный член предложения — сказуемое, а подлежащее — такой же подчиненный ему член предложения, как и дополнение. Материал японского и других языков, в которых отсутствует согласование сказуемого с подлежащим, в большей степени подтверждает такую точку зрения, чем более традиционные концепции, ориентированные на типологические особенности индоевропейских языков.

На данной точке зрения основана также статья о типологии порядка слов (Холодович, 1966). В отличие от типологического подхода Дж. Гринберга и др., основанного на понятии базового порядка слов, у Холодовича главным параметром признается степень свободы словоупорядка (американские типологи, как правило, не придают ему существенного значения). Выделяются языки со строго фиксированным или свободным положением зависимого члена относительно главного (в том числе и подлежащего относительно сказуемого) и языки со строго фиксированным или свободным положением соподчиненных членов предложения относительно друг друга.

В области теории синтаксиса для А.А.Холодовича важнейшее значение имело разграничение семантической и синтаксической структуры предложения. В ранних работах, особенно в докторской диссертации, он исходил из идеи о взаимно однозначном соответствии между ними. Однако в конце жизни он писал: “Теперь мы решительно отказываемся от этой идеи, приняв то более естественное воззрение, согласно которому несколько синтаксических деревьев могут иметь одно и то же значение... В противном случае синтаксис просто совпал бы с семантикой и один из этих терминов оказался бы лишним” (Холодович, 1971:132). В связи с этим он разграничивал семантическую структуру предложения, состоящую из ситуации и ее участников — партиципантов, и ее синтаксическую структуру, состоящую из членов предложения. При таком подходе залог понимается как имеющая то или иное формальное выражение диатеза (термин Л.Теньера) — соответствие между участниками ситуации и членами предложения. Этот подход к залогом обоснован в нескольких публи-

кациях А.А.Холодовича и лег в основу коллективных трудов (Типология, 1969; Типология, 1974).

Как создатель и руководитель группы типологического изучения языков А.А.Холодович старался создать работоспособный коллектив, члены которого дополняли бы друг друга и работали бы по единому проекту. С этой точки зрения весьма любопытны идеи, высказанные им в докладной записке на имя директора Института языкознания АН СССР в 1960 г. : “Есть два способа организации *проблемных групп*. Один метод можно назвать методом “конструкторских бюро” или, если не бояться смелых сопоставлений и аналогий, подрядным методом. Руководящие языковедческие организации заказывают проблему тому или иному ведущему лингвисту, предлагая ему подобрать рабочую группу, которая будет выполнять работу по плану и методу руководителя группы... Другой способ организации проблемных групп я здесь не обсуждаю подробно, ибо он в том или ином виде реализовался и раньше. Я его не одобряю и поэтому называю его “методом коня и трепетной лани”. В этом случае в одну проблемную группу включают елико возможно большое число ведущих специалистов, каждый из которых имеет свое собственное мнение и каждый из которых, очевидно, и после завершения работы группы будет продолжать иметь свое собственное мнение. Такие группы полезны, ибо они дают возможность всесторонне обсудить проблему, но они все же имеют менее деловой характер” (цит. по: Оглоблин, Храковский, 1990:15). А.А.Холодович предложил создать группу при Ленинградском отделении Института языкознания по принципу “конструкторского бюро”. В той же докладной записке он предложил две основные проблемы, которые должны стоять перед группой: “а) методика структурного анализа синтаксиса конкретных языков и б) теория синтаксических моделей и проблема универсального синтаксиса как подосновы всех частных синтаксисов” (Оглоблин, Храковский, 1990:16). Этот круг проблем соответствовал происходившему в это время развитию мировой лингвистики, все более рассматривавшей проблемы синтаксиса как центральные.

Предложенную программу в основном удалось реализовать. Построение группы по типу “конструкторского бюро” оказалось залогом ее жизнеспособности. Коллектив сохранился и после смерти своего создателя, продолжая существовать и в настоящее время. На основе идей Холодовича и их творческого развития были подготовлены такие фундаментальные коллективные монографии, как (Залоговые, 1981; Категории, 1983; Типология, 1983; Типология, 1989; Типология, 1992; Типоло-

гия, 1998); часть из них издана и на английском языке. Еще одна книга, посвященная типологии уступительных конструкций, находится в печати.

Надо отметить и еще одну сторону деятельности А.А.Холодовича, связанную с изданием на русском языке трудов классиков мирового языкознания. Ему принадлежат перевод “Основ фонологии” Н.Трубецкого (Трубецкой, 1960), редактирование русского перевода “Принципов истории языка” Г.Пауля (Пауль, 1960). Последней крупной работой ученого стала подготовка нового русского издания трудов Ф. де Соссюра. Для этого издания он заново отредактировал старый перевод “Курса”, сделанный А.М.Сухотиным, составил том, включивший в себя не только ранее уже издававшийся “Курс”, но и ряд других работ великого швейцарского ученого, написал вступительную статью и биографию Соссюра. Книга (Соссюр, 1977) вышла через несколько месяцев после смерти Холодовича.

Наконец, отметим и то, что интересы ученого не ограничивались одной лингвистикой. В первой у нас хрестоматии по литературам Дальнего Востока, подготовленной коллективом под руководством Н.И.Конрада (Восток, 1935), А. А.Холодович поместил очень яркий перевод японской сказки IX в. “Дед Такэтори”. Позже он переводил произведения корейской литературы, редактировал их переводы (в том числе переводы А.А.Ахматовой), писал вступительные статьи к их изданиям (Корейские, 1954; Корейская, 1956, 1958).

А.А.Холодович был одним из самых ярких лингвистов-теоретиков советского времени, его идеи продолжают использоваться и развиваться, им создана Ленинградская (ныне Петербургская) типологическая школа.

Литература

- Апатов В.М.* Изучение японского языка в России и СССР. // М., 1990. – 192с.
- Виноградов В.В.* Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – 559 с.
- Восток – М., 1935. – Сб. I: Литература Китая и Японии. – 442 с.
- Залоговые конструкции в разноструктурных языках. – Л., 1981. – 286 с.
- Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами. – Л., 1983. – 348 с.
- Корейская классическая поэзия / Пер. Ахматовой А. – М., 1956; 2-е изд., доп. и перераб.: М., 1958. – 307 с.

- Корейские повести. – М., 1954. – 201 с.
- Мельчук И.А., Холодович А.А. К теории грамматического залога (Определение. Исчисление) // Народы Азии и Африки. – М., 1970. – №4. – С. 111–124.
- Оглоблин А.К., Краковский В.С. А.А.Холодович: Творчество и научная школа // Типология и грамматика. – М., 1990. – С. 5–20.
- Пауль Г. Принципы истории языка. – М., 1960. – 500 с.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977. – 695 с.
- Типология каузативных конструкций: Морфологический каузатив. – Л., 1969. – 311 с.
- Типология пассивных конструкций: Диатезы и залогов. – Л., 1974. – 383 с.
- Типология результативных конструкций: (Результатив, статив, пассив, перфект). – Л., 1983. – 263 с.
- Типология итеративных конструкций. – Л., 1989. – 311 с.
- Типология императивных конструкций. – СПб., 1992. – 301 с.
- Типология условных конструкций. – СПб., 1998. – 583 с.
- Трубецкой Н.С. Основы фонологии. – М., 1960. – 372 с.
- Холодович А.А. Марксистская лингвистика и ее “левые критики” // Звезда. – Л., 1930. – №12. – С. 181–199.
- Холодович А.А. Синтаксис японского военного языка: (Язык воен. документации). – М., 1937. – 247 с.
- Холодович А. А. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. – Л., 1946., Вып. 10, № 69. – С. 15 – 36.
- Холодович А.А. Атрибут приобретенного признака в японском языке // Язык и мышление. – М.-Л., 1948. – Т. 11. – С.347–363.
- Холодович А.А. Партитивный атрибут в японском языке // Изв. АН СССР. сер. лит. и яз. – М., 1948. – Т.7, вып. 1. – С. 45–57.
- Холодович А.А. Очерки по строю японского языка: Дис. д-ра филол. наук. – Л., 1949.
- Холодович А. А. Действие и субъект речи в японском языке // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. востоковед. наук. – Л., 1952. – Вып. 3, № 128. – С. 177–198.
- Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка. – М., 1954. – 320 с.
- Холодович А.А. К типологии порядка слов // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. – М., 1966. – №3. – С. 3–13.
- Холодович А.А. О типологии речи // Историко-филологические исследования; К 75-летию со дня рождения акад. Н.И. Конрада. – М., 1967. – С. 202–208.
- Холодович А.А. Залог: I. Определение. Исчисление // Категория залога: Материалы конф. – Л., 1970. – С. 1 –26.

- Холодович А.А.* К вопросу о доминанте предложения // *Studies in general and oriental linguistics: Pres. to Shiro Hattori on the occasion of his sixtieth birthday.* – Tokyo, 1970 – С. 318–324.
- Холодович А.А.* Некоторые вопросы управления в японском языке // *Вопросы японского языка.* – М., 1971. – С. 113–132.
- Холодович А.А.* Проблемы грамматической теории. – Л., 1979. – 304 с.
- Холодович А.А.* Материалы по грамматике корейского языка XV века // *Предварительные сообщения Отдела языков АН СССР.* – М., 1986. – Вып.5. – 84 с.
- Храковский В.С.* Предисловие // *Холодович А.А. Проблемы грамматической теории.* – Л., 1979. – С. 3–7.

Основные работы А.А.Холодовича

- Холодович А.А.* Синтаксис японского военного языка: (Язык воен. документации). – М., 1937. – 247 с.
- Холодович А.А.* Строй корейского языка. – Л., 1938.
- Холодович А.А.* Очерки по строю японского языка: Дис. д-ра филол. наук. – Л., 1949.
- Холодович А.А.* Корейско-русский словарь. – М., 1951. – 664 с.; 2-е изд. перер.: 60 тысяч слов. – М., 1958. – 896 с.; 3-е изд., стер.: – М., 1959. – 896 с.
- Холодович А.А.* Очерк грамматики корейского языка. – М., 1954. – 320 с.
- Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив: (Ответственное редактирование и написание ряда разделов). – Л., 1969. – 311 с.
- Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогии: (Ответственное редактирование и написание ряда разделов). – Л., 1974. – 383 с.
- Холодович А.А.* О “Курсе общей лингвистики” Фердинанда де Соссюра // *Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию.* – М., 1977. – С. 9–29.
- Холодович А.А.* Ф. де Соссюр. Жизнь и труды // Там же. – С. 650–671.
- Холодович А.А.* Проблемы грамматической теории. – Л., 1979. – 304 с.
- Холодович А.А.* Материалы по грамматике корейского языка XV века // *Предварительные публикации Отдела языков Института востоковедения АН СССР.* М., 1986. – Вып.5. – 84 с.
- Холодович А.А.* Айнский язык // *Языки Азии и Африки.* – М., 1993. – 5: Алтайские языки. – С. 415–430.

Основные работы о А.А.Холодовиче

- Апатов В.М.* Изучение японского языка в России и СССР. – М., 1988. – С. 104–109, 152– 163.
- Оглоблин А.К., Храковский В.С.* А.А.Холодович: Творчество и научная школа // Типология и грамматика. – Л., 1990. – С. 5–20.
- Храковский В.С.* Предисловие // Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. – Л., 1979. – С. 3–7.

А.Д.Шмелев

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ШМЕЛЕВ

Дмитрий Николаевич Шмелев (10 января 1926 г., Москва, – 5 ноября 1993 г., Москва) – академик, доктор филологических наук, специалист в различных областях русистики. “Главными объектами его исследовательского внимания были лексикология, семантика и синтаксис русского языка, но он оставил глубокий след и в других областях русистики – как синхронной, так и диахронической” (Крысин, 2002:8). Д.Н.Шмелев родился в семье врачей: его отец, Николай Андреевич Шмелев, был известным фтизиатром, впоследствии действительным членом (академиком) Академии медицинских наук, директором Института туберкулеза; мать, Надежда Саввична Шмелева, – детским невропатологом. Несмотря на трудные предвоенные годы, родители сумели дать Дмитрию Николаевичу прекрасное образование: он владел несколькими иностранными языками, был знатоком русской и мировой истории, литературы и изобразительного искусства.

Детство Д.Н.Шмелева прошло в эпоху лютых гонений на веру. Вот что вспоминает об этом времени Наталия Николаевна Соколова, дочь известного духовного писателя, доктора химических наук, профессора Николая Евграфовича Пестова: “Мы снимали избы в глухой деревне, в двух километрах от железнодорожной станции. Нас было три семьи “маросейских” (т. е. бывших прихожан знаменитого храма Николы в Кленниках на Маросейке, закрытого большевиками в 1932 г.): Хватовы, Шмелевы и Пестовы. У Шмелевых было трое детей наших ровесников, у Хватовых – один мальчик... Родители наши придумали проводить все-нощную среди природы, за рощей, в поле. Тогда стали собираться три наши семьи по субботам и под праздники. Мы переходили по мосту реч-

ку, пересекали небольшую рощу, скрывающую нас от глаз сельского люда. Пройдя метров сто по лугу, мы опускались на землю под березами, дававшими нам прохладную тень. Мальчикам доставляло удовольствие взобраться на деревья, которые они называли своим наблюдательным пунктом. В случае если кто-то посторонний приблизится к нашей компании, ребята должны были дать нам знать, чтобы пение вечерни замолкло” (Соколова, 1998:231–232).

Путь Д.Н.Шмелева в лингвистику не был прямым. Его интересовало многое: литература, живопись, архитектура, искусство разных стран, история. Закончив (экстерном) школу, он поступил в Московский институт международных отношений. Но обстановка в сталинском Советском Союзе не слишком благоприятствовала обучению в учебном заведении, находящемся “на передовой идеологического фронта”, и Д.Н.Шмелеву (который, в отличие от едва ли не большинства своих сверстников, не был даже членом “комсомола”) удалось после третьего курса перейти на филологический факультет Московского университета им. М.В.Ломоносова. Окончание Д.Н.Шмелевым университета совпало с некоторым ослаблением идеологического давления в языкознании (после появления знаменитой статьи Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”), так что Д.Н.Шмелев был принят в аспирантуру по лингвистической специальности. Именно там он и познакомился со своей будущей женой, Татьяной Вячеславовной Бульгиной (впоследствии профессором, доктором филологических наук, главным научным сотрудником Института языкознания РАН). После аспирантуры Д.Н.Шмелев некоторое время преподавал в Орехово-зубовском педагогическом институте; в 1955 г. он защитил кандидатскую диссертацию “Значение и употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке”. С 1958 г. и до своей смерти 5 ноября 1993 г. Д.Н.Шмелев работал в Институте русского языка Академии наук (в котором последние 20 с лишним лет руководил Сектором, а затем Отделом современного русского языка); в 1969 г. защитил докторскую диссертацию “Проблемы семантического анализа лексики”. Преподавал в МГПИ им. Ленина (ныне МПГУ); читал лекции в МГУ, на Высших литературных курсах Литературного института им. М.Горького, на ФПК ряда высших учебных заведений. В 1984 г. Д.Н.Шмелев был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1987 — действительным членом Академии.

При этом “внелингвистические” интересы сохраняли для Д.Н.Шмелева свою значимость. Разумеется, в советское время он не

имел возможности путешествовать по разным странам; пожалуй, с течением времени он научился воспринимать это как некоторую данность, по поводу которой не имеет смысла сокрушаться. Лишенный возможности выезда за границу, он каждое лето тратил отпуск на путешествия по русскому Северу, по местам, в которых сохранились архитектурные памятники (чаще всего со своим другом проф. Л.Ю.Максимовым, известным русистом и педагогом). Он знал все сохранившиеся там деревянные церкви, и расстраивался по поводу того, что, даже когда утихли гонения и эти церкви были причислены к “памятникам деревянного зодчества”, они по большей части оставались в полнейшем небрежении, так что с каждым годом их оставалось все меньше. В Москве и старых русских городах он старался не обойти вниманием ни одно сколько-нибудь интересное в архитектурном отношении здание: он готов был проводить значительное время в архивных поисках, пытаясь подтвердить свои догадки, когда сведения об архитекторах не приводились в общедоступных источниках. С юношеских лет и до конца жизни Д.Н.Шмелев занимался литературным творчеством, никак не рассчитывая на публикацию. Небольшой сборник его стихотворений вышел уже после смерти, в 1998 г. Повесть “Трактат о вреде пьянства” и рассказ “Про дождь в апреле” были опубликованы в книге (Шмелев, 2002).

В целом можно сказать, что Д.Н.Шмелев стал профессионально заниматься именно лингвистикой отчасти под влиянием внешних обстоятельств. Может быть, это в какой-то мере определило особенности его лингвистического подхода: он постоянно исходил не столько из тех или иных априорных теоретических представлений, сколько из здравого смысла и желания максимально полно описать реальный языковой материал. “В языковедческих построениях он любил придерживаться фактов, не стремясь втиснуть их разнообразие в прокрустово ложе какой-либо (сколь угодно стройной) теории” (Крысин, 1997:3). Сказанное не означает, что Д.Н.Шмелев избегал обсуждения теоретических вопросов или считал их не имеющими особого значения. Но, по его мнению, все теоретические положения должны не иллюстрироваться специально подобранными примерами, а подвергаться проверке на всем массиве релевантного языкового материала. Кроме того, они должны быть согласованы между собою, а их приложение к конкретным языковым фактам должно рассматриваться в рамках единого непротиворечивого описания языка. В этом можно видеть зачатки того, что Ю.Д.Апресян впоследст-

вии наметил как программу “интегрального” описания языка (см. Апресян, 1995).

Все это ярко проявлялось в его подходе к лексической семантике. Во введении к книге “Проблемы семантического анализа лексики” он говорит о необходимости преодоления “атомизма” в лексикологических описаниях. При этом речь идет об “атомизме” двоякого рода. С одной стороны, Д.Н.Шмелев говорит о преимуществах системного изучения лексики, которое позволяет представить в гораздо более глубоком освещении факты, которые могут казаться случайными и почти несопоставимыми друг с другом при изолированном анализе значений отдельных слов. С другой стороны, он отмечал, что встречается и теоретический “атомизм”, когда отдельные лексикологические проблемы рассматриваются и решаются в лингвистической литературе изолированно друг от друга, так что решение какой-то одной из них, по существу, никак не влияет на решение другой. Он упоминал в этой связи обсуждения проблем синонимии, фразеологии, многозначности и омонимии, компонентного анализа лексики и т.д. и выдвигал на первый план необходимость создания общей лексикологической теории, которая позволила бы взглянуть на соответствующие проблемы под каким-то единым углом зрения и, возможно, наметила бы пути их разрешения. При этом такая общая теория должна быть приложима ко всему лексическому составу языка, так что никакая его часть не должна исключаться из рассмотрения. Следует иметь в виду, что Д.Н.Шмелев писал свои работы по лексической семантике в то время, когда получил распространение взгляд, согласно которому так называемая “конкретная лексика” не представляет интереса для семантического анализа. Так, Ю.Д.Апресян писал: “В задачи традиционной семантики входит описание значений каждого имеющегося в языке слова. ...Отличие современной семантики от традиционной состоит в том, что первая интересуется значениями далеко не всех слов. ...Семантическим кодом конкретного существительного может быть его порядковый номер в соответствующем словаре” (Апресян, 1967:17, 19). Сходным образом и А.Вежбицка в своей знаменитой книге *Semantic primitives* высказывала предположение, что значительная часть конкретной лексики (в частности, такие слова, как *кошка*, *роза*, *яблоко* и т. д.) не поддается семантическому анализу. Для нее, согласно А.Вежбицкой, толкованиями могли бы служить такие формулы, как, напр.: *кошка* — ‘животное, думая о котором мы сказали бы *кошка*’ (Веж-

бицка, 1983:243)¹. Д.Н.Шмелеву такое ограничение сферы применимости семантического анализа лексических единиц было чуждо. Он полагал, что часто попытки наложить ограничения на части лексики, подлежащие семантическому анализу, “вытекают только из того, что сферы интересов различных исследователей не совпадают” (Шмелев, 1973:32). Конечно, он не подвергал сомнению право каждого исследователя заниматься именно тем, что его интересует, но считал, что едва ли целесообразно а priori отказываться от рассмотрения каких-то семантических связей “только на том основании, что они обусловлены реальными связями обозначаемых данными словами предметов и явлений”. При этом он исходил из того, что “значения лексических единиц всегда в той или иной степени определяются природой обозначаемых ими предметов и явлений действительности”, так что “само понятие “конкретная лексика” не кажется вполне определенным, а тем более однородным”. Он писал: “Несомненно, что среди массы слов, обозначающих физические предметы, могут быть обнаружены самые разнообразные лексические группы, по-разному организованные и различно соотношенные друг с другом. Было бы странно считать, что значения соответствующих слов не являются “значениями” в собственно лингвистическом смысле слова только на основе того, что те или иные методы исследования неприменимы для их анализа” (Шмелев, 1973:34). Здесь для него было существенно и то соображение, что если постулировать существование особого семантического языка, “языка мысли”, на котором мы сохраняем в сознании содержание разнообразных сообщений (так что мы можем в дальнейшем передать их “своими словами”), то важно понять, какое место в этом языке занимают “конкретные значения”. “...Ведь мы запоминаем и можем передать своими словами и сообщения о конкретных предметах. Как же оно записывается в нашей памяти? Почему в нашей памяти вообще хранятся значения, отягощенные конкретными, не воспроизводимыми в других значениях признаками?” (Шмелев, 1973:33).

Стремление проверять теоретические положения языковыми фактами проявлялось и в разработанной Д.Н.Шмелевым концепции лексической многозначности. Рассматривая примеры употребления много-

¹ Впоследствии и Ю.Д.Апресян, и А.Вежбицка существенно расширили свое представление о лексике, представляющей интерес для семантического описания. А.Вежбицка даже посвятила “конкретной лексике” отдельную книгу (Wierzbicka, 1985), в которой решительно отказалась от своей прежней точки зрения.

значных слов в реальных текстах, он обнаружил, что в значительном числе случаев мы не можем однозначно отнести значение слова в тексте к какому-то одному из выделяемых в словарях значений. При этом если в случае омонимии понимание текста предполагает установление того, с какой из омонимичных единиц мы имеем дело (а невозможность определить это приводит к “двусмысленности” или воспринимается как каламбур), то при многозначности смысл слова в высказывании часто соответствует сразу нескольким словарным значениям слова, не покрываясь полностью каким-либо из них в отдельности. Так, рассматривая значения слова *новый*, выделяемые в большом академическом словаре (‘первые созданный, недавно появившийся или возникший’, ‘современный; нынешний, теперешний’, ‘очередной’, ‘ранее неизвестный’, ‘незнакомый’, ‘пришедший на смену прежнему’, ‘не тот, что прежде: иной’ и т. д.), Д.Н.Шмелев обращает внимание на то, что “самые простые и обычные фразы с этим прилагательным” (*Это новая книга?; На заводе появился новый мастер; У него возникла новая мысль* и т. п.), хотя и не кажутся “чем-то двусмысленным”, не позволяют “со всей определенностью сказать, в каком из приведенных значений употреблено слово” (Шмелев, 1973:95). Тем более это касается использования многозначных слов в художественной речи (*И в новой жизни, непохожей, / Забуду прежнюю мечту*). Даже когда имеет место специальное обыгрывание семантической многозначности слова, не возникает ощущение каламбура.

Обсуждаемое свойство многозначных слов Д.Н.Шмелев назвал принципом диффузности значений многозначного слова. Диффузность, возможность совмещения значений является, по Д.Н.Шмелеву, фундаментальным свойством лексической многозначности, отличающим ее от омонимии и создающим общее ощущение семантического единства слова. Лексикографические описания, в которых все примеры употребления многозначного слова четко разнесены по отдельным значениям (и которые тем самым обнаруживают стремление освободить словарные статьи от “неопределенных” примеров), создают несколько искаженное представление о семантической структуре описываемых слов слова (Шмелев, 1973:95).

В то же время, несмотря на трудности, связанные с разграничением отдельных лексических значений, Д.Н.Шмелеву было чуждо отрицание самой возможности многозначности слова на основе априорных теоретических соображений. Он критически отзывался о высказываниях

В.А.Звегинцева, согласно которым “в одном слове не может одновременно происходить нескольких разных обобщений, проходящих по разным направлениям, что только и могло бы привести к образованию в слове нескольких лексических значений” (Звегинцев, 1957:125). Не возражая против использования предложенного А.И.Смирницким термина “лексико-семантический вариант” (по отношению к слову в каком-то одном, отдельно взятом лексическом значении), Д.Н.Шмелев отмечал, что, последовательно отказываясь говорить об отдельных значениях слова и определяя значение слова как “совокупность его лексико-семантических вариантов” (Звегинцев, 1957:126) или как “общее значение”, инвариант, мы не снимаем проблему многозначности, а лишь заменяем ее аналогичной проблемой семантической “многовариантности” слова (Шмелев, 1973:70). Именно отдельное лексическое значение слова является естественным объектом лексикологического описания.

В частности, системные отношения в лексике устанавливаются между словами, взятыми в конкретных лексических значениях. На основе системных связей различных лексических значений многозначного слова устанавливается их иерархия. Это связано со следующей обнаруженной Д.Н.Шмелевым общей закономерностью: степень парадигматической закреплённости слова как лексико-семантической единицы (т. е. слова в некотором данном значении) находится в обратной зависимости от степени его синтагматической закреплённости. Чем определеннее место слова (в данном значении) в лексико-семантической парадигме, тем менее оно связано синтагматически, и, наоборот, чем в большей степени значение слова закреплено за определенным контекстом, тем менее определенным оказывается его место в каком-либо парадигматическом ряду слов. При этом парадигматически закреплённые значения воспринимаются как “основные”, самостоятельные, а синтагматически закреплённые — как несамостоятельные, “переносные”. Как правило, перестройка семантической структуры слова бывает связана именно с изменением характера парадигматической и синтагматической закреплённости отдельных его значений. Так, в современном русском языке для слова *жажда* значение ‘желание пить’ воспринимается как “исходное”, а значение ‘сильное желание чего-л.’ (исторически первичное) — как переносное, метафорическое. Это вызвано тем, что первое значение в большей степени закреплено парадигматически (вступает в тесную связь со словом *голод*), будучи относительно свободным синтагматически, а второе характеризуется жесткой синтагматической обусловленностью (реа-

лизуется только в сочетании с существительным в родительном падеже, указывающим на объект желания: *жажда денег, жажда славы, жажда власти*). В работах Д.Н.Шмелева приводится целый ряд примеров такой перестройки семантической структуры.

Наряду с парадигматическими и синтагматическими отношениями, характерными для всех уровней языковой системы, Д.Н.Шмелев предложил выделять еще одну разновидность системных отношений в лексике, обусловленную номинативной функцией лексических единиц, — эпидигматические отношения. Под эпидигматическими, или ассоциативно-деривационными, отношениями Д.Н.Шмелев понимал отношения, связанные с мотивированностью — “как по линии смысловых ассоциаций, так и по линии словообразовательных (и шире — вообще фонетических) сближений” (Шмелев, 1973:198). В различных работах Д.Н.Шмелева делается ряд наблюдений, свидетельствующих о важности деривационных связей как “третьего измерения” семантики слова, наряду с парадигматическими и синтагматическими связями.

Важно отметить, что системные связи рассматривались Д.Н.Шмелевым со строго синхронной точки зрения. Он отмечал, что “уже пройденный словом путь не может иметь значения для установления места и функций слова... в современном языке” (Шмелев, 1973:23). Вместе с тем его чрезвычайно интересовали вопросы истории языка и, в частности, истории слов. В этой области он также стремился оставаться на почве фактов и здравого смысла, не подменяя исторического подхода взглядом с точки зрения современного языкового сознания. С некоторым удивлением он цитировал следующее замечание Р.А.Будагова об истории слова *красный* в русском языке: “От фигурального осмысления, известного уже старому языку (*красный* ‘красивый’), слово устремляется как бы к более точному “предметному” значению (*красный* по отношению к цвету) с тем, чтобы на основе этого значения вновь подняться к фигуральному осмыслению (*красный* ‘революционный’)”, — и отмечал, что такие высказывания могут быть поняты “только с точки зрения современного языкового восприятия”, поскольку, конечно, “первоначальное значение этого слова не является “фигуральным” в историческом плане” (Шмелев, 2002:463).

Сам Д.Н.Шмелев, исследуя семантическую историю слова, стремился детально проследить ее по всем доступным памятникам. Это позволило ему обнаружить ряд интересных примеров так называемой “обратной метафоры” (когда исторически исходное значение слов начинает

восприниматься как метафорическое), а также случаев лексико-семантической контаминации. К последней Д.Н.Шмелев относил случаи, когда семантическое развитие отдельных слов происходит под влиянием случайного сближения с другими, этимологически не родственными словами. Примером этого может служить история слова *распутный*, возникшего, по предположению Д.Н.Шмелева, как результат контаминации слов *распутица*, *беспутный* и *распутиться*. Д.Н.Шмелев был главным редактором ряда выпусков “Словаря русского языка XI–XVII вв.”, а в последние годы жизни он увлекся идеей создания *Исторического словаря современного русского языка* – “словаря совершенно нового типа, не известного русской лексикографии” (Крысин, 2002:11).

Интерес Д.Н.Шмелева к истории языка не ограничивался сферой лексики. В написанной им книге “Архаические формы в современном русском языке” (Шмелев, 1960) прослежена судьба следов былой грамматической системы языка, сохранившихся в современном языке в виде отдельных “реликтов”. Исследование “грамматических архаизмов” привело Д.Н.Шмелева к выводу, что по самой своей природе они резко отличаются от архаизмов лексических. “Некоторые устаревшие слова могут впоследствии возвращаться к жизни. Исчезнувшие из языка грамматические формы, подобно “ископаемым” животным, к жизни не возвращаются. Они оставляют какие-то окаменевшие отпечатки...” (Шмелев, 1960:8). По мысли Д.Н.Шмелева, их систематическое описание не только помогает объяснить особенности тех образований, морфологическая структура которых является немотивированной с точки зрения современного языка, но и может дать своего рода мнемонические мостики от данного в современном языке к исчезнувшим парадигмам в тех случаях, когда предстоит освоить или вспомнить систему форм древнерусского языка.

Внимание Д.Н.Шмелева к реальному функционированию языка обнаруживалось вне зависимости от того, к какой области лингвистики он обращался. Это касается ряда его работ, посвященных “смещенному” употреблению определенных слов, словосочетаний и грамматических конструкций, в которых он прослеживает условия такого “смещения” и его, как мы бы теперь сказали, “прагматический эффект”.

Так, в статье “Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке”, опубликованной в журнале “Вопросы языкознания” в 1958 г., Д.Н.Шмелев ставит вопрос

о том, какие языковые средства придают утвердительному предложению отрицательное значение, словам положительной оценки характер осуждения и т. д. (Шмелев, 2002:311–335). Рассматриваются случаи, когда роль играет порядок слов (*я стану читать* и *стану я читать*), вид подчиненного глагола (*очень нужно посоветоваться* и *очень нужно советовать*), особенности тех или иных грамматических форм, например, по-велятельного значения совершенного вида (*попробуй только*), идиосинкретические свойства отдельных лексем, часто связанные с теми или иными грамматическими формами (*далось тебе это кино*); отдельно обсуждаются полностью фразеологизированные сочетания (*этого только не хватало*). Отмечается, что существующие словарные описания часто дают неточное представление о семантике выражений, которые могут использоваться в таких конструкциях. Так, словарные толкования глагола *даться* («стать предметом интереса, внимания») не определяют сущности значения этого слова в примерах, иллюстрирующих данное значение (*Далась тебе эта книга!*), поскольку оставляет в стороне его экспрессивную направленность, предопределяющую интонационную «связанность», а также место в предложении и общий «контур» последнего (кроме того, в этих толкованиях не указывается, что употребляется в рассматриваемом значении только форма прошедшего времени).

К работе об экспрессивно-ироническом выражении отрицания примыкает статья об особенностях употребления вопросительных местоимений и наречий в разговорной речи, опубликованная в журнале «Русский язык в национальной школе» в 1959 г. (Шмелев, 2002:280–288). В ней рассматриваются случаи, когда для экспрессивного выражения отрицания используются вопросительные по форме местоимения и наречия (*Какое!; Куда уж!; Где там!*). Показано, что многие употребления такого рода являются в русском языке конвенционализированными.

Интересовали Д.Н.Шмелева и некоторые другие проблемы грамматической семантики и прагматики, например, значение вида в повелительном наклонении. Так, говоря о значении вида в императиве, Д.Н.Шмелев отмечал неточность распространенных характеристик выбора видовой формы как зависящего от категорий «категоричности», «вежливости», «начальственности», «любезности», «резкости» и т. д. (см., напр., (Шмелев, 2002:27–279)). Особое внимание он уделил лексическим ограничениям на употребление императивных форм того или иного вида. Так, он обратил внимание на то, что общее правило, согласно которому глагол совершенного вида в императиве с отрицанием выража-

ет “предостережение” (позднее Т.В.Булыгина связала функционирование таких форм, как *не упади*, *не поскользнься* со значением “неконтролируемости” – см. (Булыгина, 1982:75–76), не действует для ряда глаголов – ср. такие выражения, как *не откажи(-те)*, *не покинь(-те)*, *не погуби(-те)*, *не побрызгай(-те)*, *не взыщи(-те)* и др.

Отдельную работу Д.Н.Шмелев посвятил такой проблеме грамматической семантики и прагматики, как стилистическое употребление форм лица в современном русском языке (Шмелев, 2002:289–310). В ней было проведено последовательное разграничение транспозиции личных форм, когда семантический или стилистический сдвиг не сопровождается каким бы то ни было изменением грамматических свойств, и “вторичных значений”, для которых семантическому изменению сопутствуют определенные грамматические показатели.

Определенное теоретическое значение для грамматической семантики имеет работа Д.Н.Шмелева о так называемых “производных” служебных частях речи и междометиях (Шмелев, 2002:336–349). В ней он критически рассматривает “широкую” трактовку служебных слов и междометий, когда различные глагольные и падежные формы – отдельно или в сочетании со служебными словами – причисляются к предлогам, союзам, частицам или междометиям. Речь идет о причислении к предлогам таких сочетаний, как *в зависимости от*, *рядом с*, *во исполнение*, *исходя из*, к союзам – сочетаний типа *в связи с тем что*, *в то время как*, к частицам – слов *значит*, *вот тебе и*, *гляди*, *мало ли что*, к междометиям – *ужас*, *смотри*, *помилуй* и даже *стой*. По мнению Д.Н.Шмелева, такая трактовка не только практически неудобна, но и искажает историческую перспективу, так как процессы “отрыва”, синтаксического закрепления или контекстных “смещений” рассматриваются с точки зрения заверщенного “перехода” знаменательных слов в служебные. В работе приводится целый ряд языковых фактов, свидетельствующих, что рассматриваемые выражения сохраняют связь с исходными знаменательными частями речи.

В названной работе проявился также интерес Д.Н.Шмелева к живым языковым процессам, к динамике языковых изменений. Этот интерес нашел отражение в проведенном им исследовании взаимодействия противоборствующих тенденций развития лексической системы языка: тенденции к экспрессивности и тенденции к регулярности. Результаты этого исследования были изложены в написанных им главах коллективной монографии “Русский язык и советское общество” (Шмелев,

2002:179–267), а также в ряде статей. Обратим в этой связи внимание на опубликованную в 1963 г. работу “Об одном случае активной аналогии в современном русском языке” (Шмелев, 2002:72–84), посвященную новообразованиям с суффиксом *-инка* (таким, как *живинка*, *хитринка*, *лукавинка*). В этой статье делается важный теоретический вывод, что действие аналогии не направлено само по себе на укрепление регулярности в языке. Следует различать тенденцию к унификации способов выражения одного и того же значения и такие уподобления форм слова, которые обуславливаются звуковой или семантической близостью отдельных слов и которые далеко не всегда имеют унифицирующее значение. В частности, “следует разграничивать такие принципиально различные явления в словообразовании, как расширения действия регулярной модели в соответствии с ее структурно-семантической формулой (*бека-сенек*; *щавелинка*) и ее вторжение в иные семантические сферы (*деньжата*; *фальшивинка*).

Среди работ Д.Н.Шмелева, посвященных вопросам функционирования языка, следует в первую очередь отметить монографию “Русский язык в его функциональных разновидностях” (Шмелев, 1977). В ней Д.Н.Шмелев изложил оригинальную концепцию функционально-стилистического расслоения русского языка, в частности предложив разграничивать такие явления, как функциональные разновидности языка и дифференциация стилистических средств языка. Высказанные в этой работе идеи получили дальнейшее развитие в двухтомном труде “Грамматические исследования”, подготовленном под руководством и редакцией Д.Н.Шмелева. Кроме того, под научным руководством Д.Н.Шмелева и при его непосредственном участии был создан ряд коллективных социо-лингвистических исследований по русскому языку. Все это дает основания говорить о Д.Н.Шмелеве как об “одном из основателей Московской школы функционально-стилистических исследований” (Крысин, 2002:10); см. также (Крысин, Земская, 1998).

Работы Д.Н.Шмелева, посвященные синтаксической проблематике, демонстрируют его интерес к трудным случаям, не получившим убедительного описания ни в рамках традиционной синтаксической теории, ни в новейших синтаксических концепциях — см., напр., опубликованную в 1961 г. статью “Несколько замечаний к построению синтаксической теории” (Шмелев, 2002:353–367). Особое внимание он уделял взаимосвязи синтаксической структуры и ее лексического наполнения: (см., напр., статью “Словосочетание и предикативность” (Шмелев,

2002:388–398), а также функционированию особых синтаксических моделей, не связанных с определенными словами как таковыми, но обладающих фиксированной и неизменной схемой построения, включая сюда обязательный порядок слов и наличие строго определенных, сильно ограниченных в варьировании грамматических форм, а иногда и определенных служебных слов. Такие модели Д.Н.Шмелев в статье “О “связанных” синтаксических конструкциях в русском языке, опубликованной в журнале “Вопросы языкознания в 1960 г. (Шмелев, 2002:413–438), предложил называть фразеосхемами. В отличие от проанализированных Н.Ю.Шведовой построений, организующим центром которых “является застывшая форма, оторвавшаяся от парадигмы соответствующего слова и в той или иной степени утратившая свои лексические и категориальные значения” (например, форма *чем* в конструкции *Чем не жених?*), к фразеосхемам относятся такие конструкции, которые организуются не определенным, индивидуальным словом (в той или иной форме), а определенными грамматическими формами, “отрывающимися” именно в грамматическом плане от соответствующей парадигмы и детерминирующими структуру предложения (например, *Всем молодцам молодец; Без тебя и праздник не в праздник*).

В работах Д.Н.Шмелева, посвященных синтаксису, ярко проявляется единство его подхода к языковым явлениям разных уровней. По отношению к синтаксическим конструкциям он формулирует закономерность, аналогичную закономерности, сформулированной им для лексических единиц (см. выше): чем менее закреплена данная конструкция в синтагматическом ряду, тем сильнее ее закреплённость в парадигматическом ряду, и наоборот. Синтаксические взгляды Д.Н.Шмелева нашли обобщение в его книге (Шмелев, 1976).

Важное место среди работ Д.Н.Шмелева занимают его исследования языка художественной литературы. Наряду с работами, посвященными творчеству отдельных писателей (напр., Лермонтова и Фета), а также отдельным явлениям, характерным для поэтического языка (таким, как, напр., “асимметрический параллелизм”), Д.Н.Шмелев уделял внимание общетеоретическим проблемам исследования художественной речи. Здесь в первую очередь следует назвать книгу “Слово и образ” (Шмелев, 1964), в которой были затронуты самые разные проблемы, связанные с изучением языка художественной литературы. В ней, как и в других исследованиях, Д.Н.Шмелев стремился оставаться на почве фактов, избегая необоснованных спекуляций. Кроме того, он отмечал

невозможность излишне прямолинейной трактовки особенностей языка произведения и его идейного или образного содержания. “Нет оснований усматривать в отдельных конструкциях как таковых какое-то непосредственное идейно-тематическое значение”, — писал он (Шмелев, 1964:98). Так, он возражал против трактовки безличных предложений в “Преступлении и наказании” Достоевского, согласно которой обилие безличных предложений в романе представляет собою форму, способную выражать фатальность некоей непостижимой силы, которой нет и не может быть названия. Поскольку в произведениях самых разных писателей мы можем во множестве найти безличные формы, вообще характерные для русского синтаксиса, а их “тематическое” назначение может резко изменяться в зависимости от контекста, в который они помещены, можно заключить, что истолкование, подобное приведенному выше, дается в соответствии с общим пониманием творчества Достоевского, а не на основании анализа конкретных предложений.

Сказанное никак не исчерпывает широту и разнообразие лингвистических интересов Д.Н.Шмелева. За границами рассмотрения остались, напр., две публикации в эстонском журнале *Keel ja Kirjandus* (“Язык и литература”), посвященные эстонским и шире — прибалтийско-финским — заимствованиям в древнерусских памятниках письменности (см., в частности, Šmeljov, 1961).

Можно отдельно упомянуть работы Д.Н.Шмелева, связанные с его педагогической деятельностью. Им были созданы программы по современному русскому языку, принятые в качестве базовых для филологических факультетов, разработаны методические указания к преподаванию лексикологии русского языка, а также написан учебник (Шмелев, 1977), который, как пишет Л.П.Крысин, “является одним из лучших пособий для студентов филологических специальностей, поскольку высокий научный уровень, глубина освещения проблем современной лексикологии и семантики сочетаются здесь со всесторонне продуманной методикой подачи учебного материала” (Крысин, 1997:5).

С 1994 г. каждые два года ученики и коллеги Д.Н.Шмелева проводят трехдневные Шмелевские чтения. Эти чтения, собирающие видных русистов со всего мира, традиционно приурочиваются к 24 февраля (11 февраля по старому стилю) — дню памяти преподобного Димитрия Прилуцкого, небесного покровителя Д.Н.Шмелева. Их тематика в какой-то степени отражает широту интересов Д.Н.Шмелева.

Литература

- Апресян Ю.Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М.: Наука, 1967. – 251 с.
- Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка // *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. – 1995. – Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.; – Т 2, ч.2. – С. 8–241.
- Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. – М., 1982. – С. 7–85.
- Вежбицка А.* Из книги “Семантические примитивы”: Введение // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 225–252.
- Зевгинцев В.А.* Семасиология. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 322 с.
- Крысин Л.П.* От редактора // Облик слова: Сб. статей памяти Д.Н.Шмелева. – М., 1997. – С. 5–6.
- Крысин Л.П.* О Дмитрие Николаевиче Шмелеве // Шмелев Д.Н. Избранные труды по русскому языку. – М., 2002. – С. 8–13.
- Соколова Н. Н.* Под кровом Всевышнего. – Новосибирск: Правосл. гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 1998. – 464 с.
- Шмелев Д.Н.* Архаические формы в современном русском языке. – М.: Учпедгиз, 1960. – 116 с.
- Шмелев Д.Н.* Слово и образ. – М.: Наука, 1964. – 120 с.
- Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики: (На материале рус. яз.). – М.: Наука, 1973. – 280 с.
- Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности “Рус. яз. и лит.”. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
- Шмелев Д.Н.* Избранные труды по русскому языку / Вст. ст. Л.П.Крысина. – М.: Яз. слав. культуры, 2002. – 888 с. – (Классики отеч. филологии).
- Šmel'ov D.* Läänemeresoome laensõnu vana-vene allikais (Прибалтийско-финские, заимствования в древнерусских источниках) // Keel ja kirjandus. – Tallin, – R.H., 1961. № 6.
- Wierzbicka A.* Lexicography and conceptual analysis. – Ann Arbor: Karoma publ. inc., 1985. – 368 p.

Основные работы Д.Н.Шмелева

- Шмелев Д.Н.* Архаические формы в современном русском языке. – М.: Учпедгиз, 1960. – 116 с.
- Шмелев Д.Н.* Слово и образ. – М.: Наука, 1964. – 120 с.
- Шмелев Д.Н.* Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.
- Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики! (На материале рус. яз.). – М.: Наука, 1973. – 280 с.
- Шмелев Д.Н.* Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – М.: Наука, 1976. – 150 с.
- Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях: (К постановке проблемы). – М.: Наука, 1977. – 168 с.
- Шмелев Д.Н.* Современный русский язык: Лексика. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности “Рус. яз. и лит.”. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
- Шмелев Д.* Стихотворения. – М.: Рус. словари, 1998. – 44 с.
- Шмелев Д.Н.* Избранные труды по русскому языку / Вступ. ст. Крысина Л.П. М.: Яз. слав. культуры, 2002. – 888 с. – (Классики отеч. филологии).

Основные работы о Д.Н.Шмелеве

- Астахина Л.Ю.* Шмелев Дмитрий Николаевич //История картотеки “Словаря русского языка XI–XVII вв.”: Авторский состав и источники. – М., 2001. – С. 247–248.
- Земская Е.А., Крысин Л. П.* Московская школа функциональной лингвистики: Итоги и перспективы исслед. – М.: Рус. словари, 1998. – С. 1–2,5,15.
- Акад. Д.Н.Шмелев: (Некролог) // Рус. яз. в шк. – М., 1994. – №1. – С. 128.
- Крысин Л.П.* Академик Дмитрий Николаевич Шмелев: (1926 – 1993) // Rus. linguistics. – Dordrecht, 1994/ – Vol. 18, №1. – P. III–IV.
- Крысин Л.П.* От редактора //Облик слова: Сб. ст. памяти Д.Н.Шмелева. – М, 1997. С. 5–6.
- Крысин Л.П.* О Дмитрие Николаевиче Шмелеве //Шмелев Д.Н.Избранные труды по русскому языку. – М., 2002. – С. 8–13.
- Скворцов Л.И.* Шмелев Дмитрий Николаевич // Российская педагогическая энциклопедия. – М., 1999. – Т. 2. – С. 591.

В.А.Пищальникова, В.В.Потапов

ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ ЩЕРБА

“Лев Владимирович Щерба — целая эпоха в истории отечественного языкознания: в развитии общего языкознания, фонетики и фонологии, одним из основоположников которой он был, диалектологии, грамматики, теории орфографии, лексикографии и лексикологии, методики преподавания родного и иностранного языков, лингвистического толкования художественных текстов и в разработке других проблем” (Аванесов, 1981:3).

Лев Владимирович Щерба, выдающийся лингвист-теоретик, родился 3 марта (20 февраля) 1880 г. в г. Игумене Минской губернии в семье коренных петербуржцев. В 1898 г. он окончил с золотой медалью 2-ую Киевскую гимназию и в течение года обучался на естественном факультете Киевского университета. В связи с возвращением родителей в Санкт-Петербург Л.В.Щерба поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1903 г. и был оставлен при кафедре сравнительной грамматики и санскрита, которой заведовал И.А.Бодуэн де Куртенэ (1845—1929), на долгие годы определивший научное мировоззрение своего ученика. Одновременно Л.В.Щерба участвовал в работе Комиссии по русской орфографии при Академии наук.

В 1906 г. Л.В.Щерба успешно сдал магистерские экзамены и был командирован в Лейпциг, где работал в семинарах К.Бругмана (1849—1919), А.Лескина (1840—1916), Э.Зиверса (1850—1932); осень 1906 г. он провел в Италии, под Флоренцией, изучая местный диалект. В 1907 г. Л.В.Щерба переехал в Париж, где его изучением экспериментально-фонетических методов руководил один из основателей экспериментальной фонетики Ж.-П. Руссло. И в это время, используя каникулы, неуто-

миный молодой исследователь занимается изучением диалектов, теперь лужицких, в Германии.

В 1909 г. Л.В.Щерба возвращается в Санкт-Петербургский университет, где избирается на должность приват-доцента по кафедре И.А.Бодуэна де Куртенэ и активно занимается оснащением кабинета экспериментальной фонетики, формально существовавшего с 1899 г., но превратившегося в лабораторию, пригодную для серьезных фонетических исследований, только усилиями Л.В.Щербы. В 1912 г. Л.В. Щерба защищает магистерскую диссертацию “Русские гласные в качественном и количественном отношении”, в которую вошли и записи, произведенные в лаборатории Ж.-П. Руссло, а в 1915 г. — докторскую диссертацию “Восточнолужицкое наречие”, включившую материалы, собранные в Германии. В следующем году Л.В.Щерба становится профессором университета, а еще через год сменяет И.А.Бодуэна де Куртенэ на посту заведующего кафедрой. Л.В.Щерба ведет активную научную и преподавательскую работу в университете; в 1924 г. избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР; работает в составе Словарной комиссии, а потом становится и товарищем председателя; в течение 1921—1928 гг. сотрудничает с Н.Я.Марром (1864/65—1934), руководит фонетическим кабинетом в Институте сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока им. А.Н.Веселовского при Петербургском университете, а позже становится председателем секции индоевропейского языкознания. При этом в течение всей своей научно-педагогической деятельности Л.В.Щерба выступал с докладами в учительской аудитории, редактировал стабильные школьные учебники по грамматике русского языка для средней школы, вел огромную работу по преподаванию иностранных языков взрослым и детям, организовывал курсы и кружки по изучению русского и иностранных языков. “Лев Владимирович сознательно берет на себя административные обязанности...он ищет верных и широких возможностей влиять на организацию преподавания, на его характер”, — отмечал Д.Л.Щерба в биографии отца (Д.Л.Щерба, 1951:12).

В конце 20-х — начале 30-х годов кафедрой общего языкознания заведовал Н.Я.Марр, и только в 1935 г. открывается кафедра фонетики и методики преподавания иностранных языков, руководить которой поручено Л.В.Щербе. С 20-х годов Л.В.Щерба был бессменным председателем лингвистического общества и объединял вокруг себя лингвистов разнообразных специальностей и разных поколений. Здесь были

Д.Н.Ушаков (1873–1942), В.И.Чернышев (1866/67–1949), С.Г.Бархударов, С.И.Бернштейн (1892–1970), В.В.Виноградов (1894/95–1969), Б.А.Ларин (1893–1964) и многие другие.

Сборник “Русская речь”, вышедший под его редакцией в течение пяти лет, ставил своей основной задачей популяризацию лингвистики. Л.В.Щербе многое удается не только потому, что он имел выдающиеся лингвистические способности, но и потому, что он “по широте своих общественных интересов, по своему общественному темпераменту, по исключительной принципиальности и одновременно терпеливому умению слушать своих научных “противников” и вникать в их построения, по постоянной неудовлетворенности достигнутым и склонности к новым поискам, по смелости, с которой он мог отказаться от ранее высказанных им утверждений, если он находил более верные решения, по своему личному обаянию и благородству, по своей житейской и человеческой мудрости был неповторим и единствен” (Аванесов, 1981:3).

В 1941 г. Л.В.Щерба эвакуируется вместе с семьей в г. Нолинск Кировской области, а в 1943 г. переезжает в Москву, где был избран академиком АН СССР и назначен заведующим кафедрой общего языкознания МГУ. С марта 1944 г. Л.В.Щерба возглавил историко-филологический отдел Института методов обучения в Академии педагогических наук.

Напряженная научная и преподавательская деятельность Л.В.Щербы прервалась 26 декабря 1944 г.

Современная лингвистика, закономерно обратившаяся к изучению языка как специфической деятельности человека, обнаруживает в наследии Л.В.Щербы идеи, чрезвычайно актуальные и необходимые для становления методологии нового этапа языковедения. Внимательное изучение научного творчества классиков отечественной лингвистики важно еще и потому, что многие молодые языковеды в погоне за модными именами часто забывают старую горькую истину: русский лен часто возвращается к нам голландским полотном.

Не однажды интерпретировалась и цитировалась знаменитая работа Л.В.Щербы “О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании”, но, как правило, всегда в связи с какой-то конкретной проблемой русистики, хотя значение этого труда для *теории языкознания* осознается и подчеркивается всеми. Одним из своих основоположников признает Л.В.Щербу теория речевой деятельности — отечественная психолингвистика. Все чаще обращаются к трудам

Л.В.Щербы лингвисты “системоцентрического толка”, исследуя новые для себя объекты — речевую деятельность и речевую способность. И это вполне обоснованно, поскольку именно Л.В.Щерба впервые четко разграничил возможные аспекты изучения языка-феномена (“языковых явлений”): *речевую деятельность, языковую систему, языковой материал*, определив принципы выделения каждого аспекта и в *языке-конструкте*, “...при говорении мы часто употребляем формы, которых никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями, и, что главное и в чем, я думаю, никто не сомневается, сочетаем слова хотя и по определенным законам их сочетания, но зачастую самым неожиданным образом, и во всяком случае не только употребляем слышанные сочетания, но постоянно делаем новые” (Щерба, 1974:24). Обратим внимание на сноску, которую делает Л.В.Щерба, говоря об “определенных законах сочетания”: “Имею в виду здесь не только правила синтаксиса, но, что гораздо важнее, *правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы*, — правила, к сожалению, учеными до сих пор мало обследованные, хотя интуитивно известные всем хорошим стилистам” (там же) (курсив (наш. — В.П., В.П.)). Несмотря на большие достижения отечественной лингвистики, эта идея, созвучная В. фон Гумбольдту (1767—1835), А.А.Потебне (1835—1891), И.А.Бодуэну де Куртенэ, действительно интуитивно хорошо известная всем, до недавнего времени не принималась во внимание ни в серьезных теоретических построениях модели языка, ни в практическом анализе языка-феномена. Гениальная идея, по-разному обозначенная в трудах перечисленных ученых и в работах Л.В.Щербы, о том, что *язык является ненамеренным детерминированным следствием определенных речевых действий*, была подхвачена отечественными психолингвистами и легла в основу теории речевой деятельности А.А.Леонтьева. Л.В.Щерба подчеркивает: “Процессы понимания, интерпретации знаков языка являются *не менее активными и не менее важными* в совокупности того явления, которое мы называем “языком”...они обуславливаются тем же, чем обуславливается возможность процес-сов говорения” (Щерба, 1974:25). Л.В.Щерба прекрасно понимает, насколько нетрадиционно его утверждение, и потому постоянно ссылается на *опыт говорящих* и лингвистов: “Обо всем этом неоднократно говорилось лингвистами, и я хотел бы только подчеркнуть то обстоятельство, что говорящий совершенно не различает форм слов и сочетаний слов, никогда не слышанных им и употребляемых им впервые, от форм слов и сочетаний

слов, им много раз употреблявшихся, поскольку мы имеем право сказать, что вообще все формы слов и сочетания слов нормально создаются нами в процессе речи, в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента. Из этого с полной очевидностью следует, что этот механизм, эта речевая организация человека никак не может равняться сумме речевого опыта (подразумеваю под этим и говорение и понимание), а должна быть какой-то своеобразной переработкой этого опыта. Эта речевая организация может быть только физиологической или, лучше сказать, психофизиологической...” (Щерба, 1974:25). В этом положении очевидно обнаруживается влияние В. фон Гумбольдта и А.А.Потебни, а чтобы высказать его в условиях господства тезиса о “неразрывном единстве языка и мышления” и происхождении языков из ограниченного количества стабильных элементов, требовались научная убежденность и человеческое мужество. Современная передовая отечественная лингвистика начинает активно использовать приведенные положения Л.В.Щербы, в психолингвистике давно ставшие базовыми. Итак, первый аспект языковых явлений – аспект речевой деятельности, предполагающий исследование процессов понимания и говорения. Второй – языковая система – грамматика и словарь языка, “исчерпывающее знание данного языка”. Л.В.Щерба отмечает: “...все языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосредственном (выделено Щербой. – В.П.;В.П.) опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания, которые я называю в такой их функции “языковым материалом” (третий аспект языковых явлений) (Щерба, 1974:26). Намеренное разграничение языкового материала и выводимой из него языковой системы позволяет более четко задать параметры языка как научного объекта, а следовательно, с большей степенью адекватности судить о существенных свойствах языка-феномена. Л.В.Щерба подчеркивает единство языкового материала и языковой системы как разных аспектов данной в опыте речевой деятельности: “Языковой материал вне процессов понимания будет мертвым, само же понимание вне как-то организованного языкового материала (т.е. языковой системы) невозможно” (Щерба, 1974:26). Ученый акцентирует важность проблемы понимания, ставшей в современной науке одной из междисциплинарных проблем, объединяющих лингвистику, психологию, логику, философию и другие науки. Попутно Л.В.Щерба поднимает

серьезный вопрос о соотношении системы языковых представлений индивида и языковой системы, которая в современном языковедении исследуется в рамках проблемы языкового сознания. Его не удовлетворяют попытки решения сложнейшей проблемы, предпринятые И.А.Бодуэном де Куртене, Ф. Де Сосюром (1857–1913), С.Л.Франком, Э.Сепиром (1884–1939, а потому Л.В.Щерба ищет “иные пути” разрешения вопроса. “Прежде всего возникает вопрос, в каком отношении находится “психо-физиологическая речевая организация” владеющего данным языком индивида к этой выводимой лингвистами из языкового материала языковой системе” (Щерба, 1974:28). Языковая система – “то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальных речевых системах, возникающих под влиянием этого языкового материала”, и она противопоставлена “индивидуальным речевым системам” (Щерба, 1974:28). Постулируя отличия индивидуальных речевых систем, Л.В.Щерба отмечает, что эти различия исчезают в процессе общения, однако этот факт не дает оснований смешивать “несоизмеримые понятия” — индивидуальную речевую систему и систему языка (а такое смешение допускается и в современной лингвистике).

Особый интерес представляет и решение Л.В.Щербой вопроса о том, *каким образом происходят языковые изменения и чем объясняется их единство внутри социальной группы.* Это связано с тем, что в современной лингвистике пересматривается как само понятие “языковое изменение”, так и методы его обнаружения и исследования. В работе Л.В.Щербы обнаруживаются глубокие положения о сущности и действии языкового изменения. Так, Л.В.Щерба отмечает, что “единство языковой системы обеспечивает единство реакций” на содержание жизни социальной группы, а последнее, в свою очередь, обеспечивает единство языка, “...речевая деятельность, являясь в то же время и языковым материалом, несет в себе и изменение языковой системы”; “...поскольку речевая деятельность, протекая не иначе как в социальных условиях, имеет своей целью сообщение и, следовательно, понимание, постольку говорящие вынуждены заботиться о том, чтобы у слушающих не было недора-зумений, происходящих от смешения знаков речи”; “...поскольку возможность смешения объективно заложена в определенных местах самой языковой системы, постольку эти тенденции... будут общи всем членам данной языковой группы и будут реализоваться одинаковым образом”; “...в силу присущей людям тенденции к экономии труда... эти возможности реализуются одинаковым образом у всех членов группы или

по крайней мере могут так реализоваться...”; “...ощущение нормы, как и сама норма, может быть и слабее и сильнее в зависимости от разных условий...”. (Щерба, 1974:29–30) (курсив наш. — В.П.; В.П.).

Не однажды подчеркивалась важность введения Л.В.Щербой в лингвистику эксперимента, способного представить языковой материал живых языков и тем самым верифицировать лингвистические построения. Кроме того, “только с его помощью, — писал ученый, — мы можем действительно надеяться подойти в будущем к созданию вполне адекватных действительности грамматики и словаря” (Щерба, 1974:32). Ассоциативный эксперимент во всех его разновидностях, заимствованный психолингвистикой из психологии и постепенно занимающий все более устойчивое положение в системоцентрических лингвистических исследованиях, позволяет говорить о возможности создания в ближайшее время словарей, фиксирующих периферийные семантические признаки, не отраженные в традиционных словарях, но являющиеся психологической реальностью для носителей языка, и актуализируется в процессах коммуникации.

Современники Л.В.Щербы отмечали, что он постоянно обращался к самым сложным теоретическим вопросам, на которые в лингвистике пока не было ответа. “Одной из основных очередных задач является сравнительное изучение структуры, или строя различных языков. Насколько подобное сравнительное изучение сможет дать нам историческую картину развития структуры человеческого языка вообще в связи с развитием человеческого сознания, — мне, откровенно говоря, неясно. Думается, во всяком случае, что иного пути нет и не может быть” (Щерба, 1974:39). Рассматривая проблему двуязычия, Л.В.Щерба аргументированно решает такие вопросы, которые в современной теории считаются дискуссионными. Так, разграничивая чистое и смешанное двуязычие, Л.В.Щерба, по сути дела, разграничивает два типа усвоения языка. Первый тип имеет место тогда, когда иностранный язык усваивается “беспереводным” путем от его носителей, и, следовательно, национально специфичные когнитивные структуры усваиваются, будучи определенными в единицах языка, без искажения. При смешанном двуязычии “изучаемый язык в той или иной мере воспринимается ... в рамках и категориях, родного”, “вновь усваиваемый язык всегда претерпевает то или другое влияние первого языка, во всяком случае в смысле категоризации явлений действительности” (Щерба, 1974:41) (курсив наш. — В.П.; В.П.). Л.В.Щерба вполне солидарен с Э.Сепиром в том, что “мир,

который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, *постигается различным образом в разных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры*” (Щерба, 1974:69) (курсив наш. — В.П.; В.П.) Строй иностранного языка искажается категориями родного языка, потому что нет абсолютно тождественных понятий у носителей разных языков, более того, слова могут обозначать один и тот же предмет, но “представлять его в известной мере различно”, а потому и перевод никогда не бывает точным. Поэтому одним из главных требований к изучению иностранного языка Л.В.Щерба выдвигает “изучение не через переводчиков, а непосредственно из жизни”, стремление “вполне обладать изучаемым языком, ассимилироваться туземцам, постоянно требуя от них исправления твоей речи”, “постоянную борьбу с родным языком: только тогда можно надеяться осознать все своеобразие структуры изучаемого языка (Щерба, 1974:41–42). Такое освоение языка Л.В.Щерба называет *натуральным методом* и полагает, что только оно “приучает к анализу мысли посредством средств выражения”, “становится мощным орудием формирования ума, высвобождая мысль...из оков языка” (Щерба, 1974:68). В результате у билингва, изучавшего иностранный язык *натуральным методом*, образуется единая система ассоциаций, “может быть, даже было бы неточно сказать, что люди, о которых идет речь, знают два языка: они знают только один язык, но этот язык имеет два способа выражения” (Щерба, 1974:68). То, что Л.В.Щерба говорит, по сути дела, *о различных когнитивных структурах, опредмеченных в единицах разных языков*, подтверждается следующим его рассуждением. “Когда мы хотим *передать* свою мысль самым точным образом, мы часто бываем очень довольны, что *можем употребить иностранное слово, которое точно соответствует тому, что мы хотим* сказать...Если вы хотите избежать иностранного языка, вы часто должны вернуться вспять и перестроить всю мысль” (Щерба, 1974:70) (курсив наш. — В.П.; В.П.).

Структурная разница между языками проявляется не только в способах представления значений слов, но и по характеру самих словесных категорий. Поэтому Л.В.Щерба намечает основные проблемы “новой грамматики”, “сборника правил речевого поведения”. Это, во-первых, “учение о происхождении категорий”: “Категория субстанциальности, например, является ли она производной, или она прирождена человеку, или даже существует вне человека?” (Щерба, 1974:74). Во-вторых, следует обратиться к изучению смысла “отдельного выраже-

ния”, обнаруживаемого в синтаксических связях слов. При этом Л.В.Щерба указывает, что “смысл присущ только речи, и отдельное слово меняет в ней свое значение” (Щерба, 1974:76).

Отсюда и проблема содержания грамматики и ее отделов, которая может быть выделена на разных основаниях: на противопоставленности обозначения самостоятельных предметов мысли (лексика) выражению отношений между этими предметами (грамматика); на противопоставленности “индивидуального, существующего в памяти и по форме никогда не творимого в момент речи”(лексика) (Щерба, 1974:51) правилам образования слов, форм слов и т.д.(грамматика). Л.В.Щерба выделяет в качестве отделов грамматики фонетику, словообразование (“т.е. вопрос о том, как можно делать новые слова” (Щерба, 1974:53), формообразование, синтаксис. Исследователь представляет способы словообразования (морфологический, фонетический – морфологизированные чередования, словосложение, семантический), Л.В.Щерба подчеркивает условность термина *форма*: “Когда мы наблюдаем, что все эти слова обозначают одни и те же предметы мысли. Хотя и в разных аспектах и с разными дополнительными значениями, то *образно* мы вполне вправе говорить, что слова этой группы являются различными видоизменениями, различными “формами” одного и того же слова” (Щерба, 1974:53). В синтаксисе особенно очевидно различие активного и пассивного аспектов грамматики. В активном синтаксисе “рассматриваются вопросы о том, как выражается та или иная мысль”, в пассивном исследуется синтаксическое значение форм слов, изучается словосочетание и порядок слов в нем, фразовое ударение и интонация.

Л.В.Щерба считает, что изучение частей речи не может быть отнесено ни к одному из выделенных отделов грамматики. Основания для такой позиции выделяются очень серьезные. Л.В.Щерба считает, что части речи – это не простая классификация слов, как это обычно представляется в лингвистике. Противопоставляя существительные, прилагательные, глаголы, с одной стороны, и союзы, предлоги – с другой, Л.В.Щерба подчеркивает, что первые употребляются для выражения неких “форм” мысли, а вторые являются простыми разрядами слов, объединенными общностью синтаксической функции. Показательно, что ученый употребляет слово “форма” в кавычках, и в скобках подчеркивает, что употребляет это слово “совсем в другом смысле”, нежели оно было употреблено при обосновании особого отдела грамматики – формообразования. Анализ примеров, произведенный Л.В.Щербой, позво-

ляет заключить, что речь идет о способах категоризации действительности, представленных разными типами слов — “частей речи”: в один ряд ученый ставит существительное, глагол, прилагательное, которые содержательно “в известном смысле тождественны”, безличность, род, вид (“поскольку русского глагола вне вида нельзя и мыслить”) — “в других языках — особенно, по-видимому, малокультурных народов, — найдется немало и других общих категорий, в аспекте которых они привыкли воспринимать действительность” (Щерба, 1974:59) (курсив наш. — В.П.; В.П.). Л.В.Щерба отмечает, что необходимость такого особого раздела предвидел И.А.Бодуэн де Куртенэ, и предлагает назвать пятый раздел грамматики *лексическими категориями*.

Как заметил В.В.Виноградов, среди работ Л.В.Щербы нет ни одного специального исследования, посвященного синтаксису, хотя ученый замысливал написать очерк системы русского синтаксиса с новых методологических позиций, с позиций исследования речевой деятельности.

Важность изучения синтаксических отношений единиц языка Л.В.Щерба осознавал всегда. Так, уже в докторской диссертации (1915) Л.В.Щерба писал: “В синтаксисе изучаются способы образования групп слов и группы групп. Надо отличать два типа связи между словами и группами слов: апперцептивный и ассоциативный (более или менее geschlossene und offene Verbindungen Вундта). В европейских языках (вероятно, и во многих других) самым могучим средством выражения связи между словами и группами слов является “интонация”, “фразировка” в самом широком смысле слова. Этим, вероятно, и объясняется падение форм в этих языках” (Щерба, 1915:96). В современной лингвистике, когда объектом исследования все чаще и последовательнее становится речевая деятельность, учение Л.В.Щербы о синтагме представляет не только исторический интерес.

С наибольшей полнотой *теория синтагмы* представлена Л.В.Щербой в его книге “Фонетика французского языка” (1963). Л.В.Щерба писал, что термин “синтагма” был заимствован им у И.А.Бодуэна де Куртенэ. Однако И.А.Бодуэн де Куртенэ обозначал этим термином знаменательные слова, вообще слова как составные элементы предложения. У Л.В.Щербы синтагма выступает как единица *не языка, а речевой деятельности*, принципиально отличаясь от слова, хотя в частном случае она может и совпадать со словом. Синтагма определена здесь как “фонетическое единство, выражающее единое смысловое це-

лое в процессе речи-мысли и могущее состоять как из одной ритмической группы, так и из целого ряда их” (Щерба, 1963:81).

Синтагма может состоять из нескольких слов или одного слова. Л.В.Щерба приводит несколько примеров (синтагмы отделены одна от другой вертикальными линиями): *Вокруг нас / все цело, / благоухало / и радовало взор*, или: *Приятно / сидеть в уютной комнате / и слушать хорошую музыку* (Щерба, 1974:326). Но главное отличие слова от синтагмы функциональное: слово обозначает не те понятия, которые возникают в данной конкретной ситуации и существуют только в данном акте мысли, а те, которые были выработаны, закрепились, существуют в соответствующей общности и нашли себе относительно устойчивое выражение.

Средства образования синтагм как группы слов, обозначающей одно понятие и являющейся в сущности потенциальным словом, — порядок слов и интонация, в частности ударение. Само появление в синтаксической системе понятия синтагмы обусловлено тем, что для Л.В.Щербы реально только существование речевой деятельности. Синтагма — это категория речевой деятельности, не совпадающая со словосочетанием, причем именно в синтагме репрезентируются возникающие в речи новые слова и смыслы. Отметим, что, несмотря на подчеркнутое противопоставление понятий *синтагма* и *словосочетание*, Л.В.Щерба в своих работах не представил последовательных оснований их разграничения.

Синтагма — это предельный по объему смысловой элемент сложного синтаксического целого, основная и самая “мелкая” единица, вычленимая во “фразе”. Фраза — “законченное целое, которое может состоять из группы синтагм, но может состоять и из одной синтагмы, и которое нормально характеризуется конечным понижением тона” (Щерба, 1937:80). Объем синтагмы различен, при этом у синтагмы нет прямой корреляции со словосочетанием, их отношение устанавливается в зависимости от смысла выражения и ситуации, а следовательно, одно и то же словосочетание может члениться на неодинаковое количество синтагм. При этом объем синтагм, представленных в одном и том же словосочетании, зависит как от “смысла, придаваемого говорящим”, так и от “трактовки текста читающим”. “В языке нет зафиксированных синтагм. Они являются творчеством, продуктом речевой деятельности человека”, — указывал Л.В.Щерба в докладе на Ученом совете Института дефектологии и Института психологии в 1944 г. Правила построения синтагм сводятся к

правилам распространения существительных, прилагательных, наречий, глаголов другими словами. Переход от одной синтагмы к другой, как правило, происходит путем постепенного изменения повышения тона последнего слова предшествующей синтагмы в понижение по направлению к низкому тону первого слога следующей группы (Щерба, 1937:117). Иные закономерности обнаруживаются в синтагмах или группах синтагм, являющихся членами перечисления: они “характеризуются повышением их первого слога, совершенно независимо от смысловой значительности соответствующего слова” (Щерба, 1937:122). Л.В.Щерба устанавливает отношение между синтагмой и речевым тактом как смысло-синтаксическим и смысло-ритмическим понятиями. Кроме того, ученый указывает, что синтагма как основная единица речи зависит от стиливых характеристик речевого произведения.

Л.В.Щерба выделяет одночленные и двучленные предложения, которые различаются не столько морфологической структурой, сколько наличием/отсутствием своеобразной “интонации сказуемости”: в односоставном нет интонационного расчленения на подлежащее и сказуемое. Таким образом, основание разграничения названных типов предложения — грамматический способ выражения сказуемости.

Сказанное позволяет заключить, что Л.В.Щерба предпринял попытку разработки *понятий активного синтаксиса, учитывающего потребности речевой деятельности человека*. “Прежде всего надо выяснить общий характер предложения, в которое должно отлиться высказываемое, в частности, будет ли это сообщение, вопрос, восклицание, пожелание, просьба и т.п. Для каждого из этих случаев в грамматике должны быть указаны схемы соответственных предложений. К сожалению, все это не очень разработано в грамматической литературе” (Щерба, 1947:88). В активном синтаксисе необходимо рассмотреть средства выражения синтаксических категорий и мыслительного содержания — предикативности, отрицания, качественного определения предмета, логического суждения и т.д.

Наибольшую известность Лев Владимирович Щерба получил как фонолог и фонетист. Известность Л.В.Щербы, по всей видимости, можно объяснить той исключительной ролью, которую сыграло его первое исследование русских гласных (Щерба, (1912) 1983а) в развитии фонологической теории. Для формирования фонологической школы Л.В.Щербы весомое значение имели и последующие его работы по фо-

нетике, и посмертно опубликованный труд по теории русского письма (Щерба, 1983б).

Л.В.Щерба был виднейшим исследователем в области *экспериментальной фонетики*. Как в фонетике, так и в исследовании других уровней языка Л.В.Щерба признавал важность эксперимента, поэтому он решительно возражал против желания некоторых языковедов переименовать экспериментальную фонетику в инструментальную.

Л.В.Щерба создал *свою оригинальную теорию фонемы*. Фонему он понимал как звуковой тип, способный дифференцировать слова и их формы, а оттенок фонемы — как реально произносимый звук, являющийся тем частным, в котором реализуется общее (фонема). Л.В.Щерба всегда подчеркивал, что фонологию нельзя отделять от фоники (“антрофоники”) и что они обе объединяются в фонетике.

Важную роль в выработке позиции Л.В.Щербы сыграло то, что он прошел экспериментально-фонетическую школу у Ж.-П. Руссло и слушал лекции Э.Зиверса.

Именно глубокое проникновение в речевую материю убедило его в том, что звуковая сторона языка упорядочивается не благодаря физическим характеристикам ее элементов, а благодаря языковой системе и в первую очередь ее содержательной стороне.

Л.В.Щерба в “Русских гласных...” начинает анализ с таких звуковых явлений, которые связаны со смысловыми языковыми единицами, а именно с простейших высказываний типа *смеркается, светает, темно*. Л.В.Щерба показывает, что фонетический облик этих слов-высказываний может колебаться в очень широких пределах и становиться весьма несовершенным, и тем не менее они опознаются, так как у людей смысловые представления ассоциированы с некоторым общим звуковым представлением того или другого слова, со звуковым словом-типом (Щерба, (1912) 1983а).

Далее Л.В.Щерба приходит к тому, что некой абстрактной величиной (типом) следует признать и наименьшую звуковую единицу языка. Как инвариант эта единица представлена в речи множеством вариантов, которые могут сильно различаться по своим физическим свойствам. Таким образом, эта единица является не акустической по существу, а собственно языковой, не имеющей непосредственных физических характеристик. Этим и мотивируется отказ от термина “звук” в пользу термина “фонема”.

Что конституирует фонему как особую единицу? Чтобы быть осознанными, они должны быть связаны в данном языке со смысловыми единицами. Гласный *a*, например, является единицей русского языка и осознается его носителями, потому что в слове *вода* и т.п. с ним связано вполне осознаваемое говорящим значение именительного падежа ед. ч. жен. рода, а в слове *ведя* — значение деепричастия.

У Л.В.Щербы важна идея *автономности* фонемы. К этому его привели наблюдения над разным интонационным оформлением одного и того же слова-высказывания (например, *смеркается*), связанным с той или иной эмоцией (например, радости, неудовольствия и т.д.). Отсюда Л.В.Щерба выводит очень важное для его теории фонемы положение о самостоятельности или автономности фонем.

Таким образом, по его мнению, одна и та же интонация обособляется от конкретных случаев ее реализаций и приобретает автономность не потому, что она обладает определенными акустическими характеристиками. Она обособляется потому, что в каждом случае связана с определенным содержанием, вполне осознаваемым говорящими.

Фонетическая концепция Л.В.Щербы в целом, вплоть до понятия отдельного звука, построена на семантической основе.

“Русские гласные...” содержат два определения фонемы: предварительное и окончательное. Первое гласит: фонема — “это кратчайший элемент общих акустических представлений данного языка, способный ассоциироваться в этом языке со смысловыми представлениями” (Щерба, 1974:116) и второе: “...фонемой называется кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова и могущее быть выделяемо в речи без искажения фонетического состава слова” (Щерба, 1974:121).

В первом определении фонема трактуется только как единица, которая “может что-то значить в данном языке”. Речь в данном случае идет только о конститутивной функции. Способность фонемы дифференцировать слова (различительная функция) в этом определении не фигурирует. Различительная функция, упоминаемая во втором определении, стоит в нем на втором месте. Введение семантического критерия в определение фонемы является существенной чертой, отличающей позицию Л.В.Щербы от позиции И.А.Бодуэна де Куртенэ.

Л.В.Щерба стремился показать, что пара звуков независимо от различия их акустических свойств может в одном языке представлять

разные фонемы, а в другом — два оттенка одной фонемы. Придавая этому положению особо важное значение, исследователь иллюстрирует его в “Русских гласных...” целый ряд примеров: два *e* в русском и во французском, *d* и *d'* тех же языках, два *a* в русском и во французском, два *i* в русском и чешском, два *k* во французском и русском, *l* и *l'* в русском и исландском, два *i* в украинском и чешском, *l* в английском и в русском. Аналогичные примеры содержатся и в других работах. Все это недвусмысленно говорит о том, что в понимании Щербы акустическое сходство или несходство звуков не имеет никакого значения для их фонематического статуса.

Наиболее существенным отличием учения Л.В.Щербы о фонеме от учения И.А.Бодуэна де Куртенэ является трактовка понятия “оттенок”. Указав на то, что его оттенки фонем “являются дивергентами Бодуэна”, Л.В.Щерба пишет, что не все дивергенции являются оттенками фонем, так как понятие И.А.Бодуэна де Куртенэ шире: оно включает и те случаи, когда мы под влиянием этимологического знания воспринимаем как нечто одинаковое то, что в других случаях нами различается. Здесь имеются в виду случаи типа *хода* — *ход* /*xoda* — *xot*/, где *d* и *t* будут, по И.А. Бодуэну де Куртенэ, дивергентами одной фонемы, тогда как в *хода* — *рота* /*xoda* — *gota*/ эти согласные будут разными фонемами. Именно это расхождение с И.А.Бодуэном де Куртенэ имеет принципиальное значение для щербовского учения о фонеме. *В этом вопросе и заключено основное отличие трактовки фонемы Л.В.Щербой от трактовки фонемы Московской фонологической школой.*

Новым по сравнению с учением И.А.Бодуэна де Куртенэ было у Льва Владимировича Щербы и понятие типичного, или основного, т.е. наиболее независимого от фонетической позиции, оттенка. “...Фонемами являются те оттенки, — пишет Л.В.Щерба, — которые находятся в наименьшей зависимости от окружающих условий” (Щерба, 1974:119). Наиболее точную характеристику основного оттенка можно найти в посмертно опубликованной работе “Теория русского письма” (Щерба, 1983б). В ней представлено важное указание на то, что все оттенки “имеют одну и ту же функцию”, после чего говорится: “Среди вариантов или оттенков каждой фонемы обыкновенно выделяется один, который является как бы типовым их представителем. Нормально это тот вариант, который мы произносим в изолированном виде. Очень часто, говоря о фонеме, имеют в виду не всю группу вариантов или оттенков, но лишь этого типового их представителя” (Щерба, 1983б:19).

Обращение к основному оттенку диктовалось как речевым поведением говорящих, так и чисто практическими соображениями. Во-первых, методическими. Л.В.Щерба считал, что усвоение правильного иноязычного произношения возможно только тогда, когда достигнуто владение основными оттенками. Во-вторых, основной оттенок может служить хорошим подспорьем при фонемной идентификации соответствующего сегмента в речевой цепи.

Несмотря на четкое противопоставление понятий фонемы и оттенка, Л.В.Щерба говорил, тем не менее, и о зыбкости границ между ними. Так, он писал, что абсолютной границы между оттенками и фонемами нет, и проводил аналогию с природой, в которой нет никаких резких разделений. Эти границы обычно принимаются нами во внимание только лишь для удобства научного анализа. В действительности же существуют фонемы более самостоятельные и менее самостоятельные (Щерба, 1983а). В качестве иллюстраций он приводит аффрикату [з], встречающуюся в петербургском произношении, и гласные *ы* и *и*. Последний случай он подробно разбирает в “Теории русского письма”. На основании изучения одной группы фактов Л.В.Щерба полагал, что *ы* и *и* “как будто приходится признать вариантами единой фонемы” (Щерба, 1983б:52–54); другие факты заставляли его думать, что “нет оснований сейчас совершенно отказывать *ы* в самостоятельности” (Щерба, 1983б: 52–54).

Сложные отношения, наблюдаемые в некоторых случаях звуковых различий, по мысли Л.В.Щербы, находятся в связи с динамикой фонетических систем. Они отражают процессы зарождения или, наоборот, исчезновения соответствующего фонологического противопоставления, процессы, в которых взаимодействуют фонетические и семантические факторы.

Попутно с рассуждениями об *ы* и *и* в “Русских гласных ...” Л.В.Щерба затронул вопрос о *факторах, обуславливающих принадлежность оттенков одной фонемы*, т.е. парадигматическую идентификацию фонем.

Дополнительную дистрибуцию вариантов как необходимое условие парадигматической идентификации фонемы признают все фонологи, но в качестве второго условия у них, в отличие от Л.В.Щербы, выступает отвергнутый им критерий артикуляторно-акустической близости вариантов одной фонемы, признание которого по существу совпадает с точкой зрения Э.Зиверса.

Трактовка Л.В.Щербой явлений альтернации отличается от взгляда на данное явление И.А.Бодуэна де Куртенэ. В “Восточно-лужицком наречии” (1915) Л.В.Щерба рассматривает в пятой главе “модификации фонем” и в шестой “ассоциации фонем”. Сначала он анализирует фонетические условия образования оттенков фонем, что частично совпадает с дивергенцией И.А.Бодуэна де Куртенэ. Вторая глава посвящена не только историческим чередованиям, которые и И.А.Бодуэн де Куртенэ признавал чередованием разных фонем, но и живым, фонетически обусловленным чередованиям, которые И.А.Бодуэн де Куртенэ считал чередованиями дивергентов одной фонемы. Последнее было неприемлемо для Л.В.Щербы, так как противоречило тезису об автономности фонемы, являющемуся существенным положением щербовской теории фонемы. В силу автономности фонема /р/, например, в слове *лоб* / lɔp/, несмотря на обязательное позиционное чередование с /в/ в слове *лба*, остается противопоставленной фонеме /в/. Таким образом, /в||р/ является живым чередованием фонем, а не чередованием оттенков одной фонемы.

В чередованиях Л.В.Щерба видел один из факторов, определяющих складывание фонем в систему. Главу “Ассоциация фонем” он и начинает с анализа в этом аспекте системы согласных восточнолужицкого наречия.

На Западе учение о фонеме получило распространение лишь в конце 30-х годов. Этому содействовали в значительной степени Н.С.Трубецкой (1890–1938) и Р.О.Якобсон (1896–1982), являвшиеся в то время членами Пражского лингвистического кружка. В последующие годы фонология оказалась базой для развития нового направления в языковедении, так называемой структурной лингвистики. Таким образом, объективно Л.В.Щерба был одним из основателей этого направления.

Наряду с фонологическим, значительное место в творчестве Льва Владимировича Щербы занимает *артикуляторно-акустический аспект фонетики*. Как фонетист Л.В.Щерба отличался тонким фонетическим слухом и способностью прекрасно имитировать звуки других языков, благодаря чему его характеристики звуков отличались исключительной точностью. В этом плане Л.В.Щерба выступает и как общий фонетист, и как фонетист отдельных языков, прежде всего русского и французского.

Вместе с В.А.Богородицким (1857–1941) он может быть назван основоположником *экспериментальной фонетики* в России. Необходимость объективных методов исследования он мотивировал тем, что,

пользуясь только субъективным методом, исследователь невольно находится под воздействием ассоциаций с родным языком или ранее изученными языками. “Даже изошренное ухо, — писал Л.В.Щерба, — слышит не то, что есть, а то, что оно привыкло слышать, применительно к ассоциациям собственного мышления” (Щерба, 1974:138). Исследователь может “услышать” то, чего нет в изучаемом языке, и, наоборот, не заметить тонких акустических различий, которые существенны для данного языка и ясно ощущаются его носителями.

Объективные физиологические и акустические характеристики звуков, вскрываемые с помощью экспериментально-фонетических методов, представляют большой интерес для лингвистов еще и потому, что позволяют исследовать такие явления, внутренний механизм которых мало доступен для прямого наблюдения, например ударение (Щерба, 1974:139).

Отдавая должное объективным методам, Л.В.Щерба считал собственными лингвистическими субъективные методы, что соответствует его тезису о ведущем значении в фонетике лингвистического (фонологического) аспекта. Говоря о субъективном методе, Л.В.Щерба имел в виду прежде всего анализ восприятия того или иного явления носителем данного языка. С фонологической точки зрения такой подход полностью оправдан, так как физические различия звуков, устанавливаемые объективными методами, сами по себе ничего не говорят об их функциональной лингвистической значимости. Ведь одно и то же звуковое различие может в одном языке быть фонологически значимым, а в другом — нет. “...Мы всегда, — писал Л.В.Щерба, — должны обращаться к сознанию говорящего на данном языке индивида, раз мы желаем узнать, какие фонетические различия он употребляет для целей языкового общения” (Щерба, 1974:137).

До 50-х годов нашего века “Русские гласные...” были единственной книгой, в которой акустический анализ звуков речи связывался с отношениями фонем и оттенков, и только в 50-х годах Р.О.Якобсон, Г.Фант и М.Халле создали классификацию различительных признаков фонем на основе акустического анализа. По мысли Л.В.Щербы, фонемный анализ должен обязательно присутствовать при экспериментально-фонетическом исследовании. Он считал, что, пока мы не определим фонемных противопоставлений, мы не знаем объекта, подлежащего объективному исследованию.

Л.В.Щербой была создана оригинальная *универсальная система классификации*, представленная в виде таблиц гласных и согласных. Таблица согласных и сокращенная таблица гласных были опубликованы в “Фонетике французского языка”, а полная таблица гласных увидела свет уже после смерти Л.В.Щербы в статье М.И.Матусевич (Матусевич, 1951).

Л.В.Щерба был сторонником классификации по активным произносительным органам, т.е. по тем органам, от движения и положения которых зависит артикуляция звуков, а следовательно, и определяемый ею акустический эффект. В соответствии с этим и построены его таблицы. Новыми в данной классификации согласных были следующие моменты:

- Различение переднеязычных какуминальных, при образовании которых край передней части языка поднят к нёбу, и ретрофлексных, при образовании которых этот край загнут назад.

- Различение увулярных согласных, при которых активной является нёбная занавеска с маленьким язычком, и глубоких заднеязычных, образуемых поднятием задней части языка.

- Различение гортанных и фарингальных, или глоточных. (Вопреки традиции, звуки типа английского и немецкого *h* были определены Л.В. Щербой как фарингальные, а не гортанные).

- Различение палатализованных и среднеязычных (в таблице это не нашло отражения, так как в ней представлены только основные артикуляции).

- Отнесение аффрикат к смычным в качестве их подвида.

- Различение свистящих и шипящих, как однофокусных и двухфокусных.

- Различение круглощелевых и плоско-щелевых (именно таково, по Щербе, различие английских /s/ и /z/, с одной стороны, и /O/ / / – с другой).

Классификация Л.В. Щербы использовалась многими российскими авторами учебных пособий по фонетике западноевропейских языков, а также и при описании звукового строя многих старописьменных и младописьменных языков.

В теории ударения Л.В. Щерба различал следующие типы ударения: словесное, фразовое (на конце синтагмы), логическое и эмфатическое ударение. Последнее, благодаря своей подчеркнутости, связано с полным типом произнесения.

Л.В. Щерба ввел понятие качественного ударения. Ударность имеет абсолютный, а не относительный характер, и признаки ее заключены в самом качестве элемента, воспринимаемого как ударный (Щерба, 1974: 176—177). Л.В. Щерба различал три фонологические (или семасиологические, как он говорил) функции словесного ударения: 1) функцию членения текста на фонетические слова, к которым относятся и “группы слов с одним знаменательным словом в центре” (Щерба, 1974:213); 2) функцию, которую можно назвать конститутивной, формирующей звуковой облик слова: “Словесное ударение в русском языке, — пишет он, — характеризует слова как таковые, т.е. с точки зрения их значения”; частным случаем этой функции является различие “зрительных омонимов” (ср.: *потѳм* и *пѳтом*, *полкѳ*, и *пѳлки* и т.п.); 3) функцию грамматическую, свойственную языкам со свободным и притом подвижным ударением, примеры: *гѳрода/ городѳ*, *водѳ/вѳду*, *ношѳ/нѳсит*, *нѳс*, *нѳса/носѳк*, *отдѳть/выдѳть* и т.п. (Щерба, 1974:213).

Во многих своих трудах Л.В. Щерба затрагивал некоторые аспекты теории интонации, которые впоследствии стали исходными в последующих исследованиях.

Л.В. Щерба видел в интонации важнейшее выразительное средство. Интонация, по его мнению, является синтаксическим средством, без которого нельзя выразить и понять смысл высказывания и его тонкие оттенки. Наиболее подробная информация об интонации представлена в “Фонетике французского языка” (Щерба, 1963) и особенно в “Теории русского письма” (Щерба, 1983б). Функция интонации в системе языка выступает особенно наглядно, когда интонация является единственным средством выражения синтаксических отношений.

В “Теории русского письма” отмечено еще одно интересное использование интонации: “Только по интонации, — отмечал Л.В. Щерба, — можно различить слова в роли модальных определителей при психологическом сказуемом от тех же слов в роли модальных определителей при всем высказывании, когда они легко образуют отдельную синтагму” (Щерба, 1983б:130).

Интонация имеет решающее значение для выражения семантики высказывания и при наличии какого-либо другого формального средства, так как разные средства, по словам Л.В. Щербы, “на практике нередко противоречат друг другу”. Интонация оказывается более сильным синтаксическим средством, чем другие. Л.В. Щерба делает весьма важный для диахронической лингвистики вывод: он допускает, что утрата

флексии в разных языках может объясняться тем, что “самым могучим средством выражения связи между словами и группами слов является “интонация”, “фразировка” в самом широком смысле слова” (Щерба, 1958:36; Щерба, 1973:35).

Помимо вышесказанного важной функцией интонации является передача эмоций (например, обращение (звательный падеж) может выражать в зависимости от интонации и тембра голоса и ласку, и порицание, и угрозу, и просьбу, и многое другое).

Для понимания Л.В. Щербой функций интонации особое значение имеет ее роль в смысловом членении речи, при котором в качестве минимальной единицы выступает синтагма, уже рассмотренная выше.

Л.В. Щерба противопоставил свое понимание членения потока речи господствовавшему в фонетике представлению, согласно которому это членение определялось не лингвистически, а физиологией дыхания. Таким образом, синтагма — единица синтаксическая по функции и фонетическая по форме. Интонационная целостность синтагмы, обеспечиваемая отсутствием паузы внутри нее и усиленным ударением, делает ее центральным понятием в учении об интонации.

Синтагма Л.В. Щербы получила самое широкое признание в современных интонационных исследованиях и в общей теории интонации. Синтагма как минимальная интонационно-смысловая единица признается тем отрезком речи, в котором реализуются “интонационные конструкции”, “интонационные контуры”, “инто-немы” и т.п. Еще в “Русских гласных...” Л.В. Щерба говорил об известной самостоятельности “интонаций”, выражающих удовольствие, радость и т.п. В “Теории русского письма” он акцентирует единицы, каждая из которых характеризуется особым рисунком интонации и, естественно, связана со смыслом; он называет их “фонемами своего рода” и “интонационными фонемами” (Щерба, 1983б).

Л.В.Щерба разбивает общую теорию письма на две части: во-первых, употребление знаков, обозначающих звуковые элементы языка (значение и употребление букв) и, во-вторых, употребление знаков, обозначающих смысловые элементы языка. “В общем это будет отвечать традиционному делению на “правописание” и “пунктуацию”; только слитное, дефисное и раздельное написание, а также употребление прописных букв при нашем делении переносится из традиционного правописания в пунктуацию (Щерба, 1974:194).

В части, занимающейся значением и употреблением букв, Л.В.Щерба различает графику — правила “изображения фонем” независимо от написания конкретных слов (Щерба, 1963), и орфографию — правила написания конкретных слов. Правила орфографии могут “находиться в отдельных случаях в полном противоречии с правилами первой категории” (Щерба, 1974:195).

В “Теории русского письма” (Щерба, 1983б) Л.В.Щерба рассматривает принципы орфографии: фонетический, морфологический (или этимологический), исторический и иероглифический, иллюстрируя их примерами из русского, французского, немецкого и английского языков.

Л.В.Щерба не успел завершить начатый в последние годы жизни обобщающий труд “Теория русского письма”, но тем не менее он предстает перед нами как большой теоретик русского правописания, исследовавший важные теоретические вопросы: семантизации звуковых различий, разных стилей произношения, отношение орфоэпии к орфографии. Применительно к письму им рассмотрены также слоговое строение, словесное ударение, длительность отдельных звуков. “Теория русского письма”, опубликованная посмертно, заканчивается анализом звукового состава русского литературного языка в его соотношении с графическими средствами. Несмотря на то, что написанное Львом Владимировичем Щербой составляет лишь небольшую часть задуманного, опубликованные материалы значительно обогащают теорию русского правописания (Иванова, 1976).

Литература

- Аванесов Р.А.* О встречах с Львом Владимировичем Щербой // Теория языка: Методы его исслед. и преподавания. — Л., 1981. — С. 3—14.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию — М 1963 — Т. 1—2; Т.1. — 384 с.; Т.2. — 390с.
- Виноградов В.В.* Синтаксические взгляды и наблюдения академика Л.В.Щербы // Избранные труды: Исслед. по рус. грамматике. — М., 1975. — С. 488 — 516.
- Зиндер Л.Р., Маслов Ю.С.* Л.В.Щерба — лингвист-теоретик и педагог. — Л.; 1982. — 104 с.
- Иванова В.Ф.* Современный русский язык: Графика и орфография. — М., 1976. — 288 с.

- Матусевич М.И.* Л.В.Щерба как фонетик // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. – Л., 1951. – С. 70–81.
- Щерба Л.В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л., 1958. – Т. 1. – 182 с.
- Щерба Л.В.* Фонетика французского языка: Очерк фр. произношения в сравнении с рус.: 7-е изд. – М., 1963. – 309 с.
- Щерба Л.В.* Восточнолужицкое наречие. – Пг., 1915. – Т. I. – I, XXII, 194 с.
- Щерба Л.В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. – М.; Л., 1974. – 428 с.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – 428 с.
- Щерба Л.В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. – Л.; 1983а. – 159с.
- Щерба Л.В.* Теория русского письма. – Л.; 1983б. – 132 с.

Основные работы Л.В.Щербы

- Щерба Л.В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. – СПб., 1912. – III-XI+1–155 с. (Л.: 1983а.).
- Щерба Л.В.* Восточнолужицкое наречие. – Пг., 1915. – Т. 1. – I-XXII. – 194 с.
- Щерба Л.В.* Фонетика французского языка: Очерк фр. произношения в сравнении с рус. – Л.; М., 1937. – 256 с. (7-е изд.: М.; 1963).
- Щерба Л.В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. – М.; Л., 1947. – 1947. – 96 с.
- Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – 188 с.
- Щерба Л.В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л., 1958. – Т. 1. – 182 с.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – 428 с.
- Щерба Л.В.* Теория русского письма. – Л., 1983б. – 132 с.
- Библиографию работ Л.В. Щербы см.: Зиндер Л.Р., Маслов Ю.С.* Л.В.Щерба – лингвист-теоретик и педагог. – Л., 1982. – С. 99–100.

Основные работы о Л.В. Щербе

- Аванесов Р.И.* Лев Владимирович Щерба // Рус. яз. за рубежом. – М., 1980. – № 2. – С. 68–71.
- Бендукидзе С.М.* Л.В.Щерба и его зарубежные коллеги: (К 25-летию со дня смерти) // Рус. яз. в шк. – М., 1969. – № 6. – С. 94–98.

- Бернштейн С.И., Виноградов В.В., Ларин Б.А., Лоя Я.В.* Л.В. Щерба: (По случаю исполнившегося шестидесятилетия со дня его рожд.) // Рус. яз. в шк. — М., 1940. — № 6. — С. 85–86.
- Бондарко Л.В.* Лев Владимирович Щерба // Рус. речь. — М., 1980. — № 2. — С. 103–105.
- Бондарко Л.В., Лилич Г.А., Николаева Т.М.* Чехословацкие языковеды о Л.В.Щербе // Вопр. языкознания. — М., 1978. — № 3. — С. 116–125.
- Будагов Р.А.* Академик Лев Владимирович Щерба: (1880–1944) // Рус. яз. за рубежом. — М., 1972. — № 2. — С. 57–61; Перепечатано в КН.: Будагов Р.А. Человек и его язык. — М.: 1974. — С. 195–202.
- Булахов М.Г.* Щерба Лев Владимирович // Восточнославянские языковеды: Библиографический словарь. — Минск, 1978. — Т. 3. — С. 285–302.
- Виноградов В.В.* Синтаксические взгляды и наблюдения академика Л.В.Щербы // Избранные труды: Исслед. по рус. грамматике. — М., 1975. — С. 488–516.
- Зиндер Л.Р., Бондарко Л.В.* Академик Л.В.Щерба // Вестн. АН СССР. — М., 1980. — № 6. — С. 107–115.
- Зиндер Л.Р., Матусевич М.И.* Лев Владимирович Щерба: (1880–1944) // Рус. речь. — М., 1968. — № 5. — С. 42–45.
- Зиндер Л.Р., Матусевич М.И.* Л.В.Щерба: Основные вехи его жизни и научного творчества // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. — Л., 1974. — С. 5–23.
- Истрина Е.С.* Л.В.Щерба как лексикограф и лексиколог // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. — Л., 1951. — С. 82–87.
- Кодухов В.И.* Лев Владимирович Щерба // Рус. яз. в шк. — М., 1980. — № 2. — С. 99–106.
- Колесов В.В.* Л.В.Щерба. (Языковед). — М.; 1987. — 160 с.
- Люлько Н.П., Матусевич М.И.* Л.В.Щерба // Русское языкознание в Петербургском-Ленинградском университете— Л., 1971. — С. 102–119.
- Матусевич М.И.* Л.В.Щерба как фонетик // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. — Л., 1951. — С. 73–81.
- Обнорский С.П.* Памяти академика Льва Владимировича Щербы // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — М., 1945. — Т.4, вып. ³/₄. — С. 167–169; Перепечатано в кн.: Обнорский С.П. Избранные работы по русскому языку. — М., 1960. — С. 330–335.
- Текучев А.В.* Академик Л.В.Щерба в методике и о методике как науке (К 85-летию со дня рождения и 20-летию со дня смерти) // Рус. яз. в шк. — М., 1965. — № 4. — С. 84–88.
- Теория языка: Методы его исследования и преподавания:* К 100-летию со дня рожд. Л.В.Щербы. — Л., 1981. — 291 с.
- Щерба Д.Л.* Лев Владимирович Щерба: 1880–1944) // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. — Л 1951. — С. 7–22.

В.М.Алпатов
НИКОЛАЙ ФЕОФАНОВИЧ ЯКОВЛЕВ

Выдающийся отечественный лингвист Николай Феофанович Яковлев (9.(21).5.1892–30.12.1974) совмещал в себе крупного теоретика языка, прежде всего в области фонологии, выдающегося исследователя кавказских языков и ведущего теоретика и практика языкового строительства в СССР, создателя большого количества алфавитов.

Николай Феофанович родился на хуторе Булгурин Области Войска Донского (по нынешнему административному делению – Еланский район Волгоградской области) в дворянской семье, однако с детства и до конца жизни жил в Москве. В 1911 г. он окончил Первую московскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который окончил в 1916 г. Со студенческих лет он был знаком с учившимся раньше Николаем Сергеевичем Трубецким (1890–1938) и учившимися на младших курсах Романом Осиповичем Яковсоном (1896–1982), Петром Григорьевичем Богатыревым (1893–1971) и Григорием Осиповичем Винокуром (1896–1947), вместе с тремя последними он организовал Московский лингвистический кружок, существовавший до 1924 г. В университете Николай Феофанович был воспитан в традициях Московской лингвистической школы, среди его учителей – Виктор Карлович Поржезинский (1870–1929), Дмитрий Николаевич Ушаков (1873–1942), Николай Николаевич Дурново (1876–1937). В студенческие годы его интересы колебались между языкознанием и этнографией, его первой публикацией стала статья о женской одежде донских казаков.

После окончания университета обстоятельства жизни на несколько лет оторвали Николая Феофановича от науки. В том же 1916 г. он был призван в армию. Он участвовал в Октябрьской революции в Москве, в 1918 г. был начальником Информационного бюро политотдела Штаба Московского военного округа, был принят в партию большевиков, в 1918–1919 гг. заведовал секцией гуманитарных наук Отдела реформы школы Наркомпроса. С 1919 г. он, однако, вернулся к научно-педагогической деятельности, в связи с чем ему пришлось выйти из партии. В 1919–1920 гг. Яковлев преподавал в Саратовском университете, в 1920 г. вернулся в Москву.

С 1920 г. начались экспедиции ученого на Северный Кавказ, продолжавшиеся с перерывами около 30 лет. Во время экспедиций он и его сотрудники (Л.И.Жирков, М.К.Шиллинг и др.) обследовали Адыгею, Черкессию, Кабарду, Ингушетию, Чечню, Дагестан, Абхазию. В 1924 г. Николай Феофанович основал Комитет по изучению языков и этниче-

ских и национальных культур Северного Кавказа, затем преобразованный в Институт этнических и национальных культур народов Востока, где Яковлев был заместителем директора.

Его деятельность на Кавказе в 20–30-е годы была разнообразной. Он занимался не только языком: изучал быт, материальную и духовную культуру кавказских народов, собирал фольклор, консультировал учителей и начинающих писателей, составлял буквари и учебники, разрабатывал орфографию, одним из первых стал заниматься использованием кино для этнографических исследований. Из его работ этнографического характера отметим книгу об ингушах (Яковлев, 1925) и брошюры о дагестанских кустарных промыслах.

Уже с начала 20-х годов ведущее место в публикациях Яковлева занимает лингвистика. Первая его крупная работа – «Таблицы фонетики кабардинского языка» (Яковлев, 1923), где впервые изложена его фонологическая концепция.

В 1925 г. в Баку был создан Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦКНА), в 1930 г. переведенный в Москву и просуществовавший до 1937 г. Николай Феофанович возглавил его Технографическую комиссию, став по существу научным руководителем деятельности комитета. Как писал М.В.Панов, «многообразным было его участие в общей работе. В создании одних алфавитов он был главный работник, других – помогал совершенствовать, консультировал на разных этапах их готовности. Принимал участие в «доводке» третьих. Четвертые алфавиты строились с учетом конкретного опыта Н.Ф.Яковлева, его достижений. Наконец, создатели пятой группы алфавитов не следовали конкретному опыту Н.Ф.Яковлева, но принимали во внимание его теорию» (Панов, 1974: 322). В итоге было создано к 1936 г. более 70 новых алфавитов на латинской основе (Яковлев, 1936: 29). Особенно велика роль Яковлева в создании алфавитов для языков Северного Кавказа.

Одним из эпизодов алфавитной деятельности ученого стала разработка латинского алфавита для русского языка. Яковлев писал: «Территория русского алфавита представляет собою в настоящее время род клина, забитого между странами, где принят латинский алфавит Октябрьской революции, и странами Западной Европы, где мы имеем национально-буржуазные алфавиты на той же основе... Сейчас должен быть создан новый алфавит – алфавит социализма» (Яковлев, 1930: 35–36). В 1929–1930 гг. комиссия под его руководством подготовила три варианта латинского алфавита для русского языка. Эти проекты были

хорошо научно обоснованы, но не учитывали традиций и привычек носителей русского языка, уже несколько веков использующих кириллицу; они остались неосуществленными (см. Ашнин, Алпатов, 2001; Alpatov, 2001).

Во второй половине 20-х годов исследования Николая Феофановича по фонологии и кавказоведению получили международную известность, его труды рецензировали А.Мейе, Н.Трубецкой. В 1926 и 1928 гг. Яковлев был за границей, где выступал с докладами. Его главный теоретический труд тех лет «Теория фонем» (1928–1929), однако, не был издан и, по-видимому, не сохранился. В кратком виде фонологическая концепция ученого была изложена в известной статье «Математическая формула построения алфавита», изданной в публикациях ВЦКНА (Яковлев (1928) – 1970).

В 30-е годы Николай Феофанович помимо работы в ВЦКНА заведовал кавказским сектором Института языков и письменностей национальностей СССР, преподавал в Московском институте востоковедения и в других вузах. После установления в советском языкознании господства марризма он подвергался постоянной травле. В то же время, сохраняя независимость от марризма в вопросах фонологии и конструирования письменностей, он в трактовке ряда проблем, особенно связанных с историей языков, испытал влияние марризма, что проявилось в исторических частях его кавказских грамматик и в брошюре о происхождении языка, написанной в соавторстве с историком первобытного мира В.К.Никольским (Яковлев, Никольский, 1945).

В 30–40-е годы Яковлев написал пять фундаментальных грамматик кавказских языков: адыгейского, кабардинского, чеченского, ингушского и абхазского. Однако до войны удалось издать лишь адыгейскую грамматику совместно с адыгейским ученым Д.А.Ашхамафом и первую часть чеченской грамматики. Уже после войны была издана и кабардинская грамматика; «Грамматика кабардинского языка» стала также темой его докторской диссертации, защищенной в 1946 г. Издание ингушской грамматики и второй части чеченской грамматики задержалось из-за трагической судьбы соответствующих народов, абхазской грамматики — из-за противодействия последователей Н.Я.Марра. Вторая часть чеченской грамматики вышла лишь в 1960 г. без участия автора, отошедшего к тому времени от науки; ингушская и абхазская грамматики не изданы до сих пор.

В первые послевоенные годы Николай Феофанович был профессором (звание получил в 1947 г.) Московского института востоковедения и Военного института иностранных языков; институт, в котором он заведовал сектором, вошел в состав Института языка и мышления АН СССР, реорганизованного в 1950 г. в академический Институт языкознания. В 1950 г. после критики марризма И.В.Сталиным ученый попал в число прорабатываемых, хотя разделял идеи Н.Я.Марра далеко не полностью. В отличие от других жертв проработок он пытался проявить самостоятельность, продолжая спорить с В.В.Виноградовым, А.С.Чикобава и др. В результате его судьба оказалась особенно печальной. Сначала Яковлев был отстранен от заведования сектором, а в августе 1951 г. он как «неразоружившийся маррист» был уволен из Института языкознания, отстранен он был и от преподавания.

Попытки Николая Феофановича восстановиться на работе через суд успеха не имели. В результате он психически заболел и так и не смог вернуться к научной деятельности. Последние 23 года он жил в Москве, находясь вне науки.

Основные теоретические интересы Яковлева лежали в области фонологии, в то время наиболее развитой области языкознания. Приняв сформированное И.А.Бодуэном де Куртенэ и Л.В.Щербой разграничение звука и фонемы, он не принял свойственное Бодуэну де Куртенэ, Е.Д.Поливанову и первоначально Щербе психологическое понимание фонемы. Он писал в 1928 г.: «Я вполне присоединяюсь к выводам проф. Л.В.Щербы, что в каждом языке существует строго ограниченное количество звуков — «фонем», однако в отличие от последнего я даю этому факту чисто лингвистическое толкование. Именно — фонемы выделяются, по моему мнению, не потому, что они сознаются каждым отдельным говорящим, но они потому и сознаются говорящими, что в языке, как социально выработанной грамматической системе, эти звуки выполняют особую грамматическую функцию. Грубо говоря, можно сказать вслед за Усларом, что фонемы — это те звуки, с помощью которых происходит различение слов в языке. Точнее говоря, мы должны признать фонемами те звуковые отличия, которые выделяются в речи как ее кратчайшие звуковые моменты в отношении к различению значимых элементов языка» (Яковлев, 1928б: 46).

В качестве предшественника в данной области Яковлев рассматривал выдающегося русского исследователя кавказских языков П.К.Услара (1816–1875), работавшего в 60–70-е годы XIX в.; именно

им идеи Услара были введены в научный оборот. Но систематическая фонологическая теория, основанная на функции смысловоразличения и отвлекающаяся от психологических и других экстралингвистических характеристик, была создана именно Николаем Феофановичем. Впервые она была сформулирована в (Яковлев, 1923), тогда как Н.Трубецкой и Р.Якобсон начали публиковать работы, содержавшие аналогичные идеи, лишь в конце 20-х годов. Однако яковлевская концепция была отражена в опубликованных трудах далеко не полностью и не получила большой известности за рубежом, тогда как более разработанные теории Н.Трубецкого у Р.Якобсона стали значительно более популярными.

Фонологические исследования для ученого были тесно связаны с его практической деятельностью по языковому строительству. С одной стороны, фонология стала теоретической базой для конструирования алфавитов, чего не могла обеспечить традиционная фонетика; с другой стороны, разнообразные по строю языки народов СССР давали обширный материал для разработки теории; на этот материал, введенный в научный оборот Яковлевым и его сотрудниками, во многом опирался и Н.Трубецкой в «Основах фонологии».

Как отмечает исследователь научного творчества Яковлева (Журавлев, 1988: 16–17), в развитии фонологической теории значительную роль сыграли не столько фонетисты, сколько лингвисты, занимавшиеся проблемами письменности. Сам Яковлев отмечал, что и создатели алфавитов уже были «стихийными фонологами». На письме должны отражаться не все доступные наблюдению звуковые различия, а лишь релевантные для функционирования языка, т.е. фонологические. Возможно взаимно однозначное соответствие между фонемами и буквами, однако, как отмечал Николай Феофанович, такое соответствие не всегда удобно для практики, поскольку количество букв может оказаться слишком большим. Именно в связи с этим была разработана «математическая формула построения алфавита», дающая возможность обходиться минимально необходимым числом букв. Здесь сознательно для конструирования алфавитов был использован прием, стихийно сложившийся в кириллическом алфавите для русского языка: большое количество пар согласных фонем, противопоставленных по твердости/мягкости, передается одними и теми же буквами, но для передачи мягкости соседнего согласного используются дополнительные буквы *я, ю, ё*; дополнительно также оказывается необходимой буква для передачи мягкости не перед гласной: *ь*. «Математическая формула» Яковлева использовалась для

конструирования ряда алфавитов на латинской, а затем и на кириллической основе.

Фонологические идеи Николая Феофановича повлияли на формирование идей сложившейся в 30-е годы Московской фонологической школы, один из основателей которой Алексей Михайлович Сухотин (1888—1942) был учеником Яковлева. Впоследствии представители школы указывали на сходство своих идей с яковлевскими (Реформатский, 1970: 16—21); см. особенно такие слова: «И, несмотря на то, что Николай Феофанович организационно не был членом Московской фонологической школы, он был ее представителем» (Реформатский, 1970: 21).

У Яковлева почти нет специальных работ, посвященных теории грамматики, однако в его грамматиках кавказских языков постоянно рассматриваются проблемы теоретического характера, многое здесь имело пионерский характер и сохраняет свое значение и сегодня. Можно отметить, например, идеи в его адыгейской грамматике о построении для агглютинативных языков грамматики порядков, в которой определяется ранг того или иного аффикса, связанный с той или иной грамматической категорией, и выявляется сочетаемость аффиксов разных рангов, в результате оказывается возможным построить исчисление системы многочисленных форм слова в этих языках. Эти идеи были затем развиты в (Ревзин, Юлдашева, 1969) и других работах. Отметим также строгое разграничение синтаксической, коммуникативной и семантической структур предложения, что для 30—40-х годов было не столь частым.

Большое место в кавказских грамматиках Яковлева занимают разыскания исторического характера, прежде всего попытка реконструкции развития кавказских языков в дописьменный период. При этом активно использовался метод внутренней реконструкции. Наряду с выдвижением ряда интересных гипотез в этой части наследия ученого можно видеть отрицательное влияние «нового учения о языке» Н.Я.Марра: сложные и многообразные процессы Николай Феофанович должен был втискивать в предусмотренные этим «учением» рамки однонаправленного развития «от простого к сложному», несомненная омонимия трактовалась как пережитки «первобытного диффузного состояния».

Во многих статьях 20—30-х годов Николай Феофанович подробно высказывался по вопросам социолингвистики, прежде всего языковой политики. Им было разработано и изложено в печати немало рекомендаций по разнообразным проблемам: для каких народов и в каких ситуациях необходимо создавать собственные письменности, а какие рацио-

нально обучать грамоте на языке более крупного родственного народа, как нужно выбирать опорный диалект для создания литературной нормы, на каком языке следует вести лишь начальное образование, на каком также и среднее, а на каком — организовать все виды образования, включая высшее; особенно здесь выделяется статья (Яковлев, 1928а). Много он писал и по вопросам выбора письменности, выступая сторонником всеобщей латинизации, см. (Яковлев, 1925).

Творческий путь Николая Феофановича не был ровным, и не все из созданного им равноценно. Однако лучшие из его работ позволяют говорить о нем как об одном из самых значительных отечественных лингвистов первой половины XX в. К сожалению, не все из созданного им дошло до нас, а ряд его трудов до сих пор не опубликованы.

Литература

- Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* Putin za realjnije çeli // Независимая газ. — М., 2001. — 31 марта.
- Журавлев Н.К.* Н.Ф. Яковлев и фонология // Н.Ф.Яковлев и советское языкознание. — М., 1988. — С. 16–31.
- Панов М.В.* Теория фонем Н.Ф.Яковлева и создание новых письменностей в СССР // Народы Азии и Африки. — М., 1974. — № 4. — С. 310–323.
- Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. — М., 1970. — 528 с.
- Ревзин И.И., Юлдашева Г.Д.* Грамматика порядков и ее использование // Вопр. языкознания. — М., 1969. — № 11. — С. 42–56.
- Яковлев Н.Ф.* Таблицы фонетики кабардинского языка. — М., 1923. — 129 с.
- Яковлев Н.Ф.* Ингуши. — М., 1925. — 134 с.
- Яковлев Н.Ф.* Проблемы письменностей восточных народов // Новый Восток. — М., 1925. — Кн. 10/11. — С. 236–242.
- Яковлев Н.Ф.* Развитие национальной письменности у восточных народов Советского Союза и зарождение их национальных алфавитов // Рев. Восток. — М., 1928а. — № 3. — С. 206–234.
- Яковлев Н.Ф.* Математическая формула построения алфавита // Культура и письменность Востока. — Баку, 1928б. — Кн. 1. — С. 41–64. Переиздано в: *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. — М., 1970. — С. 123–148.
- Яковлев Н.Ф.* За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока. — Баку, 1930. — Кн. 6. — С. 27–43.
- Яковлев Н.Ф.* О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов // Революция и письменность. — М., 1936. — Вып. 2. — С. 26–38.

- Яковлев Н.Ф., Никольский В.К.* Как люди научились говорить. — М., 1945. — 39 с.
- Алатов V.M.* Un projet peu connu de latinization de l'alphabet russe // *Slavica occitania*. — Toulouse, 2001. — № 12: Alphabets slaves et interculturalités. — P. 13–28.

Основные работы Н.Ф.Яковлева

- Яковлев Н.Ф.* Таблицы фонетики кабардинского языка. — М., 1923. — 129 с.
- Яковлев Н.Ф.* Математическая формула построения алфавита // *Культура и письменность Востока*. — Баку, 1928. — Кн.1. — С.41–64.
- Яковлев Н.Ф.* Краткий обзор черкесских (адыгских) наречий и языков. — Ростов н/Д., 1928.
- Яковлев Н.Ф.* Краткая грамматика кабардинско-черкесского языка — Ворошиловск, 1938. — Вып.1: Синтаксис и морфология.
- Яковлев Н.Ф.* Синтаксис чеченского литературного языка. — М., 1940. — 320 с.
- Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.* Грамматика адыгейского литературного языка. — М., 1941. — 464 с.
- Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. — М., Л., 1948. — 372 с.
- Яковлев Н.Ф.* Морфология чеченского языка. — Грозный, 1960. — 239 с.

Основные работы о Н.Ф.Яковлеве

- Ашнин Ф.Д., Журавлев В.К.* Принципы фонемологии: (К 90-летию Н.Ф.Яковлева) // *Вопр. языкознания*. — М., 1983. — № 6. — С. 127–134.
- Ашнин Ф.Д., Алатов В.М.* Жизнь и труды Николая Феофановича Яковлева // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* — М., 1994. — Т. 54, № 4. — С. № 5. — С. 77–85.
- Климов Г.А., Панов М.В., Реформатский А.А.* Из истории отечественного языкознания 20–40-х годов: Н.Ф.Яковлев (1892–1974) // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* — М., 1975. — Т. 34, №4. — С. 362–367.
- Панов М.В.* Теория фонем Н.Ф.Яковлева и создание новых письменностей // *Народы Азии и Африки*. — М., 1974. — № 4. — С. 310–323.
- Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. — М., 1970. — С. 16–21.
- Н.Ф.Яковлев и советское языкознание*. — М., 1938. — 53 с.
- Aşnin F.D., Alatov V.M.* N.F.Jakovlev (1892–1974) // *Une famille étrange: La Linguistique russe et soviétique*. — P., 1995. — P. 147–161.

- Cuipers E.H.* Caucasian studies // Soviet and East European Linguistics. – The Hague, 1963. – P. 318–320.
- M(eillet) A. N.* Jakovlev: Materials for the Kabarden dictionary // Bull. de la soc. de linguistique de Paris. – P., 1929. – Vol. 29.

А.А.Леонтьев
ЛЕВ ПЕТРОВИЧ ЯКУБИНСКИЙ

Лев Петрович Якубинский – один из самых ярких советских языковедов 20–40-х годов XX в., видный специалист по русскому языку и его истории, общему языкознанию, теории поэтической речи, ученик И.А. Бодуэна де Куртенэ. Профессор.

Л.П.Якубинский родился в г. Киеве в 1892 г. (точная дата не выяснена), умер в Ленинграде 23 августа 1945 г. Учился в гимназии, затем в кадетском корпусе. По завершении среднего образования в 1909 г. поступил на историко-филологический факультет Киевского университета и в том же году перевелся на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Еще в 1908–1909 гг. в издании «Литературно-научный сборник» печатались его стихотворения, а также статьи и заметки о русских писателях.

В Петербургском университете Якубинский стал учеником Ивана Александровича (Яна Игнаци Нецислава) Бодуэна де Куртенэ (1845–1929), члена-корреспондента Российской академии наук, гениального лингвиста, во многом определившего развитие мирового языкознания в XX в. В 1911 г. он пишет свою первую научную работу – «Психофонетические нули в русском языковом мышлении», удостоенную серебряной медали по отзыву И.А.Бодуэна де Куртенэ. Обращает на себя внимание, что само название этой – как мы бы теперь сказали – курсовой работы соответствует концепции Бодуэна. Якубинский слушал у Бодуэна введение в языковедение, сравнительную грамматику славянских и индоевропейских («ариевропейских») языков, занимался у него чтением Ригведы, резьянскими говорами словенского языка, литовским языком. Его учителями были также М.Р.Фасмер (древнегреческие диалекты, албан-

ский язык), Л.В.Щерба (экспериментальная фонетика), А.А.Шахматов (русский и сербохорватский языки).

Окончив университет в 1913 г., Якубинский был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию (эквивалент нынешней аспирантуры). Одновременно он преподает в средней школе (с 1913 по 1922 г.), а также (в 1915–1916 г.) на высших курсах П.Ф.Лесгафта и на высших курсах Лохвицкой-Скалон, читая курс общего языковедения. В эти годы Якубинский вошел в круг людей, позже выступивших под флагом ОПОЯЗа – Общества по изучению поэтического языка. Среди них был Виктор Борисович Шкловский, автор брошюры «Воскрешение слова» (1913) – теоретического манифеста этой группы; Осип Максимович Брик; Владимир Владимирович Маяковский; известный лингвист (тоже любимый ученик Бодуэна) Евгений Дмитриевич Поливанов и др. Якубинский принял активное участие в подготовке «Сборников по теории поэтического языка»: первый из них вышел в 1916 г., второй в 1917, а третий в 1919; этот последний сборник носил название «Поэтика» и частично включал в себя материалы первых двух. Якубинский опубликовал в каждом сборнике по статье (а в «Поэтике» их оказалось целых три).

Отношение Бодуэна к своему ученику ясно видно из его письма В.А.Богородицкому от 1915 г.: обсуждая, кто бы мог занять вакантную кафедру в Казанском университете, Бодуэн называет Якубинского в числе трех наиболее подходящих кандидатур (две другие – К.К.Буга и В.Б.Томашевский, осетиновед, в дальнейшем ректор Бакинского, а затем Ленинградского университета). И неудивительно – в отзыве Бодуэна о медальном сочинении Льва Петровича уже в 1911 г., когда Якубинскому было всего 19 лет, было сказано: «Теоретические соображения автора изобличают человека, очень тонко мыслящего и глубоко проникающего в суть предмета» (цит. по: Якубинская-Лемберг 1949: 5).

Сразу после революции Якубинский выступает как один из создателей Института живого слова в Петрограде. Инициатором создания этого института был известный театровед и музыковед В.Н.Всеволодский-Гернгросс. Он был открыт при поддержке и при участии наркома просвещения А.В.Луначарского 15 ноября 1918 г. Якубинский выступал на торжественном акте открытия. 20 ноября начались лекции; в числе лекторов были Луначарский, А.Ф.Кони, Л.В.Щерба, В.И.Чернышев, Ф.Ф.Зелинский, С.М.Бонди, Н.С.Гумилев, С.И.Поварнин, К.А.Эрберг, Н.А.Энгельгардт и другие выдающиеся спе-

циалисты. Л.П.Якубинский читал два курса — «Эволюция речи» и «Семантика речи». В числе намеченных на 1918/19 академический год докладов значится «Слово и знак», докладчиком не мог быть никто, кроме Якубинского (неизвестно, впрочем, состоялся ли доклад вообще).

Кроме Института живого слова в 1918—1919 гг. Якубинский преподавал также в 3-м Педагогическом институте (позднее ЛГПИ им.А.И.Герцена) — интересно, что в должности профессора, хотя ему было всего 26 лет! В то же время он вел административную работу в системе Наркомпроса и продолжал преподавать в школе русский язык.

В 1917 г. сдал три магистерских экзамена. Четвертый (сравнительное языкознание) был сдан им в 1923 г.; тогда же он прочел в университете две пробные лекции («Об арго одного из детских домов» и «Отражение в чакавских говорах») и был назначен доцентом университета с поручением ему курса общего языковедения.

В 1923 г. Якубинский увлекся учением акад. Н.Я.Марра, приняв его принципиальные положения. Со свойственной ему искренностью Л.П. отказывается от некогда принятых им лингвистических позиций. Совместная работа с академиком Н.Я.Марром укрепляет и расширяет понимание Львом Петровичем основ марксистско-ленинского языковедения. Николай Яковлевич высоко ценил Льва Петровича как лингвиста, о чем он неоднократно высказывался устно и письменно.

Когда в 1932 г. Н.Я.Марр получил предложение Учпедгиза взять на себя редактирование «Курса общего языкознания» и организовать составление этой книги, Николай Яковлевич обратился с письмом к Л.П., в котором, между прочим, писал: «Я бы охотно проредактировал работу, если бы Вы взяли на себя ее составление, так как считаю Вас одним из наиболее подготовленных это сделать» (Якубинская-Лемберг, 1949: 5—6). Эти слова жены и соратницы Льва Петровича Эрики Антоновны Якубинской-Лемберг (1895—1961) были написаны в 1949 г., когда «новое учение о языке» Марра вновь, и успешно, боролось за монополизм в советском языкознании и когда высокая оценка из уст Марра была своего рода пропуском в печать для некролога Якубинского. Хуже того — совсем недавно один из «вождей» возрождающегося марризма, Ф.П.Филин, заклеил уже покойного Якубинского в ряду других «индоевропейцев» — Виноградова, Реформатского, Булаховского, Бубриха и тоже уже покойного Селищева (Филин, 1948). Даже из этого видно, что на самом деле отношения Марра и его сторонников и Якубинского не

были такими простыми и безоблачными, как это получается у Э.А.Якубинской-Лемберг.

Обращает на себя внимание год, когда Л.П. начал увлекаться учением Марра. Именно в этом году Марр от «яфетической теории» перешел к «новому учению о языке», окончательно выйдя за пределы науки. Что привлекло в этом научном «мифе» (если пользоваться удачным словом В.М.Алпатов) блестящего языковеда-«индоевропеиста», ученика Бодуэна и Щербы? Мы сейчас вернемся к этому, а пока хотели бы кое-что уточнить. В.М.Алпатов (1991: 62) говорит, что «А.А.Леонтьев возводит увлечение Якубинского Марром к 1923 г... Но сам Якубинский связывал его с привлечением к работе по числительным в 1925 г...». Однако дату 1923 называет Э.А.Якубинская-Лемберг, на которую мы и опирались в своей датировке. Н.Я.Марр писал, что Якубинский уже до начала их совместной работы над числительными (см. ниже) приступил «к изучению основного по разработанности яфетического языка – грузинского» (Марр, 1927: V).

Итак, что могло привлечь Якубинского в «новом учении о языке»? Во-первых, резкая критика традиционной индоевропеистики. В одной из рукописных заметок 30-х годов Якубинский сам объяснил, что его в ней не устраивало: «Гипотеза праязыка... была абсолютизирована, гипертрофирована, превратилась во всеобщее механически применяемое средство объяснения сходств между языками, забывая об их различиях. Сравнительный метод превратился в своеобразную отмычку, открывающую все двери, в воровской ключ “соловей”, открывающий все замки. Открывающий ли? В том-то дело, что нет!» (цит. по: Леонтьев 1986: 8).

Во-вторых, сказалось повышенное внимание Якубинского к семантическим процессам в языке, к тенденциям и изменениям, общим для целых семантических групп и подчиняющим себе более частные явления, обычно анализируемые независимо. Это особенно ясно видно в статье «Несколько замечаний о словарном заимствовании» (1926) и в его курсе семантики, читавшемся в Институте живого слова. И не случайно во многих более поздних работах Лев Петрович брал у Марра прежде всего методику стадильно-семантического исследования.

Наконец, в-третьих, для Якубинского уже в «домарровский» период был характерен острый интерес к вопросам психологии и социологии, сочетавшийся с уникальной эрудицией в области философии, психологии, этнографии. И его не могли не привлечь схожие устремления Марра.

Самой ортодоксально марристской работой Л.П. была его статья «К палеонтологии названий для «половины»» (1927). Она была связана с начавшейся в конце 1925 — первой половине 1926 г. деятельностью «Группы Числительных», проходившей под руководством самого Н.Я.Марра; в нее входили сотрудники Яфетического Института Академии наук и сотрудники Института по изучению языков и литератур Запада и Востока при Ленинградском университете (ИЛЯЗВ), в числе которых и был Якубинский. Помимо этой статьи Якубинский сделал доклад «О словах, означающих неопределенное множество» (Марр, 1927: V).

В статье Л.П. употребляет всю марровскую терминологию — он пишет о палеонтологической морфологии, «салских», «берских» и «ионских» словах (от «сал-бер-йон-рош») и т.д. Однако при чтении чувствуется рука профессионального компаративиста. Это видел и Марр — в его предисловии к сборнику Якубинский фигурирует как «индоевропеист» или «индоевропеист по своей школе». Учитывая, что, по Марру, «ставить... яфетическую теорию рядом с индоевропеистикой это значит пятиться неизвестно во имя чего назад» (Марр, 1927: XII), это едва ли можно назвать комплиментом. Правда, в 1931 г., в известной брошюрке Аптекаря и Быковского, Якубинский не значится ни в списке «представителей буржуазного идеалистического языкознания» (куда вошли Богородицкий, Бубрих, Булаховский, Дурново, Карский, Петерсон, Пешковский, Поливанов, Ушаков, Щерба), ни среди тех, кто «объективно выступает... как организаторы сопротивления делу разгрома индоевропеизма» (Волошинов, Лоя, Данилов, Ломтев), ни даже среди «лиц, тормозивших и тормозящих в настоящее время развитие яфетической теории» (сюда в числе других были включены коллеги Л.П. по сборнику о числительных — Долобко, Брим, Розенберг, а также Генко, Дондуа, Орбели, Петров, Струве, Шишмарев и опять же Щерба). Более того, в сборнике «Против буржуазной контрабанды в языкознании» есть и статья Якубинского, критикующая социолингвистические построения Г.Данилова. Другой вопрос, что эта статья написана совершенно не в стилистике Якубинского, — мы бы не удивились, если бы когда-нибудь выяснилось, что он ее только отредактировал или даже только подписал...

После смерти Марра в 1934 г. интерес Л.П. к его концепциям заметно падает. Впрочем, в эти годы Якубинский вообще писал и особенно печатал очень мало.

Но вернемся к 1923 г. Начиная с этого времени он всю дальнейшую жизнь оставался вузовским педагогом: был доцентом, а затем про-

фессором Ленинградского университета, профессором пединститута им. А.И.Герцена и пединститута им.М.М.Покровского (с 1934 до 1943 г.; он был профессором, заведующим кафедрой, деканом литературного факультета), Института агитации им. В.В.Володарского, Фонетического института. С 1921 и до 1937 г. Лев Петрович работает в ИЛЯЗВе – Институте сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока, который позже стал Государственным институтом речевой культуры (ГИРК), а потом – Ленинградским НИИ языкознания (Якубинский был его сотрудником, затем ученым секретарем, а с 1933 по 1936 г. – директором). С 1924 г. он сотрудничал в Яфетическом институте, позже переименованном в Институт языка и мышления им. Н.Я.Марра. Работал также в Государственном институте истории искусств, был старшим редактором ленинградского отделения Учпедгиза (1923–1933), а одно время даже «командовал» всей ленинградской наукой – возглавлял Отдел научных учреждений Ленинградского отделения Главнауки (1924–1927) и был его инструктором. Схожий «послужной список» был у многих других выдающихся ученых того времени. Характерно, что именно ученики Бодуэна де Куртенэ оказались в середине 20-х годов у руля советской лингвистической науки, – В.Б.Томашевский возглавлял Ленинградский университет, а Е.Д.Поливанов заведовал лингвистической секцией РАНИОН.

«Понимая, какую большую роль играет советское учительство в поднятии общей культуры и в частности культуры речи широких масс, Л.П. вел большую общественно-научную работу среди преподавателей средних школ, выступал с докладами по вопросам языковой культуры на учительских конференциях, участвовал в дискуссиях, борясь с формализмом в преподавании родного языка, читал лекции по истории русского языка в Институте усовершенствования учителей и в специальном семинаре, организованном Горono при Ленинградском институте языкознания. Л.П. также принимал участие в составлении и рецензировании учебников и программ по русскому языку для средней школы» (Якубинская-Лемберг, 1949: 4).

Уже с начала 20-х годов Лев Петрович заинтересовался анализом языка Ленина. Он опубликовал две статьи на эту тему – в журнале ЛЕФ («О снижении высокого стиля у Ленина», 1924) и в журнале «Печать и революция» («Ленин о “революционной фразе” и смежных явлениях»,

1926)¹. Особенно интересна вторая из них, мысли которой, касающиеся понятия «фразы», были развиты также в работе «Проблемы синтаксиса в свете нового учения о языке» и в неизданной рукописи «О буржуазной фразе и борьбе с ней». В «Проблемах синтаксиса...» это понятие определяется следующим образом: «Условимся называть, вслед за В.И.Лениным, предложение и развернутую речь, дающие лишь видимость преодоления абстрактности слова... – фразой». Эта серия работ Якубинского является, в сущности, первым опытом теоретико-лингвистического подхода к процессам массовой коммуникации и поэтому заслуживает самого серьезного внимания со стороны специалистов в этой области. В 1928 г. Якубинский руководил в ИЛЯЗВе «коллективной темой по учету высказываний о языке В.И.Ленина» (Ленинградский институт... 1928: 149).

Начиная с 1930 г. Л.П. вплотную занимается проблемами социолингвистики. Уже в 1928 г. он руководит в ИЛЯЗВе коллективной темой по составлению словаря неправильностей русской речи по материалу стенгазет, записей ораторов, писем рабкоров, сочинений учащихся трудшкол, рабфаковцев, студентов, канцелярскому делопроизводству. В 1930–1931 гг. он публикует статьи «Язык крестьянства», «Язык пролетариата», «Русский язык в эпоху диктатуры пролетариата», «О научно-популярном языке» и три статьи о языке, адресованные начинающим писателям; к ним примыкает и известная работа «Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики» (1931). В 1932 г. эти статьи (кроме последней) вошли в книгу «Очерки по языку», написанную совместно с А.М.Ивановым (Иванов и Якубинский, 1932). Хотя эта книга несет на себе очевидную печать того времени, когда она была написана и издана (см. ниже), интересно, что в списке работ, составленном Якубинским незадолго до смерти, указана в числе других следующая: «Очерки по языку. Сборник статей. Второе издание, значительно дополненное и исправленное (сдано в печать)» (цит. по: Леонтьев, 1986: 7). В свет это новое издание, однако, так и не вышло, и местонахождение рукописи остается неизвестным.

¹ Когда в 1969 г. нами готовился к печати том избранных произведений Якубинского, вышедший только в 1986 г. (Якубинский, 1986), мы включили туда обе эти статьи. Однако их не пропустил в печать Институт Маркса – Энгельса – Ленина, так как Якубинский ссылался в них на те тексты Ленина, которые не вошли в каноническое – пятое – издание Полного собрания сочинений.

«1936/1937 учебный год Л.П. провел по командировке Наркомпроса в Турции в г. Анкаре, где преподавал русский язык в Институте языка, истории и географии. Живя в Турции, Л.П., естественно, с большим интересом занимался турецким языком. В рукописях Л.П. сохранился ряд очень любопытных замечаний о некоторых грамматических категориях турецкого языка» (Якубинская-Лемберг, 1949: 5).

Во второй половине 30-х годов Якубинский довольно резко меняет свои позиции, возвращаясь к компаративистике. Его взгляды этого времени четко выражены в одном рукописном фрагменте этого времени: «Областью буржуазной науки, которая представляет для нас особенный интерес, является сравнительное языкознание и, в первую очередь, сравнительная грамматика индоевропейских языков как его наиболее разработанный участок... В нем... накоплено огромное количество твердо установленных фактов... Без усвоения и переработки, без использования этого подлинно ценного наследства буржуазной эпохи невозможно развитие советской лингвистики. Между тем сравнительное языкознание находится у нас в полном пренебрежении, в загоне» (цит. по: Леонтьев, 1986: 8).

Отход Якубинского от марризма отражал общее разочарование в нем даже тех лингвистов, которые в предшествующие годы были активными марристами. Даже Ф.П.Филин к концу 30-х годов позволял себе откровенно издеваться над четырехэлементным анализом (Алпатов 1991: 119). «Из элементов марровского учения наиболее популярными оставались концепция происхождения языка, выявление в исторически известных языках остатков первобытного состояния — диффузных звуков, полисемантизма и т.д. (палеонтология без элементного анализа), а также имевшая особое значение идея стадиальности в языковом строе» (Алпатов, 1991: 121). Именно и только это сохранилось от «нового учения о языке» и у Якубинского.

В 30-х годах Якубинский не только вновь обращается к научной проблематике истории языка и сравнительного языкознания, но и очень резко выступает за внедрение этой, а также традиционной общелингвистической проблематики в курс родного языка в средней школе. Его мысли по этому поводу не потеряли ценности и донныне, чем обусловлена публикация (в сокращении) его доклада 1936 г. «Элементы языкознания и истории языка в средней школе» в сборнике избранных работ (Якубинский, 1986).

В последние предвоенные годы Якубинский углубился в историю русского языка. Он несколько лет работал над книгой «Лекции по истории русского языка» (другое название — «Учебное пособие по истории русского языка для пединститутов»), которая получила — как теперь говорят — гриф ВКВШ (Всесоюзного комитета по высшей школе) и была сдана в печать весной 1941 г. Война, а затем смерть Л.П. задержали ее публикацию, а затем, с установлением в советском языкознании «аракчеевского режима» в конце 40-х годов, эта книга пришлось, как говорится, не ко двору. Она была издана только в 1953 г. под редакцией и с предисловием В.В.Виноградова, причем не полностью — объем ее составляет примерно две трети исходной рукописи. Книга, как она вышла из печати, включает три раздела: «Введение», «Фонетика и грамматика» и «Древнерусский литературный язык». Введение, в свою очередь, распадается на части: «Русский язык как один из славянских языков», «Происхождение письменности у славян» и «Церковнославянский язык в Киевской Руси X—XI вв.».

В первой части Якубинский излагает оригинальную концепцию родства индоевропейских и славянских языков. Она была впервые сформулирована им в докладе о происхождении славянских языков в 1940 г., затем оформленном как часть книги; он был опубликован отдельно в 1947 г., а при окончательной подготовке «Истории русского языка» был редакцией весьма заметно сокращен. Суть этой концепции в том, что теория индоевропейского «единого праязыка» неверна: его следует понимать не как единый язык, а как своего рода ареальное образование, континуум диалектов, лишь частично пересекающихся, как «языковой союз». Единство славянских языков — другого рода, для них можно постулировать «праславянский племенной диалект». Эта позиция Якубинского соответствует в полной мере взглядам современной компаративистики: как пишет Э.А.Макаев, «членение индоевропейской языковой общности ничего общего не имеет с картиной постепенного распада индоевропейского праязыка... Проблема членения индоевропейской языковой общности — это описание многоступенчатых и неоднократно имевших место процессов интеграции и реинтеграции языковых континуумов как в терминах генетического родства, так и в терминах типологического сродства» (Макаев, 1977: 23—24).

Во второй части первого раздела Л.П. отстаивает положение о «борьбе» кириллицы и глаголицы как отражении борющихся влияний Восточной и Западной империй на славянской территории.

В третьей, наиболее важной части, а также во всем третьем разделе рисуется картина возникновения и функционирования древнерусского литературного языка. Таковым, по Якубинскому, первоначально являлся язык старославянский (церковнославянский), и лишь в XI в. этот последний вытесняется в общественно-политической сфере собственно русским, т.е. восточнославянским деловым языком; в остальных же функциях до XII в. продолжает выступать церковнославянский. В сущности, это не противоречит современной точке зрения, согласно которой в качестве языка письменности могли выступать либо древнерусское койне, либо церковнославянский язык, причем письменный вариант койне отражает смешение восточнославянских и южнославянских элементов (см.: Улуханов, 1972).

В разделе, посвященном фонетике и грамматике, привлекает внимание гипотеза о слогофоне как основной звуковой единице общеславянского (праславянского) языка, связанная, по-видимому, с аналогичными идеями Г.А.Ильинского. Грамматическая часть интересна обращением к грамматической семантике. Очень своеобразна развиваемая Якубинским теория местоимений, а также глава «Из истории предлогов и союзов», где, по-видимому, отразились материалы не опубликованной в свое время статьи «Выражение понятия причины и отношения причинности в русском языке» (1936); не исключено, что это — сохранившаяся рукопись того же года под названием «Лингвистические материалы к вопросу о возникновении понятия причины»). О связи грамматических идей Якубинского с общей концепцией лингвистов Петербургской школы (Л.В.Щербы, Е.Д.Поливанова и др.) см.: (Леонтьев, 1961).

Вторая большая работа, которой Л.П. занимался в предвоенные годы, — это вводный раздел в планировавшуюся Академическую грамматику русского языка (она, как известно, вышла в 1952 г., но без этого раздела). Он назывался «Краткий очерк образования современного литературного языка». Якубинский так и не успел его закончить: более или менее завершенной осталась лишь часть очерка, доведенная до конца XVII в. (причем буквально за несколько месяцев до смерти Лев Петрович продолжал собирать материалы для него). Был написан также небольшой фрагмент о литературном языке петровской эпохи, опубликованный только в издании избранных работ Якубинского 1986 г. (Якубинский, 1986).

Всю ленинградскую блокаду Якубинский провел в осажденном городе. «Живя в Педагогическом институте им. Покровского, Л.П. своей

верой в победу поддерживал в самые тяжелые дни настроение студентов всего своего факультета. При свете коптилки он писал задуманный им учебник «Введение в языкознание»...¹ Когда в блокированном Ленинграде начинает работать единственное гуманитарное высшее учебное заведение — Педагогический институт им. Герцена, Л.П. с энтузиазмом принимается за любимое дело воспитания молодых советских педагогических кадров в качестве профессора, заведующего кафедрой и декана литературного факультета. Но работа в тяжелых условиях была не под силу уже подорванному здоровью, и зимой 1944 г. болезнь приковала его к постели. Оправившись за лето, Л.П. осенью 1944 г. опять принимается за любимую работу. Будучи не в силах передвигаться по городу, он ведет специальный семинар со студентами ЛГУ и консультирует аспирантов на дому.

С открытием Института русского языка Академии наук СССР осенью 1944 г. Л.П. привлекается к работе Института в качестве старшего научного сотрудника...» (Якубинская-Лемберг, 1949: 7).

23 августа 1945 г. Лев Петрович Якубинский скончался. Многие его рукописи были опубликованы посмертно (см.: Якубинский, 1986: 15). В этом огромная заслуга его вдовы Эрики Антоновны, известного слависта и финноугроведа (Эрика Антоновна родилась в 1895 г. в Эстонии и скончалась 16 мая 1961 г. в Ленинграде).

В дальнейшей части нашего очерка мы осветим взгляды Л.П.Якубинского по двум основным вопросам: 1. Теория поэтической речи и концепция функционального многообразия речевых проявлений; 2. Языковая политика.

1. Уже в первой работе Якубинского по теории поэтической речи, статье «О звуках стихотворного языка», четко изложена общая для ОПОЯЗа на раннем этапе его развития идея функциональной противоположности практического и поэтического языков. Ее можно найти и во многих других публикациях того времени, например у Р.О.Якобсона; позже она сменилась более общей идеей функционально-речевых вариантов общего языка, выступающей в наиболее законченной форме в работах членов Пражского лингвистического кружка. По мысли Якубинского, при «стихотворном языковом мышлении», в отличие от практиче-

¹ Он был предназначен для студентов первого курса ЛГПИ им. А.И.Герцена. Сохранилось два раздела — о происхождении языка и о родстве языков (первый из них опубликован в сборнике избранных работ Якубинского. — *А.Л.*)

ского, звуковая сторона речи «всплывает в светлое поле сознания» и вызывает специфическое эмоциональное отношение к себе. Этот тезис несколько упрощает реальное положение вещей, – трудно предположить, что в процессе поэтического творчества поэтом осознается звуковая сторона речи (см.: Эткин, 1998). Однако привлекает внимание подчеркнутая Якубинским мысль об эмоциональном единстве стихотворения, что в значительной мере противоречит априорной идее «самоценности» слова и сближает Якубинского с более поздними, в том числе современными, исследованиями в области поэтики, исходящими из представления о единстве содержательной и звуковой сторон произведения.

В более поздних статьях Л.П. привлекает к анализу и «непоэтический» материал – имена собственные, песенные припевы, детскую речь, «речения» сектантов, патологию речи у душевнобольных). Начинает возникать мысль о том, что «самоценность» звука характерна не только для стихотворной речи. Наконец, в рецензии на книгу В.М.Жирмунского «Композиция лирических стихотворений» Якубинский приходит к следующим основным выводам: а) нет «языка вообще», есть разные «языки»; б) «практический язык» – это целый ряд функционально различных образований, в том числе, например, разговорная и научная речь; в) в стихотворных произведениях мы имеем не только поэтическую речь, но сложный конгломерат различных функциональных разновидностей речи. Таким образом, здесь уже полностью преодолено одностороннее противопоставление «практического языка» и «поэтического языка» – и не случайно Якубинский говорит не о различных «языках», а о различных видах *речи*.

Эта позиция глубоко разработана и развита в знаменитой статье «О диалогической речи». Здесь следует обратить внимание прежде всего на употребляемый Якубинским термин «речевая деятельность человека», по-видимому, как термин, появляющийся в отечественной научной литературе впервые. (Обычно его связывают с именем Л.В.Щербы, в частности, с его известной статьей 1931 г. «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании».) Правда, понимание соотношения психологического (приравниваемого к биологическому) и социального начала в человеческом поведении (деятельности; даже в самой психологии эти понятия до конца 20-х годов не разграничивались) в этой работе традиционное и ныне абсолютно устаревшее; однако принципиально важна постановка вопроса о различных неязыковых факторах, «функци-

ей которых является человеческая речь», и возникающем благодаря им функциональном многообразии речи.

В этой статье Якубинский вводит разграничение условий общения, формы общения и целей общения, не потерявшее научной значимости и доныне. Он также одним из первых дал четкое и последовательное описание устного и письменного языка, монологической и диалогической речи с позиций общей теории речевого поведения (в современной науке обычно говорят о «теории речевой деятельности» или «теории речевой коммуникации»), (см.: Леонтьев, 1974).

Идеи Якубинского в работе «О диалогической речи» во многом перекликаются с позициями М.М.Бахтина и его школы (см. их изложение в: Леонтьев, 2001). Их дальнейшее развитие связывается В.Гирке и Г.Яхновым с работами А.А.Холодовича и автора настоящего очерка (Girke u. Jachnow, 1974: 149).

Якубинский едва ли не первым поставил в данной статье вопрос о роли мимики и жеста в речевом общении, о поведенческих («бытовых») и речевых стереотипах. Особенно интересно, в том числе с точки зрения современной психологии, положение Якубинского о «вторично-автоматических деятельности, возникающих из сознательных путем повторения, упражнения и привычки» (ср. понятие интериоризации в школе Л.С.Выготского).

2. Еще в 1916 г. Якубинский связывал многообразие языковых явлений с целями речи, а в 1919 г. он упоминал о связи функциональных многообразий речи с целями речи в программе курса «Эволюция речи», читанного в Институте живого слова (Якубинский, 1919). Ориентация на цели общения ясно выступает в начале 20-х годов и у других лингвистов, в особенности Г.О.Винокура: «Поскольку говорить о стиле, необходимо становиться на телеологическую точку зрения...; не доказано еще, что лингвистика чужда телеологии. Наоборот, можно доказать обратное» (Винокур, 1923: 240).

В связи с этой общей теоретической идеей стоит общая у Якубинского с другими авторами начала 20-х годов концепция технологии речи. С.М.Третьяков писал в журнале «ЛЕФ»: футуристы хотят, чтобы *«массы стали полными хозяевами своего языка и могли бы сообразно задачам пользования им находить те формы, которые являются для каждого данного случая наиболее целесообразными»* (Третьяков, 1923: 161). Якубинский еще более определенно говорил о необходимости создания специальной дисциплины, занимающейся активной организацией целесооб-

разной речи. «Технология речи — вот то, что должно родить из себя современное научное языкознание, что заставляет его родить действительность» (Якубинский, 1924: 71—72). Сходную мысль находим в «Очерках по языку»: «...История русского языка *продолжается*, она и сейчас осуществляется на наших глазах... Современный русский язык не свод различных *установившихся, застывших* правил., а непрерывный *процесс*, непрерывное *движение*. Мы должны научиться понимать законы этого движения для того, чтобы им руководить и быть сознательными строителями *той истории, которая предстоит русскому языку в будущем*» (Иванов и Якубинский, 1932: 41).

Отсюда само понятие языковой политики. Она определяется Якубинским как «сознательное вмешательство класса в развивающийся языковой процесс, сознательное руководство этим процессом» (Иванов и Якубинский, 1932: 37). Критика Якубинским Соссюра покоится как раз на положении, что Соссюр «мыслит возможность познания языка лишь путем рефлексии, созерцания со стороны, забывая о субъекте языка, коллективе» (Якубинский, 1986: 81); Соссюр рассматривает говорящих как инертную и консервативную массу, в то время как тот или иной класс в той или иной общественно-исторической ситуации может выступать либо как активная, либо как инертная сила. «Так, в Чехии в начале XIX в. национальная буржуазия была настолько не инертна, что инициатива «специалистов» по преобразованию чешской лексики могла вполне проявиться и дала весьма осязательные результаты» (Якубинский, 1986: 80). Естественно, в условиях СССР речь идет о «языковой политике пролетариата», но она «есть лишь часть общей его политики, осуществляемой в генеральной линии партии» (Иванов и Якубинский, 1932: 172)...

Эта позиция Якубинского, разумеется, связана с переоценкой возможностей сознательного вмешательства в язык, вообще характерной для советского языкознания 20—30-х годов. Точно так же переоценивалась тогда и возможность воспитания «нового человека», чем грешил даже такой замечательный психолог, как Л.С.Выготский.

Лев Петрович Якубинский был в полном смысле человеком своей эпохи. Он всегда шел в авангарде научной мысли своего времени. Вместе со всей советской лингвистической наукой он пережил ее взлеты и временные заблуждения. Он был убежденным марксистом и настоящим ученым, высоким профессионалом в науке и в то же время — прирожденным педагогом и видным организатором. Наконец, он был филологом пре-

красной школы, в то же время хорошо владевшим почти всем кругом наук о человеке и обществе.

Без работ Якубинского трудно представить себе историю не только советского, но и мирового языкознания.

Литература

- Алпатов В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. – М., 1991. – 240 с.
- Аптекарь В.Б., Быковский С.Н.* Современное положение на лингвистическом фронте и очередные задачи марксистов-языковедов // Изв. Гос. акад. материал. культуры. – Л., 1931. – Т. 10, вып. 8/9. – 47 с.
- Винокур Г.О.* Футуристы – строители языка // ЛЕФ. – 1923. – № 1. – С. 204–213.
- Иванов А., Якубинский Л.* Очерки по языку для работников литературы и для самообразования. – Л.; М., 1932. – 182 с.
- Ленинградский институт истории литератур и языков Запада и Востока РАНИОН. Хроника // Литература и марксизм: Журн. теории и истории лит. Б.м., 1928. Кн. 2. – С. 147–150.
- Леонтьев А.А.* Деятельный ум: (Деятельность, знак, личность). – М., 2001. – 380 с.
- Леонтьев А.А.* Жизнь и творчество Л.П.Якубинского // Л.П.Якубинский. Избранные работы: Язык и его функционирование. – М., 1986. – С. 4–12.
- Леонтьев А.А.* И.А.Бодуэн де Куртенэ и Петербургская школа русской лингвистики // Вопр. языкознания. – М., 1961. – № 4. – С. 116–124.
- Леонтьев А.А.* Функции и формы речи // Основы теории речевой деятельности. – М., 1974. – С. 241–254.
- Макаев Э.А.* Общая теория сравнительного языкознания. – М., 1977. – 205 с.
- Марр Н.Я.* Предисловие // Языковедные проблемы по числительным: Сб. ст. – Л., 1927. – Ч. 1. – С. V–XIII.
- Третьяков С.* Трибуна ЛЕФа // ЛЕФ – 1923. – № 3. – С. 154–164.
- Улуханов И.С.* О языке древней Руси. – М., 1972. – 135 с.
- Филин Ф.П.* О двух направлениях в языкознании // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М., 1948. – № 6. – С. 486–496.
- Эткинд Е.Г.* Материя стиха. – СПб., 1998. – 506 с.
- Якубинская-Лемберг Э.А.* Проф. Л.П.Якубинский: (Некролог) // Учен. зап. Ленингр. Унта. Сер. филол. наук. – Л., 1949. – Вып. 14, № 97. – С. 3–7.
- Якубинский Л.П.* Избранные работы: Язык и его функционирование. – М., 1986. – 208 с.

- Якубинский Л.П.* О снижении высокого стиля у Ленина // ЛЕФ. – 1924. – № 1(5). – С. 71–80.
- Якубинский Л.П.* Программа курса лекций: Эволюция речи // Зап. Ин. живого слова. – Пг., 1919. – С. 85–86.
- Girke W., Jachnow H.* Sowjetische Soziolinguistik: Probleme u. Genese. – Kronberg, 1974. – 218 S.

Основные работы Л.П.Якубинского

- Иванов А., Якубинский Л.* Очерки по языку для работников литературы и для самообразования. – М.; Л., 1932. – 182 с.
- Якубинский Л.П.* История древнерусского языка. – М., 1953. – 368 с.
- Якубинский Л.П.* Избранные работы: Язык и его функционирование. – М., 1986. – 208 с. (Там же – С. 13–15 – список научных работ Л.П.Якубинского, с. 16 – важнейшие рукописи и важнейшие работы о Якубинском).

Основные работы о Л.П.Якубинском

- Ахунзянов Э.М.* Лев Петрович Якубинский // Рус. речь. – М., 1975. – № 2. – С. 102–108.
- Булахов М.Г.* Якубинский Лев Петрович // Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды. – Минск, 1978. – Т. 3. – С. 312–317.
- Виноградов В.В.* Проф. Л.П.Якубинский как лингвист и его «История древнерусского языка» // Якубинский Л.П. История древнерусского языка. – М., 1953. – С. 3–40.
- Дмитриев С.И.* Лингвистика и поэтика // Родной яз. в шк. – М., 1924. – Кн. 5. – С.24–25.
- Леонтьев А.А.* Жизнь и творчество Л.П.Якубинского // Якубинский Л. П. Избранные работы: Язык и его функционирование. – М., 1986. – С. 116–124.
- Леонтьев А.А.* И.А.Бодуэн де Куртенэ и Петербургская школа русской лингвистики // Вопр. языкознания. – М., 1961. – № 4. – С. 116–124.
- Леонтьев А.А.* Функции и формы речи // Основы теории речевой деятельности. – М., 1974. – С. 241–254.
- Якубинская-Лемберг Э.А.* Проф. Л.П.Якубинский: (Некролог) // Учен. зап. Ленингр. ун-та. – Сер. филол. наук. – Л., 1949. – Вып.14, № 97. – С. 3–7.

Булаховский Л.А. Рец. на кн.: Якубинский Л.П. История древнерусского языка. — М., 1953. — 368 с. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — М., 1953. — Т. 12, Вып. 6. — С. 555–561.

То же: *Василенко И.А.* // Рус. яз. в шк. — М., 1954. — № 1. — С. 76–80.

То же: *Ломтев Т.П.* // Вопр. языкознания. — М., 1953. — № 6. — С. 120–128.

То же: *Немировський М.Я.* // Укр. мова в шк. — Київ, 1953. — №. — С. 75–78.

А.М. Кузнецов
ВИКТОРИЯ НИКОЛАЕВНА ЯРЦЕВА

В.Н. Ярцева [2110 (3.11) 1906 – 27.09.1999] – выдающийся российский ученый-филолог, родилась в Санкт-Петербурге в семье инженера путей сообщения. За более чем 60-летнюю творческую деятельность ею были опубликованы более 350 работ (из них шесть монографий), относящихся к области германской филологии, кельтологии, общего, сравнительно-исторического и типологического языкознания, В них разрабатывались проблемы исторической грамматики английского языка, истории становления английского национального литературного языка, вопросы контрастивной грамматики, типологии, лингвистических универсалий, исторической диалектологии, методологии языковедения.

«Научная судьба В.Н.Ярцевой, масштабность ее многогранной творческой деятельности, огромный вклад в развитие гуманитарных наук, прежде всего лингвистики, высокий авторитет в отечественном и зарубежном языкознании представляют собой уникальное явление в современном научном мире. В.Н.Ярцева как личность исключительно деятельная и творческая, обладавшая оригинальным исследовательским даром и научной интуицией, огромным организаторским талантом, неутомимой энергией и неиссякаемой творческой инициативой, мудрой рассудительностью и богатейшим жизненным опытом, несомненно, относилась к лидерам гуманитарных наук, С ее именем связано развитие ряда направлений в современной лингвистике, продвижение многих новаторских идей, осуществление ряда крупных научных проектов, включая масштабные научно-организационные мероприятия, В непосредственном общении с нею складывалась научная судьба многих языковедов разных поколений и разных специальностей» (Предисловие, 2000:7).

В.Н. Ярцева пришла в филологию, по современным представлениям довольно поздно, в возрасте 23 лет поступив на факультет иностранных языков Ленинградского государственного педагогического института имени А.И.Герцена. За время учебы в институте (1929—1933) она изучала английский язык и литературу и защитила дипломную работу на тему «Язык пьес Бернарда Шоу». На факультете иностранных языков «в начале 1930-х годов еще сохранялись традиции и дух нефилологического факультета, задуманного и созданного в свое время основателями этого института. На отделении преподавали выдающиеся ученые (В.М.Жирмунский, В.А.Брим, Б.А.Кржевский) и тонкие знатоки древних и новых языков Европы, обеспечивавшие высокий уровень филологической подготовки студентов. Непосредственными учителями В.Н.Ярцевой были известные ученые-англисты — Б.А.Ильиш и Е.И.Клименко, ставшие затем ее товарищами по работе и друзьями» (Десницкая, 1981: 551).

По окончании института В.Н.Ярцева оказалась перед выбором — оставаться в ЛГПИ им. А.И.Герцена на преподавательской работе или поступать в аспирантуру Ленинградского научно-исследовательского института языкознания. И хотя выбор пал на аспирантуру, Виктория Николаевна всегда успешно сочетала сугубо научное творчество с педагогической деятельностью, о чем будет сказано ниже.

В годы учебы в аспирантуре (1933—1936) ее учителями были замечательные филологи — акад. В.Ф.Шишмарев, акад. В.М.Жирмунский, член-корр. АН СССР Н.Д.Дмитриев. Непосредственным руководителем В.Н.Ярцевой, как и других германистов, был В.М.Жирмунский, развивавший и поощрявший в своих учениках дух творческой инициативы, научных дерзаний, и в то же время погружавший их в море конкретных фактов истории германских языков и литератур. Благодаря В.М.Жирмунскому В.Н.Ярцева получила широкую и разностороннюю подготовку в области германской филологии, древнегерманских языков (готский, древнеисландский, древнесаксонский, древневерхненемецкий; древнеанглийский), сравнительно-исторической грамматики германских языков, Под руководством акад. В.Ф.Шишмарева В.Н.Ярцева сдала кандидатский минимум по романистике, занималась с ним старофранцузским языком.

Особенно большую роль в научном росте В.Н.Ярцевой, как и ряда других советских языковедов ее поколения, сыграли Ленинградский институт речевой культуры, возглавлявшийся Л.П.Якубинским, и Инсти-

тут языка и мышления АН СССР, руководителем которого был И.И.Мещанинов. Значение этих институтов (частично сменявших друг друга на протяжении 1930-х годов) для сложения традиций советского языкознания — это одна из актуальных тем по истории советской науки, ожидающая еще своей разработки.

По словам А.В.Десницкой, одной из наиболее близких и давних коллег В.Н.Ярцевой, «все, кто имел возможность приобщиться к творческой атмосфере этих научных коллективов, не забудут тот дух оригинальных и свободных научных исканий, товарищеского общения выдающихся лингвистов с научной молодежью, живых дискуссий по актуальным проблемам языковедческой теории» (Десницкая, 1981: 551).

В развитии общелингвистического кругозора молодых ученых большую роль играл безвременно ушедший А.П.Рифтин. Активными участниками научной жизни названных институтов был ряд ученых: Л.В.Щерба, Б.А.Ларин, Д.В.Бубрих, Н.В.Юшманов, С.П.Обнорский и другие выдающиеся языковеды. Велика была роль талантливых руководителей — Л.П.Якубинского и И.Н.Мещанинова — генераторов научных идей и создателей творческой обстановки научных исканий. Велика была также роль молодых ученых, получавших научную подготовку в этих институтах, — из их круга вышли некоторые из старейшин советского языкознания. Характерно, что одним из обязательных элементов лингвистической подготовки было изучение, помимо языков основной специальности, какого-либо языка иной структуры, что в высшей степени содействовало выработке у молодых ученых широты подхода к языковым фактам. В этой связи уместно напомнить, что В.Н.Ярцева получила в свое время очень серьезную подготовку в области тюркологии — сперва под руководством Н.К.Дмитриева (в Институте речевой культуры), а затем под руководством С.Е.Малова (в Институте языка и мышления).

В 1936 г. В.Н.Ярцева защитила кандидатскую диссертацию на тему «Развитие сложноподчиненного предложения в английском языке». Диссертация была написана под непосредственным научным руководством В.М.Жирмунского, и вполне естественно, что в постановке и решении поставленных проблем не могли не отразиться взгляды и пристрастия ее научного руководителя. Но не только они. В отечественной лингвистике тех лет ясно просматривалось стремление к поиску новых решений языковедческих проблем на основе исторического подхода к фактам языка, который всеми признавался как один из отправных мо-

ментов. В частности, в Институте речевой культуры заметно преобладал интерес к вопросам исторического синтаксиса, которые ставились в связи с проблемой развития национальных языков, а также к самой проблеме образования национальных языков и, соответственно, к вопросам характера и исторической специфики территориальных и социальных диалектов. В этом отношении сильное влияние оказывало направление научных интересов Л.П.Якубинского, В.М.Жирмунского и Б.А.Ларина. В Институте языка и мышления на первое место заметно выдвинулись вопросы исторической типологии структуры предложения, что определялось научными интересами И.И.Мещанинова, Д.В.Бубриха и целого ряда молодых ученых. Вопросы эти решались на материале различных языков, частично с использованием метода сравнительно-исторического языкознания. В 40-е годы отчетливо выявился интерес также к общим проблемам синтаксиса. Все эти направления лингвистического исследования оказались определяющими для сложения научных интересов В.Н.Ярцевой и получили отражение в опубликованных ею трудах.

Формирование научного мировоззрения В.Н.Ярцевой продолжалось и в годы обучения в докторантуре (1937–1940). Под руководством акад. И.И.Толстого В.Н.Ярцева изучала древнегреческий язык. Чл.-кор. АН СССР С.Я.Малов преподавал историю тюркских языков, на его занятиях Виктория Николаевна изучала узбекский, казахский, татарский языки, а также тюркские языки народов Сибири, язык древних рун (орхонские тексты). В семинарах, которые вел акад. Л.В.Щерба, В.Н.Ярцева изучала общую и экспериментальную фонетику, сравнительную грамматику славянских языков. Своими познаниями в области кельтологии В.Н.Ярцева обязана проф. ЛГУ А.А.Смирнову; под руководством акад. И.И.Мещанинова Виктория Николаевна изучала языки инкорпорирующего строя, в частности языки американских индейцев (Северной Америки). Наконец, занятия сравнительно-исторической грамматикой индоевропейских языков с проф. Р.О.Шор в 1937–1938 гг., обусловили научный интерес В.Н.Ярцевой к истории лингвистических учений.

Разносторонняя филологическая, и в частности лингвистическая, подготовка позволила В.Н.Ярцевой проводить лингвистические исследования на широкой типологической основе. В докторской диссертации «Развитие английского глагола», которую Виктория Николаевна защитила в 1940 г., сопоставляются германские и тюркские языки. (Публикации диссертации помешала начавшаяся Великая Отечественная война.)

Параллельно с занятиями в аспирантуре, а затем в докторантуре В.И.Ярцева постоянно вела обширную педагогическую деятельность, читала курсы лекций в ЛГПИ им. А.И.Герцена и ЛГУ по сравнительно-исторической грамматике германских языков, английской филологии, истории лингвистических учений, не оставляя при этом научно-исследовательской работы в Институте языка и мышления им. Н.Я.Марра АН СССР.

Находясь в эвакуации в 1941—1943 гг. в Свердловске, В.Н.Ярцева возглавляла кафедру иностранных языков Уральского государственного университета им. А.М.Горького. После возвращения из эвакуации В.П.Ярцева продолжала педагогическую и научно-исследовательскую работу; читала курсы лекций в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков и одновременно работала в должности декана факультета английского языка, а кроме того, вела научную работу в секторе романо-германской филологии Института языка и мышления. В 50-е годы В.Н.Ярцева являлась заведующей кафедрой германской филологии в МГУ им. М.В.Ломоносова. Являясь профессором ЛГУ (1944—1952), она с 1948 г. заведовала там кафедрой английской филологии.

Следует особо сказать о том, что на протяжении 14 лет (1950—1964) В.Н.Ярцева работала в качестве профессора и заведующей кафедрой иностранных языков Управления подготовки научных кадров АН СССР. Дело в том, что это учреждение не «кафедра» в университетском значении этого слова, а особое учебное заведение, созданное в рамках АН СССР, где проходят языковую подготовку аспиранты и стажеры всех научных учреждений АН СССР всех специальностей — от философов до математиков. О тех годах, когда это учреждение возглавляла В.Н.Ярцева, педагоги старшего поколения до сих пор вспоминают с особой теплотой и благодарностью.

Педагогическая и научно-организационная деятельность велась В.Н.Ярцевой вплоть до 1952 г. одновременно в двух городах — Москве и Ленинграде. В течение многолетней преподавательской работы Виктория Николаевна продолжала и развивала традиции своих учителей. Ее теоретические курсы по истории и грамматике германских языков, истории лингвистических учений отличались глубиной филологического подхода. Под руководством В.Н.Ярцевой выросло не одно поколение советских лингвистов, специалистов по германистике, кельтологии, типоло-

гии, сравнительно-историческому и сопоставительному языкознанию и др.

В 1954–1988 гг. В.Н.Ярцева возглавляла сектор германских языков Института языкознания АН СССР. С 1964 г. В.Н.Ярцева – заместитель директора, а в 1968 г. она становится директором Института языкознания АН СССР и с успехом исполняет эти ответственные обязанности в течение десяти лет (до 1977 г.). В связи с этим следует упомянуть весьма интересную подробность ее директорства: В.Н.Ярцева никогда не была членом КПСС – случай редкостный (если не уникальный) в истории советской «номенклатурной» науки. Убежден, что в этом факте, как в капле воды, нашли отражение не только высочайший научный авторитет В.Н.Ярцевой, но и ее качества как неформального лидера творческого коллектива. С 1988 г. и до своей кончины Виктория Николаевна исполняла обязанности советника при дирекции Института языкознания.

Научно-организационная деятельность В.Н.Ярцевой весьма многогранна. В течение ряда лет она была членом бюро Отделения литературы и языка АН СССР, научным руководителем группы «Языки мира», главным редактором журнала «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», членом редакционных коллегий журналов «Вопросы языкознания», «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», реферативных журналов «Общественные науки в СССР» и «Общественные науки за рубежом» по серии «Языкознание».

Особенно значимы заслуги В.Н.Ярцевой в координации деятельности ученых-лингвистов по исследованию теоретических вопросов языкознания. Она руководила Научным советом «Языки мира» РАН. В 1968 г. она была избрана членом-корреспондентом АН СССР.

В.И.Ярцева в течение многих лет возглавляла делегации советских ученых на международных лингвистических конгрессах, конференциях и симпозиумах, неоднократно выступала с лекциями и докладами за рубежом. Виктория Николаевна была избрана членом Саксонской академии наук в Дрездене. За большие заслуги в научной, педагогической и общественной деятельности награждена орденами Трудовой Красного Знамени, «Знак Почета» и многими медалями. Таковы в самых общих чертах основные вехи жизни и творчества В.Н.Ярцевой.

При попытке охарактеризовать научные поиски и находки В.Н.Ярцевой в различных областях лингвистики невольно возникает ощущение необозримости и многообразия всею, что было сделано этим крупным ученым за ее долгую и чрезвычайно продуктивную жизнь в нау-

ке. Учитывая ограниченность объема настоящей статьи, остановимся только на основных и наиболее значимых направлениях научной деятельности В.Н.Ярцевой.

Как мы уже отмечали, первые работы В.Н.Ярцевой были посвящены историческому развитию сложноподчиненного предложения в английском языке. В 40-е годы круг занимавших ее вопросов истории грамматического строя английского языка заметно расширился. При этом особенно ярко выявилась оригинальность и новизна не только в выборе тем, но и в подходе к их разработке, существенно отличавшихся от подходов, характерных для традиционной англистики – прежде всего в соединении принципов системности и историзма. Нетрадиционный взгляд В.Н.Ярцевой на факты английской грамматики особенно ярко обнаружился в ее блестящей статье «Категория активности и пассивности в английском языке» (1946), в которой целый ряд внешне как бы различных явлений был объяснен как результат действия единой общей закономерности. Оригинальность и новизна подхода были характерны также для статей, посвященных характеру словосочетания в английском языке (1947), свободному и связанному дополнению (1948) и др.

Серия исследований, посвященных историческим процессам сложения грамматической структуры современного английского языка, увенчалась в 1960–1961 гг. опубликованием монографий. «Историческая морфология английского языка» (1960) и «Исторический синтаксис английского языка» (1961), представляющих собой значительный вклад не только в изучение данного языка, но и в общую теорию диахронии.

В «Исторической морфологии английского языка», в частности, было показано, что типичной чертой древнеанглийского языка являются обширные, группирующиеся вокруг одной и той же корневой морфемы, объединения слов. Новой чертой в среднеанглийский период явился распад больших этимологических рядов, при котором слова, группировавшиеся раньше вокруг одной корневой морфемы, либо частично вымерли как лексемы, либо настолько разошлись вследствие фонетических и семантических изменений, что уже не объединялись вместе естественным путем.

Изменения, совершавшиеся в морфемах, могли быть связаны с звуковыми закономерностями языка. Типичным для древнеанглийского является большое разнообразие звуковых чередований в корневых морфемах, а также относительно большая частотность некоторых из этих чередований. Это связано с функциональной нагрузкой и дифференци-

рующей ролью чередований при передаче различных лексико-грамматических и грамматических значений. Хотя сам прием чередования звуков сохраняется в среднеанглийском языке, однако существенно меняются отношения между морфемами, некогда связанными между собой рядами чередований. Таким образом, «новым в среднеанглийский период является иное распределение корневых морфем с чередованием гласных, в частности, распределение морфем с чередованием по лексико-грамматическим разрядам. Тенденция к уравниванию звукового состава корневых морфем приводит в отношении грамматической структуры слова к новым связям на основе равенства звукового типа и функционального отличия слов, определяемого не строением основы, а строением парадигмы. Это оказалось возможным в результате большого количества омонимичных форм, нараставших как внутри каждой парадигмы, так и при сопоставлении различных парадигм, характеризующих части речи» (Ярцева, 1960: 173–174).

В монографии обращено внимание на то, что для строя древнеанглийского языка характерным являлось формообразование, основанное на синтетических приемах выражения грамматических значений. Новым в формообразовании среднеанглийского периода явилось исчезновение вариантности основ в пределах парадигмы, большая омонимичность как внутрипарадигматическая, так и между парадигмами, сжатость парадигмы в отдельных лексико-грамматических разрядах (резкое уменьшение противопоставляемых форм в парадигме существительного) и развитие аналитических средств передачи грамматических значений.

В.Н.Ярцева особо подчеркивает необходимость при исследовании грамматических категорий различать категории «собственные» и «несобственные». К первым принадлежат в древнеанглийском языке категории числа и падежа существительного; с другой стороны, эти же категории для прилагательного выступают как «несобственные», поскольку возникают лишь как результат согласования прилагательного с существительным в атрибутивных словосочетаниях. Как показывает дальнейшая история английского языка, категории «несобственные» легко разрушаются, и прилагательное очень быстро утрачивает формообразование в позднем среднеанглийском, становясь по существу неизменяемым. Кроме того, здесь тонко подмечено различие сходных на первый взгляд явлений так называемой «сопряженности» грамматических категорий, с одной стороны, и явлений «синтезирования» — другой.

«Синтезирование» состоит в том, что хотя один и тот же формант передает ряд грамматических значений, что, например, мы находим в случае передачи категории лица и числа в глаголе, но эти грамматические значения независимы одно от другого и внутренне между собой никак не связаны. При «сопряженности» грамматических значений, как, например, значения вида и времени или времени и наклонения у глагола, обнаруживается взаимозависимость и взаимопроникновение грамматических значений. Например, категория вида в английском языке передается посредством временных форм и развивается вместе с этими последними. «При историческом исследовании языка учет “сопряженности” грамматических категорий существен потому, что на базе одних грамматических значений и форм их выражения могут развиваться другие» (Ярцева, 1960: 175).

Подводя итог, В.Н. Ярцева приходит к заключению, что обновление морфологической системы английского языка, начиная со среднеанглийского периода, в основном было связано с интенсивным развитием аналитических форм глагола. Генетически «все аналитические формы глагола представляют собой результат грамматизации составного глагольного сказуемого, и лишь с того момента, когда аналитические формы составляют парадигматический ряд, они выпадают из поля зрения синтаксиса и включаются в морфологию» (Ярцева, 1960: 176).

В «Историческом синтаксисе английского языка» показано, что «развитие синтаксического строя тесно связано с изменениями в сфере морфологии английского языка, в первую очередь в области строения парадигмы изменяемых частей речи. Соответственно происходит перераспределение роли, места и функций различных приемов выражения синтаксических отношений» (Ярцева, 1961: 284).

В древнеанглийском прием согласования был широко распространен в словосочетаниях различного типа. В современном английском языке согласование осталось исключительно в области отношений подлежащего и сказуемого и дает различие в пределах категории числа. Специфика согласования, как прием выражения синтаксических отношений, состоит в том, что оно находит себе морфологическое отражение в обоих членах словосочетания. Иными словами, форму единственного или множественного числа имеют оба члена, синтаксически связанные между собой. Прием управления значительно сузил границы своего применения в современном английском языке по сравнению с древнеанглийским. В отличие от приема согласования управление характеризуется тем, что

морфологически отражено только в одном из членов словосочетания, иногда называемом грамматистами «управляемым членом». Иными словами, в словосочетания «определение + определяемое», когда это определение выражено формой притяжательного падежа, морфологически оформлено именно это последнее, в то время как главный член словосочетания — определяемое — подобного отражения не имеет.

Говоря о том, что управление сузило границы своего применения, автор имеет в виду прежде всего то, что при упрощении падежной системы разнообразие косвенных (зависимых) падежей сократилось. По существу управление осталось в современном английском языке в сфере определительно-притяжательного комплекса, так что вряд ли можно говорить о приеме управления, что делают некоторые грамматисты в отношении связи глагола и его дополнения.

Чрезвычайно возрастает роль примыкания, как средства передачи синтаксической связи. Следует различать примыкание как средство синтаксической связи, и вопросы взаиморасположения членов словосочетания. Во все периоды истории развития строя английского языка наблюдалось контактное или дистантное положение членов словосочетания, однако и при контактном расположении членов словосочетания примыкание, как синтаксический прием, могло не иметь места, так как отношения внутри словосочетания могли быть переданы другими средствами. «Только в тех случаях, когда контактное расположение членов словосочетания оказывалось единственной формой выражения смысловой связи между ними, можно говорить о примыкании как особом приеме. В этом отношении именно в современном английском языке примыкание получает господствующее положение среди других средств передачи синтаксических отношений» (Ярцева, 1961: 285).

В целом в истории английского языка чрезвычайно существенными оказываются процессы грамматизации одного из членов словосочетания, так как это приводит к созданию аналитических форм, меняющих и сам тип парадигматического строения частей речи в английском языке. Таким образом выявляется тесное межуровневое взаимодействие явлений морфологии и синтаксиса.

Принцип системности является одним из центральных в научном мировоззрении В.Н.Ярцевой. Этот принцип особенно ярко проявился в ее морфологических исследованиях; его последовательное применение позволило по-новому осветить многие факты английской морфологии и показать как системные характеристики, присущие каждому отдельному

историческому периоду, так и разрушительные тенденции внутри системы, приводящие к ее смене.

Уже в своих ранних работах В.Н.Ярцева подчеркивала значимость исследования грамматической синонимии, которая в то время почти не привлекала внимания исследователей. В трактовке В.И.Ярцевой синонимия выступает не только как проявление способности языка использовать разнообразие форм для выражения одного и того же значения, но и как способность языков создавать новые средства для выражения тончайших семантических различий.

Пристальное внимание не только к формальной, но и семантической стороне языкового знака проявляется также в подходе Викторией Николаевны к служебным словам. Уже в работах 40-х годов она показала, что особенности семантики связочных глаголов в английском языке нельзя сводить к чисто грамматическим функциям.

Наряду с исследованием морфологического и синтаксического строя английского языка в разные исторические периоды В.Н.Ярцева много и успешно работала над проблемами формирования и развития английского литературного языка. Данным проблемам посвящены две ее монографии: «Развитие национального литературного английского языка» (1969) и «История английского литературного языка IX–XV веков» (1985), которые удачно дополняют друг друга и содержат многообразный материал из области внешней и внутренней истории английского языка. Развивая идеи отечественной германистики о литературном языке как одной из форм существования национального языка, В.Н.Ярцева раскрыла глубоко индивидуальные особенности истории английского литературного языка, становление которого происходило в процессе длительного и сложного взаимодействия с территориальными и социальными диалектами, а также существенных функциональных и жанрово-стилистических преобразований.

Благодаря тонким методикам анализа разнообразного языкового и культурологического материала ей удалось избежать жестких схем при описании отдельных исторических этапов и представить развитие литературной формы английского языка в виде действия разнонаправленных тенденций общего процесса. В частности, плодотворной оказалась идея сосуществования исторической преемственности и вместе с тем постоянного обновления языковой формы. Перспективность такого подхода убедительно продемонстрирована образцами тонкого анализа текстов,

относящихся к разным периодам истории формирования английского литературного языка.

Среди многочисленных проблем, к которым В.Н.Ярцева постоянно возвращалась на протяжении многих лет, особое место занимает контрастивно-сопоставительное описание языков с выходом в область синхронной и диахронической типологии. Этим проблемам посвящены многочисленные статьи, доклады и выступления.

Монография «Контрастивная грамматика» (1981) явилась в некоторых отношениях итоговым сочинением по данной проблематике, соединившим прикладные задачи контрастивного описания языков с рядом проблем общетеоретического плана, «поскольку именно контрастивная лингвистика является той зоной, где пересекаются пути теории и практики» (Ярцева, 1981: 4). В книге разрабатываются основополагающие принципы лингвистического сопоставления и подчеркивается, что контрастивное исследование должно содержать систематическое сравнение форм и значений единиц структуры сопоставляемых языков, исходя из предположения о существовании некоего базового сходства между языками при наличии дифференцирующих данные языки различий. Ввиду вышеуказанного обстоятельства одной из центральных задач контрастивного анализа должно быть избрание исходной меры сопоставления, того, что могло бы быть названо точкой отсчета различий между языками или базой их контрастивного сравнения.

Относительный успех контрастивных исследований в области фонетического уровня языков объяснялся естественностью выбора отправной базы анализа — артикуляционной основы анатомо-физиологической классификации звуков речи. Вместе с тем вышеуказанная отправная «точка отсчета», не включающая функциональных характеристик звуковых единиц языков, выявила и все недостатки одностороннего подхода к языку.

Двуязычные словари всегда содержат в зародышевом виде контрастивное сравнение лексических единиц избранных языков. Поэтому частные исследования по лексике долгое время походили на расширенные словарные статьи Развитие семиологии, как раздела лингвистической науки и, в частности, теория поля и методика компонентного анализа создают принципиально новую основу для лексико-семантического анализа контрастивного плана. Сложность контрастивных работ по грамматическому уровню языка и необходимость его детального изучения объясняются, во-первых, большой обнаженностью формальных характери-

стик этого уровня, затемняющих временами их семантическую сущность, во-вторых, давним (иногда излишним) влиянием логистических теорий, в-третьих, типологическим разнообразием языков мира.

Связи контрастивной лингвистики с другими областями лингвистической науки могут быть охарактеризованы как непосредственные и опосредованные. Непосредственную связь контрастивная лингвистика (и, в частности, контрастивная грамматика) имеет с типологией языков и во вторую очередь (через типологию) некоторый выход к теории лингвистических универсалий.

Понятие «языкового типа» столь же актуально для контрастивной грамматики, как и для типологии, однако кардинальное различие между общей типологией и контрастивной грамматикой состоит в том, что в то время как общая типология должна по идее оперировать с максимальным количеством разнообразных языков для извлечения общих и отдельных типологических характеристик, контрастивная грамматика имеет всегда дело с двумя языками (или, возможно, со многими языками, сравниваемыми попарно), с установкой на поиск на фоне сходства их различий. Опосредованные связи контрастивные исследования должны устанавливать с историко-генетическим изучением родственных языков, с психолингвистикой, могущей помочь в понимании коммуникативно значимых различий между языками, с различными аспектами социолингвистики, помогающей определить зоны расхождений между языками.

Фундаментальная теоретическая база, созданная В.Н.Ярцевой в контрастивистике и типологии, позволили ей приступить в 1978 г. к осуществлению грандиозного по масштабности задач и охвату материала издания «Языки мира». Этот труд был задуман Викторией Николаевной и ее ближайшими сотрудниками как энциклопедия, совмещающая в себе описание языков и диалектов мира с наиболее современными на тот период достижениями лингвистики, прежде всего бурно развивавшейся в 70-е годы типологии.

Появлению самих томов энциклопедии, посвященных уральским, монгольским, тунгусо-маньчжурским, палеоазиатским, иранским и другим языкам, предшествовала большая подготовительная и организационная работа — несколько всесоюзных совещаний и конференций, позволивших сформировать авторский коллектив для разработки типовой схемы статей энциклопедии. «Этот подготовительный этап сам по себе оказался важен для развития типологических исследований в России — по его результатам были изданы коллективные монографии, обобщающие ог-

ромную типологическую работу. В Институте языкознания было создано специальное структурное подразделение — группа «Языки мира», призванная осуществлять издание энциклопедии. Ее работой и руководила В.Н.Ярцева, в научной биографии которой энциклопедия «Языки мира» занимала очень важное место. «Сам проект «Языки мира», создаваемый на рубеже двух тысячелетий, стал уникальным в мировой лингвистической литературе, и он уже вошел в научные анналы как ярцевские «Языки мира» (Предисловие: 11).

Большую научную ценность представляет и другой крупный проект, во главе которого стояла В.Н.Ярцева как председатель редакционной коллегии — «Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия» (в трех томах; первый том вышел в 1997 г.).

С именем В.Н.Ярцевой неразрывно связано и другое фундаментальное издание в отечественном языкознании — «Лингвистический энциклопедический словарь» (1990). Как главный редактор Виктория Николаевна руководила работой огромного авторского коллектива, создававшего систематизированный свод знаний о человеческом языке, языках мира и языкознании как науке. Словарь стал первым энциклопедическим изданием, освещающим достижения отечественной и зарубежной лингвистики с позиций современной концепции языка. Это издание было отмечено Государственной премией.

Многие годы Виктория Николаевна была единственным кельтологом-лингвистом в нашей стране. Она опубликовала ряд статей по кельтологии, среди которых особое место принадлежит работе «Древнеириландский и другие кельтские языки в системе индоевропейских языков» (1940). В ней были показаны те особенности, которые выделяют кельтские языки среди других индоевропейских языков, а также высказана принципиально важная мысль о том, что такие инновации, как начальная позиция глагола в предложении, появление суффиговых местоимений, возникли в результате внутреннего развития, а не под влиянием какого-либо субстрата, как полагали другие ученые. Усилиями В.Н.Ярцевой кельтология обрела в нашей стране прочную научную базу и образовала самостоятельную нишу в индоевропейском языкознании.

Высокий научный авторитет Виктории Николаевны позволял ей даже в самые трудные для научного обмена годы поддерживать контакты и развивать сотрудничество с лингвистами США по линии Айрекса (IREX — International Research Exchange board: Совет по международ-

ному научному обмену при Совете познавательных обществ). В 80-е годы ею были организованы предварительные международные конференции по типологии, сравнительно-историческому языкознанию и семиотике, на которых гостями Академии были ведущие лингвисты мира — У.Леман, Р.Аустерлиц, Дж.Гринберг, Э.Поломе, В.Винтер, Т.Себеок, Я.Макиель и др.

В последние годы В.Н.Ярцева стала заместителем председателя Комиссии по истории филологических наук при ОЛЯ, которая осуществляет издание трудов крупнейших русских филологов. Именно за годы, когда Виктория Николаевна стала активно руководить комиссией, под ее редакцией в этой серии были изданы труды таких лингвистов, как П.М.Бицилли и Н.В.Крушевский.

«В.Н.Ярцева обладала счастливым свойством не только формулировать масштабные научные цели, но и добиваться их неуклонного осуществления, невзирая на обстоятельства. Как любила говорить она сама, любое научное мероприятие должно быть не только процессом, но и воплощаться в результат — научный текст, издание» (Предисловие: 13).

Приводимый ниже далеко не полный список трудов выдающегося российского лингвиста — яркое тому подтверждение.

Литература

- Десницкая А.В. Виктория Николаевна Ярцева: (К 75-летию со дня рожд.) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — М., 1981. — Т. 40, № 6. — С. 550–553.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В.Н. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 686 с.
- Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков: Пер. с англ. / Редкол.: Ярцева В.Н. и др. — М.: Изд-во иностр. лит., 1954. — 534 с.
- Предисловие // Язык: Теория, история, типология / Под ред. Н.С.Бабенко. — М: Эдиториал УРСС, 2000. — С. 7–13.
- Языки Российской Федерации и соседних государств: Энциклопедия / РАН. Ин-т языкознания. — М.: Наука, 2001. — Т. 1–3; Т. 1: А–И / Редкол.: Ярцева В.Н. (пред.) и др. — 432 с.
- Ярцева В.Н. Историческая морфология английского языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 194 с.
- Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — 308 с. — Библиогр.: с. 289–302.

- Ярцева В.Н. История английского литературного языка IX–XV вв. – М.: Наука, 1985. – 247 с. – Библиогр.: с. 240–245.
- Ярцева В.Н. Категория активности и пассивности в английском языке // Юбилейная научная сессия ЛГУ: Тез. докл. на секции филол. наук. – Л., 1946. – с. 33–44.
- Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. – М.: Наука, 1981. – 111 с. – Библиогр.: с. 108–110.
- Ярцева В.Н. Основной характер словосочетания в английском языке // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – М., 1947. – Т. 6, Вып. 6. – С. 501–508.
- Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. – М.; Наука, 1969. – 286 с. – Библиогр.: с. 277–285.
- Ярцева В.Н. Свободное и связанное дополнение в английском языке // Язык и мышление. – М., 1948. – Т. 11. – С. 406–409.

Основные работы В.Н.Ярцевой

- Ярцева В.Н.* Развитие сложноподчиненного предложения в английском языке. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1940. – 116 с.
- Ярцева В.Н.* Древнеирландский и другие кельтские языки в системе индоевропейских языков // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. – Л., 1940. – N 60, вып. 6. – С. 57–72.
- Ярцева В.Н.* Категория активности и пассивности в английском языке // Юбилейная научная сессия ЛГУ: Тез. докл. по секции филол. наук. – Л., 1946. С. 30–44.
- Ярцева В.Н.* Основной характер словосочетания в английском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М., 1947. – Т. 6, вып. 6. – С. 501–508.
- Ярцева В.Н.* Составное сказуемое и генезис связочных глаголов в английском языке // Тр. Воен. ин-та иностр. яз. – М., 1947. – N 3. – С. 29–47.
- Ярцева В.Н.* Свободное и связанное дополнение в английском языке // Язык и мышление. – М.; Л., 1948. – Т. 11. – С. 406–419.
- Ярцева В.Н.* Смешение лексики с грамматикой в «теории» Н.Я.Марра // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. – М., 1952. – Ч. 2. – С. 351–365.
- Ярцева В.Н.* Предисловие // Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков: Пер. с англ. / Редкол.: Ярцева В.Н. и др. – М.: Изд-во иностр. лит., 1954. – 534 с.
- Ярцева В.Н.* Предложение и словосочетание // Вопросы грамматического строя. – М., 1955. – С. 436–451.
- Ярцева В.Н.* Проблема реконструкции синтаксиса группы близкородственных языков // Научная сессия по вопросам германского языкознания, 27–30 нояб. 1956 г.: Тез. докл. – М., 1956. – С. 11–13.

- Ярцева В.Н.* О соотношении качественных и количественных изменений в языке // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. — М., 1958. — N 2. — С. 3—14.
- Ярцева В.Н.* Историческая морфология английского языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 194 с.
- Ярцева В.Н.* О сопоставительном методе изучения языков // Науч. Докл. высш. шк. Филол. науки. — М., 1960. — № 1. — С. 3—14.
- Ярцева В.Н.* Исторический синтаксис английского языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — 308 с. — Библиогр.: С. 289—302.
- Ярцева В.Н.* Сопоставительный анализ структуры слова в современных германских языках // Проблемы морфологического строя германских языков. — М., 1963. — С. 5—14.
- Ярцева В.Н.* О задачах сопоставительно-типологического изучения родственных языков // Вопросы общего языкознания. — М., 1964. — С. 54—60.
- Ярцева В.Н.* Роль лексики при синтаксическом анализе // Историко-филологические исследования. — М., 1967. — С. 214—222.
- Ярцева В.Н.* Развитие национального литературного английского языка. — М.; Наука, 1969. — 286 с. — Библиогр.: с. 277—285.
- Ярцева В.Н.* Языки мира — проблемы описания и классификации // Вестн. АН СССР. — 1971. — N 10. — С. 44—51.
- Ярцева В.Н.* Одна из главных задач языкознания // Будущее науки; Междунар. Ежегодник. — М., 1973. — Вып. 6. — С. 365—381.
- Ярцева В.Н.* Типология языков и проблема универсалий // Вопр. Языкознания — М., 1976. — N 2. — С. 6—16.
- Ярцева В.Н.* Именные формы глагола // Историко-типологическая морфология германских языков.: В 3-х т. — М., 1977—1978; — Т. 3: Именные формы глагола. Категория наречия. Монофлексия. — 1978. — С. 92—143.
- Ярцева В.Н.* Современная типология и ее связи с контрастивной лингвистикой // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. — М., — 1978. — № 5. — С. 6—15.
- Ярцева В.Н.* [Об издании энциклопедического труда «Языки мира: Докл. на заседании Президиума АН СССР] // Вестн. АН СССР. — М., 1979. — № 2. — С. 26—35.
- Ярцева В.Н.* «Языковой тип» среди сопредельных понятий // Теоретические основы классификации языков мира. — М., 1980. — С. 24—61.
- Ярцева В.Н.* Контрастивная грамматика. — М.: Наука, 1981. — 111 с. — Библиогр.: с. 108—110.
- Ярцева В.Н.* История английского литературного языка IX—XV вв. — М.: Наука, 1985. — 247 с. — Библиогр.: с. 240—245.
- Ярцева В.Н.* Теория и практика сопоставительного исследования языков. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — М., 1986. Т. 45, N 6. — С. 493—499.

- Ярцева В.Н.* Проблемы языкового варьирования: Истор. аспект / Языки мира. — М., 1990. — С. 5—35.
- Jartseva V.N. A syntactic typology of Indo-European languages: (With ref. to Celtic, Baltic a. Germanic lang.) // Reconstructing languages and structures / Ed. Polome E.C., Winter W. — Berlin; NY., 1992. — P. 185—216. — (Trends in linguistics: Studies a. monogr.; 58).

Основные работы о В.Н.Ярцевой

- Виктория Николаевна Ярцева: [Биогр. справка] // Наука и человечество: Междунар. ежегодник, 1975. — М., 1974. — С. 86.
- Гухман М., Миронов С. Виктория Николаевна Ярцева: (К 70-летию со дня рожд.) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — М., 1976. — Т. 35, № 6. — С. 564—566.
- Виктория Николаевна Ярцева: [К 70-летию со дня рожд.] // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. — М., 1976. — № 6. — С. 119—121.
- Кузнецов А.М. Ярцева Виктория Николаевна // Большая советская энциклопедия. — 3-е изд. — М., 1978. — Т. 30. — С. 560—561.
- Ярцева Виктория Николаевна // Советский энциклопедический словарь. — М., 1980. — Т. 2. — С. 1593.
- Виктория Николаевна Ярцева: [К 75-летию со дня рожд.] // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. — М., 1981. — № 6. — С. 92.
- Десницкая А.В. Виктория Николаевна Ярцева: (К 75-летию со дня рожд.) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — М., 1981. — Т. 40, N 6. — С. 550—553.
- Виктория Николаевна Ярцева: [К 80-летию со дня рожд.] // Научн. докл. высш. шк. Филол. науки. — М., 1986. — № 5. — С. 3.
- Ярцева Виктория Николаевна // Большой энциклопедический словарь. — М., 1991. — Т. 2. — С. 728.
- Предисловие // Язык: Теория, история, типология / Под ред. Бабенко Н.С. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — С. 7—13.